Цѣна 3 руб. 50 [illegible]

Ч. Диккенсъ.

Оливеръ Твистъ.

РОМАНЪ.

Съ 27 иллюстраціями Д. Магнея.

Полный переводъ **М. Д. Никоновой**

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ.

Центральный Книжный Складъ Т-ва «Кооперативное Издательство».

МОСКВА. Воздвиженка, 4.

ПЕТРОГРАДЪ. Стремянная, 6.

Оливеръ Твистъ
Записки Пиквикскаго клуба
Оливеръ Твистъ
Николай Никльби
Тяжелыя времена
Барнеби Реджъ
Мартинъ Чезльвитъ
Домби и сынъ
Давидъ Копперфильдъ
Холодный домъ
Крошка Дорритъ
Записки пут. по торгов. деламъ
Нашъ общій дру

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА.

Ч. ДИККЕНСЪ.

Оливеръ Твистъ.

РОМАНЪ.

Съ 27 иллюстраціями Д. Магонея.

Полный переводъ М. Д. Никоновой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва „НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА" (СПБ., Коломенская, 39).
1902

ГЛАВА I.

Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ родился Оливеръ Твистъ.

Въ одномъ городѣ — называть его по многимъ причинамъ неудобно, обозначать же какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ не стану—между разными другими общественными зданіями находилось одно, которымъ съ давнихъ поръ принято украшать города, большіе и малые, а именно Домъ Призрѣнія.

Въ этомъ-то домѣ родился тотъ смертный, чье имя стоитъ въ заглавіи этого повѣствованія, — какого числа, и въ которомъ году это случилось, мнѣ нѣтъ надобности говорить, такъ какъ для читателя это пока не представляетъ важности.

Долго еще послѣ того, какъ младенецъ былъ введенъ приходскимъ врачемъ въ этотъ міръ скорби и печали, оставалось подъ большимъ сомнѣніемъ, будетъ ли онъ носить какое бы то ни было имя. Въ случаѣ, если бы онъ не остался въ живыхъ, настоящее жизнеописаніе не появилось бы въ свѣтъ, а еслибъ и появилось, то ограничилось парой страничекъ и обладало бы однимъ неоцѣненнымъ достоинствомъ, а именно тѣмъ, что представляло бы образецъ самой сжатой и самой точной біографіи, какая когда-либо существовала въ литературѣ.

Я отнюдь не намѣренъ утверждать, что появленіе на свѣтъ въ Домѣ Призрѣнія — самый завидный и счастливый удѣлъ, какой можетъ выпасть на долю человѣческаго существа; тѣмъ не менѣе, я долженъ сказать, что въ данномъ случаѣ это было лучшее, что могло представиться для Оливера Твиста. Дѣло въ томъ, что ему съ большимъ трудомъ далось искусство дыханія, скучное, правда, но въ силу привычки сдѣлавшееся необходимымъ для нашего благополучнаго существованія. Нѣсколько времени онъ пролежалъ задыхаясь на маленькомъ жесткомъ тюфячкѣ, колеблясь между здѣшнимъ міромъ и загробнымъ; перевѣсъ рѣшительно склонялся въ пользу послѣдняго.

Еслибъ въ эти мгновенія Оливеръ былъ окруженъ заботливыми бабушками, встревоженными тетушками, опытными нянюшками, глубокомысленными докторами, его, безъ всякаго со-

мнѣнія, тогда же бы уморили. Но возлѣ него не было никого, кромѣ нищей старушки, у которой шумѣло въ головѣ отъ непривычной дозы пива, да приходскаго лекаря, присутствовавшаго здѣсь по обязанности службы. Поэтому Оливеру было предоставлено самому бороться съ природой, и вслѣдствіе этого онъ послѣ нѣкоторыхъ усилій вздохнулъ, чихнулъ и затѣмъ возвѣстилъ всѣмъ обитателямъ Дома о томъ, что новая обуза свалилась на приходъ, огласивъ комнату такимъ громкимъ крикомъ, какой только можетъ издавать ребенокъ мужескаго пола, получившій въ обладаніе этотъ полезный даръ—голосъ—не болѣе, какъ три съ половиной минуты тому назадъ,

Какъ только Оливеръ подалъ это первое доказательство. что его легкія въ порядкѣ и дѣйствуютъ исправно, заплатанное одѣяло, кое-какъ наброшенное на желѣзную кровать, зашевелилось, блѣдное, молодое женское лицо приподнялось съ подушки и слабый голосъ невнятно произнесъ: „Дайте мнѣ взглянуть на ребенка и умереть“.

Лекарь сидѣлъ у камина, лицомъ къ огню, и грѣлъ себѣ руки. Когда больная заговорила, онъ всталъ съ мѣста и подойдя къ изголовью постели сказалъ, съ такою добротой, какой нельзя даже было отъ него ожидать:

— О, вамъ еще рано говорить о смерти!

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани голубушку! — подхватила бабка, поспѣшно запрятывая въ карманъ зеленую стеклянную бутылку, къ которой она съ замѣтнымъ удовольствіемъ прикладывалась въ уголку. — Боже упаси! Вотъ, сударь, если поживетъ она, желанная, на бѣломъ свѣтѣ столько, какъ я, да будетъ у нея тринадцать человѣкъ дѣтей, всѣхъ то ихъ Богъ приберетъ, кромѣ двухъ,—и тѣ со мною въ Домѣ Призрѣнія,—тогда заговоритъ она иначе. Подумать-то, что значитъ быть матерью, ахъ ты, птенчикъ-то малый!

Эта утѣшительная будущность не произвела, однако, должнаго воздѣйствія на молодую мать. Больная покачала головой и потянулась къ ребенку. Лекарь положилъ ей на руки младенца. Она страстно прильнула холодными поблѣднѣвшими устами къ его лобику, провела руками по своему лицу, дико посмотрѣла кругомъ, вздрогнула, упала навзничь—и умерла. Ей пробовали растирать грудь, руки, виски, но кровь навѣки въ ней застыла. Ей говорили о надеждѣ, утѣшеніи,—и то, и другое было давно уже ей чуждо.

— Все кончено, мистриссъ Тингомми! сказалъ, наконецъ, лекарь.

— Приказала долго жить, бѣдняжечка! проговорила бабка, поднимая съ подушки пробку отъ зеленой бутылки, которую уронила, принимая дитя. Ахъ, бѣдняжечка!

— Не вздумайте присылать за мной, если ребенокъ станетъ кричать,—продолжалъ лекарь, тщательно натягивая перчатки. По всей вѣроятности, онъ будетъ безпокоиться, такъ вы дайте ему кашки.

Онъ надѣлъ шляпу, но по дорогѣ къ дверямъ остановился у изголовья покойницы и замѣтилъ: „Однако, она была очень красивая женщина. Откуда она явилась?“

— Ее принесли сюда вчера вечеромъ по распоряженію надзирателя пріюта, отвѣчала старуха. — Ее подняли на улицѣ, должно быть, издалека шла, башмаки ея совсѣмъ истрепались; но откуда она шла и куда—никому неизвѣстно.

Лекарь наклонился надъ бездыханнымъ тѣломъ, поднялъ лѣвую руку покойницы и проговорилъ, покачавъ головой: „Старая исторія! На пальцѣ у нея нѣтъ обручальнаго кольца... Эхъ! Добрый вечеръ!“

И онъ ушелъ обѣдать, а бабка, еще разокъ приложившись къ зеленой бутылкѣ, усѣлась на скамеечкѣ у печки и принялась одѣвать новорожденнаго.

Поразительный примѣръ того важнаго значенія, какое имѣетъ для человѣка платье, являлъ собой юный Оливеръ Твистъ! Пока его единственнымъ одѣяніемъ былъ кусокъ фланели, въ который его завернули, онъ могъ бы быть дитятею вельможи или нищаго; трудно было бы опредѣлить его общественное положеніе человѣку постороннему. Когда же онъ былъ закутанъ въ старыя, пожелтѣвшія отъ долгаго употребленія, коленкоровыя распашонки съ клеймомъ Дома Призрѣнія, и когда на него надѣли ярлыкъ съ нумеромъ, онъ сразу занялъ опредѣленное мѣсто въ свѣтѣ: теперь это уже былъ призрѣваемый приходомъ сирота, пріютскій питомецъ, которому суждено жить впроголодь, мерзнуть, получать на жизненномъ пути пинки и затрещины, жалкій горемыка, котораго всѣ будутъ презирать и никто не пожалѣетъ.

[Оливеръ надрывался отъ крика. Если бы онъ зналъ, что онъ — сирота, предоставленный нѣжному попеченію приходскихъ властей и пріютскихъ смотрителей, онъ бы заплакалъ еще громче.]

ГЛАВА II.

Какъ Оливеръ Твистъ росъ, воспитывался и питался.

Въ теченіе слѣдующихъ восьми-десяти мѣсяцевъ Оливеръ Твистъ былъ жертвою цѣлой системы лжи и надувательства. Его вскормили рожкомъ. [О бѣдственномъ положеніи голоднаго осиротѣвшаго младенца начальство Дома Призрѣнія должнымъ порядкомъ рапортовало приходскимъ властямъ.] Приходскія власти съ подобающимъ достоинствомъ сдѣлали запросъ, не найдется ли въ числѣ призрѣваемыхъ въ „Домѣ“ женщины, способной доставлять юному Оливеру Твисту необходимую ему пищу и уходъ. Начальство „Дома“ съ почтеніемъ имѣло честь донести, что таковой въ числѣ призрѣваемыхъ не ока-

залось. Тогда приходскія власти съ присущимъ имъ великодушіемъ и человѣколюбіемъ постановили, что Оливеръ Твистъ долженъ быть водворенъ на „фермѣ", или другими словами, что его слѣдуетъ отправить въ младшее отдѣленіе Дома Призрѣнія, расположенное въ деревенской тиши, въ трехъ миляхъ отъ города. Тамъ два или три десятка юныхъ нарушителей закона о нищихъ, не обремененные ни избыткомъ пищи, ни излишней одеждой, проводили дни свой, валяясь на полу подъ материнскимъ надзоромъ одной пожилой женщины, принимавшей на свое попеченіе сихъ преступниковъ за $7^1/_2$ пенсовъ съ головы въ недѣлю. Тратить столь крупную сумму, какъ семь съ половиною пенсовъ въ недѣлю на прокормленіе ребенка—слишкомъ ужъ роскошно, такое большое количество пищи какъ разъ обременитъ желудокъ и повлечетъ за собой разстройство его. Мудрая и опытная воспитательница отлично знала, что хорошо для ребенка, и имѣла вполнѣ ясное представленіе о томъ, что хорошо для нея самой; поэтому она употребляла большую часть еженедѣльныхъ получекъ на собственныя надобности, а молодое поколѣніе прихода довольствовалось еще болѣе умѣреннымъ содержаніемъ, нежели то, какое ему первоначально предназначалось. Такимъ образомъ, изъ безконечно малой величины она ухитрилась сдѣлать еще меньшую и тѣмъ самымъ обнаружила большой талантъ въ опытной философіи.

Кому неизвѣстна исторія другого такого же философа, утверждавшаго, что лошадь можетъ жить ничего не ѣвши; философа, который въ подтвержденіе своей теоріи сталъ давать собственной лошади по одной соломинкѣ въ день и несомнѣнно воспиталъ бы изъ нея самое рѣдкостное и выгодное животное въ мірѣ, еслибъ она не околѣла за сутки до того дня, когда ей предстояло питаться исключительно однимъ воздухомъ.

Къ несчастію, философская система той особы, подъ крылышкомъ которой возросталъ Оливеръ Твистъ, обыкновенно приводила къ подобнымъ же послѣдствіямъ: какъ разъ въ то самое время, когда ребенокъ начиналъ получать самую незначительную дозу пищи, какую только можно дать, онъ въ девяти случаяхъ изъ десяти, какъ на зло, или заболѣвалъ отъ истощенія и простуды, или по небрежности падалъ въ огонь или случайно задыхался отъ дыма, и во всѣхъ этихъ случаяхъ злополучные младенцы обыкновенно отправлялись на тотъ свѣтъ, гдѣ встрѣчались со своими родителями, которыхъ не знали на этомъ.

Бывали, правда, экстраординарныя происшествія, когда, напр., приходилось производить слѣдствіе о ребенкѣ, котораго по недосмотру перевернули подъ тюфякъ, оправляя постель, или нечаянно обварили кипяткомъ во время стирки (послѣднее выпадало на долю немногихъ, такъ какъ стирка была здѣсь величайшей рѣдкостью), при такихъ оказіяхъ присяжнымъ

иногда приходило въ голову пускаться въ непріятные разспросы; случалось, что и возмутившіеся прихожане приносили жалобу. Но дерзкихъ немедленно же посрамляли свидѣтельствами врача и приходскаго сторожа; первый обыкновенно въ такихъ случаяхъ вскрывалъ трупъ и ничего не находилъ во внутренностяхъ (какъ и слѣдовало ожидать), а послѣдній подъ присягой неизмѣнно утверждалъ все, чего желало приходское начальство,—конечно, это было чрезвычайнымъ самоотверженіемъ съ его стороны. Необходимо добавить, что приходскій совѣтъ въ полномъ своемъ составѣ время отъ времени дѣлалъ визитъ на „ферму“, при чемъ наканунѣ посылалъ сторожа предупредить о своемъ посѣщеніи. Когда члены совѣта являлись, дѣти всегда были чисты и опрятно одѣты,—чего-жъ еще надо!

Нельзя, конечно, ожидать, чтобы при такой системѣ ухода па фермѣ выращивался особенно роскошный урожай. На девятомъ году отъ рожденія Оливеръ Твистъ былъ блѣднымъ, худымъ мальчикомъ, не очень большого роста и очень малаго объема. Но природѣ угодно было вселить въ грудь Оливера стойкій духъ (ему было гдѣ развернуться, благодаря строгой діэтѣ, господствовавшей въ заведеніи); быть можетъ, именно вслѣдствіе этой-то стойкости духа мальчику и удалось дожить до своей девятой годовщины. Какъ-бы то ни было, ему исполнилось девять лѣтъ, и этотъ радостный день онъ справлялъ въ подвалѣ для угольевъ, въ обществѣ двухъ своихъ сверстниковъ. Ихъ заперли туда послѣ жестокой встрепки за то, что они осмѣлились нахально увѣрять, будто они голодны. Только что это совершилось, ихъ добрая начальница, мистриссъ Мэнъ, была внезапно потрясена неожиданнымъ появленіемъ приходскаго сторожа, мистера Бомбля, который что было силъ ломился въ калитку дома.

— Боже милостивый, вы ли это, мистеръ Бомбль? съ притворной радостью восклицала мистриссъ Мэнъ, высунувшись изъ окна (Сусанна, приведи въ комнаты Оливера и двухъ другихъ мальчишекъ и скорѣе умой ихъ!) Какое счастіе! Очень, очень рада видѣть васъ, мистеръ Бомбль!

М-ръ Бомбль былъ человѣкъ тучный и раздражительный. Вмѣсто того, чтобы сказать какую-нибудь любезность въ отвѣтъ на столь радушное привѣтствіе, онъ толкнулъ калитку такъ, что она вся затряслась и затѣмъ со всего размаха ударилъ ее ногою.

— Ахъ, представьте себѣ, я вѣдь совсѣмъ забыла, что мы заперли калитку изнутри засовомъ, затараторила мистриссъ Мэнъ, подбѣгая къ калиткѣ. (Всѣ три мальчика были уже тѣмъ временемъ приведены изъ подвала). Мы держимъ ее на запорѣ ради дѣточекъ. Войдите, войдите, мистеръ Бомбль, прошу покорно!

Эти слова сопровождались такимъ глубокимъ реверансомъ, который смягчилъ бы, кажется, даже самого попечителя бого-

угодныхъ заведеній; однако, приходскій сторожъ оставался неумолимъ.

— Вы, кажется, находите благопристойнымъ и приличнымъ заставлять дожидаться у воротъ приходскихъ служащихъ, которые являются сюда по дѣлу,—по дѣлу, касающемуся призрѣваемыхъ ихъ приходомъ сиротъ? заговорилъ, стуча палкой, м-ръ Бомбль.—Отвѣчайте, мистриссъ Мэнъ! Или вы забыли, что вы, такъ сказать, лицо, облеченное довѣріемъ прихода, и получаете вознагражденіе изъ приходскихъ суммъ?

— Увѣряю васъ, м-ръ Бомбль, я только объявила о вашемъ приходѣ милымъ крошкамъ, которыя такъ васъ обожаютъ, оправдывалась съ величайшимъ смиреніемъ мистриссъ Мэнъ.

М-ръ Бомбль былъ весьма высокаго мнѣнія о своемъ ораторскомъ талантѣ и о важномъ значеніи собственной персоны. Такъ какъ онъ успѣлъ выказать первый и поддержать послѣднее, то онъ утихъ и заговорилъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Ну, хорошо, можетъ и было такъ, какъ вы говорите. Ведите меня въ комнаты, мистриссъ Мэнъ, я пришелъ по дѣлу, мнѣ надо кое-что вамъ сообщить.

Мистриссъ Мэнъ ввела м-ра Бомбля въ маленькую пріемную съ кирпичнымъ поломъ, подала ему стулъ и услужливо положила его трость и треугольную шляпу передъ нимъ на столъ.

М-ръ Бомбль отеръ потъ съ разгоряченнаго ходьбою чела, кинулъ благосклонный взоръ на свою треуголку и улыбнулся. Да, м-ръ Бомбль улыбнулся,—могу васъ увѣрить. Вѣдь и приходскій сторожъ тоже человѣкъ, и ему не чужды человѣческія слабости.

— Не прогнѣвайтесь на то, что я вамъ скажу, — замѣтила съ обворожительной любезностью м-съ Мэнъ,—вы такъ далеко шли, позвольте вамъ предложить, не угодно ли вамъ будетъ промочить горло капелькой чего-нибудь, мистеръ Бомбль?

— Нѣтъ, ни за что, ни капли! произнесъ м-ръ Бомбль, отмахиваясь рукой, съ достоинствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно снисходительно.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, выкушайте, настаивала м-съ Мэнъ, замѣтившая тонъ отказа и сопровождавшій его жестъ. Такъ, самую маленькую капельку, съ водой и кусочкомъ сахару.

М-ръ Бомбль кашлянулъ.

— Такъ я налью вамъ немножечко, право налью, убѣдительно продолжала м-съ Мэнъ.

— Что это? освѣдомился м-ръ Бомбль.

— Знаете, поневолѣ приходится держать въ домѣ для милыхъ дѣточекъ, для настойки на случай болѣзни, говорила м-съ Мэнъ, доставая изъ углового шкафика бутылку и стаканъ. Это джинъ, м-ръ Бомбль. Не стану васъ обманывать, м-ръ Бомбль, это джинъ.

— Такъ вы даете дѣтямъ настойку, мистриссъ Мэнъ? спро-

силъ м-ръ Бомбль, слѣдя глазами за тѣмъ, какъ та размѣшивала джинъ съ водой.

— Ахъ; хоть и дорого, но приходится давать милымъ крошкамъ! Для меня невыносимо видѣть дѣтей, страдающихъ на моихъ глазахъ, это должно быть вамъ извѣстно, мистеръ Бомбль.

— Конечно, поддакнулъ м-ръ Бомбль. Вы человѣколюбивая женщина, мистриссъ Мэнъ (Она поставила передъ нимъ стаканъ). Я воспользуюсь первымъ же случаемъ, чтобъ довести объ этомъ до свѣдѣнія совѣта (Онъ придвинулъ стаканъ). У васъ истинно материнскія чувства, мистриссъ Мэнъ (Онъ размѣшалъ джинъ съ водой). Я съ большимъ удовольствіемъ выпью за ваше здоровье, мистриссъ Мэнъ, и онъ проглотилъ половину стакана.—А теперь къ дѣлу, продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана кожаную записную книжку. Сегодня исполнилось девять лѣтъ мальчику, который зовется Оливеромъ Твистомъ.

— Да благословитъ его Богъ! вставила м-съ Мэнъ, отирая себѣ лѣвый глазъ кончикомъ передника.

— Не смотря на предложенную награду въ десять фунтовъ стерлинговъ, которую впослѣдствіи увеличили даже до двадцати, несмотря на тщательнѣйшія, можно сказать, сверхъестественныя усилія приходскаго совѣта, такъ и не удалось розыскать отца этого мальчика, не удалось также открыть, каково было званіе, имя, общественное положеніе его матери.

Мистриссъ Мэнъ съ изумленіемъ всплеснула руками и послѣ минутнаго раздумья замѣтила: Въ такомъ случаѣ какъ же явилась у мальчика эта фамилія?

— Я изобрѣлъ ее, произнесъ м-ръ Бомбль, гордо пріосанившись.

— Вы, мистеръ Бомбль?

— Да, мистриссъ Мэнъ. Мы даемъ найденышамъ имена въ алфавитномъ порядкѣ. Въ ту пору мы остановились на С,—послѣдняго я назвалъ Свобль,—значитъ, этотъ былъ на Т, и я назвалъ его Твистъ. Слѣдующій, какой случится, будетъ зваться Унвинъ, затѣмъ Фицкинъ. Я заранѣе заготовилъ имена на всѣ буквы алфавита, когда дойдемъ до конца азбуки, начнемъ опять сначала.

— Да у васъ настоящій литературный талантъ, сэръ! воскликнула м-съ Мэнъ.

— Да, можетъ быть и вышелъ бы изъ меня литераторъ, м-съ, Мэнъ, произнесъ сторожъ, сильно польщенный этимъ комплиментомъ. Онъ допилъ джинъ и продолжалъ: Оливеръ сталъ уже слишкомъ великъ, чтобъ оставаться здѣсь. Совѣтъ постановилъ взять его обратно въ Домъ Призрѣнія; я за нимъ-то и пришелъ. Покажите-ка мнѣ его.

— Сію минуту его приведу.

М-съ Мэнъ вышла изъ комнаты и вернулась съ Оливеромъ, у котораго тѣмъ временемъ соскоблили съ лица и рукъ покры-

вавшую ихъ кору грязи, насколько она могла сойти послѣ одного умыванія.

— Поклонись джентльмену, Оливеръ, сказала м-съ Мэнъ. Оливеръ отвѣсилъ поклонъ не столько сторожу, сколько его треуголкѣ.

— Желаешь идти со мною, Оливеръ? величественно произнесъ м-ръ Бомбль.

Оливеръ готовъ былъ отвѣтить, что онъ съ радостью отсюда пойдетъ съ кѣмъ угодно, но, поднявъ глаза, увидѣлъ помѣстившуюся за стуломъ сторожа м-съ Мэнъ, которая съ свирѣпымъ видомъ грозила ему кулакомъ. Онъ тотчасъ понялъ, что она хочетъ этимъ сказать,—этотъ кулакъ такъ часто разгуливалъ по его тѣлу, что былъ ему хорошо знакомъ.

— А она пойдетъ со мной? спросилъ бѣдный мальчикъ.

— Нѣтъ, ей нельзя,—сказалъ м-ръ Бомбль,—но она иногда будетъ приходить навѣщать тебя.

Это было нимало не утѣшительно для ребенка. Какъ ни былъ онъ малъ, но сообразилъ, что ему слѣдуетъ притвориться, будто ему жаль уходить отъ своей доброй воспитательницы. Вызвать на глаза слезы ему было не трудно: голодъ и недавніе побои отлично помогаютъ, когда надо заплакать, и потому Оливеръ плакалъ весьма натурально. М-съ Мэнъ наградила его тысячей поцѣлуевъ и, что еще нужнѣе было для Оливера—кускомъ хлѣба съ масломъ, чтобъ онъ не показался очень голоднымъ, когда явится въ городъ. Съ ломтемъ въ рукѣ и форменнымъ парусиннымъ картузикомъ на головѣ вышелъ Оливеръ въ сопровожденіи мистера Бомбля изъ злополучнаго дома, гдѣ ни одно доброе слово, ни одинъ ласковый взглядъ не освѣтили его младенческихъ лѣтъ. А все-таки его сердечко болѣзненно сжалось, когда за ними захлопнулась калитка: его горемычные товарищи по несчастію, которые оставались здѣсь, были вѣдь его единственными друзьями! Сознаніе своего полнаго одиночества въ широкомъ вольномъ свѣтѣ впервые проникло въ его дѣтскую головку.

М-ръ Бомбль шелъ большими шагами, маленькій Оливеръ, крѣпко уцѣпившись за обшитый золотымъ галуномъ рукавъ его, трусилъ рысцой позади и на каждомъ перекресткѣ спрашивалъ: „Теперь уже близко? На эти вопросы онъ получалъ только грубые окрики отъ мистера Бомбля, потому что нѣжное настроеніе, которое джинъ вызываетъ въ нѣкоторыхъ сердцахъ, уже улетучилось, и м-ръ Бомбль опять сталъ приходскимъ сторожемъ.

Не успѣлъ Оливеръ пробыть и четверти часа въ Домѣ Призрѣнія и доѣсть свой хлѣбъ, какъ м-ръ Бомбль, ввѣрившій его на время попеченію одной изъ призрѣваемыхъ старухъ, опять за нимъ явился и возвѣстилъ, что сегодня день засѣданія Совѣта, и его приказано немедленно представить Совѣту. Не имѣя вполнѣ яснаго представленія о томъ, что за штука „Со-

вѣтъ". Оливеръ совсѣмъ растерялся и не зналъ, что ему дѣлать—смѣяться или плакать. Впрочемъ, ему некогда было объ этомъ раздумывать, потому что м-ръ Бомбль отвѣсилъ ему тростью одинъ ударъ по головѣ, чтобъ вывести его изъ задумчивости, другой по спинѣ, чтобъ сдѣлать его развязнѣе, и велѣлъ идти за собою. Онъ привелъ его въ большую выбѣленную известкой комнату, гдѣ сидѣло за столомъ восемь или десять толстыхъ джентльменовъ, во главѣ ихъ на креслѣ, повыше прочихъ, возсѣдалъ самый толстый, съ круглымъ краснымъ лицомъ.

— Поклонись Совѣту, сказалъ Бомбль. Глаза Оливера застилались слезами, онъ, кромѣ стола, ничего не видѣлъ, но къ счастью догадался поклониться ему.

— Мальчикъ, какъ тебя зовутъ? спросилъ сидѣвшій на высокомъ креслѣ джентльменъ.

При видѣ стольких джентльменовъ Оливеръ такъ испугался, что на него напала дрожь, а тутъ еще сторожъ опять далъ ему сзади такого тумака, что онъ заплакалъ. Поэтому онъ отвѣчалъ тихо и съ запинкой, чѣмъ вызвалъ со стороны одного изъ членовъ Совѣта, джентльмена въ бѣломъ жилетѣ, замѣчаніе, что онъ дуракъ. Это былъ самый цѣлесообразный способъ ободрить и развеселить мальчика.

— Послушай, мальчикъ, продолжалъ джентльменъ въ высокомъ креслѣ,—ты конечно знаешь, что ты сирота?

— А что такое сирота? спросилъ бѣдный Оливеръ.

— Говорилъ я вамъ, что онъ дуракъ! сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Тс! прервалъ его первый.—Тебѣ извѣстно, мальчикъ, что у тебя нѣтъ ни отца, ни матери, и ты былъ воспитанъ приходомъ?

— Да, сэръ,—отвѣчалъ Оливеръ, горько плача.

— Ну, чего же ты плачешь? воскликнулъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

И въ самомъ дѣлѣ странно: чего бы, кажется, ему плакать?

— Ты, конечно, каждый вечеръ молишься на сонъ грядущій,—сказалъ грубымъ голосомъ другой джентльменъ,—молишься о людяхъ, которые кормятъ тебя, заботятся о тебѣ, какъ подобаетъ истинному христіанину.

— Да, сэръ, пробормоталъ мальчикъ.

Послѣдній джентльменъ безсознательно обмолвился сущей правдой: Оливеру дѣйствительно надо было быть истиннымъ христіаниномъ, образцовымъ христіаниномъ, чтобъ молиться за тѣхъ, кто кормилъ его и заботился о немъ. Но онъ не молился, потому что никто не научилъ его молитвѣ.

— Тебя взяли сюда, чтобъ дать тебѣ воспитаніе, обучить тебя полезному ремеслу, продолжалъ краснолицый джентльменъ.

— И вотъ съ завтрашняго дня ты начнешь щипать пеньку съ шести часовъ утра, добавилъ мрачный джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

За такія щедроты Оливеръ по указанію сторожа поблаго-

дарилъ благодѣтелей низкимъ поклономъ, а затѣмъ его отвели въ огромную казарму, гдѣ на твердомъ, жесткомъ ложѣ онъ заснулъ въ слезахъ. Вотъ вамъ великолѣпный образчикъ милосердія англійскихъ законовъ: они разрѣшаютъ бѣднякамъ спать!

Бѣдный Оливеръ! Онъ и не подозрѣвалъ, что пока онъ спитъ въ счастливомъ невѣдѣніи того, что творится вокругъ, Совѣтъ постановитъ рѣшеніе, которое будетъ имѣть самое существенное вліяніе на его будущую судьбу. А между тѣмъ это было такъ. Въ тотъ же самый вечеръ вотъ что происходило. Члены Совѣта были люди мудрые, глубокомысленные, философы; когда они обратили свое вниманіе на Домъ Призрѣнія, то сразу открыли то, чего бы во вѣкъ не открыть обыкновеннымъ смертнымъ, а именно,—что бѣдняки любили его! Для бѣднаго класса Домъ Призрѣнія былъ увеселительнымъ мѣстомъ съ даровымъ угощеніемъ, гостинницей, гдѣ не надо было платить за постой и гдѣ круглый годъ предлагался на общественный счетъ завтракъ, обѣдъ, чай и ужинъ, райская обитель изъ краснаго кирпича, гдѣ вѣчно забавляются и никогда не работаютъ. „Эге! Мы не таковскіе, сказали мудрые члены совѣта: мы сейчасъ положимъ этому конецъ и заведемъ иной порядокъ“.

И они тотчасъ постановили, чтобы бѣднымъ предоставлялось на выборъ (принуждать они никого не хотѣли) или умирать медленной голодной смертью въ Домѣ Призрѣнія, или сразу погибнуть отъ голода на улицѣ. Съ этою цѣлью члены Совѣта заключили контрактъ съ водопроводчикомъ и лабазникомъ; первый обязался поставлять въ неограниченномъ количествѣ воду, второй—еженедѣльно небольшія порціи овсяной крупы. Призрѣваемымъ стали выдавать по три раза въ день жидку овсяную кашицу, два раза въ недѣлю лукъ, а по воскресеньямъ еще по половинкѣ хлѣбца. Члены Совѣта приняли еще много другихъ, столь же мудрыхъ и человѣколюбивыхъ постановленій относительно женщинъ, но ихъ здѣсь нѣтъ надобности приводить. Они великодушно взяли на себя разводъ женатыхъ бѣдняковъ, вслѣдствіе большой стоимости этого процесса въ судебной процедурѣ, и, вмѣсто того, чтобъ побуждать человѣка поддерживать семью, какъ доселѣ дѣлалось, отнимали ее у него и дѣлали его холостякомъ. Трудно сказать, сколько желающихъ освобожденія отъ семейныхъ узъ вызвали бы среди всѣхъ классовъ общества два послѣднія постановленія, если бы они не были связаны съ непремѣннымъ пребываніемъ въ Домѣ Призрѣнія! Но члены Совѣта были люди прозорливые и предусмотрѣли это затрудненіе. Расторженіе брачныхъ узъ было неразрывно связано съ Домомъ Призрѣнія и съ кашицей, а это пугало всякаго.

Первые шесть мѣсяцевъ послѣ поступленія сюда Оливера Твиста эта система была въ полномъ ходу. Сперва она повела за собой большіе расходы, вслѣдствіе того, что счетъ

гробовщика сразу возросъ, и явилась необходимость перешить одежду всѣхъ призрѣваемыхъ, такъ какъ спустя недѣлю послѣ введенія овсяной діэты, платье висѣло мѣшкомъ на изсохшихъ, истощенныхъ людяхъ. Но число бѣдныхъ быстро уменьшалось, и Совѣтъ былъ въ восторгѣ.

Столовая, гдѣ происходило кормленіе дѣтей, была огромная зала, вымощенная каменными плитами; въ одномъ ея концѣ былъ большой котелъ, изъ котораго въ положенные часы надзиратель, завѣсившись на этотъ случай передникомъ, разливалъ кашицу съ помощью двухъ женщинъ. Каждому мальчику давалось по маленькой мисочкѣ, отнюдь не больше, исключая большихъ праздниковъ, когда къ этой порціи прибавлялось четыре съ половиной лота хлѣба. Мисочекъ этихъ никогда не приходилось мыть, ибо мальчики такъ выскабливали ихъ своими ложками, что онѣ опять блестѣли какъ новыя. Эта чистка занимала немного времени, такъ какъ мисочки были немногимъ больше ложекъ, а затѣмъ мальчики устремляли на котелъ такіе жадные взоры, будто хотѣли его съѣсть вмѣстѣ съ кирпичами, въ которые онъ былъ вмазанъ, и усердно облизывали себѣ пальцы, чтобъ не пропали брызги кашицы, какія могли на нихъ остаться. У мальчиковъ всегда прекрасный аппетитъ. Оливеръ Твистъ и его товарищи три мѣсяца терпѣли муки голода. Наконецъ они такъ отощали и одичали, что одинъ, который былъ крупнѣе своихъ лѣтъ и привыкъ не къ такой ѣдѣ (его отецъ былъ содержатель харчевни), однажды намекнулъ товарищамъ, что если не получитъ прибавочной мисочки къ дневной порціи, то будетъ принужденъ съѣсть ночью спавшаго съ нимъ рядомъ слабенькаго и совсѣмъ маленькаго мальчика. У говорившаго были такіе голодные, безумные глаза, что всѣ мальчики ему вполнѣ повѣрили. Товарищи держали между собой совѣтъ и бросили жребій, кому сегодня идти послѣ ужина къ надзирателю просить прибавки. Жребій выпалъ Оливеру Твисту.

Наступилъ вечеръ; мальчики заняли свои мѣста, надзиратель въ поварскомъ нарядѣ сталъ у котла, его помощницы выстроились позади. Раздали кашицу. Была прочитана длинная молитва передъ короткимъ обѣдомъ. Кашица мигомъ исчезла. Мальчики пошептались и стали дѣлать знаки Оливеру, подталкивать его. Голодъ и нужда пробудили въ этомъ ребенкѣ отчаянную отвагу. Онъ всталъ изъ за стола, подошелъ къ надзирателю и, протягивая къ нему свою мисочку, проговорилъ, самъ пугаясь своей смѣлости: „Позвольте мнѣ еще немножко“.

Надзиратель, здоровый румяный толстякъ, поблѣднѣлъ, какъ полотно. Остолбенѣвъ отъ удивленія, онъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ на маленькаго бунтовщика и, наконецъ, прислонился къ котлу, чтобы не упасть. Прислуживавшія женщины были поражены изумленіемъ, дѣти—страхомъ.

— Что такое? переспросилъ, наконецъ, надзиратель слабымъ голосомъ.

— Позвольте мнѣ еще немножко, повторилъ Оливеръ.

Надзиратель ударилъ его разливательной ложкой по головѣ, обхватилъ обѣими руками за туловище и изо всей мочи сталъ звать сторожа.

Совѣтъ торжественно засѣдалъ въ полномъ своемъ составѣ. М-ръ Бомбль, какъ ураганъ, влетѣлъ въ залу и обра-

„Позвольте мнѣ еще немножко".

тился къ сидѣвшему на высокомъ креслѣ джетльмену со словами:

— Извините, мистеръ Лимбкинсъ! Оливеръ Твистъ попросилъ за ужиномъ прибавки!

Всѣ разомъ вздрогнули. Ужасъ отразился на лицѣ каждаго.

— Прибавки? произнесъ м-ръ Лимбкинсъ. Постарайтесь успокоиться, Бомбль, и отвѣчайте мнѣ яснѣе. Такъ ли я васъ понялъ: онъ попросилъ прибавки послѣ того, какъ съѣлъ полагающійся питомцамъ ужинъ?

— Именно такъ, сэръ, отвѣчалъ Бомбль.

— Этотъ мальчикъ кончитъ висѣлицей, изрекъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ. Думаю, что висѣлицы ему не миновать.

Никто не противорѣчилъ этому пророчеству. Начались

оживленные толки по поводу происшествія. Оливера было приказано тотчасъ же запереть въ карцеръ, а на слѣдующее утро на воротахъ было вывѣшено объявленіе, сулившее вознагражденіе въ количествѣ пяти фунтовъ всякому, кто пожелаетъ избавить приходъ отъ Оливера Твиста. Другими словами, пять фунтовъ и Оливеръ Твистъ предлагались тому мужчинѣ или той женщинѣ, которымъ нуженъ подмастерье или ученикъ для какого бы то ни было ремесла.

— Ни въ чемъ я во всю мою жизнь не былъ такъ увѣренъ, какъ въ томъ, что этотъ мальчишка кончитъ висѣлицей! произнесъ по прочтеніи этого объявленія джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, когда на слѣдующее утро стучался у воротъ.

Такъ какъ изъ послѣдующаго выяснится, былъ ли правъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, то я, пожалуй, отнялъ бы много интереса у этой повѣсти (предполагая, что она представляетъ для читателя какой-либо интересъ), еслибъ теперь же далъ ему понять, имѣла ли жизнь Оливера Твиста столь ужасный конецъ.

ГЛАВА III.

Какъ Оливеръ чуть было не получилъ одно мѣсто, которое едва ли обѣщало быть очень выгоднымъ.

Послѣ того, какъ Оливеръ учинилъ такое неслыханное беззаконіе—попросилъ прибавки, онъ по милосердому и мудрому распоряженію Совѣта содержался недѣлю подъ строгимъ арестомъ въ пустой темной комнатѣ.

Съ перваго взгляда всего правдоподобнѣе было бы допустить такое предположеніе: если онъ относился съ должнымъ почтеніемъ къ предсказанію джентльмена въ бѣломъ жилетѣ, почему бы ему не утвердить отнынѣ навсегда за этимъ господиномъ славу пророка, привязавъ одинъ конецъ носового платка къ вбитому въ стѣну гвоздю, а другимъ обмотавъ себѣ шею.

На самомъ же дѣлѣ тутъ встрѣтилось одно препятствіе: носовые платки въ качествѣ предметовъ роскоши были на вѣчныя времена изъяты изъ употребленія воспитанниковъ по особому распоряженію Совѣта, утвержденному общимъ собраніемъ и торжественно засвидѣтельствованному подписями и приложеніемъ печатей. Еще большимъ препятствіемъ служили ребяческія лѣта и наивность Оливера. Онъ только плакалъ горючими слезами цѣлые дни, а когда наставала долгая страшная ночь, закрывалъ себѣ рученками глаза, чтобъ не видѣть темноты, и забившись въ уголокъ, старался уснуть, но то и дѣло просыпался, вздрагивая отъ страха, тѣснѣе и тѣснѣе прижимался къ стѣнкѣ, какъ будто чувствуя, что ея твердая хо-

лодная поверхность можетъ служить ему защитой въ окружающей темнотѣ и одиночествѣ.

Но пусть не думаютъ враги „системы", что Оливеръ во время своего одиночнаго заключенія былъ лишенъ благодѣтельнаго моціона, удовольствій общенія съ людьми и благихъ утѣшеній религіи. Стояли пріятные морозные дни, и для моціона узнику было дозволено умываться по утрамъ на каменномъ дворѣ у насоса, а, чтобы онъ не простудился, находившійся тутъ же м-ръ Бомбль согрѣвалъ его частыми ударами своей трости. Для общенія съ себѣ подобными его каждый день въ обѣденные часы водили въ столовую и тамъ при всѣхъ сѣкли въ назиданіе и поученіе другимъ. Чтобъ онъ не былъ чуждъ благодѣтельныхъ религіозныхъ утѣшеній, его каждый вечеръ выгоняли пинками въ вышеупомянутую комнату для присутствованія при общей молитвѣ; въ молитвѣ этой, по распоряженію Совѣта, было вставлено особое прошеніе, въ которомъ мальчики просили Бога сдѣлать ихъ хорошими, добродѣтельными, покорными, послушными, не похожими на грѣховнаго и порочнаго Оливера Твиста, онъ же въ этой молитвѣ именовался исчадіемъ ада, пользовавшимся особымъ расположеніемъ и покровительствомъ самого сатаны.

Когда дѣла Оливера приняли столь счастливый и благопріятный оборотъ, случилось разъ утромъ проходить мимо Дома Призрѣнія мистеру Гемфильду, трубочисту. Онъ шелъ удрученный думами о томъ, какъ и чѣмъ заплатить своему домохозяину, который, наступивъ на горло, требовалъ давно уже просроченной уплаты за квартиру. М-ръ Гемфильдъ и такъ, и сякъ высчитывалъ свои доходы,—все не хватало цѣлыхъ пяти фунтовъ до нужной суммы. Не зная, какъ помочь горю, онъ то ломалъ себѣ голову ариѳметическими выкладками, то колотилъ своего осла. М-ръ Гемфильдъ пришелъ уже въ полное отчаяніе, когда ему бросилось въ глаза объявленіе на воротахъ Дома Призрѣнія.

— Тпру!—закричалъ онъ.

Но оселъ, погруженный въ глубокую задумчивость, не разслышавъ хозяйскаго приказа, шелъ себѣ впередъ. Вѣроятно онъ размышлялъ о томъ, будетъ ли ему предложено угощеніе въ видѣ пары капустныхъ кочерыжекъ, когда онъ доставитъ на мѣсто мѣшки съ сажей, которыми была нагружена телѣжка.

Пославъ ему энергическое проклятіе, м-ръ Гемфильдъ бросился за нимъ вслѣдъ и нанесъ ему такой ударъ по головѣ, отъ котораго непремѣнно треснулъ бы всякій черепъ, кромѣ ослинаго. Затѣмъ, ухвативъ осла за поводъ, м-ръ Гемфильдъ изо всей мочи дернулъ его морду въ сторону, чтобъ деликатно напомнить ему о томъ, что онъ не самъ себѣ господинъ, и такимъ образомъ заставилъ его повернуться. Оглушивъ его новымъ тумакомъ по головѣ, чтобъ онъ смирно стоялъ на мѣстѣ до

его возвращенія, м-ръ Гемфильдъ пошелъ къ воротамъ прочитать заинтересовавшее его объявленіе.

У воротъ, заложивъ руки за спину, стоялъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ; онъ только что вышелъ изъ засѣданія Совѣта, гдѣ имѣлъ случай высказать нѣсколько глубокомысленныхъ изреченій, и былъ свидѣтелемъ маленькой стычки мистера Гемфильда съ осломъ. Онъ весело улыбнулся, когда м-ръ Гемфильдъ подошелъ къ объявленію, такъ какъ сразу увидѣлъ, что это именно такой человѣкъ, какой нуженъ для Оливера Твиста. М-ръ Гемфильдъ въ свою очередь улыбнулся, пробѣжавъ объявленіе, такъ какъ пять фунтовъ была именно та сумма, въ которой онъ нуждался; что же касается до ученика, о которомъ тутъ шла рѣчь, м-ръ Гемфильдъ, зная порядки Дома Призрѣнія, могъ сказать напередъ, что это худенькій и тощій мальчуганъ, который какъ разъ пролѣзетъ въ печную трубу. Поэтому, еще разъ перечитавъ объявленіе сначала до конца, онъ приблизился къ джентльмену въ бѣломъ жилетѣ и, почтительно прикоснувшись къ своей мѣховой шапкѣ, проговорилъ:

— Здѣсь сказано, сэръ, что приходу желательно отдать въ ученье мальчика.

— Да, мой милый, такъ что же? съ благосклонной улыбкой отозвался джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Можетъ быть, приходу угодно будетъ, чтобъ онъ обучился такой легкой и пріятной работѣ, какъ наше трубочистное дѣло, гдѣ ото всѣхъ почетъ и уваженіе; я бы согласился взять его, мнѣ нуженъ ученикъ.

— Пойдемте, сказалъ ему въ отвѣтъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

М-ръ Гемфильдъ послѣдовалъ за нимъ въ ту залу, гдѣ Оливеръ впервые увидѣлъ этого джентльмена. Уходя, онъ успѣлъ еще разъ треснуть по башкѣ своего осла и дернуть его морду въ сторону, чтобъ онъ не вздумалъ убѣжать въ его отсутствіе.

— Грязное ремесло! произнесъ м-ръ Лимбкинсъ, когда Гемфильдъ вторично изложилъ ему свое желаніе.

— Бывали случаи, что мальчики трубочисты задыхались въ печныхъ трубахъ, произнесъ другой членъ Совѣта.

— Это случалось потому, что солому мочили, прежде чѣмъ зажечь ее въ каминѣ, чтобъ они не засиживались въ трубѣ, объяснилъ м-ръ Гемфильдъ,—тогда идетъ одинъ только дымъ, безъ огня, а между тѣмъ не слѣдуетъ выкуривать ихъ дымомъ, потому что отъ дыма ихъ клонитъ ко сну, а имъ только бы спать! Эти мальчишки ужасные упрямцы и лѣнивцы, джентльмены, нѣтъ ничего лучше хорошаго горяченькаго пламени, чтобъ они дали стрекача изъ трубы. Этакій способъ слѣдуетъ употреблять изъ одного человѣколюбія, потому что если и случится имъ застрять въ трубѣ, то какъ поджаришь имъ пятки, они изо всѣхъ силъ постараются выкарабкаться оттуда наверхъ.

Это разъясненіе, какъ видно, показалось чрезвычайно забавнымъ джентльмену въ бѣломъ жилетѣ, но взглядъ мистера Лимбкинса быстро положилъ конецъ его веселью. Члены Совѣта въ теченіе нѣсколькихъ минутъ шепотомъ совѣщались между собою, можно было разслышать только нѣкоторыя отдѣльныя фразы: „сокращеніе расхода“, „будетъ хорошо звучать въ отчетѣ“, „опубликовать въ печатномъ донесеніи“, и то только потому, что онѣ произносились часто и съ большимъ воодушевленіемъ.

Наконецъ, совѣщаніе прекратилось, и когда члены совѣта съ прежнимъ важнымъ видомъ усѣлись на своихъ мѣстахъ, м-ръ Лимбкинсъ заговорилъ:

— Мы разсмотрѣли ваше предложеніе, но согласиться на него не можемъ.

— Ни подъ какимъ видомъ, подтвердилъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Никакъ не можемъ, прибавили остальные члены.

Такъ какъ репутація мистера Гемфильда была нѣсколько подорвана тѣмъ пустымъ обстоятельствомъ, что у него случайно задохлись уже въ трубахъ не то два, не то три маленькихъ трубочиста, то ему пришло въ голову, что Совѣту вздумалось закапризничать и отказать ему изъ-за этого совершенно посторонняго обстоятельства. Это вовсе не было похоже на обычный образъ дѣйствій Совѣта, но м-ръ Гемфильдъ не имѣлъ никакого желанія поднимать забытую исторію, поэтому онъ только смялъ въ рукахъ шапку, и не сказавъ ни слова, медленно отошелъ отъ стола.

— Значитъ, вы не хотите отдать мнѣ его, джентльмены? спросилъ онъ уже у самыхъ дверей.

— Нѣтъ,—произнесъ м-ръ Лимбкинсъ,—по крайней мѣрѣ, не за столь высокое вознагражденіе, какъ мы назначили; ваше ремесло такое грязное, что вы должны взять меньше.

Лицо мистера Гемфильда прояснилось, онъ быстрыми шагами вернулся къ столу, говоря:

— А сколько же вы дадите, джентльмены? Говорите! Не обидьте бѣднаго человѣка. Сколько вы дадите?

— Я думаю, три фунта десять шиллинговъ будетъ за глаза довольно, сказалъ м-ръ Лимбкинсъ.

— Десять шиллинговъ нужно бы скинуть, вставилъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Ладно, пусть будетъ четыре фунта, господа. Положите четыре фунта, и вы на вѣки вѣчные сбудете мальчугана съ рукъ. Идетъ?

— Три фунта десять шиллинговъ, твердо повторилъ м-ръ Лимбкинсъ.

— Извольте, раздѣлимъ разницу пополамъ, джентльмены, сказалъ въ нерѣшимости Гемфильдъ.

— Что за глупости! вмѣшался джентльменъ въ бѣломъ жи-

летѣ. Его выгодно и даромъ взять. Бери его, глупая голова! онъ какъ разъ такой парень, какой тебѣ нуженъ—его нужно почаще колотить, это ему будетъ полезно, а харчи его почти ничего не будутъ стоить, потому что онъ не ѣлъ порядкомъ ни разу съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ родился. О, нѣтъ, его не закармливали, ха-ха-ха!..

М-ръ Гемфильдъ искоса посмотрѣлъ на сидящихъ за столомъ и, замѣтивъ на всѣхъ лицахъ улыбку, самъ рѣшился улыбнуться. Сдѣлка была заключена, и мистеру Бомблю отдали приказъ отвести послѣ обѣда Оливера Твиста въ магистратъ для подписи и засвидѣтельствованія контракта.

Вслѣдствіе такого рѣшенія маленькій Оливеръ, къ его величайшему удивленію, былъ освобожденъ изъ заточенія, и ему велѣно было надѣть чистую рубашку. Едва онъ успѣлъ окончить это непривычное для него переодѣваніе, какъ м-ръ Бомбль собственноручно принесъ ему миску кашицы и праздничную порцію хлѣба въ четыре съ половиной лота. При такомъ неслыханномъ зрѣлищѣ Оливеръ началъ жалобно плакать, онъ подумалъ (и съ его стороны это было довольно естественное предположеніе), что Совѣтъ, должно быть, осудилъ его на закланіе, потому что иначе его не стали бы такъ откармливать.

— Перестань, глаза будутъ красные! Ѣшь и благодари, торжественно и съ чувствомъ произнесъ м-ръ Бомбль. Тебя отдаютъ въ ученье, Оливеръ.

— Въ ученье? съ дрожью переспросилъ ребенокъ.

— Да, Оливеръ. Добрые и милостивые господа, заступившіе тебѣ мѣсто родителей, которыхъ у тебя не было, отдаютъ тебя въ ученье, пристроютъ тебя, сдѣлаютъ изъ тебя человѣка, хотя это и будетъ стоить приходу 3 фунта 10 шиллинговъ. Три фунта десять шиллинговъ, Оливеръ! Семьдесятъ шиллинговъ, другими словами, сто сорокъ шестипенсовиковъ! И все это для гадкаго мальчика, сироты, котораго никто не любитъ и не можетъ любить.

М-ръ Бомбль остановился, чтобъ перевести духъ, такъ какъ онъ произнесъ эту карательную рѣчь громовымъ голосомъ. Слезы струились ручьемъ изъ глазъ бѣднаго ребенка, и онъ горько рыдалъ.

— Полно! проговорилъ уже не такъ торжественно м-ръ Бомбль, польщенный тѣмъ, что его краснорѣчіе произвело такое дѣйствіе,—полно, Оливеръ! Утри глаза рукавомъ куртки и не плачь въ кашу, это глупо!

И точно, это было глупо, потому что въ кашѣ и безъ того было уже много воды.

По дорогѣ въ магистратъ м-ръ Бомбль училъ Оливера, что тотъ долженъ дѣлать. Онъ долженъ былъ имѣть веселый, сіяющій видъ, и когда его спросятъ, желаетъ ли онъ поступить въ ученье, сказать, что да, онъ очень хочетъ. Оба эти наставленія мальчикъ обѣщалъ выполнить тѣмъ болѣе охотно, что

м-ръ Бомбль косвенно далъ ему понять, что въ случаѣ, если онъ не сдѣлаетъ такъ, какъ ему приказываютъ, его ждетъ нѣчто такое, о чемъ лучше не говорить.

Когда они пришли въ магистратъ, Оливера заперли въ маленькую отдѣльную комнату. М-ръ Бомбль велѣлъ ему смирно сидѣть и ждать его возвращенія.

Оливеръ остался одинъ; сердце у него сильно билось. По прошествіи получаса м-ръ Бомбль просунулъ въ дверь свою голову, не украшенную на сей разъ треуголкой, и крикнулъ:

— „Милый Оливеръ, ступай, голубчикъ, къ джентльмену!“

И бросивъ на мальчика свирѣпый, грозный взглядъ, прибавилъ тише: „Смѣй только позабыть, что я говорилъ тебѣ, негодяй!“

Оливеръ въ простотѣ души вытаращилъ глаза на мистера Бомбля при этихъ противоположныхъ обращеніяхъ, но тотъ не далъ ему и рта разинуть, потащивъ въ смежную комнату, куда вела эта дверь. То была большая зала съ огромнымъ окномъ; тамъ за письменнымъ столомъ сидѣли два старичка въ напудренныхъ парикахъ; одинъ читалъ газету, другой, вооружась очками въ черепаховой оправѣ, разбиралъ лежавшій передъ нимъ манускриптъ, писанный на пергаментѣ. Передъ столомъ стояли, съ одной стороны, м-ръ Лимбкинсъ, съ другой, Гемфильдъ, смывшій нѣсколько сажу съ лица для такого случая; по комнатѣ прохаживались двое, трое какихъ-то развязныхъ молодцовъ въ высокихъ сапогахъ.

Старичекъ въ очкахъ нѣсколько разъ принимался дремать надъ пергаментомъ; какъ разъ въ одну изъ такихъ минутъ м-ръ Бомбль подвелъ къ столу Оливера со словами: „Вотъ мальчикъ, ваше благородіе.“

Читавшій газету старичекъ на минуту отъ нея оторвался и дернулъ за рукавъ другого; тотъ вслѣдствіе этого проснулся.

— А, такъ это и есть тотъ мальчикъ? прошамкалъ онъ.

— Онъ, сэръ, отвѣтилъ м-ръ Бомбль.—Поклонись членамъ магистрата, голубчикъ.

Оливеръ отвѣсилъ низкій поклонъ. Онъ не сводилъ глазъ съ напудренныхъ париковъ и размышлялъ съ удивленіемъ: неужели всѣ члены магистрата родятся уже съ такой бѣлой присыпкой на головѣ, вѣрно потому-то они и становятся членами магистрата.

— Такъ онъ, значитъ, любитъ трубочистное дѣло? спросилъ старичекъ.

— Только и бредитъ имъ, ваша честь, отвѣчалъ Бомбль, потихоньку ущипнувъ Оливера, чтобъ онъ не вздумалъ противорѣчить.

— Такъ онъ желаетъ быть трубочистомъ? спросилъ опять старичекъ.

— Ужъ такъ желаетъ, что если отдать его обучаться другому ремеслу, завтра-же сбѣжитъ, отвѣчалъ Бомбль.

— А этотъ человѣкъ будетъ его хозяиномъ? продолжалъ старичекъ. Такъ вы будете обращаться съ нимъ ласково, хорошо кормить его, заботиться обо всемъ нужномъ, будете, да?

— Ужъ коли сказано, что буду, значитъ, буду! пробурчалъ Гемфильдъ.

— Какой вы грубіянъ, дружище! впрочемъ, вы кажетесь честнымъ, простодушнымъ человѣкомъ,—замѣтилъ старичекъ, наводя свои очки на будущаго хозяина Оливера, у котораго было отмѣченное печатью жестокости лицо настоящаго разбойника, но развѣ можно было требовать прозорливости отъ полуслѣпого и частью уже впавшаго въ дѣтство старичка!

— Какимъ же мнѣ и быть, сэръ, проговорилъ съ отвратительной усмѣшкой Гемфильдъ.

— Не сомнѣваюсь въ васъ, другъ мой, произнесъ старичекъ, надвигая очки еще плотнѣе на носъ и отыскивая глазами чернильницу.

Это была минута, рѣшившая участь Оливера: еслибъ чернильница оказалась на томъ мѣстѣ, гдѣ старикъ думалъ ее найти, онъ обмакнулъ бы въ нее перо, подписалъ контрактъ, и Оливера тотчасъ же увелъ бы съ собою мистеръ Гемфильдъ. Но такъ какъ чернильница стояла у старичка подъ носомъ, то онъ напрасно разыскивалъ ее взглядомъ по всему письменному столу. Случайно, во время этихъ поисковъ, онъ взглянулъ прямо передъ собою, и на глаза ему попалось блѣдное искаженное страхомъ лицо Оливера Твиста, который, несмотря на угрожающіе взгляды и щипки Бомбля, смотрѣлъ на отталкивающее лицо своего будущаго хозяина съ такой боязнью, съ такимъ ужасомъ, что даже полуслѣпой старичекъ не могъ въ этомъ случаѣ ошибиться.

Старичекъ остановился, положилъ перо, перевелъ взглядъ съ Оливера на мистера Лимбкинса, который старался показать, будто, какъ ни въ чемъ не бывало, нюхаетъ табакъ, и видъ имѣлъ веселый и беззаботный.

— „Дитя мое!“ произнесъ старичекъ, нагибаясь черезъ столъ къ Оливеру. Тотъ вздрогнулъ,—что было вполнѣ извинительно, потому что ласка звучала въ этихъ словахъ, и непривычные для его уха звуки испугали его. Бѣдный мальчикъ задрожалъ, какъ листъ, и залился слезами.

— Дитя мое, продолжалъ старичекъ, у тебя такое блѣдное и испуганное лицо. Что съ тобою?

— Отойдите отъ него и станьте подальше, сторожъ,—сказалъ другой старичекъ, отложивъ газету въ сторону и съ видимымъ участіемъ наклоняясь къ мальчику.—Объясни намъ, дружокъ, что съ тобою; не бойся.

Оливеръ упалъ на колѣни, и сложивъ рученки, сталъ молить, чтобъ его не отдавали этому страшному человѣку,— лучше опять заприте его въ темную комнату, уморите его голодомъ, сѣките, убейте, если вамъ этого хочется!

— Ну, воскликнулъ м-ръ Бомбль, торжественно поднимая руки и глаза кверху,—ну, признаюсь! изо всѣхъ лукавыхъ и хитрыхъ сиротъ, какихъ я видѣлъ, ты, Оливеръ, самый наглый и безстыдный!

— Придержите свой языкъ, произнесъ вслѣдъ за этой негодующей рѣчью второй старичекъ.

—Извините, ваша честь,—сказалъ м-ръ Бомбль, не вѣря своимъ ушамъ,—вы это изволили говорить мнѣ?

— Да, вамъ. Придержите свой языкъ.

М-ръ Бомбль онѣмѣлъ отъ изумленія. Ему, сторожу приходскому, велятъ молчать! Да это колеблетъ всѣ основы нравственности!

Старичекъ въ черепаховыхъ очкахъ выразительно посмотрѣлъ на своего сосѣда, тотъ многозначительно ему кивнулъ.

— Мы отказываемся утвердить этотъ контрактъ, проговорилъ первый старичекъ, бросая въ сторону пергаментъ.

— Конечно, члены магистрата не подумаютъ, что приходскія власти вели себя въ этомъ дѣлѣ не надлежащимъ образомъ,—заикаясь пробормоталъ м-ръ Лимбкинсъ,—не сдѣлаютъ такого заключенія, основываясь лишь на ничѣмъ не доказанныхъ словахъ этого ребенка...

— Судить о поведеніи приходскихъ властей не дѣло членовъ магистрата, они не на то поставлены, рѣзко замѣтилъ второй старичекъ.—Возьмите этого малютку обратно въ Домъ Призрѣнія и обращайтесь съ нимъ получше; онъ, кажется, въ этомъ сильно нуждается.

Вечеромъ въ этотъ день джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ рѣшительно и непреложно заявилъ, что Оливеръ не только будетъ повѣшенъ, но, кромѣ того, колесованъ и четвертованъ на базарной площади. М-ръ Бомбль съ зловѣщей таинственностью качалъ головою и выражалъ пожеланіе, чтобъ Оливеръ когда-нибудь вернулся къ добру, на что м-ръ Гемфильдъ отвѣчалъ пожеланіемъ, чтобъ Оливеръ вернулся къ нему, и хотя онъ съ Бомблемъ во многомъ сходился, но на этотъ разъ ихъ желанія были, какъ кажется, совершенно противоположны.

На слѣдующее утро опять объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что Оливеръ Твистъ предлагается желающимъ, и что пять фунтовъ будутъ выданы тому, кто его возьметъ въ свое распоряженіе.

ГЛАВА IV.

Оливеру предлагаютъ другое мѣсто и онъ впервые вступаетъ въ свѣтъ.

Въ знатныхъ семействахъ принято отдавать во флотъ тѣхъ молодыхъ людей, для которыхъ не предвидится выгоднаго

мѣста ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Въ подражаніе столь мудрому и спасительному обычаю приходскіе попечители держали совѣтъ о томъ, чтобы опредѣлить Оливера на какое нибудь купеческое суденышко, отправляющееся въ мѣста съ нездоровымъ климатомъ. То, что тамъ его ожидало, было наилучшимъ изо всего, что могло его постигнуть; но можно было предполагать, что еще по дорогѣ шкиперъ подъ веселую руку засѣчетъ его до смерти или проломитъ ему черепъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, составляетъ любимое и самое обыкновенное времяпрепровожденіе у людей этого сорта. Когда съ этой точки зрѣнія Совѣтъ взглянулъ на дѣло, выяснилась бездна преимуществъ такого шага, и всѣ единогласно пришли къ заключенію, что единственный вѣрный способъ оказать благодѣяніе Оливеру—немедленно же опредѣлить его въ морскую службу.

М-ръ Бомбль былъ откомандированъ навести справки, не найдется ли капитанъ или шкиперъ, желающій взять въ юнги одинокаго мальчика. Возвращаясь съ этихъ поисковъ, онъ встрѣтился у воротъ Дома Призрѣнія съ мистеромъ Соуерберри, приходскимъ гробовщикомъ. Это былъ высокій, нескладный, худой мужчина въ поношенной черной парѣ, черныхъ штопанныхъ чулкахъ и такихъ же башмакахъ. Лицо у него было такое, точно ему совсѣмъ несвойственно было улыбаться, впрочемъ, онъ не прочь былъ пошутить, какъ всѣ люди его профессіи; шелъ онъ, едва касаясь земли. При видѣ мистера Бомбля на челѣ гробовщика отразилось внутреннее удовольствіе, и онъ дружески потрясъ ему руку.

— Я, мистеръ Бомбль, снималъ только что мѣрку съ двухъ женщинъ, умершихъ въ эту ночь, сказалъ гробовщикъ.

— Мистеръ Соуерберри, вы составите себѣ состояніе! проговорилъ сторожъ, запуская два пальца въ предложенную ему табакерку, сдѣланную въ видѣ изящнаго миніатюрнаго гробика.—Попомните мое слово, вы составите себѣ состояніе, мистеръ Соуерберри, повторилъ сторожъ, дружески хлопнувъ тростью по плечу гробовщика.

— Вы думаете? наполовину утвердительно, наполовину сомнительно протянулъ гробовщикъ.—Совѣтъ назначаетъ очень маленькія цѣны, м-ръ Бомбль.

— Да вѣдь и гробы-то маленькіе! возразилъ сторожъ съ такимъ громкимъ смѣхомъ, какой только можетъ позволить себѣ лицо, занимающее столь высокую должность. Какъ и слѣдовало ожидать, эта острота очень понравилась мистеру Соуерберри, и онъ долго хохоталъ. „Оно точно, мистеръ Бомбль“, проговорилъ онъ, наконецъ: [нѣтъ спору, съ тѣхъ поръ, какъ ввели новую систему кормленія призрѣваемыхъ, гробы стали нѣсколько уже и ниже обыкновеннаго] но должны же мы имѣть какую-нибудь выгоду, мистеръ Бомбль: хорошій строевой лѣсъ дорогъ, сэръ, опять же и желѣзныя ручки выписываемъ мы изъ Бирмингама.

— Ну да, у всякаго ремесла есть своя оборотная сторона, согласился м-ръ Бомбль. Разумѣется, брать барышъ позволительно.

— Разумѣется, подхватилъ гробовщикъ. Если-бъ я не сталъ выручать барыша на томъ да на другомъ изъ своихъ кліентовъ, мнѣ бы пришлось долгонько-таки дожидаться, пока я отъ нихъ получу, хе-хе-хе!

— Что вѣрно, то вѣрно, вставилъ м-ръ Бомбль.

— Но и то слѣдуетъ сказать,—продолжалъ прерванную рѣчь гробовщикъ,—слѣдуетъ сказать, мистеръ Бомбль, что мнѣ встрѣчается одно важное неудобство, а именно, рослый народъ скорѣе всего здѣсь умираетъ. Всѣ тѣ, кому жилось лучше, и кто былъ въ состояніи много лѣтъ жить собственными средствами, тотчасъ начинаютъ хирѣть, поступая въ Домъ, и кончаютъ свое земное поприще. А позвольте вамъ замѣтить, м-ръ Бомбль, что три-четыре дюйма разницы въ ростѣ много значатъ для нашихъ барышей, особенно, если есть на рукахъ семья, которую приходится содержать.

М-ръ Соуерберри произнесъ эти слова съ негодованіемъ несправедливо обиженнаго судьбою человѣка, и такъ какъ м-ръ Бомбль чувствовалъ, что тутъ нѣкоторымъ образомъ задѣта честь прихода, то счелъ нужнымъ перемѣнить предметъ разговора. Онъ заговорилъ о занимавшемъ его мысли Оливерѣ Твистѣ.

— А кстати, не знаете ли кого, мистеръ Соуерберри, кому бы былъ нуженъ мальчикъ? Приходъ предлагаетъ въ ученики одного, который виситъ у него на шеѣ, какъ мельничный жерновъ. И превыгодныя условія, мистеръ Соуерберри, превыгодныя! М-ръ Бомбль поднялъ трость къ висѣвшему какъ разъ надъ ними объявленію и три раза ударилъ по словамъ „*пять фунтовъ*“, напечатаннымъ огромными буквами.

— Какъ кстати! я какъ разъ объ этомъ хотѣлъ съ вами поговорить,—сказалъ гробовщикъ, взявъ мистера Бомбля за обложенную позументомъ петлю его форменнаго сюртука.— Видите ли... Ахъ, какія у васъ красивыя пуговицы, мистеръ Бомбль, раньше я не замѣчалъ ихъ.

— Да, признаться, очень недурны,—проговорилъ сторожъ, съ самодовольствіемъ глядя на большія мѣдныя пуговицы, украшавшія его сюртукъ.—Рисунокъ на нихъ тотъ же, что и на приходской печати: милосердный самарянинъ, подающій помощь больному и ограбленному человѣку. Совѣтъ подарилъ ихъ мнѣ на Новый годъ, и я, какъ теперь помню, надѣлъ ихъ въ первый разъ, когда былъ на слѣдствіи о смерти того мастерового, который умеръ ночью у воротъ Дома Призрѣнія.

— Помню, помню. Еще присяжные постановили, что смерть послѣдовала отъ стужи и испытанныхъ имъ чрезмѣрныхъ лишеній.

М-ръ Бомбль кивнулъ головой.

— Кажется, тогда присяжными было подано особое заявленіе,—продолжалъ гробовщикъ,—гдѣ говорилось, что мастеровой не умеръ бы, если бъ чиновникъ комитета попеченія о бѣдныхъ принялъ...

— Ахъ, какія глупости! прервалъ сторожъ. Если бъ Совѣтъ слушалъ всѣ безсмыслицы, какія говорятъ дураки присяжные, ему ихъ во вѣкъ бы не переслушать.

— Совершенная правда, поддержалъ гробовщикъ.

„И превыгодныя условія, мистеръ Соуерберри, превыгодныя"!

— Присяжные, продолжалъ Бомбль, крѣпко стискивая свою трость, какъ обыкновенно дѣлалъ въ минуты гнѣва,—присяжные—это грубыя, презрѣнныя, низкія твари.

— Ужъ именно,—сказалъ гробовщикъ.

— Они ни на волосъ не смыслятъ ни въ фолософіи, ни въ политической экономіи, проговорилъ презрительно усмѣхаясь сторожъ.

— Ни на волосъ не смыслятъ! подтвердилъ гробовщикъ.

— Я ихъ презираю! М-ръ Бомбль даже покраснѣлъ при этихъ словахъ.

— И я тоже, подхватилъ гробовщикъ.

— Я желалъ бы, чтобъ самые несговорчивые изъ нихъ недѣльки на двѣ попали къ намъ въ Домъ Призрѣнія,—сказалъ сторожъ,—наши правила и постановленія скоро бы ихъ укротили.

— О, за это можно поручиться!—воскликнулъ гробовщикъ

и одобрительно улыбнулся, чтобъ успокоить расходившагося приходскаго служащаго.

М-ръ Бомбль стащилъ съ головы треуголку, досталъ спрятанный въ тульѣ носовой платокъ и, отеревъ съ лица выступившій отъ гнѣвной вспышки потъ, опять надѣлъ шляпу и обратился къ гробовщику уже болѣе спокойнымъ тономъ:

— Ну, такъ что же скажете насчетъ мальчика?

— Ахъ, мистеръ Бомбль, вамъ хорошо извѣстно, что мнѣ приходится не мало жертвовать на бѣдныхъ.

— Гм! произнесъ м-ръ Бомбль. Ну, такъ что жъ?

— Такъ вотъ мнѣ и думается, что если я переплачиваю много на нихъ, такъ имѣю право и съ нихъ брать, что могу, поэтому... поэтому, мистеръ Бомбль, я, кажется, самъ возьму этого мальчика.

М-ръ Бомбль схватилъ гробовщика за руку и потащилъ въ домъ. Послѣ пятиминутныхъ таинственныхъ переговоровъ ихъ съ Совѣтомъ, было рѣшено, что Оливеръ съ этого же вечера поступаетъ къ мистеру Соуерберри по „полюбовному соглашенію“; это выраженіе означало, въ приложеніи къ призрѣваемому сиротѣ, что въ случаѣ, если хозяинъ найдетъ, что мальчикъ можетъ работать за двоихъ и пищи потребуетъ мало, то онъ свободно можетъ держать его у себя до скончанія вѣковъ и дѣлать съ нимъ все, что угодно.

Маленькій Оливеръ былъ вытребованъ въ тотъ же вечеръ передъ лицо Совѣта, и ему было объявлено, что онъ поступаетъ къ гробовому мастеру въ услуженіе; къ этому прибавили, что если онъ вздумаетъ жаловаться на свое положеніе, или, чего добраго, прибѣжитъ назадъ, то его опредѣлятъ въ морскую службу, гдѣ онъ или утонетъ, или, можетъ статься, ему проломятъ башку. Выслушавъ это, Оливеръ обнаружилъ такъ мало чувства, что члены Совѣта въ одинъ голосъ объявили его закоренѣлымъ негодяемъ и велѣли мистеру Бомблю увести его вонъ.

Хотя и было вполнѣ естественно, что Совѣтъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ долженъ былъ изумиться и почувствовать добродѣтельное негодованіе при малѣйшемъ признакѣ нечувствительности въ комъ бы то ни было, тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ онъ жестоко ошибался. Дѣло въ томъ, что у Оливера не только не было недостатка въ чувствительности, напротивъ, было ея слишкомъ много, и если онъ былъ близокъ къ тому, чтобы стать дурачкомъ и озлобиться, виною тому было дурное обращеніе, которому онъ подвергался. Онъ выслушалъ въ глубокомъ молчаніи извѣстіе о своей новой должности и только нахлобучилъ глубже себѣ на глаза картузъ, когда ему сдали на руки его пожитки. Нести ихъ ему было не тяжело, потому что всѣ они заключались въ пакетикѣ оберточной бумаги въ квадратную четверть аршина величиною и толщиной въ вершокъ. Еще разъ онъ прицѣпился къ обшлагу м-ра Бомбля, и

этотъ почтенный служитель увелъ его на новую арену страданій.

Довольно долго м-ръ Бомбль безмолвно тащилъ за собою Оливера. У него была привычка держаться прямо и высоко нести голову, какъ приличествовало его сану, а по случаю вѣтряной погоды маленькій Оливеръ былъ совершенно прикрытъ распахнувшимися фалдами сюртука мистера Бомбля, которыя раздувались вѣтромъ и выказывали во всей прелести жилетныя полы и черныя плисовыя панталоны.

Когда они были уже близко къ мѣсту своего назначенія, м-ръ Бомбль счелъ нужнымъ взглянуть, готовъ ли мальчикъ предстать предъ очи своего новаго хозяина, все ли у него въ порядкѣ. Онъ оглянулся, какъ и подобало съ снисходительнымъ, покровительственнымъ видомъ и кликнулъ: „Оливеръ!"

— Слушаю, сэръ, отозвался тотъ тихимъ трепещущимъ голосомъ.

— Подыми голову и поправь шапку; зачѣмъ ты надвинулъ ее на глаза!

Оливеръ тотчасъ сдѣлалъ, что ему приказывали и проворно провелъ свободной рукою по глазамъ; однако, когда онъ взглянулъ на своего провожатаго, въ глазахъ его стояла еще невысохшая слезинка. М-ръ Бомбль посмотрѣлъ на него грозно, и слеза покатилась по щекѣ, за ней другая, потомъ еще и еще. Ребенокъ сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе, чтобъ удержать эти слезы, но это ему не удалось. Онъ выдернулъ свою другую руку изъ рукъ мистера Бомбля, спряталъ лицо въ ладони и такъ расплакался, что слезы заструились ручьями по его худымъ костлявымъ пальцамъ.

— Ну! вскричалъ м-ръ Бомбль, круто останавливаясь и окидывая своего маленькаго спутника самымъ непріязненнымъ взглядомъ: „Ну! изъ всѣхъ неблагодарныхъ и неисправимыхъ мальчишекъ, какихъ я зналъ, ты, Оливеръ, самый...

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ! зарыдалъ Оливеръ, хватаясь за руку, державшую хорошо знакомую ему трость,—нѣтъ, нѣтъ! Я буду хорошимъ мальчикомъ, сэръ, ну, право, буду, буду! Я вѣдь такой маленькій, сэръ, и такъ... такъ...

— Чего такъ? удивленно спросилъ м-ръ Бомбль.

— Такъ одинокъ, сэръ! Совсѣмъ одинокъ!—плакалъ мальчикъ. Всѣ-то меня ненавидятъ... О, прошу васъ, сэръ, не сердитесь на меня! Ради Бога, не сердитесь!—И онъ ударилъ рученкой себя въ грудь и глазами, полными муки, взглянулъ на мистера Бомбля.

Нѣсколько секундъ м-ръ Бомбль съ изумленіемъ смотрѣлъ на жалкую, безпомощную фигурку Оливера, нѣсколько разъ прохрипѣлъ „гм! гм!" и, пробормотавъ что-то на счетъ „этого несноснаго кашля", попросилъ Оливера вытереть глаза, больше не плакать и быть хорошимъ мальчикомъ. Затѣмъ онъ опять взялъ его за руку и молча пошелъ дальше.

Гробовщикъ, только что запершій ставни въ своей лавкѣ, при свѣтѣ сальнаго огарка вносилъ какія то записи въ книгу прихода, когда м-ръ Бомбль вошелъ.

— А, это вы, Бомбль! возгласилъ гробовщикъ, поднимая глаза отъ книги и останавливаясь посрединѣ слова.

— Я собственной особой, м-ръ Соуерберри. Я привелъ вамъ мальчика.

Оливеръ поклонился.

— А, такъ вотъ онъ каковъ! проговорилъ гробовщикъ. Чтобъ лучше разглядѣть Оливера, онъ поднялъ свѣчу надъ головой. „Женушка, поди-ка сюда на минутку!“

Изъ комнатки позади лавки появилась мистриссъ Соуерберри. Это была маленькая, тоненькая, вытянутая въ струнку дама съ злымъ лицомъ.

— Дорогая моя, почтительно обратился къ ней мужъ: вотъ мальчикъ изъ Дома Призрѣнія, о которомъ я давеча тебѣ говорилъ.

Оливеръ опять поклонился.

— Этотъ! воскликнула м-съ Соуерберри—о, да онъ ужасъ какой маленькій!

— Онъ, правда, нѣсколько малъ, замѣтилъ м-ръ Бомбль, глядя на Оливера такъ укоризненно, будто это была его вина, что онъ не былъ выше.—Онъ маловатъ, нѣтъ спора, но онъ выростетъ, мистриссъ Соуерберри, онъ выростетъ!

— Ахъ, я сама знаю, что онъ выростетъ! раздражительно отвѣтила эта дама,—да выростетъ-то съ нашихъ харчей, пить-ѣсть у насъ вѣдь будетъ. Я не вижу никакой выгоды брать приходскихъ воспитанниковъ, содержаніе ихъ всегда обходится гораздо дороже, чѣмъ они сами стоятъ. Только мужчины всегда думаютъ, что они понимаютъ лучше,—пускай! Ну, ступай внизъ, заморышъ! Съ этими словами жена гробовщика открыла боковую дверь и по крутой лѣсенкѣ протолкнула Оливера въ темный, сырой каменный подвалъ рядомъ съ угольнымъ чуланомъ, носившій названіе „кухни“; тамъ сидѣла неряшливая дѣвушка въ спавшихъ съ ноги башмакахъ и до нельзя изорванныхъ синихъ чулкахъ.

— Шарлотта,—сказала ей м-съ Соуерберри, которая тоже сошла сюда вслѣдъ за Оливеромъ,—дай этому мальчику тѣ холодные куски, что были оставлены для Трипа. Онъ не являлся домой съ самаго утра, значитъ, можетъ обойтись и безъ нихъ. Этотъ мальчикъ, я думаю, не очень разборчивъ и съѣстъ ихъ. Ты станешь ихъ ѣсть, мальчикъ?

Оливеръ отвѣчалъ утвердительно: у него глаза загорѣлись при одномъ упоминаніи объ ѣдѣ, и онъ весь дрожалъ отъ нетерпѣнія проглотить все, что ни дадутъ. Передъ нимъ поставили полную тарелку всякихъ оставшихся отъ обѣда недоѣденныхъ кусковъ.

Желалъ бы я, чтобъ какой-нибудь хорошо упитанный фило-

софъ, въ которомъ пища и питье превратились въ желчь, у котораго въ жилахъ не кровь, а ледъ, и желѣзное сердце въ груди, чтобъ этотъ философъ взглянулъ, какъ набросился Оливеръ Твистъ на лакомые кусочки, которыхъ не захотѣла ѣсть собака. Я желалъ бы, чтобъ этотъ философъ видѣлъ, съ какой ужасной жадностью раздиралъ Оливеръ эти куски, точно голодный дикарь. А еще больше хотѣлось бы мнѣ видѣть, какъ этотъ самый философъ самъ сталъ бы кушать эту ѣду съ такимъ же аппетитомъ.

— Ну, сытъ ли ты? спросила жена гробовщика, когда Оливеръ кончилъ этотъ ужинъ. Она съ безмолвнымъ ужасомъ смотрѣла на то, какъ онъ ѣлъ, со страхомъ предчувствуя его будущій аппетитъ.

Оливеръ отвѣтилъ ей, что онъ сытъ, такъ какъ ужъ больше нечего было ѣсть.

— Такъ ступай за мною, сказала мистриссъ Соуербери и взявъ грязную тусклую лампу, повела его опять наверхъ. Спать ты будешь подъ прилавкомъ, надѣюсь, ты не побоишься спать среди гробовъ? Впрочемъ, если и боишься, это все равно дѣлу не поможетъ, потому что больше тебѣ спать негдѣ. Чего жъ ты стоишь? Не ждать мнѣ тебя здѣсь цѣлую ночь!

Оливеръ пересталъ колебаться и покорно пошелъ затворить дверь за своей новой хозяйкой.

ГЛАВА V.

Оливеръ знакомится съ новымъ товарищемъ, и отправившись въ первый разъ на похороны, составляетъ невыгодное мнѣніе о занятіи своего хозяина.

Оставшись одинъ въ лавкѣ похоронныхъ дѣлъ мастера, Оливеръ поставилъ лампу на скамью и кинулъ робкій взглядъ вокругъ. Какой трепетъ и ужасъ онъ чувствовалъ, легко поймутъ и многіе изъ людей, которые гораздо старше его лѣтами. Стоявшій посреди комнаты на черныхъ козлахъ неоконченный гробъ имѣлъ такой зловѣщій, погребальный видъ, что Оливера пробирала холодная дрожь всякій разъ, какъ попадался ему на глаза этотъ страшный предметъ; ему все казалось, что вотъ-вотъ оттуда медленно подыметъ голову мертвецъ и направится къ нему; онъ готовъ былъ сойти съ ума отъ страха. Вдоль стѣнъ, въ правильномъ порядкѣ, былъ разставленъ рядъ бѣлыхъ оструганныхъ, обрѣзанныхъ въ формѣ гроба, досокъ; при тускломъ освѣщеніи онѣ казались выходцами съ того свѣта, которые, заложивъ руки въ карманы и высоко вздернувъ плечи, выстроились въ длинную шеренгу. На полу валялись стружки, опилки, блестящіе гвозди и бляшки, обрѣзки черной матеріи. Стѣна за прилавкомъ была украшена изобра-

женіемъ двухъ факельщиковъ, стоящихъ въ полномъ нарядѣ у дверей какого-то дома, къ которому подъѣзжаетъ погребальная колесница, везомая четверкой черныхъ коней. Въ комнатѣ былъ спертый жаркій воздухъ, атмосфера казалась пропитана запахомъ гробовъ. Углубленіе подъ конторкой, куда былъ брошенъ войлочный тюфякъ для Оливера, напоминало склепъ.

Но Оливера угнетало не только это. Онъ былъ одинъ и въ незнакомомъ мѣстѣ, а намъ всѣмъ извѣстно, какой леденящій холодъ одиночества охватываетъ при такихъ условіяхъ. У него не было друзей, которые думали бы о немъ, мысль о которыхъ поддерживала бы его. Въ его душѣ не было тоски по недавней разлукѣ съ милыми сердцу, его не угнетало отсутствіе любимыхъ, хорошо знакомыхъ лицъ; но у него, тѣмъ не менѣе, было тяжело на сердцѣ, и когда онъ заползъ на свою узкую постель, у него явилось желаніе, чтобъ она стала его гробомъ, чтобъ онъ покоился безмятежнымъ вѣчнымъ сномъ на кладбищѣ, гдѣ высокая трава ласково будетъ надъ нимъ склоняться, и звукъ разбитаго колокола старенькой церкви будетъ его убаюкивать.

Его разбудилъ поутру громкій стукъ съ улицы въ дверь лавки. Пока онъ успѣлъ набросить на себя платье, сердитый повелительный стукъ повторился разъ двадцать, и когда онъ сталъ отнимать замыкавшую дверь цѣпь, въ дверь застучали ногами, и чей-то голосъ прокричалъ:

— Да отопрешь-ли ты, наконецъ?

— Сію минуту, отвѣчалъ Оливеръ, поворачивая ключъ въ замкѣ.

— Ты, вѣроятно, вновь поступившій мальчикъ? спросилъ голосъ сквозь замочную скважину.

— Да, сэръ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Десятый годъ, сэръ.

— Такъ я тебя поколочу, когда войду, продолжалъ голосъ.— Вотъ увидишь, что я это сдѣлаю, найденышъ!—И послѣ такого пріятнаго обѣщанія находившійся за дверями принялся свистать.

Оливеру слишкомъ хорошо было знакомо значеніе этого выразительнаго слова, поэтому онъ ни минуты не сомнѣвался, что разговаривавшій съ нимъ непремѣнно сдержитъ свое обѣщаніе. Дрожащей рукой снялъ онъ засовы и раскрылъ дверь.

Но за дверью никакого страшнаго незнакомца не оказалось. Думая, что онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, Оливеръ посмотрѣлъ въ одну и въ другую сторону, посмотрѣлъ на середину улицы, но не увидѣлъ никого, кромѣ толстаго пріютскаго мальчика, который, сидя на тумбѣ, уплеталъ хлѣбъ съ масломъ, разрѣзывая его складнымъ ножомъ на маленькіе кусочки и проворно отправляя себѣ въ ротъ.

— Позвольте спросить, это вы стучались? обратился наконецъ къ нему Оливеръ, видя, что больше никто не показывается.

— Да, я стучалъ, отвѣтилъ пріютскій мальчикъ.

— Вамъ нуженъ гробъ? простодушно спросилъ Оливеръ.

Пріютскій мальчикъ звѣрски посмотрѣлъ на него и сказалъ, что ему, Оливеру, скоро понадобится гробъ, если онъ будетъ себѣ позволять такія шутки съ тѣми, кто ему не пара.

— Ты развѣ не знаешь, кто я такой? Отвѣчай, питомецъ,—не знаешь? съ важностью продолжалъ пріютскій мальчикъ, подымаясь съ тумбы.

— Не знаю, сударь.

— Я мистеръ Ной Клейполь, и ты подъ начальствомъ у меня,—проговорилъ пріютскій мальчикъ, давая ему подзатыльника.—Снимай ставни, лѣнтяй! скомандовалъ онъ, входя съ величественнымъ, полнымъ достоинства видомъ.

Довольно трудно казаться величественнымъ большеголовому нескладному, неповоротливому малому съ узкими, какъ щелки, глазами, но еще труднѣе, если вдобавокъ ко всѣмъ этимъ прелестямъ присоединить красный носъ и веснушки.

Оливеръ снялъ ставни и отнесъ ихъ на маленькій дворикъ, гдѣ онѣ лежали въ продолженіе дня, при чемъ разбилъ одно изъ стеколъ, покачнувшись подъ тяжестью непосильной ноши.

Ной сказалъ ему въ утѣшеніе, что ему „попадетъ“, и подъ конецъ соблаговолилъ помочь ему. Вскорѣ пришелъ мистеръ Соуерберри, а вслѣдъ затѣмъ появилась и его дражайшая половина. Оливеръ, которому, дѣйствительно, „попало“, какъ предсказывалъ Ной, былъ отправленъ вмѣстѣ съ этимъ молодымъ человѣкомъ завтракать на кухню.

— Ной, садись поближе къ огоньку, сказала Шарлотта. Я отъ хозяйскаго завтрака припрятала для тебя славный кусочекъ свинины. Оливеръ, запри дверь за мистеромъ Ноемъ и возьми себѣ куски, которые положены на крышку кастрюльки. Вотъ твой чай, садись на томъ сундукѣ и пей поскорѣе, такъ какъ ты нуженъ въ лавкѣ. Слышишь, живѣе поворачивайся!

— Слышишь, подкидышъ? подхватилъ Ной.

— Ахъ, какой ты шутникъ, Ной! Брось его, на что онъ тебѣ!

— Бросить его? вскричалъ Ной. — Да вѣдь его и такъ всѣ бросили, и отецъ, и мать навсегда его покинули, и всѣ его родичи отъ него отступились. Живи—не тужи, какъ хочешь! Вѣрно я говорю, Шарлотта? Ха-ха-ха!

— Охъ, весельчакъ же ты! воскликнула Шарлотта, вмѣстѣ съ нимъ заливаясь хохотомъ и презрительно глядя на бѣднаго дрожащаго Оливера, который, сидя на сундукѣ у дверей, ѣлъ нарочно для него отложенные черствые куски.

Ной былъ воспитанникъ благотворительнаго пріюта, но не сирота изъ Дома Призрѣнія; онъ не былъ дитя любви, неизвѣстнаго происхожденія родители его жили неподалеку: мать—

прачка, отецъ пьяница—инвалидъ, вознагражденный за свою солдатскую службу пенсіей въ два съ половиной пенса въ день и деревянной ногой. Мальчики изъ сосѣднихъ лавокъ постоянно дразнили Ноя, когда тотъ проходилъ по улицѣ, надѣляя его всякими презрительными кличками, и Ной терпѣливо сносилъ ихъ насмѣшки. Теперь судьба послала ему безроднаго найденыша, на котораго всякій человѣкъ самаго низкаго происхожденія могъ съ презрѣніемъ указать пальцемъ, и онъ принялся допекать его. Какая тутъ благодарная пища для философскихъ умозрѣній: этотъ примѣръ намъ ясно показываетъ, сколь прекрасной можно сдѣлать человѣческую природу, и какъ одинаково развиваются одни и тѣ же милыя качества въ изящнѣйшемъ лордѣ и грязномъ мальчишкѣ изъ богадѣльни.

Оливеръ уже около мѣсяца жилъ у гробовщика. Разъ м-ръ и м-съ Соуерберри сидѣли за ужиномъ въ столовой, — лавка была уже заперта. М-ръ Соуерберри, послѣ многихъ робкихъ взглядовъ на супругу, произнесъ:

— Моя милая...

Онъ хотѣлъ продолжать, но быстро осѣкся, такъ какъ мистриссъ Соуерберри посмотрѣла на него очень неблагосклонно.

— Ну? съ раздраженіемъ выговорила м-съ Соуерберри.

— Ничего, милочка, ничего, это я, такъ поспѣшилъ сказать мужъ.

— У, варваръ! молвила м-съ Соуерберри.

— О нѣтъ, мой другъ! смиренно сталъ оправдываться мистеръ Соуерберри. Я думалъ, что ты не расположена слушать. Я только хотѣлъ сказать, что...

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, не говорите! перебила м-съ Соуерберри. — Зачѣмъ вамъ со мной совѣтоваться, кто я такая? Я здѣсь ничто. Пожалуйста, не говорите, я не хочу врываться въ вашу душу, узнавать ваши тайны! При этихъ словахъ мистриссъ Соуерберри разсмѣялась такимъ истерическимъ смѣхомъ, который грозилъ опасными послѣдствіями.

— Но, моя душа, мнѣ надо съ тобою посовѣтоваться...

— Нѣтъ, пожалуйста, не спрашивай меня,—воскликнула патетически м-съ Соуерберри,—спрашивай кого-нибудь другого.— Тутъ снова послышался истерическій хохотъ, сильно напугавшій мистера Соуерберри.

Это весьма распространенное, испытанное средство нерѣдко примѣняется въ супружеской тактикѣ и часто бываетъ чрезвычайно дѣйствительно. И теперь оно заставило м-ра Соуерберри вымаливать какъ особую милость, чтобъ ему было разрѣшено сказать то, что его женѣ до смерти хотѣлось узнать.

Послѣ непродолжительныхъ упрашиваній, занявшихъ всего три четверти часа, она великодушно дала свое позволеніе.

— Я хотѣлъ сказать касательно Твиста, дружочекъ, — началъ м-ръ Соуерберри.—У этого мальчика очень хорошій видъ...

— Еще бы, онъ столько ѣстъ! вставила м-съ Соуерберри.

— На его лицѣ какое-то печальное выраженіе, — продолжалъ м-ръ Соуерберри,—удивительно интересное выраженіе. Изъ него выйдетъ прекрасный факельщикъ, душа моя.

Мистриссъ Соуерберри взглянула на него съ изумленіемъ. Это не укрылось отъ мистера Соуерберри, и не давъ ей времени высказать какое-либо замѣчаніе, онъ продолжалъ:

— Я подразумѣваю не такого факельщика, который обыкновенно сопровождаетъ погребальныя процессіи, я говорю только чтобъ онъ принималъ участіе при похоронахъ дѣтей. Это будетъ совсѣмъ ново—факельщикъ подъ ростъ покойника, и произведетъ удивительный эффектъ, могу тебя увѣрить, дружочекъ!

М-съ Соуерберри, понимавшая толкъ въ этомъ дѣлѣ, была поражена новизною выдумки, но, при существующихъ обстоятельствахъ, выразить свое восхищеніе значило уронить свое достоинство; въ силу этого она только спросила мужа очень колко, почему такая простая мысль прежде не пришла ему въ голову. Изъ этого м-ръ Соуерберри былъ вправѣ заключить, что его предложеніе принято благосклонно. Тотчасъ же было рѣшено посвятить Оливера во всѣ тайны ихъ искусства, и въ видахъ этого онъ долженъ былъ сопровождать своего хозяина въ первый же разъ, какъ потребуются его услуги.

Случай не замедлилъ представиться. На слѣдующее утро, только что они кончили завтракать, пришелъ м-ръ Бомбль. Положивъ свою трость на прилавокъ, онъ досталъ кожаную записную книжку огромныхъ размѣровъ, и вынувъ изъ нея лоскутокъ бумаги, вручилъ его мистеру Соуерберри.

— А! съ веселымъ лицомъ произнесъ м-ръ Соуерберри, взглянувъ на бумагу,—такъ прикажете гробъ?

— Во-первыхъ, гробъ, а потомъ похороны на счетъ прихода, отвѣтилъ м-ръ Бомбль, затягивая ремешкомъ свою книжку, которая въ толщинѣ не уступала ему самому.

— Бейтонъ,—прочелъ гробовщикъ на запискѣ и взглянулъ на мистера Бомбля,—я никогда о такомъ не слыхивалъ.

М-ръ Бомбль грустно покачалъ головой.—„Упрямые люди, м-ръ Соуерберри, упрямые, какъ черти, и вдобавокъ гордые“.

— Гордые? съ усмѣшкой переспросилъ м-ръ Соуерберри.— Это ужъ черезчуръ.

— Да, очень плачевно, очень. Просто изъ рукъ вонъ, мистеръ Соуерберри!

— Вѣрно, вѣрно подтвердилъ гробовщикъ.

— Мы узнали о семьѣ этой только третьяго дня, — сталъ разсказывать м-ръ Бомбль.—И только потому узнали, что проживающая въ одномъ съ ними домѣ женщина сдѣлала заявленіе о нихъ въ приходскій комитетъ попеченія о бѣдныхъ, прося прислать приходскаго врача, взглянуть на больную, которой стало очень худо. Врачъ обѣдалъ въ это время, но апте-

карскій ученикъ, который работаетъ у него,—шустрый такой мальчишка,—тотчасъ же послалъ имъ лекарства, какое случилось подъ рукою, въ пузырькѣ изъ подъ ваксы.

— Скажите, какая скорая помощь! замѣтилъ гробовщикъ.

— Ужъ именно не заставилъ ждать. И что же? Какова неблагодарность этихъ людей! Можете себѣ представить: мужъ прислалъ сказать, что это лекарство не годится для болѣзни его жены, и она его не приметъ. Да, сэръ, такъ и объявилъ, что она его не приметъ! Хорошее, сильно дѣйствующее полезное лекарство, которое на прошлой недѣлѣ съ большимъ успѣхомъ давали двумъ ирландцамъ землекопамъ и угольщику, лекарство, которое вмѣстѣ съ пузырькомъ отъ ваксы посылаютъ имъ даромъ, а онъ присылаетъ сказать, что жена его не приметъ!

При мысли о такой страшной дерзости, м-ръ Бомбль, весь красный отъ негодованія, громко стукнулъ палкой по прилавку.

— Просто неслыханно! Никто никогда на это не рѣшался. Ну, теперь вотъ она умерла, намъ приходится ее хоронить. Тутъ вотъ распоряженіе. Чѣмъ скорѣе это обдѣлать, тѣмъ лучше.

Съ этими словами м-ръ Бомбль вышелъ изъ лавки, надѣвъ, въ пылу азарта свою треугольную шляпу задомъ напередъ.

— Онъ сегодня такой сердитый, что даже о тебѣ, Оливеръ, забылъ справиться, проговорилъ м-ръ Соуерберри, слѣдя глазами за сторожемъ, переходившимъ на другую сторону улицы.

Во время визита мистера Бомбля Оливеръ спрятался, чтобъ какъ-нибудь не попасться на глаза, и теперь еще дрожалъ всѣмъ тѣломъ при одномъ воспоминаніи о немъ. Однако, эта предосторожность была совершенно лишняя. Предсказаніе джентльмена въ бѣломъ жилетѣ произвело на мистера Бомбля слишкомъ сильное впечатлѣніе, и онъ остерегался заговаривать съ гробовщикомъ объ Оливерѣ, пока тотъ послѣ предварительнаго испытанія не оставитъ его у себя на семилѣтній срокъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, такъ что приходъ будетъ совершенно застрахованъ отъ опасности получить своего вскормленника опять на свои руки.

— Ну, надо поскорѣе обдѣлать это дѣльце, продолжалъ берясь за шляпу, м-ръ Соуерберри.—Ной, ты останешься присматривать за лавкой, а ты, Оливеръ, возьми шапку, пойдешь со мною.

Оливеръ исполнилъ, что ему приказывали, и послѣдовалъ за своимъ хозяиномъ. Ихъ путь лежалъ по самой бѣдной и самой населенной части города. Добравшись до узкаго переулка, который былъ еще грязнѣе и гаже прочихъ, они стали разыскивать домъ, который былъ имъ нуженъ. Дома въ этой улицѣ были огромные, высокіе, но очень ветхіе и населенные самымъ бѣднымъ классомъ, какъ можно было судить уже по одному

ихъ запущенному виду, еслибъ объ этомъ не докладывали грязныя рубища ихъ обитателей мужескаго и женскаго пола, которые изрѣдка показывались въ окнахъ. Почти во всѣхъ домахъ были внизу лавки, теперь давно заколоченныя и заброшенныя; жилыми оставались только верхніе этажи. Нѣкоторыя зданія отъ дряхлости и давности покосились и упали бы на улицу, если бъ ихъ не поддерживали толстые деревянные брусья, которыми были подперты стѣны; но и эти колеблющіяся лачужки, повидимому, служили мѣстомъ ночлега для какихъ-нибудь бездомныхъ бродягъ, потому что толстыя доски, которыми были заколочены двери и окна, кое-гдѣ были оторваны и сдвинуты, съ цѣлью образовать отверстіе достаточное, чтобы пролѣзть человѣку. Въ засоренныхъ сточныхъ канавахъ вода загнила, тамъ и сямъ валялись околѣвшія отъ голода крысы, заражавшія воздухъ вонью.

У двери, гдѣ остановились Оливеръ со своимъ хозяиномъ, не было ни колокольчика, ни молотка, да она и заперта не была, поэтому гробовщикъ прямо вошелъ въ темный корридоръ, посовѣтовавъ Оливеру не пугаться и держаться къ нему поближе, поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ и сталъ стучать кулакомъ въ дверь.

Имъ открыла дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Бросивъ взглядъ во внутренность комнаты, гробовщикъ сразу узналъ, что онъ пришелъ туда, куда слѣдовало, и вошелъ; Оливеръ за нимъ.

Комната была не топлена, но ея хозяинъ по привычкѣ помѣстился у камина; возлѣ него, на низкомъ табуретѣ, сидѣла старуха. Въ другомъ углу было нѣсколько оборванныхъ ребятишекъ, а на небольшомъ отъ нихъ разстояніи, напротивъ дверей, лежалъ на полу, прикрытый старымъ одѣяломъ, какой-то предметъ. Оливеръ вздрогнулъ, когда его взглядъ упалъ на этотъ предметъ, и невольно крѣпче прижался къ своему хозяину. Онъ догадался, что подъ одѣяломъ трупъ.

Мужчина былъ блѣденъ и худъ, его волосы и борода были всклокочены, глаза воспалены. Лицо старухи было изборождено морщинами, два оставшіеся зуба торчали надъ нижней губой, глаза у нея были блестящіе, насквозь пронизывающіе. Оливеру страшно было смотрѣть на нее и на мужчину, они показались ему очень похожими на голодныхъ крысъ, которыхъ онъ видѣлъ на улицѣ.

— Не смѣйте подходить къ ней! вскричалъ мужчина, съ бѣшенствомъ вскакивая съ мѣста, когда гробовщикъ приблизился къ тѣлу.—Назадъ, говорю тебѣ, если тебѣ дорога жизнь!

— Безъ глупостей, любезный, безъ глупостей! возразилъ гробовщикъ, давно привыкшій ко всѣмъ проявленіямъ горя.

— Говорятъ вамъ, я не позволю зарывать ее въ землю! сжимая кулаки и яростно топая ногами кричалъ мужъ покойной.—Не дамъ ее зарывать! Ей тамъ не будетъ покою; черви

станутъ ее терзать. не съѣдятъ ее, а терзать будутъ, а она уже и такъ довольно истерзана!

Гробовщикъ не отвѣчалъ ни слова на эту безумную рѣчь. Онъ вынулъ изъ кармана тесьму и на минуту опустился на колѣни передъ трупомъ.

— О! простоналъ мужчина, заливаясь слезами и падая на колѣни передъ умершей.—На колѣни! Всѣ становитесь на колѣни передъ нею и слушайте меня. Знайте, она умерла отъ голода. Я не подозрѣвалъ, что она такъ плоха, пока она не слегла отъ лихорадки, и остались отъ нея только кости да кожа. У насъ не было ни топлива, ни свѣчи, она умерла въ потемкахъ. Въ темнотѣ умерла! Не могла даже видѣть лицъ своихъ дѣтей, мы только слышали, какъ она звала ихъ по именамъ. Я для нея сталъ просить милостыни по улицамъ, меня засадили въ тюрьму. Когда я оттуда возвратился, она умерла; у меня сердце облилось кровью, потому что ее уморили голодомъ. Да, клянусь Всевидящимъ Богомъ, они ее уморили голодомъ!“ Онъ обхватилъ голову руками и съ громкимъ воплемъ рухнулся на полъ, глаза его закатились, на губахъ клубилась пѣна.

Испуганныя дѣти заплакали, но старуха, до сихъ поръ сидѣвшая такъ спокойно, будто она была глуха ко всему происходящему, погрозила имъ, и они замолчали. Она развязала галстухъ мужчинѣ и, оставивъ его лежать на полу, заковыляла къ гробовщику.

— Она была моя дочь,—кивая головой на трупъ, заговорила она съ какимъ-то идіотскимъ хихиканьемъ, внушавшимъ ужасъ.—Господи, какъ это странно! Я родила ее, и было мнѣ тогда много лѣтъ, и вотъ я жива и здорова, а она лежитъ холодная и неподвижная. Боже мой, право, смѣшно подумать, право потѣха!

Бормотанье несчастной женщины прерывалось по временамъ ужаснымъ хохотомъ; не обращая на нее вниманія, гробовщикъ повернулся къ дверямъ.

— Постойте, постойте!—обратилась къ нему старуха громкимъ шепотомъ.—Когда будутъ похороны: завтра, послѣзавтра, сегодня? Я убирала ея тѣло, мнѣ вѣдь и провожать ее надо на кладбище. Пришлите мнѣ салопъ, хорошій, теплый салопъ, вѣдь стоятъ ужасные холода. Пришлите намъ пирогъ и вина; не забудьте, теперь же пришлите. Впрочемъ, пришлите лучше хлѣба, пришлите только коровай хлѣба да кружку воды. Будетъ у насъ хлѣбъ, будетъ? настойчиво допрашивала она гробовщика, хватаясь за полу его сюртука, такъ какъ онъ опять повернулся къ дверямъ.

— Да, да, разумѣется, будетъ,—отвѣчалъ онъ.—Будетъ все, что вамъ угодно.—Онъ успѣлъ вырваться отъ старухи и поспѣшно ушелъ, таща за собой Оливера.

На слѣдующій день они опять явились въ это жилище нищеты.

Несчастной семьѣ еще наканунѣ было прислано вспоможеніе: м-ръ Бомбль принесъ имъ собственноручно двухфунтовый хлѣбъ и кусокъ сыру. И теперь онъ явился еще до прихода гробовщика въ сопровожденіи четырехъ мужчинъ изъ Дома Призрѣнія, которые должны были нести покойницу. Лохмотья старухи и мужа были прикрыты старыми черными плащами; носильщики завинтили некрашенный гробъ, взвалили его себѣ на плечи и вынесли на улицу.

— Ну, старушенція, ты поживѣе передвигай ноги!) крикнулъ м-ръ Соуерберри на ухо матери покойной. Мы нѣсколько запоздали, а священникъ не станетъ ждать. Въ дорогу, ребята, прибавьте шагу!

Вслѣдствіе такого приказанія носильщики помчались во всю прыть со своей легкой ношей; за ними, какъ могли, послѣдовали родственники. М-ръ Бомбль съ гробовщикомъ шагали впереди гроба, Оливеръ не могъ шагать такъ крупно, какъ они, и бѣжалъ съ боку. Однако, вовсе не было такой надобности спѣшить, какъ думалъ м-ръ Соуерберри. Когда они добрались до заросшаго крапивой темнаго угла кладбища, гдѣ было отведено приходомъ мѣсто для даровыхъ могилъ, оказалось, что священника еще нѣтъ, и по словамъ причетника, который грѣлся у теплаго огонька въ ризницѣ, онъ могъ придти только черезъ часъ, никакъ не раньше. Поэтому гробъ поставили на краю могилы и тутъ, среди вязкой глины, оба провожатыхъ расположились терпѣливо ждать подъ моросившимъ холоднымъ дождемъ, между тѣмъ какъ уличные мальчишки, привлеченные на кладбище интереснымъ зрѣлищемъ похоронъ, затѣяли шумную игру въ прятки среди могильныхъ памятниковъ, а потомъ для разнообразія стали перепрыгивать взадъ и впередъ черезъ гробъ.

М-ръ Соуерберри и м-ръ Бомбль, коротко знакомые съ причетникомъ, были приглашены имъ погрѣться и засѣли въ ризницѣ читать газеты.

Прошло болѣе часу, когда, наконецъ, увидѣли, что они втроемъ съ причетникомъ бѣгутъ къ могилѣ; вслѣдъ за ними появился и священникъ, надѣвая на ходу свое облаченіе. М-ръ Бомбль изъ приличія далъ по затрещинѣ двумъ—тремъ попавшимся подъ руку мальчуганамъ, и почтенный священнослужитель, прочитавъ изъ чина погребенія столько, сколько успѣлъ въ теченіе четырехъ минутъ, сдалъ свое облаченіе причетнику и снова исчезъ.

— Ну, Биль, зарывай! сказалъ Соуерберри могильщику.

Зарыть могилу было вовсе не трудно: она была такъ переполнена, что самый верхній гробъ былъ на какой-нибудь аршинъ отъ земли. Могильщикъ набросалъ земли, кое-какъ утопталъ ее ногами, взялъ заступъ на плечо и ушелъ въ сопровожденіи мальчишекъ, громко ворчавшихъ на него, что похороны такъ скоро кончились.

— Пойдемъ, молодецъ, кладбище сейчасъ запрутъ, сказалъ Бомбль мужу покойницы, хлопнувъ его по плечу.

Тотъ все время простоялъ неподвижно у края могилы. При этомъ обращеніи онъ вздрогнулъ, поднялъ голову, взглянулъ на мистера Бомбля, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и безъ чувствъ упалъ на землю. Слабоумная старуха не обратила на него вниманія, ей не до него было: она плакала о томъ, что съ нея сняли теплый салопъ, который гробовщикъ взялъ обратно. Несчастнаго вдовца привели въ чувство, выливъ на него кружку холодной воды, и когда онъ поплелся домой, кладбище заперли, и всѣ разошлись въ разныя стороны.

— Тебѣ понравилось, Оливеръ? спросилъ его м-ръ Соуерберри, возвращаясь домой.

— Не особенно понравилось, сэръ, отвѣтилъ мальчикъ.

— Со временемъ привыкнешь, это тебѣ будетъ ни почемъ, мой другъ.

Оливера занималъ вопросъ, сколько времени понадобилось мистеру Соуерберри, чтобы самому привыкнуть, но спросить онъ не рѣшился и вернулся въ лавку, размышляя про себя о всемъ томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ.

ГЛАВА VI.

Насмѣшки Ноя пробуждаютъ воинственный духъ въ груди Оливера, и онъ сильно удивляетъ Ноя.

Послѣ того, какъ Оливеръ пробылъ мѣсяцъ на испытаніи, онъ со всѣми формальностями былъ утвержденъ въ званіи ученика мистера Соуерберри. Какъ разъ наступила самая благопріятная пора года для всякихъ болѣзней; выражаясь коммерческимъ слогомъ: „гробы шли на повышеніе“, и въ скоромъ времени Оливеръ пріобрѣлъ большую опытность. Успѣхъ остроумной выдумки мистера Соуерберри превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Старожилы говорили, что не запомнятъ времени, когда бы корь такъ свирѣпствовала въ городѣ и была бы такъ гибельна для дѣтей. Чуть не каждый день по городу тянулись похоронныя процессіи, во главѣ которыхъ съ крепoвой перевязью на шляпѣ, спускавшейся ему до самыхъ колѣнъ, шелъ Оливеръ, что несказанно восхищало и умиляло всѣхъ матерей. Оливеръ обыкновенно сопутствовалъ своему хозяину и тогда, когда хоронили взрослыхъ, съ тою цѣлью, чтобъ онъ привыкъ сохранять полное хладнокровіе и самообладаніе, какія необходимывъ ихъ дѣлѣ; поэтому онъ имѣлъ много случаевъ наблюдать, съ какою завидною твердостью духа и покорностью судьбѣ переносятъ нѣкоторые мужественные люди ниспосланныя имъ испытанія, въ видѣ потери своихъ ближнихъ.

Случалось, напримѣръ, мистеру Соуерберри хоронить какую-нибудь богатую старушку или старичка, имѣвшихъ многочисленныхъ племянниковъ и племянницъ; они были положительно неутѣшны послѣ его смерти, присутствуя при послѣднихъ дняхъ умирающаго, и не могли подавить своего горя даже при постороннихъ; а между тѣмъ они были какъ нельзя больше довольны и веселы, когда оставались одни, болтали, какъ ни въ чемъ не бывало. Также и мужья съ геройскимъ хладнокровіемъ переносили потерю женъ; въ свою очередь и жены, потерявшія мужей, не думали горевать, облекаясь въ траурное платье, и заботились лишь о томъ, чтобъ оно было сшито по модѣ и къ лицу. Замѣчательно было и то, что присутствовавшіе на похоронахъ дамы и мужчины, пока продолжалась церемонія, казались совершенно убиты горемъ, но сразу оживали на обратномъ пути съ кладбища, а за чаемъ уже приходили въ свое обычное расположеніе духа. Наблюдать такія явленія было и пріятно, и поучительно, и Оливеръ съ величайшимъ изумленіемъ созерцалъ ихъ.

Хотя я и біографъ Оливера Твиста, но не могу съ увѣренностью утверждать, что именно эти примѣры внушили ему покорность судьбѣ; я только знаю, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ терпѣніемъ и кротостью сносилъ побои, обиды и ругань отъ Ноя Клейполя, который сталъ теперь еще хуже съ нимъ обращаться. Онъ завидовалъ тому, что новичекъ дослужился уже до шляпы съ крепомъ и траурнаго жезла, тогда какъ онъ, старшій, все еще щеголяетъ въ форменной пріютской фуражкѣ пузыремъ и кожаныхъ панталонахъ. Шарлотта дурно обходилась съ Оливеромъ, оттого что Ной его ненавидѣлъ, м-съ Соуерберри была его врагомъ, оттого что ея мужъ готовъ былъ сдѣлаться его другомъ. И вотъ, съ одной стороны эта тройка, съ другой похороны безъ конца, отравляли жизнь Оливеру.

Мнѣ теперь предстоитъ разсказать о важномъ событіи, которое, пожалуй, покажется ничтожнымъ и незначительнымъ, но тѣмъ не менѣе оказало большое вліяніе на будущность Оливера и существенно измѣнило его судьбу.

Разъ Оливеръ и Ной пришли въ кухню обѣдать; Шарлотта была вызвана къ хозяйкѣ, и такъ какъ изъ съѣстного не нашлось ничего, кромѣ маленькаго, плохого куска баранины, то Ной былъ голоденъ и золъ. Чтобъ сократить время до прихода Шарлотты, онъ, за неимѣніемъ лучшаго, принялся дразнить и мучить маленькаго Оливера.

Эти невинныя забавы начались тѣмъ, что Ной, вздернувъ ноги на скатерть, сталъ дергать Оливера за волосы, таскать за уши, обозвалъ его подлецомъ, обѣщалъ непремѣнно придти посмотрѣть, когда его будутъ вѣшать и наговорилъ кучу другихъ непріятныхъ вещей, какія можетъ придумать злой и испорченный уличный мальчишка. Однако, всѣ эти издѣватель

ства не произвели желаемаго воздѣйствія; Оливеръ крѣпился и не плакалъ. Тогда Ной ухватился за другое средство, къ которому сплошь да рядомъ прибѣгаютъ недалекіе люди, куда выше поставленные, чѣмъ Ной, когда желаютъ пошутить и позабавиться. Онъ перешелъ на личности.

— Подкидышъ, что подѣлываетъ твоя маменька? обратился онъ къ Оливеру.

— Моя мать умерла. Не смѣй мнѣ ничего говорить о ней! отвѣчалъ Оливеръ.

При этомъ лицо его разрумянилось, онъ сталъ чаще дышать, губы и ноздри какъ-то странно запрыгали Ной подумалъ, что онъ готовъ разразиться бурными рыданіями, поэтому онъ продолжалъ:

— А отъ какой причины умерла твоя маменька?

— Отъ разбитаго сердца умерла она, какъ говорили мнѣ наши старухи,—произнесъ Оливеръ скорѣе самому себѣ, чѣмъ отвѣчая Ною.—О, я понимаю, какъ можно отъ этого умереть!

— Та-та-та! это что значитъ, подкидышъ? вскричалъ Ной, увидя, что по щекѣ Оливера скатилась слеза.—Кто тебя разстроилъ?

— Не ты, не думай! отвѣтилъ Оливеръ, поспѣшно смахивая слезу.

— А, такъ не я? не я? подсмѣивался Ной.

— Да, не ты,—рѣзко отвѣтилъ Оливеръ.—Ну, довольно, я запрещаю тебѣ говорить о ней, а не то...

— Что такое! Запрещаешь? Ахъ, ты наглецъ! Тоже, разносился со своей матерью. Хороша же была,—подумаешь!—И Ной выразительно закачалъ головою и сморщилъ, какъ только могъ, свой маленькій красный носикъ.

Молчаніе Оливера придало ему смѣлости, и онъ продолжалъ свои насмѣшки тономъ притворнаго состраданія—самымъ невыносимымъ изо всѣхъ. „Ты развѣ не знаешь, подкидышъ,—теперь ужъ, конечно, ничего не подѣлаешь, да и раньше ты не могъ бы ничего сдѣлать,—мнѣ тебя очень жалко, и всѣ мы тебя сожалѣемъ, но ты долженъ знать, что твоя мать была самая негодная женщина“.

— Что ты сказалъ? спросилъ Оливеръ, быстро поднимая голову.

— Она была самая негодная женщина, спокойно повторилъ Ной. И хорошо она сдѣлала, что умерла, а не то бы она попала въ Смирительный домъ, или на каторгу, или на висѣлицу,—куда-нибудь въ этомъ родѣ.

Весь красный отъ гнѣва, Оливеръ вскочилъ съ мѣста, причемъ свалилъ стулъ и опрокинулъ столъ, схватилъ Ноя за горло и въ припадкѣ злобы такъ тряхнулъ его, что у того застучали зубы; затѣмъ, собравъ послѣднія силы, ударилъ его такъ, что тотъ полетѣлъ на полъ.

Минуту назадъ Оливеръ казался на видъ тихимъ, робкимъ,

забитымъ ребенкомъ Но его духъ, наконецъ, воспрянулъ; жестокое оскорбленіе, нанесенное его матери, воспламенило его кровь. Грудь его высоко поднималась, станъ выпрямился, въ глазахъ появился блескъ, весь онъ былъ неузнаваемъ въ тотъ моментъ, когда стоялъ надъ своимъ презрѣннымъ мучителемъ, который лежалъ поверженный у ногъ его, и съ неизвѣстной ему доселѣ энергіей смотрѣлъ на него съ вызывающимъ видомъ.

Оливеръ былъ неузнаваемъ въ тотъ моментъ, когда стоялъ надъ своимъ презрѣннымъ мучителемъ.

— Онъ убьетъ меня! ревѣлъ Ной. Шарлотта, хозяйка! новичокъ убьетъ меня. Караулъ, караулъ! Оливеръ помѣшался. Шарлотта!

Въ отвѣтъ на эти вопли раздались громкіе крики Шарлотты и м-съ Соуерберри. Шарлотта ворвалась въ кухню, хозяйка осталась на лѣстницѣ въ полной увѣренности, что она подвергнетъ свою жизнь опасности, если отважится идти дальше.

— О, негодяй! вопила Шарлотта, схватывая Оливера со всей силой, которой у нея было не меньше, чѣмъ у любаго мужика. „Ахъ, неблагодарный мальчишка, злодѣй, убійца!“ визжала она и за каждымъ словомъ тузила Оливера изо всей мочи и вопіяла опомощи.

Рука у Шарлотты была не изъ легкихъ, но, чтобъ помочь ей образумить Оливера, м-съ Соуерберри ворвалась въ кухню и стала держать его одной рукой, а другой царапала ему лицо. Когда дѣло приняло столь благопріятный оборотъ, Ной поднялся на ноги и принялся колотить Оливера сзади.

Такое утомительное занятіе не могло долго длиться, скоро всѣ они трое выбились изъ силъ и должны были перестать. Оливера потащили въ угольный чуланъ, онъ отбивался, кричалъ, но все не сдавался. Когда его, наконецъ, тамъ заперли, м-съ Соуерберри упала на стулъ и залилась слезами.

— Ахъ, Господи, ей дурно! Воды, Ной, скорѣй, подай воды! кричала Шарлотта.

— О, Шарлотта, проговорила м-съ Соуерберри чуть слышнымъ голосомъ, отъ недостатка воздуха и избытка холодной воды, которой Ной обильно полилъ ей голову и плечи. О, Шарлотта, какое счастье, что насъ всѣхъ не перерѣзали сонныхъ!

— Ужъ истинно счастье, сударыня,—былъ отвѣтъ.—Хорошій урокъ хозяину—не брать напередъ этихъ злодѣевъ, которые такъ ужъ и родятся убійцами и разбойниками. Бѣдный Ной! этотъ злодѣй собирался уже его умертвить, когда я вошла.

— Бѣдный мальчикъ! съ участіемъ посмотрѣвъ на пострадавшаго, произнесла м-съ Соурберри.

При этомъ соболѣзнованіи Ной, у котораго верхняя пуговица жилета была наравнѣ съ головой Оливера, сталъ тереть себѣ ладонью глаза, всхлипывать и сопѣть носомъ.

— Что намъ теперь дѣлать? Мужа нѣтъ дома, и во всемъ домѣ нѣтъ ни одного мужчины! восклицала м-съ Соуерберри,—а онъ непремѣнно высадитъ эту дверь.

Оливеръ дѣйствительно такъ ломился и стучался въ дубовую дверь чулана, что предположеніе м-съ Соуерберри было довольно вѣроятно.

— Ахъ, страсти! ужъ не послать ли намъ за полиціей, сударыня? воскликнула Шарлотта.

— Или за солдатами? предложилъ Ной.

— Нѣтъ,—сказала м-съ Соуерберри, вспомнивъ о старинномъ пріятелѣ Оливера,—бѣги, Ной, за мистеромъ Бомблемъ, скажи, чтобъ спѣшилъ сюда, не медля ни минуты. Не разыскивай шапку, некогда; бѣги скорѣй! Къ подбитому глазу приложи ножикъ, это остановитъ опухоль.

Ной, не отвѣтивъ ни слова, со всѣхъ ногъ понесся къ Дому Призрѣнія. Всѣ встрѣчные не мало дивились, видя парня въ пріютской формѣ, который безъ шапки и со складнымъ ножомъ у глаза опрометью бѣжалъ по улицамъ.

———

ГЛАВА VII.

Оливеръ продолжаетъ упорствовать.

Ной Клейполь во всю прыть бѣжалъ по улицамъ и до самаго Дома Призрѣнія ни разу не остановился перевести духъ. Здѣсь онъ съ минуту помедлилъ, чтобъ скопить побольше слезъ, и устроивъ себѣ заплаканное перепуганное лицо, громко постучался въ калитку. У него былъ такой убитый видъ, что отворившій ему старикъ-призрѣваемый, ужъ на что былъ привыченъ видѣть жалкія лица, и тотъ съ изумленіемъ отступилъ назадъ.

— Что за напасть приключилась съ тобою, парень? воскликнулъ онъ.

— Гдѣ мистеръ Бомбль? Гдѣ мистеръ Бомбль? съ притворнымъ ужасомъ взывалъ Ной такъ громко и отчаянно, что его крикъ не только достигъ до ушей оказавшагося неподалеку мистера Бомбля, но такъ встревожилъ его, что онъ выскочилъ на дворъ даже безъ своей треуголки. Этотъ изъ ряда вонъ выходящій случай заслуживаетъ, чтобы его отмѣтить: онъ намъ показываетъ, что подъ вліяніемъ внезапнаго и сильнаго потрясенія даже приходскій сторожъ можетъ взволноваться настолько, чтобъ временно потерять самообладаніе и забыть о томъ, что онъ обязанъ поддерживать свое достоинство.

— О, мистеръ Бомбль! кричалъ Ной.—Оливеръ, Оливеръ...

— Что такое? что?—торопилъ его м-ръ Бомбль съ блестящими отъ удовольствія глазами: Убѣжалъ? Неужто онъ убѣжалъ, Ной?

— Нѣтъ, сударь, не убѣжалъ, но оказался злодѣемъ. Онъ покушался убить меня, сударь; потомъ покушался на жизнь Шарлотты, а потомъ и хозяйки. О, какъ ужасно болитъ! Какія страданія! И Ной корчился и извивался, какъ угорь, стараясь показать мистеру Бомблю, что жестокій и кровожадный Оливеръ нанесъ ему серьезныя поврежденія, и онъ испытываетъ тяжкія мученія.

Замѣтивъ, что м-ръ Бомбль совершенно пораженъ тѣмъ, что онъ услышалъ, Ной еще поддалъ жару и сталъ кричать еще громче; когда же онъ увидѣлъ проходившаго по двору джентльмена въ бѣломъ жилетѣ, то его вопли приняли самый трагическій характеръ, такъ какъ онъ счелъ весьма выгоднымъ привлечь къ себѣ вниманіе вышеупомянутаго джентльмена, чтобъ и его возстановить противъ Оливера.

Ему очень легко удалось этого достигнуть. Тотъ не прошелъ и двухъ шаговъ, какъ съ досадой повернулся въ ихъ сторону и спросилъ: „о чемъ воетъ этотъ щенокъ, и почему мистеръ Бомбль не заткнетъ ему глотки“.

— Этотъ бѣдный мальчикъ — воспитанникъ безплатной школы, сэръ,—отвѣтилъ Бомбль,—онъ до смерти избитъ и едва не былъ убитъ маленькимъ Твистомъ.

— Вотъ такъ штука! воскликнулъ джентльменъ, сразу останавливаясь. Я зналъ, что такъ случится! У меня съ самаго начала было какое-то предчувствіе, что этотъ дерзкій дикаренокъ кончитъ висѣлицей.

— Онъ, кромѣ того, покушался на убійство служанки, сэръ,— продолжалъ м-ръ Бомбль, блѣдный, какъ смерть.

— И своей хозяйки, добавилъ Ной.

— И своего хозяина, подхватилъ м-ръ Бомбль: кажется, ты говорилъ, Ной, и про хозяина?

— Нѣтъ, хозяина не было дома, а то бы онъ его, конечно, убилъ, отвѣчалъ Ной. Онъ и того грозился убить.

— А! онъ и хозяина собирался убить? переспросилъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Да, сэръ, отвѣчалъ Ной. Меня хозяйка прислала узнать, не можетъ ли м-ръ Бомбль сейчасъ придти къ намъ и высѣчь его, за отсутствіемъ хозяина.

— Конечно, дружокъ, еще бы,—одобрительно улыбаясь, проговорилъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, и потрепавъ по головѣ Ноя, который былъ на цѣлый вершокъ выше его, продолжалъ: ты хорошій мальчикъ, славный мальчикъ, вотъ тебѣ пенни. Вы, Бомбль, сейчасъ же ступайте къ Соуерберри, захватите съ собою палку и распорядитесь тамъ, да не давайте ему спуску!

— Нѣтъ, я ему не потатчикъ, молвилъ м-ръ Бомбль, прилаживая къ ручкѣ своей трости смоленую бичевку, употреблявшуюся въ Домѣ Призрѣнія для экзекуцій.

— Скажи Соуерберри, чтобъ не жалѣлъ его, билъ хорошенько, съ этимъ молодцомъ безъ плетки и палки нельзя.

— Будьте спокойны, сэръ! отвѣтствовалъ м-ръ Бомбль, и такъ какъ въ это время треуголка была уже водружена на надлежащее мѣсто, а трость приведена въ исправность, то онъ и поспѣшилъ въ сопровожденіи Ноя къ лавкѣ гробовщика.

Здѣсь дѣла оставались въ прежнемъ положеніи. Мистера Соуерберри все еще не было, и Оливеръ продолжалъ отчаянно дубасить въ дверь чулана. Шарлотта и мистрисъ Соуерберри насказали такихъ страшныхъ вещей о его неистовствахъ, что м-ръ Бомбль побоялся отворить дверь, рѣшивъ, что благоразумнѣе будетъ предварительно вступить въ переговоры съ бунтовщикомъ.

Вмѣсто предисловія онъ громко стукнулъ въ дверь, затѣмъ, приложивъ губы къ замочной скважинѣ, выразительно крикнулъ своимъ зычнымъ голосомъ: Оливеръ!

— Выпустите меня! отвѣчалъ изнутри плѣнникъ.

— Узнаешь ли ты, Оливеръ, чей это голосъ?

— Узнаю.

— И ты не боишься? Не трепещешь, когда слышишь его?

— Нѣтъ! храбро отвѣчалъ Оливеръ.

Этотъ неожиданный отвѣтъ, столь не похожій на тѣ, какіе

онъ привыкъ получать, глубоко потрясъ почтеннаго приходскаго служителя. Онъ отскочилъ отъ двери, выпрямился во весь ростъ и въ нѣмомъ изумленіи обвелъ взглядомъ присутствовавшихъ.

— Ахъ, мистеръ Бомбль, онъ должно быть помѣшался! вскричала м-съ Соуерберри.—Развѣ въ здравомъ умѣ онъ посмѣлъ бы такъ съ вами разговаривать!

— Нѣтъ, сударыня, тутъ не сумасшествіе,—послѣ глубокаго размышленія изрекъ мистеръ Бомбль,—всему причиной мясо.

— Что? воскликнула м-съ Соуерберри.

— Мясо, сударыня, мясо! дѣлая грозное удареніе на этомъ словѣ проговорилъ м-ръ Бомбль.—Вы его закормили, сударыня. Вы дали ему воспрянуть духомъ, что совсѣмъ не соотвѣтствуетъ его положенію; вамъ такъ скажетъ, м-съ Соуерберри, и Совѣтъ, гдѣ засѣдаютъ люди, знакомые съ практической философіей. Ну, зачѣмъ нищимъ душа? Достаточно съ нихъ, что мы поддерживаемъ въ живыхъ ихъ тѣло! Еслибъ вы держали своего ученика на кашицѣ, никогда не случилось бы этого.

— О, Господи! возопила м-съ Соуерберри, набожно вознося глаза къ кухонному потолку,—вотъ каково быть великодушнымъ! Великодушіе мистриссъ Соуерберри состояло въ томъ, что Оливеру давались всѣ лишніе негодные куски, которыхъ никто другой изъ домашнихъ не сталъ бы ѣсть, поэтому надо отдать справедливость м-съ Соуерберри: она ни словомъ, ни дѣломъ не была повинна въ тяжеломъ обвиненіи, взведенномъ на нее мистеромъ Бомблемъ, и если она его не опровергла, то только изъ кротости и самоотверженія.

— Эхъ! вздохнулъ м-ръ Бомбль, когда его собесѣдница опять опустила свои очи долу.—А теперь, по моему, остается одно,—оставить его въ чуланѣ на цѣлыя сутки, пока онъ не ослабѣетъ отъ голода, и тогда только его выпустить, а затѣмъ въ продолженіе всего времени, что онъ будетъ въ ученьи, держать его на кашицѣ. Онъ происходитъ изъ семьи съ дурными задатками, м-съ Соуерберри, безпокойныя натуры у нихъ, должно быть, у всѣхъ. И докторъ, и бабка говорили про его мать, что она столько вынесла и натерпѣлась на пути сюда, что всякая порядочная женщина на ея мѣстѣ давнымъ давно бы умерла. Тутъ Оливеръ, слушавшій изъ своего заточенія весь разговоръ, на сколько тотъ до него доносился, разобравъ, что рѣчь опять зашла о его матери, поднялъ такой ужасный стукъ, что совершенно заглушилъ слова мистера Бомбля. На ту пору явился домой и м-ръ Соуерберри. Ему было передано преступленіе Оливера въ такихъ краскахъ, какія, по соображеніямъ дамъ, всего вѣрнѣе могли вызвать его гнѣвъ. Онъ во мгновеніе ока отворилъ чуланъ и за шиворотъ извлекъ оттуда взбунтовавшагося ученика.

Отъ полученныхъ побоевъ платье Оливера было изорвано,

лицо исцарапано и окровавлено, спутанныя пряди волосъ нависли на лобъ; но на щекахъ его все еще горѣлъ гнѣвный румянецъ, и видъ у него былъ неустрашимый; какъ только его вытащили изъ темницы, онъ смѣло обратился къ Ною и грозно посмотрѣлъ на него.

— А, такъ вотъ какъ прекрасно ты себя ведешь! промолвилъ м-ръ Соуерберри, встряхнувъ Оливера и закативъ ему пощечину.

— Онъ дурно говорилъ о моей матери, сказалъ Оливеръ.

— Ну что-жъ, если и говорилъ, неблагодарное животное? вмѣшалась м-съ Соуерберри.—Она заслуживала этого, а можетъ быть, и худшаго.

— Нѣтъ, не заслуживала,—сказалъ Оливеръ.

— Заслуживала!

— Ложь!

Мистриссъ Соуерберри залилась слезами.

Эти слезы поставили мистера Соуерберри въ безвыходное положеніе. Если бъ онъ хоть одну минуту поколебался наказать Оливера самымъ жестокимъ образомъ, то какъ для всякаго опытнаго читателя будетъ ясно, онъ тотчасъ сталъ бы, какъ водится при супружескихъ ссорахъ—грубымъ и безчеловѣчнымъ мужемъ, отвратительной тварью, жалкимъ подобіемъ мужчины и пріобрѣлъ бы много другихъ нелестныхъ качествъ, перечислить которыя здѣсь невозможно. Слѣдуетъ отдать ему справедливость, сперва онъ готовъ былъ взять подъ свое покровительство мальчика, на сколько то было въ его власти (эта власть была, правда, очень ограничена).—М-ръ Соуерберри былъ расположенъ къ Оливеру отчасти потому, что это было въ его выгодахъ, отчасти потому, что жена его невзлюбила.

Но ручьи слезъ, пролитыя женою, отрѣзали ему теперь всякое отступленіе, поэтому онъ задалъ Оливеру такую трепку, которой осталась довольна даже сама м-съ Соуерберри, и мистеру Бомблю почти уже ничего не оставалось дѣлать со своей тростью. Затѣмъ преступникъ былъ запертъ въ чуланъ при кухнѣ, гдѣ и провелъ весь остальной день, имѣя въ своемъ распоряженіи кусокъ хлѣба и водопроводный кранъ. Вечеромъ м-съ Соуерберри, высказавъ предварительно за дверями нѣсколько разныхъ замѣчаній, не очень лестныхъ для памяти его матери, заглянула къ нему и приказала идти спать на обычное мѣсто, подъ прилавокъ. Онъ пошелъ туда подъ градомъ насмѣшекъ Ноя и Шарлотты.

Только тогда, когда Оливеръ остался одинъ въ мрачной лавкѣ гробовщика среди полной тишины и безмолвія, онъ далъ волю тѣмъ чувствамъ, которыя должно было вызвать въ груди ребенка все то, что онъ вынесъ за этотъ день. Онъ съ презрительнымъ видомъ выслушалъ насмѣшки, молча перенесъ побои, потому что кричать не позволяла ему гордость: онъ не

издалъ бы ни единаго крика даже въ томъ случаѣ, еслибъ его стали жарить живьемъ.

Но теперь, когда его никто не могъ уже ни слышать, ни видѣть, онъ упалъ на колѣни и, закрывъ лицо руками, заплакалъ тѣми слезами, какими дай Богъ, чтобы порѣже плакали дѣти!

Долго, долго стоялъ онъ на колѣняхъ въ одной позѣ. Свѣча уже догорала въ подсвѣчникѣ, когда онъ поднялся на ноги. Осторожно осмотрѣвшись и внимательно прислушавшись, онъ тихонько отперъ дверь и выглянулъ на улицу. Ночь была холодная, темная; звѣзды показались мальчику гораздо дальше отъ земли, чѣмъ онъ привыкъ ихъ видѣть; вѣтра не было и отбрасываемыя деревьями на землю черныя тѣни своими неподвижными очертаніями напоминали какіе-то замогильные образы. Оливеръ тихо заперъ дверь, воспользовался слабымъ свѣтомъ погасающаго огарка, чтобъ собрать и завязать въ носовой платокъ свои скудныя пожитки, затѣмъ сѣлъ на скамью ждать утра.

Когда первый лучъ разсвѣта пробился сквозь щели ставенъ, онъ всталъ и опять отворилъ дверь. Робкій взглядъ вокругъ, минутная нерѣшимость—и вотъ дверь уже заперта, и онъ на серединѣ улицы.

Оливеръ поглядѣлъ направо и налѣво, не зная куда бѣжать; потомъ онъ вспомнилъ, въ какую сторону направлялись выѣзжавшіе изъ города обозы, и пошелъ по тому же пути. Скоро онъ встрѣтилъ тропинку, которая вилась по полямъ, и быстро зашагалъ по ней, зная, что она опять выходитъ послѣ на большую дорогу,—онъ уже шелъ по ней вмѣстѣ съ мистеромъ Бомблемъ, когда его впервые вели въ Домъ Призрѣнія. Эта тропинка пролегала какъ разъ передъ тѣмъ домомъ, гдѣ протекли младенческіе годы Оливера. Когда онъ вспомнилъ объ этомъ, сердце его быстро забилось, и онъ хотѣлъ было вернуться назадъ, но это значило потерять много времени,—онъ уже далеко отошелъ, къ тому же было еще слишкомъ рано и нечего было опасаться, что его кто нибудь увидитъ. Онъ рѣшилъ идти впередъ. Вотъ и домъ. Въ этотъ ранній часъ въ немъ незамѣтно никакого движенія. Оливеръ остановился у калитки и заглянулъ въ садъ. На одной изъ грядокъ какой то мальчикъ пололъ сорную траву; когда онъ поднялъ лицо, Оливеръ узналъ въ немъ одного изъ прежнихъ товарищей. Онъ былъ радъ видѣть его. Этотъ мальчикъ былъ моложе его, но они были очень дружны, часто играли вмѣстѣ; много разъ ихъ вмѣстѣ били, морили голодомъ, запирали въ чуланъ.

— Тише, Дикъ! сказалъ Оливеръ мальчику, когда тотъ подбѣжалъ къ рѣшетчатой дверцѣ и протянулъ къ нему свои исхудалыя рученки.—Встали ли у васъ?

— Всѣ спятъ кромѣ меня.

— Ты не говори никому, что видѣлъ меня. Я убѣжалъ. Меня били и мучали, и я иду искать счастья куда нибудь по-

дальше отсюда, а куда—самъ еще не знаю. Какъ ты блѣденъ, Дикъ!

— Я слышалъ, докторъ говорилъ, что я умираю,—со слабой улыбкой отвѣчалъ мальчикъ. Я ужасно радъ тебѣ, Оливеръ, но уходи поскорѣе, уходи не стой здѣсь.

— Иду, только дай попрощаться съ тобою, Мы еще увидимся, Дикъ, непремѣнно увидимся. Ты выздоровѣешь и будешь счастливъ.

— Да, когда умру! Докторъ, должно быть, говорилъ правду, Оливеръ, потому что я часто теперь вижу во снѣ небо и ангеловъ; мнѣ снятся добрыя лица, какихъ я никогда не видѣлъ на яву.

Поцѣлуй меня!—Дикъ вскарабкался на низенькую калитку и обвилъ рученками шею Оливера.—Прощай, голубчикъ! Да хранитъ тебя Богъ!

Это благословеніе изъ дѣтскихъ устъ было первымъ, какое Оливеръ услышалъ въ свою жизнь, и впослѣдствіи среди всѣхъ тревогъ, страданій, испытаній и перемѣнъ судьбы онъ никогда не забывалъ его.

ГЛАВА VIII.

Оливеръ идетъ въ Лондонъ и по дорогѣ встрѣчаетъ страннаго юношу.

Когда Оливеръ дошелъ до конца тропинки и опять вышелъ на большую дорогу, былъ девятый часъ. Онъ отошелъ уже почти пять миль отъ города, но боясь, что за нимъ будетъ погоня, продолжалъ бѣжать, укрываясь по временамъ за заборами и плетнями отъ глазъ прохожихъ. Только въ полдень онъ присѣлъ у верстового столба отдохнуть и въ первый разъ началъ думать о томъ, куда идти и какъ жить.

На каменномъ столбѣ, у котораго онъ сидѣлъ, было указано крупными буквами, что отъ этого мѣста 70 миль до Лондона. Лондонъ! это слово вызвало въ его умѣ новый рядъ мыслей: Лондонъ—городъ, большой, огромный, тамъ никто, даже самъ м-ръ Бомбль его не найдетъ. Онъ часто слышалъ въ Домѣ Призрѣнія отъ стариковъ, что умный парень не пропадетъ въ Лондонѣ, что тамъ можно зарабатывать хлѣбъ такими путями, о какихъ деревенскій людъ и понятія не имѣетъ. Это какъ разъ подходящее мѣсто для бездомнаго мальчика, который безъ посторонней помощи долженъ будетъ умереть съ голоду на улицѣ. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей Оливеръ вскочилъ на ноги и снова пустился въ путь.

Когда разстояніе, отдѣляющее его отъ Лондона, уменьшилось на пять миль, только тогда Оливеръ сообразилъ, какъ много ему еще остается пройти до желаннаго мѣста. Онъ

замедлилъ шаги и сталъ размышлять, какія въ его распоряженіи имѣются средства, чтобъ достигнуть цѣли. Въ его узелкѣ былъ ломоть хлѣба, толстая рубаха и двѣ пары чулокъ; кромѣ того, въ карманѣ у него былъ пенсъ, подарокъ мистера Соуерберри послѣ однихъ особенно выгодныхъ похоронъ. Чистая рубаха—вещь хорошая, думалъ Оливеръ; чулки, хоть они и заштопанные, тоже пригодятся; и пенсъ сослужитъ службу, но всего этого слишкомъ мало, чтобъ пройти въ зимнее время путь въ шестьдесятъ пять миль. Подобно большинству людей, Оливеръ могъ удивительно быстро представить себѣ, какія затрудненія ему встрѣтятся, но передъ вопросомъ, какими средствами побѣдить эти затрудненія—становился въ тупикъ. Долго и напрасно онъ ломалъ себѣ голову, и не придумавъ ничего, перекинулъ свой узелокъ съ одного плеча на другое и зашагалъ дальше.

Въ этотъ день онъ прошелъ двадцать миль, питаясь только своимъ черствымъ хлѣбомъ да нѣсколькими глотками воды, которые выпрашивалъ въ домахъ, встрѣчавшихся на дорогѣ. При наступленіи ночи онъ залѣзъ подъ стогъ сѣна, стоявшій на лугу, рѣшивъ пролежать здѣсь до утра. Сначала онъ очень боялся: вѣтеръ такъ страшно завывалъ на просторѣ опустѣлыхъ полей, и холодно ему было, и голодъ его мучилъ; никогда еще онъ не чувствовалъ такъ сильно своего одиночества на бѣломъ свѣтѣ. Но онъ такъ усталъ отъ ходьбы, что скоро уснулъ и забылъ свои огорченія.

Къ утру онъ совсѣмъ прозябъ, окоченѣлъ и такъ проголодался, что въ первой же деревнѣ купилъ на свой пенсъ хлѣба. Онъ успѣлъ за этотъ день пройти всего двѣнадцать миль. Ноги у него страшно болѣли, колѣни подгибались и дрожали. Послѣ второй ночи, проведенной въ сырости, на открытомъ воздухѣ, онъ почувствовалъ себя плохо: утромъ онъ не могъ идти дальше, такъ какъ едва передвигалъ ноги. Онъ присѣлъ у подножія крутого пригорка, и дождавшись проѣзда дилижанса, сталъ просить милостыни у пассажировъ, сидѣвшихъ снаружи; долго они не обращали на него вниманія, наконецъ предложили ему за полъ пенса пробѣжать въ перегонку съ ихъ экипажемъ, когда онъ начнетъ спускаться подъ гору. Бѣдный Оливеръ попытался нѣсколько времени слѣдовать за дилижансомъ, но усталыя, израненныя ноги не несли его. Увидя, что онъ остановился, веселые пассажиры положили себѣ въ карманы полупенсы, которые ему посулили, говоря, что такой лѣнивой собакѣ давать деньги не стоитъ, и карета скрылась въ облакѣ пыли.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ были вывѣшены объявленія, гласящія, что здѣсь просить милостыню воспрещается подъ страхомъ тюрьмы; они страшно пугали Оливера, и онъ былъ радъ радехонекъ, когда уходилъ подальше отъ такихъ мѣстъ. Въ другихъ мѣстечкахъ онъ пробовалъ становиться у трактировъ

и жалобно смотрѣть на прохожихъ; кончалось это обыкновенно тѣмъ, что трактирщица приказывала какому нибудь слонявшемуся безъ дѣла служителю выгнать этого мальчишку, который вѣроятно высматриваетъ, что бы ему украсть. Когда онъ заходилъ просить милостыню во дворы зажиточныхъ фермеровъ, въ девяти случаяхъ изъ десяти на него грозились выпустить собакъ; если ему случалось сунуться въ лавку, единственное, что онъ получалъ, такъ это обѣщаніе послать за приходскимъ сторожемъ—отъ чего у него душа уходила въ пятки. Такимъ образомъ, еслибъ ему не удалось повстрѣчать одну славную старушку и добряка караульщика у дорожнаго шлагбаума, мытарства Оливера очень скоро окончились бы въ такомъ же родѣ, какъ кончила его мать, то есть онъ по всей вѣроятности свалился бы замертво на дорогѣ. Но караульщикъ шлагбаума накормилъ его хлѣбомъ и сыромъ, а сердобольная старушка, у которой внукъ морякъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и блуждалъ теперь босикомъ гдѣ нибудь въ далекой чужой странѣ, почувствовала такую жалость къ горемычному сиротѣ, что отдала ему все, что могла, приголубила его и отъ души поплакала надъ его участью. Эти слезы запали въ душу Оливера глубже, чѣмъ всѣ вынесенныя имъ въ жизни страданія.

На седьмой день своего бѣгства Оливеръ раннимъ утромъ, еле волоча ноги, вошелъ въ столичный пригородъ—Барнетъ. Оконныя ставни были еще заперты, улицы пусты, весь городъ еще спалъ. Солнце всходило во всей своей ослѣпительной красѣ, но этотъ яркій свѣтъ еще сильнѣе давалъ почувствовать мальчику его одинокое, отчаянное положеніе. Покрытый потомъ, съ истертыми въ кровь ногами, онъ присѣлъ отдохнуть на какомъ-то крыльцѣ. Мало по малу въ домахъ начали отворяться ставни, отдергиваться шторы, на улицахъ стали появляться прохожіе. Нѣкоторые нарочно останавливались посмотрѣть на Оливера, другіе мелькомъ оглядывались на него, но никто не потрудился узнать, какъ онъ здѣсь очутился, никто не подошелъ къ нему съ участіемъ. Просить милостыни онъ боялся.

Довольно долго сидѣлъ онъ такъ, дивясь про себя тому, какъ много въ Барнетѣ питейныхъ заведеній (тамъ въ каждомъ домѣ кабакъ или трактиръ), глазѣя на проѣзжавшіе экипажи и думая о томъ, какъ странно, что имъ нужно всего нѣсколько часовъ, чтобъ совершить тотъ путь, который ему стоилъ цѣлой недѣли мужественныхъ усилій и не дѣтской рѣшимости. Одно обстоятельство вывело его изъ задумчивости. Какой то мальчикъ, который за минуту передъ тѣмъ прошелъ мимо него, воротился назадъ и съ противоположной стороны улицы внимательно наблюдалъ за нимъ.

Сначала Оливеръ не обратилъ на него особеннаго вниманія, но этотъ мальчикъ такъ долго стоялъ все на одномъ мѣстѣ, что Оливеръ невольно поднялъ голову, и встрѣтивъ его упорный взглядъ, отвѣтилъ на него такимъ же внимательнымъ взглядомъ.

Тогда мальчикъ перешелъ черезъ улицу и приблизился къ нему со словами:

— Эй, птенчикъ, чего раскисъ?

Эй, птенчикъ, чего раскисъ?

Обратившійся съ этимъ вопросомъ къ юному страннику незнакомецъ былъ немногимъ старше его, но Оливеру никогда еще не случалось встрѣчать молодыхъ людей такого страннаго вида. У него было самое обыкновенное лицо уличнаго мальчишки: вздернутый носъ, приплюснутый лобъ, грязи на немъ было больше, чѣмъ достаточно, но ко всему этому у него были манеры и осанка взрослаго человѣка. Онъ былъ низокъ не по лѣтамъ и съ кривыми ногами, у него были маленькіе, быстрые, безцвѣтные глазки; высокая шляпа едва держалась на макушкѣ головы; казалось, вотъ-вотъ она слетитъ, и непремѣнно бы это не разъ случилось, еслибъ обладатель ея не приноровился въ опасныя минуты встряхивать головой такъ искусно, что она опять попадала на прежнее мѣсто. На этомъ юношѣ былъ сюртукъ съ плечъ взрослаго мужчины, достававшій ему до пятъ; обшлага онъ отвернулъ до половины, очевидно, для того, чтобъ можно было свободнѣе засунуть руки въ карманы полосатыхъ панталонъ. Вообще у него былъ самый развязный и самоувѣренный видъ, какой только можетъ быть у молодого человѣка, ростомъ въ четыре съ небольшимъ фута, считая вмѣстѣ съ каблуками надѣтыхъ на немъ сапогъ.

— Эй, птенчикъ, чего раскисъ? сказалъ этотъ странный юноша Оливеру.

— Я очень усталъ и проголодался,—со слезами на глазахъ отвѣчалъ тотъ.—Я иду издалека, цѣлую недѣлю уже въ дорогѣ.

— Шелъ цѣлую недѣлю! Гм! понимаю, по приказу клюва, не такъ ли?—Замѣтивъ удивленный взглядъ Оливера, онъ прибавилъ: Да ты. франтъ, кажись не знаешь, что такое клювъ?

Оливеръ смиренно отвѣтилъ, что, какъ ему извѣстно. клювомъ называютъ птичій носъ.

— Какой же ты простофиля! воскликнулъ молодой человѣкъ.—Клювъ значитъ судья, и когда идешь по приказу клюва, такъ никогда по прямой дорогѣ, всегда идешь оттуда и уже не возвращаешься туда. Бывалъ ты на мельницѣ?

— На какой?

— На какой? да на той, которая занимаетъ такъ мало мѣста. что работаетъ въ каменной кружкѣ; на той, которая работаетъ хорошо, когда людямъ плохо, а когда вѣтеръ противный, мелетъ тише, потому что убываетъ рабочихъ. Но я вижу, у тебя животъ подвело, тебя надо покормить. У меня самого теперь въ карманѣ вѣтеръ свиститъ,—всего одинъ козырь да мелкія пташки. но, куда ни шло! угощу на всѣ. Подымайся, ну, разъ, два, три! Теперь шествуй.

Незнакомецъ помогъ Оливеру подняться на ноги и довелъ его до ближайшей мелочной лавочки, гдѣ купилъ большой кусокъ ветчины и двухфунтовый хлѣбецъ; чтобъ ветчина не запачкалась и не запылилась, онъ придумалъ очень остроумный способъ: выколупалъ часть мякиша и засунулъ ее въ продѣланную ямку, затѣмъ съ хлѣбомъ подъ мышкой продолжалъ путь до перваго питейнаго заведенія. Здѣсь они расположились въ задней комнатѣ; было подано пиво, и, по приглашенію своего новаго друга, Оливеръ съ жадностью набросился на ѣду; тотъ тѣмъ временемъ внимательно его разсматривалъ.

— Въ Лондонъ тащишься? спросилъ странный юноша, когда Оливеръ, наконецъ, насытился.

— Да.

— Есть тамъ квартира?

— Нѣтъ.

— Деньги есть?

— Нѣтъ.

Незнакомецъ засвисталъ и засунулъ руки въ карманы такъ глубоко, какъ это позволяли его длинные рукава.

— А вы въ Лондонѣ живете? спросилъ въ свой чередъ Оливеръ.

— Да, когда бываю дома,—отвѣчалъ его собесѣдникъ.—Но тебѣ нужно же гдѣ-нибудь сегодня ночевать; куда же ты дѣнешься?

— Да я съ тѣхъ поръ, какъ въ дорогѣ, все ночевалъ подъ открытымъ небомъ.

— Ну, ну, не хныч изъ за этого! Я сегодня вечеромъ долженъ быть въ Лондонѣ. Я знаю тамъ одного почтеннаго старичка, который даромъ дастъ тебѣ квартиру да и потомъ ничего съ тебя не будетъ брать, если тебя отрекомендуетъ ему кто-нибудь изъ его хорошихъ знакомыхъ. А со мной онъ таки малость знакомъ, не такъ, чтобы очень близко, а все-же немножко знакомы!

Юный незнакомецъ улыбнулся при послѣднихъ словахъ, давая понять, что ихъ надо понимать въ обратномъ смыслѣ, и допилъ свое пиво. Неожиданное предложеніе было такъ соблазнительно, что объ отказѣ не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что, по увѣренію молодого человѣка, его знакомый навѣрное въ очень скоромъ времени и мѣсто хорошее доставитъ Оливеру. Изъ послѣдующаго разговора Оливеръ узналъ, что его новый знакомецъ звался Джекъ Даукинсъ и что онъ былъ любимецъ и „протеже" вышеупомянутаго старичка.

Судя по внѣшнему виду Даукинса, можно было подумать, что его покровитель не особенно заботился о тѣхъ, кого бралъ на свое попеченіе; но такъ какъ это былъ юноша вѣтренный и распущенный, и по его собственному признанію былъ извѣстенъ среди своихъ друзей подъ кличкой „Ловкаго Пройдохи", то Оливеръ и подумалъ, что онъ по своему легкомыслію и беззаботности пропускалъ мимо ушей наставленія своего благодѣтеля. Оливеръ рѣшилъ про себя, что онъ постарается поскорѣе заслужить хорошее мнѣніе стараго джентльмена, и если окажется, что Даукинсъ неисправимъ, то онъ отклонитъ отъ себя честь дальнѣйшаго съ нимъ знакомства.

Джекъ Даукинсъ ни за что не хотѣлъ войти въ Лондонъ засвѣтло, поэтому они только въ одиннадцатомъ часу ночи перешли Ислингтонскую заставу и углубились въ сѣть лондонскихъ улицъ. Даукинсъ шелъ быстрымъ шагомъ и Оливера просилъ не отставать. Все вниманіе Оливера было устремлено на то, чтобъ не потерять изъ виду своего путеводителя; однако, онъ все-таки успѣвалъ окинуть бѣглымъ взглядомъ улицы, по которымъ они шли. Такой грязи и бѣдноты онъ никогда еще не видывалъ. Они вошли въ узкую, гадкую улицу, пропитанную какимъ-то отвратительнымъ зловоніемъ. Въ ней было безчисленное множество маленькихъ лавчонокъ, но никакихъ товаровъ въ этихъ торговыхъ заведеніяхъ не было замѣтно; казалось, здѣсь единственнымъ предметомъ промысла были дѣти, потому что, несмотря на поздній часъ, они сновали туда и сюда, и изъ многихъ домовъ доносился дѣтскій плачъ и крики. Среди общаго запустѣнія, казалось, процвѣтали здѣсь одни только кабаки, въ нихъ шумѣла и ссорилась столичная голь. Примыкавшіе къ главной улицѣ глухіе переулки были переполнены пьяными мужчинами и женщинами, буквально валявшимися въ грязи; изъ нѣкоторыхъ домовъ выходили, осторожно оглядываясь по сторонамъ, рослые молодцы подозри-

тельнаго вида, повидимому, отправлявшіеся по какимъ-то не совсѣмъ благовиднымъ и безопаснымъ дѣламъ.

Оливеръ уже подумывалъ, не бѣжать ли ему отсюда по добру по здорову. Но въ это время его спутникъ остановился передъ однимъ изъ домовъ, толкнулъ незапертую дверь, и схвативъ Оливера за руку, увлекъ за собою въ темный корридоръ, потомъ заперъ за собою дверь и засвисталъ.

— Кто тамъ? послышалось откуда-то снизу.

— Лакомый кусокъ, былъ отвѣтъ.

Повидимому, слова эти были условленнымъ лозунгомъ, или сигналомъ, что все обстоитъ благополучно, такъ какъ въ концѣ корридора блеснула свѣча и освѣтила чье-то лицо, выглянувшее изъ люка, куда выходила старая, со сломанными перилами лѣстница, которая вела въ подвальный этажъ.

— Да васъ двое, проговорилъ этотъ человѣкъ, отдаляя отъ себя свѣчу и прикрывая глаза рукою,—кто же другой-то?

— Новый товарищъ, отвѣтилъ Даукинсъ, выталкивая Оливера впередъ.

— Откуда онъ?

— Изъ Новой земли. Феджинъ наверху?

— Да, онъ сортируетъ платки. Ступайте!

Свѣча исчезла, и лицо скрылось.

Ощупывая въ темнотѣ дорогу одной рукой и крѣпко держась другой за своего спутника, Оливеръ съ большимъ трудомъ взобрался по ветхой съ обвалившимися ступеньками лѣстницѣ, тогда какъ его путеводитель взошелъ легко и увѣренно, какъ будто хорошо ее изучилъ.

Онъ распахнулъ дверь и потащилъ за собой Оливера. Комната, въ которой они очутились, была обращена окнами во дворъ, стѣны и потолокъ ея почернѣли отъ времени и грязи. На простомъ некрашенномъ столѣ передъ каминомъ горѣла воткнутая въ пивную бутылку свѣча, тутъ же было нѣсколько оловянныхъ кружекъ и тарелокъ, лежало масло и хлѣбъ. Въ каминѣ что-то жарилось на сковородкѣ; возлѣ нея съ вилкой въ рукѣ стоялъ старый, сморщенный еврей съ безобразнымъ отталкивающимъ лицомъ, покрытымъ цѣлымъ лѣсомъ спутанныхъ рыжихъ волосъ, одѣтый въ засаленный фланелевый балахонъ.

Его вниманіе, казалось, было раздѣлено между сковородкой и вѣшалкой, на которой висѣло множество шелковыхъ носовыхъ платковъ. На полу были постланы въ рядъ нѣсколько постелей изъ грубыхъ старыхъ мѣшковъ. Вокругъ стола сидѣло четверо или пятеро мальчиковъ, всѣ они были не старше Даукинса, но курили изъ длинныхъ глиняныхъ трубокъ и распивали водку, съ видомъ взрослыхъ людей. Всѣ они окружили своего товарища, который шепотомъ что-то сказалъ еврею, затѣмъ всѣ обернулись и со смѣхомъ уставились на Оливера. Обернулся къ нему и старый еврей.

— Феджинъ, вотъ мой другъ Оливеръ Твистъ, произнесъ Даукинсъ.

Еврей съ усмѣшкой низко поклонился Оливеру, и пожавъ ему руку, замѣтилъ, что надѣется со временемъ имѣть честь поближе съ нимъ сойтись. Затѣмъ Оливера окружили молодые люди съ трубками; они крѣпко пожимали ему руки, особенно ту, въ которой онъ держалъ свой узелокъ. Одинъ изъ нихъ былъ такъ любезенъ, что отобралъ отъ него шапку, другой простеръ свою услужливость до того, что залѣзъ въ его карманы чтобъ избавить усталаго путника отъ труда самому опоражнивать ихъ, когда онъ будетъ ложиться спать. Можетъ быть они простерли бы свою предупредительность еще дальше, еслибъ вилка еврея не стала прогуливаться по плечамъ и лбамъ учтивыхъ юношей.

— Мы очень рады тебѣ, Оливеръ, заговорилъ еврей. Сними-ка, Пройдоха, сосиски да придвинь поближе къ огоньку боченокъ для Оливера. Ты смотришь, миленькій, на платки? Ихъ здѣсь многонько, неправда ли? Мы только что разбирали ихъ, приготовляли для стирки, затѣмъ они и здѣсь, Оливеръ, только затѣмъ! Хи-хи-хи!

При послѣднихъ словахъ веселаго старичка его многообѣщающіе воспитанники разразились оглушительнымъ хохотомъ. Со смѣхомъ сѣли и за ужинъ. Когда Оливеръ съѣлъ свою порцію сосисекъ, старый еврей подалъ ему стаканъ водки съ просьбой осушить его поскорѣе, чтобъ не задерживать другихъ, ждавшихъ своей очереди. Оливеръ послушался. Въ слѣдующее же мгновеніе онъ почувствовалъ, что его бережно кладутъ на одинъ изъ мѣшковъ на полу. Лишь только голова его коснулась подушки, онъ заснулъ, какъ убитый.

ГЛАВА IX.

Дальнѣйшія подробности о пріятномъ старичкѣ и его многообѣщающихъ питомцахъ.

Когда на слѣдующее утро Оливеръ очнулся отъ долгаго и крѣпкаго сна, было уже поздно. Въ комнатѣ не было никого, кромѣ стараго еврея, онъ варилъ къ завтраку кофе, и насвистывая что-то себѣ подъ носъ, мѣшалъ въ кофейникѣ желѣзной ложкой. При малѣйшемъ шумѣ внизу онъ останавливался, прислушивался, затѣмъ, успокоившись, снова принимался мѣшать кофе и насвистывать.

Оливеръ проснулся, но несовсѣмъ. Есть такое полудремотное состояніе между сномъ и пробужденіемъ, когда вы, лежа съ полузакрытыми глазами и сознавая все, что происходитъ вокругъ, вмѣстѣ съ тѣмъ видите сны, и иной разъ въ теченіе пяти минутъ ихъ вамъ приснится больше, чѣмъ въ другое время въ теченіе цѣлыхъ пяти ночей, которыя вы

проспите, какъ убитый. О томъ, что происходитъ въ нашемъ сознаніи въ такіе моменты, человѣкъ знаетъ лишь столько, чтобъ составить себѣ смутное представленіе о могучихъ способностяхъ своего духа, позволяющихъ ему отрѣшаться отъ земли и рѣять внѣ времени и пространства, когда онъ освобождается отъ своей земной оболочки.

Оливеръ находился именно въ такомъ полудремотномъ состояніи. Сквозь опущенныя вѣки онъ видѣлъ стараго еврея, слышалъ его посвистываніе, стукъ ложки по кофейнику, и въ то же время ему грезилось многое изъ его прошлой жизни, передъ нимъ проходили знакомые раньше образы.

Кончивъ варить кофе, еврей снялъ кофейникъ съ огня и нѣсколько времени стоялъ въ нерѣшимости, словно не зная, за что бы приняться. Затѣмъ онъ обернулся, посмотрѣвъ на Оливера и окликнулъ его по имени. Оливеръ не отозвался. Казалось, онъ спалъ.

Успокоивъ себя на этотъ счетъ, еврей пробрался на цыпочкахъ къ двери и заперъ ее на замокъ. Потомъ онъ вытащилъ, какъ показалось Оливеру изъ подъ пола, маленькую шкатулку и поставилъ ее на столъ.

Его глаза заблестѣли, когда онъ отворилъ ея крышку; онъ придвинулъ къ столу старый стулъ, усѣлся на него и досталъ изъ шкатулки великолѣпные золотые часы, осыпанные брильянтами.

— Ага! протянулъ онъ, пожимая плечами и скрививъ лицо въ отвратительную гримасу.—Умныя бестіи, умныя бестіи! До конца не сдались, не сказали пастору, гдѣ спрятано, не выдали стараго Феджина. И къ чему бы повело? Отъ этого петля не ослабѣла бы, и ни одной минутой дольше они не покрасовались бы на этомъ свѣтѣ. Нѣтъ, нѣтъ, ни единой... Умные молодцы, славные молодцы!

Съ такимъ бормотаньемъ онъ опять уложилъ часы въ шкатулку, досталъ оттуда другіе и такъ по одиночкѣ вынималъ, по крайней мѣрѣ, штукъ шесть часовъ и любовался ими съ тѣмъ же удовольствіемъ; за часами послѣдовали кольца, броши, браслеты и другія драгоцѣнныя украшенія, которыхъ Оливеръ даже не умѣлъ назвать. Уложивъ эти бездѣлушки, еврей досталъ какую-то миніатюрную вещицу, которая умѣщалась на его ладони; должно быть, на ней была какая-нибудь мелкая надпись, потому что онъ, заслонивъ глаза рукою, долго и внимательно ее разсматривалъ. Наконецъ, повидимому, ничего не добившись, онъ бросилъ ее на мѣсто и откинулся на спинку стула, бормоча сквозь зубы:

— Чудесная штука казнь! Мертвецовъ не посѣщаетъ позднее раскаяніе, они не выбалтываютъ щекотливыхъ воспоминаній. О, для нашего дѣла это главная вещь! Пятерыхъ вздернули, и некому теперь подымать грызню изъ-за раздѣла добычи или стать доносчикомъ.

Когда онъ произносилъ эти слова, его сверкающіе черные глазки, безцѣльно бѣгавшіе по всей комнатѣ, упали на лицо Оливера.

Глаза мальчика съ безмолвнымъ любопытствомъ были устремлены на него, и въ одно мгновеніе старику стало ясно, что за нимъ наблюдаютъ. Онъ съ шумомъ захлопнулъ крышку шкатулки, и схвативъ лежавшій тутъ же столовый ножъ, съ бѣшенствомъ вскочилъ съ мѣста. Онъ трясся всѣмъ тѣломъ.

Какъ ни былъ испуганъ Оливеръ, онъ успѣлъ замѣтить, что ножъ дрожалъ въ рукѣ еврея.

— Какъ! Ты подсматриваешь за мною? прошипѣлъ еврей. Зачѣмъ ты проснулся? Что ты видѣлъ? Говори, мальчишка, скорѣе говори, коли тебѣ дорога жизнь.

— Я больше не могъ спать, сэръ, робко отвѣтилъ Оливеръ. Мнѣ очень жаль, что я васъ потревожилъ.

— Ты проснулся уже часъ назадъ? грозно нахмурившись, спросилъ еврей.

— Нѣтъ, увѣряю васъ, нѣтъ!

— И ты говоришь правду? крикнулъ еврей, еще сильнѣе нахмуривъ брови и грозно наступая на Оливера.

— Клянусь вамъ, я не просыпался, увѣрялъ его Оливеръ.— Право не просыпался.

— Полно, полно, миленькій! внезапно принимая прежній тонъ, произнесъ еврей и, прежде чѣмъ положить ножъ, сталъ его вертѣть въ рукахъ, какъ бы играя, чтобъ показать, что взялъ его только ради забавы.—Я и самъ знаю, дружочекъ, что ты спалъ; мнѣ только вздумалось попугать тебя. А ты храбрый мальчикъ, ха-ха-ха! ты не трусишка, Оливеръ!

Онъ такъ болталъ, хихикая и потирая руки, а самъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на шкатулку.

— Видѣлъ ты, миленькій, эти хорошенькія вещицы? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, положивъ руку на шкатулку.

— Да, сэръ.

— А! воскликнулъ еврей, поблѣднѣвъ.—Это... это мои... это мое маленькое имущество, Оливеръ, все, чѣмъ мнѣ жить на старости лѣтъ. Люди зовутъ меня скрягой, миленькій, да. Такъ скрягой и считаютъ, только скрягой...

Оливеръ подумалъ, что старикашка, должно быть, дѣйствительно скуповатъ, если живетъ въ такой грязной лачугѣ, имѣя столько часовъ. Но у него явилась мысль, что старику дорого обходится содержаніе Пройдохи и другихъ мальчиковъ, къ которымъ онъ чувствуетъ привязанность; поэтому онъ съ почтеніемъ взглянулъ на еврея и ограничился вопросомъ, можно ли ему встать.

— Еще бы, миленькій, конечно, можно, вставай себѣ. Вонъ въ томъ углу, у двери, стоитъ кувшинъ съ водой, принеси его сюда, а я достану тебѣ чашку для умыванья.

Оливеръ поднялся, пошелъ на другой конецъ комнаты, и когда онъ вернулся съ кувшиномъ, шкатулка уже исчезла.

Едва онъ успѣлъ умыться и вылить, по указанію еврея, грязную воду изъ рукомойника за окно, вернулся Пройдоха въ сопровожденіи одного бойкаго молодчика, котораго Оливеръ наканунѣ видѣлъ курившимъ трубку; его отрекомендовали ему подъ именемъ Чарли Бэтса. Всѣ четверо сѣли завтракать. Кромѣ кофе, была ветчина и горячія булочки. Пройдоха ихъ принесъ въ тульѣ шляпы.

— Ну, голубчики, каково работали сегодня? обратился къ Пройдохѣ еврей, взглянувъ исподтишка на Оливера.

— Какъ нельзя лучше, отвѣтилъ Пройдоха.

— Не зѣвали, добавилъ Чарли Бэтсъ.

— Умники, умники! похвалилъ еврей. Ты съ чѣмъ пришелъ, Пройдоха.

— У меня пара бумажниковъ.

— Набитые? стремительно выговорилъ еврей.

— Довольно тугіе, отозвался Пройдоха, вынимая два бумажника, одинъ зеленый, другой красный.

— Не слишкомъ-то увѣсисты,—замѣтилъ еврей, внимательно осмотрѣвъ каждый снаружи и внутри,—но чистой и прекрасной работы. Искусный онъ мастеръ, неправда ли, Оливеръ?

— Очень искусный, сэръ.

Тутъ Чарли Бэтсъ громко расхохотался, къ немалому изумленію Оливера, который ничего смѣшного въ своихъ словахъ не замѣтилъ.

— Ну, а ты что принесъ, миленькій? спросилъ еврей Бэтса.

— Фуляры,—отвѣтилъ Бетсъ, доставая четыре носовыхъ платка.

— Хороши, очень хороши, одобрилъ еврей платки послѣ тщательнаго осмотра.—Только ты, Чарли, плохо ихъ намѣтилъ, поэтому надо мѣтки спороть; мы научимъ Оливера, какъ ихъ спарывать иголкой. Поучить тебя, Оливеръ? Хи-хи-хи.

— Пожалуйста, сэръ.

— Хочешь умѣть фабриковать платки такъ же проворно, какъ Чарли?

— Очень хотѣлъ бы, только научите меня, сэръ.

Этотъ отвѣтъ показался удивительно забавнымъ Чарльзу Бэтсу, и онъ опять звонко расхохотался, причемъ чуть не задохся, поперхнувшись кофеемъ, который въ это время пилъ. Оправившись, онъ въ оправданіе своего невѣжливаго поведенія, воскликнулъ:

— Ну, до чего онъ простъ! вотъ умора!

Пройдоха ничего не сказалъ, но погладилъ Оливера по головѣ, замѣтивъ, что онъ со временемъ поумнѣетъ. Видя, что Оливера бросило въ краску, старикъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, спросивъ, много ли публики было въ это утро на казни.

Изъ отвѣтовъ мальчиковъ выяснилось, что они оба и тамъ побывали, и Оливеръ не мало подивился тому, какъ они трудолюбивы и какъ находятъ на все время.

По окончаніи завтрака веселый старикашка и оба его питомца придумали очень интересную и совсѣмъ необыкновенную игру. Она велась такъ. Шутникъ-старичекъ спряталъ въ одинъ карманъ панталонъ табакерку, въ другой записную книжку, въ жилетный карманъ сунулъ часы, цѣпочку отъ нихъ надѣлъ на шею, въ манишку воткнулъ булавку съ фальшивымъ брильянтомъ, застегнулъ сюртукъ на всѣ пуговицы, въ карманъ его положилъ футляръ отъ очковъ и носовой платокъ и принялся расхаживать по комнатѣ, опираясь на палку и подражая ухваткамъ стариковъ, прогуливающихся по улицамъ. Онъ останавливался то у камина, то у двери, дѣлая видъ, будто съ любопытствомъ глазѣетъ въ окна магазиновъ, и при этомъ безпрестанно оглядывался вокругъ, точно боясь воровъ, и поминутно ощупывалъ всѣ свои карманы, чтобъ удостовѣриться, не потерялъ ли чего. Старый еврей продѣлывалъ все это такъ потѣшно и такъ натурально, что Оливеръ хохоталъ до слезъ. Оба мальчика все время ходили за нимъ слѣдомъ, и когда онъ оборачивался, такъ проворно прятались, что за ихъ движеніями нельзя было услѣдить. Наконецъ, Пройдоха какъ то нечаянно наступилъ еврею на ногу, Чарли Бэтсъ въ это самое время споткнулся позади его, и въ одну минуту они съ невѣроятной быстротою вытащили у старика табакерку, записную книжку, часы съ цѣпочкой, булавку, платокъ и даже футляръ отъ очковъ. Если случалось, что еврей чувствовалъ въ какомъ-нибудь карманѣ чужую руку, онъ тотчасъ сообщалъ объ этомъ, и игра начиналась снова.

Въ эту игру играли довольно долго, подъ конецъ ея пришли съ визитомъ къ молодымъ людямъ двѣ молодыя дѣвицы, одна по имени Бэтъ, другая—Нанси. Ихъ густые волосы были очень неряшливо причесаны, и довольно грязны были ихъ башмаки и чулки; хотя ихъ нельзя было назвать красавицами, но на ихъ лицахъ игралъ яркій румянецъ, взглядъ у нихъ былъ смѣлый и открытый, держались онѣ развязно и въ обхожденіи были пріятны. Оливеру онѣ показались прекрасными дѣвушками, какими, безъ сомнѣнія, и были.

Гостьи пробыли долго. Одна изъ нихъ пожаловалась, что ей холодно, вслѣдствіе чего было подано вино, и разговоръ принялъ очень дружескій и оживленный оборотъ.

Наконецъ, Чарли Бэтсъ спросилъ почтенную компанію, не пора ли имъ пограниить мостовую. Оливеръ подумалъ, что это, вѣроятно, французское выраженіе означающее идти на прогулку, такъ какъ вслѣдъ за этимъ Чарли съ Пройдохой ушли, въ сопровожденіи дамъ, получивъ отъ добраго старичка денегъ на мелкіе расходы.

— Веселое имъ житье, миленькій, неправда ли? сказалъ Феджинъ. Они теперь ушли на цѣлый день.

— Развѣ работу свою они уже кончили? спросилъ Оливеръ.

— На сегодня окончили, если имъ не подвернется неожиданно, пока они гуляютъ, какая-нибудь выгодная работа. Если это случится, они зѣвать не станутъ, о! нѣтъ, можешь быть покойнымъ, не прозѣваютъ! Вотъ, миленькій, бери съ нихъ примѣръ. Бери съ нихъ примѣръ!—повторилъ еврей, въ подкрѣпленіе своихъ словъ ударяя кочергою по камину.—Дѣлай все, что они тебѣ велятъ, во всемъ спрашивай у нихъ совѣта; особенно слушайся Пройдохи: о! онъ будетъ со временемъ большимъ человѣкомъ и тебя сдѣлаетъ такимъ же, если ты возьмешь его себѣ за образецъ.

— А что, миленькій, мой платокъ виситъ изъ кармана? вдругъ спросилъ онъ, обрывая свое наставленіе.

— Да, сэръ.

— Попробуй, не можешь ли ты вытащить его такъ, чтобъ я не почувствовалъ; видѣлъ, какъ мы играли утромъ?

Оливеръ, придержавъ дно кармана одной рукой, какъ онъ замѣтилъ, дѣлалъ Пройдоха, другою быстро выдернулъ платокъ.

— Готово? крикнулъ еврей.

— Вотъ онъ, сэръ, сказалъ Оливеръ, показывая платокъ.

— Умница, умница, проговорилъ веселый старичекъ, гладя его по головѣ.—Такого ловкаго молодца я не видывалъ. Вотъ тебѣ шиллингъ. Продолжай такъ, и ты прославишься. А пока, поди сюда, я покажу тебѣ, какъ спарывать съ платковъ мѣтки.

Оливеру показалось чрезвычайно удивительнымъ, что игра въ карманныя кражи можетъ какимъ-то образомъ помочь ему стяжать себѣ славу, но, разсудивъ, что еврей, какъ человѣкъ, пожившій на свѣтѣ куда больше его, знаетъ лучше, онъ молча пошелъ вслѣдъ за нимъ къ столу и скоро углубился въ свое новое занятіе.

ГЛАВА X.

Оливеръ узнаетъ, что за люди его новые друзья, купивъ дорогой цѣной эту опытность. Краткая, но очень важная глава въ этой повѣсти.

Много дней Оливеръ просидѣлъ безвыходно въ комнатѣ стараго еврея, снимая мѣтки съ носовыхъ платковъ (они приносились ежедневно въ огромномъ количествѣ) и иногда принимая участіе въ вышеописанной игрѣ, въ которую еврей игралъ съ мальчиками обязательно каждое утро. Ему очень хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, и онъ при всякомъ удобномъ случаѣ приступалъ къ старику съ просьбами отпустить его вмѣстѣ съ двумя другими товарищами на работу.

Особенно горячо онъ сталъ жаждать дѣла съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ, какихъ строгихъ правилъ былъ старый еврей. Когда случалось Чарльзу или Пройдохѣ возвращаться вечеромъ съ пустыми руками, старикъ горячо и пространно толковалъ имъ о томъ, какіе ужасные пороки лѣнь и праздность и, чтобъ сильнѣе запечатлѣть въ ихъ душѣ свои наставленія, отсылалъ ихъ спать безъ ужина. А одинъ разъ онъ до того расходился, что спустилъ ихъ обоихъ съ лѣстницы, такъ велико было его добродѣтельное негодованіе.

Однажды утромъ Оливеръ, наконецъ, получилъ позволеніе, котораго такъ добивался. Работы съ платками уже два или три дня не было, и обѣды стали очень худы. Можетъ быть, эти причины и побудили старика дать свое согласіе; такъ или иначе, онъ отпустилъ Оливера, поручивъ его попеченіямъ Чарльза и Пройдохи.

И вотъ они втроемъ отправились: Пройдоха по обыкновенію съ отогнутыми обшлагами рукавовъ и шляпою на бекрень, Бэтсъ заложивъ руки въ карманъ, Оливеръ шелъ между ними, не вѣдая, куда они идутъ и какому ремеслу его начнутъ обучать.

Однако, они брели очень лѣниво, еле волоча ноги, и Оливеръ скоро началъ думать, что его товарищи обманываютъ своего благодѣтеля и вовсе не ходятъ на работу. Пройдоха обнаружилъ склонность къ злымъ шуткамъ, ему нравилось, напримѣръ, стаскивать шапки съ маленькихъ мальчиковъ и далеко ихъ закидывать, а Чарльзъ Бэтсъ выказалъ очень смутное понятіе о правахъ собственности, такъ какъ по дорогѣ стащилъ съ лотковъ разносчиковъ нѣсколько штукъ яблокъ и луковицъ и разсовалъ ихъ по своимъ карманамъ, которые оказались у него необыкновенно вмѣстительны и многочисленны, точно ими было унизано его платье во всѣхъ направленіяхъ.

Оливеру все это было не по душѣ, и онъ думалъ было уже объявить своимъ спутникамъ, что хочетъ вернуться домой, но его мысли были отвлечены въ другую сторону таинственной перемѣной въ поведеніи Пройдохи.

Они только что вышли изъ узкаго переулка на небольшую площадь, какъ вдругъ Пройдоха остановился, приложилъ палецъ къ губамъ и тихонько потащилъ назадъ своихъ товарищей.

— Что съ тобой? спросилъ Оливеръ.

— Тс! шепнулъ Пройдоха. Видите этого стараго сыча, у книжнаго ларя?

— Стараго джентльмена на той сторонѣ площади? — переспросилъ Оливеръ. Вижу, ну такъ что же?

— Надо обработать его, сказалъ Пройдоха.

— Первый сортъ! замѣтилъ Бэтсъ.

Оливеръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ сперва на одного, по-

томъ на другого, но расиросить ихъ не успѣлъ. Оба мальчика какъ-то незамѣтно очутились на противоположной сторонѣ и втихомолку подкрались къ тому старому джентльмену, который обратилъ на себя ихъ вниманіе. Оливеръ сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ за ними вслѣдъ, но, не зная, слѣдуетъ ли ему туда идти, остановился и въ безмолвномъ удивленіи смотрѣлъ, что будетъ дальше.

Старый джентльменъ былъ весьма почтеннаго вида: въ золотыхъ очкахъ, съ напудренной головою, одѣтъ былъ въ темнозеленый сюртукъ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и бѣлыя брюки, подъ мышкой держалъ толстую бамбуковую трость. Взявъ съ ларя одну изъ выставленныхъ тамъ книгъ, онъ углубился въ нее такъ, будто сидѣлъ у себя дома въ удобномъ креслѣ за письменнымъ столомъ. Можетъ быть, онъ дѣйствительно воображалъ себя тамъ, такъ какъ ясно было, что, занятый чтеніемъ, онъ не видитъ ни ларя, ни улицы, ни мальчишекъ, словомъ ничего, кромѣ своей книги, и читаетъ ее съ величайшимъ интересомъ и увлеченіемъ: дойдетъ до конца страницы, перевернетъ листикъ, начинаетъ слѣдующую съ самой верхней строки и такъ продолжаетъ по порядку.

Какъ же испугался и встревожился Оливеръ, стоявшій съ широко раскрытыми глазами въ нѣсколькихъ шагахъ отъ старика, когда онъ увидѣлъ, что Пройдоха запустилъ руку къ нему въ карманъ и, вытащивъ оттуда платокъ, передалъ его Чарльзу, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ пустился со всѣхъ ногъ на утекъ и скрылся за угломъ.

Для Оливера сразу стало яснымъ таинственное происхожденіе платковъ, часовъ и прочихъ драгоцѣнностей стараго еврея. Отъ ужаса онъ на минуту замеръ на мѣстѣ, кровь стучала ему въ виски, ему казалось, что по жиламъ его разлился огонь; не помня себя отъ страха и не сознавая, что дѣлаетъ, онъ опрометью бросился бѣжать.

Все это было дѣломъ одной минуты. Въ то самое мгновеніе, какъ Оливеръ сорвался съ мѣста, старый джентльменъ сунулъ руку въ карманъ съ платкомъ, и не найдя его тамъ, быстро обернулся. Увидѣвъ бѣгущаго во всю прыть мальчика, онъ вполнѣ естественно заключилъ, что это и есть похититель, и громко крикнувъ: „Держите вора!“ бросился за нимъ, какъ стоялъ, съ книгою въ рукахъ.

Но не одинъ онъ поднялъ тревогу.

Пройдоха и Чарльзъ своимъ бѣгствомъ рисковали привлечь къ себѣ общее вниманіе, чего они вовсе не желали, поэтому, очутившись за угломъ, они нырнули въ первыя ворота и притаились тамъ. Услыхавъ крикъ и увидя мчавшагося безъ оглядки Оливера, они догадались, какъ обернулось дѣло, поспѣшили выскочить изъ своей засады и присоединиться къ старику громко крича: „Держите вора!“

Оливеръ, хотя и былъ воспитанъ философами, но не былъ

теоретически ознакомленъ съ тою истиною, что самосохраненіе—первый законъ природы. Еслибъ онъ ее зналъ, быть можетъ, онъ приготовился бы къ тому, что случилось; но такъ какъ онъ былъ застигнутъ врасплохъ, то совсѣмъ растерялся и несся, какъ вѣтеръ, чуя, что за нимъ съ гикомъ и крикомъ мчится погоня.

„Держите вора! Ловите вора!“ Въ этихъ словахъ есть что-то волшебное. Сидѣлецъ оставляетъ свой прилавокъ, ломовой извозчикъ телѣгу, разносчикъ бросаетъ лотокъ, булочникъ свою корзину, молочница свои ведра, посыльный свои пакеты, школьникъ свою сумку, каменщикъ свою кирку, дитя свой воланъ. Всѣ бѣгутъ, торопятся, толкаютъ другъ друга, неистовствуютъ, бранятся, кричатъ, сбиваютъ съ ногъ встрѣчныхъ прохожихъ, собаки съ лаемъ несутся за ними вслѣдъ, вспугнутыя птицы мечутся, какъ угорѣлыя, улицы, переулки, площади откликаются эхомъ на всѣ звуки. „Держите! Ловите вора!“ Этотъ крикъ подхватываютъ сотни голосовъ и толпа все прибываетъ на каждомъ перекресткѣ. Бѣгутъ, спотыкаясь о камни мостовой, шлепая по грязи, окна растворяются, выбѣгаютъ изъ домовъ, слушатели покидаютъ шарманщика съ Петрушкой на самомъ интересномъ мѣстѣ представленія и присоединяются къ ревущей ватагѣ, и еще громче звучитъ крикъ: „Держите вора! Ловите вора!“

Держите вора!

„Держите вора! Ловите вора!“ Страсть къ охотѣ заложена глубоко въ душѣ каждаго человѣка. Жалкій, задыхающійся, изнемогающій отъ усталости ребенокъ; ужасъ на лицѣ его, отчаяніе во взорѣ; съ него льется градомъ потъ; онъ напрягаетъ всѣ силы, чтобъ опередить своихъ преслѣдователей,—а тѣ гонятся за нимъ по пятамъ, готовы уже настигнуть его и, видя, что онъ ослабѣваетъ, еще громче гикаютъ, свистятъ и радостно кричатъ: „Держите! Держите!“ Да задержите же его, Христа ради, хотя бы изъ одного состраданія!

Наконецъ, онъ пойманъ. Ловкій ударъ — онъ свалился на мостовую; его окружаютъ, тѣснятся, толкаются; всякій стремится взглянуть на него, какъ на рѣдкаго звѣря. „Разступитесь!—Дайте ему вздохнуть!—Полноте, не стоитъ, чтобъ о немъ заботиться!—Гдѣ джентльменъ?—Да вотъ онъ подходитъ!—Дорогу, дорогу джентльмену! Этотъ ли мальчикъ, сударь?—Да“.

Покрытый грязью и пылью, выпачканный кровью, хлынувшей у него изо рта, дико глядя на окружающее его скопище, лежалъ Оливеръ на мостовой. Старый джентльменъ былъ торжественно введенъ въ середину круга. „Да—проговорилъ онъ,—къ сожалѣнію, кажется, это тотъ самый мальчикъ“.

— Сожалѣетъ! хорошъ гусь! заворчали въ толпѣ.

— Бѣдный, онъ весь въ крови, продолжалъ джентльменъ.

— Это моя работа, сэръ,—выступилъ изъ толпы ражій дѣтина,—я закатилъ ему въ зубы. Это я задержалъ его, сэръ.

Онъ снялъ шляпу и пріятно осклабился, въ надеждѣ получить что-нибудь за труды; но старый джентльменъ съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на него и отвернулся; онъ кидалъ по сторонамъ такіе тревожные взоры, какъ будто въ свою очередь намѣревался спасаться бѣгствомъ. Можетъ быть, онъ дѣйствительно покусился бы на это и тѣмъ подалъ поводъ къ новой погонѣ, но какъ разъ въ эту минуту полицейскій (въ такихъ случаяхъ полицейскіе обыкновенно являются послѣдними) протѣснился сквозь толпу и схватилъ Оливера за шиворотъ.

— Идемъ, подымайся! грубо сказалъ онъ.

— Сэръ, это не я укралъ, право не я! Это сдѣлали два другіе мальчика, они тутъ гдѣ-то, близко,—трогательно сложивъ рученки, произнесъ Оливеръ, оглядываясь по сторонамъ.

— Какъ же, такъ они и останутся! иронически замѣтилъ блюститель порядка, и самъ того не вѣдая, сказалъ сущую правду, такъ какъ Пройдоха и Чарльзъ Бэтсъ давнымъ давно дали стрекача въ первый попавшійся переулокъ.

— Нечего зубы заговаривать, вставай!

— Пожалуйста, бережно обходитесь съ нимъ, сэръ, съ состраданіемъ проговорилъ старый джентльменъ.

— Разумѣется, стану его беречь, отвѣтилъ полицейскій и съ этими словами такъ дернулъ Оливера, что его куртка лопнула на спинѣ. Ну, идемъ же, вставай, дьяволенокъ!

Оливеръ кое-какъ поднялся, хотя едва стоялъ на ногахъ. Полицейскій ухватилъ его за воротъ и потащилъ маршъ-маршемъ за собою. Джентльменъ пошелъ сбоку ихъ, впереди шествовали гурьбою тѣ изъ толпы, кто могъ досмотрѣть до конца интересное происшествіе; любопытные оглядывались на Оливера, мальчишки орали, въ такомъ порядкѣ совершали они свой путь по улицамъ.

ГЛАВА XI.

Маленькій образчикъ того, какъ отправлялъ правосудіе м-ръ Фангъ, судья при полицейскомъ участкѣ.

Преступленіе было совершено въ предѣлахъ одного достославнаго полицейскаго судилища и даже въ близкомъ отъ него сосѣдствѣ, поэтому толпа недолго имѣла удовольствіе сопутствовать Оливеру: перешли всего двѣ-три улицы да площадь, называвшуюся Бараньей, и черезъ низенькія ворота и грязный дворъ Оливеръ былъ доставленъ къ храму правосудія, гдѣ творился судъ скорый и даровой. Они прошли заднимъ ходомъ, и вступивъ на маленькій мощеный дворикъ, встрѣтили рослаго молодца со связкой ключей.

— Съ чѣмъ пожаловали? небрежно освѣдомился онъ.

— Маленькаго карманника привели, отвѣтилъ полицейскій.

— Это васъ обокрали? обратился человѣкъ съ ключами къ старому джентльмену.

— Меня; но я не совсѣмъ увѣренъ въ томъ, что именно этотъ мальчуганъ укралъ мой платокъ. Мнѣ... мнѣ хотѣлось бы не давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу.

— Вамъ теперь не миновать судебнаго разбирательства, отвѣчалъ ключарь. Да г. судья васъ не задержитъ, въ полъ минуты будетъ дѣлу конецъ. Ступай-ка сюда, маленькій висѣльникъ! обратился онъ къ Оливеру, приглашая его войти въ тюремную камеру, которую только что отперъ. Здѣсь его обыскали, ничего не нашли и заперли. Камера походила величиною и видомъ на погребъ, только была еще темнѣе и нестерпимо грязна, такъ какъ въ этотъ день былъ понедѣльникъ, а въ субботу вечеромъ здѣсь было заперто шесть пьяницъ. Но то ли еще бываетъ! Обвиняемые въ самыхъ пустыхъ преступленіяхъ заключаются у насъ сплошь да рядомъ въ такія арестантскія, по сравненію съ которыми ньюгетскія темницы, гдѣ сидятъ осужденные на смертную казнь закоренѣлые злодѣи, представляются настоящими дворцами. Кто сомнѣвается, пусть самъ побываетъ и сравнитъ.

У стараго джентльмена было на душѣ почти такъ же спокойно, какъ у Оливера, когда ключъ заскрипѣлъ въ замкѣ. Онъ со вздохомъ отвернулся къ книгѣ, бывшей невинной причиной всей этой исторіи.

— Въ лицѣ этого мальчика есть что-то такое, что меня трогаетъ и возбуждаетъ мое участіе,—задумчиво похлопывая себя книгой по подбородку разсуждалъ онъ самъ съ собою, когда медленно отходилъ прочь отъ двери.—Правда ли, что онъ невиненъ? Онъ не похожъ на вора... А вѣдь лицо его кого-то мнѣ напоминаетъ! вдругъ вскричалъ онъ, внезапно остановившись и устремивъ глаза на небо. Боже мой, кого-же онъ мнѣ напоминаетъ?

Подумавъ нѣсколько минутъ, старый джентльменъ съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ пошелъ дальше. Войдя въ первую комнату судебнаго присутствія, онъ усѣлся въ уголокъ и воскресилъ въ своей памяти цѣлый сонмъ знакомыхъ лицъ, скрытыхъ темной завѣсой времени.

— Нѣтъ, должно быть, это просто мнѣ почудилось, проговорилъ онъ, качая головой.

Но передъ нимъ продолжали мелькать растревоженные имъ образы. Онъ ихъ вызвалъ изъ мрака забвенія, и нелегко было снова опустить такъ долго скрывавшую ихъ завѣсу. Были тутъ лица друзей и враговъ, лица совершено постороннихъ людей, которыя непрошенныя врывались откуда-то; были лица юныхъ цвѣтущихъ дѣвушекъ, ставшихъ уже старухами, были и другія, давно уже сошедшія въ могилу и ставшія добычею тлѣнія, но воображеніе, могущественнѣе смерти, облекало ихъ былою свѣжестью и красотою, надѣляло прежнимъ блескомъ глазъ и ясной улыбкой, окружало ихъ бренную оболочку свѣтлымъ сіяніемъ одухотворенной неземной красоты.

Но все таки старикъ не могъ припомнить ни одного лица, которое имѣло бы сходство съ чертами Оливера. Тяжелымъ вздохомъ проводилъ онъ воспоминанія прошлаго, и такъ какъ, къ счастью для себя, былъ человѣкомъ очень разсѣяннымъ, то вскорѣ опять увлекся заплѣснѣвѣлой книгой

Легкій ударъ по плечу оторвалъ его отъ чтенія: ключарь приглашалъ его пожаловать въ присутствіе. Онъ поспѣшно захлопнулъ книгу и не замедлилъ предстать предъ лицо достославнаго м-ра Фанга. Засѣданіе происходило въ обшитой панелями залѣ окна которой выходили на улицу.

Мѣсто мистера Фанга было отгорожено перилами; возлѣ дверей въ особой деревянной загородкѣ помѣщался бѣдный Оливеръ, дрожавшій отъ ужаса при видѣ всей этой обстановки.

М-ръ Фангъ былъ тонкій долговязый человѣкъ средняго роста въ туго накрахмаленномъ галстухѣ, волосы у него росли только съ боковъ и на затылкѣ, но и то въ очень скудномъ количествѣ. Лицо у него было суровое и совершенно багровое.

Если онъ не былъ подверженъ привычкѣ злоупотреблять спиртными напитками, то имѣлъ полное право принести жалобу на свой предательскій румянецъ, обвиняя его въ клеветѣ, и взыскалъ бы не малые протори и убытки.

Старый джентльменъ почтительно поклонился и подойдя къ судейскому столу, положилъ передъ судьей свою визитную карточку, сказавъ: „Тутъ мое имя и мѣстожительство". Затѣмъ онъ еще разъ поклонился по всѣмъ правиламъ вѣжливости, отошелъ на нѣсколько шаговъ и сталъ ожидать своей очереди давать показанія.

М-ръ Фангъ какъ разъ въ это время читалъ передовую статью газеты, гдѣ обсуждалось одно его недавнее рѣшеніе по какому-то дѣлу и въ триста пятидесятый разъ предлагалось статсъ-секретарю министерства внутреннихъ дѣлъ обратить на него особенное вниманіе. Судья былъ не въ духѣ. Грозно нахмурившись, онъ посмотрѣлъ на старика и спросилъ: „Вы кто такой?"

Тотъ, нѣсколько удивленный, указалъ на свою карточку.

— Приставъ, кто этотъ человѣкъ? возгласилъ м-ръ Фангъ, презрительно отбрасывая карточку вмѣстѣ съ газетнымъ листомъ.

— Моя фамилія Броунло, отвѣтилъ старый джентльменъ со всѣмъ достоинствомъ, приличнымъ джентльмену.—Позвольте и мнѣ узнать фамилію судьи, который безъ всякаго повода наноситъ ничѣмъ не оправдываемое оскорбленіе почтенному человѣку, пользуясь защитой суда. М-ръ Броунло осмотрѣлся кругомъ, какъ бы отыскивая лицо, которое бы могло сообщить ему желаемое свѣдѣніе.

— Приставъ, въ чемъ обвиняется этотъ человѣкъ? произнесъ м-ръ Фангъ, перебросивъ газету на другую сторону.

— Онъ ни въ чемъ не обвиняется, ваша честь, отвѣчалъ приставъ.

Онъ здѣсь свидѣтелемъ противъ мальчика, ваша честь.

Его чести отлично было извѣстно это обстоятельство, но это было хорошее и притомъ совершенно безопасное средство нанести непріятность старику.

— Такъ онъ свидѣтель? переспросилъ судья, окинувъ презрительнымъ взглядомъ мистера Броунло съ ногъ до головы. Привести его къ присягѣ!

— Прежде, чѣмъ я принесу присягу, позвольте сказать вамъ, что я до настоящаго случая ни за что бы не повѣрилъ тому...

— Замолчите, сэръ! стремительно перебилъ его м-ръ Фангъ.

— Я не желаю молчать.

— Замолчите сію же минуту, иначе я велю васъ отсюда вывести, сказалъ м-ръ Фангъ. Вы дерзкій нахалъ. Какъ вы смѣете грубить судьѣ?

— Что? воскликнулъ старый джентльменъ, краснѣя.

— Привести его къ присягѣ! приказалъ своему дѣлопроиз-

водителю м-ръ Фангъ. Я больше не потерплю ни единаго слова. Къ присягѣ его?

Негодованіе мистера Броунло возросло до крайнихъ предѣловъ, но онъ сдержался, разсудивъ, что можетъ повредить мальчику, если поддастся гнѣву, и немедленно принесъ требуемую присягу.

— Въ чемъ же обвиняется мальчикъ? сказалъ м-ръ Фангъ.— Что вы имѣете сказать, сэръ?

— Я стоялъ у книжнаго ларя... началъ было м-ръ Броунло.

— Замолчите, прервалъ его м-ръ Фангъ.—Гдѣ полицейскій? Приведите полицейскаго къ присягѣ. Разскажите, полицейскій, какъ было дѣло?

Полицейскій со всѣмъ подобающимъ смиреніемъ повѣдалъ, какъ ему было заявлено о кражѣ, какъ онъ обыскалъ Оливера и ничего не нашелъ,—это все, что ему извѣстно, закончилъ онъ.

— Есть другіе свидѣтели?

— Нѣтъ, ваша честь.

М-ръ Фангъ съ минуту помолчалъ, потомъ съ чрезвычайной запальчивостью набросился на истца:

— Объясните ли вы, наконецъ, въ чемъ приносите жалобу на этого мальчика? Или вы не желаете? Васъ приводили къ присягѣ, и если вы откажетесь дать свое показаніе, я накажу васъ за неуваженіе къ суду, я...

Чѣмъ еще хотѣлъ пригрозить судья, осталось для всѣхъ тайной, потому что дѣлопроизводитель и тюремщикъ какъ разъ въ это мгновеніе стали громко кашлять, и первый изъ нихъ кромѣ того уронилъ на полъ тяжелую книгу, и такимъ образомъ заглушили слова судьи... конечно неумышленно.

М-ръ Броунло, прерываемый почти на каждомъ словѣ градомъ оскорбленій, успѣлъ таки изложить обстоятельства дѣла, указалъ на то, что онъ, опѣшивъ въ первую минуту, при видѣ бѣгущаго мальчика бросился за нимъ вслѣдъ, потому только, что тотъ бѣжалъ, и въ концѣ выразилъ надежду, что подсудимому, если онъ и окажется виновнымъ, будетъ дано всевозможное снисхожденіе, уже ради того, чтобъ онъ не былъ вмѣстѣ съ ворами.

— Онъ уже и такъ пострадалъ, закончилъ свою рѣчь м-ръ Броунло, и посмотрѣвъ на загородку, гдѣ находился подсудимый, выразительно добавилъ: я сильно опасаюсь, что онъ занемогъ.

— Какъ же, разсказывайте! съ усмѣшкой молвилъ м-ръ Фангъ.

— Полно, полно, безъ фокусовъ, маленькій бездѣльникъ, они ни къ чему не приведутъ. Какъ твое имя?

Оливеръ хотѣлъ отвѣтить, но языкъ ему не повиновался. Онъ былъ смертельно блѣденъ, голова у него кружилась.

— Какъ тебя зовутъ, негодяй? прокричалъ м-ръ Фангъ? Приставъ, какъ его зовутъ?

Этотъ вопросъ былъ обращенъ къ стоявшему у загородки

толстяку въ пестромъ жилетѣ. Онъ нагнулся къ Оливеру и повторилъ ему вопросъ, но увидѣлъ, что тотъ не въ состояніи ничего понять. Зная, что его молчаніе только еще больше раздражитъ судью и усилитъ суровость приговора. добродушный стражъ правосудія рѣшился сказать наугадъ: „онъ говоритъ, ваша честь, что его зовутъ Томъ Вайтъ".

— А, онъ не желаетъ отвѣчать громко? Прекрасно! Гдѣ онъ живетъ?

— Гдѣ можетъ, отвѣтилъ приставъ, опять сдѣлавъ видъ, будто повторяетъ отвѣтъ Оливера.

— Есть ли у него родители? продолжалъ м-ръ Фангъ.

— Онъ говоритъ, что потерялъ ихъ во младенчествѣ, повторилъ приставъ обычный отвѣтъ бродягъ.

Тутъ Оливеръ поднялъ голову, обвелъ умоляющимъ взглядомъ присутствующихъ и слабымъ голосомъ попросилъ воды.

— Вздоръ! Онъ просто желаетъ меня одурачить! изрекъ м-ръ Фангъ.

— Сдается мнѣ, ваша честь, онъ точно боленъ, попробовалъ возразить приставъ.

— Мнѣ про то знать, сказалъ м-ръ Фангъ.

— Поддержите его, приставъ,—воскликнулъ инстинктивно протягивая руку м-ръ Броунло,—онъ сейчасъ упадетъ!

— Отойдите отъ него, приставъ,—крикнулъ м-ръ Фангъ,—пусть падаетъ, коли хочетъ.

Оливеръ воспользовался этимъ милостивымъ дозволеніемъ и безъ чувствъ повалился на полъ. Всѣ подчиненные мистера Фанга переглянулись другъ съ другомъ, но ни одинъ не осмѣлился тронуться съ мѣста.

— Прикидывается, рѣшительно объявилъ м-ръ Фангъ. Пусть лежитъ, скоро ему надоѣстъ и встанетъ.

— Какъ вы предполагаете распорядиться съ этимъ дѣломъ, сэръ? тихонько спросилъ его клеркъ.

— Безъ лишнихъ околичностей, отвѣтилъ м-ръ Фангъ. На три мѣсяца въ смирительный домъ въ тяжелую работу. Засѣданіе закрыто. Потрудитесь очистить залу.

По этому приказанію раскрыли двери, и двое служителей уже подняли безчувственнаго мальчика, чтобъ отнести его въ арестантскую, какъ вдругъ въ залу ворвался какой-то пожилой человѣкъ бѣдно, но опрятно одѣтый во все черное и бросился къ судейскому столу.

— Стойте, стойте! Ради Бога, остановитесь на минуту, не уносите его, кричалъ онъ прерывистымъ голосомъ.

Хотя предсѣдательствующимъ въ этихъ судебныхъ учрежденіяхъ мудрецамъ вручена безапелляціонная и неограниченная власть надъ свободой, добрымъ именемъ, честью и чуть-ли не жизнью подданныхъ великобританскаго королевства, преимущественно бѣднѣйшаго класса; хотя въ этихъ стѣнахъ ежедневно творятся такія невѣроятныя вещи, которыя заста-

вили бы ангеловъ ослѣпнуть отъ слезъ, публика въ нихъ не допускается, за исключеніемъ газетныхъ хроникеровъ. Вслѣдствіе этого, при видѣ непрошеннаго гостя, такъ дерзко ворвавшагося въ святилище правосудія, м-ръ Фангъ пришелъ въ страшное негодованіе.

— Это что такое? Кто это? Вывести этого человѣка! Немедленно очистить залу! возопилъ онъ.

— Я хочу говорить и буду! прокричалъ нежданный посѣтитель.—Я не позволю себя вывести. Я былъ свидѣтелемъ всего происшедшаго,—я владѣлецъ книжной лавки,—приведите меня къ присягѣ, я хочу дать показаніе. Вы должны меня выслушать, мистеръ Фангъ, отказать мнѣ вы не можете.

Онъ былъ правъ. Видъ у него былъ смѣлый и рѣшительный, и дѣло приняло такой серьезный оборотъ, что немыслимо было его замять.

— Пусть его приведутъ къ присягѣ! насупившись буркнулъ м-ръ Фангъ.—Ну-съ, что вы скажете?

— Вотъ что. Я видѣлъ трехъ мальчиковъ: этого и двухъ другихъ; они шли по другой сторонѣ улицы, а джентльменъ въ это время читалъ. Кражу совершилъ не этотъ мальчикъ, а другой. Я видѣлъ, какъ украли платокъ, видѣлъ и то, какъ былъ пораженъ изумленіемъ этотъ мальчикъ.—И немного передохнувъ, честный книготорговецъ болѣе связно досказалъ, какъ на самомъ дѣлѣ была совершена кража.

— Почему вы не явились сюда раньше? спросилъ помолчавъ м-ръ Фангъ.

— Мнѣ не на кого было оставить лавку. Всѣ, кто могъ бы замѣнить меня, присоединились къ погонѣ, и только пять минутъ тому назадъ я могъ освободиться и бѣжалъ бѣгомъ всю дорогу.

— Истецъ былъ занятъ чтеніемъ, не такъ ли? спросилъ м-ръ Фангъ опять послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, онъ читалъ ту самую книгу, что держитъ теперь въ рукахъ.

— А, эту самую книгу! сказалъ Фангъ. И онъ заплатилъ за нее?

— Нѣтъ, съ улыбкой отвѣтилъ книготорговецъ.

— Ахъ, Господи! совсѣмъ изъ памяти вонъ, простодушно воскликнулъ разсѣянный старичекъ. Заплатить-то я и позабылъ!

— И предпочли возбудить обвиненіе противъ бѣднаго мальчика? Похвально, нечего сказать! замѣтилъ м-ръ Фангъ, стараясь притвориться человѣколюбивымъ, что выходило очень комично. Вижу, сэръ, что вы завладѣли этой книгой при весьма сомнительныхъ и не говорящихъ въ вашу пользу обстоятельствахъ. Счастье еще ваше, что владѣлецъ ея не изъявляетъ желанія преслѣдовать васъ судомъ. Да послужитъ это впредь для васъ урокомъ, любезный мой; въ другой разъ не минуете законной кары. Мальчикъ свободенъ. Засѣданіе закрыто.

Старый джентльменъ, задыхаясь отъ долго сдерживаемой злобы, прохрипѣлъ: Ахъ, чортъ побери, да я...

— Очистить залу! крикнулъ судья. Приставъ, распорядитесь очистить залу.

Приказанiе было исполнено, и негодующiй м-ръ Броунло былъ выведенъ изъ залы съ книгой въ одной рукѣ и тростью въ другой. Онъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства, но едва онъ очутился на дворѣ, его гнѣвъ мигомъ улетучился при видѣ бѣдняжки Оливера, который лежалъ на каменныхъ плитахъ съ открытою грудью, обрызганный водой; по его смертельно блѣдному лицу пробѣгали судороги.

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ! проговорилъ нагнувшись къ нему м-ръ Броунло.—Карету, кликните мнѣ карету, да поживѣе!

Привели карету и бережно перенесли въ нее Оливера; м-ръ Броунло помѣстился напротивъ него.

— Можно мнѣ къ вамъ присоединиться? спросилъ подошедшiй къ дверцамъ экипажа книготорговецъ.

— Да, конечно!—поспѣшилъ отвѣтить м-ръ Броунло,—Я про васъ забылъ. Боже мой, да у меня все еще эта несчастная книга! Садитесь поскорѣе, нельзя терять ни минуты. Бѣдный мальчикъ!

Книготорговецъ сѣлъ, и карета покатила.

ГЛАВА XII.

Разсказывается о томъ, какими заботами былъ впервые въ своей жизни окруженъ Оливеръ, а также повѣствуется о веселомъ старичкѣ и его юныхъ друзьяхъ.

Карета остановилась передъ чистенькимъ домикомъ въ уединенной тѣнистой улицѣ вблизи Пентонвилля. Здѣсь Оливеръ немедленно былъ уложенъ въ постель, приготовленную подъ личнымъ надзоромъ мистера Броунло, и окруженъ самымъ нѣжнымъ и заботливымъ уходомъ.

Но Оливеръ долго, долго не чувствовалъ всей доброты своихъ новыхъ друзей. Много разъ солнце всходило и закатывалось, а онъ все лежалъ на одрѣ болѣзни и томился въ изнурительномъ палящемъ жару горячки. Червь не такъ быстро совершаетъ свою разрушительную работу надъ трупомъ, какъ этотъ медленный огонь подтачиваетъ живой организмъ.

Слабый, исхудалый, блѣдный онъ, наконецъ, очнулся, какъ ему казалось, отъ долгаго, тяжелаго сна. Съ трудомъ онъ приподнялся на постели, оперся головой на дрожащую руку и безпокойно оглядѣлся кругомъ.

— Что это за комната? Куда я попалъ?—Это не то мѣсто, гдѣ я уснулъ,—проговорилъ онъ.

Эти слова были сказаны чуть слышно, такъ какъ онъ былъ очень слабъ, тѣмъ не менѣе они были услышаны. Пологъ былъ поспѣшно отдернутъ, и у изголовья постели появилась чистенькая, опрятно одѣтая старушка; она сидѣла за шитьемъ въ придвинутомъ къ постели креслѣ.

— Тс! дружочекъ, тебѣ надо лежать смирно, не то опять захвораешь, а ты былъ очень плохъ, чуть на тотъ свѣтъ не отправился. Лягъ опять, мой милый, вотъ такъ!—Съ этими словами она нѣжно опустила голову Оливера на подушку, откинула со лба волосы и такимъ добрымъ любящимъ взглядомъ посмотрѣла на него, что онъ невольно протянулъ свою исхудалую ручонку къ ея рукамъ и обвилъ ими свою шею.

— Боже мой!—со слезами на глазахъ воскликнула старушка,— какое это милое, благодарное дитя! Голубчикъ! Что бы почувствовала твоя мать, еслибъ она была теперь на моемъ мѣстѣ и увидѣла тебя!

— Можетъ быть, она видитъ меня, прошепталъ сложивъ руки Оливеръ,—можетъ быть, она и сидитъ подлѣ меня; мнѣ казалось, я чувствовалъ, что она здѣсь.

— Это, милый, тебѣ чудилось въ бреду, кротко молвила старушка.

— Должно быть, такъ,—проговорилъ Оливеръ.—Вѣдь небо отъ насъ очень далеко, а она слишкомъ тамъ счастлива, чтобъ придти къ постели бѣднаго мальчика. Но еслибъ она узнала, что я боленъ, она даже тамъ пожалѣла бы меня, потому что, прежде чѣмъ умереть, она сама очень хворала. Нѣтъ, она навѣрное ничего про меня не знаетъ, прибавилъ онъ послѣ минутнаго раздумья,—потому что она опечалилась бы, еслибъ знала, какъ меня мучили, а у нея всегда счастливое и свѣтлое лицо, когда я вижу ее во снѣ.

На это старушка ничего не отвѣтила, но отерла себѣ глаза, а затѣмъ вытерла и лежавшіе на одѣялѣ очки, какъ будто и они были неотъемлемою частью ея органа зрѣнія. Потомъ она принесла Оливеру какого-то холоднаго питья и погладивъ его по щекѣ велѣла лежать спокойно, если онъ не хочетъ снова заболѣть.

И Оливеръ притихъ, отчасти потому, что желалъ во всемъ оказывать послушаніе доброй старушкѣ, а отчасти и потому, что, правду сказать, крайне утомился отъ того, что такъ много говорилъ. Вскорѣ имъ овладѣла легкая дремота. Его разбудила поднесенная къ его кровати зажженная свѣча; при свѣтѣ ея онъ увидѣлъ джентльмена съ большими золотыми громко тикавшими часами въ рукѣ, который пощупалъ ему пульсъ и объявилъ, что ему гораздо лучше.

— Ты вѣдь чувствуешь себя гораздо лучше, дитя мое? сказалъ онъ.

— Да, сэръ.

— Ну, да, тебѣ лучше, такъ я и зналъ! И ты голоденъ, не такъ ли?

— Нѣтъ, сэръ.

— Гм... Такъ я и зналъ. Онъ не чувствуетъ голода, м-съ Бедвинъ, глубокомысленно произнесъ джентльменъ.

Старушка почтительно склонила голову, желая этимъ выразить, что считаетъ доктора необыкновенно проницательнымъ человѣкомъ. Повидимому, и самъ онъ былъ того же мнѣнія.

— Тебя клонитъ ко сну, не правда ли, дитя мое? продолжалъ докторъ.

— Нѣтъ, сэръ.

— Да, да, ему не хочется спать, проговорилъ докторъ съ лукавымъ самодовольнымъ видомъ. И пить не хочется ему, не правда ли?

— Нѣтъ, сэръ, мнѣ очень хочется пить, отвѣчалъ Оливеръ.

— Такъ я и ожидалъ, м-съ Бедвинъ! весьма естественно, что онъ чувствуетъ жажду. Вы можете дать ему немножко чаю съ сухарикомъ. Не держите его слишкомъ тепло, но остерегайтесь держать его слишкомъ прохладно. Сдѣлайте милость, позаботьтесь объ этомъ.

Старушка отвѣсила реверансъ. Докторъ отвѣдалъ приготовленнаго для больного питья и выразивъ ему свое полное одобреніе, поспѣшилъ уйти. Когда онъ спускался съ лѣстницы, сапоги его такъ внушительно скрипѣли, какъ скрипятъ только у важныхъ особъ, пользующихся достаткомъ.

Оливеръ скоро опять заснулъ и проснулся около полуночи. Ласковая старушка пожелала ему спокойно почивать и ушла, довѣривъ его попеченію сѣдовласой толстухи, которая къ этому времени пришла, принеся съ собою въ узелкѣ маленькій молитвенникъ и большой ночной чепецъ. Надѣвъ послѣдній на голову и положивъ первый на столъ, толстуха сказала Оливеру, что пришла дежурить надъ нимъ и усѣлась у камина. Здѣсь ее стали безпрестанно одолѣвать легкіе припадки дремоты, въ промежуткахъ между которыми она клевала носомъ, сопѣла и стонала на разные лады; впрочемъ, изъ этого не происходило никакихъ дурныхъ послѣдствій, кромѣ того, что она крѣпко терла себѣ переносицу и снова засыпала.

Такъ медленно тянулась ночь. Оливеръ нѣсколько времени лежалъ безъ сна, то считая свѣтлые кружки, отбрасываемые на потолокъ абажуромъ ночника, то слѣдя разсѣяннымъ взоромъ за сложнымъ узоромъ обоевъ на стѣнѣ. Было что-то торжественное въ этомъ глубокомъ безмолвіи и темнотѣ, и мальчику вспомнилось, что много дней и ночей въ этой комнатѣ носилась смерть, и теперь еще могла тутъ появиться и наполнить ее мракомъ и ужасомъ; онъ уткнулся лицомъ въ подушку и обратился съ пламенной молитвой къ Богу. Какъ-то незамѣтно онъ заснулъ тѣмъ крѣпкимъ спокойнымъ сномъ,

какой дается только выздоравливающимъ отъ тяжкой болѣзни, погрузился въ то тихое блаженное состоянiе, отъ котораго жаль пробуждаться.

Даже, еслибъ этотъ сонъ былъ смертью, кто пожелалъ бы проснуться, чтобъ вновь вернуться къ житейскимъ волненiямъ, къ заботамъ о настоящемъ, къ тревогамъ о будущемъ и, что всего хуже, къ тоскливымъ воспоминанiямъ о невозвратномъ прошломъ!

Когда Оливеръ открылъ глаза, былъ уже позднiй часъ утра. Ему было весело и легко, кризисъ болѣзни благополучно миновалъ, и онъ снова принадлежалъ здѣшнему мiру.

Черезъ три дня онъ уже могъ сидѣть въ креслѣ, обложенный подушками, но такъ какъ былъ еще слишкомъ слабъ чтобъ ходить, то м-съ Бедвинъ на рукахъ отнесла его въ маленькую комнатку въ нижнемъ этажѣ, которую занимала въ качествѣ ключницы. Усадивъ его у камина, добрая старушка сѣла возлѣ и залилась горючими слезами отъ восторга, что видитъ его здоровымъ.

— Не обращай на меня вниманiя, голубчикъ мой, приговаривала она, это я ужъ такъ привыкла, надо было мнѣ хорошенько выплакаться, теперь уже все прошло, и я совершенно спокойна.

— Вы очень, очень добры ко мнѣ, сударыня, промолвилъ Оливеръ.

— Перестань толковать объ этомъ, дружочекъ, не до того теперь, пора приниматься за твой бульонъ; докторъ разрѣшилъ мистеру Броунло видѣть тебя сегодня, и ты долженъ смотрѣть молодцомъ, такъ какъ чѣмъ лучше ты будешь на видъ, тѣмъ прiятнѣе будетъ мистеру Броунло.

Съ этими словами старушка принялась разогрѣвать въ кастрюлечкѣ бульонъ, котораго была цѣлая миска и такого крѣпкаго, что его хватило бы по меньшей мѣрѣ на триста пятьдесятъ порцiй, если бы развести до настоящей крѣпости, принятой въ Домѣ Призрѣнiя.

— Ты любишь картины, малютка? спросила старушка, замѣтивъ, что Оливеръ уставился на висѣвшiй какъ разъ противъ его кресла портретъ.

— Право не знаю, я такъ мало ихъ видѣлъ, отвѣтилъ Оливеръ, не сводя глазъ съ полотна.—Какое прекрасное, кроткое лицо у этой дамы, которая здѣсь изображена.

— О, живописцы всегда стараются рисовать дамъ болѣе красивыми, чѣмъ онѣ есть въ дѣйствительности, иначе имъ перестанутъ заказывать портреты. Тому, кто выдумалъ машину снимать портреты похожiе, какъ двѣ капли воды, не мѣшало бы намотать себѣ на усъ, что ему нечего ждать успѣха; черезчуръ ужъ правдиво передаетъ она, черезчуръ!

— И старушка расхохоталась отъ собственной остроты.

— А это... портретъ? спросилъ Оливеръ.

— Да, это портретъ,—отвѣтила м-съ Бедвинъ, на минуту отрываясь отъ кастрюльки съ бульономъ.

— Чей?

— По правдѣ сказать, я и сама не вѣдаю, простодушно отвѣчала старушка.—Конечно такой особы, которую ни ты, ни я не знаемъ. Кажется, онъ тебѣ очень понравился?

— Онъ чудно хорошъ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Но онъ тебя не пугаетъ? спросила она, замѣтивъ къ своему величайшему изумленію, что ребенокъ смотритъ на портретъ съ какимъ то почтительнымъ страхомъ.

— О нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно отвѣтилъ Оливеръ,—только у нея такіе печальные глаза, и отсюда мнѣ кажется, что она смотритъ прямо на меня. У меня отъ этого даже забилось сердце,—прибавилъ онъ шепотомъ, она точно живая и какъ—будто хочетъ говорить со мной, да не можетъ.

— Господи помилуй! испуганно воскликнула старушка.—Полно, дитя мое, успокойся, ты еще слабъ и нервенъ послѣ болѣзни. Я отодвину твое кресло къ другой стѣнѣ, ты тутъ не будешь ее видѣть.

— Вотъ такъ, проговорила она, исполнивъ, что говорила, теперь тебѣ не видно ея.

Но Оливеръ всетаки ее видѣлъ въ своемъ воображеніи, видѣлъ такъ ясно, будто не перемѣнялъ мѣста, только онъ не хотѣлъ сердить добрую старушку и отвѣтилъ ласковой улыбкой на ея вопросительный взглядъ. Успокоившись на его счетъ, м-съ Бедвинъ принялась крошить въ бульонъ сухарики и солить его, при чемъ суетилась изо всѣхъ силъ, какъ и слѣдовало для такого важнаго дѣла. Оливеръ съ необыкновенной быстротой уничтожилъ бульонъ. Едва онъ успѣлъ проглотить послѣднюю ложку, какъ раздался легкій стукъ въ дверь. „Войдите“! сказала старушка и появился м-ръ Броунло.

Старый джентльменъ вошелъ съ самымъ веселымъ видомъ, но едва онъ успѣлъ приподнять очки на лобъ и заложить руки за фалды своего халата, чтобъ хорошенько разсмотрѣть Оливера, какъ его лицо передернулось, и онъ сталъ дѣлать самыя невѣроятныя гримасы. Оливеръ страшно измѣнился и исхудалъ послѣ болѣзни; напрасно онъ изъ уваженія къ своему благодѣтелю пытался встать: всѣ его усилія кончились тѣмъ, что онъ опять свалился въ кресло. А у мистера Броунло, говоря по правдѣ, было такое широкое сердце, что его за глаза достаточно было бы для полудюжины обыкновенныхъ джентльменовъ съ человѣколюбивыми наклонностями, вотъ почему при видѣ Оливера у него на глазахъ выступили слезы вслѣдствіе какого-то гидравлическаго процесса, объяснить который мы не беремся по недостаточному знакомству съ физикой.

— Бѣдный мальчикъ, бѣдный мальчикъ! пробормоталъ м-ръ Броунло, откашливаясь. Я что-то охрипъ сегодня, мистриссъ Бедвинъ, боюсь, не простудился ли.

— Гдѣ же бы вы могли простудиться, сэръ? Все, что вамъ подавалось, было хорошо просушено, отозвалась м-съ Бедвинъ.

— Не знаю, не знаю, сказалъ м-ръ Броунло.—Сдается, у меня была вчера за обѣдомъ сырая салфетка... Ну, да не думайте объ этомъ! Какъ ты себя чувствуешь, мой милый?

— Отлично, сэръ. Я такъ благодаренъ вамъ за вашу доброту ко мнѣ.

— Добрый мальчикъ! пробасилъ м-ръ Броунло. Давали ли вы ему чѣмъ нибудь подкрѣпиться, Бедвинъ? Небось, какой нибудь бурды?

— Онъ только что скушалъ чашку прекраснаго, крѣпкаго бульону, отвѣчала м-съ Бедвинъ слегка выпрямляясь и дѣлая сильное удареніе на послѣднемъ словѣ, чтобъ показать, что нѣтъ ничего общаго между бурдой и хорошо изготовленнымъ бульономъ.

— Бр! съ легкой дрожью протянулъ м-ръ Броунло. Для него куда полезнѣе была бы рюмка-другая портвейну. Не такъ ли, Томъ Вайтъ?

— Меня зовутъ Оливеромъ, отвѣчалъ съ величайшимъ удивленіемъ маленькій больной.

— Оливеромъ? переспросилъ м-ръ Броунло.—Такъ ты Оливеръ Вайтъ?

— Никакъ нѣтъ, сэръ, Твистъ, Оливеръ Твистъ.

— Странное имя! проговорилъ м-ръ Броунло.—Но что же побудило тебя сказать судьѣ, что твое имя Вайтъ?

— Я никогда ему этого не говорилъ, сэръ, съ изумленіемъ сказалъ Оливеръ.

Это было такъ похоже на ложь, что старый джентльменъ строго взглянулъ на Оливера. Но невозможно было сомнѣваться въ немъ: его исхудалыя, заостренныя черты дышали правдивостью.

— Какое нибудь недоразумѣніе, рѣшилъ м-ръ Броунло.

Теперь уже больше не было повода пристально смотрѣть на лицо Оливера, но старикъ все не могъ отъ него оторвать глазъ, съ такой силой овладѣла имъ прежняя мысль о сходствѣ Оливера съ кѣмъ-то знакомымъ.

— Вы на меня не сердитесь, сэръ? спросилъ мальчикъ, устремляя на него умоляющій взглядъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ старикъ.—Что это? Бедвинъ, взгляните! Онъ быстро указалъ на висѣвшую надъ головой Оливера картину и на лицо мальчика. Оливеръ былъ живой копіей портрета: глаза, ротъ, голова, каждая черта лица были одинаковы, и въ данную минуту даже выраженіе было совершенно такое же; казалось, самая мельчайшая черточка была передана съ поразительной точностью.

Оливеръ не зналъ причины, вызвавшей внезапное восклицаніе мистера Броунло, но онъ при своей слабости былъ такъ потрясенъ имъ, что упалъ въ обморокъ.

Воспользуемся этимъ обстоятельствомъ, чтобы вывести читателя изъ недоумѣнія относительно дальнѣйшей судьбы питомцевъ веселаго старичка, поэтому вернемся къ нимъ.

Когда Пройдоха со своимъ достойнымъ другомъ Чарльзомъ Бэтсомъ, совершивъ незаконное присвоеніе собственности мистера Броунло, присоединились къ погнавшейся за Оливеромъ толпѣ, они руководствовались похвальнымъ и естественнымъ чувствомъ самосохраненія. Такъ какъ свобода и неприкосновенность личности составляютъ первую и высшую гордость всякаго истиннаго англичанина, мнѣ едва ли нужно указывать читателю, что этотъ поступокъ долженъ возвысить ихъ во мнѣніи всѣхъ государственныхъ дѣятелей и патріотовъ на столько же, на сколько это вѣское доказательство ихъ заботливости о собственной безопасности и спасеніи подкрѣпляетъ тѣ законы, которые многіе проницательные и здравомыслящіе философы считаютъ главнымъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій природы. Названные философы подгоняютъ всѣ дѣянія матери-природы подъ извѣстныя рубрики и правила; отпуская тонкіе и лестные комплименты ея высокой мудрости и сообразительности, не хотятъ признавать за ней сердечныхъ побужденій, великодушныхъ порывовъ чувства, считая всѣ такія свойства недостойными женщины, которая по единогласному признанію стоитъ выше всѣхъ слабостей и недостатковъ своего пола. Если бы я нуждался еще въ одномъ доказательствѣ того, что поведеніе обоихъ молодыхъ людей въ этомъ затруднительномъ случаѣ имѣло настоящую философскую подкладку, я нашелъ бы это доказательство въ томъ, что они отстали отъ погони, какъ только всеобщее вниманіе обратилось на Оливера, и тотчасъ же самымъ кратчайшимъ путемъ направились домой. Этимъ, однако, я вовсе не хочу сказать, что знаменитые ученые мужи имѣютъ привычку сокращать путь къ какому-нибудь великому умозаключенію; они, напротивъ, любятъ всячески удлинять этотъ путь разными околичностями и безпрестанными отклоненіями въ сторону (ихъ можно уподобить тѣмъ вензелямъ, какіе склонны выдѣлывать ногами пьяные подъ вліяніемъ слишкомъ обильнаго наплыва мыслей). Я хочу только доказать, что таковъ неизмѣнно способъ дѣйствій многихъ славныхъ философовъ, которые при выводѣ своихъ теорій выказываютъ огромную мудрость и предусмотрительность, принимая всѣ мѣры для устраненія всякихъ случайностей, которыя могли бы имъ повредить. Такимъ образомъ, чтобъ принести много добра, дозволяется сдѣлать небольшое зло; разрѣшаются всѣ средства, если ихъ оправдываетъ поставленная себѣ цѣль. Мѣра добра и зла, или вѣрнѣе различіе между ними, оставлены вполнѣ на усмотрѣніе философа: онѣ разрѣшаются и опредѣляются его яснымъ, вразумительнымъ и безпристрастнымъ взглядомъ на его собственное дѣло, въ которомъ онъ самъ заинтересованъ.

Оба пріятеля долго мчались стрѣлой по самымъ запутаннымъ улицамъ и переулкамъ, пока наконецъ рискнули остановиться въ низкомъ и темномъ проходѣ подъ воротами. Какъ только они успѣли нѣсколько перевести духъ, Чарльзъ Бэтсъ прервалъ молчаніе радостнымъ визгомъ, и разразившись неудержимымъ хохотомъ, повалился на приступокъ и въ припадкѣ восторга сталъ кататься по землѣ.

— Что съ тобой? спросилъ Пройдоха.

— Ха-ха-ха! заливался Чарльзъ.

— Уймись! Тебѣ хочется, что ли, чтобъ насъ сцапали? прикрикнулъ на него Пройдоха, осторожно оглядываясь кругомъ.

— Просто не въ моготу удержаться! оправдывался Чарльзъ. Какъ теперь вижу: онъ-то удираетъ во всѣ лопатки, натыкается на фонарные столбы, стукается о тумбы и все лупитъ дальше, какъ будто и самъ онъ желѣзный, какъ эти тумбы, а я съ платкомъ въ карманѣ науськиваю на него. Охъ, батюшки!

Живое воображеніе Чарльза нарисовало ему эту сцену въ такихъ яркихъ краскахъ, что онъ опять сталъ кататься по землѣ и захохоталъ еще громче.

— Что-то скажетъ Феджинъ? замѣтилъ Пройдоха, воспользовавшись тѣмъ моментомъ, когда его пріятель остановился, чтобъ перевести духъ.

— Феджинъ? переспросилъ Чарльзъ.

— Ну да, Феджинъ.

— Да что же онъ можетъ сказать? внезапно перейдя отъ веселья къ серьезности, спросилъ Чарльзъ, такъ какъ тонъ его друга былъ слишкомъ внушительный. — Что же онъ можетъ сказать?

Пройдоха засвисталъ, снялъ шляпу, почесалъ въ затылкѣ и покачалъ головой.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ Чарльзъ.

— Трамъ-тамъ-тамъ, окорокъ со шпинатомъ, лягушку долой, лучше быть не надо! произнесъ Пройдоха съ хитрой усмѣшкой на своей смышленой рожицѣ.

Такое объясненіе показалось недостаточно вразумительно м-ру Бэтсу, и онъ снова задалъ свой вопросъ:

— Что ты этимъ хочешь сказать?

Пройдоха ничего не отвѣтилъ, надѣлъ свою шляпу, подобралъ руками длинныя фалды своего сюртука, оттопырилъ языкомъ щеку, нѣсколько разъ выразительно щелкнулъ себя по носу и, повернувшись на каблукахъ, нырнулъ за ворота. За нимъ послѣдовалъ м-ръ Бэтсъ съ озабоченнымъ лицомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора веселый старичокъ услыхалъ шумъ шаговъ на скрипучей лѣстницѣ. Онъ въ одиночествѣ сидѣлъ у камина, гдѣ въ оловянномъ котелкѣ подогрѣвалось пиво; въ одной рукѣ у него былъ ломоть хлѣба и колбаса, въ другой — складной ножъ. Когда онъ обернулся къ дверямъ, на его блѣдномъ лицѣ заиграла подлая улыбка, и

глаза блеснули изъ подъ густыхъ рыжихъ бровей. Онъ склонилъ ухо и сталъ прислушиваться.

— Что же это значитъ? пробормоталъ онъ, мѣняясь въ лицѣ. Ихъ только двое... гдѣ же третій? Не могли жъ они попасть въ бѣду... Послушаю еще!

Шаги приближались. Вотъ взошли на площадку. Дверь медленно растворилась, вошли Даукинсъ и Бэтсъ и заперли ее за собой.

ГЛАВА XIII.

Благосклонному читателю представляются новыя лица, про которыхъ сообщаются разныя интересныя подробности, имѣющія отношеніе къ этой повѣсти.

— Гдѣ Оливеръ? спросилъ съ угрожающимъ видомъ еврей, вскакивая съ мѣста.—Куда дѣвали вы мальчика?

Гдѣ Оливеръ? спросилъ съ угрожающимъ видомъ еврей.

Маленькіе воришки съ безпокойствомъ посмотрѣли на своего взбѣшеннаго наставника и испуганно переглянулись, но не отвѣчали ни слова.

— Что съ нимъ случилось? Говори, а не то я тебя задушу! заоралъ еврей, ухвативъ за шиворотъ Даукинса, и разразился грозными ругательствами.

Чарльзъ Бэтсъ, всегда считавшій самымъ благоразумнымъ заранѣе принимать мѣры для огражденія своей безопасности, увидѣвъ, какъ разозлился Феджинъ, и разсудивъ, что послѣ Даукинса по всей вѣроятности наступитъ очередь его, упалъ на колѣни и заревѣлъ благимъ матомъ.

— Будешь ли ты отвѣчать? кричалъ еврей, такъ сильно встряхивая Даукинса, что казалось чудомъ, какъ тотъ удержался въ своемъ просторномъ сюртукѣ.

— Онъ попался полицейскимъ крючкамъ, вотъ и все, угрюмо проговорилъ, наконецъ, Даукинсъ. Ну-же, пусти меня!

И онъ однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ своего просторнаго сюртука, который остался въ рукахъ еврея, схватилъ со стола большую вилку и пустилъ ею въ жилетъ веселаго старика съ такою силой, что у него поуменьшилось бы веселости, если бъ ударъ попалъ въ цѣль. Но еврей, несмотря на то, что былъ застигнутъ врасплохъ, успѣлъ откинуться назадъ съ проворствомъ, какого невозможно было ожидать отъ такого дряхлаго на видъ старика, и схвативъ съ огня котелокъ, нацѣлился имъ въ голову своего противника. Въ этотъ моментъ его вниманіе отвлекъ Чарльзъ Бэтсъ, неистово завопившій, и онъ, измѣнивъ свое первоначальное намѣреніе, швырнулъ котелокъ со всѣмъ содержимымъ въ этого юношу.

— Что это вы подняли тутъ дымъ коромысломъ? гаркнулъ кто-то басомъ.—Кто это въ меня кинулъ? Хорошо, что попало только пиво, а не котелъ, а то бы я вамъ показалъ! Никакъ не подумалъ бы, что этотъ дьявольски жадный, злющій живодеръ способенъ вылить какой-нибудь напитокъ, кромѣ воды; да и той даромъ лить не станетъ, потому что платитъ за нее водопроводчикамъ. Изъ-за чего у васъ тутъ вышла ссора, Феджинъ? Чортъ побери, у меня весь галстукъ забрызганъ пивомъ! Ну, войди же, ползучая гадина, чего ты разсѣлась тамъ за дверью, точно стыдишься своего хозяина. Сюда!

Такъ ворчалъ коренастый мужчина лѣтъ тридцати пяти въ черномъ плисовомъ сюртукѣ, грязныхъ штанахъ толстаго сукна, зашнурованныхъ полусапожкахъ и сѣрыхъ бумажныхъ чулкахъ, обтягивавшихъ пару огромныхъ ногъ съ толстыми выдававшимися икрами, такихъ ногъ, которыя при подобномъ костюмѣ кажутся не вполнѣ законченными, если ихъ не украшаютъ кандалы. На головѣ у него была темная шляпа, а вокругъ шеи замотанъ грязный носовой платокъ, съ длинными обтрепанными концами, которыми онъ утиралъ съ лица пиво. Когда эта процедура была кончена, открылось широкое, хмурое лицо съ сердитыми глазами; одинъ глазъ украшался разноцвѣтными пятнами—слѣдами недавно полученнаго удара.

— Слышишь, входи! рявкнулъ этотъ привлекательный незнакомецъ. Въ комнату робко прокралась бѣлая, косматая собака съ исцарапанной и избитой во многихъ мѣстахъ мордой.

— Почему ты раньше не входила? Видно, зазналась через-чуръ, передъ чужими слушаться меня не хочешь? Ложись!

Это приказаніе сопровождалось такимъ пинкомъ, отъ котораго бѣдное животное отлетѣло въ другой конецъ комнаты. Но, повидимому, собака привыкла къ такому обращенію, потому что, не издавъ ни звука, преспокойно улеглась въ углу и поминутно моргая своими слезящимися глазами принялась осматривать комнату.

— Что это ты затѣялъ? Обижать мальчиковъ? обратился къ еврею вошедшій, усѣвшись на мѣсто.—Жадный скаредъ, ненасытный домушникъ! Удивляюсь, какъ они тебя не убьютъ. Я бы это сдѣлалъ на ихъ мѣстѣ. Будь я въ числѣ твоихъ ребятъ, я бы давнымъ давно прикончилъ тебя. Жаль, что послѣ про-тебя дать нельзя, потому что ты годенъ только на то, чтобъ показывать тебя какъ безобразнаго урода въ стеклянной банкѣ, а, кажется, не дѣлаютъ такихъ большихъ банокъ.

— Тс, тс! мистеръ Сайксъ, не говорите такъ громко! прошепталъ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, еврей.

— Пожалуйста, безъ „мистера!“ когда ты начинаешь такъ говорить, то всегда затѣваешь какую-нибудь пакость, ты знаешь мое имя, ну и зови меня, какъ надо. Я не посрамлю этого имени, когда придетъ время.

— Ну, ладно, ладно! Полно, Биль Сайксъ, вы, кажется, сегодня не въ духѣ, — проговорилъ съ унизительнымъ подобострастіемъ старый еврей.

— Можетъ быть, и не въ духѣ —отвѣчалъ Сайксъ. Сдается мнѣ, и ты тоже; а можетъ быть, ты также мало думаешь о томъ, что повредишь людямъ, бросая въ нихъ желѣзные котлы, какъ и тогда, когда выбалтываешь то, что...

— Вы съ-ума сошли? воскликнулъ еврей,—схватывая его за рукавъ и указывая на мальчиковъ.

М-ръ Сайксъ больше не продолжалъ этого разговора, но сдѣлалъ такой жестъ, будто затягиваетъ себѣ узелъ подъ лѣвымъ ухомъ, а голову отдернулъ къ правому плечу; старый еврей, повидимому, отлично понялъ эту пантомиму. Затѣмъ гость попросилъ стаканчикъ водки, на томъ же воровскомъ жаргонѣ, какимъ обыкновенно изъяснялся, но мы не станемъ передавать его здѣсь дословно, иначе его рѣчь сдѣлается совершенно непонятной читателямъ.

— Смотри, только не клади туда яду,—прибавилъ мистеръ Сайксъ, положивъ шляпу на столъ.

Это было сказано въ шутку, но еслибъ Сайксъ видѣлъ, какой зловѣщій взглядъ бросилъ искоса на него еврей, когда обернулся къ шкафчику, и какъ онъ закусилъ свои блѣдныя губы, то подумалъ бы, что его предостереженіе было не лишнимъ. Во всякомъ случаѣ, въ глубинѣ сердца у еврея, кажется, мелькнуло-таки желаніе сдобрить крѣпость очищенной.

Пропустивъ нѣсколько стаканчиковъ, м-ръ Сайксъ удосто-

илъ обратить свое вниманіе на молодыхъ людей. Эта любезность вызвала ихъ на разговоръ. Сайксу были подробно изложены всѣ обстоятельства, сопровождавшія арестъ Оливера, конечно, съ такими дополненіями и прикрасами, какія Пройдоха счелъ наиболѣе умѣстными въ данномъ случаѣ.

— Боюсь, не дернетъ ли его нелегкая проговориться насчетъ чего-нибудь такого, что навлечетъ на насъ бѣду, — замѣтилъ еврей.

— Весьма возможно, злобно улыбаясь вставилъ Сайксъ. Тогда крышка тебѣ, Феджинъ!

— И боюсь я еще, продолжалъ еврей, дѣлая видъ, будто не слыхалъ замѣчанія Сайкса и глядя пристально ему въ глаза, боюсь, что если накроютъ насъ, то накроютъ и многихъ другихъ. Какъ бы тебѣ, мой милый, не пришлось еще хуже, чѣмъ мнѣ!

Сайксъ вздрогнулъ и обернулся къ еврею. Старикъ поднялъ плечи до самыхъ ушей, глаза его были безцѣльно устремлены на противоположную стѣну. Наступило долгое молчаніе. Всѣ члены почтеннаго кружка, повидимому, погрузились въ размышленія, не исключая и собаки, которая злобно скалила зубы и облизывалась, какъ будто замышляла вцѣпиться въ ноги первому прохожему, котораго встрѣтитъ на улицѣ.

— Непремѣнно надо кому-нибудь справиться, что произошло въ полиціи, сказалъ Сайксъ уже сильно пониженнымъ тономъ по сравненію съ тѣмъ, какимъ онъ сначала говорилъ.

Еврей кивнулъ головою.

— Если мальчишка не донесъ и посаженъ въ тюрьму, то бояться нечего, до тѣхъ поръ, пока его не выпустятъ на свободу,—продолжалъ Сайксъ,—тогда надо будетъ о немъ позаботиться. Его никакъ нельзя выпускать изъ рукъ.

Еврей опять кивнулъ головой.

Этотъ планъ дѣйствій, очевидно, былъ самый благоразумный. Къ несчастію, для его осуществленія представилось одно серьезное препятствіе, а именно то, что и Пройдоха, и Чарльзъ Бэтсъ, и Феджинъ, и м-ръ Сайксъ, какъ нарочно, всѣ до одного чувствовали глубокое, непреодолимое отвращеніе къ полицейскому участку и ни за что не соглашались подойти къ нему даже на самое далекое разстояніе и по самому уважительному поводу.

Трудно сказать, сколько еще времени они сидѣли бы посматривая другъ на друга въ весьма непріятной нерѣшимости. Впрочемъ, всякія предположенія на этотъ счетъ безцѣльны, потому что неожиданное появленіе двухъ молодыхъ дѣвицъ, которыхъ прежде видѣлъ Оливеръ, возобновило прерванный разговоръ.

— Васъ-то и надо! воскликнулъ еврей. — Бэтъ, вотъ кто пойдетъ.

— Ты вѣдь пойдешь, милашка?

— Куда? спросила Бэтъ.

— Надо всего только зайти въ полицію, заискивающимъ тономъ сказалъ еврей.

Молодая особа,—надо отдать ей справедливость,—не отвѣтила положительнымъ отказомъ, а только съ жаромъ заявила самымъ торжественнымъ образомъ, что „она будетъ проклята", если пойдетъ. Столь учтивое и деликатное уклоненіе отъ порученія указывало на то, что дѣвица эта отличалась благовоспитанностью и не рѣшалась огорчить ближняго рѣзкимъ и прямымъ отказомъ.

Лицо еврея омрачилось, и отъ этой дѣвицы (одѣтой очень щеголевато, чтобы не сказать роскошно: въ красное платье, зеленыя ботинки, и съ желтыми папильотками въ волосахъ) онъ обратился къ другой.

— Что скажешь ты, милочка Нанси? нѣжно спросилъ онъ.

— Толку не выйдетъ, лучше и не приставай, Феджинъ! былъ отвѣтъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать? спросилъ, свирѣпо нахмурясь, Сайксъ.

— То, что я сказала, Биль,—спокойно отвѣчала Нанси.

— Именно ты то и годишься, — рѣшительно произнесъ Сайксъ,—никто изъ здѣшнихъ не знаетъ тебя.

— А такъ какъ я не хочу, чтобъ знали, то я и говорю „нѣтъ", а не „да", Биль, отвѣчала Нанси прежнимъ увѣреннымъ тономъ.

— Она пойдетъ, Феджинъ, сказалъ Сайксъ.

— Она не пойдетъ, Феджинъ, проговрила Нанси.

— Нѣтъ, она пойдетъ, Феджинъ, повторилъ Сайксъ.

И онъ оказался правъ. Просьбами, угрозами, обѣщаніями подарковъ удалось-таки склонить молодую особу. Впрочемъ, исполнить это порученіе ей не препятствовали тѣ соображенія, которыя удерживали ея любезную подругу, такъ какъ она недавно только перебралась въ эти края изъ болѣе отдаленнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе приличнаго лондонскаго уголка— Ратклифскаго предмѣстья, и могла не бояться, что ее узнаетъ кто-либо изъ ея многочисленныхъ знакомыхъ.

Изъ неистощимыхъ складовъ стараго еврея были добыты чистый бѣлый передникъ и соломенная шляпка; первымъ миссъ Нанси прикрыла свое платье, второй—папильотки и собралась въ путь-дорогу.

— Погоди, остановилъ ее Феджинъ, доставая изъ шкафа маленькую корзину съ крышкой.—Повѣсь ее на руку, милочка, это придастъ тебѣ самый дѣловитый и приличный видъ.

— А въ другую руку дай ей дверной ключъ, выйдетъ еще натуральнѣе, прибавилъ Сайксъ.

— Вѣрно, вѣрно, миленькій! воскликнулъ еврей, и надѣвъ на указательный палецъ Нанси огромный ключъ отъ входныхъ дверей, проговорилъ, потирая руки:—вотъ такъ, отлично, безподобно!

— О, братецъ! Бѣдный, милый братецъ! Кроткій, невинный малютка! заливаясь слезами причитала Нанси, потрясая въ порывѣ горя корзиночкой и ключомъ.—Что сталось съ моимъ братомъ? Куда его взяли? Сжальтесь, джентльмены, скажите, что съ нимъ случилось? Ахъ, Бога ради, скажите мнѣ, джентльмены!

Произнеся эту тираду жалобнымъ, надрывающимъ душу голосомъ, къ полному восторгу слушателей, миссъ Нанси подмигнула почтенной компаніи, отвѣсила, улыбаясь, общій поклонъ и исчезла.

— О, это способная дѣвушка! торжественно покачавъ головою молвилъ еврей, обращаясь къ своимъ юнымъ друзьямъ, какъ бы приглашая и ихъ брать съ нея примѣръ.

— Она дѣлаетъ честь своему полу, проговорилъ м-ръ Сайксъ и, наполнивъ стаканъ, треснулъ по столу своимъ кулачищемъ.— За ея здоровье! Желаю всѣмъ женщинамъ походить на нее!

Между тѣмъ, какъ такія похвалы расточались достоинствамъ миссъ Нанси, эта молодая особа поспѣшно шла по улицамъ и, несмотря на свойственную одинокой беззащитной дѣвицѣ робость, вскорѣ благополучно прибыла къ полиціи.

Она прошла съ задняго хода, постучала ключомъ въ одну изъ тюремныхъ дверей и стала слушать. Внутри не слышно было ни звука. Она кашлянула и вновь прислушалась. Отвѣта все не было. Она тихо позвала: „Оливеръ! Милый Оливеръ!“

Въ камерѣ сидѣлъ только одинъ жалкій босой заключенный, арестованный за то, что игралъ на флейтѣ. Такъ какъ это преступленіе противъ общества было вполнѣ доказано, то м-ръ Фангъ обычнымъ порядкомъ присудилъ посадить на мѣсяцъ виновнаго въ исправительный домъ, сдѣлавъ при этомъ приличное случаю остроумное замѣчаніе, что такое сильное дыханіе полезнѣе будетъ примѣнить къ работамъ „на мельницѣ“, чѣмъ непроизводительно тратить его на музыкальный инструментъ. Узникъ мысленно продолжалъ оплакивалъ утрату своей флейты, конфискованной въ пользу казны, и не далъ Нанси отвѣта. Она подошла къ слѣдующей камерѣ и постучалась.

— Кого вамъ? спросилъ слабый едва слышный голосъ.

— Нѣтъ ли здѣсь маленькаго мальчика? рыдая освѣдомилась Нанси.

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, былъ отвѣтъ.

Здѣсь былъ преклонныхъ лѣтъ бродяга, посаженный въ тюрьму за то, что онъ не игралъ на флейтѣ, или, другими словами, за то, что просилъ милостыни на улицахъ, не имѣя никакихъ другихъ средствъ къ жизни. Въ слѣдующемъ казематѣ оказался человѣкъ, попавшій въ тюрьму за то, что не имѣя узаконеннаго патента на торговлю, разносилъ по домамъ жестяную посуду, слѣдовательно зарабатывалъ себѣ пропитаніе вопреки правительственному запрещенію.

Такъ какъ ни одинъ изъ этихъ преступниковъ не могъ ничего сказать Нанси объ Оливерѣ, то она направилась прямо

къ толстому тюремщику въ полосатомъ жилетѣ и съ самыми жалобными причитаніями и рыданіями, пустивъ надлежащимъ образомъ въ ходъ свой ключъ и корзиночку, стала спрашивать его о своемъ миломъ братцѣ.

— У меня его нѣтъ, почтеннѣйшая, отвѣчалъ толстякъ.

— Гдѣ же онъ? съ отчаяніемъ завопила Нанси.

— Его взялъ джентльменъ.

— Какой джентльменъ? Во имя всего святого скажите, какой джентльменъ? не унималась Нанси.

Старикъ разсказалъ глубоко опечаленной сестрѣ, въ отвѣтъ на ея безсвязные вопросы, какъ Оливеру сдѣлалось дурно въ судебной залѣ, какъ онъ былъ оправданъ вслѣдствіе показанія свидѣтеля, удостовѣрившаго, что кража была совершена другимъ мальчикомъ, какъ обвинитель увезъ безчувственнаго Оливера къ себѣ. Относительно его мѣстожительства онъ могъ сообщить только, что оно находилось гдѣ-то близъ Пентонвиля, такъ какъ слышалъ, что извозчику приказывали ѣхать туда.

Повергнутая въ состояніе ужасной неизвѣстности, пораженная горемъ сестра шатаясь вышла за ворота; тутъ ея колеблющаяся походка смѣнилась быстрымъ шагомъ, и она бросилась бѣжать къ жилищу еврея самой запутанной и окольной дорогой.

Какъ только м-ръ Биль Сайксъ услыхалъ, чѣмъ кончились поиски Оливера, онъ тотчасъ кликнулъ свою бѣлую собаку, надѣлъ шляпу и быстро ушелъ, не сказавъ даже почтенной компаніи „прощайте“, чтобъ не тратить времени на пустыя формальности.

— Миленькіе, надо узнать, гдѣ онъ! Мы непремѣнно должны его найти, заговорилъ сильно встревоженный Феджинъ,—Чарли, ты займись теперь только этими поисками, кружи тамъ, пока не допытаешься, гдѣ онъ. Милая Нанси, мнѣ необходимо его найти. Я полагаюсь на тебя, на тебя и на Пройдоху. И отперевъ дрожащими руками ящикъ комода, онъ прибавилъ:—постойте, вотъ вамъ деньги, миленькіе. Съ сегодняшняго дня я запираю эту квартиру; вы знаете, гдѣ меня найти. Не оставайтесь здѣсь ни минуты долѣе, ни одной минуточки, миленькіе!

Съ этими словами онъ вытолкалъ всѣхъ изъ комнаты, дважды повернулъ ключъ въ замкѣ, заложилъ дверь засовомъ и тогда вытащилъ изъ потаеннаго мѣста шкатулку, которую нечаянно увидѣлъ у него Оливеръ, и началъ поспѣшно прятать подъ платье часы и прочія драгоцѣнности. Неожиданный стукъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть. „Кто тамъ?“ пронзительнымъ голосомъ закричалъ онъ. „Я“, послышался сквозь замочную скважину голосъ Даукинса. „Что тебѣ нужно?“, нетерпѣливо крикнулъ еврей.

— Нанси спрашиваетъ, заманить ли его въ ту квартиру? продолжалъ Даукинсъ.

— Да, да, пусть только гдѣ нибудь его разыщетъ! отвѣчалъ

еврей.—Только ужъ найдите его, а тамъ я знаю, что дѣлать, не бойтесь.

Даукинсъ крикнулъ, что понялъ, и поспѣшно убѣжалъ къ своимъ спутникамъ.

— Онъ не выдалъ еще насъ, говорилъ еврей, возвращаясь къ прежнему занятію.—Если онъ вздумаетъ разсказать про насъ своимъ новымъ друзьямъ, мы ему еще успѣемъ заткнуть глотку.

ГЛАВА XIV.

Дальнѣйшія подробности о пребываніи Оливера у мистера Броунло и замѣчательное предсказаніе, которое нѣкій мистеръ Гримвигъ сдѣлалъ на его счетъ, когда онъ отправился по одному порученію.

Оливеръ скоро очнулся отъ обморока, вызваннаго внезапнымъ воскицаніемъ мистера Броунло. Старикъ и мистриссъ Бедвинъ въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ нимъ тщательно избѣгали упоминать о портретѣ, вообще избѣгали всего, что касалось исторіи Оливера и его будущаго и могло какимъ-нибудь образомъ взволновать его, и наводили разговоръ на веселые предметы. За завтракомъ онъ не присутствовалъ, такъ какъ былъ еще слишкомъ слабъ, но когда на слѣдующее утро явился опять въ комнату ключницы, его глаза сію же минуту обратились къ стѣнѣ, гдѣ онъ надѣялся увидѣть лицо прекрасной дамы. Однако, его ожиданія были обмануты: портретъ былъ убранъ.

— Да, его ужъ нѣтъ, сказала ключница, замѣтивъ взглядъ Оливера.

— Вижу, грустно проговорилъ Оливеръ.—Зачѣмъ его унесли?

— Его сняли, потому что мистеру Броунло показалось, что онъ тебя разстроилъ, а это, пожалуй, можетъ помѣшать твоему выздоровленію.

— О, нѣтъ, сударыня! Нисколько! Мнѣ онъ очень понравился, я его полюбилъ, разувѣрялъ ее Оливеръ.

— Ладно, ладно! Старайся поскорѣе поправиться, дружочекъ, и тогда его опять повѣсятъ сюда, я тебѣ это обѣщаю, отвѣчала добродушная старушка.—А пока поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Больше ничего не могъ отъ нея узнать Оливеръ о портретѣ. Онъ старался не думать больше о немъ въ угоду старушкѣ, которая съ такой добротой ухаживала за нимъ во время его болѣзни, и внимательно слушалъ ея безконечные разсказы о ея удивительно доброй и красивой дочери, которая была замужемъ тоже за очень добрымъ и красивымъ человѣкомъ и жила въ провинціи, и о ея сынѣ, состоявшемъ на службѣ въ одной купеческой конторѣ въ Вестъ-Индіи, который тоже былъ

очень хорошимъ молодымъ человѣкомъ и присылалъ матери аккуратно четыре раза въ годъ такія почтительныя письма, что она не могла говорить о нихъ безъ слезъ. Наговорившись досыта о достоинствахъ своихъ дѣтей, добрая старушка перечислила всѣ прекрасныя качества своего покойнаго мужа, который умеръ,—упокой, Господи, его душу,—ровно двадцать шесть лѣтъ тому назадъ. А тамъ настала пора пить чай. Послѣ чаю старушка стала учить Оливера играть въ мельники; онъ быстро выучился, и они съ большимъ интересомъ и самымъ серьезнымъ образомъ проиграли въ эту игру, пока маленькому больному не пришло время ужинать. Запивъ ломтикъ жаренаго хлѣба подогрѣтымъ и разбавленнымъ водою виномъ, онъ отправился почивать.

Эти дни выздоровленія были самыми счастливыми въ жизни Оливера: вокругъ него было такое спокойствіе, порядокъ, чистота, всѣ были къ нему такъ добры и ласковы, что послѣ шума и безобразій, среди которыхъ онъ до сихъ поръ жилъ, ему казалось, будто онъ въ раю. Какъ только онъ поправился настолько, что былъ въ состояніи одѣться, м-ръ Броунло купилъ ему новую пару платья, шапку и сапоги. Со старымъ платьемъ ему разрѣшено было распорядиться, какъ онъ хочетъ. Онъ отдалъ его ходившей за нимъ служанкѣ, съ просьбой продать какому-нибудь жиду-старьевщику, а деньги взять себѣ. Служанка не замедлила это исполнить, и когда Оливеръ увидѣлъ изъ окна пріемной, какъ старьевщикъ уложилъ его платье въ мѣшокъ и унесъ съ собой, онъ страшно обрадовался, что, наконецъ, отъ него отдѣлался и ему больше уже не предстоитъ опасность вновь его надѣть. Правду сказать, это были самыя жалкія лохмотья, да до сихъ поръ Оливеру еще ни разу не приходилось щеголять въ новомъ платьѣ.

Разъ вечеромъ, недѣлю спустя послѣ происшествія съ портретомъ, когда Оливеръ мирно бесѣдовалъ съ мистриссъ Бедвинъ, мистеръ Броунло прислалъ сказать, что желалъ бы его видѣть, и если онъ хорошо себя чувствуетъ, то онъ проситъ его къ себѣ въ кабинетъ.

— Боже милосердный! Вымой руки, голубчикъ, и дай, я тебя причешу съ прямымъ проборомъ, заговорила м-съ Бедвинъ.— Ахъ, Господи! Коли бъ знала, что тебя позовутъ, надѣла бы тебѣ чистый воротничекъ и разукрасила тебя, какъ игрушечку!

Оливеръ исполнилъ всѣ приказанія старушки; она продолжала горько сѣтовать на то, что некогда было даже сгофрировать оборку, которой былъ обшитъ воротъ его рубашки. Несмотря на такое важное упущеніе въ его туалетѣ, Оливеръ имѣлъ такой привлекательный и изящный видъ, что когда она оглядѣла его съ головы до ногъ, у нея вырвалось замѣчаніе, что и безъ оборки онъ, кажется, нисколько не проигрываетъ, какъ тщательно не разсматривай его.

Получивъ такое одобреніе, Оливеръ постучался въ дверь

кабинета. М-ръ Броунло крикнулъ, чтобъ онъ вошелъ, и онъ очутился въ маленькой, заставленной книгами, комнаткѣ, обращенной окнами въ красивый садикъ. У окна за столомъ сидѣлъ м-ръ Броунло и что-то читалъ. Увидѣвъ Оливера, онъ отложилъ книгу въ сторону и велѣлъ ему сѣсть поближе къ столу. Оливеръ повиновался, дивясь про себя тому, какъ это находятся люди, которые могутъ прочитать такое великое множество книгъ, написанныхъ, какъ ему казалось, для того, чтобъ сдѣлать свѣтъ умнѣе. Это и понынѣ вызываетъ удивленіе многихъ людей, гораздо болѣе опытныхъ чѣмъ былъ Оливеръ.

— Много здѣсь книгъ, дружокъ, не такъ ли? сказалъ мистеръ Броунло, замѣтивъ, съ какимъ любопытствомъ посматривалъ Оливеръ на книжныя полки, доходившія отъ полу до потолка.

— Очень много, сэръ. Я никогда еще не видалъ столько книгъ.

— Ты ихъ прочтешь, если будешь вести себя хорошо, и тебѣ это еще больше понравится, чѣмъ разсматривать ихъ переплеты,—ласково промолвилъ старичекъ,—правда, есть и такія книги, въ которыхъ корешокъ и обложка составляютъ лучшую часть.

— Должно быть, вотъ у этихъ тяжелыхъ книгъ, замѣтилъ Оливеръ, указывая на массивные фоліанты въ позолоченныхъ переплетахъ.

— Не всегда у такихъ, съ улыбкой отвѣчалъ старикъ, погладивъ Оливера по головѣ.—Есть и другія, такія же тяжелыя, хоть и гораздо меньшей величины. Хотѣлъ бы ты вырости такимъ умнымъ человѣкомъ, чтобъ писать книги?

— Нѣтъ, я лучше хотѣлъ бы читать ихъ, сэръ.

— Какъ! развѣ ты не хотѣлъ бы быть сочинителемъ?

Оливеръ, подумавъ немного, отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, гораздо лучше быть книгопродавцемъ. Старикъ искренно разсмѣялся и объявилъ, что онъ сказалъ безподобную вещь; Оливеръ былъ этому очень радъ, хотя и не зналъ, какую именно.

— Ну хорошо, мы изъ тебя не сдѣлаемъ писателя, не бойся, продолжалъ старикъ, когда нѣсколько успокоился. Выучишься какому-нибудь честному ремеслу, ну напримѣръ кирпичи дѣлать.

— Благодарю васъ, сэръ, сказалъ Оливеръ. Серьезный тонъ его отвѣта заставилъ старика снова расхохотаться и сдѣлать какое-то замѣчаніе на счетъ его удивительнаго инстинкта, но Оливеръ его не понялъ.

— Выслушай теперь внимательно то, что я скажу тебѣ, дружокъ, заговорилъ м-ръ Броунло еще болѣе ласковымъ, но въ то же время несравненно болѣе серьезнымъ тономъ, чѣмъ онъ прежде разговаривалъ съ Оливеромъ.—Я буду говорить съ тобой напрямикъ, безъ всякихъ околичностей, такъ какъ увѣренъ, что ты поймешь меня не хуже многихъ, кто старше тебя лѣтами.

— Ахъ, только не говорите, что вы хотите отправить меня отсюда! воскликнулъ Оливеръ, встревоженный этимъ серьезнымъ началомъ.—Не выгоняйте меня на улицу! Позвольте остаться здѣсь и быть вашимъ слугой! Не отсылайте меня въ то ужасное мѣсто, откуда я явился. Сжальтесь, сэръ, надъ бѣднымъ мальчикомъ.

— Не бойся. милое дитя, отвѣчалъ старый джентльменъ, растроганный этой горячей мольбой,—я тебя не брошу, пока ты самъ мнѣ не подашь повода.

— О, никогда, никогда, сэръ!

— Охотно вѣрю. Надѣюсь, что ты этого никогда не сдѣлаешь.

Меня не разъ обманывали тѣ, кому я благодѣтельствовалъ, тѣмъ не менѣе я готовъ повѣрить тебѣ. Самъ не знаю почему, но я принимаю въ тебѣ горячее участіе. Всѣ тѣ, кого я любилъ, лежатъ въ могилахъ, съ ними погребены счастіе и отрада моей жизни, но я не сдѣлалъ своего сердца гробомъ, не закрылъ его для всякаго лучшаго чувства. Испытанныя печали его только очистили и закалили.

Онъ произнесъ это тихимъ голосомъ, обращаясь больше къ самому себѣ, чѣмъ къ Оливеру, и затѣмъ нѣсколько времени сидѣлъ молча. Оливеръ притихъ и боялся пошевелиться.

— Ну, довольно! началъ старикъ болѣе веселымъ тономъ. Я сказалъ это только потому, что ты молодъ, и сердце у тебя зачерствѣть не успѣло; когда ты будешь знать, что я перенесъ много горя и страданій, то, быть можетъ, это заставитъ тебя слѣдить за собою, чтобъ не нанести мнѣ новаго тяжелаго удара. По твоимъ словамъ, ты сирота, и у тебя нѣтъ ни души близкихъ; это подтверждаютъ всѣ справки, какія я о тебѣ наводилъ. Разскажи мнѣ свою исторію: откуда ты, кто тебя выростилъ, какъ ты попалъ въ то общество, въ которомъ я тебя встрѣтилъ. Разскажи все по правдѣ, и пока я живъ, ты будешь имѣть друга.

Нѣсколько минутъ Оливеръ отъ рыданій не могъ говорить. Только что онъ началъ разсказывать о томъ, какъ прошло его младенчество и какъ м-ръ Бомбль привелъ его въ Домъ Призрѣнія, послышался нетерпѣливый стукъ въ наружную дверь дома, и служанка доложила, что это стучался мистеръ Гримвигъ.

— Остался онъ? спросилъ м-ръ Броунло.

— Да, сэръ. Онъ спросилъ, есть ли у насъ булки къ чаю, и когда я сказала, что есть, онъ сказалъ, что будетъ у насъ пить чай.

М-ръ Броунло улыбнулся и, обратясь къ Оливеру, сказалъ, что м-ръ Гримвигъ его старый другъ и, несмотря на свои грубыя манеры, добрѣйшей души человѣкъ, что мистеру Броунло досконально извѣстно.

— Не прикажете ли мнѣ уйти, сэръ? освѣдомился Оливеръ.

— Нѣтъ, я хочу, чтобъ ты былъ здѣсь, отвѣтилъ мистеръ Броунло.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ, опираясь на толстую палку слегка прихрамывавшій на одну ногу плотный старикъ въ синемъ сюртукѣ, полосатомъ жилетѣ, нанковыхъ брюкахъ, штиблетахъ и широкополой бѣлой шляпѣ съ зеленой оторочкой. Мелко сплоенное жабо виднѣлось изъ подъ его жилета, на которомъ болталась длиннѣйшая стальная цѣпочка съ ключемъ на концѣ; концы бѣлаго галстука были завязаны узломъ величиною съ апельсинъ. Его лицо постоянно искажалось самыми странными, неподдающимися описанію гримасами; когда онъ говорилъ, у него была привычка кривить голову на бокъ и искоса глядѣть на собесѣдника, при чемъ онъ удивительно напоминалъ попугая. Въ такомъ именно положеніи онъ предсталъ передъ сидѣвшими въ кабинетѣ. Въ вытянутой во всю длину рукѣ онъ держалъ маленькій кусочекъ апельсинной корки и кричалъ сердитымъ, раздраженнымъ голосомъ:

„Взгляните-ка! Видите вы это? Не удивительно ли, не странно-ли, что я, заходя въ чьей бы то ни было домъ, всегда нахожу на лѣстницѣ кусокъ этой аптечной дряни! Я уже разъ сдѣлался хромымъ изъ за апельсинной корки и знаю, что отъ апельсинной корки мнѣ суждено умереть! Да, сэръ, я умру отъ апельсинной корки, если это не такъ,—пусть я съѣмъ свою голову!

Это изящное предложеніе м-ръ Гримвигъ дѣлалъ всякій разъ, когда что-либо утверждалъ, и въ его устахъ оно было особенно странно, такъ какъ голова мистера Гримвига была необыкновенно велика, и если бы даже допустить, что со временемъ наука дойдетъ до того, что джентльменамъ можно будетъ кушать собственныя головы, и тогда самый прожорливый человѣкъ наврядъ ли рѣшится утверждать, что съѣстъ такую голову за одинъ присѣстъ, не считая уже обильно покрывавшей ея пудры.

— Я готовъ съѣсть свою голову! повторилъ м-ръ Гримвигъ, сильно стукнувъ палкой въ полъ. „Эге! Это что?", прибавилъ онъ, увидя Оливера и отступая на нѣсколько шаговъ назадъ.

— Это маленькій Оливеръ Твистъ, о которомъ я вамъ говорилъ, сказалъ м-ръ Броунло.

Оливеръ поклонился.

— Вы хотите сказать, что это тотъ самый мальчикъ, у котораго была горячка? проговорилъ м-ръ Гримвигъ, еще дальше отступая,—Остаться? и не просите! сказалъ онъ, но вдругъ, круто измѣнивъ тонъ, воскликнулъ: Стойте! да вѣдь это у него-то и былъ апельсинъ! Обрадовавшись своему открытію, онъ забылъ даже свой страхъ горячки. Ну, да, именно этотъ мальчикъ ѣлъ апельсинъ и швырнулъ корку на лѣстницу! Именно онъ, не то я съѣмъ свою голову, да и его на придачу!

— Нѣтъ, нѣтъ, у него не было апельсина,—смѣясь прогово-

рилъ м-ръ Броунло.—Положите-ка свою шляпу, да побесѣдуйте съ моимъ новымъ другомъ.

— Я не могу къ этому оставаться равнодушнымъ,—говорилъ разгнѣванный старикъ, снимая перчатки.—На нашей улицѣ вы всегда найдете на мостовой апельсинныя корки, я знаю, ихъ кидаетъ докторскій мальчишка, что живетъ на углу. Вчера одна молодая женщина поскользнулась на такую корку и падая ушиблась о мой палисадникъ. Я видѣлъ, какъ она поднимаясь взглянула въ сторону его дьявольскаго краснаго фонаря, и закричалъ ей въ окно: „Не ходите къ нему, онъ душегубъ! Онъ разставляетъ людямъ ловушки"! И если это не сущая правда, то... М-ръ Гримвигъ тутъ гнѣвно ударилъ палкой объ полъ, что, какъ было извѣстно его друзьямъ, означало его обычное обѣщаніе, только выраженное инымъ способомъ.

Наконецъ, онъ усѣлся, все не выпуская палки изъ рукъ и, раскрывъ двойной лорнетъ, который носилъ на широкой черной лентѣ, принялся разсматривать Оливера. Видя, что онъ служитъ предметомъ наблюденія, Оливеръ покраснѣлъ и вторично поклонился.

— Такъ это тотъ самый мальчикъ? проговорилъ, наконецъ, м-ръ Гримвигъ.

— Да, тотъ, подтвердилъ м-ръ Броунло.

— Какъ ты себя чувствуешь, мальчикъ? спросилъ мистеръ Гримвигъ.

— Гораздо лучше, сэръ, благодарю васъ, отвѣчалъ Оливеръ

М-ръ Броунло, повидимому, боялся, что его другъ, чудакъ, скажетъ Оливеру какую-нибудь непріятность, и потому послалъ мальчика сказать мистриссъ Бедвинъ, что пора подавать чай. Мальчикъ очень обрадовался этому порученію, такъ какъ гость ему не особенно понравился.

— Неправда ли, красивый мальчикъ? началъ м-ръ Броунло.

— Не знаю, брюзгливо отвѣчалъ м-ръ Гримвигъ.

— Какъ не знаете?

— Никакой разницы между мальчиками я не вижу. Я знаю только два сорта мальчиковъ—мучнистыхъ и мясистыхъ.

— Къ какому же разряду принадлежитъ Оливеръ?

— Къ первому. У одного моего пріятеля есть мясистый мальчикъ, прелестный по общему отзыву—съ круглой головой, красными щеками и блестящими глазами;—ужасный мальчикъ, съ такимъ тѣлосложеніемъ, что его синій костюмъ чуть не лопается по всѣмъ швамъ, съ голосомъ, какъ у лоцмана и съ волчьимъ аппетитомъ. Знаю я его—негодяй!

— Хорошо, но маленькій Оливеръ нисколько не похожъ на это описаніе, поэтому онъ не можетъ вызывать вашего негодованія.

— Не похожъ, но онъ можетъ быть еще хуже, отвѣчалъ м-ръ Гримвигъ.

М-ръ Броунло сердито кашлянулъ; это, казалось, привело въ величайшій восторгъ мистера Гримвига.

— Я утверждаю, что онъ можетъ быть еще хуже,—повторилъ онъ. Откуда явился этотъ мальчуганъ? Кто онъ таковъ? Что про него извѣстно? Что у него была горячка! Ну что-жъ изъ того? развѣ горячка бываетъ только у хорошихъ людей? У дурныхъ она тоже частенько бываетъ. Я зналъ одного человѣка, который былъ повѣшенъ въ Ямайкѣ за убійство своего господина, такъ у того шесть разъ была горячка; что жъ, изъ за этого его вѣдь не помиловали! Горячка—вотъ глупости!

На самомъ дѣлѣ, м-ръ Гримвигъ въ глубинѣ души готовъ былъ признаться, что наружность у Оливера необыкновенно привлекательная и располагающая въ его пользу, но въ немъ сидѣлъ сильный духъ противорѣчія, который на этотъ разъ особенно подстрекнула находка апельсинной корки. Сказавъ про себя, что никто въ мірѣ не имѣетъ права указывать ему, какого мальчика считать красивымъ, какого нѣтъ, онъ съ самаго начала рѣшилъ спорить со своимъ другомъ. М-ръ Броунло былъ вынужденъ сознаться, что ни на одинъ изъ поставленныхъ ему вопросовъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ онъ положилъ разспросить Оливера о его прошлой жизни лишь тогда, когда онъ совершенно оправится. Мистеръ Гримвигъ зловѣще усмѣхнулся. Онъ насмѣшливо освѣдомился, имѣетъ ли ключница мистера Броунло привычку ежедневно пересчитывать серебро, потому что въ одно прекрасное утро, пожалуй, окажется, что недостаетъ одной или двухъ столовыхъ ложекъ, и т. д. Хотя м-ръ Броунло и самъ былъ довольно вспыльчиваго характера, но, зная странности своего друга, онъ терпѣливо выносилъ его шутки. За чаемъ м-ръ Гримвигъ изволилъ выразить свое полное одобреніе поданнымъ булкамъ, и разговоръ пошелъ довольно гладко. Оливеръ, также принимавшій участіе въ чаепитіи, теперь чувствовалъ себя уже не такъ жутко въ присутствіи грознаго старика.

— А когда же вы услышите полный, правдивый и подробный разсказъ о жизни и приключеніяхъ Оливера Твиста? спросилъ по окончаніи чая мистера Броунло мистеръ Гримвигъ, глядя искоса на Оливера.

— Завтра утромъ. Я хочу выслушать его наединѣ. Приходи, дружокъ, завтра въ десять часовъ ко мнѣ.

— Приду, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, такъ какъ его смущалъ пристальный взглядъ м-ра Гримвига.

— Вотъ что я скажу вамъ: онъ не придетъ къ вамъ завтра утромъ, шепнулъ этотъ джентльменъ мистеру Броунло.—Я видѣлъ, какъ нерѣшительно онъ отвѣчалъ. Онъ обманываетъ васъ, мой добрый другъ.

— Готовъ поклясться, что онъ не обманываетъ! горячо возразилъ м-ръ Броунло.

— Если онъ не обманываетъ,—подхватилъ м-ръ Гримвигъ,—то я... и палка досказала окончаніе фразы.

— Я поручусь жизнью за правдивость этого мальчика! вскричалъ м-ръ Броунло, ударяя кулакомъ по столу.

— А я своей головой ручаюсь за его лживость! возразилъ м-ръ Гримвигъ, тоже ударивъ о столъ.

— Посмотримъ! воскликнулъ м-ръ Броунло, сдерживая закипавшую досаду.

— Увидимъ! съ вызывающей улыбкой отозвался м-ръ Гримвигъ.

Судьбѣ угодно было, чтобы, какъ нарочно, въ эту минуту м-съ Бедвинъ принесла небольшую связку книгъ, которыя м-ръ Броунло купилъ поутру у того самаго книготорговца, который уже выступалъ въ этой повѣсти. Она положила книги на столъ и готовилась удалиться.

— Остановите посланнаго, м-съ Бедвинъ! Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ надо отправить обратно, сказалъ м-ръ Броунло.

— Посланный уже ушелъ, сэръ.

— Пошлите за нимъ, необходимо его вернуть! Книготорговецъ человѣкъ бѣдный, а за книги не заплачено, кромѣ того, кое-какія я отошлю назадъ.

Бросились на улицу. Оливеръ въ одну сторону, служанка въ другую; м-съ Бедвинъ, стоя на крыльцѣ, громкимъ крикомъ звала посланнаго. Но его и слѣдъ простылъ. Оливеръ и служанка вернулись запыхавшись и объявили, что его нигдѣ не видать.

— Ахъ, это мнѣ очень прискорбно! воскликнулъ м-ръ Броунло. Я непремѣнно хотѣлъ сегодня же возвратить эти книги.

— Пошлите съ ними Оливера, онъ, конечно, доставитъ ихъ въ цѣлости, предложилъ м-ръ Гримвигъ съ иронической улыбкой.

— О, пожалуйста, позвольте мнѣ отнести ихъ; я сбѣгаю мигомъ, сэръ! сказалъ Оливеръ.

М-ръ Броунло собирался уже сказать, что ни подъ какимъ видомъ не пуститъ Оливера, но насмѣшливое покашливаніе мистера Гримвига заставило его измѣнить это рѣшеніе, чтобъ доказать теперь же быстрымъ исполненіемъ порученія неосновательность подозрѣній своего друга, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ.

— Ты пойдешь къ книгопродавцу, мой милый, сказалъ онъ. Книги лежатъ на стулѣ возлѣ моего письменнаго стола, принеси ихъ сюда.

Въ восторгѣ отъ того, что онъ можетъ быть полезенъ, Оливеръ опрометью сбѣгалъ за книгами, и захвативъ ихъ подъ мышку, а шапку въ руки, ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій.

— Ты скажешь, что принесъ эти книги обратно, говорилъ м-ръ Броунло, глядя въ упоръ на мистера Гримвига,—и что тебѣ велѣно уплатить четыре фунта десять шиллинговъ, ко-

торые я остался долженъ. Вотъ пятифунтовый билетъ, съ котораго ты мнѣ долженъ принести десять шиллинговъ сдачи.

— Черезъ десять минутъ я уже буду обратно, стремительно сказалъ Оливеръ, и положивъ деньги въ карманъ курточки, застегнулъ ее, бережно взялъ книги подъ мышку, отвѣсилъ почтительный поклонъ и исчезъ изъ комнаты. М-съ Бедвинъ проводила его на улицу, повторяя ему фамилію и адресъ книгопродавца и растолковывая, какъ ближе пройти. Оливеръ увѣрялъ ее, что онъ все отлично понялъ. Старушка дала ему въ добавокъ еще нѣсколько наставленій беречь себя и не простудиться и, наконецъ, его отпустила.

— Храни Господи и помилуй его, голубчика! проговорила она, глядя ему вслѣдъ.—Мнѣ какъ-то тяжело пускать его съ глазъ!

Оливеръ въ этотъ моментъ весело обернулся и кивнулъ ей передъ тѣмъ какъ завернуть за уголъ. Старушка улыбаясь отвѣтила на его поклонъ, заперла дверь и поплелась въ свою комнату.

— Увидимъ! Онъ долженъ вернуться самое позднее минутъ черезъ двадцать,—проговорилъ м-ръ Броунло, вынимая часы и кладя ихъ на столъ.—Къ тому времени начнетъ смеркаться.

— Неужто вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что онъ вернется? пробурчалъ м-ръ Гримвигъ.

— А вы развѣ думаете иначе? улыбаясь спросилъ м-ръ Броунло.

Эта увѣренная улыбка подстрекнула сидѣвшій въ груди мистера Гримвига духъ противорѣчія. Стукнувъ по столу кулакомъ, онъ произнесъ:

— Да, я думаю иначе! На мальчикѣ надѣто новое платье, въ рукахъ у него цѣнныя книги, въ карманѣ пятифунтовый билетъ, разумѣется, онъ присоединится къ своимъ старымъ друзьямъ—ворамъ, и будетъ хохотать надъ вами. Если этотъ мальчуганъ вернется сюда, пусть я съѣмъ свою голову!

Съ этими словами онъ придвинулъ свой стулъ къ тому же столу, и оба друга принялись молча ждать, глядя на лежащіе между ними часы.

Какъ много цѣны придаемъ мы своимъ сужденіямъ и съ какимъ упорствомъ поддерживаемъ самыя опрометчивыя и поспѣшныя свои заключенія! Вотъ вамъ маленькій образчикъ: м-ръ Гримвигъ былъ вовсе не злымъ человѣкомъ и огорчился бы непритворно, увидя своего почтеннаго друга обманутымъ и одураченнымъ, тѣмъ не менѣе, въ эту минуту онъ отъ всей души желалъ, чтобы Оливеръ Твистъ не вернулся назадъ.

Смерклось. Дѣленія на циферблатѣ были едва видны, а оба старика продолжали безмолвно сидѣть, устремивъ глаза на лежащіе на столѣ часы.

ГЛАВА XV.

Какъ нѣжно любили Оливера старый шутникъ-еврей и Нанси.

Въ темной распивочной дрянного кабачка, находившагося въ самой грязной части Малаго Сафронъ-Гиля, въ мрачномъ зловѣщемъ вертепѣ, гдѣ зимою цѣлый день пылалъ газовый рожокъ, и куда лѣтомъ ни разу не проникалъ солнечный лучъ, передъ небольшимъ жестянымъ жбаномъ и сильно пропитаннымъ запахомъ водки пустымъ стаканчикомъ, въ глубокой задумчивости сидѣлъ мужчина, облаченный въ плисовый сюртукъ, короткія суконныя брюки, толстые чулки и полусапожки: мужчина, въ которомъ даже при такомъ тускломъ освѣщеніи всякій мало-мальски опытный полицейскій агентъ немедленно призналъ бы мистера Виллльяма Сайкса. У его ногъ сидѣла бѣлая собака. Уставившись на хозяина своими красными глазами, она то щурилась, какъ будто ему подмигивая, то принималась лизать широкій, свѣжій, очевидно недавно полученный рубецъ на мордѣ.

— Смирно, гадина! прервалъ вдругъ молчаніе Сайксъ.

Были ли его размышленія такого серьезнаго свойства, что миганіе собаки ему мѣшало, или же его чувства были такъ разстроены этими размышленіями, что требовали облегченія въ видѣ пинка безобидному животному, это вопросъ спорный. Но какъ бы то ни было, вслѣдствіе той или иной причины, а только собакѣ былъ посланъ пинокъ и одновременно съ нимъ страшное ругательство.

Собаки вообще не отличаются склонностью мстить своимъ господамъ за полученныя отъ нихъ обиды, но собака мистера Сайкса имѣла такіе же недостатки, какъ и ея владѣлецъ; въ эту минуту она, вѣроятно, сильно вознегодовала за оказанную ей несправедливость, и потому не долго думая, вцѣпилась зубами въ полусапожекъ Сайкса, изо всей силы рванула его, и удачно увернувшись отъ брошеннаго ей въ голову жбана, ворча забилась подъ лавку.

— А, ты такъ-то! ты такъ-то! говорилъ Сайксъ, взявъ въ одну руку кочергу, а другой осторожно раскрывая складной ножикъ, который вытащилъ изъ кармана. — Поди-ка сюда, дьяволъ! Не слышишь, что ли?

Собака, безъ сомнѣнія, слышала, такъ какъ м-ръ Сайксъ оралъ во всю мочь своей здоровенной глотки, но она, повидимому, ни мало не желала, чтобъ ей перерѣзали горло, поэтому она осталась сидѣть подъ лавкой, только еще злѣе заворчала, и ухвативъ зубами конецъ кочерги, стала грызть его съ яростью дикаго звѣря. Ея непослушаніе окончательно вывело изъ себя Сайкса; онъ всталъ на колѣни и съ бѣшенствомъ сталъ нападать на животное.

Собака скакала справа налѣво и слѣва направо, хватала

зубами кочергу, рычала, лаяла. Сайксъ размахивалъ своимъ оружіемъ, ругался, билъ и богохульствовалъ. Битва достигла самаго рѣшительнаго момента, когда внезапно растворилась дверь и собака стремглавъ выскочила вонъ, оставивъ Сайкса съ кочергой и ножомъ въ рукахъ.

Когда двое ссорятся третій подъ столъ, говоритъ старая поговорка. Огорченный исчезновеніемъ собаки, м-ръ Сайксъ обрушился на вошедшаго. „Какого чорта суетесь вы между мной и собакой!" крикнулъ онъ съ гнѣвнымъ жестомъ.

— Я не зналъ, миленькій, право не зналъ! смиренно отвѣчалъ Феджинъ,—это вошелъ онъ.

— Ты не зналъ, подлый грабитель! рявкнулъ Сайксъ. Развѣ ты не слыхалъ шума?

— Ни звука, Биль, провались я на этомъ мѣстѣ!

— Да, ты никогда ничего не слышишь! съ свирѣпымъ смѣхомъ возразилъ Сайксъ. Подкрадываешься такъ, что никто не слышитъ, какъ ты входишь; ускользаешь такъ, что никто этого не знаетъ. Желалъ бы я, чтобъ минуту назадъ ты былъ собакой!

— Зачѣмъ это? съ напускной улыбкой спросилъ еврей.

— Затѣмъ, что правительство, оберегающее жизнь такихъ людей какъ ты, у которыхъ храбрости вдвое меньше, чѣмъ у дворняшки, разрѣшаетъ свободно убивать собаку,—отвѣчалъ Сайксъ, съ выразительнымъ взглядомъ закрывая свой ножъ.—Вотъ зачѣмъ!

Еврей потеръ руки, и присѣвъ къ столу, притворился, будто смѣется шуткѣ своего друга. Однако, ему замѣтно было не по себѣ.

— Нечего скалить зубы, — говорилъ Сайксъ, поставивъ кочергу на мѣсто и окидывая его презрительнымъ, яростнымъ взглядомъ,—нечего скалить зубы. Тебѣ никогда не удастся насмѣяться надо мною. Я тебя держу въ рукахъ, Феджинъ, и не выпущу, побей меня Богъ! Если я пропаду, пропадешь и ты; такъ берегись же меня!

— Ладно, ладно, миленькій, я все это знаю, У насъ... обоюдная выгода, Биль, обоюдная выгода!

— Гм! проворчалъ Сайксъ, желая этимъ сказать, что выгода больше была на сторонѣ еврея, чѣмъ на его.—Что же ты мнѣ собирался передать?

— Все благополучно расплавилось, и вотъ твоя доля,—отвѣчалъ Феджинъ.—Тутъ нѣсколько больше, чѣмъ тебѣ слѣдуетъ, но я знаю, что ты въ другой разъ мнѣ тоже окажешь услугу и...

— Не мели вздора, нетерпѣливо прервалъ его Сайксъ.—Гдѣ деньги? Подавай!

— Сейчасъ, Биль, сейчасъ, дай мнѣ время, успокоительнымъ тономъ отвѣчалъ еврей.—Вотъ онѣ, всѣ здѣсь. Цѣлехоньки!

Онъ вытащилъ изъ за пазухи старый носовой платокъ, и

развязавъ большой узелъ на одномъ концѣ, досталъ оттуда маленькій свертокъ въ оберточной бумагѣ. Сайксъ вырвалъ его у него изъ рукъ, быстро развернулъ и сталъ считать заключавшіеся въ немъ золотые.

— Все тутъ? спросилъ онъ.

— Все, отвѣчалъ еврей.

— Ты, можетъ, раскрывалъ его по дорогѣ и слизнулъ парочку золотыхъ? недовѣрчиво спросилъ Сайксъ. Нечего бросать на меня такіе оскорбленные взгляды, ты не разъ это продѣлывалъ. Дерни-ка звонокъ.

На звонъ колокольчика появился другой еврей, помоложе Феджина, но видомъ такой же безобразный и отталкивающій. Биль Сайксъ безмолвно указалъ на пустую посудину. Еврей отлично понялъ этотъ знакъ и унесъ ее, чтобы снова налить. Передъ тѣмъ какъ удалиться, онъ обмѣнялся выразительнымъ взглядомъ съ Феджиномъ, который какъ разъ въ это мгновеніе поднялъ глаза, какъ будто ожидалъ этого взгляда, и въ отвѣтъ чуть-чуть кивнулъ головой; если бы здѣсь былъ посторонній наблюдатель, онъ, пожалуй, не замѣтилъ бы этого движенія. Сайксъ его не видѣлъ, занятый связываніемъ шнурковъ ботинокъ, порванныхъ собакой. Если бъ онъ примѣтилъ эти маленькіе сигналы, можетъ быть, у него мелькнула бы мысль, что они не предвѣщаютъ ему ничего хорошаго.

— Есть тутъ кто-нибудь, Барней? спросилъ Феджинъ,— теперь онъ сидѣлъ опустивъ глаза, такъ какъ Сайксъ поднялъ голову и смотрѣлъ на него.

— Ни души, отвѣчалъ Барней. Его слова, можетъ быть исходили отъ чистаго сердца, но произносились носомъ.

— Ровно никого? спросилъ Феджинъ удивленнымъ тономъ, чтобъ показать, что Барнею дозволяется на этотъ разъ отвѣчать правду.

— Никого, кромѣ миссъ Нанси, сказалъ Барней.

— Нанси? воскликнулъ Сайксъ. Гдѣ она? Лопни мои глаза, если я не уважаю эту дѣвушку за ея природные таланты!

— Она спросила себѣ въ буфетѣ порцію варенаго мяса, сказалъ Барней.

— Пошли ее сюда, сказалъ Сайксъ, наливая стаканъ водки.

Барней украдкой взглянулъ на Феджина—позволитъ ли; тотъ сидѣлъ безмолвно, не подымая глазъ отъ пола. Барней ушелъ и скоро вернулся вмѣстѣ съ Нанси, которая и на этотъ разъ была въ полной аммуниціи—въ передникѣ и шляпѣ, съ корзинкой и ключомъ.

— Напала ты на слѣдъ, Нанси? спросилъ Сайксъ, подавая ей стаканъ.

— Да, Биль, отвѣчала Нанси, осушая стаканъ.—И надоѣло же мнѣ, признаться, порядкомъ. Молокососъ-то былъ боленъ и сидѣлъ взаперти, а...

— Ахъ, Нанси! промолвилъ Феджинъ, поднявъ глаза отъ полу

Рыжія брови его какъ-то особенно насупились, глубоко сидящіе глаза прищурились, можетъ быть это и послужило для Нанси предупрежденіемъ не быть слишкомъ откровенной, но для насъ это не важно. Съ насъ довольно знать только то, что она внезапно умолкла и заговорила о другомъ, посылая мистеру Сайксу самыя любезныя улыбки. Нѣсколько минутъ спустя на мистера Феджина напалъ припадокъ кашля, послѣ

Напала ты на слѣдъ, Нанси?

чего миссъ Нанси накинула на плечи шаль и сказала, что ей пора идти. М-ръ Сайксъ объявилъ, что имъ по дорогѣ и выразилъ желаніе ее сопровождать.

Они вдвоемъ вышли на улицу, а въ небольшомъ отдаленіи отъ нихъ поплелась собака; она выползла съ задняго двора, какъ только ея господинъ скрылся изъ вида.

Когда Сайксъ вышелъ изъ комнаты, еврей высунулся въ дверь и глядя, какъ онъ шелъ по темному корридору, погрозилъ ему вслѣдъ кулакомъ и послалъ крѣпкое ругательство. Съ ужасной усмѣшкой онъ снова усѣлся за столъ и погрузился въ чтеніе интересныхъ объявленій.

Тѣмъ временемъ Оливеръ Твистъ, ни мало не подозрѣвая о томъ, что весельчакъ-еврей такъ близко отъ него, шелъ въ книжную лавку.

Дойдя до Клеркенвелля, онъ свернулъ нечаянно не въ тотъ переулокъ, черезъ который ему слѣдовало идти, но замѣтилъ это только тогда, когда прошелъ уже не мало. Онъ рѣшилъ, что не стоитъ возвращаться, такъ какъ этотъ переулокъ велъ въ ту же сторону, и быстрымъ шагомъ пошелъ дальше, придерживая книги подъ мышкой.

Онъ шелъ, думая о томъ, какъ теперь счастливо и хорошо ему живется, и какъ ему хотѣлось бы взглянуть на бѣднаго маленькаго Дика, который, быть можетъ горько плачетъ въ эту самую минуту, голодный и избитый. Вдругъ громкій женскій крикъ: „О, милый братецъ!“ заставилъ его вздрогнуть, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, вокругъ его шеи крѣпко обвились чьи-то руки, и онъ принужденъ былъ остановиться.

— „Прочь! “кричалъ онъ, отбиваясь: „Оставьте меня! Кто вы? Зачѣмъ вы меня остановили?“

Отвѣтомъ ему были только жалобныя воскицанія обнимавшей его молодой женщины, которая держала въ рукахъ маленькую корзину и дверной ключъ.

— О, милосердный Боже, наконецъ-то я его нашла! Ахъ, Оливеръ, Оливеръ, негодный мальчикъ, сколько огорченій заставилъ ты меня вытерпѣть по твоей милости! Идемъ домой, милый, идемъ. Ахъ, я его нашла, благодареніе Богу, я его нашла!—За этими безсвязными восклицаніями снова послѣдовалъ плачъ, угрожавшій перейти въ истерическій припадокъ. Двѣ проходившія мимо женщины обратились даже съ просьбой сбѣгать за докторомъ къ глазѣвшему на эту сцену мальчику изъ мясной лавки, съ блестящими обильно умащенными жиромъ волосами. Но мальчикъ этотъ отличавшійся, повидимому, довольно неподвижнымъ, чтобы не сказать лѣнивымъ характеромъ, отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, въ докторѣ не предвидится надобности.

— Ахъ, нѣтъ, не безпокойтесь, мнѣ теперь лучше, откликнулась молодая женщина, схвативъ Оливера за руку.—Идемъ домой, сейчасъ же идемъ домой, жестокій мальчикъ!

— Что это у васъ произошло? спросила ее одна изъ женщинъ.

— О, сударыня! Онъ мѣсяцъ тому назадъ сбѣжалъ отъ своихъ родителей, работящихъ, почтенныхъ людей, связался съ ворами и мошенниками, свою бѣдную мать чуть не уморилъ отъ горя

— Ахъ, маленькій негодяй! воскликнула другая женщина.

— Ступай, ступай домой, безсовѣстный! добавила первая.

— Я ничего этого не дѣлалъ! закричалъ страшно перепуганный Оливеръ.—Я ее совсѣмъ не знаю, у меня нѣтъ ни сестры, ни отца, ни матери, я сирота, живу я въ Пентонвиллѣ.

— Послушайте-ка, люди добрые, какъ онъ дерзко лжетъ! вскричала молодая женщина.

— Да это Нанси! воскликнулъ теперь только увидѣвшій ея лицо Оливеръ, изумленно попятившись назадъ.

— Вы видите: онъ меня узналъ, невольно проговорился,—

обратилась къ зрителямъ Нанси. Заставьте его идти домой, добрые люди, не то онъ сведетъ въ могилу отца и мать и надорветъ мнѣ сердце!

— Что за чортъ! воскликнулъ вышедшій изъ распивочной мужчина, за которымъ слѣдовала по пятамъ бѣлая собака. Да это маленькій Оливеръ! Иди, щенокъ, домой къ своей бѣдной матери. Сейчасъ ступай домой!

— Я не знаю ихъ, я вовсе не изъ ихъ семьи! Помогите! кричалъ Оливеръ, барахтаясь въ сильныхъ лапахъ подошедшаго мужчины.

— Помогите! передразнилъ тотъ.—Я помогу тебѣ, маленькій бездѣльникъ! Что это у тебя за книги, ты ихъ укралъ, а? Подай ка ихъ сюда! Съ этими словами онъ выхватилъ у Оливера книги и ударилъ ими его по головѣ.

— Такъ ему и надо! крикнулъ одинъ изъ зѣвакъ, глазѣвшій изъ окна чердака.—Это единственное средство заставить его образумиться.

— Что правда, то правда!—бросивъ одобрительный взглядъ на окно чердака, замѣтилъ плотникъ съ заспанной физіономіей.

— Учатъ для его же добра! добавили обѣ женщины.

— И еще получитъ! пробасилъ хозяинъ собаки, отвѣшивая Оливеру еще одинъ ударъ и схватывая его за шиворотъ.— Ступай же, негодный мальчишка. Сюда, Волчокъ! Берегись его, мальчикъ, берегись!

Что могъ сдѣлать бѣдный ребенокъ, еще не оправившійся отъ болѣзни, оглушенный ударами, ошеломленный неожиданнымъ нападеніемъ, испуганный свирѣпымъ рычаніемъ собаки и звѣрскимъ видомъ ея хозяина, подавленный сознаніемъ, что всѣ присутствующіе убѣждены въ томъ, что онъ дѣйствительно такой закоренѣлый негодяй, какимъ его описывали! Уже наступили сумерки, мѣстность была безлюдная, помощи ждать было неоткуда, сопротивленіе было безполезно. Минуту спустя, его уже тащили по узкимъ, извилистымъ, темнымъ переулкамъ, тащили такимъ быстрымъ шагомъ, что когда онъ пытался кричать, его голосъ былъ почти не слышенъ. Но еслибъ даже ему удалось громко крикнуть, и это было бы безполезно, такъ какъ на его крики здѣсь никто не обратилъ бы вниманія.

На улицахъ уже зажглись фонари. Встревоженная м-съ Бедвинъ ждала у открытыхъ настежъ дверей, служанка разъ двадцать выбѣгала на улицу посмотрѣть, не видать ли Оливера, а оба старика все еще сидѣли въ темной гостиной у стола, на которомъ лежали часы.

ГЛАВА XVI.

Что случилось съ Оливеромъ послѣ того, какъ Нанси заявила свои права на него.

Узкія улицы и переулки вывели, наконецъ, на большую площадь, гдѣ были устроены стойла для скота и разныя другія приспособленія, указывавшія на то, что это скотопригонный рынокъ.

Дойдя до этого мѣста, Сайксъ убавилъ шагу, потому что его спутница больше не въ состояніи была бѣжать такъ быстро, какъ они бѣжали до сихъ поръ, и грубо велѣлъ Оливеру взять Нанси за руку.

— Не слышишь, что ли? прикрикнулъ онъ, видя, что Оливеръ медлитъ и озирается вокругъ.

Они были въ глухомъ углу площади, гдѣ не было ни души.

Оливеръ понялъ, что всякое сопротивленіе будетъ безполезно и протянулъ руку. Нанси крѣпко за нее ухватилась.

— А мнѣ дай другую, сказалъ Сайксъ, схватывая его свободную руку. Волчокъ, сюда!

Собака уставилась на него и зарычала.

— Посмотри вотъ на этого мальчика, продолжалъ Сайксъ, положивъ руку на горло Оливера.—Если только онъ разинетъ ротъ, хватай его. Помни!

Собака снова заворчала и облизываясь посмотрѣла на Оливера, точно была не прочь немедленно вцѣпиться ему въ глотку.

— Она также охотно пойдетъ на это, какъ всякій человѣкъ;—лопни мои глаза, если нѣтъ! проговорилъ Сайксъ, и одобреніе свѣтилось въ его мрачномъ звѣрскомъ взглядѣ, устремленномъ на собаку.—Теперь ты знаешь, мальчишка, что тебя ждетъ. Можешь себѣ звать на помощь хоть сейчасъ, собака скоро съ тобой расправится. Ну, въ путь, молодчина!

Волчокъ завилялъ хвостомъ, въ знакъ благодарности за такое необычайно нѣжное къ нему обращеніе, и еще разъ заворчавъ въ назиданіе Оливеру, пошелъ впереди, указывая дорогу.

Они шли по Смитфильду; но Оливеръ не зналъ, да и не могъ бы узнать, что это за мѣстность. Вечеръ былъ темный и туманный, огни въ лавкахъ еле мерцали среди тяжелой мглы, сгущавшейся съ каждой минутой и окутывавшей мракомъ улицы и дома. Отъ этой тьмы незнакомая мѣстность принимала въ глазахъ Оливера самый странный видъ, и гнетущая неизвѣстность становилась еще болѣе томительной.

Едва они прошли нѣсколько шаговъ, какъ загудѣлъ тяжелый церковный колоколъ и пробилъ восемь часовъ. Съ первымъ ударомъ оба спутника Оливера остановились и повернули головы по тому направленію, откуда донесся этотъ звукъ.

— Восемь, Билль, сказала Нанси, когда колоколъ умолкъ.

— Къ чему ты это говоришь, какъ будто самъ не могу слышать.

— А „*они*“, слышать ли? проговорила Нанси.

— Разумѣется, сказалъ Сайксъ. Меня однажды упрятали какъ разъ на Варфоломея, и до меня доносился съ ярмарки пискъ каждой свистульки. А послѣ того, какъ насъ запирали на ночь, отъ шума и грохота снаружи старая тюрьма становилась такъ безмолвна, что хоть бейся головой о желѣзную дверь.

— Бѣдняги! произнесла Нанси, которая все еще стояла, обернувшись въ ту сторону, откуда слышались звуки колокола.— О, Биль, и этакіе то красивые молодчики!..

— Вы женщины только и думаете объ этомъ! замѣтилъ Сайксъ.—Красивые молодчики! Ну, да теперь они словно мертвецы, такъ ужъ не стоитъ обращать вниманія. Этимъ утѣшительнымъ доводомъ м-ръ Сайксъ, повидимому, подавилъ закипавшую въ немъ ревность, и еще крѣпче стиснувъ руку Оливера, скомандовалъ ему идти дальше.

— Минутку постой! обратилась къ Сайксу дѣвушка.—Я не могла-бы пройти мимо, когда эти часы въ другой разъ пробьютъ восемь, и придетъ твой чередъ быть повѣшеннымъ, Биль. Я бы все тогда ходила кругомъ этого мѣста, пока бы не упала, даже и тогда если бъ снѣгъ покрывалъ землю, и у меня не было бы и платка чѣмъ прикрыться.

— А что проку было бы отъ такого хожденія? прервалъ ее не склонный къ чувствительности м-ръ Сайксъ.—Вотъ если бъ ты могла мнѣ подбросить напилокъ, да хорошую, крѣпкую веревку, ярдовъ въ двадцать, изъ этого былъ бы толкъ для меня; а то къ чему мнѣ, что ты хоть пятьдесятъ миль исходила бы,—да наплевать! Пойдемъ, полно бобы разводить!

Дѣвушка захохотала, плотнѣе завернулась въ платокъ, и они пошли дальше. Но Оливеръ чувствовалъ, какъ дрожала ея рука, и взглянувъ на нее, когда они проходили мимо газоваго фонаря, увидѣлъ, что ея лицо покрылось мертвенной блѣдностью.

Болѣе получаса шли они по безлюднымъ грязнымъ закоулкамъ, гдѣ рѣдкіе прохожіе, попадавшіеся имъ на встрѣчу, судя по ихъ виду, занимали такое же положеніе въ обществѣ какъ м-ръ Сайксъ. Наконецъ, они повернули въ зловонную узкую улицу, набитую лавками со старымъ платьемъ. Собака бѣжала впереди, какъ будто бы понимая, что ея сторожевыя обязанности пришли къ концу, и остановилась передъ запертой дверью одной, повидимому, пустующей лавки. Домъ, гдѣ эта лавка помѣщалась, представлялъ изъ себя развалину, а на двери была прибита, висѣвшая, повидимому, уже не мало лѣтъ, доска съ надписью: „сдается въ наемъ“.

— Все благополучно, сказалъ Сайксъ, осторожно осмотрѣвшись кругомъ.

Нанси наклонилась куда-то подъ ставню, и Оливеръ услышалъ звонъ колокольчика. Они перешли на противоположную

сторону улицы и стали у фонаря. Черезъ нѣсколько минутъ послышался легкій стукъ, точно открывали подъемное окно, и вслѣдъ затѣмъ дверь тихо растворилась. Сайксъ безъ долгихъ церемоній схватилъ перепуганнаго мальчика за шиворотъ, и въ одинъ мигъ они всѣ трое очутились внутри дома.

Тамъ было темно, хоть глазъ выколи. Они подождали, пока тотъ, кто ихъ впустилъ, заперъ дверь цѣпью и засовомъ.

— Есть кто? спросилъ Сайксъ.

— Нѣтъ, — раздалось въ отвѣтъ. Оливеру показалось, что онъ уже прежде слышалъ гдѣ-то этотъ голосъ.

— Старикъ здѣсь?

— Да, отвѣчалъ тотъ же голосъ.—И ужъ ругался то онъ на всѣ корки. Не воображаете ли, что онъ вамъ обрадуется? Какъ бы не такъ!

Этотъ слогъ такъ же, какъ и голосъ, показался ужасно знакомымъ Оливеру, но въ потьмахъ совершенно нельзя было различить говорившаго. Сайксъ сказалъ въ отвѣтъ:

— Дай намъ свѣту, не то мы свернемъ себѣ шею или наступимъ на собаку, и тогда не знаю, какъ вы унесете ноги

— Обождите минутку, я вамъ посвѣчу.

Съ этими словами говорившій удалился, и черезъ минуту появился передъ пришедшими никто иной какъ м-ръ Джекъ Даукинсъ, иначе Ловкій Пройдоха. Въ правой рукѣ онъ несъ воткнутую въ расщепленную палку сальную свѣчу.

Онъ не удостоилъ Оливера никакимъ привѣтствіемъ, кромѣ насмѣшливой гримасы, а посѣтителей пригласилъ кивкомъ головы слѣдовать за нимъ по лѣстницѣ внизъ. Они прошли въ пустую кухню, оттуда въ низкую комнату съ землистымъ запахомъ, выходившую, повидимому, на задній дворъ, и встрѣчены были здѣсь взрывомъ хохота.

— Ага, бѣглецъ-то вотъ онъ! визжалъ Чарльзъ Бэтсъ, изъ устъ котораго исходилъ этотъ хохотъ.—Вотъ онъ! Феджинъ, посмотри на него! да посмотри же на него! Охъ, моченьки моей нѣтъ! вотъ такъ потѣха! ой, держите меня! я помру со смѣха.

Онъ опрокинулся навзничь, заливаясь хохотомъ, и минутъ пять катался по полу и судорожно брыкался ногами, потомъ вскочилъ, выхватилъ у Пройдохи палку со свѣчей и нѣсколько разъ обошелъ вокругъ Оливера, внимательно осматривая его. Тѣмъ временемъ еврей, снявъ съ головы колпакъ, отвѣшивалъ ошеломленному мальчику низкіе поклоны; а Пройдоха, находившійся въ какомъ-то мрачномъ, сосредоточенномъ настроеніи духа и вообще рѣдко мѣшавшій дѣло съ весельемъ, тщательно изслѣдовалъ карманы Оливера.

— Посмотри-ка, Феджинъ, на его нарядъ, говорилъ Чарли, поднося свѣчу такъ близко къ новой курточкѣ Оливера, что едва не поджогъ ее.—Взгляните-ка на его платье—сукно первый сортъ и щегольски сшито! Ахъ, чортъ возьми, вотъ такъ потѣха! А книги-то какія у него! Настоящій джентльменъ!

— Я въ восторгѣ, что вижу васъ въ такомъ прекрасномъ видѣ, заговорилъ еврей, насмѣшливо отвѣшивая Оливеру подобострастный поклонъ.—Пройдоха дастъ вамъ другое платье, мой милый. чтобъ вы не испортили этотъ праздничный нарядъ. Отчего вы не написали, что прибудете? мы приготовили бы чего-нибудь горячаго къ ужину.

Тутъ Чарльзъ Бэтсъ снова закатился, да такъ громко, что самъ Феджинъ осклабился и даже Даукинсъ улыбнулся; но такъ какъ Ловкій Пройдоха въ ту минуту вытащилъ изъ кармана Оливера пятифунтовый билетъ, то неизвѣстно, что вызвало эту улыбку—счастливая находка или шутка веселаго старичка.

— Ого! крикнулъ Сайксъ, выступая впередъ.—Она моя. Феджинъ, сказалъ онъ еврею, который выхватилъ ассигнацію у Даукинса.

— Нѣтъ, нѣтъ, миленькій, она моя. Книги будутъ твои, Биль!

— Она моя, моя и Нанси,—возразилъ Сайксъ, съ рѣшительнымъ видомъ нахлобучивъ шапку.—Если ее намъ не отдадите, я уведу мальчика назадъ.

Еврей задрожалъ; вздрогнулъ и Оливеръ, но совсѣмъ отъ другой причины: онъ возымѣлъ надежду, что эта стычка можетъ кончиться тѣмъ, что его въ самомъ дѣлѣ отведутъ назадъ.

— Ну же, живо! торопилъ Сайксъ.

— Право, это жестокая несправедливость, Биль! Неправда ли, Нанси, это жестокая несправедливость?

— Справедливость или несправедливость, а говорятъ тебѣ, подавай деньги! Неужто ты думаешь, что мнѣ и Нанси некуда больше тратить наше золотое время, какъ только на то, чтобъ выслѣживать да заманивать каждаго мальчишку, котораго у тебя заберутъ! Подавай сюда деньги, скупой хрычъ! подавай!

Онъ выхватилъ бумажку, которую еврей зажалъ между пальцами, и хладнокровно смотря ему въ лицо, сложилъ ее въ нѣсколько разъ и завязалъ въ уголъ своего шейнаго платка.

— Это наша доля; за наши труды и того слишкомъ мало. Ты можешь оставить себѣ книги, коли любишь чтеніе, а если до него не охотникъ, такъ продай ихъ.

— Книжки-то славныя, — вмѣшался Чарльзъ Бэтсъ, строя разныя гримасы и притворяясь, будто читаетъ одну изъ нихъ.—Превосходно написано, не правда ли, Оливеръ?

И замѣтивъ, съ какимъ растеряннымъ видомъ бѣдный Оливеръ смотрѣлъ на своихъ мучителей, Чарльзъ, одаренный чрезвычайно смѣшливымъ характеромъ, захохоталъ еще громче прежняго.

— Эти книги принадлежатъ старому джентльмену,—проговорилъ Оливеръ ломая руки,—доброму, великодушному старому джентльмену, который взялъ меня въ свой домъ и хо-

дилъ за мной, когда я былъ смертельно боленъ горячкой. Ахъ пожалуйста, отошлите ему эти книги и эти деньги. Держите меня здѣсь, хоть цѣлую жизнь, но отошлите ему деньги и книги, а то онъ подумаетъ, что я ихъ укралъ! И старушка, и всѣ они тамъ подумаютъ, что я укралъ, а они всѣ были такъ добры ко мнѣ. О, сжальтесь надо мною, отошлите ихъ!

Произнеся эти слова со всей силой страстнаго отчаянія, Оливеръ упалъ къ ногамъ еврея и съ мольбою простеръ къ нему руки.

— Онъ правъ, замѣтилъ Феджинъ, сдвигая свои косматыя брови и исподлобья оглядываясь вокругъ,—ты говоришь правду, Оливеръ, они непремѣнно подумаютъ, что ты ихъ обокралъ. Ха-ха-ха! разсмѣялся онъ, потирая себѣ руки. Не могло выйти лучше, еслибъ мы нарочно выбирали удобное время.

— Еще бы! подхватилъ Сайксъ. Я сейчасъ это смекнулъ, какъ увидѣлъ, что онъ идетъ по Клеркенвеллю съ книгами подъ мышкой. Все устроилось великолѣпно. Эти святоши, пріютившіе его у себя, навѣрное не будутъ его разыскивать изъ боязни, что его станутъ преслѣдовать судомъ и упрячутъ въ теплое мѣсто. Онъ въ полной безопасности.

Когда Сайксъ окончилъ свою рѣчь, Оливеръ безумнымъ взглядомъ обвелъ окружающихъ, какъ будто не понимая, что вокругъ него происходитъ, потомъ вдругъ вскочилъ на ноги и бросился вонъ изъ комнаты съ такимъ громкимъ крикомъ о помощи, отъ котораго гулкое эхо пошло по всему пустому старому дому.

— Держи собаку, Биль! вскричала Нанси, бросаясь къ двери и захлопывая ее за евреемъ и мальчиками, пустившимися въ погоню за Оливеромъ.—Держи собаку, не то изорветъ его въ клочки!

— Подѣломъ ему! кричалъ Сайксъ, стараясь вырваться отъ ухватившейся за него дѣвушки.—Прочь отъ меня, не то размозжу тебѣ голову объ стѣну!

— Не боюсь я, Биль, не боюсь! отвѣчала дѣвушка, продолжая изо всѣхъ силъ съ нимъ бороться.—Я не допущу, чтобы собака растерзала ребенка! прежде убей меня.

— Не допустишь? стиснувъ зубы прохрипѣлъ Сайксъ.—Я сейчасъ же покажу тебѣ, кто я, если ты отъ меня не отцѣпишься! И разбойникъ отбросилъ отъ себя дѣвушку на другой конецъ комнаты; какъ разъ въ эту минуту вернулись еврей и оба мальчика, таща за собой Оливера.

— Что тутъ случилось? спросилъ озираясь на нихъ Феджинъ.

— Дѣвка, кажется, съ ума сошла, свирѣпо отвѣчалъ Сайксъ.

— Нѣтъ, она съ ума не сходила, Феджинъ, проговорила Нанси, блѣдная и задыхающаяся послѣ борьбы.

— Въ такомъ случаѣ сиди смирно и перестань дурить, прикрикнулъ на нее Феджинъ.

— Нѣтъ, не перестану, отвѣчала Нанси еще громче. — Ну, что ты на это скажешь?

Феджинъ, достаточно хорошо изучившій привычки и нравы той особой породы человѣческихъ существъ, къ числу которыхъ принадлежала Нанси, сразу почувствовалъ, что при теперешнемъ ея состояніи продолжать съ ней разговоръ, далеко не безопасно. Чтобъ отвлечь отъ нея общее вниманіе, онъ обратился къ Оливеру.

— Такъ ты хотѣлъ убѣжать, миленькій, а? произнесъ онъ, доставая лежавшую въ углу камина суковатую зазубренную палку.

Оливеръ не отвѣчалъ, но слѣдилъ глазами за движеніями еврея и часто дышалъ.

— Хотѣлъ звать на помощь, кликнуть полицію, а? шипѣлъ еврей, схвативъ мальчика за руку.—Мы отучимъ тебя отъ этого, милый другъ.

Онъ отвѣсилъ ему сильный ударъ по плечамъ и замахнулся, чтобъ вторично ударить, но Нанси подскочила къ нему, вырвала палку изъ его рукъ и съ такой силой бросила ее въ печь, что раскаленные уголья разлетѣлись по комнатѣ.

— Я не могу видѣть этого, Феджинъ, закричала она. Ты получилъ мальчика, чего же больше тебѣ надо? Оставьте его въ покоѣ, или я на того изъ васъ, кто къ нему притронется, положу такое клеймо, за которое меня раньше времени пошлютъ на висѣлицу!

При этой угрозѣ она гнѣвно топнула ногою, и крѣпко стиснувъ зубы, судорожно сжавъ руки, вызывающе посмотрѣла на еврея и на Сайкса; лицо ея поблѣднѣло отъ гнѣва, видно было, что ея раздраженіе дошло до крайняго предѣла.

— Полно, полно, Нанси, успокаивающимъ тономъ заговорилъ еврей послѣ минутнаго молчанія, переглянувшись съ Сайксомъ, который тоже казался смущеннымъ, сегодня, Нанси, ты просто неподражаема. Ха-ха-ха! ей-ей великолѣпно сыграно!

— Такъ, по твоему, я играла? Берегись же, чтобъ я не завела игру слишкомъ далеко. Тебѣ-же тогда будетъ хуже, Феджинъ, поэтому я тебя предупреждаю заранѣе, лучше не задѣвай меня!

Когда женщина находится въ пылу сильнаго гнѣва, если еще вдобавокъ она безразсудна и доведена до крайней степени отчаянія, въ ней есть что-то такое, вслѣдствіе чего мужчины, за исключеніемъ немногихъ смѣльчаковъ, не рискуютъ раздражать ее. Еврей понялъ, въ виду такого возбужденія Нанси, что всякое дальнѣйшее притворство безполезно. Онъ невольно попятился назадъ и бросилъ умоляющій и испуганный взглядъ на Сайкса, давая тому понять, что только онъ въ состояніи справиться съ взбѣсившейся дѣвушкой.

Послѣ такого нѣмого призыва Сайксъ почувствовалъ, что онъ долженъ немедленно укротить Нанси для поддержанія

собственнаго престижа и доказательства своего вліянія на нее. Онъ началъ съ того, что выпустилъ съ полсотню проклятій и угрозъ, слетѣвшихъ съ его устъ съ быстротою, дѣлавшей большую честь его плодовитой фантазіи. Однако, ни проклятія, ни угрозы не произвели никакого впечатлѣнія на ту, къ которой были обращены, и м-ръ Сайксъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ болѣе осязательнымъ аргументамъ.

— Чего ты добиваешься, скажи на милость, началъ онъ, подкрѣпляя этотъ вопросъ по обыкновенію своимъ любимымъ пожеланіемъ, относящимся къ самой прекрасной части человѣческаго лица (еслибъ это пожеланіе исполнялось хоть одинъ изъ ста тысячъ разъ, слѣпота была бы такимъ же частымъ явленіемъ, какъ и корь).

— Чего ты добиваешься, прахъ меня побери! Да знаешь ли ты, кто ты и что ты такое?

— Разумѣется, знаю, истерически смѣясь отвѣчала дѣвушка и тряхнула головой, притворяясь, будто относится совершенно равнодушно къ своей репутаціи.

— Такъ и нишкни! рявкнулъ Сайксъ такимъ же тономъ, какимъ унималъ свою собаку.—Не то я усмирю тебя такъ, что надолго замолчишь!

Дѣвушка опять залилась судорожнымъ хохотомъ, и бросивъ пламенный взглядъ на Сайкса, быстро отвернулась въ сторону и до крови прикусила губу.

— Такая птица, а ишь куда метнула,—подай ей человѣколюбіе и благородство, очень они къ тебѣ прилпали, продолжалъ Сайксъ, съ презрѣніемъ ее оглядывая. Такая особа самая подходящая въ друзья ребенку, какъ ты его величаешь.

— При помощи Божьей я буду ему другомъ! со страстнымъ увлеченіемъ воскликнула дѣвушка, отъ души желала бы лучше упасть мертвой на улицѣ и помѣняться мѣстами съ тѣми несчастными, мимо которыхъ мы сегодня проходили, чѣмъ привести его сюда! Съ сегодняшней ночи онъ станетъ воръ, лгунъ, грабитель, самый послѣдній изъ людей,—достаточно, кажется, для стараго злодѣя, а онъ еще хочетъ его бить!

— Полно, полно, Сайксъ! умоляющимъ тономъ обратился къ разгнѣванному разбойнику Феджинъ, указывая на мальчиковъ, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдившихъ за всѣмъ происходившимъ. Надо вести разговоръ учтиво, надо оставаться учтивымъ, Биль.

— Заслужилъ ты, мерзавецъ, чтобъ я съ тобой говорила учтиво! воскликнула дѣвушка въ такомъ негодованіи, что на нее страшно было смотрѣть. Я воровала для тебя, когда была вдвое его моложе (она указала на Оливера) и съ тѣхъ поръ двѣнадцать лѣтъ я занималась этимъ ремесломъ у тебя на службѣ. Развѣ ты этого не знаешь, развѣ ты это забылъ? Говори!

— Ладно, ладно, примирительнымъ тономъ заговорилъ еврей, ну чтожъ, если и такъ—этимъ ты живешь.

— Да! прервала его дѣвушка, и слова полились бурнымъ, неудержимымъ потокомъ изъ ея устъ,—да, я этимъ живу, и сырыя, холодныя, грязныя улицы служатъ мнѣ домомъ! Съ давнихъ поръ ты, негодяй, выгналъ меня на улицу и держишь меня тамъ, не давая отдыха ни днемъ, ни ночью, и будешь держать, пока я не умру!

— Если ты пикнешь еще хоть одно слово, я сдѣлаю то, что тебѣ будетъ еще хуже! перебилъ ее еврей, ужаленный ея послѣдними словами.

Дѣвушка умолкла, но стала въ изступленіи рвать на себѣ волосы и платье и вдругъ бросилась на еврея. Вѣроятно, она выместила бы на немъ самымъ чувствительнымъ образомъ свою накопившуюся злобу, если бы Сайксъ не успѣлъ во время схватить ее за руки. Она сдѣлала нѣсколько безплодныхъ попытокъ вырваться и упала безъ чувствъ.

— Насилу угомонилась, проговорилъ Сайксъ, укладывая ее въ углу комнаты. Она становится необыкновенна сильна, когда взбѣленится, вотъ какъ теперь.

Еврей отеръ со лба потъ и улыбнулся отъ удовольствія, что эта возня кончилась. И онъ, и Сайксъ, и собака, и мальчики смотрѣли, повидимому, на все происшедшее только какъ на неожиданную и непріятную случайность, весьма обыкновенную въ ихъ профессіи.

— Нѣтъ ничего хуже какъ имѣть дѣло съ женщинами, замѣтилъ еврей, ставя палку на мѣсто, но онѣ ловки, и въ нашемъ дѣлѣ безъ нихъ нельзя обойтись. Чарли, укажи Оливеру, гдѣ ему ложиться спать.

— Я думаю, Феджинъ, ему незачѣмъ трепать завтра свое новое платье? спросилъ Чарли.

— Разумѣется, незачѣмъ, отвѣчалъ еврей съ такою же усмѣшкой, съ какою задалъ свой вопросъ Чарли.

Чарли, видимо чрезвычайно обрадовавшійся доставшемуся ему порученію, взялъ палку со свѣчей и повелъ Оливера въ кухню, гдѣ было разостлано на полу нѣсколько такихъ же постелей, на какихъ онъ прежде спалъ. Здѣсь, заливаясь веселымъ смѣхомъ, Чарли досталъ то самое старое платье, которое Оливеръ съ такимъ восторгомъ сбросилъ съ себя у мистера Броунло. Купившій это старье еврей случайно показалъ его Феджину, что и послужило тому путеводной нитью, чтобъ открыть мѣстопребываніе Оливера.

— Снимай-ка свой франтовскій нарядъ, я отдамъ его на сохраненіе Феджину, сказалъ Чарли.—Вотъ такъ умора!

Хохотъ Чарли и визгливый голосъ миссъ Бетси, которая подошла очень кстати, чтобъ спрыснуть водой свою пріятельницу и разными другими дамскими средствами привести ее въ чувство, помѣшали бы спать многимъ, находящимся и въ болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, чѣмъ Оливеръ. Но онъ былъ нездоровъ и измученъ, поэтому вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА XVII.

Злосчастная судьба приводитъ въ Лондонъ великаго человѣка, чтобъ повредить репутаціи Оливера.

Во всѣхъ раздирательныхъ мелодрамахъ принято чередовать трагическія и комическія сцены, подобно краснымъ и бѣлымъ слоямъ въ окорокѣ ветчины. На соломенной постели изнываетъ удрученный бѣдствіями герой въ тяжелыхъ оковахъ, а въ слѣдующей сценѣ его вѣрный, но ничего не подозрѣвающій оруженосецъ угощаетъ публику смѣшной пѣсней. Съ трепещущимъ сердцемъ мы созерцаемъ героиню, оказавшуюся во власти могущественнаго и безсердечнаго барона; опасность угрожаетъ и жизни ея, и чести; она выхватываетъ кинжалъ, чтобъ сохранить одну цѣною другой, и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы съ величайшей тревогой ждемъ, чѣмъ это кончится, раздается звонокъ, и насъ внезапно переносятъ въ залу замка, гдѣ сѣдовласый дворецкій подпѣваетъ хору веселыхъ молодыхъ повѣсъ, которымъ открытъ доступъ всюду, отъ церковныхъ сводовъ до дворцовъ, и они безпечно скитаются рѣзвой гурьбой и поютъ безъ умолку.

Такія внезапныя перемѣны кажутся нелѣпыми, но онѣ вовсе не такъ неестественны, какъ представляется съ перваго взгляда. Въ дѣйствительной жизни совершаются ничуть не менѣе поразительные переходы отъ стола яствъ къ смертному ложу, отъ траурныхъ платьевъ къ праздничнымъ одеждамъ, только здѣсь мы сами являемся не безучастными зрителями, а дѣйствующими лицами, что составляетъ огромную разницу. Въ той жизни, которая проходитъ на сценическихъ подмосткахъ предъ глазами зрителей, не видно этихъ постепенныхъ переходовъ, и внезапные порывы страсти или чувства кажутся зрителямъ неестественными и нелѣпыми.

Въ книгахъ внезапныя чередованія сценъ, быстрыя перемѣны времени и мѣста дѣйствія не только освящены обычаемъ, но многими считаются доказательствомъ того, что авторъ знатокъ своего дѣла (Такіе критики при оцѣнкѣ искусства автора принимаютъ главнымъ образомъ въ соображеніе его умѣнье оставлять своихъ героевъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ при концѣ каждой главы).

Это краткое вступленіе къ настоящей главѣ, быть можетъ, нѣкоторымъ покажется излишнимъ. Пусть такіе читатели сочтутъ его деликатнымъ оповѣщеніемъ со стороны автора о томъ, что онъ опять отправляется въ тотъ городъ, гдѣ родился Оливеръ Твистъ. Смѣю увѣрить читателя, что есть весьма важныя и уважительныя основанія для такого путешествія, иначе я не сталъ бы приглашать его отправиться со мною туда.

М-ръ Бомбль вышелъ раннимъ утромъ изъ воротъ Дома Призрѣнія и пошелъ по главной улицѣ города. Видъ его былъ

величественъ, поступь внушительна. Онъ былъ въ полной красѣ и блескѣ своего сана: его треуголка и сюртукъ сіяли при утреннемъ солнцѣ ослѣпительнымъ блескомъ. онъ сжималъ свою трость со всей мощью здоровья и власти. Голову свою м-ръ Бомбль всегда держалъ высоко. но въ это утро онъ держалъ ее еще выше обыкновеннаго. Взоръ у него былъ разсѣянный, на челѣ его лежала печать глубокомыслія, такъ что каждый посторонній наблюдатель сразу понималъ, что умъ приходскаго сторожа былъ занятъ великими думами, недоступными для выраженія.

М-ръ Бомбль не останавливался даже побесѣдовать съ мелкими лавочниками и другими горожанами, которые съ нимъ почтительно заговаривали, когда онъ проходилъ мимо нихъ. На всѣ ихъ привѣтствія онъ отвѣчалъ только мановеніемъ руки и ни разу не прерывалъ своего торжественнаго шествія, пока не достигъ скромнаго жилища. гдѣ мистриссъ Мэнъ съ материнской нѣжностью воспитывала младенцевъ, находящихся на попеченіи прихода.

— Чортъ побери этого сторожа! сказала м-съ Мэнъ, услышавъ хорошо знакомый стукъ въ калитку.—Притащился ни свѣтъ ни заря! Какая пріятная неожиданность, м-ръ Бомбль; не можете себѣ представить, какъ я рада васъ видѣть. Прошу покорно въ гостиную!

Первая фраза была обращена къ Сусаннѣ, радостныя восклицанія—къ мистеру Бомблю, когда почтенная дама отворила передъ нимъ калитку и съ величайшимъ почтеніемъ торжественно повела его въ домъ.

— Мистриссъ Мэнъ,—заговорилъ м-ръ Бомбль. и съ этими словами онъ не сѣлъ и не бросился на стулъ, какъ сдѣлалъ бы всякій простой смертный, но медленно и плавно опустился на стулъ,—мистриссъ Мэнъ, позвольте пожелать вамъ добраго утра.

— И вамъ, сэръ, отвѣчала хозяйка, сіяя улыбками.—Какъ поживаете, сэръ?

— Такъ себѣ, м-съ Мэнъ, отвѣчалъ сторожъ. Приходская жизнь—не ложе изъ розъ, мистриссъ Мэнъ.

— Правда ваша, м-ръ Бомбль, согласилась эта дама.

И всѣ призрѣваемыя малютки могли бы съ большимъ правомъ повторить хоромъ эти слова, еслибъ ихъ слышали!

— Приходская жизнь, мистриссъ Мэнъ. преисполнена мученій, безпокойствъ, тягостей,—продолжалъ м-ръ Бомбль, ударивъ по столу тростью.—Но всякому общественному дѣятелю суждено терпѣть несправедливыя обвиненія.

М-съ Мэнъ, хорошенько не понимая. что онъ хочетъ сказать, сочувственно всплеснула руками и вздохнула.

— Да, мистриссъ Мэнъ, вы имѣете полное право вздыхать, сказалъ сторожъ.

Удостовѣрившись, что она не попала въ просакъ, м-съ Мэнъ

вздохнула еще разъ, къ видимому удовольствію „общественнаго дѣятеля", который подавилъ благосклонную улыбку, бросивъ строгій взглядъ на свою треуголку, и проговорилъ:

— Мистриссъ Мэнъ, я ѣду въ Лондонъ.

— Не можетъ быть, мистеръ Бомбль! вскричала м-съ Мэнъ, отпрянувъ назадъ.

— Въ Лондонъ, сударыня,—съ непреклонной рѣшимостью продолжалъ сторожъ.—Ѣду въ почтовой каретѣ съ двумя призрѣваемыми. Возбуждено судебное разслѣдованіе по поводу одного случая, и Совѣтъ уполномочилъ меня, меня, мистриссъ Мэнъ, показывать по этому дѣлу въ засѣданіи суда, при предстоящемъ открытіи сессіи въ Клеркенвеллѣ. Но большой еще вопросъ,—добавилъ м-ръ Бомбль выпрямляясь,—не сядутъ ли сами судьи въ лужу вмѣсто того, чтобъ подвести меня.

— О, не будьте къ нимъ слишкомъ строги, сэръ! умоляла его м-съ Мэнъ.

— Они сами того захотѣли, сударыня,—возразилъ м-ръ Бомбль. Если окажется, что изъ этой исторіи они выйдутъ съ такимъ позоромъ, какого не ожидали, пусть пеняютъ на себя!

Эти грозныя слова дышали такой непреклонностью и твердостью убѣжденія, что надолго повергли въ священный ужасъ м-съ Мэнъ. Наконецъ, она осмѣлилась спросить:

— Вы сказали, что ѣдете въ почтовой каретѣ, сэръ. Я думала, что бѣдняковъ изъ Дома Призрѣнія всегда отвозятъ въ телѣгахъ.

— Да, когда приходится возить больныхъ, мы ихъ отправляемъ въ открытыхъ телѣгахъ въ дождливую погоду, чтобъ они не простудились.

— О! произнесла м-съ Мэнъ.

— Для этихъ двухъ подрядили обратную карету, и очень дешево, оба они очень плохи, и мы нашли, что на два фунта стерлинговъ дешевле выйдетъ ихъ отвести, чѣмъ хоронить ихъ; конечно, въ такомъ случаѣ, если намъ удастся доставить ихъ въ другой приходъ, что мы, полагаю, успѣемъ сдѣлать, если только они не умрутъ по пути на зло намъ. Ха-ха-ха!

Смѣхъ мистера Бомбля скоро прервался, такъ какъ ему на глаза опять попалась треуголка, и онъ снова сдѣлался серьезенъ.

— Мы забываемъ дѣло, сударыня, произнесъ онъ. Вотъ слѣдуемое вамъ отъ прихода мѣсячное содержаніе.

М-ръ Бомбль вынулъ изъ бумажника свертокъ, въ которомъ заключалось нѣсколько серебряныхъ монетъ, и потребовалъ росписку. М-съ Мэнъ написала ее.

— Она вышла у меня очень вымазанная, но смѣю васъ увѣрить, совсѣмъ по формѣ написана, заявила воспитательница призрѣваемыхъ младенцевъ.—Покорно васъ благодарю, м-ръ Бомбль.

М-ръ Бомбль благосклонно кивнулъ въ отвѣтъ на почтительный реверансъ мистриссъ Мэнъ и освѣдомился, какъ поживаютъ младенцы.

— Богъ да благословитъ этихъ крошекъ, съ сердечнымъ умиленіемъ произнесла м-съ Мэнъ, они такъ здоровы, какъ только можно пожелать, мои голубчики! конечно, кромѣ тѣхъ двухъ, что умерли на прошлой недѣлѣ, и маленькаго Дика.

— Неужели этотъ мальчикъ все хвораетъ?

М-съ Мэнъ кивнула головой.

— Это злокозненный, гадкій мальчишка съ дурными наклонностями, сердито проговорилъ м-ръ Бомбль. Гдѣ онъ?

— Я сію минуту его приведу. Дикъ, Дикъ!

На зовъ, наконецъ, явился Дикъ, и послѣ того, какъ его лицо мистриссъ Мэнъ окатила изъ помпы и вытерла собственнымъ платьемъ, онъ былъ приведенъ предъ грозныя очи мистера Бомбля, приходскаго сторожа.

Мальчикъ былъ худъ и блѣденъ, щеки его впали, огромные глаза горѣли; убогая приходская одежда—его нищенскій мундиръ—висѣла на немъ какъ на вѣшалкѣ, его дѣтскіе члены высохли, какъ у старика. Онъ стоялъ, трепеща подъ взглядомъ мистера Бомбля, не смѣя поднять глазъ съ полу, страшась даже услышать звукъ его голоса.

— Не опускай голову, смотри прямо на джентльмена, упрямый мальчишка! сказала м-съ Мэнъ.

Ребенокъ поднялъ кроткій взоръ и встрѣтилъ взглядъ м-ра Бомбля.

— Что скажешь, приходскій питомецъ? весьма умѣстно пошутилъ м-ръ Бомбль.

— Ничего, сэръ.

— Еще бы! Ты, кажется, ни въ чемъ не нуждаешься,—проговорила м-съ Мэнъ, досыта насмѣявшись остроумію сторожа.

— Я хотѣлъ бы только... заикнулся было ребенокъ.

— Это еще что? перебила его м-съ Мэнъ.—Не хочешь ли ты сказать, что ты въ чемъ-нибудь терпишь нужду? Ахъ, негодный мальчишка, да какъ же ты...

— Погодите, м-съ Мэнъ, остановилъ ее сторожъ властнымъ знакомъ руки.—Чего бы тебѣ хотѣлось, а?

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы кто нибудь, кто умѣетъ писать, написалъ бы для меня на клочкѣ бумаги нѣсколько словъ, сложилъ бы бумагу, запечаталъ и сохранилъ до тѣхъ поръ, когда меня уложатъ въ землю,—пролепеталъ ребенокъ.

— Что за чепуху несетъ этотъ молокососъ? вскричалъ м-ръ Бомбль. Несмотря на всю его привычку къ подобнымъ вещамъ, на него произвели нѣкоторое впечатлѣніе серьезный тонъ ребенка и его прозрачная блѣдность.—Что ты хочешь сказать, Дикъ?

— Я хотѣлъ бы, чтобы бѣдный Оливеръ Твистъ зналъ, какъ я его любилъ, чтобы онъ зналъ, какъ часто я, оставшись одинъ, плакалъ, думая о томъ, какъ онъ скитается въ темныя ночи, не видя ни откуда помощи. И еще я хотѣлъ бы ему сказать,—съ жаромъ продолжалъ ребенокъ, сжимая свои крохотныя ручон-

ки,—еще бы я хотѣлъ ему сказать, что радъ умереть маленькимъ. Еслибъ я жилъ дольше, такъ что состарѣлся бы, моя маленькая сестрица, которая на небѣ, могла бы забыть меня или разлюбить, и счастье для насъ, что мы оба будемъ тамъ вмѣстѣ, дѣтьми.

М-ръ Бомбль съ невыразимымъ изумленіемъ оглядѣлъ мальчика съ ногъ до головы, и обратясь къ хозяйкѣ дома, замѣтилъ: И здѣсь тоже, мистриссъ Мэнъ! Этотъ злонравный Оливеръ ихъ всѣхъ развратилъ!

— Просто не вѣрю своимъ ушамъ! воскликнула м-съ Мэнъ, воздѣвая руки къ небу и бросая злобный взглядъ на Дика.— Въ жизни не видывала такого закоснѣлаго, испорченнаго ребенка!

— Уведите его прочь, повелительно сказалъ м-ръ Бомбль. Объ этомъ я долженъ буду доложить Совѣту, сударыня.

— Надѣюсь, джентльмены поймутъ, что не моя тутъ вина, сэръ? жалобно захныкала м-съ Мэнъ.

— Они это поймутъ, сударыня. Они будутъ ознакомлены съ истиннымъ положеніемъ дѣла,—проговорилъ м-ръ Бомбль.— Уведите этого мальчишку, я не могу его видѣть.

Дикъ былъ немедленно уведенъ и заперть въ угольный чуланъ. Вскорѣ удалился и м-ръ Бомбль приготовляться къ путешествію въ столицу.

На другой день, въ шесть часовъ утра, м-ръ Бомбль, замѣнивъ свою треуголку круглой шляпой и закутавъ свою особу въ синій плащъ съ капюшономъ, помѣстился на одномъ изъ порожнихъ мѣстъ почтовой кареты. Его сопровождали двое бѣдняковъ изъ Дома Призрѣнія, по поводу которыхъ было возбуждено судебное разбирательство. Съ ними онъ въ должное время благополучно и безъ всякихъ приключеній прибылъ въ Лондонъ, если не считать маленькихъ непріятностей со стороны препровождаемыхъ имъ бѣдняковъ, которые со свойственнымъ имъ упорствомъ дрожали всю дорогу и такъ настойчиво жаловались на холодъ, что, наконецъ, и у него самого зубы застучали и тѣло заныло, несмотря на то, что онъ былъ въ теплом плащѣ.

Отправивъ этихъ злонамѣренныхъ людей на ночлегъ, самъ м-ръ Бомбль расположился въ гостиницѣ, гдѣ останавливалась почтовая карета, и спросилъ себѣ скромный обѣдъ изъ бифштекса, устрицъ и портера. Придвинувъ свой стулъ поближе къ камину и поставивъ передъ собою стаканъ горячаго пуншу, онъ предался на нѣкоторое время нравоучительнымъ размышленіямъ на тему о грѣховности ропота и жалобъ, затѣмъ принялся читать газету.

Первое, на чемъ остановились его глаза, было слѣдующее объявленіе:

Пять гиней награды

„Маленькій мальчикъ, по имени Оливеръ Твистъ, скрылся,

или былъ похищенъ, изъ дома въ Пентонвиллѣ вечеромъ въ прошлый четвергъ, и съ тѣхъ поръ о немъ не было извѣстій. Пять гиней награды будетъ выдано тому, кто сообщитъ какія нибудь свѣдѣнія, могущія помочь розыскать вышеупомянутаго Оливера Твиста, или пролить нѣкоторый свѣтъ на его предшествующую жизнь, которою объявитель по многимъ причинамъ весьма интересуется".

Далѣе слѣдовало подробное описаніе примѣтъ и костюма Оливера, а также его исчезновенія и стоялъ адресъ и имя мистера Броунло.

М-ръ Бомбль широко раскрылъ глаза. Онъ прочиталъ объявленіе три раза подърядъ не торопясь и взвѣшивая каждое слово, и черезъ пять минутъ шелъ уже въ Пентонвилль, отъ волненія оставивъ даже свой стаканъ пунша нетронутымъ.

— Дома м-ръ Броунло? спросилъ онъ отворившую дверь служанку. Дѣвушка дала уклончивый отвѣтъ: „Не знаю. Отъ кого вы?"

Какъ только м-ръ Бомбль произнесъ имя Оливера, объясняя цѣль своего прихода, слушавшая у дверей гостиной м-съ Бедвинъ выбѣжала въ прихожую и задыхаясь отъ волненія заговорила:

— Пожалуйте, пожалуйте! Такъ я и знала, что мы о немъ услышимъ. Бѣдный, милый малютка! я была увѣрена, что мы о немъ услышимъ, я постоянно это предсказывала! Да благословитъ его Богъ!

Съ этими словами почтенная старушка бросилась опять въ залу, и опустившись на диванъ, залилась слезами. Служанка, особа менѣе впечатлительная, успѣла тѣмъ временемъ сбѣгать доложить мистеру Броунло и пригласила мистера Бомбля слѣдовать за нею.

Она провела его въ маленькій кабинетъ, гдѣ сидѣлъ м-ръ Броунло вмѣстѣ со своимъ другомъ, мистеромъ Гримвигомъ, за бутылкой вина. Послѣдній джентльменъ оглядѣвъ вошедшаго воскликнулъ: „Сторожъ, приходскій сторожъ, если не такъ, пусть я съѣмъ свою голову!"

— Пожалуйста, хоть теперь не прерывайте,—обратился къ нему м-ръ Броунло.—Прошу садиться.

М-ръ Бомбль, сѣлъ, совсѣмъ онѣмѣвъ отъ страннаго обращенія мистера Гримвига. М-ръ Броунло подвинулъ лампу, такъ чтобъ она освѣщала лицо посѣтителя, и довольно нетерпѣливо заговорилъ:

— Ну, сэръ, вы явились сюда потому, что прочитали объявленіе?

— Да, сэръ, отвѣчалъ м-ръ Бомбль.

— Вы, вѣдь, приходскій сторожъ, не такъ ли? вмѣшался м-ръ Гримвигъ.

— Да, я состою въ должности приходскаго сторожа, джентльмены, съ достоинствомъ отвѣчалъ м-ръ Бомбль.

— А что, я говорилъ вамъ! замѣтилъ своему другу м-ръ Гримвигъ. Сразу узналъ, кто онъ таковъ—видна птица по полету!

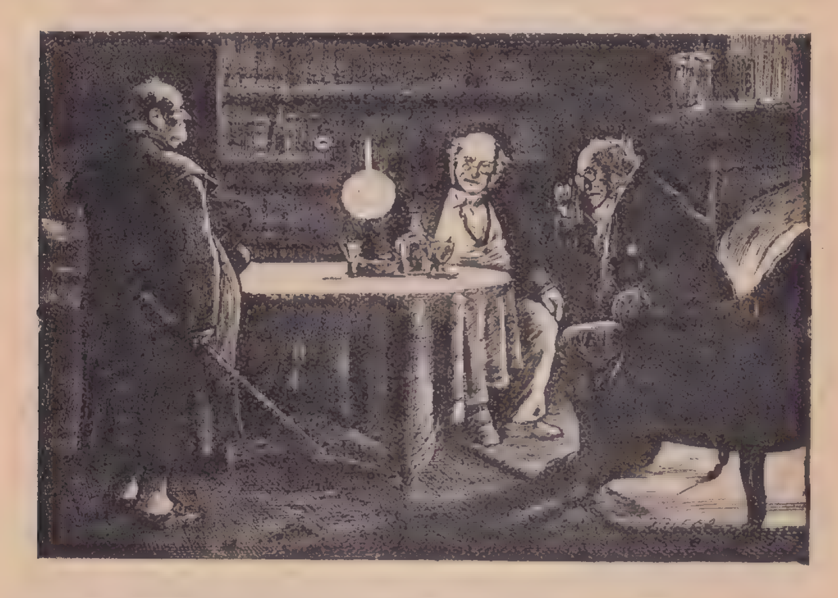
М-ръ Броунло укоризненно покачалъ головой, чтобъ заставить его замолчать, и продолжалъ:

— Знаете вы, гдѣ въ настоящее время находится этотъ бѣдный мальчикъ?

— Менѣе, чѣмъ кто-либо.

— Ну, такъ что же вамъ о немъ извѣстно? Разсказывайте, мой другъ, все, что вы о немъ знаете.

— Вы, кажется, ничего хорошаго не можете сказать о немъ? колко спросилъ м-ръ Гримвигъ, внимательно всматриваясь въ лицо мистера Бомбля.

«Сторожъ, приходскій сторожъ; если не такъ, пусть я съѣмъ свою голову!»

М-ръ Бомбль, быстро уловивъ тонъ этого вопроса, зловѣще покачалъ головой.

— Видите? съ торжествующимъ видомъ обратился къ своему другу м-ръ Гримвигъ.

М-ръ Броунло боязливо посмотрѣлъ на нахмуренное лицо посѣтителя и попросилъ его изложить все, какъ можно короче, что онъ знаетъ объ Оливерѣ.

М-ръ Бомбль положилъ шляпу, разстегнулъ сюртукъ, сложилъ руки, задумчиво склонилъ голову, какъ бы витая взо-

ромъ въ прошедшемъ, и послѣ минутнаго размышленія началъ свой разсказъ.

Скучно было бы передавать этотъ разсказъ его подлинными словами, потому что онъ занялъ цѣлыхъ двадцать минутъ; сущность его заключалась въ томъ, что Оливеръ былъ подкидышъ, рожденный отъ людей порочныхъ и низкаго сословія. Съ ранняго дѣтства обнаруживалъ самыя дурныя качества, какъ-то: неблагодарность, злость, предательство; его короткое пребываніе въ родномъ городѣ закончилось коварнымъ, кровопролитнымъ нападеніемъ на беззащитнаго мальчика, вслѣдъ за чѣмъ онъ ночью скрылся изъ дома своего хозяина.

Въ доказательство того, что онъ дѣйствительно то лицо, за которое себя выдаетъ, м-ръ Бомбль выложилъ на столъ привезенные имъ съ собою документы и сложивъ руки ждалъ, что скажетъ м-ръ Броунло.

— Къ сожалѣнію, кажется, все это истинная правда, грустно сказалъ старикъ, просмотрѣвъ документы. —Я назначилъ не очень большую цѣну за сообщеніе, но съ радостью далъ бы вамъ втрое больше, еслибъ услышалъ о мальчикѣ что-нибудь лучшее.

Весьма возможно, что еслибъ м-ръ Бомбль узналъ это при началѣ разговора, онъ далъ бы совершенно иное освѣщеніе своему разсказу. Поправлять ошибку было теперь слишкомъ поздно; поэтому онъ только печально потрясъ головою и заполучивъ пять гиней удалился.

М-ръ Броунло нѣсколько минутъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Видно было, что услышанный разсказъ страшно его разстроилъ, такъ что даже м-ръ Гримвигъ сдержался и не сталъ больше поддразнивать его своими насмѣшками.

Наконецъ, м-ръ Броунло остановился и громко зазвонилъ въ колокольчикъ.

— Мистриссъ Бедвинъ, обратился онъ къ явившейся на звонокъ ключницѣ.—Этотъ мальчикъ, Оливеръ Твистъ, обманщикъ.

— Не можетъ быть, сэръ! Не можетъ быть! энергично воскликнула старушка.

— Говорю вамъ, онъ обманщикъ, рѣзко возразилъ мистеръ Броунло.—Что вы твердите: „не можетъ быть“! Мы только что выслушали подробный разсказъ о всѣхъ его похожденіяхъ; онъ съ самаго рожденія былъ отъявленнымъ негодяемъ.

— Никогда этому не повѣрю, твердо сказала старушка.

— Вы, старухи, вѣрите только шарлатанамъ-докторамъ да вздорнымъ сказкамъ! проворчалъ м-ръ Гримвигъ.—Я напередъ это зналъ. Было съ самаго начала послушать моего совѣта! Вы не хотѣли слушаться, потому что у него была горячка? Онъ былъ интересный больной, да? Интересенъ! Скажите, пожалуйста! мистеръ Гримвигъ взмахнулъ высоко кочергой и съ ожесточеніемъ принялся мѣшать въ каминѣ.

— Онъ былъ нѣжный, благодарный, милый малютка, съ негодованіемъ возразила м-съ Бедвинъ.—Я знаю дѣтей, сэръ, я сорокъ лѣтъ ходила за ними, а тѣ, которые не могутъ сказать про себя того же, лучше бы ужъ молчали. Вотъ мое мнѣніе!

Эта колкая насмѣшка была направлена по адресу мистера Гримвига, который былъ холостякомъ; но такъ какъ онъ только улыбнулся въ отвѣтъ, то старушка, высоко закинувъ голову и оправивъ передникъ, приготовилась начать новую рѣчь. Ее прервалъ мистеръ Броунло.

— Замолчите! произнесъ онъ съ притворнымъ гнѣвомъ.— Чтобъ я никогда больше не слышалъ имени этого мальчика! Я позвонилъ именно для того, чтобъ это вамъ объявить. Помните: никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не заговаривайте о немъ. Можете идти, мистриссъ Бедвинъ. Запомните мои слова, я говорилъ серьезно.

Тяжело на душѣ было въ этотъ вечеръ у обитателей дома мистера Броунло!

У Оливера замирало сердце, когда онъ думалъ о своихъ добрыхъ, милыхъ друзьяхъ; къ счастью, онъ не подозрѣвалъ о томъ, что услышали они о немъ: еслибъ онъ это зналъ, его сердце разбилось бы.

ГЛАВА XVIII.

Какъ проводилъ время Оливеръ въ прекрасномъ обществѣ своихъ почтенныхъ друзей.

На слѣдующее утро, когда Пройдоха и м-ръ Бэтсъ ушли въ полдень на свою обычную прогулку, Феджинъ воспользовался удобнымъ случаемъ прочитать Оливеру длинную лекцію о томъ, что неблагодарность—смертный грѣхъ. Въ ней онъ ясно доказалъ, что Оливеръ виновенъ въ томъ, что добровольно покинулъ общество друзей, чѣмъ ихъ очень обезпокоилъ, а еще болѣе виноватъ тѣмъ, что пытался отъ нихъ убѣжать послѣ того, какъ они потратили такъ много трудовъ и издержекъ, чтобъ его найти. Феджинъ съ особеннымъ жаромъ распространялся о томъ, что онъ призрѣлъ и облагодѣтельствовалъ Оливера въ такое время, когда тому угрожала голодная смерть, не явись онъ на помощь. Онъ разсказалъ кстати трогательную и страшную исторію объ одномъ молодомъ человѣкѣ, которому, по своему человѣколюбію, помогъ при подобныхъ же обстоятельствахъ, но такъ какъ тотъ оказался недостойнымъ его довѣрія и возымѣлъ желаніе войти въ сношеніе съ полиціей, то въ одно прекрасное утро имѣлъ несчастіе быть повѣшеннымъ у Ньюгетской тюрьмы. Феджинъ не скрывалъ, что онъ причастенъ къ этой катастрофѣ, но со слезами на

глазахъ жаловался на то, что безразсудное и предательское поведеніе этого юноши вызвало печальную необходимость сдѣлать его жертвою доноса, который хоть и не былъ вполнѣ справедливъ, но былъ нуженъ для безопасности его, Феджина, и его немногихъ избранныхъ друзей.

Въ заключеніе м-ръ Феджинъ нарисовалъ отвратительную картину вѣшанія и выразилъ искреннюю надежду на то, что онъ никогда не будетъ поставленъ въ необходимость подвергнуть Оливера Твиста этой непріятной операціи.

Вся кровь застыла въ жилахъ мальчика при этихъ словахъ еврея, несмотря на то, что онъ и не вполнѣ понималъ всѣ его мрачныя угрозы. Оливеръ зналъ уже, что правосудіе легко можетъ смѣшать невиннаго съ виновнымъ, когда случай сводитъ ихъ вмѣстѣ, и не сомнѣвался, что старый еврей дѣйствительно способенъ придумать и привести въ исполненіе самые хитрые планы, чтобы погубить людей, знающихъ разныя неудобныя для него вещи, или черезчуръ болтливыхъ. Онъ легко повѣрилъ, что Феджинъ не разъ уже это дѣлалъ, особенно когда припомнилъ его стычки съ Сайксомъ, очевидно имѣвшія отношеніе къ какимъ-то подобнымъ прошлымъ его козням.

Робко поднявъ на него глаза, Оливеръ встрѣтилъ его испытующій взоръ и почувствовалъ, что отъ хитраго старика не укрылись ни его блѣдность, ни его дрожь и доставили ему большое удовольствіе.

Онъ съ отвратительной улыбкой погладилъ Оливера по головѣ и сказалъ, что если тотъ будетъ смирно вести себя и прилежно займется дѣломъ, они, какъ видно, станутъ опять добрыми друзьями. Затѣмъ онъ взялъ шапку, облачился въ старый заплатанный плащъ и ушелъ, заперевъ за собою дверь на ключъ.

Весь этотъ день и большую часть слѣдующихъ Оливеръ провелъ въ одиночествѣ. Съ ранняго утра до полночи онъ не видѣлъ никого и въ теченіе этихъ долгихъ часовъ имѣлъ полную возможность предаваться размышленіямъ. Онъ постоянно переносился мыслями къ своимъ великодушнымъ друзьямъ.— Что-то они должны были о немъ подумать, когда онъ не возвратился? этотъ вопросъ безпрестанно приходилъ ему на умъ, и тяжко ему становилось.

По прошествіи недѣли еврей оставилъ дверь не запертой и Оливеръ получилъ возможность бродить по дому. Домъ этотъ былъ страшно запущенъ и грязенъ, но въ комнатахъ верхняго этажа были высокія двери, огромные съ деревянной рѣзьбой камины, обшитыя панелями стѣны; карнизы на потолкѣ, почернѣвшіе отъ копоти и пыли, тѣмъ не менѣе были покрыты различными украшеніями. Изъ всего этого Оливеръ заключилъ, что давнымъ давно, когда еще и стараго еврея не было на свѣтѣ, этотъ домъ принадлежалъ богатымъ людямъ и, быть можетъ, былъ веселымъ и красивымъ, хотя теперь ка-

зался мрачнымъ и страшнымъ. Въ углахъ и на потолкѣ пауки раскинули свою паутину, и перѣдко Оливеръ, тихонько войдя въ комнату, заставалъ рѣзвившихся на полу мышатъ; перепуганные его приходомъ, они со всѣхъ ногъ удирали въ свои норы. Кромѣ ихъ, здѣсь не было ни одного живого существа, и часто въ сумерки, уставъ бродить изъ комнаты въ комнату, Оливеръ усаживался на корточкахъ въ углу передней, у двери на улицу, чтобъ быть какъ можно ближе къ людямъ и прислушиваясь къ малѣйшему шороху, считая часы, дожидался тутъ возвращенія еврея и мальчиковъ.

Покрытыя плѣсенью ветхія ставни во всѣхъ комнатахъ были задвинуты и заложены крѣпко завинченными болтами, свѣтъ проходилъ только сквозь круглыя отверстія вверху ихъ, отчего комнаты казались еще болѣе мрачными и наполненными причудливыми тѣнями. Только у одного окна на чердакѣ, забитаго заржавленными перекладинами, не было ставенъ, и часто Оливеръ по цѣлымъ часамъ печально смотрѣлъ оттуда, хотя изъ этого окна ничего не было видно кромѣ слившихся въ одну неясную слитную массу крышъ, надъ которыми подымались закоптѣлыя трубы и шпицы. Иногда можно было разглядѣть чью-то сѣдую голову, выглядывавшую изъ-за парапета надъ стѣной отдаленнаго дома, но она скоро опять скрывалась, а такъ какъ его окно было забито гвоздями и потускнѣло отъ дождей и накопившейся годами копоти, то нечего было и думать подать знакъ о себѣ: его отсюда не могли ни увидѣть, ни услышать.

Разъ Пройдоха и Чарли Бэтсъ были отозваны куда то на вечеръ и первому изъ нихъ вздумалось выказать нѣкоторую заботливость относительно украшенія собственной персоны, (слѣдуетъ отдать ему справедливость, франтовство не было его слабостью). Ему благоугодно было распорядиться, чтобъ Оливеръ помогъ ему заняться туалетомъ. Оливеръ былъ очень доволенъ, что можетъ быть кому-нибудь полезенъ; для него казалось счастьемъ видѣть человѣческія лица, хотя бы и дурныя. Онъ всегда готовъ былъ услужить другимъ, если отъ него не требовали чего-нибудь нечестнаго, и потому охотно выразилъ свое согласіе на предложеніе Пройдохи. Опустившись на одно колѣно, онъ поставилъ на другое ногу сидѣвшаго на столѣ Даукинса и принялся совершать надъ нею процедуру, которую тотъ называлъ „шлифовать скороходные приборы", что означало чистить сапоги.

Быть можетъ, разумное существо испытываетъ особенное чувство свободы и независимости, когда сидитъ въ удобной позѣ на столѣ, покуриваетъ трубку, безпечно болтаетъ одной ногой, въ то время какъ ему чистятъ сапоги, и притомъ не было даже безпокойства снимать ихъ, а въ будущемъ не ждетъ мучительная перспектива натягивать ихъ, и слѣдовательно ничто не смущаетъ его душевнаго покоя. Это ли обстоятельство

или хорошій табакъ, или же забористое пиво, но только что-то размягчило душу Пройдохи, и его мысли приняли мечтательное, даже нѣсколько восторженное направленіе, совершенно чуждое его натурѣ. Нѣсколько минутъ онъ молча смотрѣлъ внизъ на Оливера, при чемъ лицо его имѣло задумчивое выраженіе, потомъ поднялъ голову, и испустивъ легкій вздохъ, сказалъ, обращаясь отчасти къ самому себѣ, отчасти къ Бэтсу:

— Какъ жаль, что онъ не добытчикъ!

— Самъ не понимаетъ своей пользы, отозвался Чарльзъ Бэтсъ.

Пройдоха еще разъ вздохнулъ и снова взялся за трубку, Чарльзъ тоже. Оба нѣсколько времени курили молча.

— Ты, чего добраго, не знаешь даже, что такое „добытчикъ"? угрюмо спросилъ Пройдоха.

— Кажется, знаю, отвѣчалъ Оливеръ, подымая на него глаза. Это означаетъ во..то есть, напримѣръ, ты—добытчикъ, перебилъ онъ самъ себя.

— Да, я добытчикъ и считаю унизительнымъ быть чѣмъ-нибудь другимъ. Съ этими словами Даукинсъ молодецки заломилъ шляпу на бекрень и метнулъ на Чарли вызывающій взглядъ, какъ бы говоря: хотѣлъ бы я посмотрѣть, осмѣлишься ли ты не согласиться со мною.

— Да, я добытчикъ, повторилъ Даукинсъ,—и Чарли, и Феджинъ, и Сайксъ, и Нанси, и Бэтъ,—всѣ мы, и даже собака. Она у насъ самая ловкая.

— И самая надежная, добавилъ Чарли Бэтсъ.

— Да, ужъ никогда не выдастъ! Она не позволила бы себѣ залаять на скамьѣ свидѣтелей; еслибъ даже ее тамъ засадили на цѣпь и недѣлю держали безъ ѣды, и то не стала бы лаять, чтобъ кого-нибудь не выдать.

— Ни за что не стала бы, подтвердилъ Чарли.

— Это чудная собака! продолжалъ Пройдоха. Она скалитъ зубы на каждаго незнакомца, который вздумаетъ смѣяться или пѣть въ ея присутствіи. Она рычитъ, когда слышитъ игру на скрипкѣ. Она ненавидитъ всѣхъ собакъ другой породы. Вотъ она какая!

— Ей нѣтъ подобныхъ, заключилъ Чарли.

— Ну, ладно, это особъ-статья, а вотъ почему нашъ-то молокососъ все артачится?—вернулся къ прежнему разговору Пройдоха, обнаруживавшій во всѣхъ своихъ поступкахъ удивительную заботливость объ интересахъ своей профессіи.

— Правда, почему это ты не хочешь работать у Феджина, Оливеръ?

— И въ самомъ непродолжительномъ времени составить себѣ состояніе, усмѣхаясь добавилъ Пройдоха.

— А потомъ удалиться на отдыхъ въ собственное помѣстье и зажить джентльменомъ, какъ я думаю сдѣлать въ слѣдую-

щій высокосный годъ, который не будетъ дѣлиться на четыре, въ седьмую пятницу недѣли, подхватилъ Чарли.

— Мнѣ не по вкусу работать у Феджина, я бы желалъ, чтобъ онъ меня отпустилъ, я бы хотѣлъ уйти, смиренно молвилъ Оливеръ.

— А Феджинъ не хочетъ тебя отпустить! возразилъ Чарли. Оливеръ и самъ хорошо зналъ это, но промолчалъ, разсудивъ, что опасно откровенно высказываться, и тяжело вздохнувъ, продолжалъ чистить сапоги.

— Ты хочешь уйти? Гдѣ же у тебя смыслъ? воскликнулъ Пройдоха. Развѣ въ тебѣ нѣтъ ни на волосъ самолюбія? Ты хочешь уйти и жить въ зависимости отъ своихъ друзей!

— Выкинь такія мысли изъ головы, это слишкомъ низко! поддержалъ друга Бэтсъ.

— Я бы не могъ такъ поступить! сказалъ съ видомъ гордаго пренебреженія Даукинсъ.

— Однако, вы можете же покидать своихъ товарищей въ трудную минуту и заставлять ихъ расплачиваться за то, что сдѣлали вы,—возразилъ съ легкой улыбкой Оливеръ.

— Эхъ! крякнулъ Даукинсъ, потрясая въ воздухѣ своей трубкой, сдѣлали мы такъ ради Феджина, потому что шпейкамъ извѣстно, что мы вмѣстѣ работаемъ, и онъ могъ попасть въ бѣду, коли-бъ мы не задали тягу. Вотъ какая тутъ была уловка; правда, Чарли?

М-ръ Бэтсъ утвердительно кивнулъ головой и хотѣлъ было что-то отвѣтить, но въ его умѣ внезапно воскресло воспоминаніе о бѣгствѣ Оливера, его разобралъ смѣхъ, онъ поперхнулся дымомъ, который въ этотъ моментъ вдыхалъ, вслѣдствіе чего минутъ пять кашлялъ и топалъ ногами.

— Взгляни-ка! продолжалъ Пройдоха, вытаскивая изъ кармана цѣлую пригоршню серебряныхъ монетъ. Вотъ такъ раздолье! Какое дѣло, откуда онѣ взялись? Знай бери! Тамъ, откуда онѣ пришли, осталось еще гораздо больше. Не хочешь брать?—ну такъ ты набитый дуракъ!

— Это по твоему дурно, Оливеръ? обратился къ нему Чарли. Онъ добьется того, что его вздернутъ.

— Не понимаю, что это означаетъ, сказалъ Оливеръ.

— А вотъ этакую штуку, отвѣтилъ Чарльзъ, и съ этими словами поднялъ кверху одинъ изъ концовъ своего галстука, склонилъ голову на плечо и заскрипѣлъ зубами, наглядно показывая этой пантомимой, что вздергивать и повѣсить одно и то же.

— Вотъ что это значитъ, повторилъ онъ.—Гляди-ка, Джекъ, какъ онъ выпучилъ глаза! Въ жизнь мою не видывалъ такого забавнаго мальчика, онъ меня уморитъ когда-нибудь! чувствую, что уморитъ! И онъ опять хохоталъ до слезъ, но на это время перестал курить.

— Ты получилъ плохое воспитаніе,—проговорилъ Пройдоха,

съ довольнымъ видомъ осматривая свои сапоги, на которые Оливеръ наводилъ послѣдній блескъ,—но Феджинъ все таки добьется отъ тебя толку, въ противномъ случаѣ ты будешь первый, изъ кого онъ ничего не сумѣетъ сдѣлать. Лучше сразу начинай; все равно, придется тебѣ приняться за работу раньше, чѣмъ ты думаешь, ты только даромъ теряешь время, Оливеръ.

М-ръ Бэтсъ въ свою очередь подкрѣпилъ этотъ добрый совѣтъ разными нравоученіями. Исчерпавъ ихъ, онъ вмѣстѣ съ Даукинсомъ пустился описывать яркими красками многочисленныя удовольствія той жизни, которую они вели, намекая всячески на то, что самое лучшее, что могъ сдѣлать Оливеръ—это заслужить какъ можно скорѣе благосклонность Феджина тѣми же средствами, какія употребляли они сами для этой же цѣли.

— Заруби себѣ на носу одно, Оливеръ,—проговорилъ Даукинсъ, когда послышался наверху шумъ шаговъ еврея:—если ты не станешь таскать платковъ и часовъ, ихъ будутъ таскать другіе; и тѣ ротозѣи, у которыхъ ихъ вынимаютъ, все таки останутся при печальномъ интересѣ, да и ты тоже будешь въ накладѣ, и никому изъ этого не будетъ пользы, кромѣ того, кто стащилъ, а ты имѣешь такое же право попользоваться, какъ и онъ.

— Вѣрно, вѣрно, сказалъ еврей, который въ это время вошелъ такъ неслышно, что Оливеръ и не замѣтилъ.—Это ясно, какъ день. Слушай, миленькій, Пройдоху. Ха-ха-ха! онъ понимаетъ, какъ надо смотрѣть на вещи...

Старикъ одобрительно потиралъ руки и хихикалъ отъ восторга, что его питомецъ обладаетъ такимъ знаніемъ свѣта.

Разговоръ на сей разъ на этомъ и прервался, такъ какъ еврей вернулся домой въ сопровожденіи миссъ Бетси и еще одного молодого человѣка, котораго Оливеръ видѣлъ въ первый разъ. Пройдоха назвалъ этого юношу Томомъ Читлингомъ, онъ вошелъ нѣсколько позже еврея, такъ какъ замѣшкался на лѣстницѣ, любезничая со своей спутницей.

М-ръ Читлингъ былъ старше Даукинса, ему было лѣтъ восемнадцать, но по его почтительному обращенію съ Пройдохой видно было, что онъ сознавалъ себя ниже этого молодого человѣка по уму и по талантамъ. У него были маленькіе, блестящіе глазки, попорченное оспой лицо; на немъ была мѣховая шапка, темная плисовая куртка, замасленныя байковыя панталоны и фартукъ. Весь его гардеробъ, правду сказать, сильно требовалъ починки, но онъ извинился передъ почтеннѣйшей компаніей тѣмъ, что его „срокъ“ вышелъ всего часъ тому назадъ, и въ силу того, что онъ шесть недѣль щеголялъ въ форменномъ мундирѣ, ему некогда было обратить вниманіе на свое партикулярное платье. Онъ съ досадой прибавилъ, что новый способъ окуриванія одежды чертовски непріятенъ, по-

тому что прожигаетъ на матеріи дыры, а искать убытковъ не съ кого. Такое же замѣчаніе онъ сдѣлалъ относительно своихъ коротко остриженныхъ волосъ и въ заключеніе побожился, что у него и капли во рту не было впродолженіе сорока двухъ убійственно долгихъ дней, тяжелой работы, отъ этого въ горлѣ у него совсѣмъ пересохло.

— Какъ ты думаешь, Оливеръ, откуда этотъ джентльменъ явился? съ усмѣшкой спросилъ еврей, пока мальчики доставали изъ шкафа водку.

— Н... не знаю, сэръ.

— Это кто? бросивъ презрительный взглядъ на Оливера, освѣдомился Томъ Читлингъ.

— Одинъ изъ моихъ маленькихъ друзей, отвѣчалъ еврей.

— Счастливчикъ же онъ, сказалъ Томъ Читлингъ, выразительно взглянувъ на Феджина.—Нѣтъ нужды, молодецъ, откуда я пришелъ, ты все равно скоро найдешь туда дорогу и самъ, бьюсь объ закладъ хоть на крону!

Мальчики разсмѣялись этой шуткѣ. Было высказано еще нѣсколько шутливыхъ замѣчаній насчетъ Оливера, затѣмъ мальчики пошептались съ Феджиномъ и ушли.

Переговоривъ о чемъ-то между собою по секрету, гость и Феджинъ помѣстились у камина; послѣдній пригласилъ и Оливера сѣсть съ ними и повелъ разговоръ о предметахъ, которые, по его мнѣнію, были самыми интересными для слушателей. Онъ говорилъ о выгодахъ и преимуществахъ ихъ промысла, объ искусствѣ Пройдохи, привлекательности Чарльза Бетса и о своей собственной щедрости. Наконецъ, эти предметы были до конца исчерпаны, м-ръ Читлингъ тоже казался въ конецъ измученнымъ, потому что пребываніе въ смирительномъ домѣ оказывается утомительнымъ послѣ недѣли-другой, миссъ Бетси поспѣшила удалиться, и всѣ разошлись на покой.

Съ этого времени Оливера рѣдко оставляли одного; онъ постоянно былъ въ обществѣ двухъ мальчиковъ, которые ежедневно играли съ евреемъ въ его любимую игру; для ихъ ли усовершенствованія это дѣлалось, или для Оливера—про то вѣдалъ мистеръ Феджинъ.

По временамъ старикъ разсказывалъ имъ о разныхъ воровскихъ продѣлкахъ, совершенныхъ имъ въ дни молодости. Эти разсказы были такъ забавны и занимательны, что Оливеръ подчасъ не могъ удержаться отъ смѣха и слушалъ ихъ съ интересомъ, хотя всѣ его лучшія чувства и возмущались.

Однимъ словомъ, хитрый еврей затягивалъ мальчика въ свои сѣти. Тоскливымъ одиночнымъ заключеніемъ онъ довелъ его до того, что тотъ радъ былъ всякому обществу, лишь бы не оставаться одному со своими печальными мыслями въ этомъ страшномъ домѣ, и подготовивъ такимъ образомъ благопріятную почву, сталъ вливать въ его душу медленный ядъ, которымъ надѣялся очернить и осквернить ее навсегда.

ГЛАВА XIX.

Какъ обсуждался одинъ замѣчательный планъ, и какъ рѣшено было привести его въ исполненіе.

Въ одинъ холодный, сырой, вѣтряный вечеръ еврей вышелъ изъ своей берлоги, плотно закутавъ въ теплый плащъ свое старческое тѣло и поднявъ воротникъ до самыхъ ушей, чтобъ скрыть нижнюю часть лица. Онъ остановился у дверей, прислушался, какъ мальчики закладывали цѣпь и запирали засовы, и только тогда, когда шумъ ихъ удаляющихся шаговъ замеръ въ отдаленіи, шмыгнулъ на улицу.

Домъ, гдѣ томился въ заключеніи Оливеръ, находился по близости Уайтчапеля. На перекресткѣ еврей остановился, и бросивъ подозрительный взглядъ вокругъ, перебѣжалъ черезъ улицу и пошелъ по направленію къ Спитальфильдсу.

Улицы были покрыты толстымъ слоемъ грязи, черная мгла повисла въ воздухѣ, сѣялъ мелкій дождикъ, холодными и скользкими представлялись всѣ предметы. Этотъ вечеръ будто нарочно былъ созданъ для прогулокъ такихъ созданій, какъ Феджинъ. Когда отвратительный старикъ пробирался по улицѣ, укрываясь въ тѣни домовъ, онъ былъ похожъ на гадкое пресмыкающееся, исчадіе окружающаго мрака и грязи, которое выползло ночью изъ своей норы на поиски какой-нибудь тучной падали себѣ на пищу.

Когда онъ по разнымъ извилистымъ узкимъ переулкамъ достигъ Бэтна-Грина, то вдругъ круто повернулъ налѣво и углубился въ лабиринтъ жалкихъ грязныхъ улицъ, которыми изобилуетъ эта густонаселенная часть столицы. Онъ, очевидно, былъ прекрасно знакомъ съ мѣстностью, по которой проходилъ, такъ какъ, несмотря на темноту ночи и запутанную дорогу, увѣренно и быстро подвигался впередъ. Миновавъ множество переулковъ и кривыхъ улицъ, онъ остановился, наконецъ, въ одной, которая освѣщалась единственнымъ фонаремъ на самомъ дальнемъ концѣ. Онъ постучался у дверей одного дома и обмѣнявшись нѣсколькими словами съ тѣмъ, кто отворилъ ему, вошелъ по лѣстницѣ вверхъ.

Когда онъ взялся за ручку двери, послышалось ворчанье собаки, и мужской голосъ спросилъ: „Кто тамъ?"

— Это я, Биль, это я, мой другъ, сказалъ еврей, заглядывая въ комнату.

— Ну, такъ входи же, нечего торчать на порогѣ, обратился къ нему Сайксъ.—Лежи, глупый песъ! Развѣ ты не узналъ чорта, потому что онъ надѣлъ плащъ?

Собака, казалось, дѣйствительно, введена была въ заблужденіе верхнимъ платьемъ Феджина; когда тотъ разстегнулъ его и сбросилъ на спинку стула, она вернулась въ свой уголъ, помахивая хвостомъ, чтобъ выразить, что она довольна, насколько могла быть довольна по своей угрюмой натурѣ.

— Здорово! проговорилъ Сайксъ.

— Здравствуйте, отвѣчалъ еврей.—Ахъ, Нанси!

Послѣднее восклицаніе гость произнесъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, какъ будто боялся, какой пріемъ ему окажутъ: мистеръ Феджинъ не встрѣчался со своей молоденькой пріятельницей съ того дня, когда она заступилась за Оливера.

Но если у него и были какія сомнѣнія на этотъ счетъ, они были разсѣяны привѣтливымъ обращеніемъ молодой особы. Она сняла ноги съ каминной рѣшетки, отодвинула свой стулъ и пригласила Феджина сѣсть поближе къ огню.

— Холодно, Нанси, проговорилъ еврей, грѣя у камина свои худыя руки и притронувшись къ лѣвому боку, прибавилъ: холодъ какъ будто насквозь пронизываетъ, до самаго сердца.

— До твоего-то сердца развѣ можно добраться! замѣтилъ Сайксъ.—Дай ему водки, Нанси, да поскорѣе, чортъ меня побери! Просто тошно смотрѣть, какъ этотъ старый Кощей щелкаетъ зубами, точно отвратительное привидѣніе, вставшее изъ могилы.

Нанси поспѣшно достала изъ шкафика бутылку, тамъ ихъ было не мало, и всѣ, повидимому, съ крѣпкими напитками разныхъ сортовъ. Сайксъ налилъ еврею стаканъ водки.

— Премного доволенъ, благодарствуйте, произнесъ еврей, ставя обратно стаканъ, въ которомъ едва омочилъ губы.

— Гм! ты, кажется, боишься, что мы съ тобой вздумаемъ раздѣлаться, промолвилъ Сайксъ, пристально взглянувъ на еврея.

И пренебрежительно фыркнувъ, м-ръ Сайксъ схватилъ стаканъ, выплеснулъ оттуда оставшуюся водку въ золу и снова налилъ его для себя.

Пока хозяинъ опрокидывалъ себѣ въ горло второй стаканъ, гость окинулъ комнату бѣглымъ взглядомъ, не изъ любопытства—онъ видѣлъ ее не въ первый разъ, а по свойственной ему подозрительности и недовѣрчивости.

Обстановка комнаты была самая бѣдная, и только содержимое шкафа внушало мысль, что обитатель ея не принадлежитъ къ рабочему классу; никакихъ подозрительныхъ предметовъ въ ней не было, кромѣ двухъ-трехъ тяжелыхъ дубинъ въ углу, да висѣвшаго надъ каминомъ кистеня.

— Ну вотъ, я и готовъ, проговорилъ Сайксъ, чмокнувъ губами.

— Къ дѣлу? спросилъ еврей.

— Къ дѣлу! Говори, зачѣмъ пришелъ.

— Насчетъ домика въ Чертси, Биль? шепотомъ проговорилъ еврей, подвигаясь со своимъ стуломъ ближе къ Сайксу.

— Ну, такъ что жъ ты скажешь о немъ?

— Ахъ, ты знаешь, миленькій, что я подразумѣваю! Неправда ли, Нанси, онъ знаетъ, что я подразумѣваю?

— Нѣтъ, не знаетъ, усмѣхнулся Сайксъ, или не хочетъ

знать, что въ сущности одно и то же. Говори прямо и называй вещи ихъ именами. Что ты здѣсь мигаешь и моргаешь, дѣлаешь мнѣ какіе-то намеки, какъ будто не ты первый придумалъ обокрасть этотъ домъ. Ну, говори же!

— Тс, Биль, тс! напрасно пытался Феджинъ остановить расходившагo Сайкса.—Кто нибудь можетъ насъ услышать, миленькій, кто нибудь можетъ услышать.

— Пусть слушаютъ, мнѣ все равно, произнесъ Сайксъ, но такъ какъ какъ ему было вовсе не все равно, то онъ сказалъ это значительно понизивъ голосъ и сталъ гораздо тише.

— Ну, вотъ, давно бы такъ! Я вѣдь только изъ осторожности это дѣлаю, ради тебя же, примирительнымъ тономъ проговорилъ еврей.—Ну, такъ какъ же, миленькій, на счетъ этого домика въ Чертси? Когда же, Биль? Когда же это будетъ сдѣлано? Какое серебро, ахъ, какое тамъ серебро! еврей потеръ себѣ руки и высоко поднялъ брови въ восторженномъ предвкушеніи славной поживы.

— Никогда, хладнокровно отвѣчалъ Сайксъ.

— Этого никогда не будетъ? изумился еврей, откидываясь на спинку стула.

— Да, вовсе не будетъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ сдѣлано то, чего мы ждали.

— Значитъ, не умѣли взяться, какъ надо, прошипѣлъ еврей, блѣдный отъ гнѣва.—Что? не говори мнѣ ни слова больше! и слушать не хочу!

— А я всетаки буду говорить! Кто далъ тебѣ право приказывать мнѣ молчать? Говорю тебѣ, что Тоби Крекитъ двѣ недѣли торчалъ и не могъ склонить ни одного изъ слугъ.

— Ты хочешь сказать мнѣ, Биль, что нельзя было подговорить ни одного изъ мужчинъ, проговорилъ еврей постепенно стихая, по мѣрѣ того, какъ его собесѣдникъ разгорячался.

— Да, я именно это хочу сказать. Оба служатъ у старухи ужъ двадцать лѣтъ, и хоть ты ихъ озолоти, они не пойдутъ къ тебѣ.

— Но не хочешь же ты сказать, миленькій, что и женщинъ нельзя было склонить? возразилъ еврей.

— Ни-ни-ни!

— Даже такому франту, какъ Тоби Крекитъ? недовѣрчиво проговорилъ еврей. Ты вѣдь знаешь, что такое женщины, Биль!

— Даже и такому франту, какъ Тоби Крекитъ, ничего не удалось, отвѣчалъ Сайксъ.—Онъ говоритъ, что щеголялъ тамъ все время въ накладныхъ бакенбардахъ и канареечномъ жилетѣ, но все напрасно.

— Ему бы слѣдовало нацѣпить усы и военныя брюки.

— Онъ пробовалъ и ихъ, но и отъ нихъ тоже никакого толку не вышло, возразилъ Сайксъ.

Еврей видимо смутился. Уткнувшись подбородкомъ въ грудь, онъ нѣсколько минутъ размышлялъ, потомъ поднялъ голову

и съ глубокимъ вздохомъ сказалъ, что если донесенія франта Тоби вѣрны, то дѣло плохо.

— И какъ это досадно, миленькій, потерпѣть такое пораженіе, когда мы такъ раззадорились, закончилъ старикъ, уронивъ руки на колѣни.

— Да, неудача, произнесъ м-ръ Сайксъ.

Послѣдовало долгое молчаніе. Еврей погрузился въ глубокія размышленія, насупился, отчего его лицо приняло гнусное, совершенно сатанинское выраженіе. Сайксъ украдкой бросалъ на него время отъ времени пытливые взоры. Нанси, повидимому, боявшаяся разгнѣвать разбойника, сидѣла молча, устремивъ глаза на огонь, точно была глуха ко всему происходящему.

— Феджинъ,—внезапно прервалъ молчаніе Сайксъ,—накинешь ли полсотни золотыхъ, если успѣемъ ловко проникнуть въ домъ старухи?

— Да, отвѣтилъ еврей, моментально выходя изъ задумчивости.

— Ты отъ своего слова не отступишь?

— Хорошо, хорошо, миленькій. Глаза еврея блестѣли, каждый мускулъ лица дрожалъ отъ волненія и любопытства.

— Ну такъ назначай любое время, проговорилъ Сайксъ, съ отвращеніемъ отталкивая отъ себя руку, протянутую Феджиномъ. Позапрошлую ночь мы съ Тоби перелѣзали въ садъ и пробовали двери и ставни; домъ запирается на ночь, какъ тюрьма, но есть одно мѣстечко, откуда мы можемъ безопасно въ него забраться.

— Откуда же это? съ жаднымъ любопытствомъ спросилъ еврей.

— А вотъ какъ перейдешь лужайку... зашепталъ Сайксъ.

— Ну, ну! торопилъ его еврей, вытягивая впередъ голову, глаза его готовы были выскочить изъ орбитъ.

— Гм! Сайксъ внезапно умолкъ, потому что Нанси вдругъ обернулась къ нему и едва уловимымъ жестомъ головы указала на лицо еврея.—Да не твое дѣло, въ какомъ именно мѣстѣ! Обойтись въ этомъ случаѣ безъ меня ты не можешь, а все лучше принять предосторожности, когда имѣешь дѣло съ тобою.

— Какъ хочешь, какъ хочешь, миленькій... И никого не надо вамъ въ помощь? довольно тебя и Тоби?

— Не требуется намъ ничего, кромѣ коловорота и мальчика на подмогу. Первый у насъ есть, а второго ты намъ предоставь.

— Мальчика? Значитъ, придется пролѣзать въ узкое отверстіе? воскликнулъ еврей.

— Не твое это дѣло, намъ нуженъ мальчикъ, и чтобъ былъ не грузный.

— Жаль, что мнѣ нельзя воспользоваться мальчикомъ Нэда,

трубочиста,—размышлялъ про себя м-ръ Сайксъ,—онъ нарочно не давалъ ему расти и отдавалъ его на прокатъ для такихъ случаевъ. Но когда отца засадили, Общество малолѣтнихъ преступниковъ вмѣшалось, оторвало мальчика отъ ремесла, которымъ онъ заработывалъ деньги; обучаютъ его теперь читать и писать, а со временемъ опредѣлятъ въ подмастерья. Такъ они дѣлаютъ не съ нимъ первымъ,—продолжалъ съ возрастающимъ гнѣвомъ м-ръ Сайксъ,—такъ они постоянно поступаютъ, и еслибъ у нихъ было достаточно средствъ (еще счастье, что у нихъ денегъ мало!), черезъ годъ-другой не осталось бы ни одного мальчишки въ нашемъ распоряженіи.

— Да, не осталось бы,—согласился еврей, который все время сидѣлъ задумавшись и слышалъ только послѣднее замѣчаніе.— Биль!

— Чего тебѣ? отозвался Сайксъ.

Еврей кивнулъ головой на Нанси, сидѣвшую по прежнему у камина, устремивъ глаза на огонь, и знакомъ показалъ, что просилъ бы удалить ее изъ комнаты. Сайксъ нетерпѣливо передернулъ плечами, въ знакъ того, что считаетъ эту предосторожность излишней, но тѣмъ не менѣе обратился къ Нанси съ просьбой сходить за пивомъ.

— Вамъ вовсе не нужно пива, откликнулась Нанси, спокойно складывая руки и оставаясь сидѣть на мѣстѣ.

— Говорятъ тебѣ, я хочу пива! повторилъ Сайксъ.

— Вздоръ! хладнокровно возразила она. Говори дальше, Феджинъ! Я знаю, Биль, что онъ хочетъ сказать, пусть не обращаетъ на меня вниманія.

Еврей всетаки колебался. Сайксъ съ удивленіемъ смотрѣлъ то на него, то на дѣвушку.

— Отчего тебѣ не говорить при старой знакомкѣ, Феджинъ? спросилъ онъ, наконецъ. Ты такъ давно ее знаешь, что можешь ей вѣрить, чортъ тебя подери! Она не проболтается, не изъ такихъ она, вѣрно, Нанси?

— Ну еще бы! отозвалась дѣвушка, придвигая свой стулъ къ столу и облокачиваясь на него.

— Да, да, миленькая, я знаю, что ты не такая, но... И старый еврей опять остановился.

— Но что же? спросилъ Сайксъ.

— Боюсь я, миленькій, какъ бы она опять не вышла изъ себя, какъ, помнишь, въ тотъ вечеръ...

При этомъ признаніи миссъ Нанси громко захохотала и, проглотивъ стаканъ водки, съ вызывающимъ видомъ произнесла нѣсколько проклятій. Повидимому, это совершенно успокоило обоихъ собесѣдниковъ, потому что еврей съ довольнымъ видомъ кивнулъ головой и снова усѣлся. Такъ сдѣлалъ и Сайксъ.

— Ну, Феджинъ, теперь скажи же, наконецъ, Билю объ Оливерѣ! со смѣхомъ проговорила Нанси.

— Ахъ, какая ты догадливая, милочка; умнѣй дѣвушки я

никогда еще не встрѣчалъ, замѣтилъ еврей, трепля ее по шеѣ. Да, именно объ Оливерѣ я и хотѣлъ говорить. Ха-ха-ха!

— Что жъ ты про него хотѣлъ сказать? спросилъ Сайксъ.

— Онъ какъ разъ такой мальчикъ, какой вамъ нуженъ, хриплымъ шепотомъ отвѣчалъ еврей, приложивъ къ носу палецъ и страшно усмѣхаясь.

— Оливеръ? вскричалъ Сайксъ.

— Возьми его, Биль, сказала Нанси. На твоемъ мѣстѣ я бы его взяла. Онъ, можетъ быть, не такъ искусенъ, какъ другіе, да этого тебѣ и не требуется, тебѣ нужно только, чтобъ онъ отворилъ вамъ. Повѣрь, съ нимъ вы въ безопасности.

— Да, я думаю тоже, присоединился къ ней Феджинъ. Эти послѣднія недѣли его хорошо вышколили и пора ему наконецъ заработывать себѣ хлѣбъ, да, кромѣ того, всѣ остальные слишкомъ велики.

— Ростомъ онъ именно такой, какъ мнѣ нужно, въ раздумьи произнесъ Сайксъ.

— И сдѣлаетъ все, что ты отъ него потребуешь, милый Биль,—вставилъ еврей,—не устоитъ онъ, только припугни его хорошенько.

— Припугнуть? переспросилъ Сайксъ. — Только помни, Феджинъ, съ этимъ запугиваньемъ я не комедію играть буду, а поведу дѣло въ серьезъ. Если замѣчу что-нибудь подозрительное въ его поведеніи, когда мы отправимся на работу, не видать тебѣ его больше живымъ. Подумай объ этомъ, Феджинъ, прежде чѣмъ посылать его, запомни мои слова! Разбойникъ при этомъ взмахнулъ ломомъ, который вытащилъ изъ подъ кровати.

— Я обо всемъ подумалъ, рѣшительно сказалъ еврей. Я, миленькіе мои, слѣжу за нимъ, слѣжу пристально. Надо только разъ дать ему почувствовать, что онъ сталъ нашимъ, запечатлѣть въ его мозгу мысль, что онъ воровалъ, и онъ станетъ тогда нашъ, нашъ навсегда. Э, теперь самый подходящій случай, лучше не могло сложиться!—Старикъ скрестилъ на груди руки, поднялъ плечи до ушей, онъ буквально трепеталъ отъ радости.

— Нашъ? Ты хочешь сказать твой! поправилъ его Сайксъ.

— Пожалуй и такъ, миленькій. Пусть онъ мой, если тебѣ угодно, съ рѣзкимъ смѣхомъ проговорилъ еврей.

— Отчего это ты такъ хлопочешь объ этомъ чахломъ мальчишкѣ, блѣдномъ, какъ стѣнка, когда сотни ребятъ слоняются каждую ночь въ Ковентъ-Гарденѣ, и ты можешь выбрать себѣ любого? спросилъ Сайксъ, свирѣпо покосившись на своего почтеннаго собесѣдника.

— Отъ тѣхъ мнѣ не будетъ пользы, ихъ не стоитъ брать, съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣчалъ еврей.—Тѣхъ по виду узнаютъ съ перваго взгляда, когда они попадутъ въ бѣду, и я все равно ихъ потеряю, а съ этимъ, если за него хорошо

взяться, я сдѣлаю больше, чѣмъ съ двадцатью другими.—Феджинъ вполнѣ овладѣлъ собою и продолжалъ болѣе увѣренно: къ тому же мы всѣ теперь у него въ рукахъ, если ему опять удастся задать тягу; слѣдовательно онъ волей-неволей долженъ быть съ нами заодно. Какъ это случится—все равно, достаточно, чтобъ онъ былъ замѣшанъ въ грабежѣ, это все, что мнѣ надо, тогда онъ въ моей власти. Это куда лучше, чѣмъ инымъ способомъ убрать съ нашей дороги этого бѣднаго мальчугана; оно и опасно, да и потерять его будетъ жаль.

— Когда вы отправитесь на работу? спросила Нанси, перебивая Сайкса, съ устъ котораго готовъ былъ слетѣть бурный протестъ, какъ выраженіе отвращенія къ нѣжнымъ чувствамъ, которыя напускалъ на себя Феджинъ.

— Правда, когда же вы пойдете на работу, Биль? подхватилъ еврей.

— Я уговорился съ Тоби на послѣзавтра въ ночь, если онъ до тѣхъ поръ не получитъ отъ меня другихъ распоряженій, угрюмо отвѣчалъ Сайксъ.

— Хорошо, теперь ночи безлунныя, сказалъ еврей.

— Да, луны нѣтъ, подтвердилъ Сайксъ.

— А у васъ все приготовлено, чтобъ унести добычу?

Сайксъ кивнулъ головой.

— А насчетъ...

— О, все обдумано, прервалъ его Сайксъ. Не заботься ни о чемъ, только приведи мальчика завтра къ вечеру, я отправлюсь черезъ часъ послѣ разсвѣта. А потомъ тебѣ только и дѣла: держать языкъ на привязи, да чтобъ былъ на готовѣ плавильный горшокъ.

Послѣ нѣкотораго спора, въ которомъ всѣ трое приняли живѣйшее участіе, было рѣшено, что на слѣдующій день при наступленіи ночи Нанси придетъ къ еврею и уведетъ съ собою Оливера. Феджинъ выставилъ такой хитрый доводъ, что если Оливеръ заупрямится, онъ всего охотнѣе пойдетъ съ дѣвушкой, которая недавно за него вступилась. Было условлено, что бѣдняжка Оливеръ для предполагаемой экспедиціи всецѣло предоставляется попеченію и усмотрѣнію мистера Вильяма Сайкса, и что сказанный Сайксъ можетъ дѣлать съ нимъ, что хочетъ и не будетъ отвѣчать еврею, въ случаѣ если какое нибудь несчастіе или непріятность постигнетъ мальчика, и можетъ подвергнуть его всякому наказанію, которое сочтетъ нужнымъ. Относительно послѣдняго пункта договора было постановлено, для пущей вѣрности, что всѣ доводы, которые приведетъ въ свою пользу м-ръ Сайксъ, должны быть подтверждены во всѣхъ главнѣйшихъ подробностяхъ свидѣтельствомъ Тоби Крекита.

По окончаніи переговоровъ м-ръ Сайксъ, выпившій неимовѣрно много водки, сталъ яростно размахивать ломомъ, выкрикивать дикимъ голосомъ обрывки разныхъ пѣсенъ въ пере-

межку съ ужасными ругательствами. Въ концѣ концовъ онъ принялся хвастать своими талантами и вызвался показать ящикъ со своими инструментами для взлома. Спотыкаясь на каждомъ шагу, онъ втащилъ его въ комнату, но едва успѣлъ его раскрыть, съ цѣлью объяснить свойства и употребленіе заключающихся въ немъ разныхъ приспособленій, какъ свалился на полъ и тутъ же уснулъ.

— Покойной ночи, Нанси! проговорилъ еврей, закутываясь такъ же тщательно, какъ и раньше.

— Покойной ночи!

Глаза ихъ встрѣтились, и еврей пронизалъ ее испытующимъ взглядомъ. Да, на нее можно было вполнѣ положиться, она была такъ же горячо предана дѣлу, какъ и самъ Тоби Крекитъ!

Еврей еще разъ пожелалъ ей доброй ночи и воспользовавшись тѣмъ моментомъ, когда она повернулась къ нему спиной, далъ легкій пинокъ ногой распростертому на полу мистеру Сайксу, а затѣмъ прокрался на улицу.

— Всегда съ ними одна и та же исторія, бормоталъ онъ про себя, когда шелъ домой. Хуже всего въ этихъ женщинахъ то, что самый ничтожный пустякъ вызываетъ въ нихъ давно забытыя чувства, а самое лучшее то, что это никогда долго не тянется. Ха-ха-ха! Мужчина противъ ребенка за мѣшокъ золота!

Сокращая себѣ путь такими пріятными размышленіями, м-ръ Феджинъ медленно плелся по грязи и лужамъ и, наконецъ, добрался до своего мрачнаго жилища, гдѣ Пройдоха нетерпѣливо поджидалъ его возвращенія.

— Мнѣ надо поговорить съ Оливеромъ, онъ спитъ? былъ первый вопросъ еврея, когда онъ взошелъ въ домъ.

— Давно ужъ спитъ, отвѣчалъ Пройдоха, растворяя дверь. Вотъ онъ.

Оливеръ спалъ крѣпкимъ сномъ на полу на грубой постели. Отъ долгаго заключенія взаперти, отъ тревогъ и горя онъ былъ такъ блѣденъ, что походилъ на мертвеца, но не на того мертвеца, какого мы видимъ въ саванѣ въ гробу, а на того, какимъ онъ бываетъ, когда жизнь только что отлетѣла отъ тѣла, когда юная, нѣжная душа только что унеслась къ Престолу Всевышняго, и грубый воздухъ земли не успѣлъ еще коснуться своимъ тлетворнымъ дыханіемъ праха, который она освящала.

— Нѣтъ, не теперь,—сказалъ еврей, тихонько отступая. Завтра... Завтра.

Оливеръ спалъ крѣпкимъ сномъ на полу на грубой постели.

ГЛАВА XX.

Оливера сдаютъ мистеру Вильяму Сайксу.

Проснувшись на слѣдующее утро, Оливеръ очень удивился, найдя у своей постели новую пару башмаковъ съ крѣпкими толстыми подошвами, вмѣсто прежнихъ, старыхъ. Сначала эта находка обрадовала его, какъ предвѣстіе освобожденія.

Но вскорѣ онъ былъ выведенъ изъ заблужденія. За завтракомъ еврей объявилъ ему (такимъ тономъ, отъ котораго онъ еще сильнѣе встревожился), что его вечеромъ отведутъ на квартиру Биля Сайкса.

— И... и я тамъ останусь, сэръ? съ безпокойствомъ спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, миленькій, ты тамъ не останешься, мы не хотимъ тебя лишиться. Не бойся, Оливеръ, ты опять къ намъ вернешься. Ха-ха-ха! Мы не будемъ такъ жестоки, чтобъ отправить тебя навсегда отъ насъ; о нѣтъ, нѣтъ, миленькій!

При этой насмѣшкѣ старикъ, поджаривавшій въ эту минуту на очагѣ хлѣбъ, обернулся къ Оливеру и захохоталъ, чтобъ

показать, что онъ хорошо знаетъ, какъ радъ бы былъ Оливеръ отъ нихъ вырваться, еслибъ могъ.

— Тебѣ, я думаю, хотѣлось бы узнать, для чего ты отправляешься къ Билю? проговорилъ еврей, пристальнона него глядя.

Оливеръ невольно покраснѣлъ; старый мошенникъ прочелъ его мысли. Онъ признался, что ему дѣйствительно, хотѣлось бы знать...

— А какъ ты думаешь, зачѣмъ? предупредилъ его вопросъ Феджинъ.

— Право, не знаю, сэръ.

— Эге! подожди, пока Биль тебѣ самъ скажетъ,—проговорилъ еврей, съ недовольнымъ видомъ отворачиваясь отъ него послѣ долгаго и внимательнаго изученія его лица.

Старика, повидимому, сильно обезпокоило, что Оливеръ не выразилъ особеннаго любопытства по поводу сообщеннаго ему извѣстія. Въ дѣйствительности же мальчикъ очень встревожился и не задалъ дальнѣйшихъ вопросовъ только потому, что былъ сильно смущенъ упорными, пронизывающими взглядами Феджина и своими собственными соображеніями. Въ теченіе дня ему больше не представилось случая распросить Феджина, еврей былъ угрюмъ и безмолвенъ до самаго вечера, когда вдругъ собрался уходить изъ дому.

— Ты можешь зажечь свѣчу и читать вотъ эту книгу, покуда за тобой не придутъ, сказалъ еврей, поставивъ на столъ свѣчку. Прощай.

— Прощайте, тихо молвилъ Оливеръ.

Еврей пошелъ къ дверямъ, оглядываясь черезъ плечо на мальчика; потомъ вдругъ остановился и окликнулъ его. Оливеръ посмотрѣлъ на него. Еврей знакомъ приказалъ зажечь свѣчу. Онъ сдѣлалъ это. Поставивъ подсвѣчникъ обратно на столъ, онъ замѣтилъ, что еврей изъ темнаго угла пристально глядитъ на него изъ подъ нависшихъ насупленныхъ бровей.

— Берегись, Оливеръ, берегись! проговорилъ онъ, грозя ему рукой. Сайксъ жестокій человѣкъ, и ему нипочемъ пролить кровь, когда онъ разгорячится. Что бы ни случилось, молчи и дѣлай, что онъ велитъ. Помни.

Онъ сдѣлалъ сильное удареніе на послѣднемъ словѣ, и зловѣщая усмѣшка пробѣжала по его лицу. Затѣмъ онъ кивнулъ ему головою и вышелъ изъ комнаты.

Когда старикъ исчезъ, Оливеръ опустилъ голову на руки и сталъ съ тревогой размышлять о только что слышанномъ. Чѣмъ больше онъ думалъ о прощальномъ напутствіи еврея, тѣмъ труднѣе было ему угадать истинную его цѣль и значеніе. Онъ никакъ не могъ придумать, для какой цѣли его понадобилось отослать къ Сайксу, отчего нельзя было ее достигнуть, еслибъ онъ продолжалъ находиться у еврея? Послѣ долгихъ размышленій онъ остановился на догадкѣ, что раз-

бойникъ выбралъ его себѣ для домашнихъ услугъ, пока не найдется другой, болѣе подходящій для этой службы мальчикъ.

Онъ такъ привыкъ страдать и такъ много выстрадалъ послѣднее время, что новую перемѣну судьбы своей не въ силахъ уже былъ оплакивать. Нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ въ задумчивости, потомъ тяжело вздохнулъ, снялъ со свѣчи и взявъ оставленную евреемъ книгу началъ читать.

Сначала онъ небрежною рукой переворачивалъ страницы, но наткнувшись на одно мѣсто, возбудившее его вниманіе, скоро съ интересомъ углубился въ книгу. То была исторія знаменитыхъ преступниковъ; страницы были замуслены отъ частаго употребленія и носили слѣды пальцевъ. Оливеръ читалъ тутъ о страшныхъ злодѣяніяхъ, отъ которыхъ кровь застывала въ жилахъ, о тайныхъ убійствахъ, совершенныхъ на глухихъ дорогахъ, о трупахъ, скрытыхъ отъ людскихъ глазъ въ глубокихъ колодцахъ и ямахъ, откуда они въ концѣ концовъ всетаки появлялись на свѣтъ Божій спустя много лѣтъ и своимъ видомъ такъ устрашали убійцъ, что тѣ сходили съ ума, сознавались въ своихъ преступленіяхъ и молили послать ихъ на висѣлицу, чтобъ положить конецъ ихъ мученіямъ. Онъ читалъ тутъ о людяхъ, которыхъ въ глухую ночь, когда они лежали въ своихъ постеляхъ, постигали страшныя искушенія (какъ они потомъ разсказывали), и злыя мысли подстрекали ихъ на такія кровавыя убійства, что при одной мысли о нихъ духъ замиралъ, руки и ноги отнимались. Ужасныя описанія были такъ живы, такъ натуральны, что страницы книги казались Оливеру красны отъ запекшейся крови, а слова ея отзывались въ его ушахъ точно глухой шепотъ умерщвленныхъ жертвъ.

Оливеръ въ ужасѣ захлопнулъ книгу и отшвырнулъ ее отъ себя. Затѣмъ онъ упалъ на колѣни и сталъ молиться Богу, чтобъ онъ избавилъ его отъ такихъ дѣяній и лучше сразу отнялъ отъ него жизнь, чѣмъ сохранить его для такихъ страшныхъ преступленій, какъ эти. Мало-по-малу онъ нѣсколько успокоился и тихимъ прерывающимся голосомъ обратился съ молитвой къ Господу, прося его избавить отъ предстоящихъ опасностей и ниспослать помощь бѣдному покинутому мальчику, никогда не знавшему любви родныхъ и друзей, ниспослать ее именно теперь, когда онъ находится одинъ, въ отчаяніи, среди порока и преступленій.

Онъ кончилъ молиться, но все еще стоялъ на колѣняхъ, закрывъ лицо руками, когда легкій шорохъ заставилъ его обернуться.

— Что это? Кто тамъ? вскричалъ онъ, вскочивъ на ноги и замѣтивъ какую-то фигуру у дверей.

— Я... одна я, отвѣчалъ чей-то дрожащій голосъ.

Оливеръ поднялъ кверху свѣчу и взглянулъ въ ту сторону. То была Нанси.

— Отставь свѣчку, мнѣ больно глазамъ, проговорила она, отворачиваясь.

Оливеръ замѣтилъ, что она очень блѣдна, и участливо спросилъ, не больна ли она? Дѣвушка бросилась на стулъ спиною къ нему, заломила руки и не отвѣтила.

— Боже, прости мнѣ! Я никогда объ этомъ не думала! вскричала она черезъ нѣсколько времени.

— Что съ вами случилось? Не могу ли я вамъ помочь? Если это въ моихъ силахъ, я сдѣлаю все. Скажите! упрашивалъ ее Оливеръ.

Она раскачивалась взадъ и впередъ на стулѣ, схватившись рукой за горло, захлебываясь отъ рыданій и дышала съ трудомъ.

— Что съ вами, Нанси? вскричалъ Оливеръ.

Она стала колотить руками по колѣнямъ, бить ногами объ полъ, потомъ вдругъ перестала и плотно закуталась въ шаль, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

Оливеръ поправилъ въ каминѣ огонь. Придвинувъ къ огню стулъ, Нанси нѣсколько времени сидѣла молча, потомъ подняла голову и оглянулась кругомъ.

— Не знаю, что это иногда на меня находитъ, проговорила она, дѣлая видъ, что занята приведеніемъ въ порядокъ своего костюма,—должно быть, отъ этой подлой сырой комнаты... Готовъ ли ты, голубчикъ? пора!

— Я развѣ съ вами пойду?

— Да, я пришла за тобой, пойдемъ со мной къ Билю.

— Зачѣмъ? спросилъ Оливеръ, быстро отступая назадъ.

— Зачѣмъ? точно эхо повторила она, подняла на него глаза, но, встрѣтивъ его взглядъ, опять ихъ отвела въ сторону.

— О, ни для чего дурного!

— Я этому не вѣрю, проговорилъ Оливеръ, пристально за ней наблюдавшій.

— Думай, какъ хочешь, съ притворнымъ смѣхомъ возразила она. Въ такомъ случаѣ ни для чего хорошаго.

Оливеръ успѣлъ замѣтить, что онъ владѣетъ даромъ вызывать въ душѣ этой дѣвушки лучшія чувства, поэтому у него мелькнула было мысль просить ее сжалиться надъ его безпомощнымъ положеніемъ. Но онъ тотчасъ же вспомнилъ, что всего одиннадцать часовъ, что на улицахъ еще много народа, и среди прохожихъ найдутся навѣрно такіе, которые повѣрятъ его словамъ. Въ надеждѣ на это, онъ поспѣшно подошелъ къ Нанси и объявилъ, что готовъ идти. Но его краткое раздумье не укрылось отъ Нанси, она проникла въ его значеніе. Выразительнымъ взглядомъ дала она ему понять, что разгадала его мысли.

— Тс! наклонившись къ нему произнесла дѣвушка, указывая пальцемъ на дверь и осторожно оглядываясь кругомъ. Ты себѣ не поможешь. Я просила за тебя, но напрасно. Тебя кру-

томъ сторожатъ. Можетъ быть, тебѣ удастся со временемъ отъ нихъ вырваться, но во всякомъ случаѣ не теперь.

Пораженный ея рѣшительнымъ тономъ, Оливеръ съ удивленіемъ взглянулъ ей въ лицо. Ему показалось, что она не лжетъ; лицо ея было блѣдно и взволновано, она вся дрожала отъ волненія.

— Разъ я спасла тебя, когда тебя хотѣли бить, и еще спасу, и теперь спасаю, громко продолжала она.—Еслибъ я не пошла за тобой, послали бы другихъ, которые обошлись бы съ тобой болѣе жестоко, чѣмъ я. Я обѣщала, что ты спокойно пойдешь и будешь молчать, и если ты не сдѣлаешь этого, то только повредишь себѣ и мнѣ, и, можетъ быть, будешь причиною моей смерти. Посмотри, сколько уже я изъ за тебя перенесла, видитъ Богъ, это все изъ за тебя!

Она указала на синяки и багровые рубцы, покрывавшіе ея шею и руки, и быстро прибавила: „Помни это и не заставляй меня еще больше вытерпѣть. Я помогла бы тебѣ, но это пока не въ моей власти. Тебѣ они не хотятъ сдѣлать зла, а что они заставятъ тебя сдѣлать, это не твоя вина. Тс! Каждое твое слово отзовется на мнѣ ударомъ. Дай мнѣ руку. Скорѣе!

Она схватила руку, которую Оливеръ машинально ей протянулъ, задула свѣчу и потащила его за собою на лѣстницу.

Дверь была быстро отперта кѣмъ-то, притаившимся въ темнотѣ, и такъ же быстро за ними заперта. На улицѣ ждала извощичья карета. Съ тою же стремительностью, съ какою она вела разговоръ съ Оливеромъ, Нанси вмѣстѣ съ нимъ вскочила въ карету и спустила занавѣски. Кучеръ, не спрашивая, куда ѣхать, немедленно ударилъ по лошадямъ и пустилъ ихъ полной рысью.

Дѣвушка продолжала крѣпко держать Оливера за руку и повторять ему на ухо прежнія увѣщанія и утѣшенія. Все совершилось такъ быстро, такъ внезапно, что Оливеръ не успѣлъ опомниться, не успѣлъ сообразить, гдѣ онъ очутился, какъ карета уже остановилась у того дома, куда наканунѣ вечеромъ ходилъ еврей.

Была такая минута, когда Оливеръ успѣлъ окинуть взглядомъ пустую улицу, и крикъ о помощи готовъ былъ слетѣть съ его устъ. Но въ его ушахъ звучалъ голосъ дѣвушки, съ такимъ отчаяніемъ умолявшей вспомнить о ней, что у него языкъ не повернулся.

Такъ онъ упустилъ удобный случай: въ слѣдующее мгновеніе онъ былъ уже въ домѣ, и за нимъ захлопнулась дверь.

— Сюда, сказала дѣвушка, впервые за все время выпуская его руку. Билль!

— Я! откликнулся Сайксъ, показываясь наверху лѣстницы со свѣчей въ рукахъ.—Вы не замѣшкались. Войдите!

Со стороны человѣка такого нрава, какъ м-ръ Сайксъ, это было необыкновенно любезное привѣтствіе и выраженіе его

полнаго одобренія; это доставило Нанси чрезвычайное удовольствіе, и она нѣжно поздоровалась съ разбойникомъ.

— Волчка увелъ Томъ; онъ мѣшалъ бы только, замѣтилъ Сайксъ, освѣщая имъ путь.

— Это вѣрно, сказала Нанси.

— Итакъ, ты привела мальчика, проговорилъ Сайксъ, когда они вошли въ комнату и дверь была заперта.

— Видишь, привела.

— Онъ былъ спокоенъ дорогой?

— Какъ ягненокъ.

— Очень пріятно слышать, ради него же самого, а то досталось бы его косточкамъ, замѣтилъ Сайксъ, свирѣпо взглянувъ на Оливера. Поди сюда, молодчикъ, я тебѣ намѣренъ прочитать наставленіе на первый разъ.

Послѣ такого вступленія, м-ръ Сайксъ сорвалъ шапку съ головы своего новаго питомца и зашвырнулъ ее въ уголъ, затѣмъ, взявъ его за плечо, поставилъ передъ собою, а самъ сѣлъ за столъ.

— Во первыхъ, знаешь ли ты, что ѐто за штука? спросилъ Сайксъ, взявъ лежащій на столѣ карманный пистолетъ.

Оливеръ отвѣчалъ утвердительно.

— Теперь взгляни сюда. Вотъ порохъ, вотъ пуля, вотъ кусочекъ старой шапки для пыжа. Видишь?

Оливеръ пробормоталъ, что видитъ. М-ръ Сайксъ съ величайшей аккуратностью и хладнокровіемъ принялся заряжать пистолетъ.

— Теперь онъ заряженъ, произнесъ разбойникъ, окончивъ операцію.

— Я вижу, сэръ.

Разбойникъ, схвативъ его за руку, приложилъ дуло пистолета къ его виску. Оливеръ не могъ подавить невольной дрожи.

— Такъ вотъ: если ты пикнешь хоть слово, когда я поведу тебя съ собой, этотъ зарядъ немедленно угодитъ тебѣ въ голову. Ты можешь отвѣчатьтолько на мои вопросы, если же ты вздумаешь заговорить безъ моего позволенія—напередъ прочитай предсмертную молитву.

Чтобъ усилить впечатлѣніе своихъ словъ, Сайксъ бросилъ на него грозный взглядъ изъ подъ насупленныхъ бровей и продолжалъ.

— Насколько мнѣ извѣстно, у тебя нѣтъ никого, кто бы сталъ о тебѣ справляться, если ты отправишься на тотъ свѣтъ, поэтому мнѣ, по настоящему, нѣтъ никакой надобности съ тобою церемониться, и предупреждаю я тебя ради твоего же добра.

— Или, однимъ словомъ, ты вотъ что хочешь ему сказать, вмѣшалась Нанси, дѣлая нахмуренное лицо и говоря очень выразительно, чтобъ заставить Оливера обратить особенное вниманіе на ея слова;—если онъ будетъ поступать напере-

коръ тебѣ въ томъ дѣлѣ, которое у тебя затѣяно, ты прострѣлишь ему башку, чтобъ не дать ему много разговаривать впослѣдствіи, и возьмешь на себя рискъ быть за это повѣшеннымъ, потому что тебѣ по твоей работѣ чуть не каждый мѣсяцъ приходится брать на себя такой рискъ.

— Славно сказано, одобрительно замѣтилъ м-ръ Сайксъ. Женщины всегда умѣютъ въ немногихъ словахъ объяснить дѣло, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ выходятъ изъ себя, тутъ уже онѣ начинаютъ тянуть канитель. А теперь, когда ему все растолковано, дай намъ поужинать, а потомъ надо соснуть передъ дорогой.

Нанси поспѣшно накрыла на столъ, и исчезнувъ на нѣсколько минутъ, вернулась съ кружкой портера и блюдомъ баранины; это дало поводъ мистеру Сайксу отпустить нѣсколько веселыхъ остротъ, основанныхъ на томъ, что барономъ на воровскомъ языкѣ называется одинъ инструментъ, часто употребляющійся въ ихъ дѣлѣ. Вообще, достойный джентльменъ, быть можетъ, возбужденный тѣмъ, что ему въ скоромъ времени предстояла славная работа, былъ въ прелестномъ расположеніи духа и въ особенномъ ударѣ. Въ доказательство укажемъ на то, что онъ въ шутку залпомъ опорожнилъ всю кружку портера и произнесъ не больше полусотни ругательствъ въ теченіе всего ужина.

Ужинъ кончился (Оливеръ, понятно, не чувствовалъ особеннаго аппетита); м-ръ Сайксъ осушилъ два стакана водки и завалился спать, наказавъ разбудить себя въ пять часовъ, при чемъ посулилъ Нанси разныхъ непріятныхъ вещей, въ случаѣ если она не исполнитъ въ точности его приказанія. По его же распоряженію Оливеръ легъ не раздѣваясь на брошенный на полъ тюфякъ, а Нанси сѣла у камина, чтобы поддерживать огонь и быть наготовѣ къ назначенному часу.

Оливеръ долго не засыпалъ, въ надеждѣ, что Нанси улучитъ минутку шепнуть ему еще какой нибудь совѣтъ, но та все сидѣла неподвижно у камина, изрѣдка поправляя огонь, такъ что онъ, наконецъ, задремалъ, утомленный напраснымъ ожиданіемъ и волненіями дня.

Когда онъ пробудился, на столѣ стояли всѣ принадлежности чаепитія, Сайксъ укладывалъ разныя вещи въ карманы висѣвшаго на спинкѣ стула пальто. Въ стекла оконъ стучалъ частый дождь, небо было покрыто черными тучами.

— Вставай, половина шестого! пробурчалъ Сайксъ, когда Оливеръ вскочилъ съ постели. Да живѣе поворачивайся, не то останешься безъ завтрака, такъ какъ уже поздно.

Оливеръ не долго возился со своимъ туалетомъ, быстро позавтракалъ и на нетерпѣливый вопросъ Сайкса отвѣчалъ, что онъ готовъ.

Нанси, все время отъ него отвертывавшаяся, небрежно бросила ему платокъ завязать горло; Сайксъ далъ ему непромо-

каемый плащъ съ капюшономъ. Когда онъ закутался, разбойникъ схватилъ его за руку, показавъ предварительно съ угрожающимъ видомъ на спрятанный въ карманѣ пальто пистолетъ и, простившись съ Нанси, повелъ его съ собою.

Въ дверяхъ Оливеръ на мгновеніе обернулся, въ надеждѣ встрѣтить взглядъ дѣвушки, но она сидѣла уже на прежнемъ своемъ мѣстѣ у камина и даже не оглянулась въ его сторону.

ГЛАВА XXI.

Походъ.

Занималось невеселое утро, когда они вышли изъ дому. Дулъ сильный вѣтеръ, шелъ дождь, небо было покрыто темными грязными тучами. Всю ночь шелъ дождь, и на улицахъ стояли огромныя лужи, канавы были переполнены. Слабый проблескъ наступающаго дня не ослаблялъ, а еще болѣе усиливалъ мрачность окружающей обстановки, такъ какъ при смутномъ свѣтѣ зари, уличные фонари совсѣмъ поблѣднѣли, а мокрыя крыши и печальныя улицы казались еще мрачнѣе. Въ этой части города, повидимому, всѣ еще покоились сномъ, потому что ставни домовъ были закрыты, и улицы, по которымъ они шли, были безмолвны и пусты.

Когда они повернули къ Бетна-Грину, день начиналъ уже вступать въ свои права. Многіе фонари были уже погашены. Медленно тащились направляющіеся въ столицу изъ деревень тяжелые возы; повременамъ съ шумомъ проѣзжалъ забрызганный грязью дилижансъ, при чемъ кучеръ непремѣнно мимоходомъ награждалъ фурманщиковъ ударомъ кнута за то, что тѣ, загромоздивъ дорогу, задержали на четверть минуты его прибытіе на станцію. Раскрыли свои гостепріимныя двери трактиры, внутри которыхъ горѣли еще газовые рожки. Начали открываться мало-по-малу и лавки, изрѣдка стали попадаться прохожіе. Потянулись группы рабочихъ, шедшихъ на поденную работу, разносчики, несшіе на головѣ корзины съ рыбой, запряженные ослами тележки зеленщиковъ, повозки со всякой живностью и мясными тушами, молочницы съ кувшинами молока и цѣлая вереница нагруженныхъ разными припасами людей, направлявшихся въ предмѣстья. Шумъ и движеніе увеличивались по мѣрѣ приближенія къ Сити, а дальше между Шоредичемъ и Смитфильдомъ они еще больше усилились и разрослись въ цѣлое море звуковъ. Было уже совершенно свѣтло, и для доброй половины лондонскаго населенія началось уже хлопотливое утро.

М-ръ Сайксъ держалъ путь на Смитфильдъ, откуда доносился нестройный гамъ и ревъ, крайне изумившій Оливера. День былъ базарный. Почва на вершокъ была покрыта грязью

и нечистотами. Густой паръ поднимался отъ потнаго скота, смѣшивался съ туманомъ, который, казалось, не двигался дальше, точно зацѣпился за трубы домовъ, и тяжело повисъ надъ рынкомъ. Всѣ загоны, въ серединѣ обширной площади, и много добавочныхъ, устроенныхъ на время вездѣ, гдѣ позволяло мѣсто, были запружены овцами; у водопойныхъ колодъ длинными рядами стояли привязанные къ столбамъ коровы и быки по три и по четыре въ рядъ. Крестьяне, мясники, погонщики, разносчики, уличные мальчишки, воры, праздные зѣваки, бродяги изъ самыхъ подонковъ общества смѣшались въ общую массу. Свистъ погонщиковъ, лай собакъ, завыванія и топотъ быковъ, блеяніе овецъ, хрюканье и визгъ свиней, возгласы разносчиковъ, крикъ, ругательства, перебранка со всѣхъ сторонъ, звонъ колокольчиковъ, громкій говоръ во всѣхъ трактирахъ, толкотня, давка, хлопанье бича, гиканье, вой доносились со всѣхъ концовъ рынка и сливались въ ужасный оглушительный гулъ. Немытыя, небритыя, обтрепанныя грязныя фигуры безпрестанно сновали взадъ и впередъ, то смѣшиваясь съ толпою, то скрываясь гдѣ-то вдали. Все вмѣстѣ представляло такое дикое, ошеломляющее зрѣлище, что у непривычнаго зрителя голова шла кругомъ.

М-ръ Сайксъ, таща за собой Оливера, локтями расчищалъ себѣ дорогу въ самой густой толпѣ и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на пестрыя картины и звуки, которые такъ изумляли его маленькаго спутника. Онъ раскланялся съ двумя-тремя попавшимися на дорогѣ пріятелями, отказался отъ ихъ приглашеній зайти пропустить по рюмочкѣ и упорно продолжалъ идти впередъ. Наконецъ, они выбрались изъ толкотни и дошли до Гольборна.

— Ну, молодчикъ, теперь ровно семь, проговорилъ Сайксъ, взглянувъ на часы на церкви св. Андрея. Тебѣ надо прибавить шагу. Ну же, не отставай, лѣнивецъ!

Въ видѣ поощренія, м-ръ Сайксъ сильно дернулъ за руку своего маленькаго спутника; тотъ пошелъ въ припрыжку, чуть не бѣгомъ, стараясь не отставать отъ крупно шагавшаго разбойника.

Обогнувъ уголъ Гайдъ-Парка, они вышли на Кенсингтонскую дорогу, и только тутъ Сайксъ убавилъ шагу. Ихъ нагнала пустая телѣга. Увидѣвъ на ней надпись „Гаунслоу", Сайксъ самымъ учтивымъ тономъ, какой онъ могъ принять, просилъ извозчика подвезти ихъ до Айльворта.

— Садитесь, былъ отвѣтъ. Это вашъ сынокъ?

— Мой, отвѣчалъ Сайксъ, глядя въ упоръ на Оливера и какъ бы нечаянно опуская руку въ карманъ, гдѣ лежалъ пистолетъ.

— Твой отецъ ходитъ слишкомъ быстро для тебя, не правда ли, мальчуганъ? спросилъ извозчикъ, видя, что Оливеръ совсѣмъ запыхался.

— Ничуть,—вмѣшался Сайксъ,—онъ привыкъ скоро ходить. Ну, Нэдъ, бери меня за руку, прыгай!

Съ этими словами онъ помогъ Оливеру влѣзть въ телѣгу. Извозчикъ указалъ ему на кучу мѣшковъ и посовѣтовалъ улечься на нихъ и отдохнуть.

Они миновали много верстовыхъ столбовъ, и Оливеръ все болѣе недоумѣвалъ, куда намѣренъ его везти Сайксъ.

Кенсингтонъ, Гаммерсмитъ, Чизвикъ, Нью-Бриджъ, Брентфордъ — всѣ остались позади, а они все продолжали ѣхать дальше. Наконецъ, они добрались до трактира подъ вывѣскою „Карета и Лошади“, за которымъ дороги перекрещивались. Здѣсь телѣга остановилась; Сайксъ слѣзъ, не выпуская изъ своихъ рукъ руки Оливера, потомъ быстро снялъ его съ повозки. Бросивъ на него звѣрскій взглядъ, онъ многозначительно хлопнулъ себя по боковому карману.

— Прощай, мальчикъ, сказалъ извозчикъ.

— Онъ нынче не въ духѣ, проговорилъ Сайксъ, встряхнувъ Оливера.—Чего-то надулся, щенокъ! На него не стоитъ обращать вниманія!

— А мнѣ-то что! произнесъ извозчикъ, усаживаясь на свое мѣсто. А славный сегодня выдался денекъ!—И онъ уѣхалъ.

Сайксъ подождалъ, пока онъ скрылся изъ виду и сказавъ Оливеру, что тотъ можетъ теперь его разыскивать, коли пожелаетъ, потащилъ его опять за собою. Они свернули налѣво, потомъ, обойдя трактиръ, взяли направо и долго шли по дорогѣ, пролегавшей среди красивыхъ дачъ съ тѣнистыми садами, и только разъ останавливались, чтобы выпить пива. Наконецъ, они добрались до городка, гдѣ на стѣнѣ одного дома Оливеръ увидѣлъ крупную надпись: „Гемптонъ“. Пробывъ нѣсколько часовъ въ сосѣднемъ полѣ, они, наконецъ, вошли въ городъ, завернули на старый постоялый дворъ съ полинялой вывѣской, гдѣ и расположились обѣдать на кухнѣ.

Кухня была ветхая, съ низкимъ потолкомъ, поперекъ котораго шла большая балка; около очага стояли скамейки съ высокими спинками, на нихъ сидѣло нѣсколько человѣкъ въ блузахъ, съ грубыми лицами, они курили и пили. Эти люди не обратили никакого вниманія ни на Оливера, ни на Сайкса; Сайксъ тоже отнесся къ нимъ безучастно и усѣлся со своимъ маленькимъ спутникомъ въ уголку, поодаль отъ другихъ.

Имъ подали холоднаго мяса, и они такъ долго сидѣли за обѣдомъ, что Сайксъ успѣлъ выкурить три или четыре трубки. Оливеръ же пришелъ къ заключенію, что они дальше не пойдутъ.

Онъ былъ сильно утомленъ отъ ходьбы и отъ того, что всталъ рано, поэтому его скоро стала одолѣвать легкая дремота; наконецъ, усталость взяла свое, и одурманенный табачнымъ дымомъ онъ крѣпко уснулъ.

Уже было совсѣмъ темно, когда его разбудилъ толчокъ

Сайкса. Когда онъ нѣсколько пришелъ въ себя и осмотрѣлся, то замѣтилъ, что его почтенный спутникъ свелъ знакомство съ какимъ-то поселяниномъ и бесѣдуетъ съ нимъ за кружкой пива.

— Такъ, значитъ, вы ѣдете въ Нижній-Галлифордъ? спрашивалъ Сайксъ.

— Да, и докачу туда однимъ духомъ,—отвѣчалъ его собесѣдникъ, который, казалось, былъ немного навеселѣ.—Лошадь моя возвращается налегкѣ и сюда утромъ ѣхали порожнякомъ, такъ она домчитъ меня мигомъ. Счастье ужъ ей нынче выдалось такое. Эхъ, славная у меня лошадка!

— Не можете ли вы подвезти меня съ мальчикомъ? спросилъ Сайксъ, подвигая пиво къ своему новому пріятелю.

— Если вы отправляетесь сейчасъ, то могу, отвѣтилъ тотъ, взглянувъ на него изъ-за кружки. Вамъ путь лежитъ въ Галлифордъ?

— Нѣтъ, намъ надо дальше въ Шеппертонъ.

— Ну, такъ я подвезу васъ, пока намъ по одной дорогѣ. Все ли заплачено, Бекки?

— Все. Тотъ джентльменъ за васъ заплатилъ, отвѣчала служанка.

— Будто я самъ не могу? захорохорился пьяный. Такъ не водится, ты самъ знаешь!

— Отчего же! Вы намъ оказываете услугу, какъ же мнѣ взамѣнъ не угостить васъ кружкой, другой,—возразилъ Сайксъ.

Крестьянинъ, сдѣлавъ глубокомысленное лицо, нѣсколько минутъ подумалъ надъ этимъ доводомъ, потомъ пожалъ Сайксу руку и объявилъ, что онъ прекрасный человѣкъ, на что мистеръ Сайксъ отвѣчалъ, что тотъ шутитъ, и будь его новый знакомецъ трезвъ, можно было бы легко подумать, что онъ дѣйствительно шутилъ. Обмѣнявшись еще нѣсколькими комплиментами, они ушли, пожелавъ прочей компаніи счастливо оставаться.

Служанка собрала кружки и стаканы и стала съ полными руками у дверей смотрѣть, какъ отъѣзжающіе собираются въ дорогу.

У дверей уже стояла запряженная лошадь, здоровье которой они заочно пили. Оливеръ и Сайксъ безъ дальнихъ церемоній влѣзли въ повозку, а хозяинъ лошади минуты двѣ еще помедлилъ, хвастая своей животиной и вызывая содержателя постоялаго двора найти въ цѣломъ свѣтѣ вторую такую. Наконецъ, и онъ усѣлся въ телѣгу и попросилъ трактирщика, державшаго лошадь подъ уздцы, пустить ее. Только что это было сдѣлано, славная лошадка сдѣлала самое странное употребленіе изъ данной ей свободы: она то презрительно вздергивала голову кверху, то просовывала ее въ окна харчевни, то становилась на дыбы, наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ штукъ рванулась съ мѣста и помчалась вскачь вонъ изъ города.

Ночь была темная. Отъ рѣки и окрестныхъ болотъ поднимался сырой туманъ и разстилался по печальнымъ полямъ. Холодъ пронизывалъ до костей, все кругомъ было мрачно и уныло. Въ повозкѣ всѣ молчали.

Возница задремалъ. Сайксъ не расположенъ былъ завязывать съ нимъ разговоръ, Оливеръ свернулся комочкомъ, забившись въ уголъ повозки. Измученный тревогой, дурными предчувствіями, онъ былъ точно въ столбнякѣ; какіе-то странные образы чудились ему въ тощихъ деревьяхъ, которыя свирѣпо размахивали своими вѣтвями изъ стороны въ сторону, словно радуясь тому, что кругомъ такое уныніе.

На часахъ церкви въ Сенбюри, мимо которой они проѣзжали, пробило семь. Напротивъ, въ домикѣ перевозчика виднѣлся свѣтъ, и изъ окна падалъ снопъ лучей на дорогу, отчего остававшееся въ тѣни кладбище, осѣняемое тисовыми деревьями, казалось еще мрачнѣе. Невдалекѣ слышался глухой шумъ водопада; колеблемые ночнымъ вѣтромъ листья старыхъ деревьевъ тихо шумѣли, казалось, то была нѣжная музыка, убаюкивающая тѣхъ, что спали вѣчнымъ сномъ.

Проѣхавъ Сенбюри, опять выбрались на пустынную дорогу. Еще двѣ-три мили, и повозка остановилась. Сайксъ вылѣзъ, взялъ за руку Оливера, и они опять зашагали.

Ни въ одинъ домъ въ Шеппертонѣ они не зашли, какъ надѣялся мальчикъ, но продолжали въ темнотѣ шлепать по грязи, по мрачнымъ тропинкамъ и открытымъ для холоднаго вѣтра пустошамъ, пока не завидѣли огней находившагося невдалекѣ городка. Когда Оливеръ внимательно посмотрѣлъ передъ собой, то увидѣлъ внизу воду: они подходили къ мосту.

Сайксъ шелъ прямо, но у самаго моста круто свернулъ налѣво къ берегу.

— Вода! Онъ привелъ меня въ это пустынное мѣсто, чтобъ меня утопить, подумалъ Оливеръ, замирая отъ ужаса.

Онъ готовъ уже былъ вступить въ борьбу за свою молодую жизнь, когда увидѣлъ, что они стояли у ветхаго полуразрушеннаго уединеннаго домика. Въ обоихъ окнахъ, по двумъ сторонамъ обвалившагося крыльца, и въ верхнемъ этажѣ огня нигдѣ не было видно. Этотъ темный заброшенный домъ былъ, повидимому, необитаемъ.

Сайксъ продолжая держать Оливера за руку, тихо подошелъ къ низкому крылечку и надавилъ щеколду. Дверь отворилась, и они вошли въ домъ.

Сайксъ, продолжая держать Оливера за руку, тихо подошелъ къ низкому крылечку.

ГЛАВА XXII.

Кража со взломомъ.

„Эй, кто тамъ?“ закричалъ чей-то громкій хриплый голосъ, какъ только они вступили въ переднюю.

— Ну, чего орешь! Посвѣти лучше, Тоби, проговорилъ Сайксъ, запирая дверь засовомъ.

— А, товарищъ! вскричалъ тотъ же голосъ. Посвѣти, Барней, проводи джентльмена. Да проснись же, Барней!

Говорившій, очевидно, бросилъ при этомъ чѣмъ-то въ того, къ кому онъ обращался, чтобъ разбудить его, потому что слышно было, какъ какой-то деревянный предметъ падая сильно стукнулся о полъ, а вслѣдъ затѣмъ раздалось невнягное сонное бормотанье.

— Развѣ ты не слышишь? кричалъ тотъ же голосъ. Биль Сайксъ дожидается въ прихожей, и некому принять его съ подобающей вѣжливостью, а ты, соня, дрыхнешь, какъ будто накатился опіумомъ и ничего покрѣпче не принималъ! Очнулся ли ты теперь, или нужно запустить въ тебя чугунный подсвѣчникъ, чтобъ тебя разбудить?

Вслѣдъ затѣмъ послышалось, какъ въ сосѣдней комнатѣ по

голому полу торопливо зашаркали чьи-то ноги въ стоптанныхъ башмакахъ, и изъ дверей направо показалась сначала блѣдная свѣча, а затѣмъ фигура той личности, которую мы уже раньше описывали, эта личность имѣла недостатокъ говорить въ носъ и исправляла должность слуги въ кабачкѣ Сафронъ-Гилля.

— Мистеръ Сайксъ! съ искренной, а можетъ быть и притворной, радостью воскликнулъ Барней. Пожалуйте, пожалуйте, сэръ.

— Иди ты первый, проговорилъ Сайксъ, толкая впередъ Оливера. Да живѣе пошевеливайся, а то я оттопчу тебѣ пятки.

Они вошли въ низкую, темную комнату, съ дымившей печью, гдѣ былъ разведенъ огонь, съ парой сломанныхъ стульевъ, столомъ и ветхой кроватью, на которой, поднявъ ноги выше головы, лежалъ, вытянувшись во весь ростъ, мужчина, курившій длинную глиняную трубку. На немъ былъ щегольски сшитый сюртукъ табачнаго цвѣта съ огромными мѣдными пуговицами, оранжевый галстухъ, пестрый съ яркими разводами жилетъ и суконныя панталоны. У мистера Крекита (это былъ онъ) было не особенно много волосъ на головѣ и на лицѣ, но и тѣ, которые были, отличались краснымъ цвѣтомъ и были завиты въ крутые локоны въ видѣ пробочника; черезъ эти кудри онъ по временамъ пропускалъ свои грязные пальцы, унизанные широкими, дешевыми кольцами. Это былъ малый высокій, но съ жидкими ногами, что, однако, нисколько не мѣшало ему любоваться собственными сапогами, украшенными отворотами; помѣстивъ ихъ какъ можно выше, онъ ихъ съ восторгомъ созерцалъ.

— Здравствуй, Биль, дружище, радъ тебя видѣть, произнесла эта фигура, оборачивая голову къ двери. Я уже боялся, что ты не явишься. Въ такомъ случаѣ я рискнулъ бы пойти одинъ. Ба! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, когда глаза его остановились на Оливерѣ. Онъ принялъ сидячее положеніе и спросилъ: кто это?

— Мальчикъ,—лаконически отвѣчалъ Сайксъ, подвигая стулъ къ огню.

— Одинъ изъ мальчугановъ мистера Феджина, съ усмѣшкой замѣтилъ Барней.

— А, Феджина! воскликнулъ Тоби, разглядывая Оливера. Этотъ мальчикъ будто нарочно созданъ, чтобъ подбираться къ карманамъ богомольныхъ старушекъ въ церквахъ. Его рожица—цѣлый кладъ для него.

— Ну, довольно объ этомъ, нетерпѣливо перебилъ Сайксъ, Онъ нагнулся къ своему другу, который опять улегся, и прошепталъ ему на ухо нѣсколько словъ, заставившихъ того расхохотаться и удостоить мальчика изумленнымъ взглядомъ.

— А не дадите ли вы намъ чего-нибудь перекусить, да промочить горло, покамѣстъ мы здѣсь будемъ ждать? Это придастъ намъ духу, по крайней мѣрѣ, мнѣ,—проговорилъ Сайксъ, уса-

живаясь на мѣсто. Подсаживайся къ огоньку, малышъ, и отдыхай, тебѣ еще придется сегодня пройтись съ нами, на этотъ разъ недалеко.

Оливеръ съ робкимъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Сайкса, придвинулъ къ огню табуретъ, сѣлъ и склонилъ голову на руки: она у него такъ сильно болѣла, что онъ почти не сознавалъ, гдѣ онъ и что вокругъ происходитъ.

Еврей поставилъ на столъ остатки кушанья и бутылку.

— Ну, за успѣхъ предпріятія! возгласилъ Тоби, вставая съ мѣста. Онъ бережно положилъ трубку въ уголъ, подошелъ къ столу, налилъ стаканъ водки и осушилъ его.

М-ръ Сайксъ сдѣлалъ то-же.

— И мальчику надо выпить, сказалъ Тоби, наливая до половины рюмку. Пей, невинность!

— Право... право я... началъ Оливеръ, жалобно смотря ему въ лицо.

— Пей! повторилъ Тоби. Неужто я не знаю, что для тебя хорошо, что нѣтъ? Скажи ему, Биль, чтобъ онъ выпилъ.

— Лучше слушайся! обратился къ мальчику Сайксъ, хлопая себя по карману.—Чортъ меня побери, съ нимъ больше возни, чѣмъ съ цѣлой семьей пройдохъ. Пей же, упрямый чертенокъ, пей!

Перепуганный Оливеръ поспѣшилъ опорожнить рюмку и тотчасъ же страшно закашлялся, что привело въ неописанное восхищеніе Тоби Крекита и Барнея и даже вызвало улыбку у хмураго Сайкса.

Затѣмъ м-ръ Сайксъ принялся утолять голодъ. Оливеръ не могъ ничего съѣсть, кромѣ маленькаго кусочка хлѣба, который его заставили проглотить. Затѣмъ оба пріятеля расположились на стульяхъ немного вздремнуть. Оливеръ остался сидѣть на своемъ табуретѣ, Барней, завернувшись въ одѣяло, растянулся на полу у самаго камина.

Нѣсколько времени они спали, или дѣлали видъ, что спятъ, потому что никто не шевелился, кромѣ Барнея, который раза два вставалъ, чтобъ подкинуть въ каминъ угольевъ. Оливеръ забылся тревожнымъ сномъ: то ему чудилось, что онъ скитается одинъ по мрачнымъ тропинкамъ, бродитъ около темнаго кладбища, то передъ нимъ вставала какая-нибудь изъ сценъ этого дня. Онъ проснулся, услышавъ, какъ поднялся Тоби Крекитъ и объявилъ, что уже половина второго. Въ одинъ моментъ и остальные двое были уже на ногахъ и принялись дѣятельно приготовляться къ походу. Сайксъ и его товарищъ укутали себѣ шею и нижнюю часть лица большими темными шарфами и надѣли плащи, Барней тѣмъ временемъ досталъ изъ шкафа разные нужные предметы и сталъ ими набивать ихъ карманы.

— Подай мнѣ собачекъ, Барней, сказалъ Тоби Крекитъ.

— Вотъ онѣ, отвѣтилъ еврей, подавая пару пистолетовъ. Вы ихъ сами зарядили.

— Ладно, а шпоры? проговорилъ Тоби, пряча пистолеты.

— Я ихъ взялъ, отозвался Сайксъ.

— Ничего не забыто: крючья, ключи, коловороты, потайные фонари? перечислялъ Тоби, прицѣпляя небольшой ломъ къ петлѣ, прикрѣпленной къ подкладкѣ его сюртука.

— Все въ порядкѣ, отвѣтствовалъ его товарищъ. Дай-ка намъ палочки, Барней, въ эту пору онѣ кстати.

Съ этими словами онъ взялъ изъ рукъ Барнея толстую дубину, другую такую же тотъ подалъ Тоби и началъ застегивать плащъ Оливера.

— Ну? произнесъ Сайксъ, протягивая мальчику руку.

Оливеръ, совершенно одурѣвшій отъ непривычной ходьбы, отъ долгаго пребыванія на свѣжемъ воздухѣ, отъ водки, которую его насильно заставили выпить, машинально подалъ руку Сайксу.

— Возьми его за другую руку, Тоби, сказалъ Сайксъ. Посмотри-ка, Барней, на улицу.

Еврей вышелъ за дверь и вернувшись объявилъ, что все благополучно. Разбойники вышли вмѣстѣ съ Оливеромъ. Барней заперъ за ними дверь, завернулся по прежнему въ одѣяло и скоро опять заснулъ.

Теперь на дворѣ было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Туманъ сталъ еще гуще, чѣмъ раньше; хотя не было дождя, но воздухъ былъ такъ пропитанъ влагой, что черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ они вышли, волосы и брови Оливера заиндевѣли. Путники перешли черезъ мостъ и направились къ тѣмъ огнямъ, которые Оливеръ уже видѣлъ раньше. Эти огни были не на далекомъ разстояніи, а такъ какъ шли они быстро, то скоро прибыли въ Чертси.

— Валяй прямо черезъ городъ, прошепталъ Сайксъ,—намъ въ такую ночь никто не встрѣтится.

Тоби согласился, и они быстро зашагали по главной улицѣ городка, совершенно пустынной въ этотъ поздній часъ.

Кое гдѣ виднѣлся слабый свѣтъ въ окнахъ спаленъ, да по временамъ хриплый лай собакъ нарушалъ безмолвіе ночи, но на улицахъ не было ни души. Когда они выходили изъ города, на церковныхъ часахъ пробило два. Они ускорили шаги и свернули на дорогу, которая шла влѣво. Пройдя около четверти мили, они остановились передъ обнесеннымъ стѣною домомъ, стоявшимъ особнякомъ отъ другихъ. Тоби, во мгновеніе ока, вскарабкался на верхъ стѣны.

— Теперь подыми мальчика, я его захвачу, сказалъ Тоби.

Оливеръ не успѣлъ оглянуться, какъ Сайксъ схватилъ его подъ мышки, и черезъ нѣсколько секундъ онъ и Тоби лежали уже на травѣ по другую сторону стѣны. Сайксъ не замедлилъ послѣдовать ихъ примѣру, а затѣмъ они стали крадучись пробираться къ дому.

Теперь впервые Оливеръ, почти обезумѣвшій отъ ужаса и

отчаянія, понялъ, что они шли на грабежъ, а, можетъ быть, и убійство. Онъ всплеснулъ руками отъ ужаса, и изъ устъ его невольно вырвался подавленный стонъ. Въ глазахъ его затуманилось; холодный потъ выступилъ на его смертельно блѣдномъ лицѣ, ноги подъ нимъ подогнулись, и онъ упалъ на колѣни.

— Вставай,— дрожа отъ бѣшенства прошепталъ Сайксъ, вынимая изъ кармана пистолетъ.—Поднимайся, или я размозжу тебѣ черепъ.

— Отпустите меня, ради Бога! рыдалъ Оливеръ. Позвольте мнѣ убѣжать и умереть въ полѣ... Я никогда, никогда не вернусь въ Лондонъ! О, молю васъ, пощадите меня, не заставляйте красть. Ради всѣхъ святыхъ ангеловъ, что живутъ на небѣ, сжальтесь надо мною!

Тотъ, къ кому обращена была эта мольба, произнесъ въ отвѣтъ какое-то проклятіе и взвелъ курокъ, но Тоби выхватилъ изъ его рукъ пистолетъ, зажалъ мальчику ротъ и потащилъ его къ дому.

— Тс! Брось! здѣсь не мѣсто, шепталъ онъ. Скажи одно слово, и я расправлюсь съ нимъ самъ, тресну по башкѣ—и шума не будетъ, и вѣрно, и гораздо приличнѣе. Вотъ тутъ, Биль. Отвинчивай ставню. Мальчишка теперь годится, ручаюсь. Я видывалъ людей и постарѣе его, которые тоже выкидывали разныя штуки, какъ приходилось идти на работу въ холодную ночь.

Посылая всевозможныя проклятія на голову Феджина за то, что тотъ навязалъ имъ Оливера, Сайксъ сталъ энергично, но безъ всякаго шума, работать ломомъ. При помощи Тоби ставня довольно скоро была снята съ петель.

То было маленькое рѣшетчатое оконце футовъ на шесть отъ земли, въ задней части дома; оно выходило въ чуланъ, находившійся въ концѣ корридора. Отверстіе было такъ мало, что обитатели дома не сочли нужнымъ укрѣпить его прочнѣе, но оно было настолько велико, что такой мальчикъ, какъ Оливеръ, могъ свободно въ него пролѣзть. Небольшого усилія со стороны такого знатока дѣла, какъ м-ръ Сайксъ, было достаточно, чтобъ оторвать рѣшетку, защищавшую окошечко, и отверстіе было открыто.

— Теперь слушай, щенокъ,—прошепталъ Сайксъ, вынувъ изъ кармана потайной фонарь и направляя свѣтъ его на лицо Оливера,—я просуну тебя въ это окно. Возьми этотъ фонарь и ступай тихонько къ лѣстницѣ, которая будетъ прямо передъ тобою, подымись по ней въ прихожую, отвори наружную дверь и впусти насъ.

— Наверху есть засовъ, который тебѣ не достать,—вмѣшался Тоби,—такъ ты встань на одинъ изъ стульевъ, которые найдешь въ прихожей. Тамъ три красивыхъ стула, Биль, на спинкѣ каждаго большой голубой носорогъ и золотыя вилы—гербъ хозяйки дома.

— Нечего растабарывать, заткни глотку, съ угрожающимъ взглядомъ перебилъ его Сайксъ. Дверь изъ комнатъ вѣдь открыта?

— Настежь, отвѣчалъ Тоби, заглянувъ въ окно. Вотъ умора то! они никогда не запираютъ ее на задвижку, чтобъ собака, которая тамъ спитъ, могла расхаживать по корридору, когда ей ночью вздумается ходить дозоромъ. Ха-ха-ха! Барней ее убралъ сегодня вечеромъ. Теперь чистое дѣло, маршъ!

М-ръ Крекитъ говорилъ едва слышно и смѣялся беззвучно, всетаки м-ръ Сайксъ счелъ нужнымъ приказать ему замолчать и приниматься за работу. Тоби повиновался. Онъ сперва поставилъ свой фонарь на землю, потомъ сталъ подъ окномъ, опершись крѣпко руками въ колѣни, а головой въ стѣну, такъ что изъ своей спины устроилъ ступеньку. На эту подставку немедленно вскочилъ Сайксъ и осторожно просунулъ Оливера въ окно, ногами впередъ. Продолжая держать его за воротникъ, онъ тихо поставилъ его на полъ чулана.

— Возьми фонарь, заговорилъ онъ, просунувъ голову въ окно. Видишь передъ собою лѣстницу?

Оливеръ, полумертвый отъ страха, прошепталъ задыхаясь: Вижу.

Сайксъ показалъ ему пистолетнымъ дуломъ на дверь прихожей и напомнилъ, что всю дорогу онъ будетъ подъ выстрѣломъ, и если струситъ, въ тотъ же мигъ падетъ мертвымъ.

— Все это дѣло одной минуты, прибавилъ Сайксъ. Какъ я тебя пущу, сейчасъ же иди и дѣлай, что сказано. Постой!

— Что такое? прошепталъ Тоби.

Оба внимательно прислушались.

— Нѣтъ, ничего, проговорилъ Сайксъ, выпуская Оливера изъ рукъ. Ступай!

Въ это краткое мгновеніе мальчикъ успѣлъ опомниться и твердо рѣшился попытаться, если это даже будетъ стоить ему жизни, пробраться изъ прихожей въ комнаты и поднять на ноги всѣхъ въ домѣ. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ робко пошелъ впередъ.

— Назадъ! вдругъ громко крикнулъ Сайксъ. Назадъ!

Испуганный этимъ внезапнымъ возгласомъ, нарушившимъ мертвую тишину дома, и громкими криками, которые вслѣдъ затѣмъ раздались, Оливеръ выронилъ изъ рукъ фонарь и не зналъ, идти ли дальше или бѣжать.

Крики повторились, показался свѣтъ, передъ глазами Оливера мелькнули двѣ полуодѣтыхъ перепуганныхъ мужскихъ фигуры наверху лѣстницы, вдругъ что-то блеснуло, прогремѣлъ выстрѣлъ, дымъ заклубился, раздался гдѣ-то трескъ—гдѣ именно, Оливеръ не могъ понять,—и онъ повалился навзничь.

Сайксъ на мгновеніе было скрылся, но потомъ опять появился въ окнѣ и, прежде чѣмъ дымъ разсѣялся, успѣлъ схватить мальчика за воротникъ. Изъ своего пистолета онъ выстрѣ-

лилъ въ догонку людямъ, которые уже удалились съ лѣстницы, и потащилъ мальчика обратно въ окошко.

— Сожми крѣпче руку, говорилъ Сайксъ, таща его наружу. Тоби, дай мнѣ скорѣе платокъ, они его подстрѣлили. Чортъ возьми, онъ истекаетъ кровью!

„Какъ я тебя пущу, сейчасъ же иди и дѣлай, что сказано. Постой"!

Оливеръ слышалъ громкій звонъ колокольчика въ перемежку съ ружейными выстрѣлами и людскими криками, затѣмъ почувствовалъ, что его быстро волокутъ по неровной дорогѣ. Потомъ всѣ звуки смѣшались въ отдаленіи, его сердце сковалъ смертельный холодъ, и онъ болѣе ничего уже не слышалъ и не видѣлъ.

ГЛАВА XXIII.

Передаетъ содержаніе пріятнаго разговора, происходившаго между мистеромъ Бомблемъ и одной дамой, и показываетъ, что даже приходскій сторожъ бываетъ доступенъ нѣкоторымъ чувствамъ.

Вечеръ былъ ужасно холодный. Покрывавшій землю снѣгъ насквозь промерзъ и превратился въ твердую толстую кору.

Пронзительно завывавшій вѣтеръ могъ разметать только скопившіеся на перекресткахъ и по угламъ сугробы; отъ этого онъ какъ будто еще больше свирѣпѣлъ, яростно накидывался на свою единственную добычу, вздымалъ цѣлыя тучи снѣга, крутилъ ихъ бѣшенымъ вихремъ и разбрасывалъ въ воздухѣ. Въ такую вѣтряную, темную ночь, когда холодъ пронизываетъ до костей, всѣ, у кого есть теплый уголъ и сытный ужинъ, собираются у яркаго огонька и благодарятъ Бога, что они дома, а безпріютные, голодные несчастливцы ложатся на землю и умираютъ.

Въ такую ночь много истомленныхъ голодомъ отверженцевъ закрываютъ навѣки глаза на нашихъ улицахъ подъ открытымъ небомъ, и каковы бы ни были ихъ прегрѣшенія, едва ли эти несчастные откроютъ ихъ въ мірѣ, болѣе страшномъ.

Такія дѣла творились на улицѣ, когда мистриссъ Корней, надзирательница Дома Призрѣнія; съ которымъ читатели уже знакомы, какъ съ мѣстомъ рожденія Оливера Твиста, сидѣла въ своей маленькой комнаткѣ у привѣтливаго огонька и съ немалымъ удовольствіемъ смотрѣла на маленькій, круглый столикъ. На этомъ столикѣ стоялъ соотвѣтствующихъ размѣровъ подносъ, со всѣми необходимыми принадлежностями для самаго пріятнаго угощенія, какимъ только могла побаловать себя надзирательница: мистриссъ Корней, видите-ли, собиралась подкрѣпить себя чашкой чаю. Когда она перевела свой взоръ отъ стола къ очагу, гдѣ малюсенькій котелокъ напѣвалъ тоненькимъ голосомъ пискливую пѣсенку, ея внутреннее довольство возросло до такой степени, что она улыбнулась.

— Да, истинная правда, всѣ мы должны быть благодарны, проговорила она, облокачиваясь на столъ и задумчиво смотря на огонь,— всѣ должны бы быть очень благодарны, еслибы только понимали... Ахъ!

М-съ Корней печально покачала головой, какъ бы оплакивая умственное ослѣпленіе тѣхъ бѣдняковъ, которые этого не понимаютъ. Она опустила серебряную ложку (ея личную собственность) во внутренность жестяной чайницы, вмѣщавшей не болѣе восьмушки фунта и принялась заваривать чай.

Какого пустяка достаточно, чтобъ нарушить душевное спокойствіе слабыхъ смертныхъ! Пока м-съ Корней предавалась поучительнымъ размышленіямъ, маленькій, черный чайникъ быстро переполнился и сбѣжалъ, и м-съ Корней слегка обварила себѣ руку кипяткомъ.

— Ахъ, чтобъ чортъ тебя побралъ! воскликнула достойная дама, поспѣшно ставя чайникъ обратно на очагъ,—что за дурацкій чайникъ, въ которомъ помѣщается всего двѣ чашки! Ну, кому онъ можетъ годиться? Никому кромѣ такой несчастной одинокой женщины, какъ я! прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія.

Съ этими словами она опустилась на стулъ. опять облокотилась на столъ и задумалась о своей одинокой долѣ.

Маленькій чайникъ и одинокая чашка на подносѣ вызвали въ ея умѣ грустныя воспоминанія о мистерѣ Корнеѣ (умершемъ не болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ).

М-съ Корней поэтому расчувствовалась.

— У меня никогда не будетъ другого... никогда не будетъ такого какъ онъ, мрачно проговорила она.

Относилось ли это замѣчаніе къ покойному мужу или къ чайнику—осталось неизвѣстнымъ. Можетъ быть, что къ послѣднему, такъ какъ м-съ Корней при этихъ словахъ взглянула на него и вслѣдъ затѣмъ сняла его съ огня. Едва она отвѣдала первую чашку, какъ ее обезпокоилъ легкій стукъ въ дверь.

— Ну, входите! съ досадой крикнула она. Должно быть, кто нибудь изъ старухъ умираетъ? Вѣчно онѣ соберутся умирать, чуть только я сяду за столъ. Да не стойте же на порогѣ, напустите холоду. Войдите, что тамъ случилось?

— Ничего, сударыня, ничего! отвѣчалъ мужской голосъ.

— Ахъ, Боже мой! Вы ли это, мистеръ Бомбль! воскликнула несравненно любезнѣе м-съ Корней.

— Къ вашимъ услугамъ, сударыня! произнесъ м-ръ Бомбль. Онъ до сихъ поръ оставался за порогомъ, чтобъ обтереть ноги и стряхнуть съ сюртука снѣгъ, теперь же онъ вошелъ въ комнату съ треуголкой въ одной рукѣ и узелкомъ въ другой.—Не запереть ли дверь, сударыня?

М-съ Корней не знала, что отвѣтить, опасаясь по присущей ей скромности, что, можетъ быть, свиданіе съ мистеромъ Бомблемъ при закрытыхъ дверяхъ неприлично. М-ръ Бомль воспользовался ея колебаніемъ, и такъ какъ очень озябъ, то заперъ дверь безъ позволенія хозяйки.

— Жестокая стужа, м-ръ Бомбль, проговорила надзирательница.

— Да, ужъ погодка! Самая неблагопріятная для прихода, отозвался сторожъ.—Мы роздали, мистрисъ Корней, за одинъ сегодняшній день двадцать хлѣбовъ и полтора круга сыру, а бѣдные все недовольны.

— Еще бы! Развѣ они когда-нибудь бываютъ довольны, м-ръ Бомбль, замѣтила м-съ Корней, прихлебывая чай.

— Никогда, ужъ именно, никогда, сударыня! Вотъ недалеко ходить, одному человѣку, принявъ во вниманіе, что онъ женатъ и имѣетъ кучу ребятъ, выдали цѣлый коровай хлѣба и добрый фунтъ сыра. Что жъ бы вы думали: благодаренъ онъ? Ни на мѣдную полушку! И какъ бы вы думали, что онъ сдѣлалъ? Попросилъ немного угля, хоть столько, говоритъ, сколько увяжется въ носовой платокъ. Да-съ, угля! И на что онъ ему? Должно быть, поджаривать на немъ сыръ, а потомъ придти за другимъ! Такой ужъ обычай у этихъ людей: дай

имъ сегодня полный передникъ угля завтра они явятся просить еще, такова ихъ наглость.

М-съ Корней выразила свое полное согласіе, и приходскій сторожъ продолжалъ:

— Теперь дошло уже до такой точки, дальше которой некуда идти. Представьте себѣ: третьяго дня—вы находились въ замужествѣ мистриссъ Корней и потому я могу разсказать объ этомъ при васъ,—одинъ оборванецъ, у котораго спина едва была прикрыта лохмотьями (здѣсь м-съ Корней опустила глаза) явился на квартиру завѣдующаго Комитетомъ Попеченія о бѣдныхъ, когда у того былъ званый обѣдъ, и потребовалъ вспомоществованія. Такъ какъ онъ не хотѣлъ уходить и конфузилъ все общество, то завѣдующій выслалъ ему фунтъ картофеля и полпинты овсяной муки. „Ахъ, какая мнѣ отъ этого польза?“ сказалъ этотъ неблагодарный—„все равно, что вы бы мнѣ дали стальные очки!“—„Прекрасно, такъ ты и этого не получишь“, сказалъ завѣдующій и взялъ картофель и муку обратно. „Такъ я умру на улицѣ“, сказалъ бродяга. „Небось, не умрешь!“ сказалъ ему завѣдующій.

— Ха-ха-ха! Отлично сказано! Это такъ похоже на мистера Гранета, прервала разсказъ хозяйка. Ну, дальше, м-ръ Бомбль.

— И вотъ, сударыня, онъ ушелъ и умеръ на улицѣ. Какъ вамъ это понравится? Этакій упрямый негодяй!

— Это ужъ переходитъ всякія границы! энергично замѣтила м-съ Корней. Но не кажется ли вамъ, мистеръ Бомбль, что раздача вспомоществованія на руки бѣднымъ имѣетъ множество дурныхъ сторонъ? Вы опытный человѣкъ, скажите, какого вы мнѣнія на этотъ счетъ?

— Мистриссъ Корней, проговорилъ приходскій сторожъ улыбаясь, какъ улыбаются тѣ, кто сознаетъ, что они знаютъ неизмѣримо больше другихъ,—мистриссъ Корней, раздача бѣднымъ вспомоществованія, если это дѣло какъ слѣдуетъ поставить, является для прихода прекраснымъ предохранительнымъ средствомъ. Главное правило, которымъ при раздачѣ этихъ вспомоществованій приходъ руководствуется, это выдавать просителямъ именно то, что имъ не нужно, вслѣдствіе чего они, наконецъ, перестаютъ приставать со своими просьбами.

— Ахъ, да это превосходное правило, воскликнула м-съ Корней.

— Между нами говоря, мистриссъ Корней, это великое правило. И вотъ вамъ объясненіе, почему, когда вы читаете о такихъ случаяхъ въ газетахъ (эти газеты всюду суютъ свой носъ)—вы постоянно видите, что больныя семейства получаютъ пособіе сыромъ. Это теперь повсюду сдѣлалось общимъ правиломъ, м-съ Корней, въ цѣлой странѣ! Впрочемъ, это вѣдь официальныя тайны, сударыня, и о нихъ не слѣдуетъ говорить никому, кромѣ приходскихъ чиновъ, какими, осмѣлюсь сказать, мы съ вами состоимъ.—Развязавъ принесенный съ

собою узелокъ, м-ръ Бомбль прибавилъ: вотъ портвейнъ, который совѣтъ выписалъ для лазарета, настоящій, свѣжій, виноградный портвейнъ, который только сегодня розлитъ изъ бочекъ, чистый какъ хрусталь и безъ всякаго осадка.

М-ръ Бомбль поднесъ одну бутылку къ свѣту и встряхнулъ ее, чтобъ показать превосходное качество портвейна, потомъ поставилъ обѣ принесенныя бутылки на комодъ, сложилъ платокъ, въ которомъ онѣ были завязаны, бережно уложилъ его въ карманъ и взялся за шляпу, собираясь уйти.

— Холодно вамъ будетъ идти, м-ръ Бомбль, проговорила хозяйка.

— Очень вѣтряно, замѣтилъ сторожъ, поднимая воротникъ,— страшно рѣжетъ уши.

Надзирательница посмотрѣла на маленькій котелокъ, потомъ на двинувшагося къ дверямъ сторожа, и когда тотъ кашлянулъ, приготовляясь пожелать ей покойной ночи, она застѣнчиво освѣдомилась, не желаетъ ли онъ чашечку чайку.

М-ръ Бомбль тотчасъ же опустилъ поднятый воротникъ на мѣсто, положилъ шляпу и трость на стулъ, придвинулъ другой стулъ къ столу, медленно на него опустился и посмотрѣлъ на свою собесѣдницу. Ея глаза были устремлены на маленькій чайникъ; м-ръ Бомбль еще разъ кашлянулъ и слегка улыбнулся.

М-съ Корней встала, чтобъ достать изъ шкафика другую чашку и блюдечко. Когда она садилась опять на мѣсто, ея глаза встрѣтились съ глазами любезнаго кавалера, она покраснѣла и занялась приготовленіемъ чая. Опять м-ръ Бомбль кашлянулъ и на сей разъ громче прежняго.

— Сладко, мистеръ Бомбль? освѣдомилась она, берясь за сахарницу.

— Очень сладко, сударыня, отвѣчалъ м-ръ Бомбль, впиваясь глазами въ мистриссъ Корней; если когда нибудь приходскій стророжъ нѣжно смотрѣлъ, то въ эту минуту м-ръ Бомбль былъ этимъ сторожемъ.

Чашка была налита и подана въ глубокомъ молчаніи. М-ръ Бомбль, разостлавъ на колѣняхъ носовой платокъ, чтобъ крошки не повредили великолѣпію его панталонъ, приступилъ къ чаепитію. Это пріятное занятіе по временамъ прерывалось глубокимъ вздохомъ, что, однако, не оказывало вреднаго вліянія на его аппетитъ, а напротивъ, повидимому, даже способствовало поглощенію чая и хлѣба съ масломъ.

— У васъ, я вижу, есть кошка, мистриссъ Корней, и даже котята; вотъ какъ!—произнесъ м-ръ Бомбль, увидѣвъ кошку, которая со своимъ потомствомъ грѣлась у камина.

— Вы не можете себѣ представить, мистеръ Бомбль, какъ я ихъ люблю! Они такъ веселы, такъ игривы, такъ забавны, что для меня настоящіе друзья.

— Очень милыя животныя и совсѣмъ ручныя, одобрительно замѣтилъ м-ръ Бомбль.

— О, да! съ энтузіазмомъ подхватила хозяйка,—и такъ любятъ свой домъ, что право смотрѣть пріятно.

— Мистриссъ Корней, позвольте вамъ доложить, что та кошка или тотъ котенокъ, которые, живучи съ вами, сударыня, не любили бы свой домъ, были бы ослами,—медленно проговорилъ м-ръ Бомбль, постукивая ложечкой въ тактъ своимъ словамъ.

— Помилуйте, мистеръ Бомбль! вспыхнула м-съ Корней.

— Незачѣмъ скрывать правду, сударыня! возразилъ съ горячностью влюбленнаго м-ръ Бомбль, нѣжно размахивая ложечкой, отчего его рѣчь становилась вдвойнѣ выразительна.— Такихъ котятъ я бы съ наслажденіемъ собственноручно утопилъ.

— Значитъ, вы безжалостный человѣкъ, съ живостью проговорила м-съ Корней, протягивая руку, чтобы взять отъ него чашку—и кромѣ того, у васъ нѣтъ сердца!

— Какъ, у меня нѣтъ сердца? У меня?...—И не прибавивъ ни слова больше, м-ръ Бомбль отдалъ свою чашку, при чемъ пожалъ мизинецъ мистриссъ Корней, когда та принимала ее, ударилъ дважды ладонью по обшитому галуномъ жилету испустилъ глубокій вздохъ и отодвинулъ свой стулъ немного подальше отъ огня.

Столъ былъ круглый, и такъ какъ м-ръ Бомбль и м-съ Корней сидѣли другъ противъ друга, передъ огнемъ, то очевидно, что м-ръ Бомбль, отодвигаясь отъ огня и продолжая оставаться у стола, увеличивалъ разстояніе между собою и мистриссъ Корней.

Многіе благоразумные читатели навѣрное станутъ восхищаться такимъ героическимъ образомъ дѣйствій съ его стороны, потому что и время, и мѣсто, и удобный случай, все ему благопріятствовало, все искушало его наговорить кучу тѣхъ милыхъ бездѣлицъ, которыя очень подходятъ безпечнымъ и легкомысленнымъ устамъ, но кажутся неизмѣримо ниже достоинства такихъ особъ, какъ государственные судьи, члены парламента, министры, лорды-мэры и прочіе великіе сановники, а тѣмъ паче ниже достоинства приходскаго сторожа, который, какъ извѣстно, долженъ быть суровѣе и непреклоннѣе всѣхъ другихъ власть имѣющихъ.

Однако, каковы бы ни были намѣренія мистера Бомбля (они, безъ сомнѣнія, были самыми лучшими), но къ несчастью, судьбѣ угодно было, чтобы столъ былъ круглый (о чемъ уже было дважды упомянуто). Поэтому, постепенно отодвигая свой стулъ дальше и дальше, м-ръ Бомбль вскорѣ началъ уменьшать разстояніе между собою и дамой и, продолжая свое путешествіе вокругъ стола, наконецъ, придвинулъ свой стулъ вплотную къ тому, на которомъ она сидѣла. Когда стулья стали рядомъ, м-ръ Бомбль остановился.

Еслибы теперь м-съ Корней подвинула свой стулъ направо

ее опалило бы огнемъ, еслибы она подвинулась влѣво, то упала бы прямо на руки м-ра Бомбля. А такъ какъ она была дама скромная и, конечно, съ перваго взгляда увидѣла, какія ей угрожаютъ опасности, то она и осталась сидѣть на прежнемъ мѣстѣ, подавъ м-ру Бомблю вторую чашку чаю.

— Такъ я человѣкъ безъ сердца, мистриссъ Корней? еще разъ спросилъ м-ръ Бомбль, размѣшивая свой чай и смотря ей въ лицо.—А какъ ваше сердце, мистриссъ Корней?

— Ахъ, что вы! Какой странный вопросъ со стороны холостого мужчины! Зачѣмъ вамъ это знать?

Сторожъ допилъ чай до послѣдней капли, доѣлъ тартинку, стряхнулъ съ колѣнъ крошки, утеръ губы и смачно поцѣловалъ мистриссъ Корней.

— Мистеръ Бомбль! шепотомъ возопила скромная надзирательница, потому что ужасъ ея былъ такъ великъ, что она потеряла голосъ.—Я закричу, мистеръ Бомбль!

М-ръ Бомбль, вмѣсто отвѣта, медленно и степенно обвилъ рукою ея станъ.

Такъ какъ дама объявила, что она будетъ кричать, то при этой новой дерзости она, разумѣется, привела бы въ исполненіе свое намѣреніе, но такой способъ замозащиты оказался излишнимъ, потому что какъ разъ въ этотъ моментъ послышался торопливый стукъ въ дверь. М-ръ Бомбль проворно отскочилъ къ комоду и съ необычайнымъ рвеніемъ принялся сдувать съ бутылокъ пыль, пока хозяйка сердито спрашивала, кто стучитъ. Слѣдуетъ отмѣтить любопытное физическое явленіе, доказывающее, что внезапное потрясеніе производитъ дѣйствіе, прямо противоположное страху: голосъ почтенной надзирательницы сразу пріобрѣлъ свою обычную официіальную суровость.

— Мистриссъ, старая Салли совсѣмъ кончается, просунувъ голову въ дверь, произнесла совсѣмъ изсохшая, страшно безобразная старуха-нищая.

— А мнѣ-то что до этого? Не могу же я оживить ее? гнѣвно возразила м-съ Корней.

— Нѣтъ, мистриссъ, никто не въ силахъ оживить ее, ей ужъ ничто не поможетъ. Я видѣла на своемъ вѣку много умирающихъ, и грудныхъ младенцевъ, и взрослыхъ сильныхъ людей, и я хорошо знаю, когда смерть приходитъ. Но у Салли на душѣ что-то лежитъ, и когда съ нею нѣтъ припадка,—это очень рѣдко случается, потому что помираетъ она страсть какъ тяжело,—то она говоритъ, что она должна что-то вамъ сказать. Она до тѣхъ поръ спокойно не умретъ, пока вы не придете къ ней, мистриссъ.

Послѣ такого извѣстія достойная надзирательница, выбранивъ на разные лады несносныхъ старухъ, которыя не могутъ даже умереть, не обезпокоивъ добрыхъ людей, поспѣшно схватила и набросила на себя теплый платокъ, попросила мистера

Бомбля дождаться ее, такъ какъ она не замедлитъ вернуться, если ничего особеннаго не случится, и приказавъ посланной идти поскорѣе, а не тащиться нога за ногу, въ самомъ дурномъ расположеніи духа послѣдовала за нею, всю дорогу ворча и ругаясь.

Поведеніе оставшагося въ одиночествѣ мистера Бомбля было поистинѣ необъяснимо. Въ самомъ дѣлѣ, онъ растворилъ шкафчикъ для посуды, пересчиталъ чайныя ложки, взвѣсилъ на рукѣ щипчики для сахару, внимательно изслѣдовалъ серебряный молочникъ, чтобъ убѣдиться—изъ чистаго ли онъ серебра. Удовлетворивъ своему любопытству, онъ надѣлъ на бекрень свою треугольную шляпу и съ самымъ торжественнымъ видомъ проплясалъ вокругъ стола четыре раза. Послѣ такого необыкновеннаго акта онъ снялъ опять съ себя треуголку, растянулся на стулѣ, обернувшись спиной къ камину, и принялся подробно осматривать обстановку комнаты и мысленно составлять самую подробную оцѣнку мебели.

ГЛАВА XXIV.

Рѣчь идетъ о печальномъ предметѣ, но глава не длинная и, быть можетъ очень важная для этой повѣсти.

Старуха, нарушившая мирное времяпрепровожденіе мистриссъ Корней, была самой подходящей вѣстницей смерти. Тѣло ея сгорбилось отъ лѣтъ, разбитые параличемъ члены дрожали, перекосившееся лицо съ беззубымъ ртомъ походило больше на уродливую каррикатуру, созданную дикой фантазіей художника, чѣмъ на человѣческій образъ, вышедшій изъ рукъ природы.

Увы! немногія лица остаются такими, какими были созданы матерью природой, чтобы радовать насъ своей красотой! Заботы, печали, житейскія треволненія измѣняютъ лица людей такъ же, какъ измѣняютъ ихъ сердца, и только тогда, когда всѣ страсти умолкнутъ и навѣки выпустятъ человѣка изъ своихъ когтей, ихъ отпечатокъ исчезаетъ съ лица, какъ послѣ разсѣянной бури пропадаютъ тучи, открывая ясную небесную лазурь. Вытянувшіяся строгія лица покойниковъ принимаютъ обыкновенно давно забытое выраженіе счастливаго дѣтства и застываютъ съ тѣмъ самымъ выраженіемъ, какое было у нихъ на зарѣ жизни: эти лица опять становятся такими же спокойными, такими же безмятежными, какъ въ блаженные дни дѣтства, и тотъ, кто зналъ ихъ въ ту пору, съ благоговѣніемъ преклоняетъ колѣни передъ гробомъ, точно увидѣвъ сошедшаго на землю ангела.

Старая корга ковыляла по корридорамъ и по лѣстницамъ, бормоча что-то невнятное въ отвѣтъ на брань своей спутницы;

наконецъ, совсѣмъ запыхавшись, она принуждена была остановиться отдохнуть и вручила свѣчу своей болѣе проворной начальницѣ, чтобъ та прошла одна въ комнату больной, пока она будетъ собираться съ силами.

Это была жалкая конурка на чердакѣ, въ дальнемъ углу ея горѣла тусклая свѣча, у постели умирающей дежурила другая старуха, ученикъ приходскаго аптекаря стоялъ у камина, очинивая гусиное перо себѣ на зубочистку.

— Холодная ночка, мистриссъ Корней, обратился онъ къ вошедшей надзирательницѣ.

— Очень холодная, сэръ, самымъ учтивымъ тономъ отвѣтила м-съ Корней, дѣлая молодому человѣку реверансъ.

— Вамъ бы надо потребовать лучшій уголь у поставщика, этотъ никуда не годится въ такую холодную ночь, проговорилъ аптекарскій ученикъ, разбивая ржавой кочергой угли въ каминѣ.

— Этотъ уголь выбралъ Совѣтъ, сэръ, возразила надзирательница, и насъ, по крайней мѣрѣ, онъ согрѣваетъ, что и требуется, потому что мѣста наши не очень теплыя.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ стономъ умирающей.

Молодой человѣкъ только теперь вспомнилъ о ней и обернувшись къ постели воскликнулъ:

— О, здѣсь ужъ все покончено, мистриссъ Корней.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я не мало удивлюсь, если она протянетъ еще два часа, отвѣтилъ аптекарскій ученикъ, старательно отдѣлывая остріе зубочистки,—весь организмъ расшатанъ до основанія. Что, старина, она теперь опять задремала?

Сидѣлка нагнулась посмотрѣть на больную и утвердительно кивнула головой.

— Она, можетъ быть, такъ и кончится, если вы не станете шумѣть. Поставьте свѣчу на полъ, чтобъ она не видѣла свѣта.

Сидѣлка исполнила, что ей было приказано, покачивая головой, чтобъ показать, что, по ея мнѣнію, эта женщина не умретъ такъ легко. Затѣмъ она отошла къ другой старухѣ, которая тѣмъ временемъ пришла и усѣлась съ ней рядкомъ.

М-съ Корней съ скучающимъ нетерпѣливымъ видомъ закуталась покрѣпче въ шаль и сѣла у ногъ больной.

Аптекарскій ученикъ, окончившій изготовленіе зубочистки, пустилъ ее въ дѣло и минутъ десять ковырялъ въ зубахъ, грѣясь у камина. Наконецъ, это ему наскучило, и пожелавъ м-съ Корней успѣха въ ея трудномъ дѣлѣ, онъ на цыпочкахъ удалился.

Нѣсколько времени царствовало молчаніе. Потомъ старухи отошли къ камину и, присѣвъ на корточки, принялись отогрѣвать свои изсохшія руки. Пламя бросало зловѣщій отблескъ на ихъ морщинистыя лица, и отъ этого безобразныя вѣдьмы казались еще ужаснѣе.

— Говорила она еще что-нибудь, милая Анна, пока меня не было? шепотомъ спросила старуха, ходившая за надзирательницей.

— Ни слова не говорила. Она стала было царапать себѣ руки и кусала ногти, но я придержала ей руки, и она скоро утихла. У нея силы осталось мало, и я скоро съ ней справилась. Я еще не слаба для своихъ лѣтъ, хоть и живу на приходскихъ харчахъ!

— Выпила она горячее вино, что прописалъ ей принять лекарь? спросила первая старуха.

— Я пробовала было ей дать, но у нея зубы такъ стиснуты, и она такъ крѣпко ими ухватила стаканъ, что я едва его вырвала назадъ. И потому я сама выпила это вино, и оно мнѣ принесло пользу.

Онѣ оглянулись, чтобъ удостовѣриться, что ихъ не слышатъ, ближе нагнулись къ огню и весело захихикали.

— Я помню время, когда она сама сдѣлала бы то же самое и послѣ вволю бы посмѣялась надъ этимъ, заговорила первая старуха.

— Еще бы, она была большая шутница! согласилась другая.

— И сколько красавицъ покойницъ убирала она, изъ ея рукъ онѣ выходили хорошенькими и чистенькими какъ восковыя фигуры. Мои старые глаза видѣли ихъ, и мои старыя руки касались ихъ, потому что я помогала ей несчетное число разъ.

При этихъ словахъ старуха вытянула дрожащіе пальцы и въ какомъ то экстазѣ потрясла ими передъ своимъ лицомъ. Порывшись въ карманѣ, она вытащила оттуда старую полинявшую жестяную табакерку, высыпала изъ нея щепотку табаку на протянутую ладонь своей пріятельницы и другую щепотку покрупнѣе на свою собственную. На этомъ занятіи застала ихъ м-съ Корней, которая оставила умирающую, потерявъ всякое терпѣніе, потому что та все не приходила въ себя. Подойдя къ старухамъ, надзирательница рѣзко спросила, долго ли ей еще ждать.

— Не долго, мистриссъ, отвѣчала вторая старуха, взглянувъ на нее. Смерть никого изъ насъ не заставляетъ долго ждать. Терпѣніе, терпѣніе! Она скоро придетъ ко всѣмъ намъ...

— Прикуси свой языкъ, полоумная идіотка! грозно прикрикнула на нее м-съ Корней. Скажи мнѣ, Марта, была она уже въ такомъ положеніи?

— И не разъ, отвѣчала первая старуха.

— Но больше она никогда ужъ такой не будетъ, добавила вторая, и если проснется еще разъ, такъ это будетъ послѣдній, и попомните мои слова, мистриссъ, недолго этого придется ждать.

— Долго ли, скоро ли, а только она ужъ не найдетъ меня здѣсь, когда очнется, сварливо отвѣтила надзирательница. А вы обѣ берегитесь въ другой разъ тревожить меня по пустя-

камъ. Я не обязана присутствовать у смертнаго одра всѣхъ призрѣваемыхъ старухъ, а главное, вовсе этого не желаю. Запомните это, старыя колотовки!.. Если вы будете имѣть наглость еще разъ одурачить меня, я тотчасъ же васъ вылечу, ручаюсь вамъ.

Она съ шумомъ пошла было къ двери, но крикъ обернувшихся къ постели старухъ заставилъ ее оглянуться. Больная сидѣла на постели и простирала къ нимъ руки.

— Кто тамъ? хриплымъ голосомъ вскричала она.

— Тс, тс! лягъ! успокаивала ее одна изъ старухъ, наклоняясь къ ней.

— Я больше ужъ не лягу живой, говорила отбиваясь отъ нея больная. Я хочу говорить съ ней! Подите сюда, ближе, ближе, чтобъ я могла сказать вамъ на ухо...

Она схватила надзирательницу за руку, заставила ее сѣсть на стулъ возлѣ постели и хотѣла было заговорить, но, оглянувшись, замѣтила старухъ, которыя, вытянувъ шеи, съ жаднымъ любопытствомъ прислушивались.

— Прогоните ихъ, едва слышно проговорила она, только скорѣе, скорѣе!

Обѣ старыя хрычовки разомъ начали причитать, что бѣдняжка совсѣмъ тронулась, не узнаетъ даже своихъ закадычныхъ друзей и клялись, что ее ни за что не покинутъ.

Но надзирательница безъ церемоніи вытолкала ихъ изъ комнаты, заперла дверь и вернулась къ постели умирающей. Изгнанныя старухи заговорили другимъ тономъ и стали кричать въ замочную скважину, что старая Салли пьяна, въ чемъ была нѣкоторая доза вѣроятія, такъ какъ вдобавокъ къ порядочному пріему опіума, данному ей аптекарскимъ ученикомъ, Салли находилась и подъ вліяніемъ остатковъ водки, которые по добротѣ сердца дали ей потихоньку проглотить достойныя пріятельницы, когда угощались сами.

— Теперь слушайте, громко проговорила умирающая, силясь воскресить послѣднюю искру угасающей энергіи.—Въ этой самой комнатѣ, на этой самой постели лежала одна молоденькая красотка, за которой я ходила. Ее принесли къ намъ въ домъ съ израненными, истертыми отъ ходьбы ногами, запыленными и окровавленными. Родила она мальчика и умерла. Дайте вспомнить, въ какомъ это году...

— Ну все равно, въ которомъ году, что же дальше? торопила ее нетерпѣливая слушательница.

— Да, что, бишь, я о ней хотѣла сказать? бормотала Салли, впавшая опять въ прежнее полудремотное состояніе. А, помню! вдругъ вскричала она яростно рванувшись; лицо ея пылало, глаза готовы были выскочить изъ орбитъ.—Я обокрала ее, вотъ что я сдѣлала! Она была еще теплая, говорю вамъ, не успѣла еще остыть, когда я украла...

— Что же ты украла, говори, ради Бога? вскричала надзи-

рательница. По ея движенію видно было, что она готова позвать на помощь. Умирающая закрыла рукою ей ротъ.

— Послѣднюю единственную вещь, которая у нея оставалась, я украла.—У ней не было теплой одеженки согрѣть тѣло, ей нечего было ѣсть, но она все хранила эту вещь, берегла у себя на груди. Она была золотая, цѣнная и могла бы спасти ей жизнь...

— Золотая? повторила надзирательница, склоняясь къ умирающей, которая опять упала навзничь. — Ну, говори же дальше... Что это было? Кто была она? Когда это случилось?

— Она поручила мнѣ сохранить это, со стономъ продолжала больная. Она довѣрилась мнѣ, какъ единственной женщинѣ, которая при ней была. Я мысленно украла это тогда уже, когда она мнѣ въ первый разъ показала, что носитъ это на шеѣ. Быть можетъ, на моей душѣ, кромѣ того и смерть ребенка. Съ нимъ бы лучше обращались, еслибъ знали все...

— Еслибъ знали что? Говори! допрашивала надзирательница.

— Мальчикъ росъ похожимъ, какъ двѣ капли воды на мать, заговорила Салли, не отвѣчая на вопросъ. Когда мнѣ попадалось на глаза его лицо, я всегда вспоминала о ней. Бѣдняжечка, бѣдняжечка, такая молодая, такая кроткая, какъ овечка! Погодите... Я еще что-то должна сказать... Я вѣдь не все вамъ сказала?

— Нѣтъ, не все, не все! Торопись, а то будетъ слишкомъ поздно, отвѣчала надзирательница, нагибаясь къ умирающей, чтобъ не проронить ни слова, такъ какъ та говорила все слабѣе и слабѣе.

Сдѣлавъ надъ собою неимовѣрное усиліе, Салли продолжала:

— Когда начались у нея смертныя муки, молодая мать прошептала мнѣ на ухо, что если ея ребенокъ родится живымъ и выростетъ, то придетъ день, когда онъ будетъ не очень стыдиться имени своей бѣдной матери. И сложивъ свои тоненькія ручки она сказала: „Во имя всего святого, разыщите друзей этому ребенку,—мальчикъ ли онъ будетъ, или дѣвочка,—и сжальтесь надъ одинокимъ, покинутымъ младенцемъ, оставленнымъ въ этомъ мірѣ бѣдъ на произволъ судьбы“.

— Имя мальчика?

— Его назвали Оливеромъ, едва слышно отвѣчала умирающая. Вещь, которую я украла, была...

— Что? что?

Надзирательница жадно припала къ умирающей, чтобъ услышать ея отвѣтъ, но невольно отпрянула назадъ. Та опять медленно приподнялась, вытянулась, обѣими руками уцѣпилась за одѣяло, какое-то невнятное хрипѣніе послышалось въ ея горлѣ, и она бездыханная упала на постель . . . . . .

. . . .

— Умерла! произнесла одна изъ старухъ, врываясь въ комнату, какъ только дверь была отперта.

— Такъ таки ничего и не сказала, небрежно проговорила надзирательница, уходя домой.

Обѣ старухи, повидимому, были слишкомъ заняты приготовленіями къ своему печальному дѣлу, такъ что ничего ей не отвѣтили, и остались однѣ около трупа.

ГЛАВА XXV.

Разсказъ опять возвращается къ мистеру Феджину и Компаніи.

Въ то время, какъ разсказанныя событія происходили въ Домѣ Призрѣнія, м-ръ Феджинъ сидѣлъ передъ потухающимъ дымнымъ огнемъ въ своей старой берлогѣ, той самой, откуда Нанси увела Оливера. На колѣняхъ у него лежали мѣхи, которыми онъ, какъ видно, собирался раздуть огонь, но отвлекся какими-то другими мыслями. Облокотившись на мѣхи, подперевъ подбородокъ двумя пальцами, онъ сидѣлъ неподвижно, разсѣянно устремивъ глаза на ржавую каминную рѣшетку.

За его спиной сидѣли у стола Ловкій Пройдоха, Чарли Бэтсъ и м-ръ Читлингъ, занятые игрою въ вистъ. Даукинсъ игралъ съ болваномъ противъ Бэтса и Читлинга. Лицо перваго джентльмена, всегда отличавшееся проницательностью, было на этотъ разъ особенно сосредоточенно вслѣдствіе внимательнаго наблюденія за ходомъ игры и за картами его сосѣда, мистера Читлинга. Время отъ времени, при всякомъ удобномъ случаѣ онъ бросалъ на нихъ нескромные взгляды и мудро соображалъ свою игру съ результатами своихъ наблюденій. По случаю холоднаго вечера онъ былъ въ шляпѣ,—онъ частенько имѣлъ обыкновеніе надѣвать ее въ комнатѣ. Въ зубахъ у него торчала глиняная трубка; онъ выпускалъ ее лишь на короткое время, чтобъ приложиться къ большой кружкѣ съ пуншемъ, стоявшей тутъ же на столѣ для угощенія честной компаніи.

М-ръ Бетсъ тоже игралъ съ большимъ вниманіемъ, но такъ какъ характеръ у него былъ болѣе увлекающійся, чѣмъ у его талантливаго друга, то онъ отдавалъ слишкомъ замѣтное предпочтеніе джину и сверхъ того позволялъ себѣ много не идущихъ къ дѣлу замѣчаній и шутокъ, въ высшей степени неумѣстныхъ въ такой солидной игрѣ, какъ вистъ. Пройдоха, на правахъ короткаго друга, не разъ уже серьезно ему указывалъ на все неприличіе такихъ выходокъ, и м-ръ Бетсъ благосклонно принималъ эти замѣчанія, ограничиваясь только пожеланіями, чтобъ его другъ „провалился“, чтобъ его „разорвало“, и сыпалъ разными острыми словечками въ такомъ же

родѣ, необыкновенно удачно примѣняя ихъ къ данному случаю, чѣмъ и вызывалъ несказанное восхищеніе со стороны мистера Читлинга. Замѣчательно, что послѣдній джентльменъ, вмѣстѣ со своимъ партнеромъ, неизмѣнно оставался въ проигрышѣ, и это обстоятельство не только не сердило м-ра Бэтса, напротивъ, доставляло ему, повидимому, огромное удовольствіе, по крайней мѣрѣ, онъ хохоталъ во все горло послѣ каждой сдачи и увѣрялъ, что такой забавной игры онъ отъ роду не видывалъ.

— За двѣ партіи, да за робберъ,—проговорилъ, вынимая изъ кармана полукрону м-ръ Читлингъ съ вытянутымъ лицомъ; отродясь не видалъ такого хвата, какъ ты, Джекъ: ты вѣчно въ выигрышѣ. Даже когда у насъ съ Чарли на рукахъ хорошія карты, ты и тогда насъ обыгрываешь.

Неизвѣстно, что развеселило Чарли Бэтса, замѣчаніе ли это или грустный тонъ мистера Читлинга, только онъ залился оглушительнымъ хохотомъ, отъ котораго даже еврей вышелъ изъ задумчивости и спросилъ о причинѣ смѣха.

— Ахъ, Феджинъ, какъ жаль, что ты не слѣдилъ за игрой! воскликнулъ Чарли. Томми Читлингъ не выигралъ ни одной фишки, а игралъ онъ со мной противъ Пройдохи и болвана.

— Такъ, такъ! попробуй еще разокъ отыграться, Томъ, попробуй! проговорилъ еврей съ усмѣшкой, показывавшей, что онъ отлично понималъ причину его проигрыша.

— Спасибо, Феджинъ, больше отъ меня онъ не поживится, будетъ съ меня! Этому Пройдохѣ такъ везетъ, что противъ него играть совсѣмъ нельзя.

— Ха-ха-ха! подхватилъ еврей. Ты, миленькій, долженъ встать утромъ пораньше, чтобъ обыграть Пройдоху.

— И не утромъ даже, а наканунѣ обуйся, да приставь по телескопу къ каждому глазу и бинокль привѣсь черезъ плечо, если хочешь его одолѣть, возразилъ Чарли Бэтсъ.

М-ръ Даукинсъ, внимавшій этимъ хвалебнымъ рѣчамъ съ равнодушіемъ истиннаго философа, предложилъ присутствующимъ джентльменамъ сразиться съ нимъ по шиллингу ставка и вызывался побить ихъ на первой же фигурѣ. Желающихъ принять этотъ вызовъ не нашлось, и онъ, отложивъ въ сторону выкуренную до конца трубку, сталъ для развлеченія чертить на столѣ мѣломъ, которымъ записывались при игрѣ счеты, планъ Ньюгетской тюрьмы, насвистывая при этомъ особенно пронзительно.

— Ты что-то необыкновенно скученъ, Томми! обратился вдругъ къ мистеру Читлингу Пройдоха послѣ долгаго молчанія, оставляя, наконецъ, свое занятіе. Какъ тебѣ кажется, Феджинъ, о чемъ онъ задумался?

— Почемъ я знаю, миленькій! отозвался Феджинъ, обертываясь къ нимъ, но продолжая работать мѣхами.— О своемъ проигрышѣ, пожалуй, а, можетъ быть, о своемъ непродолжи-

тельномъ пребываніи въ томъ уединенномъ провинціальномъ уголкѣ, откуда онъ только недавно вернулся, э? Ха-ха-ха! Угадалъ я, миленькій?

— Какъ бы не такъ! Ну, а ты, что скажешь, Чарли? продолжалъ Пройдоха, перебивая мистера Читлинга, собиравшагося что-то возразить.

М-ръ Бэтсъ отвѣчалъ ухмыляясь: „А я скажу, что онъ последнее время ужасно пріударяетъ за Бэтси. Посмотрите, какъ онъ покраснѣлъ! Ахъ, глазыньки мои! да вѣдь этакъ со смѣху лопнуть можно! Томми Читлингъ влюбленъ! О, Феджинъ, Феджинъ, вотъ такъ оказія!“ И пораженный мыслью, что м-ръ Читлингъ жертва нѣжной страсти, Чарли со всего размаха откинулся на спинку стула, потерялъ равновѣсіе и свалился на полъ. Это обстоятельство нисколько не повліяло на его веселое настроеніе, онъ лежалъ растянувшись во весь ростъ. пока не нахохотался досыта, затѣмъ сѣлъ на прежнее мѣсто и опять прыснулъ.

— Не обращай на него вниманія, дружокъ, сказалъ мистеру Читлингу еврей, подмигнувъ Даукинсу и шлепнувъ щипцами проказника Чарли.—Бэтси славная дѣвушка, ты, Томъ, держись ее.

— Вотъ что я скажу тебѣ, Феджинъ,—промолвилъ красный какъ макъ м-ръ Читлингъ,—никому изъ васъ до этого нѣтъ ровно никакого дѣла.

— Ни малѣйшаго, подтвердилъ Феджинъ. Чарли болтаетъ зря, не обращай на него вниманія, миленькій. Бэтси славная дѣвушка; поступай какъ она тебѣ велитъ, и ты составишь себѣ состояніе.

— Да, я дѣлалъ все, какъ она велитъ... И въ тюрьму угодилъ, потому что поступилъ по ея совѣту. Но для тебя, Феджинъ, это оборотилось тогда выгодно, не такъ-ли? Да и что значатъ какихъ нибудь шесть недѣль высидки! Рано или поздно ее не избѣжишь, а все же сподручнѣе въ зимнее время, когда нѣтъ охоты выходить на улицу, правда, Феджинъ?

— Вѣрно, вѣрно, миленькій.

— И ты вѣдь не прочь еще разъ посидѣть, Томъ, чтобъ выгородить Бэтъ? спросилъ Пройдоха, подмигивая Чарли и еврею.

— А вотъ же и не прочь, сердито буркнулъ Томъ.—Такъ и знайте! Хотѣлъ бы я посмотрѣть, кто другой вызовется на это? а, Феджинъ?

— Никто, миленькій, ни одна душа, Томъ! Кромѣ тебя я не знаю никого, кто бы такъ сдѣлалъ, ни одинъ изъ нихъ этого не сдѣлалъ бы, миленькій.

— Я могъ бы выйти сухъ изъ воды, если бъ выдалъ Бэтси, такъ вѣдь, Феджинъ? задорно продолжалъ бѣдный одураченный простофиля.—Одного слова съ моей стороны было бы достаточно, неправда ли, Феджинъ?

— Разумѣется, довольно бы одного твоего слова, миленькій.

— И я его не сказалъ: не такъ ли, Феджинъ? продолжалъ сыпать вопросами неугомонный Томъ.

— Ну, конечно; у тебя было слишкомъ много мужества, чтобъ такъ сдѣлать. Ты былъ слишкомъ даже безстрашенъ, миленькій.

— Можетъ быть,—согласился Томъ, озираясь кругомъ. А если и такъ, то что же тутъ смѣшного? развѣ надъ этимъ можно смѣяться, Феджинъ?

Замѣтивъ, что м-ръ Читлингъ крайне раздраженъ, еврей поспѣшилъ его завѣрить, что никто надъ нимъ и не думалъ смѣяться, и въ доказательство того, что всѣ серьезны, сослался на главнаго зачинщика, м-ра Бэтса. Чарли открылъ уже ротъ, чтобъ заявить, что ни разу въ жизни не бывалъ такъ серьезенъ, какъ въ эту минуту, но къ несчастью не могъ удержаться онъ громкаго хохота. Взбѣшенный Читлингъ безъ дальнѣйшихъ церемоній ринулся къ нему изъ другого конца комнаты и размахнулся, чтобъ ударить своего обидчика. Но тотъ, будучи чрезвычайно искусенъ въ оборонительной тактикѣ, во время наклонился, чтобъ избѣжать удара, и такъ удачно выбралъ минуту, что кулакъ мистера Читлинга угодилъ въ грудь весельчаку еврею.

Старикъ покачнулся, еле устоялъ на ногахъ и долженъ былъ опереться о стѣнку, чтобъ перевести духъ. М-ръ Читлингъ съ замѣшательствомъ созерцалъ дѣло своихъ рукъ.

— Тише! крикнулъ въ это мгновеніе Даукинсъ. Мнѣ послышался колокольчикъ.

Онъ схватилъ свѣчу и тихонько прокрался на лѣстницу.

Оставшіеся въ темной комнатѣ услышали новый нетерпѣливый звонокъ.

Спустя немного времени, появился Пройдоха и таинственно шепнулъ что-то на ухо Феджину.

— Какъ! Онъ одинъ? вскричалъ тотъ.

Пройдоха утвердительно кивнулъ головой и, заслонивъ рукой пламя свѣчи, знакомъ показалъ Чарли Бэтсу, что ему теперь слѣдуетъ прекратить свои веселыя проказы. Преподавъ этотъ дружескій совѣтъ, Пройдоха устремилъ глаза на лицо еврея, въ ожиданіи его распоряженій.

Нѣсколько минутъ старикъ о чемъ-то размышлялъ, кусая свои желтые пальцы; на лицѣ его отражалось сильное волнененіе, онъ какъ будто боялся чего-то и не рѣшался спросить, опасаясь услышать самое худшее. Наконецъ, онъ поднялъ голову и спросилъ.

— Гдѣ онъ?

Пройдоха указалъ на верхній этажъ и знакомъ спросилъ, не пойти ли ему туда?

— Да,—отвѣчалъ на этотъ безмолвный вопросъ Феджинъ,— поди и приведи его сюда. Тс! угомонись, Чарли! Тише, Томъ! убирайтесь, убирайтесь вонъ!

Чарли и его недавній противникъ немедленно и безшумно исполнили это приказаніе. Они исчезли безслѣдно, когда сверху спустился со свѣчой Даукинсъ въ сопровожденіи человѣка въ грубой рабочей блузѣ. Окинувъ быстрымъ взглядомъ комнату, этотъ человѣкъ сбросилъ широкій шарфъ, закрывавшій всю нижнюю часть его лица, и глазамъ еврея предстала физіономія франта Тоби Крекита, немытая, небритая, осунувшаяся.

— Какъ живете-можете, Феджинъ? кивнувъ еврею, произнесъ этотъ достойный джентльменъ.—Спрячь шарфъ въ мою шляпу, Пройдоха, чтобъ я зналъ, гдѣ его найти, когда придетъ пора удирать. Изъ тебя, малый, выйдетъ бравый громила для этого стараго хитреца.

Съ этими словами онъ стащилъ съ себя блузу и обернувшись ею, какъ поясомъ, придвинулъ стулъ къ огню и поставилъ ноги на каминную рѣшетку.

— Смотри, Феджинъ, ни единой капли издѣлія Дэя и Мартина,—съ грустью указалъ онъ на свои щегольскіе сапоги: клянусь—ни капельки ваксы, Богъ знаетъ, съ какихъ поръ! Да не гляди же ты такъ на меня, дружище! Все въ свое время! Пока я не поѣмъ и не утолю жажды, я не въ состояніи толковать о дѣлахъ. Собери-ка на столъ и дай мнѣ спокойно поѣсть первый разъ впродолженіе этихъ трехъ дней!

Еврей знакомъ приказалъ Даукинсу поставить на столъ все, что было съѣстнаго, и помѣстившись насупротивъ разбойника, сталъ ожидать, когда тотъ заговоритъ.

Тоби, повидимому, нисколько не торопился начать разговоръ. Еврей сначала довольно терпѣливо наблюдалъ его лицо, думая по выраженію отгадать, какія вѣсти онъ принесъ. Не тутъ-то было! Тоби видъ имѣлъ усталый, измученный, но черты его носили обычное выраженіе невозмутимаго спокойствія; на лицѣ его, несмотря на кору грязи и небритую бороду, сіяла во всемъ великолѣпіи самодовольная улыбка неотразимаго франта Тоби Крекита. Мучимый нетерпѣніемъ, еврей сталъ слѣдить глазами за каждымъ кускомъ, который тотъ отправлялъ въ ротъ; наконецъ, забѣгалъ по комнатѣ, будучи не въ силахъ справиться со своимъ волненіемъ. Все было напрасно. Тоби продолжалъ ѣсть, сохраняя по внѣшности прежній видъ полнѣйшаго равнодушія до тѣхъ поръ, пока на столѣ больше ничего ужъ не оставалось. Тогда онъ приказалъ Даукинсу выйти вонъ, заперъ дверь, налилъ себѣ стаканъ водки и приготовился бесѣдовать.

— Перво на перво, Феджинъ... заговорилъ онъ.

— Да, да, подхватилъ еврей, придвигаясь ближе къ нему.

М-ръ Крекитъ отхлебнулъ изъ стакана, объявилъ, что водка первый сортъ, поднялъ ноги на невысокую каминную доску, такъ что привелъ свои сапоги въ одинъ уровень съ глазами, и тогда только продолжалъ:

— Перво на перво, Феджинъ, скажи, что съ Билемъ?

— Что? воскликнулъ еврей, срываясь съ мѣста.

— Неужто ты хочешь сказать... началъ Тоби, поблѣднѣвъ.

— Я хочу спросить, гдѣ они, Сайксъ съ мальчикомъ? бѣшено затопалъ ногами еврей.—Гдѣ они? Гдѣ они были? Гдѣ они скрываются? почему не являются сюда?

— Насъ постигла неудача, пролепеталъ Тоби.

— Я это знаю, вскричалъ еврей, вытаскивая изъ кармана газету и указывая на отдѣлъ происшествій.—Что же дальше?

— Въ насъ стрѣляли, попали въ мальчика. Мы бросились на утекъ, захвативъ его съ собою; бѣжали полемъ напрямикъ, какъ воронъ летитъ, черезъ изгороди и канавы. За нами по пятамъ погоня... Проклятіе! вся деревня поднялась, собаки за нами гнались...

— Мальчикъ? мальчикъ?...

— Биль несъ его на спинѣ и мчался какъ вихрь. Мы остановились, чтобъ понести его вдвоемъ, голова его повисла, онъ былъ совсѣмъ холодный. Насъ настигали. Тутъ ужъ каждый думай за себя, какъ удрать самому отъ висѣлицы! Мы разстались и бросились въ разныя стороны, положивъ мальчика въ канаву. Живъ онъ или мертвъ—я и того не знаю.

Еврей больше не сталъ слушать. Вцѣпившись руками въ волосы, съ громкимъ воплемъ онъ выбѣжалъ изъ комнаты и бросился на улицу.

ГЛАВА XXVI.

На сцену появляется таинственная личность и совершается много такого, что читателю необходимо знать.

Старый еврей, даже очутившись на углу улицы, все еще находился подъ впечатлѣніемъ потрясающаго извѣстія, сообщеннаго Тоби Крекитомъ. Онъ продолжалъ бѣжать впередъ съ несвойственной ему быстротой, съ тѣмъ же растеряннымъ, безумнымъ видомъ. Раздавшійся надъ самымъ его ухомъ стукъ кареты и громкій крикъ прохожихъ, замѣтившихъ, какой опасности онъ подвергался, заставили его отскочить съ дороги на тротуаръ. Избѣгая по возможности большія улицы, пробираясь по глухимъ переулкамъ и проходнымъ дворамъ, добрался онъ, наконецъ, до Сноу-Гиля. Тутъ онъ еще прибавилъ шагу и только очутившись за его предѣлами, въ узенькомъ переулкѣ, пошелъ своей обычной виляющей походкой, какъ будто нѣсколько успокоившись, почувствовавъ себя въ своей стихіи.

Почти на самой границѣ Сноу-Гиля и Гольборнъ-Гиля лежитъ узкій, мрачный переулокъ, ведущій къ Сафронъ-Гилю. Здѣсь въ грязныхъ лавчонкахъ выставлены для продажи цѣлыя груды подержанныхъ шелковыхъ платковъ всѣхъ величинъ

и всевозможныхъ цвѣтовъ, потому что здѣсь имѣютъ мѣстопребываніе торговцы, покупающіе ихъ отъ карманныхъ воровъ. Сотни платковъ развѣшены на гвоздяхъ за окнами и развѣваются на дверяхъ, магазинныя полки завалены ими. Несмотря на тѣсные предѣлы Фильдлэна, здѣсь есть своя цирюльня, своя кофейня, своя пивная, своя лавочка жареной рыбы, это цѣлая торговая колонія, складъ краденыхъ вещей. Раннимъ утромъ и при наступленіи вечера здѣсь появляются какіе-то молчаливые продавцы, совершаютъ коммерческія сдѣлки въ темныхъ заднихъ комнатахъ лавокъ и исчезаютъ такъ же таинственно, какъ и пришли. Здѣсь торговцы старымъ платьемъ, чиненной обувью, тряпками выставляютъ свои товары, какъ вывѣску для мелкаго воришки; здѣсь запасы стараго желѣза и костей, груды заплѣсневѣлыхъ шерстяныхъ матерій и полотенъ ржавѣютъ и гніютъ въ темныхъ подвалахъ.

Сюда-то направился Феджинъ. Онъ, какъ видно, былъ хорошо знакомъ аборигенамъ Фильдлэна, потому что тѣ изъ нихъ, которые стояли у дверей лавокъ, высматривая продавцовъ и покупателей, дружески кивали ему, когда онъ проходилъ мимо. Онъ такъ же привѣтливо съ ними раскланивался, но не выказывалъ желанія вступить въ бесѣду съ кѣмъ либо изъ нихъ. Дойдя до конца переулка, онъ, наконецъ, остановился передъ маленькимъ человѣчкомъ, сидѣвшимъ съ трубкой въ зубахъ у дверей своей лавки въ дѣтскомъ креслицѣ, втиснувшись туда, на сколько позволяли его размѣры.

— При видѣ васъ, мистеръ Феджинъ, и глазную болѣзнь какъ рукой сниметъ, отвѣчалъ этотъ почтенный торговецъ старому еврею, освѣдомившемуся о его здоровьи.

— Въ здѣшней мѣстности, Лайвли, кажется, было довольно жарко? проговорилъ Феджинъ, скрестивъ на груди руки и поднимая кверху брови.

— Я слышалъ раза два, какъ на это жаловались, но вскорѣ опять стало прохладно. Развѣ вы не чувствуете? Феджинъ утвердительно кивнулъ головой и указывая по направленію Сафронъ-Гиля спросилъ, не было ли кого тамъ сегодня?

— У „Калѣкъ?“ переспросилъ почтенный торговецъ.

Еврей кивнулъ головою.

— Дайте подумать, проговорилъ торговецъ, что-то соображая. Насколько мнѣ извѣстно, тамъ перебывало человѣкъ шесть, но въ ихъ числѣ не было никого изъ вашихъ друзей.

— Сайксъ, значитъ, не былъ? съ разочарованнымъ видомъ проворчалъ еврей.

— Non ist wentus — какъ говорятъ ученые адвокаты, отвѣтилъ маленькій человѣчекъ, покачавъ головой и принимая необыкновенно хитрый видъ.—Нѣтъ ли у васъ сегодня чего нибудь по моей части?

— Сегодня ничего, отвѣтилъ еврей и повернулся, чтобъ уйти.

— Вы идете къ „Калѣкамъ“, Феджинъ? крикнулъ вслѣдъ ему маленькій человѣчекъ. Постойте! Я не прочь пойти вмѣстѣ съ вами промочить горло.

Но еврей обернулся и махнулъ рукою въ знакъ того, что онъ предпочитаетъ идти одинъ, да кромѣ того, м-ръ Ляйвли не такъ-то скоро могъ высвободиться изъ своего кресла, вслѣдствіе этого на сей разъ трактиръ „Калѣкъ“ не имѣлъ удовольствія пользоваться его присутствіемъ. Еврей уже исчезъ, когда мистеру Ляйвли удалось, наконецъ, встать на ноги; тщетно онъ приподымался на цыпочки, въ надеждѣ увидѣть его,—Феджина и слѣдъ простылъ. Обмѣнявшись выразительнымъ взглядомъ съ женщиной, торговавшей въ лавкѣ насупротивъ, и подозрительно покачавъ головой, онъ опять втиснулся въ креслице и торжественно закурилъ снова свою трубку.

Трактиръ „Трехъ Калѣкъ“ или просто „Калѣки“, какъ звали это заведеніе его постоянные посѣтители, былъ тотъ самый трактиръ, въ которомъ мы уже разъ видѣли мистера Сайкса съ его собакой. Сдѣлавъ какой-то знакъ человѣку, сидѣвшему за буфетной стойкой, Феджинъ прямо прошелъ наверхъ, отворилъ дверь общей залы, незамѣтно проскользнулъ въ нее и заслонивъ глаза рукой отъ свѣта сталъ искать того, кто ему былъ нуженъ.

Зала была освѣщена двумя газовыми рожками, на окнахъ были заложены ставни и спущены полинялыя красныя занавѣски, чтобъ свѣтъ не былъ виденъ съ улицы; потолокъ былъ выкрашенъ чернымъ, чтобъ не было видно копоти; въ комнатѣ стоялъ такой густой табачный дымъ, что сразу ничего нельзя было разглядѣть.

Мало-по-малу, когда часть дыма ушла въ открытую дверь, глазамъ вошедшаго представилось скопище людей, такое же смѣшанное, какъ звуки, долетавшіе до его ушей. Когда его глаза больше свыклись съ обстановкой, онъ увидѣлъ многочисленное общество мужчинъ и дамъ, размѣстившееся вокругъ длиннаго стола, на концѣ котораго сидѣлъ предсѣдатель собранія, державшій въ рукѣ молоточекъ—знакъ своего достоинства. Въ дальнемъ углу за разстроеннымъ фортепіано сидѣлъ таперъ съ сизымъ носомъ и подвязанной отъ зубной боли щекой.

Когда Феджинъ незамѣтно вошелъ въ комнату, музыкантъ, склонившись надъ клавишами, заигралъ прелюдію, собраніе единодушнымъ крикомъ потребовало пѣсню. Какъ только возстановилось молчаніе, одна молодая особа для увеселенія общества пропѣла пѣсенку изъ четырехъ куплетовъ; въ промежуткахъ акомпаніаторъ игралъ съ начала до конца мотивъ пѣсни, изо всей мочи стуча по клавишамъ. Когда пѣвица кончила, предсѣдатель выразилъ свое одобреніе, затѣмъ два пѣвца, сидѣвшіе по правую и по лѣвую его руку, вызвались исполнить дуэтъ; пѣніе ихъ вызвало громкіе аплодисменты.

Нѣкоторыя выдававшіяся изъ общей группы лица были до-

стойны наблюденія. Таковъ былъ, во-первыхъ, самъ предсѣдатель—хозяинъ трактира, коренастый дѣтина съ грубыми манерами и звѣрскимъ лицомъ; во время пѣнія онъ поводилъ глазами то направо, то налѣво; судя по наружному виду, онъ вполнѣ отдавался веселью, но на самомъ дѣлѣ глазъ его подмѣчалъ все, что дѣлалось вокругъ, и ухо ловило все, что говорилось, а зрѣніе и слухъ у него были преострые. Сидѣвшіе возлѣ него пѣвцы съ равнодушіемъ, подобающимъ признаннымъ артистамъ, принимали похвалы присутствующихъ и взамѣнъ благосклонно проглатывали дюжинами стаканы пунша, которые имъ подносили самые восторженные ихъ почитатели. Лица этихъ поклонниковъ таланта невольно привлекали къ себѣ вниманіе, до того они были отталкивающія: кажется, всѣ пороки въ большей или меньшей степени наложили на нихъ печать свою. Вы здѣсь могли наблюдать всевозможныя, самыя ужасныя проявленія лукавства, звѣрства и опьяненія, даже среди женщинъ. Женщины представляли самую темную и грустную сторону въ этой страшной картинѣ: однѣ изъ нихъ еще сохранили первую свѣжесть юности, цвѣтъ которой увядалъ на вашихъ глазахъ; съ лицъ другихъ давно уже исчезли всѣ отличительныя черты прекраснаго пола, уступивъ мѣсто преступленію и разврату; иныя были еще почти дѣвочки, другія въ полномъ расцвѣтѣ молодости, но не было ни одной, достигшей средняго возраста.

Феджина не смущали никакія размышленія такого сорта. Пока шло пѣніе, онъ пытливо вглядывался въ лица присутствующихъ и, повидимому, не находилъ того, кого искалъ. Поймавъ, наконецъ, взглядъ человѣка, занимавшаго предсѣдательское мѣсто, онъ легонько кивнулъ и такъ же тихо, какъ вошелъ, удалился изъ залы.

— Чѣмъ могу служить вамъ, мистеръ Феджинъ? спросилъ этотъ джентльменъ, выходя вслѣдъ за нимъ на площадку лѣстницы.—Не желаете ли присоединиться къ нашей компаніи? Всѣхъ насъ очень обрадуете.

Еврей раздражительно замоталъ головой и спросилъ шепотомъ: Онъ здѣсь?

— Нѣтъ.

— И о Барнеѣ нѣтъ никакихъ извѣстій?

— Никакихъ, отвѣчалъ содержатель трактира,—Барней не тронется съ мѣста, пока все не успокоится. Навѣрно тамъ напали на слѣдъ, и если онъ тронется, все можетъ сразу полетѣть къ чорту. Съ Барнеемъ все благополучно, иначе онъ далъ бы мнѣ знать. Будьте увѣрены, Барней дѣйствуетъ какъ должно, я готовъ прозакладывать что угодно.

— А *онъ* будетъ здѣсь сегодня? спросилъ еврей съ тѣмъ же удареніемъ на этомъ мѣстоименіи, какъ и въ первый разъ.

— Вы спрашиваете о Монксѣ? нерѣшительно проговорилъ трактирщикъ.

— Тс!! да, о немъ.

— Навѣрно будетъ, я уже давно его поджидаю, отвѣчалъ трактирщикъ, вынимая изъ кармана золотые часы. Если вы подождете минутъ десять, онъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, быстро перебилъ его еврей. Онъ, повидимому, и желалъ увидѣть того, о комъ спрашивалъ, но какъ будто обрадовался, что его еще нѣтъ. Передайте ему, что я заходилъ повидаться съ нимъ и просилъ, чтобъ онъ сегодня зашелъ ко мнѣ. Нѣтъ! скажите лучше, чтобъ зашелъ завтра. Такъ какъ его еще здѣсь нѣтъ, то и завтра успѣется.

— Хорошо. Больше ничего?

— Больше ничего, отвѣчалъ еврей, начиная спускаться съ лѣстницы.

Трактирщикъ, перегнувшись черезъ перила, произнесъ хриплымъ шепотомъ: „Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать: теперь самое удобное время для продажи. У меня здѣсь Филь Баркеръ, пьянъ какъ стелька, ребенокъ можетъ теперь его взять“.

— Ага! Но его очередь еще не пришла, поднимая глаза кверху, проговорилъ еврей,—Филь Баркеръ долженъ еще кое-что намъ обдѣлать, прежде чѣмъ мы съ нимъ распрощаемся. Возвращайтесь къ честной компаніи, миленькій, и скажите имъ, чтобъ веселились пока можно, такъ какъ жизнь коротка. Ха-ха-ха!

Трактирщикъ расхохотался вмѣстѣ со старикомъ и поспѣшилъ вернуться къ своимъ гостямъ. Когда еврей остался въ одиночествѣ, лицо его приняло прежнее встревоженное, озабоченное выраженіе. Послѣ минутнаго размышленія онъ кликнулъ извозчика и велѣлъ везти себя въ Бэтна Гринъ.

Онъ отпустилъ экипажъ, не доѣзжая жилища мистера Сайкса, и послѣднюю часть дороги прошелъ пѣшкомъ.

— Теперь держись, пробормоталъ онъ, стучась въ дверь.— Если здѣсь кроются какія нибудь козни, я вывѣдаю все отъ тебя, моя милая, какъ ты ни хитра.

Отворившая ему женщина сказала, что Нанси въ своей комнатѣ. Феджинъ неслышно прокрался по лѣстницѣ и безъ церемоніи вошелъ въ дверь, даже не постучавшись.

Дѣвушка была одна, она сидѣла положивъ голову на столъ, волосы ея безпорядочно разметались.

— Она пьяна,—хладнокровно рѣшилъ еврей,—а можетъ быть просто находится въ огорченіи.

Сдѣлавъ такое замѣчаніе, онъ повернулся затворить дверь; шумъ этотъ заставилъ дѣвушку поднять голову.

Пока Феджинъ въ отвѣтъ на ея вопросъ, нѣтъ ли чего новаго, повторялъ ей разсказъ Тоби Крекита, она пристально смотрѣла въ его хитрое лицо. Когда онъ кончилъ, она не проронила ни слова и приняла прежнюю позу, только съ раздраженіемъ отодвинула отъ себя свѣчу, да шаркнула ногами по полу, пытаясь принять болѣе удобное положеніе. Пока длилось молчаніе, еврей съ безпокойствомъ осматривалъ комнату, чтобъ удостовѣриться,

не было ли какихъ нибудь слѣдовъ, указывавшихъ на то, что Сайксъ тайкомъ вернулся. Результатъ обзора, повидимому, удовлетворилъ его; раза два принимался онъ кашлять и дѣлалъ попытки завести разговоръ, но дѣвушка не обращала на него ровно никакого вниманія, точно онъ говорилъ стѣнѣ. Тогда онъ рѣшился подойти къ ней съ другой стороны и, потирая руки, заговорилъ самымъ дружелюбнымъ тономъ.

— А какъ ты думаешь, миленькая, гдѣ-то теперь Биль?

Дѣвушка невнятно отвѣтила, что она ничего не знаетъ; съ устъ ея слетѣлъ стонъ, похожій на заглушенное рыданіе; она, повидимому, плакала.

— А гдѣ-то мальчикъ? продолжалъ еврей, напрягая зрѣніе, чтобъ разглядѣть ея лицо.—Бѣдненькій малютка! Лежитъ гдѣ-нибудь въ канавѣ, ты только подумай, Нанси!

— Этому ребенку гораздо лучше тамъ, гдѣ онъ лежитъ, чѣмъ между нами,—проговорила дѣвушка, приподнимая вдругъ голову. Если только отъ этого не будетъ вреда Билю, пусть бы онъ лежалъ мертвый въ канавѣ и истлѣли тамъ его дѣтскія косточки!

— Что такое? съ изумленіемъ вскричалъ еврей.

— Да, я буду рада, что онъ уберется съ моихъ глазъ долой, буду рада знать, что самое худшее изъ золъ кончилось для него,—отвѣтила дѣвушка, смѣло встрѣчая взглядъ Феджина.—Я не могу выносить его близости; одинъ видъ его возстановляетъ меня противъ себя самой и противъ всѣхъ васъ.

— Тьфу, да ты пьяна! презрительно замѣтилъ еврей.

— А если и такъ? съ горечью вскричала она.—По твоей же милости и пью. Еслибъ на то твоя воля, ты бы всегда держалъ меня пьяной, за исключеніемъ этого раза, а то теперь тебѣ не нравится мое настроеніе, вѣдь оно тебѣ не нравится? а?

— Да, не нравится, прошипѣлъ взбѣшенный еврей.

— Такъ измѣни его! съ хохотомъ воскликнула Нанси.

— Ты хочешь, чтобъ я измѣнилъ его, такъ вотъ же тебѣ! закричалъ еврей, выведенный изъ себя неожиданнымъ упрямствомъ своей собесѣдницы, довершившимъ непріятности этого вечера.—Слушай меня, тварь! Слушай меня—я вѣдь нѣсколькими словами могу придушить Сайкса вѣрнѣе, чѣмъ еслибъ держалъ сейчасъ его бычачью шею въ своихъ рукахъ! Слушай: если онъ вернется назадъ безъ мальчика, если онъ самъ спасется и не вернетъ его мнѣ живого или мертваго, то лучше убей его своими собственными руками, если хочешь, чтобъ онъ не достался Джеку Кэтчу. *) Убей его въ ту самую минуту, когда онъ переступитъ порогъ этой комнаты, или—помни!—будетъ слишкомъ поздно!

— Что все это значитъ? вырвалось у дѣвушки.

— А то значитъ,—отвѣчалъ еврей, не помня себя отъ бѣ-

*) Джэкъ Кэтчъ—палачъ.

шенства,—что этотъ мальчикъ стоитъ мнѣ сотни фунтовъ. Неужели же я долженъ потерять то, что судьба случайно послала мнѣ, и терпѣть капризы пьяной шайки, жизнь которой въ моихъ рукахъ, мнѣ стоитъ только свистнуть, чтобъ покончить съ ней. Да еще быть вѣчно связаннымъ съ дьяволомъ, которому, если онъ пожелаетъ, есть полная возможность меня...

На этомъ словѣ старикъ запнулся, потому что совсѣмъ задыхался, и этого краткаго мгновенія было достаточно, чтобъ положить конецъ потоку его гнѣвныхъ рѣчей. Въ немъ внезапно произошла поразительная перемѣна: за секунду передъ тѣмъ онъ потрясалъ въ воздухѣ сжатыми кулаками, лицо его было совсѣмъ багровое, глаза широко раскрыты, теперь онъ сжался въ комочекъ на стулѣ, съежился и весь трясся отъ страху, что выдалъ часть своихъ гнусныхъ тайнъ. Спустя нѣсколько мгновеній, онъ рѣшился взглянуть на Нанси и, повидимому, нѣсколько успокоился, увидѣвъ, что она все въ томъ же полубезсознательномъ состояніи, въ какомъ была при его приходѣ.

— Милая Нанси, ты слышала, что я говорилъ? прокаркалъ онъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Не приставай ко мнѣ, Феджинъ! отвѣчала дѣвушка съ трудомъ поднимая голову. Если Билю на этотъ разъ не удалось, онъ сдѣлаетъ въ другой разъ. Онъ для тебя много разъ выгодныя дѣльца обдѣлывалъ и еще поработаетъ, если будетъ возможность, а когда не могъ, значитъ нельзя было, что объ этомъ и толковать.

— А относительно мальчика, миленькая?.. продолжалъ еврей, нервно потирая руки.

— Мальчику не избѣжать своей судьбы, какъ и прочимъ, быстро перебила его Нанси,—и я опять-таки повторю: лучше всего, еслибъ онъ померъ и избавился бы навсегда отъ злыхъ искушеній и отъ твоихъ рукъ, только бы отъ его смерти Билю не угрожало никакой бѣды. Впрочемъ, если Тоби улизнулъ благополучно, конечно, и Биль унесетъ оттуда ноги по добру да по здорову, потому что Биль стоитъ двухъ такихъ, какъ Тоби.

— Да, а вотъ какъ же насчетъ того, что я говорилъ? замѣтилъ вскользь еврей, не спуская съ нея своихъ горящихъ глазъ.

— Ты долженъ еще разъ повторить, что говорилъ, если это касалось чего нибудь, что я должна сдѣлать, отвѣчала Нанси. Коли ты хочешь мнѣ что-нибудь растолковать, лучше отложи до завтра, ты, было, на минуту привелъ меня въ чувство, а теперь я опять одурѣла.

Феджинъ задалъ ей еще нѣсколько вопросовъ съ цѣлью выпытать, не разобрала ли она чего-нибудь изъ его неосторожныхъ рѣчей. Но она отвѣчала очень охотно и не выказы-

вала ни малѣйшаго смущенія подъ его пронизывающими взглядами, вслѣдствіе чего онъ утвердился въ своемъ первоначальномъ мнѣніи, что она хлебнула черезъ край. Дѣйствительно, Нанси не была чужда слабости, весьма распространенной между питомцами еврея, отъ которой онъ не только не старался ихъ отучать, напротивъ, поощрялъ съ молодыхъ лѣтъ. Ея растрепанный видъ и сильный спиртный запахъ, наполнявшій комнату, говорили въ пользу справедливости такого предположенія. Непродолжительный буйный припадокъ, который былъ описанъ выше, смѣнился грустнымъ настроеніемъ; подъ наплывомъ разнородныхъ чувствъ она то принималась плакать, то пускалась въ несвязныя разсужденія о томъ, долго ли могутъ мужчина и женщина при постоянныхъ размолвкахъ и ссорахъ быть счастливы вмѣстѣ. Тутъ ужъ мистеръ Феджинъ, обладавшій большой опытностью въ подобнаго рода вещахъ, убѣдился, къ своему величайшему удовольствію, что она въ самомъ дѣлѣ была совершенно пьяна.

Успокоенный этимъ открытіемъ и достигнувъ двоякой цѣли, которую имѣлъ въ виду, отправляся сюда, т. е. сообщить Нанси то, что онъ въ этотъ вечеръ узналъ, и убѣдиться собственными глазами, что Сайксъ отсутствуетъ, Феджинъ съ облегченнымъ сердцемъ отправился домой, оставивъ въ покоѣ свою питомицу, которая опять заснула, положивъ голову на столъ.

Былъ уже первый часъ ночи. Непроглядная тьма и пронзительный холодъ совсѣмъ не располагали къ продолжительнымъ прогулкамъ. Рѣзкій вѣтеръ, казалось, повымелъ съ улицъ прохожихъ вмѣстѣ съ пылью и мусоромъ; людей очень мало попадалось навстрѣчу Феджину, да и тѣ, повидимому, торопились домой.

Для него, однако, вѣтеръ былъ попутный, и онъ шелъ быстро, вздрагивая и щелкая зубами при каждомъ новомъ порывѣ вихря, который безцеремонно подгонялъ его впередъ.

Онъ подходилъ уже къ своему дому и уже опустилъ руку въ карманъ за ключомъ, когда изъ подъ навѣса ближайшаго подъѣзда, отбрасывавшаго густую тѣнь, вышла какая-то темная фигура и неслышно къ нему приблизилась.

— Феджинъ! прошепталъ чей-то голосъ ему на ухо.

— Ахъ, это вы, воскликнулъ еврей, быстро оборачиваясь.

— Да, я, перебилъ незнакомецъ.—Битыхъ два часа я здѣсь торчу. Гдѣ тебя чортъ носилъ?

— По вашимъ дѣламъ ходилъ, милѣйшій, по вашимъ дѣламъ всю ночь хожу, отвѣчалъ еврей, съ безпокойствомъ въ него вглядываясь и убавляя шагу

— Такъ! насмѣшливо проговорилъ незнакомецъ.—И что же вышло изъ твоихъ хожденій?

— Ничего хорошаго.

— И, надѣюсь, ничего дурного? внезапно останавливаясь и

бросивъ на своего собесѣдника испуганный взглядъ, спросилъ незнакомецъ.

Еврей потрясъ головой и хотѣлъ было отвѣчать, но незнакомецъ прервалъ его и, указавъ на домъ, къ которому они подошли, замѣтилъ, что лучше продолжать ихъ разговоръ въ комнатѣ, потому что онъ сильно озябъ, простоявъ такъ долго на холодѣ и на вѣтру на улицѣ.

Феджинъ! прошепталъ чей-то голосъ ему на ухо.

Судя по виду Феджина, онъ не прочь бы отказаться отъ чести принимать у себя гостя въ такую позднюю пору, онъ даже пробормоталъ что-то насчетъ того, что у него комнаты не топлены, но его спутникъ повторилъ свою просьбу тономъ, не допускающимъ возраженій. Тогда онъ отперъ дверь и попросилъ своего спутника затворить ее, не дѣлая шума, пока онъ сходитъ за свѣчей.

— Здѣсь темно, какъ въ могилѣ. Скорѣй возвращайся, сказалъ гость, пройдя наугадъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Заприте же дверь, шепотомъ сказалъ ему Феджинъ съ другого конца корридора.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ дверь съ шумомъ захлопнулась.

— Это не я ее заперъ,—или вѣтеръ ее захлопнулъ, или она сама собою затворилась. Но все равно. Поскорѣе разыщи свѣчу, или я обо что-нибудь расшибу себѣ лобъ въ этой проклятой норѣ.

Феджинъ неслышно прокрался по лѣстницѣ въ подвальный этажъ, вскорѣ вернулся съ зажженной свѣчей и сообщивъ, что Тоби Крекитъ спитъ въ задней комнатѣ, а мальчики въ передней, пригласилъ своего гостя послѣдовать за собою.

— Такъ какъ разговоръ нашъ будетъ коротокъ, то мы можемъ бесѣдовать здѣсь, сказалъ онъ, отворяя дверь въ комнату верхняго этажа. Только здѣсь въ ставняхъ есть отверстія, и чтобъ сосѣди не видали огня, свѣчку мы поставимъ на лѣстницу, вотъ сюда.

Съ этими словами онъ поставилъ свѣчу на верхнюю ступеньку лѣстницы, какъ разъ напротивъ двери, и ввелъ незнакомца въ комнату, гдѣ не было никакой мебели, кромѣ сломаннаго кресла и стоявшей у дверей старой ободранной кушетки. Незнакомецъ съ усталымъ видомъ бросился на нее; еврей поставилъ кресло напротивъ кушетки и усѣлся лицомъ къ нему. Въ комнатѣ стоялъ полумракъ, потому что дверь была полуоткрыта, и свѣча съ лѣстницы бросала мерцающій свѣтъ на противоположную стѣну.

Нѣсколько времени разговоръ велся шепотомъ. По немногимъ отрывочнымъ словамъ, какія можно было разобрать, слушатель легко бы догадался, что Феджинъ защищается, а незнакомецъ его въ чемъ-то обвиняетъ, и что послѣдній чѣмъ-то очень разсерженъ. Они бесѣдовали такъ съ четверть часа или немного больше. Наконецъ, Монксъ (этимъ именемъ еврей нѣсколько разъ называлъ въ разговорѣ своего собесѣдника) сказалъ, слегка возвысивъ голосъ:

— Я опять-таки повторяю, этотъ планъ никуда не годится. Отчего было не оставить его здѣсь, вмѣстѣ съ другими, и не сдѣлать изъ него обыкновеннаго карманнаго воришку?

— Ну, какъ тутъ съ вами разговаривать! воскликнулъ еврей, пожимая плечами.

— Ты утверждаешь, что иначе не могъ добиться этого? сурово крикнулъ на него Монксъ. Да развѣ ты не продѣлывалъ того же сотни разъ съ другими ребятами? Еслибъ у тебя хватило терпѣнія еще на нѣсколько мѣсяцевъ, самое большее на годъ, развѣ ты не могъ бы такъ подстроить, чтобъ его судили и выслали изъ предѣловъ Англіи, можетъ быть, въ пожизненную ссылку.

— Кому такой оборотъ принесъ бы выгоду, миленькій? заискивающимъ тономъ спросилъ еврей.

— Мнѣ, отвѣчалъ Монксъ.

— Но не мнѣ! смиренно возразилъ еврей.—А онъ могъ бы и мнѣ стать полезенъ. Когда два лица вступаютъ въ сдѣлку, справедливость требуетъ, чтобъ были соблюдены интересы обѣихъ сторонъ, не такъ ли, мой добрый другъ?

— Что жъ дальше?

— Я убѣдился, что его нелегко будетъ пріучить къ дѣлу,

онъ такъ не похожъ былъ на другихъ мальчиковъ, находившихся въ такихъ же условіяхъ, продолжалъ еврей.

— Будь онъ проклятъ! пробормоталъ его собесѣдникъ. Еслибъ онъ былъ похожъ на другихъ, онъ давно бы уже былъ воромъ.

— Я не нашелъ въ немъ ничего такого, за что бы можно взяться, чтобъ испортить его, продолжалъ еврей, съ безпокойствомъ наблюдая за выраженіемъ лица своего гостя.—Съ нимъ дѣло никакъ не ладилось. Я ничѣмъ не могъ его запугать, а съ этого мы всегда начинаемъ, иначе вся работа пропадетъ напрасно. Что мнѣ оставалось дѣлать? Посылать его съ Даукинсомъ и Чарли? Довольно было и одного раза, я тогда дрожалъ за всѣхъ насъ, мой милѣйшій.

— То меня не касалось, замѣтилъ Монксъ.

— Да, да, миленькій, я и не думаю объ этомъ спорить, возразилъ еврей. Еслибъ этого не случилось, вамъ бы не попался онъ на глаза, вы бы не обратили на него вниманія и не узнали, что это тотъ самый мальчикъ, котораго вы ищете. Ну, а тогда, когда я съ помощью той дѣвушки разыскалъ его для васъ, вдругъ она вздумала взять его подъ свое покровительство.

— Задавить бы эту гадину! злобно вскричалъ Монксъ.

— Пока намъ нельзя этого сдѣлать, улыбаясь отвѣчалъ еврей,—да за такія дѣла я не берусь, а не то бы съ радостью сдѣлалъ это въ одинъ прекрасный день. Я хорошо знаю этихъ дѣвушекъ, Монксъ. Какъ только мальчуганъ измѣнится въ дурную сторону, она о немъ столько же станетъ думать, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ. Вамъ надо, чтобъ онъ сдѣлался воромъ... Если онъ живъ, я еще успѣю это сдѣлать, если же...... тутъ онъ придвинулся ближе къ своему собесѣднику, Конечно, это совсѣмъ невѣроятно, но предположимъ, что случилось самое худшее, и онъ умеръ.

— Не моя вина, если это случилось,—съ ужасомъ перебилъ Монксъ, сжимая дрожащими руками руку старика. — Помни, Феджинъ, это вышло помимо меня! Все, кромѣ его смерти, я такъ тебѣ говорилъ съ самаго начала. Я не хочу проливать крови. Кровавое дѣло всегда раскрывается и преслѣдуетъ, какъ неотвязный призракъ. Если его убили, не я тому виною, слышишь?.. Прахъ побери эту дьявольскую нору! Что это?

— Что? гдѣ? воскликнулъ еврей, схватывая обѣими руками Монкса, который съ крикомъ ужаса вскочилъ съ мѣста.

— Вонъ тамъ! Тѣнь! отвѣчалъ Монксъ, устремивъ глаза на противоположную отъ двери стѣну.—Я видѣлъ тѣнь женщины въ мантильѣ и шляпкѣ, скользнувшую по стѣнѣ, какъ духъ.

Феджинъ выпустилъ его изъ своихъ объятій, и оба поспѣшно бросились вонъ изъ комнаты. Оплывшая отъ сквозного вѣтра свѣча стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была поставлена, при свѣтѣ ея они увидѣли только пустую лѣстницу и свои блѣд-

ныя лица. Они внимательно прислушались. Глубокое молчаніе царило во всемъ домѣ.

— Вамъ почудилось, проговорилъ еврей, обернувшись къ своему гостю и поднимая свѣчу кверху.

— Клянусь тебѣ, я видѣлъ отвѣчалъ Монксъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Она стояла наклонившись впередъ, когда я впервые ее замѣтилъ, а когда я крикнулъ, она бросилась прочь.

Еврей презрительно посмотрѣлъ на блѣдное лицо Монкса и пригласилъ его пойти осмотрѣть домъ.

Они обошли всѣ комнаты верхняго этажа: онѣ были холодны, голы, пусты, затѣмъ спустились въ корридоръ и въ подвальный этажъ; здѣсь низкія стѣны были покрыты зеленой плѣсенью, виднѣлись слѣды улитокъ и слизняковъ. Тишина вездѣ стояла мертвая.

— Ну, теперь что вы скажете? спросилъ еврей, когда они снова вернулись въ корридоръ.—Кромѣ насъ съ вами, въ домѣ нѣтъ ни души, за исключеніемъ Тоби и мальчиковъ; насчетъ ихъ нечего безпокоиться—глядите!

Въ видѣ доказательства онъ вытащилъ изъ кармана два ключа, пояснивъ, что заперъ обѣ двери, когда въ первый разъ спускался внизъ, чтобъ никто не могъ помѣшать ихъ разговору.

Такіе вѣскіе доводы замѣтно поколебали Монкса. По мѣрѣ того, какъ подвигались ихъ розыски и не приводили ни къ какому открытію, онъ все болѣе и болѣе успокоивался и не такъ ужъ горячо настаивалъ на своемъ первоначальномъ заявленіи. Онъ хрипло разсмѣялся и замѣтилъ, что, должно быть, видѣніе было создано его разгоряченнымъ воображеніемъ. Но тѣмъ не менѣе онъ не пожелалъ продолжать разговора, вспомнивъ, что теперь уже второй часъ ночи, и милая чета разсталась.

ГЛАВА XXVII.

Авторъ заглаживаетъ невѣжливость одной изъ предыдущихъ главъ, гдѣ одна дама покинута самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Смиренному автору вовсе не пристало заставлять такую важную персону, какъ приходскій сторожъ, дожидаться стоя у камина и подобравъ руками фалды сюртука, пока его заблагоразсудятъ вывести изъ такого положенія. Еще менѣе прилично и совсѣмъ уже невѣжливо съ его стороны было отнестись съ такимъ же пренебреженіемъ къ дамѣ, на которую этотъ приходскій сторожъ смотрѣлъ съ нѣжностью влюбленнаго и которой нашептывалъ сладкія рѣчи (исходя изъ устъ такого лица онѣ, конечно, должны были заставить забиться

сердце всякой представительницы прекраснаго пола, на какой бы ступени общественной лѣстницы она ни стояла). Скромный повѣствователь, чье перо начертываетъ эти строки, завѣряетъ, что онъ отлично знаетъ свое мѣсто въ свѣтѣ и чувствуетъ должное почтенiе къ тѣмъ изъ смертныхъ, которые облечены высокимъ и важнымъ саномъ. Онъ спѣшитъ теперь воздать имъ всѣ знаки уваженiя, какихъ требуетъ ихъ положенiе, и всѣ почести, приличествующiя людямъ, вознесеннымъ на такую высоту, и обладающимъ, какъ само собою разумѣется, соотвѣтствующими высокими добродѣтелями. Съ этою цѣлью онъ намѣревался было помѣстить здѣсь разсужденiе на ту тему. что власть приходскихъ сторожей исходитъ отъ Бога, и доказать въ немъ, что приходскiй сторожъ отнюдь не можетъ ошибаться. Такое разсужденiе несомнѣнно было бы прiятно и поучительно для благомыслящихъ читателей, но, къ несчастью, авторъ по недостатку мѣста и времени принужденъ отложить его до болѣе удобнаго случая. Когда обстоятельства сложатся болѣе благопрiятно, онъ надѣется доказать читателю, что приходскiй сторожъ, должнымъ образомъ поставленный, т. е. тотъ, который состоитъ при приходскомъ Домѣ Призрѣнiя и въ качествѣ официальнаго лица прислуживаетъ въ приходской церкви, обладаетъ, въ силу уже одного своего ранга, всѣми человѣческими добродѣтелями и есть воплощенiе всѣхъ совершенствъ. Онъ докажетъ тамъ же, что на всѣ такiя высокiя качества не могутъ имѣть никакихъ притязанiй ни сторожа, состоящiе при разныхъ Обществахъ и клубахъ, ни судебные сторожа, ни даже сторожа при домашнихъ церквахъ (впрочемъ, послѣднихъ можно исключить, у нихъ могутъ быть такiя притязанiя, но въ самой ничтожной мѣрѣ).

Мистеръ Бомбль еще разъ пересчиталъ чайныя ложечки, еще разъ взвѣсилъ на рукѣ сахарные щипчики, произвелъ болѣе тщательное изслѣдованiе серебрянаго молочника, самымъ точнымъ образомъ освидѣтельствовалъ состоянiе мебели, вплоть до волоса, которымъ были набиты сидѣнiя стульевъ. Всѣ эти операцiи продѣлалъ онъ, по крайней мѣрѣ, разъ шесть и тогда лишь сталъ думать, что мистриссъ Корней давно пора бы вернуться. Изъ одной мысли рождается другая. Такъ какъ ни одинъ звукъ не возвѣщалъ приближенiя мистриссъ Корней, то мистеру Бомблю пришло въ голову убить время самымъ невиннымъ и добродѣтельнымъ способомъ, а именно, удовлетворить своему дальнѣйшему любопытству бѣглымъ обзоромъ ящиковъ комода мистриссъ Корней.

Послушавъ у замочной скважины, не идетъ ли кто, м-ръ Бомбль приступилъ къ ознакомленiю съ содержимымъ трехъ большихъ ящиковъ, начавъ съ самаго нижняго. Они были набиты разными принадлежностями туалета, сшитыми по модѣ и изъ дорогихъ матерiй, которыя были бережно завернуты въ листы старыхъ газетъ и пересыпаны душистой лавендой. Это,

повидимому, доставило ему большое удовольствіе. Когда онъ дошелъ, наконецъ, до маленькихъ верхнихъ ящиковъ, то въ правомъ (гдѣ торчалъ ключъ) увидѣлъ маленькую шкатулочку съ висячимъ замкомъ, издавшую, когда онъ ее потрясъ, очень пріятный звукъ, похожій на звонъ монетъ. Послѣ этого онъ величественной походкой вернулся на свое прежнее мѣсто у камина и, вставъ въ прежнюю позу, выговорилъ торжественно и твердо: „Да, я это сдѣлаю!“ Принявъ это замѣчательное рѣшеніе, онъ нѣсколько времени игриво покачивалъ головою, какъ бы упрекая себя за то, что онъ такой милый шалунъ, а затѣмъ съ очевиднымъ удовольствіемъ и интересомъ принялся разсматривать, какой видъ имѣютъ его ноги, если смотрѣть на нихъ въ профиль.

На этомъ мирномъ занятіи застало его появленіе м-съ Корней. Она поспѣшно вбѣжала въ комнату, бросилась задыхаясь на кресло у камина и одной рукой прикрыла глаза, другую прижала къ сердцу.

— „Что съ вами, мистриссъ Корней? спросилъ склоняясь къ ней м-ръ Бомбль. „Что такое случилось? Пожалуйста, скажите, я какъ на... на..“ онъ хотѣлъ сказать „на иголкахъ“, но отъ волненія забылъ, какъ говорится эта поговорка, и потому сказалъ „какъ на битыхъ стеклахъ“.

— О, мистеръ Бомбль, я такъ ужасно разстроена! воскликнула м-съ Корней.

— Разстроены? Кто же осмѣлился... О, знаю,—перебилъ онъ себя,—знаю, все они, негодные нищіе!

— Подумать ужасно! воскликнула вздрогнувъ надзирательница.

— Такъ не думайте, мистриссъ Корней!

— Не могу, простонала она.

— Такъ выпейте его-нибудь успокоительнаго, напримѣръ, коньяку, вина,—съ нѣжной заботливостью предложилъ м-ръ Бомбль.

— Ни за что на свѣтѣ! Я не могу... О! на верхней полкѣ по правую руку... о! Почтенная надзирательница полубезсознательно указала при этихъ словахъ на шкафчикъ съ посудой и вслѣдъ затѣмъ у нея начались въ груди спазмы.

М-ръ Бомбль бросился къ шкафчику, досталъ съ указанной ему такъ неясно полки большую зеленую бутыль, налилъ изъ нея полную чайную чашку и поднесъ къ губамъ страдалицы.

— Мнѣ теперь лучше, прошептала откинувшись на спинку кресла м-съ Корней, когда на половину опорожнила чашку.

М-ръ Бомбль въ знакъ благодарности Провидѣнію возвелъ очи къ потолку, потомъ опустилъ ихъ на чашку и поднесъ ее къ носу.

— Мятная эссенція, слабымъ голосомъ пояснила ему м-съ Корней съ робкой улыбкой,—попробуйте. Тутъ прибавлено немножко, самая малость кое-чего другого.

М-ръ Бомбль съ сомнѣніемъ взглянулъ на лекарство, омочилъ въ немъ губы, отхлебнулъ еще немного и поставилъ чашку на столъ пустою.

— Это какъ-то успокоиваетъ, продолжала м-съ Корней.

— Дѣйствительно, весьма помогаетъ, замѣтилъ сторожъ и подвинувъ къ ней свой стулъ нѣжно освѣдомился о причинѣ ея разстройства.

— Пустое! возразила м-съ Корней. Я просто глупое, впечатлительное, слабое существо.

— Слабое? переспросилъ м-ръ Бомбль, подвигая свой стулъ ближе.—Развѣ вы слабое существо, мистриссъ Корней?

— Мы всѣ слабыя существа, отвѣтила м-съ Корней, переводя разговоръ съ личной почвы на общія разсужденія.

— Да, всѣ мы, сказалъ м-ръ Бомбль.

Минуты двѣ никто не прерывалъ молчанія. Въ это время м-ръ Бомбль далъ наглядное доказательство справедливости своего замѣчанія, опустивъ свою лѣвую руку со спинки кресла мистриссъ Корней, куда онъ ее сначала положилъ, до таліи мистриссъ Корней и обвивъ эту талію.

— Мы всѣ слабыя существа, произнесъ онъ.

М-съ Корней вздохнула.

— Не вздыхайте! шепнулъ ей м-ръ Бомбль.

Не вздыхайте! шепнулъ ей м-ръ Бомбль.

— Не могу! отвѣтила она и опять вздохнула.

— У васъ очень удобная комнатка, мистриссъ Корней, сказалъ м-ръ Бомбль, кинувъ взглядъ вокругъ. Прибавить еще одну такую комнатку и выйдетъ прехорошенькая квартирка.

— Она будетъ слишкомъ велика для одной, пролепетала прекрасная дама.

— Но не для двухъ, нѣжно возразилъ м-ръ Бомбль. Такъ ли я говорю, мистриссъ Корней, а?

При этомъ вопросѣ м-съ Корней опустила голову, м-ръ Бомбль въ свою очередь склонилъ главу, чтобъ заглянуть ей въ лицо. М-съ Корней, какъ и требовали приличія, отвернулась, опустила руку, чтобъ достать изъ кармана носовой платокъ, но нечаянно вложила ее въ руку мистера Бомбля.

— Вамъ топливо полагается казенное, мистриссъ Корней? спросилъ сторожъ, любовно пожимая ея руку.

— И свѣчи, добавила м-съ Корней, слегка отвѣчая на его пожатіе.

— Отопленіе, освѣщеніе и квартира даровыя! воскликнулъ м-ръ Бомбль. О, мистриссъ Корней, вы ангелъ!

Она не устояла передъ этой вспышкой нѣжныхъ чувствъ и упала въ объятія мистера Бомбля. Послѣдній отъ волненія напечатлѣлъ страстный поцѣлуй на ея цѣломудренномъ носу.

— О, какое вы совершенство! восторженно воскликнулъ м-ръ Бомбль. Извѣстно ли вамъ, моя очаровательница, что мистеру Слоуту стало къ вечеру гораздо хуже?

— Да, застѣнчиво отвѣтила м-съ Корней.

— Докторъ сказалъ, что онъ и недѣли не протянетъ, продолжалъ м-ръ Бомбль. За его смертью очистится мѣсто смотрителя заведенія, это вакатное мѣсто понадобится замѣстить другимъ. О, мистриссъ Корней, какая будущность предъ нами открывается! Какой благопріятный случай для соединенія нашихъ сердецъ и нашихъ хозяйствъ!

М-съ Корней зарыдала.

— Одно только слово? просилъ м-ръ Бомбль, склоняясь къ стыдливой красавицѣ.—Одно маленькое, самое маленькое словечко, моя безцѣнная мистриссъ Корней.

— Д... да, слетѣло какъ вздохъ съ ея устъ.

— И еще одно,—продолжалъ м-ръ Бомбль.—Пересильте еще на одинъ мигъ свои драгоцѣнныя чувства и скажите, когда это совершится?

М-съ Корней дважды пыталась заговорить, и дважды ей силы измѣняли, наконецъ, собравшись съ духомъ, она обвила руками шею мистера Бомбля и сказала, что это можетъ совершиться, когда ему будетъ угодно, и что онъ „ненаглядный цыпочка“.

Порѣшивъ все такъ благополучно и къ обоюдному удовольствію, они торжественно скрѣпили свои обѣты другой полной чашкой мятной микстуры, оказавшейся какъ нельзя

болѣе необходимой въ виду волненія и разстройства мистриссъ Корней. Послѣ пріема лекарства м-съ Корней сообщила своему жениху о смерти старухи.

— Хорошо, сказалъ онъ, прихлебывая мятную эссенцію.— по дорогѣ домой я зайду къ Соуерберри и распоряжусь, чтобъ онъ завтра поутру прислалъ все нужное. Такъ что же напугало васъ такъ, любовь моя?

— О, пустяки, милый, уклончиво отвѣчала надзирательница.

— Но что-нибудь да случилось же, моя радость,—настаивалъ сторожъ. Неужели же ты не скажешь своему Бомблю?

— Не теперь, послѣ, возразила м-съ Корней.—Когда мы обвѣнчаемся, милый!

— Когда обвѣнчаемся! воскликнулъ м-ръ Бомбль. Ужъ не какая-либо дерзость со стороны кого нибудь изъ призрѣваемыхъ мужчинъ, такъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой, поспѣшно прервала она.

— Еслибъ я только могъ допустить такую мысль, что кто-нибудь изъ нихъ осмѣливается поднять свои дерзкіе взоры на это милое лицо...

— Они не посмѣютъ этого сдѣлать, милый!

— Лучше пусть не дерзаютъ! сжимая кулаки вскричалъ м-ръ Бомбль. Покажите мнѣ того человѣка, который бы захотѣлъ это сдѣлать, и я объявлю ему, что онъ въ другой разъ не пожелаетъ этого.

Эти слова могли бы показаться не слишкомъ лестнымъ комплиментомъ прелестямъ мистриссъ Корней, еслибъ они не сопровождались грозной мимикой, но такъ какъ м-ръ Бомбль украсилъ ихъ разными воинственными тѣлодвиженіями, то его невѣста увидѣла въ нихъ новое доказательство его преданности, что ее чрезвычайно растрогало, и съ величайшимъ восхищеніемъ она воскликнула, что онъ просто голубчикъ.

„Голубчикъ“ поднялъ кверху воротникъ своего сюртука, надѣлъ треуголку и, простившись долгимъ нѣжнымъ объятіемъ съ будущей подругой жизни, вышелъ снова на объятую ночной тьмою улицу, гдѣ разгуливалъ холодный вѣтеръ. Предварительно онъ на минуту завернулъ на мужскую половину и разругалъ нѣсколькихъ призрѣваемыхъ, чтобъ испытать, въ состояніи ли онъ съ надлежащей строгостью исполнять обязанности смотрителя „Дома“. Удостовѣрясь, что нужными для этой должности качествами онъ располагаетъ, м-ръ Бомбль съ облегченнымъ сердцемъ вышелъ изъ пріюта. Всю дорогу, до самой лавки гробовщика, у него не выходили изъ головы радужныя мечты о той чудной будущности, какая предстоитъ ему послѣ повышенія въ чинѣ.

Въ этотъ вечеръ м-ръ Соуерберри съ супругой были отозваны въ гости, а такъ какъ Ной Клейполь никогда не питалъ расположенія къ какому бы то ни было физическому труду, за исключеніемъ дѣятельности, необходимой для наполненія

желудка пищей и питьемъ, то лавка не была заперта, хотя обыкновенно въ это время давно уже закрывалась.

М-ръ Бомбль нѣсколько разъ принимался стучать палкой по прилавку, но безуспѣшно. Увидѣвъ свѣтъ въ оконцѣ, выходившемъ въ маленькую комнату, находившуюся позади лавки, онъ рѣшилъ заглянуть туда, чтобъ узнать, нѣтъ ли тамъ кого, и не мало былъ удивленъ, увидѣвъ, что тамъ происходило.

На столѣ были разставлены разныя принадлежности ужина: хлѣбъ, масло, тарелки, стаканы, бутылка вина, кувшинъ съ пивомъ; на почетномъ мѣстѣ, небрежно развалясь въ креслѣ, перекинувъ ноги черезъ одну изъ ручекъ, возсѣдалъ мистеръ Ной Клейполь съ ножемъ въ одной рукѣ и огромнымъ кускомъ хлѣба съ масломъ въ другой. Рядомъ съ нимъ стояла Шарлотта, подававшая ему устрицы изъ боченка, которыя м-ръ Клейполь уничтожалъ съ изумительной жадностью. Носъ молодого человѣка былъ еще краснѣе обыкновеннаго, а правый глазъ упорно подмигивалъ, изъ чего можно было заключить, что онъ слегка пьянъ; кромѣ этихъ симптомовъ, уже одно неимовѣрное количество проглатываемыхъ устрицъ указывало на существованіе внутренняго жара: только сильная потребность въ чемъ нибудь прохладительномъ могла объяснить такое пристрастіе къ устрицамъ.

— Вотъ еще великолѣпная, жирная устрица, милый Ной, скушай еще только эту одну, говорила Шарлотта.

— Прекрасная вещь устрицы, замѣтилъ Ной, проглотивъ и эту устрицу. — Какая досада, что когда ихъ много поѣшь, можешь заболѣть. Правда вѣдь, Шарлотта?

— Это просто жестоко, согласилась Шарлотта.

— Вѣрно, подтвердилъ м-ръ Клейполь. А ты любишь устрицы?

— Не особенно, я больше люблю смотрѣть, какъ ты ихъ кушаешь, милый Ной, чѣмъ ѣсть самой.

— Какой странный вкусъ! произнесъ задумчиво Ной.

— Возьми еще эту, проговорила Шарлотта. Она такая аппетитная, сама просится въ ротъ.

— Больше не могу, мнѣ и то плохо, отвѣтилъ Ной. Подойди-ка, Шарлотта, я тебя поцѣлую.

— Что такое? произнесъ м-ръ Бомбль, врываясь въ комнату.— Повтори-ка еще разъ, что ты сказалъ!

Шарлотта взвизгнула и спрятала лицо въ передникъ, Ною удалось кое-какъ спустить ноги на полъ, но подняться съ мѣста онъ ужъ былъ не въ состояніи и только съ ужасомъ выпучилъ свои пьяные глаза на мистера Бомбля.

— Повтори-ка еще разъ, безстыдный, дерзкій мальчишка! Какъ ты осмѣлился сказать такую вещь? Какъ ты смѣешь потакать ему, негодница? Поцѣловать ее! Тьфу! восклицалъ м-ръ Бомбль въ сильномъ негодованіи.

— Я не хотѣлъ ее цѣловать, захныкалъ Ной,—она сама постоянно меня цѣлуетъ, хочу я или нѣтъ!

— О, Ной! съ упрекомъ вскричала Шарлотта.

— Конечно, цѣлуешь, ты сама знаешь, что я правду говорю, возразилъ Ной. Она постоянно это дѣлаетъ, мистеръ Бомбль, а то треплетъ меня по подбородку и всяческими способами показываетъ мнѣ свою любовь.

— Молчать! сурово крикнулъ м-ръ Бомбль. Сейчасъ же отправляйся на кухню, сударыня, а ты, Ной, запри лавку, и бѣда тебѣ, если ты еще вымолвишь хоть одно слово до прихода хозяина. Когда онъ придетъ, скажи ему, что мистеръ Бомбль велѣлъ прислать завтра по утру гробъ для старухи. Слышалъ, что сказано? Цѣловаться! (М-ръ Бомбль воздѣлъ кверху руки). Грѣховность и развращенность низшихъ классовъ въ округѣ нашего прихода дошли до ужасныхъ предѣловъ! Если парламентъ не обратитъ вниманія на ихъ страшное распространеніе, страна погибнетъ, и добрые нравы простолюдиновъ пропадутъ на вѣки!

Съ этими словами м-ръ Бомбль, величественный и омраченный, прослѣдовалъ на улицу.

А теперь, проводивъ его почти до самаго дома и удостовѣрившись, что всѣ необходимыя распоряженія для похоронъ старухи отданы, отправимся наводить справки о маленькомъ Оливерѣ Твистѣ, узнаемъ, все ли онъ еще лежитъ въ канавѣ, гдѣ его оставилъ Тоби Крекитъ.

ГЛАВА XXVIII.

Повѣствуетъ о дальнѣйшихъ приключеніяхъ Оливера.

— Чтобъ волки разодрали вамъ глотки! пробормоталъ Сайксъ, скрипнувъ зубами. Желалъ бы я быть среди васъ, вы бы тогда завыли по иному!

Посылая такія проклятія со всѣмъ бѣшенствомъ, къ какому способна была эта свирѣпая натура, Сайксъ спустилъ съ рукъ раненаго мальчика и, положивъ его себѣ на колѣно, обернулся взглянуть на своихъ преслѣдователей.

Трудно было что нибудь различить сквозь туманъ и тьму, но громкіе крики людей оглашали воздухъ, и со всѣхъ сторонъ слышался лай псовъ, которыхъ перебудилъ во всѣхъ сосѣднихъ домахъ колоколъ, забившій тревогу.

— Остановись, трусливая собака! крикнулъ разбойникъ Тоби Крекиту, который сдѣлалъ надлежащее употребленіе изъ своихъ длинныхъ ногъ и на много опередилъ его. Стой!

Тоби остановился, какъ вкопанный: онъ зналъ, что Сайксъ при своемъ теперешнемъ настроеніи шутить не станетъ, и не былъ увѣренъ, успѣлъ ли отбѣжать отъ него на разстояніе пистолетнаго выстрѣла.

— Помоги мнѣ нести мальчика, кричалъ Сайксъ, гнѣвно махнувъ рукой своему сообщнику. Назадъ!

Тоби послушался его, но прерывистымъ задыхающимся голосомъ осмѣлился замѣтить, что возвращается назадъ весьма неохотно.

— Скорѣй! Со мною шутки плохи, крикнулъ Сайксъ, положивъ мальчика въ высохшую канаву, оказавшуюся у ногъ его, и вынимая изъ кармана пистолетъ. Въ эту минуту шумъ погони послышался ближе, и Сайксъ, оглянувшись назадъ, различилъ уже фигуры людей, перелѣзавшихъ черезъ плетень того поля, гдѣ они находились, и бѣжавшихъ впереди двухъ собакъ.

— Все пропало, Биль! закричалъ Тоби. Брось малыша и задавай тягу!—Съ такимъ совѣтомъ, рискуя лучше пасть отъ руки своего друга, чѣмъ навѣрняка угодить въ плѣнъ къ непріятелю, мистеръ Крекитъ повернулся и во всю мочь бросился на утекъ.

Сайксъ заскрежеталъ зубами, оглянулся кругомъ, закрылъ распростертаго въ канавѣ Оливера плащемъ, который былъ на него накинутъ, и бросился бѣжать вдоль изгороди, чтобы отвлечь вниманіе преслѣдователей отъ того мѣста, гдѣ лежалъ мальчикъ. Передъ новой изгородью, пересѣкшей ему дорогу, онъ на секунду остановился, отшвырнулъ далеко свой пистолетъ, однимъ прыжкомъ перемахнулъ черезъ заборъ и былъ таковъ.

— Эй, сюда, сюда! кричалъ позади его дрожащій голосъ. Сюда, Нептунъ, вернись, собачка!

Собаки охотно повиновались этому призыву; онѣ, повидимому, такъ же, какъ и хозяева ихъ, не находили особеннаго удовольствія въ погонѣ за разбойниками. Трое мужчинъ, успѣвшихъ добѣжать до средины поля, остановились, чтобы держать совѣтъ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій.

— Мое мнѣніе, или лучше сказать мое приказаніе немедленно вернуться домой, сказалъ самый толстый изъ трехъ.

— Я съ удовольствіемъ исполню все, что будетъ угодно мистеру Джильзу, сказалъ человѣкъ, который былъ пониже ростомъ, но также отнюдь не слабаго сложенія. Несмотря на такую комплекцію, лицо у него было очень блѣдное, и онъ былъ особенно вѣжливъ, какъ часто бываютъ струсившіе люди.

— Я не хочу идти наперекоръ, это было бы дерзостью съ моей стороны, мистеръ Джильзъ знаетъ лучше насъ, проговорилъ третій изъ преслѣдователей, отзывавшій собакъ назадъ.

— Разумѣется, подхватилъ низенькій.—И что бы ни сказалъ м-ръ Джильзъ, не намъ ему противорѣчить. Нѣтъ, нѣтъ, я знаю свое мѣсто, благодареніе Господу, я знаю свое положеніе!—Сказать по правдѣ, онъ дѣйствительно зналъ свое положеніе, и отлично зналъ, что оно было вовсе не изъ завидныхъ, потому что его зубы выбивали частую дробь, пока онъ говорилъ.

— Вы трусите, Бритльзъ, сказалъ м-ръ Джильзъ.

— Нѣтъ, не трушу, отвѣчалъ Бритльзъ.

— Нѣтъ, трусите!

— Вы говорите неправду, мистеръ Джильзъ.

— А вы лжете, Бритльзъ.

Эти взаимные перекоры были вызваны упрекомъ, брошеннымъ мистеромъ Джильзомъ, а упрекъ мистера Джильза былъ вызванъ негодованіемъ на то, что подъ прикрытіемъ вѣжливости на него одного сваливаютъ отвѣтственность за возвращеніе домой. Третій мужчина весьма резонно положилъ конецъ спору.

— Я вотъ что скажу вамъ, господа,—началъ онъ,—мы всѣ трусимъ.

— Говорите только за себя, серъ, сказалъ Джильзъ, бывшій блѣднѣе всѣхъ.

— Да, я боюсь,—отвѣтилъ тотъ. Это весьма естественно и понятно при подобныхъ обстоятельствахъ. Я боюсь.

— И я тоже, — признался Бритльзъ, — только никто не вправѣ бросать такой упрекъ въ лицо человѣку, чтобъ похвастать самому.

Эти откровенныя признанія смягчили мистера Джильза, и онъ признался, что тоже боится. Послѣ этого всѣ трое обернулись назадъ и, точно по командѣ, пустились бѣжать. Они бѣжали до тѣхъ поръ, пока м-ръ Джильзъ, который усталъ скорѣе прочихъ, тѣмъ болѣе, что несъ огромныя вилы, кротко но настойчиво попросилъ остановиться, чтобъ онъ могъ принести извиненіе въ своихъ необдуманныхъ словахъ.

— Удивительно, право, на что способенъ человѣкъ, когда войдетъ въ азартъ, продолжалъ м-ръ Джильзъ, принеся свои извиненія.

Я совершилъ бы убійство, если бъ мнѣ попался одинъ изъ этихъ разбойниковъ. Я чувствовалъ, что совершу! Оказалось, что двое другихъ то же чувствовали, а теперь ихъ азартъ тоже простылъ.Они пустились строить догадки о причинѣ такой внезапной перемѣны настроенія.

— Я знаю, что тому причиной,—сказалъ м-ръ Джильзъ,— это изгородь!

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго! вскричалъ Бритльзъ, хватаясь за эту счастливую мысль.

— Повѣрьте, что именно такъ и было, она-то и остановила нашъ пылъ. Въ ту минуту, когда я черезъ нее перелѣзалъ, я почувствовалъ, что вся моя горячность сразу пропала, заявилъ м-ръ Джильзъ.

По какому то удивительному совпаденію оба его спутника испытали такое же самое непріятное ощущеніе и въ тотъ же самый моментъ. Поэтому стало для всѣхъ несомнѣнно, что причиной всему была изгородь, тѣмъ болѣе, что не существовало никакихъ разногласій относительно момента, когда это случилось, такъ какъ всѣ трое отлично помнили, что въ это

самое мгновеніе они увидѣли разбойниковъ и тогда сразу остыли.

Этотъ разговоръ происходилъ между тѣми двумя мужчинами, которыхъ разбудили воры, и странствующимъ лудильщикомъ, ночевавшимъ въ сараѣ дома и призваннымъ вмѣстѣ со своими двумя дворняжками присоединиться къ погонѣ. Мистеръ Джильзъ исполнялъ двойную обязанность дворецкаго и ключника у старой дамы, которой принадлежалъ домъ; Бритльзъ былъ лакей, служившій въ этомъ домѣ съ малолѣтства, и потому на него привыкли смотрѣть, какъ на мальчика, подающаго надежды, хотя ему было уже тридцать съ хвостикомъ.

Ободряя другъ друга, всѣ трое быстро бѣжали, сбившись въ тѣсную кучку и боязливо оглядываясь всякій разъ, какъ свѣжій вѣтерокъ шелестѣлъ древесными сучьями, бѣжали къ дереву, у котораго оставили фонарь, чтобъ его свѣтъ не послужилъ разбойникамъ указаніемъ, куда цѣлиться. Подобравъ фонарь, разсудили за лучшее бѣглымъ шагомъ возвратиться домой, и долго еще послѣ того, какъ ихъ фигуры скрылись въ туманѣ, виднѣлся въ отдаленіи мерцающій свѣтъ, точно блуждающій огонекъ, порожденный ночными болотными испареніями, среди которыхъ его несли.

Въ воздухѣ становилось холоднѣе по мѣрѣ того, какъ ночь подходила къ концу; туманъ разстилался по землѣ, подобно густымъ клубамъ дыма; трава была сыра; дорожки грязны; въ выбоинахъ стояла вода, пропитанный вредными испареніями вѣтеръ глухо завывалъ въ поляхъ. А Оливеръ все лежалъ безъ движенія, безъ чувствъ на томъ самомъ мѣстѣ, куда его положилъ Сайксъ.

Утро приближалось, холодъ сталъ еще болѣе рѣзкимъ и пронзительнымъ, когда первый тусклый лучъ разсвѣта—скорѣе посланецъ угасающей ночи, чѣмъ нарождающагося дня,—забрежжилъ на небѣ. Предметы, казавшіеся въ темнотѣ какими-то ужасными, зловѣщими, постепенно принимали все болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія и, наконецъ, явились въ своемъ настоящемъ образѣ. Крупный и частый дождь зашумѣлъ по обнаженнымъ вѣтвямъ кустарниковъ. Но Оливеръ не чувствовалъ даже, какъ его хлестали дождевыя струи; по прежнему недвижный и безчувственный, онъ безпомощно лежалъ на своемъ глиняномъ ложѣ.

Наконецъ, слабый болѣзненный стонъ нарушилъ царившее вокругъ молчаніе. Издавъ его, мальчикъ очнулся. Его лѣвая рука, грубо перевязанная платкомъ, тяжело повисла сбоку, владѣть ею онъ не могъ; перевязка была пропитана кровлю. Онъ былъ такъ слабъ, что ему съ большимъ трудомъ удалось принять сидячее положеніе. Приподнявшись, онъ безпомощно оглянулся вокругъ и застоналъ отъ боли. Всѣ его члены тряслись отъ холода и слабости; онъ попытался было стать на ноги, но вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и упалъ навзничь. Съ нимъ

опять повторился обморокъ, но на этотъ разъ непродолжительный. Когда онъ пришелъ въ себя, его сердце стѣснило тоскливое предчувствіе, ему казалось, что онъ непремѣнно умретъ, если останется здѣсь лежать; подъ вліяніемъ этой мысли онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Голова его кружилась, онъ шатался во всѣ стороны, какъ пьяный. Но всетаки онъ кое какъ удержался на ногахъ и, свѣсивъ тяжелую голову на грудь, побрелъ впередъ, самъ не зная куда.

Въ его мозгу тѣснился рой какихъ то дикихъ туманныхъ образовъ. То ему казалось, что онъ опять идетъ между Сайксомъ и Крекитомъ, которые сердито перекоряются между собою, и обрывки произнесенныхъ ими фразъ звучали въ его ушахъ. Сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе, чтобъ удержаться на ногахъ, онъ кое-какъ сосредоточилъ свое вниманіе и услышалъ, что онъ самъ вслухъ говоритъ со своими воображаемыми спутниками. Потомъ ему казалось, будто опять онъ идетъ съ Сайксомъ, какъ и наканунѣ, и когда мимо нихъ проходили тѣни людей, которые имъ встрѣчались въ томъ безконечномъ путешествіи, онъ чувствовалъ, какъ разбойникъ точно клещами сжималъ его руку. Вдругъ онъ отпрянулъ назадъ при звукѣ выстрѣловъ; въ воздухѣ зазвучали громкіе крики, огни замелькали передъ его глазами, кто-то шумѣлъ, суетился, какія-то невидимыя руки быстро понесли его. Но сквозь всю эту пеструю вереницу быстро чередовавшихся видѣній постоянно проходило неопредѣленное, тягостное сознаніе боли, мучительное,болѣзненное ощущеніе,не покидавшее его ни на секунду.

Такъ онъ брелъ впередъ, полубезсознательно пролѣзая въ щели изгородей, черезъ перекладины попадавшихся на пути воротъ, пока не вышелъ на проѣзжую дорогу. Тутъ дождь полилъ, какъ изъ ведра, и это привело его въ чувство. Оглянувшись вокругъ, Оливеръ увидѣлъ въ недалекомъ отъ себя разстояніи домъ и рѣшилъ туда направиться: быть можетъ, надъ нимъ сжалятся, увидя, въ какомъ онъ положеніи, если же его не примутъ, все же лучше, думалось ему, умереть вблизи людей, чѣмъ одиноко въ пустынномъ полѣ. Онъ собралъ послѣднія силы и поплелся къ этому дому.

Когда онъ подошелъ ближе, ему показалось, будто онъ уже раньше видѣлъ этотъ домъ, въ точности этого онъ не помнилъ, но общій видъ и расположеніе строенія были ему какъ будто знакомы.

Вотъ и садовая стѣна! Та же самая, да! За ней, на лужайкѣ, онъ въ прошедшую ночь стоялъ на колѣняхъ и молилъ злодѣевъ сжалиться надъ нимъ. Это былъ тотъ самый домъ, который разбойники покушались ограбить.

Когда онъ узналъ это мѣсто, имъ овладѣлъ такой страхъ, что онъ забылъ жгучую боль отъ раны, и думалъ лишь о томъ, какъ бы бѣжать отсюда. Но онъ едва держался на ногахъ! Да и куда бы онъ могъ бѣжать, еслибы даже владѣлъ всѣми си-

лами своего слабаго дѣтскаго тѣла? Онъ толкнулъ садовую калитку, она не была заперта и распахнулась. Онъ колеблющимися шагами перешелъ лужайку, вскарабкался на крыльцо, слабой рукой постучалъ въ дверь. Но тутъ ему измѣнили послѣднія силы, и онъ въ обморокѣ упалъ къ подножію одной изъ колоннъ крыльца.

Судьбѣ угодно было, чтобы какъ разъ въ это время мистеръ Джильзъ съ Бритльзомъ и лудильщикъ подкрѣпляли себя послѣ ночныхъ трудовъ и страховъ чаемъ и всякой всячиной въ кухнѣ. Мистеръ Джильзъ не имѣлъ обыкновенія вступать въ слишкомъ короткія отношенія съ низшими слугами, онъ держалъ себя съ ними привѣтливо, но съ достоинствомъ, что въ одно и то же время льстило ихъ самолюбію и напоминало имъ о его высшемъ положеніи въ обществѣ. Но смерть, пожаръ, нападеніе разбойниковъ и тому подобныя катастрофы, сглаживаютъ различія общественныхъ положеній, поэтому мистеръ Джильзъ въ это утро сидѣлъ на кухнѣ, положивъ ноги на каминную рѣшетку, опершись лѣвой рукой о столъ, а правой наглядно иллюстрируя точнѣйшій и обстоятельнѣйшій разсказъ о событіяхъ этой ночи, которому слушатели (особенно кухарка и горничная, тоже здѣсь присутствовавшія) внимали затаивъ дыханіе.

— Было, должно быть, около половины третьяго, повѣствовалъ м-ръ Джильзъ,—впрочемъ, не поручусь, можетъ быть, и около трехъ часовъ,—когда я проснулся, повернулся въ постели вотъ такъ (здѣсь м-ръ Джильзъ перевернулся на своемъ стулѣ и накрылъ себя концомъ скатерти, точно одѣяломъ), и вдругъ мнѣ показалось, будто слышу шорохъ.

На этомъ мѣстѣ разсказа кухарка поблѣднѣла и попросила горничную затворить дверь, горничная попросила Бритльза, Бритльзъ попросилъ лудильщика, лудильщикъ притворился, будто не слышитъ.

— Услышавъ шорохъ, продолжалъ разсказывать мистеръ Джильзъ,—я сказалъ себѣ сперва: „Это мнѣ почудилось“ и готовился снова заснуть, когда шумъ опять раздался, уже гораздо явственнѣе.

— Что это былъ за шумъ? освѣдомилась кухарка.

— Онъ былъ похожъ на шорохъ, сказалъ оглядываясь кругомъ м-ръ Джильзъ.

— Больше похоже было на то, какъ будто на теркѣ терли кусокъ желѣза, вставилъ Бритльзъ.

— Такой шумъ былъ, когда вы его услыхали, сэръ, но въ то время, когда я его услышалъ, это былъ простой шорохъ. Я отвернулъ одѣяло, продолжалъ м-ръ Джильзъ, загибая скатерть,—сѣлъ на постели и прислушался.

Кухарка и горничная воскликнули разомъ: „Ахъ!“ и придвинулись ближе другъ къ другу.

— Тогда я уже совершенно явственно услышалъ шумъ,

разсказывалъ м-ръ Джильзъ.—И говорю себѣ: это взламываютъ дверь или окошко. Что дѣлать? Разбужу-ка я этого бѣднаго мальчика, Бритльза, и спасу его, а то его убьютъ соннаго, перерѣжутъ ему горло, такъ что онъ и не опомнится.

Взоры всѣхъ обратились на Бритльза, который уставился на разсказчика и сидѣлъ, выпучивъ глаза и широко раскрывъ ротъ, съ выраженіемъ самаго неподдѣльнаго ужаса.

— Я сбросилъ съ себя одѣяло, продолжалъ Джильзъ,—откидывая скатерть и устремляя пристальный взглядъ на кухарку и горничную,—тихонько всталъ съ постели, натянулъ пару...

— Здѣсь дамы, мистеръ Джильзъ, напомнилъ лудильщикъ.

— Сапогъ, съ удареніемъ произнесъ м-ръ Джильзъ, обращаясь къ лудильщику,—схватилъ заряженный пистолетъ, который всегда приносится на ночь наверхъ вмѣстѣ съ корзиной серебра, и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. „Бритльзъ“, сказалъ я, разбудивъ его: „Не пугайтесь!“

— Да, вы именно такъ и сказали, шепотомъ замѣтилъ Бритльзъ.

— Намъ, кажется, не избѣжать смерти, Бритльзъ, сказалъ я, но не пугайтесь!

— А онъ испугался? спросила кухарка.

— Ни капельки, отвѣчалъ м-ръ Джильзъ.—Онъ былъ твердъ, да, почти такъ же твердъ, какъ я.

— Я бы, кажется, умерла тутъ же, еслибы это со мною случилось, воскликнула горничная.

— Вы—женщина, возразилъ Бритльзъ, немного пріободрясь.

— Бритльзъ правъ, одобрительно кивнувъ головой, замѣтилъ м-ръ Джильзъ.—Отъ женщины ничего другого нельзя и ожидать. Но такъ какъ мы мужчины, то взяли потайной фонарь, стоявшій у Бритльза на каминѣ, и стали ощупью спускаться съ лѣстницы, потому что было темно, хоть глазъ выколи; мы шли вотъ такъ...

М-ръ Джильзъ всталъ со стула, зажмурился и сдѣлалъ два шага впередъ, чтобы яснѣе представить слушателямъ, какъ все происходило. Вдругъ онъ сильно вздрогнулъ такъ же, какъ и всѣ остальные, и кинулся назадъ на свое мѣсто. Кухарка и горничная взвизгнули.

— Стучатся, произнесъ м-ръ Джильзъ, стараясь принять самый невозмутимый видъ. Отоприте.

Никто не двинулся съ мѣста.

— Странно, что стучатся въ такой ранній часъ, проговорилъ м-ръ Джильзъ, посмотрѣвъ на окружающія его блѣдныя лица и самъ блѣднѣя, какъ полотно,—но всетаки надо отворить дверь. Слышите? Кто-нибудь!

Говоря такъ, м-ръ Джильзъ посмотрѣлъ на Бритльза, но этотъ молодой человѣкъ, будучи отъ природы очень скроменъ, вѣроятно, не считалъ себя за „кого-нибудь“ и потому разсудилъ, что это обращеніе никакъ не могло къ нему относиться.

Какъ бы то ни было, но онъ не отозвался ни звукомъ. Мистеръ Джильзъ бросилъ вопрошающій взглядъ на лудильщика, но тотъ внезапно задремалъ. О женщинахъ, понятно, и вопроса не могло быть.

— Если Бритльзъ желаетъ отпереть дверь при свидѣтеляхъ, я готовъ быть въ числѣ ихъ, произнесъ м-ръ Джильзъ послѣ краткаго молчанія.

— И я, воскликнулъ лудильщикъ, пробуждаясь такъ же мгновенно, какъ и заснулъ.

При такихъ условіяхъ Бритльзъ согласился пойти отворять дверь. Нѣсколько успокоивъ себя открытіемъ, что на дворѣ совсѣмъ свѣтло (объ этомъ узнали, раскрывъ ставни), вся компанія двинулась изъ кухни, пустивъ собакъ впередъ. Женщины, побоявшіяся остаться въ кухнѣ однѣ, замыкали шествіе. По мудрому совѣту мистера Джильза всѣ громко разговаривали, чтобы предупредить злоумышленниковъ (на случай, если тѣ ждали за дверями), что ихъ много. Тѣмъ же самымъ изобрѣтательнымъ мистеромъ Джильзомъ была придумана другая остроумная хитрость: въ прихожей собакамъ крѣпко прищемили хвосты, чтобъ заставить ихъ громче лаять.

Когда эти предосторожности были приняты, м-ръ Джильзъ, крѣпко уцѣпившись за руку лудильщика (чтобъ не дать ему убѣжать, говорилъ онъ шутя), скомандовалъ отворить дверь. Бритльзъ повиновался, и группа храбрецовъ, робко выглядывавшихъ изъ-за плечъ другъ друга, узрѣла такую страшную фигуру, какую представлялъ изъ себя бѣдный маленькій Оливеръ Твистъ, безгласный и недвижимый, который взглядомъ безмолвно молилъ ихъ о состраданіи.

— Мальчикъ! воскликнулъ м-ръ Джильзъ, храбро отталкивая лудильщика назадъ.—Что съ нимъ случилось... Ба! Посмотри-ка, Бритльзъ... Узнаешь?

Бритльзъ, который спрятался за дверью, какъ только ее отперъ, поднялъ страшный крикъ, увидѣвъ Оливера.

М-ръ Джильзъ схвативъ мальчика за ногу и за руку (по счастью, за здоровую), потащилъ его въ переднюю и тамъ положилъ прямо на полъ.

— Вотъ онъ! Вотъ одинъ изъ разбойниковъ, сударыня! завопилъ въ сильномъ волненіи Джильзъ, призывая сверху своихъ господъ.—Здѣсь онъ, мошенникъ, миссъ! Раненый! Я его подстрѣлилъ, миссъ, а Бритльзъ свѣтилъ!

— Фонаремъ, миссъ! подхватилъ Бритльзъ, приложивъ ко рту руку трубой, чтобъ было слышнѣе.

Обѣ служанки побѣжали наверхъ возвѣстить, что мистеръ Джильзъ взялъ въ плѣнъ разбойника, а лудильщикъ сталъ пытаться привести въ чувство Оливера, съ тою цѣлью, чтобъ онъ не умеръ, прежде чѣмъ его повѣсятъ. Среди этого шума и смятенія вдругъ раздался нѣжный женскій голосъ, при звукахъ котораго все сразу утихло.

— Джильзъ! позвалъ этотъ голосъ съ лѣстницы.

— Я здѣсь, миссъ. Не бойтесь, миссъ, я не очень пострадалъ, — онъ не оказалъ отчаяннаго сопротивленія, миссъ, я скоро съ нимъ справился.

— Тс! Вы пугаете тетушку не менѣе, чѣмъ воры, отвѣчала молодая дѣвушка.—Что онъ, бѣдный, опасно раненъ?

— Смертельно раненъ, миссъ, съ безконечнымъ самодовольствомъ отвѣтилъ Джильзъ.

— У него такой видъ, миссъ, будто онъ сейчасъ отдастъ Богу душу, закричалъ Бритльзъ такимъ же манеромъ, какъ и прежде. Не угодно ли вамъ сойти взглянуть на него, на случай, если онъ...

— Тс! пожалуйста, замолчите, если вы человѣкъ добрый. Подождите минутку, я переговорю съ тетушкой.

И такой же легкой, нѣжной походкой, какъ и ея голосъ, молодая дѣвушка удалилась и вскорѣ вернулась съ приказаніемъ бережно перенести раненаго въ комнату м-ра Джильза, а Бритльзу немедленно осѣдлать лошадь и какъ можно скорѣе привезти изъ Чарси доктора и полицейскаго.

— Не угодно ли вамъ будетъ пока взглянуть на него, миссъ? спросилъ Джильзъ съ такимъ самодовольствомъ, будто Оливеръ былъ рѣдкая птица, которую онъ искусно подстрѣлилъ на лету.—Хоть однимъ глазкомъ взгляните!

— О, ни за что на свѣтѣ! Теперь—ни за что на свѣтѣ, отвѣчала молодая дѣвушка.—Бѣдный! Пожалуйста, обращайтесь съ нимъ поласковѣе, Джильзъ, ради меня.

Старый слуга посмотрѣлъ на уходившую съ такою гордостью и обожаніемъ, словно она была его собственной дочерью. Потомъ наклонился къ Оливеру и помогъ перенести его въ свою комнату съ величайшей осторожностью и чисто женской заботливостью.

ГЛАВА XXIX.

Знакомитъ съ обитателями того дома, гдѣ очутился Оливеръ.

Въ красивой комнатѣ, обставленной нѣсколько старомодно, но зато изящно и удобно, безъ нынѣшнихъ претензій на моду, за богато сервированнымъ столомъ завтракали двѣ дамы. Облеченный въ безукоризненную черную пару, мистеръ Джильзъ прислуживалъ имъ. Онъ, по обыкновенію, помѣстился между буфетомъ и столомъ и стоялъ, вытянувшись въ струнку, закинувъ голову назадъ и слегка на бокъ, лѣвую ногу выставилъ впередъ, правую руку заложилъ за петлицу жилета, а лѣвую, въ которой держалъ подносъ, опустилъ внизъ и имѣлъ

видъ человѣка, преисполненнаго пріятнаго сознанія собственнаго достоинства и важности.

Одна изъ этихъ дамъ была уже очень пожилая, но держалась такъ прямо, что не уступала высокой спинкѣ дубоваго стула, на которомъ сидѣла.

Платье на ней было въ высшей степени чисто и аккуратно и представляло собою странное сочетаніе старины съ новѣйшей модой; маленькія уступки въ пользу послѣдней еще болѣе подчеркивали преимущества прежней. Она сидѣла съ величественной осанкой, руки ея были сложены на столѣ, еще не утратившіе прежняго блеска глаза были устремлены на молодую собесѣдницу.

Молодая дѣвушка была въ полномъ цвѣтѣ красоты и только что вступила въ первую весну жизни, въ тотъ возрастъ, въ какомъ ангелы, должно быть, посылаются на землю, когда Богу угодно, чтобъ они приняли человѣческій обликъ.

Ей еще не исполнилось шестнадцати лѣтъ. Она была такъ нѣжно и изящно сложена, такъ кротка и мила, такъ чиста и прекрасна, что казалась созданной не для земли и ея грубыхъ жителей. Возвышенный и не юношескій умъ свѣтился въ ея темносинихъ глазахъ и на ея благородномъ челѣ; ласковое доброе выраженіе освѣщало ея подвижное лицо точно сіяніемъ, ни одной тѣни не лежало на немъ, очарованіе довершала веселая, беззаботная улыбка, способная превратить всякій домъ въ счастливый мирный пріютъ. Она хозяйничала за столомъ.

Случайно поднявъ глаза въ то время, какъ старушка смотрѣла на нее, она шутливо отбросила назадъ заплетенные въ простую косу волосы и послала ей въ отвѣтъ сіяющій взглядъ, полный такой любви и безхитростной преданности, что сами небожители улыбнулись бы, глядя на нее.

— Такъ Бритльзъ отправился часъ тому назадъ? спросила послѣ нѣкотораго молчанія старушка.

— Часъ и двѣнадцать минутъ, сударыня, отвѣтилъ мистеръ Джильзъ, справившись съ серебряными часами на черной ленточкѣ, которые онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана.

— Онъ, по обыкновенію, замѣшкался, замѣтила старушка.

— Бритльзъ всегда былъ неповоротливымъ мальчикомъ, сударыня, отвѣчалъ слуга.

Въ виду того, что Бритльзъ былъ неповоротливымъ мальчикомъ въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, представлялось мало вѣроятія, чтобы онъ когда-нибудь сталъ расторопнымъ.

— Съ годами онъ становится все хуже вмѣсто того, чтобъ исправляться, продолжала старушка.

— Если онъ замѣшкался на улицѣ, остановившись поиграть съ дѣтьми, это право непростительно, улыбаясь проговорила молодая дѣвушка.

Пока мистеръ Джильзъ раздумывалъ, прилично ли ему бу-

детъ дозволить себѣ почтительную улыбку, къ воротамъ подъѣхалъ кабріолетъ, изъ котораго выпрыгнулъ толстый джентльменъ и устремился прямо къ дверямъ. Ворвавшись какимъ-то таинственнымъ путемъ въ домъ, онъ влетѣлъ въ столовую и чуть не опрокинулъ мистера Джильза и стола съ завтракомъ.

— Слыхано ли что-нибудь подобное! восклицалъ толстякъ. Дорогая мистриссъ Мейли... Боже мой!... да еще ночью!.. Это просто неслыхано!

Выражая такъ свое соболѣзнованіе, онъ пожалъ дамамъ руки, придвинулъ себѣ стулъ и освѣдомился, какъ онѣ себя чувствуютъ.

— Вы, должно быть, чуть не умерли со страху, говорилъ толстякъ. Отчего было не послать за мной? Мой слуга въ одну минуту явился бы, и я тоже, и мой помощникъ навѣрно съ удовольствіемъ пришелъ бы, и всякій при такихъ обстоятельствахъ. Ай-ай-ай! такъ неожиданно! да еще ночью!

Казалось, докторъ былъ особенно пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что разбойники явились неожиданно и въ ночное время, какъ будто у лицъ, занимающихся этимъ ремесломъ, принято являться среди бѣла дня и наканунѣ, а то и за два дня, увѣдомлять письмомъ о своемъ прибытіи.

— А вы, миссъ Роза? спросилъ докторъ, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ. Я...

— Да мы, конечно, были испуганы, прервала его Роза, но тамъ наверху есть бѣдняга, котораго тетушка проситъ васъ навѣстить.

— Да, да, конечно, отвѣчалъ докторъ. Мнѣ говорили, будто это дѣло вашихъ рукъ, Джильзъ?

— Мистеръ Джильзъ, съ лихорадочнымъ жаромъ убиравшій въ это время чайную посуду, покраснѣлъ и признался, что эта честь дѣйствительно принадлежитъ ему.

— Честь? переспросилъ докторъ. Да, пожалуй... Развѣ менѣе почетно подстрѣлить забравшагося на кухню вора, чѣмъ противника на дуэли при двѣнадцати шагахъ разстоянія! Представьте, что онъ выстрѣлилъ на воздухъ, и выйдетъ, будто вы дрались на дуэли, Джильзъ.

Мистеру Джильзу показалось, что докторъ своимъ шутливымъ отношеніемъ къ его дѣянію хочетъ умалить его славу, и онъ почтительно доложилъ, что, конечно, не ему судить о такихъ вещахъ, но онъ думаетъ, что съ его противникомъ дѣло вышло вовсе не шуточное.

— Ахъ, да, правда, воскликнулъ докторъ. Гдѣ онъ? Укажите мнѣ, куда идти. Оттуда я опять зайду къ вамъ, мистриссъ Мейли. Такъ онъ влѣзъ въ это маленькое окошечко? Вотъ бы никогда не повѣрилъ!

И продолжая разспрашивать Джильза, докторъ послѣдовалъ за нимъ наверхъ.

Пока онъ тамъ находится, сообщимъ читателю, что мистеръ

Лосбернъ, мѣстный врачъ, извѣстный на десять миль въ окружности подъ именемъ „доктора“, растолстѣлъ больше отъ веселаго характера, чѣмъ отъ хорошей жизни, и былъ такой добрый и сердечный, при томъ эксцентричный старый холостякъ, какого рѣдко можно отыскать.

Докторъ пробылъ въ отсутствіи гораздо дольше, чѣмъ дамы, да и онъ самъ, ожидали. Изъ кабріолета былъ вытребованъ наверхъ большой плоскій ящикъ, изъ комнаты м-ра Джильза не разъ раздавались звонки, слуги безпрестанно бѣгали то вверхъ, то внизъ. По такимъ признакамъ можно было придти къ безошибочному заключенію, что наверху происходитъ что-то важное. Наконецъ, докторъ вернулся къ дамамъ, и когда его засыпали распросами о здоровьѣ его паціента, онъ принялъ таинственный видъ и крѣпко заперъ дверь.

— Я вамъ доложу самыя невѣроятныя вещи, м-съ Мейли, началъ онъ, прислоняясь спиною къ двери, какъ бы для того, чтобъ ее загородить.

— Онъ, надѣюсь, не въ опасности?

— Въ этомъ не было бы еще ничего удивительнаго при подобныхъ обстоятельствахъ, отвѣчалъ докторъ. Впрочемъ, я думаю, онъ внѣ опасности. Но скажите, видѣли ли вы этого разбойника?

— Нѣтъ, отвѣчала старушка.

— И вамъ ничего о немъ не говорили?

— Нѣтъ.

— Извините, сударыня, вмѣшался Джильзъ, я только что собирался разсказать вамъ о немъ, какъ прибылъ мистеръ Лосбернъ.

Дѣло въ томъ, что мистеръ Джильзъ долго не рѣшался признаться, что онъ сразилъ не больше, какъ мальчика. Его такъ превозносили за храбрость, что онъ не могъ устоять отъ искушенія отложить объясненіе еще на нѣсколько мгновеній— восхитительныхъ мгновеній, въ теченіе которыхъ онъ слылъ за неустрашимаго героя и чувствовалъ себя на верху славы.

— Роза порывалась навѣстить раненаго, но я и слышать не хотѣла объ этомъ, сказала мистриссъ Мейли.

— Гм! Въ немъ нѣтъ ничего страшнаго, замѣтилъ докторъ. Не согласитесь ли вы пойти взглянуть на него вмѣстѣ со мною?

— Если вы считаете это нужнымъ, такъ пойдемте, отвѣчала старушка.

— Да, я считаю это необходимымъ и вообще увѣренъ, что вы впослѣдствіи будете очень жалѣть, если рѣшите отложить это свиданіе. Теперь онъ совершенно успокоился и затихъ. Разрѣшите мнѣ, миссъ Роза, предложить вамъ руку? Повѣрьте, ни малѣйшей опасности нѣтъ, ручаюсь честью.

ГЛАВА XXX.

Что думали объ Оливерѣ посѣтившія его лица.

Разсыпаясь передъ дамами въ увѣреніяхъ, что, увидѣвъ преступника, онѣ будутъ пріятно изумлены, докторъ взялъ подъ руку молодую дѣвушку и предложивъ другую руку мистриссъ Мейли, торжественно повелъ ихъ наверхъ.

— Интересно узнать, что вы о немъ скажете, проговорилъ онъ шепотомъ, тихонько поворачивая ручку двери, гдѣ лежалъ больной. — Онъ, правда, не бритъ, тѣмъ не менѣе видъ у него совсѣмъ не свирѣпый. Впрочемъ, остановитесь, я сперва взгляну, въ полномъ ли онъ порядкѣ для принятія гостей.

Докторъ прошелъ въ комнату первый, сдѣлалъ знакъ, чтобъ и онѣ вошли, заперъ за ними дверь и тихо раздвинулъ висѣвшій надъ кроватью пологъ. Вмѣсто мрачнаго разбойника съ звѣрскимъ лицомъ, какого дамы ожидали увидѣть, передъ ними лежалъ слабый ребенокъ, изнуренный, измученный, спавшій глубокимъ сномъ. Раненая рука, забинтованная въ лубки, лежала на груди мальчика, голова его склонилась на другую руку, скрытую длинными волосами, разметанными по подушкѣ.

Добрый докторъ нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ на него, придерживая занавѣски кровати. Между тѣмъ молодая дѣвушка неслышно проскользнула впередъ, и, опустившись на стулъ у изголовья кровати, отвела съ лица Оливера волосы. Когда она склонилась надъ нимъ, ея слезы капнули ему на лобъ.

Мальчикъ зашевелился и улыбнулся во снѣ, точно эти проявленія состраданія и участія пробудили въ его душѣ сладкія сновидѣнія и ему пригрезились любовь и ласки, которыхъ онъ никогда не видѣлъ на яву. Такъ иногда какая-нибудь нѣжная мелодія, журчаніе тихаго ручейка, запахъ цвѣтка, оброненное ненарокомъ слово вызываютъ вдругъ смутныя воспоминанія о чемъ-то такомъ, чего въ жизни нашей вовсе не было; они исчезаютъ, какъ дымъ, и никакое напряженіе ума не въ силахъ возстановить ихъ, какъ бы мы того ни желали; должно быть, это ничто иное, какъ мимолетныя воспоминанія другой лучшей жизни, которыя въ насъ сохранились.

— Что это значитъ. Это бѣдное дитя не могло быть сообщникомъ разбойниковъ! воскликнула старушка.

— Порокъ иногда обитаетъ даже въ храмахъ,—вздохнулъ докторъ, — и кто можетъ поручиться, что онъ не скрывается подъ самой красивой оболочкой?

— О, не въ такомъ юномъ возрастѣ! возразила Роза.

— Ахъ, дорогая миссъ Роза, грустно покачавъ головою, отвѣтилъ ей докторъ,—преступленіе, какъ и смерть, выбираетъ не однихъ только старыхъ и дряхлыхъ, оно слишкомъ часто ищетъ себѣ жертвъ среди юныхъ и прекрасныхъ.

— Но неужели, неужели же вы можете предполагать, что этотъ нѣжный ребенокъ въ самомъ дѣлѣ былъ добровольнымъ

сообщникомъ злодѣевъ, отверженцевъ общества? воскликнула Роза.

Докторъ покачалъ головой въ знакъ того, что онъ, къ сожалѣнію, допускаетъ возможность такого факта и замѣтивъ, что они могутъ потревожить больного, предложилъ перейти въ слѣдующую комнату.

Роза продолжала:

— Но если даже порокъ его и коснулся, подумайте, какъ онъ молодъ, подумайте: вѣдь онъ, можетъ быть, не зналъ материнскихъ ласкъ, семейнаго крова; дурное обращеніе, побои, голодъ загнали, быть можетъ, его въ среду людей, силой принудившихъ его къ преступленію. Ради Бога, подумайте объ этомъ, дорогая тетушка, прежде чѣмъ вы дадите увезти этого больного ребенка въ тюрьму, которая его окончательно погубитъ. О, вспомните, что я никогда не чувствовала своего сиротства, благодаря вашей добротѣ и любви ко мнѣ, но могло вѣдь случиться, что я была бы такою же безпомощною и покинутою, какъ это бѣдное дитя. Сжальтесь надъ нимъ, ради меня, пока еще не поздно!

— Милая моя, неужели ты допускаешь, что я позволю коснуться хотя бы волоса на головѣ его? проговорила старушка, прижимая къ груди плачущую дѣвушку.

— О, нѣтъ, нѣтъ! съ жаромъ отвѣчала Роза.

— Конечно, нѣтъ,—продолжала старушка,—мнѣ уже недолго жить на свѣтѣ и ждать отпущенія грѣховъ отъ милосерднаго Бога, такъ и я отпускаю ихъ должникамъ своимъ. Скажите, что мнѣ надо сдѣлать, сэръ, чтобы спасти его?

— Дайте подумать, сударыня, дайте подумать, отвѣчалъ докторъ!

Онъ засунулъ руки въ карманы и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. По временамъ онъ останавливался и, раскачиваясь на кончикахъ сапоговъ, свирѣпо хмурилъ брови. Не разъ онъ восклицалъ: „Нашелъ!“ но послѣ того говорилъ: „Нѣтъ, не годится“, и опять принимался маршировать изъ угла въ уголъ и хмуриться. Наконецъ, онъ прекратилъ свою прогулку и сказалъ:

— Я думаю, что могу устроить это, если вы мнѣ разрѣшите хорошенько постращать Джильза и этого мальчишку Бритльза. Я знаю, что Джильзъ старый и преданный слуга, но вы можете вознаградить его какъ-нибудь иначе за его удачный выстрѣлъ. Вы не имѣете ничего противъ?

— Развѣ нѣтъ другого средства спасти этого ребенка? спросила м-съ Мейли.

— Ручаюсь вамъ, иного пути нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, тетушка уполномачиваетъ васъ на все, вмѣшалась Роза, улыбаясь сквозь слезы,—но, пожалуйста, не будьте слишкомъ жестоки съ этими бѣдными людьми.

— Кажется вы думаете, что сегодня всѣ склонны быть жестокосердыми, за исключеніемъ однѣхъ васъ, миссъ Роза, возра-

зилъ докторъ. Желаю одного—въ интересахъ юнаго мужского поколѣнія,—чтобы вы были въ такомъ же отзывчивомъ и мягкосердечномъ настроеніи въ тотъ день, когда какой-нибудь достойный юноша воззоветъ къ вашему сочувствію; еслибъ я былъ молодъ, я непремѣнно воспользовался бы такимъ благопріятнымъ случаемъ, какъ настоящій, чтобы обратиться къ вашему сердцу.

— Вы такой же ребенокъ, какъ бѣдный Бритльзъ, замѣтила Роза, покраснѣвъ.

— Не трудно быть такимъ ребенкомъ, со смѣхомъ отвѣтилъ докторъ. Но вернемся къ этому мальчику. Намъ предстоитъ еще условиться о самомъ главномъ. Черезъ часъ онъ, вѣроятно, проснется; положимъ, я заявилъ этому тупоголовому полицейскому, который ждетъ внизу, что его нельзя ни трогать съ мѣста, ни допрашивать, такъ какъ это грозитъ опасностью для его жизни, тѣмъ не менѣе, я думаю, мы можемъ безъ всякаго риска для его здоровья переговорить съ нимъ. Но я заранѣе ставлю такое условіе: я разспрошу его при васъ, и если изъ его отвѣтовъ я приду къ заключенію, съ которымъ и вы благоразумно согласитесь, что онъ дѣйствительно отъявленный негодяй (это болѣе, чѣмъ вѣроятно), мы отъ него отступимся и предоставимъ его собственной участи, по крайней мѣрѣ, такъ сдѣлаю я.

— Ахъ, нѣтъ, тетушка! умоляла Роза.

— О да, тетушка! передразнилъ докторъ. Ну, что-жъ, принято мое условіе?

— Онъ не можетъ быть закоренѣлымъ негодяемъ, это невозможно, сказала Роза.

— Прекрасно, тѣмъ болѣе основаній согласиться на мое предложеніе, подхватилъ докторъ.

Кончилось тѣмъ, что условія доктора были приняты, и всѣ трое съ большимъ нетерпѣніемъ принялись ждать пробужденія Оливера.

Терпѣнію дамъ суждено было подвергнуться болѣе продолжительному испытанію, чѣмъ ожидалъ докторъ.

Часы проходили за часами, а Оливеръ все еще былъ объятъ тяжелымъ сномъ. Наступилъ уже вечеръ, когда добрый докторъ принесъ, наконецъ, извѣстіе, что мальчикъ на столько пришелъ въ себя, что съ нимъ можно вступить въ разговоръ. Больной чувствуетъ себя еще очень худо и сильно ослабѣлъ отъ потери крови,—говорилъ докторъ,—но онъ такъ волнуется, желая повѣдать какую-то тайну, что лучше предоставить ему открыть ее теперь же, чѣмъ отложить разговоръ съ нимъ до утра, какъ слѣдовало бы сдѣлать, по мнѣнію мистера Лосберна, при иныхъ обстоятельствахъ.

Бесѣда вышла очень длинной. Оливеръ разсказалъ имъ всю свою несложную исторію, часто невольно прерывая свой разсказъ отъ приступовъ боли и слабости. Какъ-то торжественно

звучалъ въ полутьмѣ комнаты слабый голосокъ больного ребенка, разсказывавшаго тяжелую повѣсть страданій и бѣдъ, въ какія его вовлекали злые люди. О, еслибы въ тѣхъ случаяхъ, когда мы притѣсняемъ и давимъ нашихъ ближнихъ, насъ хотя на мигъ посѣщала мысль о зловѣщихъ свидѣтеляхъ человѣческихъ заблужденій, которыя, подобно густымъ темнымъ тучамъ, медленно но неуклонно подымаются къ небу, призывая отмщеніе на наши головы! Еслибъ хотя на мигъ мы прислушались къ глухимъ голосамъ мертвецовъ, которыхъ никакая власть не въ силахъ болѣе заглушить и никакая гордость не заставитъ уже подавить—куда бы дѣлись тогда вся та неправда и несправедливость, всѣ тѣ страданія, муки, жестокость, зло, которыми полна повседневная жизнь!

Въ этотъ вечеръ нѣжныя руки оправили изголовье Оливера, и прекрасное чистое созданіе бодрствовало ночью надъ нимъ. Онъ чувствовалъ себя такъ спокойно и счастливо, что готовъ былъ безропотно встрѣтить смерть.

Какъ только печальный разсказъ былъ оконченъ, и успокоившійся Оливеръ снова уснулъ, докторъ, отеревъ предварительно глаза и кстати обругавъ себя за такую слабость, отправился походомъ на мистера Джильза. Не найдя никого внизу, онъ сошелъ въ кухню, разсчитавъ, что тамъ, пожалуй, гораздо успѣшнѣе можетъ исполнить задуманное.

Въ кухнѣ была въ сборѣ вся женская прислуга, мистеръ Бритльзъ, мистеръ Джильзъ, лудильщикъ (получившій приглашеніе угощаться весь этотъ день на кухнѣ, во вниманіе къ оказаннымъ имъ заслугамъ) и, наконецъ, полицейскій. Послѣдній былъ вооруженъ большимъ жезломъ, обладалъ большой головой и большимъ носомъ, былъ облеченъ въ большіе ботфорты и имѣлъ такой видъ, будто угостился изрядной порціей хмельного, какъ и было въ дѣйствительности. Здѣсь все еще обсуждались приключенія минувшей ночи, и когда вошелъ докторъ, мистеръ Джильзъ какъ разъ повѣствовалъ о томъ, какое онъ выказалъ присутствіе духа, а мистеръ Бритльзъ со стаканомъ пива въ рукѣ спѣшилъ подтвердить каждое его слово, прежде чѣмъ оно слетало съ устъ.

— Сидите, сидите, проговорилъ докторъ, махнувъ рукой.

— Благодарствуйте, сэръ, произнесъ мистеръ Джильзъ. Госпожа приказала выдать намъ пива, а такъ какъ мнѣ одному сидѣть въ своей комнатѣ не охота и захотѣлось побыть въ компаніи, то я расположился выпить свою кружку пива здѣсь.

Бритльзъ, а за нимъ и остальные присутствовавшіе пробормотали благодарность мистеру Джильзу за то, что онъ снизошелъ до нихъ; мистеръ Джильзъ съ покровительственнымъ видомъ посмотрѣлъ на окружающихъ, какъ-бы говоря, что не покинетъ ихъ, пока они ведутъ себя, какъ слѣдуетъ.

— Лучше ли вечеромъ больному, г. докторъ? спросилъ Джильзъ.

— Нельзя сказать, чтобы лучше, отвѣчалъ мистеръ Лосбернъ. Боюсь, что вы попали въ непріятную исторію, мистеръ Джильзъ.

— Неужели вы хотите сказать, что онъ умретъ? воскликнулъ Джильзъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Если такъ случится, я стану на вѣкъ несчастнымъ. Я не хотѣлъ бы имѣть на душѣ убійство мальчика, это подтвердитъ вамъ и Бритльзъ. Даже за всю серебряную посуду, какая есть въ Соединенномъ Королевствѣ, я не взялъ бы на себя такого грѣха.

— Не объ этомъ рѣчь, таинственно проговорилъ докторъ. Вотъ что, мистеръ Джильзъ, вы вѣрный сынъ церкви?

— Да, сэръ, кажется, пробормоталъ мистеръ Джильзъ блѣднѣя.

— А вы, молодой человѣкъ? перебилъ его докторъ, вдругъ обращаясь къ Бритльзу.

— Господи помилуй! вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, произнесъ Бритльзъ.—Кажется, и я могу сказать про себя то же, что и мистеръ Джильзъ.

— А если такъ, отвѣчайте мнѣ оба,—и вы, и онъ,—рѣшитесь ли вы клятвенно утверждать, что этотъ мальчикъ наверху—именно тотъ, который въ прошлую ночь забрался въ домъ черезъ окно чулана? Отвѣчайте же! Скорѣе! Мы васъ слушаемъ.

Докторъ, считавшійся всѣми за самаго добрѣйшаго человѣка въ мірѣ, задалъ этотъ вопросъ такимъ страшнымъ, гнѣвнымъ голосомъ, что Джильзъ и Бритльзъ, у которыхъ и безъ того заходилъ умъ за разумъ отъ выпитаго пива и сильныхъ ощущеній всего этого дня, отъ страху только вытаращили глаза.

— Прошу васъ замѣтить, что они скажутъ, господинъ полицейскій; изъ этого можетъ вскорѣ выйти нѣчто очень важное,—произнесъ докторъ, торжественно потрясая въ воздухѣ указательнымъ перстомъ и затѣмъ приложивъ его къ кончику носа, для предупрежденія достойнаго блюстителя порядка, чтобы тотъ напрягъ сейчасъ все свое вниманіе.

Полицейскій постарался принять самый глубокомысленный видъ и взялъ въ руки офиціальный знакъ своего званія—жезлъ, который до тѣхъ поръ стоялъ въ пренебреженіи въ углу, рядомъ съ кочергой.

— Обращаю ваше вниманіе на то, что это простой вопросъ о сходствѣ лицъ, продолжалъ докторъ.

— Точно такъ, сэръ, отвѣчалъ полицейскій, сильно закашлявшись, такъ какъ пиво, допитое впопыхахъ, попало ему не въ то горло.

— Въ домъ забираются разбойники, двое изъ обитателей этого дома впопыхахъ, въ темнотѣ, среди клубовъ дыма мелькомъ замѣчаютъ мальчика. На слѣдующее утро въ тотъ же самый домъ является мальчикъ, и такъ какъ у него рука пере-

вязана, то эти люди хватаютъ его, чѣмъ подвергаютъ его жизнь серьезной опасности, и утверждаютъ, что онъ-то и есть преступникъ. Вопросъ теперь въ томъ, дѣйствительные факты оправдываютъ ли поступки этихъ людей, и въ случаѣ противнаго, въ какое положеніе ставятъ они себя?

Полицейскій многозначительно покачалъ головой и объявилъ, что если этого вопроса нельзя назвать вполнѣ законнымъ, то онъ послѣ этого не знаетъ, гдѣ же искать законности.

Бритльзъ растерянно посмотрѣлъ на мистера Джильза, мистеръ Джильзъ растерянно посмотрѣлъ на Бритльза; полицейскій приставилъ къ уху руку, чтобы лучше разслышать ихъ отвѣтъ, обѣ женщины и лудильщикъ подались впередъ и навострили уши, докторъ глядѣлъ испытующимъ окомъ. Въ эту самую минуту у калитки зазвенѣлъ колокольчикъ, и послышался шумъ колесъ подъѣхавшаго экипажа.

— Это ищейки! съ видимымъ облегченіемъ воскликнулъ Бритльзъ.

— Кто? вскричалъ перепуганный докторъ.

— Чины сыскной полиціи, отвѣтилъ Бритльзъ, вооружаясь свѣчей,—я съ мистеромъ Джильзомъ еще утромъ послалъ за ними.

— Какъ, сыщики? переспросилъ докторъ.

— Да, сэръ, я вытребовалъ ихъ, пославъ записку съ кондукторомъ дилижанса, и удивительно, какъ они долго заставили себя ждать.

— Вы за ними посылали? Чортъ побери ваши.... ваши медленные дилижансы! воскликнулъ докторъ, уходя изъ кухни.

ГЛАВА XXXI.

Въ критическомъ положеніи.

— Кто тамъ? пріотворивъ дверь, но не снявъ замыкавшей ея цѣпи, спросилъ Бритльзъ, вглядываясь въ темноту и заслоняя рукою свѣчу.

— Отоприте, отвѣчали ему со двора. Мы чины сыскной полиціи, за которыми вы сегодня посылали.

Успокоенный этимъ извѣстіемъ, Бритльзъ растворилъ дверь. Передъ нимъ стоялъ осанистый человѣкъ въ длинномъ пальто; безъ дальнѣйшихъ словъ онъ вошелъ въ комнату и принялся вытирать ноги о половикъ, точно былъ у себя дома.

— Пошли-ка, молодецъ, кого нибудь на выручку моему товарищу, онъ въ кабріолетѣ и не можетъ оставить лошадь. Есть у васъ каретный сарай, куда бы на время поставить лошадь?

Пошли-ка, молодецъ, кого нибудь на выручку моему товарищу.

Бритльзъ отвѣчалъ утвердительно и указалъ на одно изъ надворныхъ строеній. Сыщикъ вернулся къ воротамъ и помогъ своему спутнику поставить экипажъ въ сарай; имъ свѣтилъ Бритльзъ, смотрѣвшій на нихъ въ нѣмомъ восхищеніи. Когда лошадь была поставлена, всѣ вернулись въ домъ; прежде чѣмъ войти въ пріемную, сыщики освободились отъ теплаго платья и шляпъ и теперь предстали въ своемъ настоящемъ видѣ. Тотъ, который стучался въ дверь, былъ плотный мужчина средняго роста, лѣтъ пятидесяти, его лоснящіеся черные волосы были коротко острижены, у него были маленькія бакенбарды, широкое лицо, проницательные глазки. Другой былъ рыжеволосый костлявый дѣтина въ высокихъ сапогахъ, далеко непривлекательной наружности, съ подозрительнымъ курносымъ носомъ.

— Доложите господамъ, что Блэдерсъ и Дефъ здѣсь,—пригладивъ себѣ волосы, проговорилъ черноволосый, кладя на столъ пару ручныхъ кандаловъ.

— Ахъ, добрый вечеръ, сударь! Я желалъ бы, если позволите, переговорить съ вами наединѣ.

Съ такими словами черноволосый сыщикъ обратился къ мистеру Лосберну, вышедшему въ пріемную. Докторъ знакомъ приказалъ Бритльзу удалиться, ввелъ въ комнату обѣихъ дамъ и заперъ дверь.

— Вотъ хозяйка дома, сказалъ докторъ, указывая на мистриссъ Мейли.

Мистеръ Блэдерсъ раскланялся. Его попросили сѣсть. Онъ поставилъ шляпу на полъ, придвинулъ себѣ стулъ и сдѣлалъ знакъ Дефу послѣдовать своему примѣру. Послѣдній или не былъ такъ привыченъ къ хорошему обществу, или не чувствовалъ себя въ немъ свободно, только прежде, чѣмъ сѣсть, онъ долго не зналъ, куда дѣть свои руки и ноги, и въ замѣшательствѣ засунулъ въ ротъ набалдашникъ своей трости.

— Касательно произведеннаго въ здѣшнемъ домѣ грабежа не угодно ли вамъ будетъ разсказать обстоятельства дѣла? заговорилъ Блэдерсъ.

Мистеръ Лосбернъ, желавшій, повидимому, выиграть время, принялся очень пространно и съ разными неидущими къ дѣлу подробностями разсказывать о ночномъ грабежѣ. Блэдерсъ и Дефъ слушали съ самымъ многозначительнымъ видомъ и по временамъ обмѣнивались выразительнымъ взглядомъ.

— Пока я не осмотрю взломаннаго окна, я, конечно, не могу утверждать за вѣрное, но мое мнѣніе таково, что тутъ видна рука опытнаго громилы, за это я почти ручаюсь,—произнесъ мистеръ Блэдерсъ.

— Вы какъ полагаете, Дефъ?

— Я согласенъ съ вами, отвѣчалъ Дефъ.

— А если перевести ваши слова на обыкновенный языкъ, ради присутствующихъ здѣсь дамъ, насколько я понялъ, вы хотите сказать, что это покушеніе было произведено не здѣшними ворами, съ улыбкой произнесъ мистеръ Лосбернъ.

— Точно такъ, сударь, сказалъ Блэдерсъ. Больше вы ничего не можете сообщить про этотъ грабежъ?

— Это все.

— Ну, а что же относительно находящагося здѣсь мальчика, на котораго указываютъ ваши слуги? спросилъ Блэдерсъ.

— Онъ тутъ ни при чемъ, отвѣчалъ докторъ. Одинъ изъ слугъ съ перепугу забралъ себѣ въ голову, что этотъ мальчикъ былъ тоже участникомъ ночного разбоя, но это нелѣпость, полнѣйшій вздоръ.

— Пожалуй, вы и ошибаетесь, замѣтилъ Дефъ.

— Онъ говоритъ правду, присоединился къ товарищу Блэдерсъ, утвердительно кивая головой и небрежно поигрывая кандалами, точно они были пара кастаньетъ.—Кто этотъ мальчикъ? Что о немъ извѣстно? Откуда онъ явился? Не съ облаковъ же онъ свалился!

— Конечно, конечно, пробормоталъ докторъ, бросая безпокойный взглядъ на дамъ. Я знаю его исторію, но прежде чѣмъ говорить о ней, вы вѣроятно пожелаете осмотрѣть мѣсто происшествія?

— Разумѣется, проговорилъ Блэдерсъ. Мы сперва осмотримъ мѣстность, потомъ допросимъ слугъ, это нашъ обычный способъ дѣйствій.

Принесли свѣчи. Блэдерсъ и Дефъ, въ сопровожденіи поли-

цейскаго, Джильза, Бритльза и всѣхъ прочихъ слугъ, отправились въ маленькую каморку въ концѣ коррпдора и осмотрѣли окно изнутри, потомъ обошли домъ кругомъ со стороны лужайки, осмотрѣли окно снаружи и ставни, затѣмъ, вооружившись фонарями, освидѣтельствовали слѣды ногъ, наконецъ, потребовали вилы и обшарили кусты. Зрители, притаивъ дыханіе, слѣдили за дѣйствіями ищеекъ. Когда осмотръ былъ конченъ, Джильзъ и Бритльзъ были приглашены разсказать подробности своихъ ночныхъ подвиговъ, что они и исполнили, по крайней мѣрѣ, по шести разъ каждый, при чемъ на первый разъ показанія ихъ не сошлись только въ одномъ важномъ пунктѣ, а въ послѣдній разъ свидѣтели противорѣчили другъ другу на каждомъ шагу. Достигнувъ такого блестящаго результата, Блэдерсъ и Дефъ распорядились удалить всѣхъ изъ комнаты и держали длинное совѣщаніе, въ сравненіи съ которымъ консиліумы знаменитыхъ докторовъ по поводу самыхъ запутанныхъ случаевъ медицинской практики были не больше, какъ дѣтской забавой.

Тѣмъ временемъ въ сосѣдней комнатѣ докторъ съ безпокойствомъ прохаживался изъ угла въ уголъ, а мистриссъ Мейли и Роза съ озабоченными лицами слѣдили за нимъ.

— Право, я рѣшительно не знаю, что дѣлать, произнесъ докторъ, останавливаясь послѣ того, какъ много разъ измѣрилъ комнату изъ угла въ уголъ.

— Я увѣрена, что достаточно будетъ подробно разсказать этимъ людямъ подлинную исторію этого мальчика, чтобъ они оставили его въ покоѣ, сказала Роза.

— Сомнѣваюсь, очень сомнѣваюсь, милая миссъ Роза, проговорилъ докторъ, качая головой. Не думаю, чтобъ это могло очистить мальчика въ ихъ мнѣніи, а также въ мнѣніи другихъ представителей закона. Кто онъ такой, въ концѣ концовъ? непремѣнно спросятъ они. Бродяга. А съ простой житейской точки зрѣнія вся его исторія представляется мало вѣроятной и даже весьма сомнительной.

— Но вы, вѣдь, ей вѣрите? перебила его Роза.

— Какъ она ни странна, я вѣрю ей, хотя, можетъ быть, за это меня назовутъ старымъ дуракомъ. Тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, что никакой опытный полицейскій не повѣритъ этому разсказу.

— Почему? спросила Роза.

— А потому, моя любезная защитница, что съ ихъ точки зрѣнія въ этой исторіи найдется много очень слабыхъ пунктовъ. Мальчикъ можетъ подтвердить доказательствами только то, что говоритъ не въ его пользу, и не можетъ почти ничего привести въ свое оправданіе, а эти проклятые законники допытываются всегда „почему“ да „отчего“ и ничему не вѣрятъ на слово. А онъ, какъ вы видѣли, по его собственному признанію, жилъ нѣкоторое время среди воровъ, судился уже разъ

за карманную кражу, совершенную у одного джентльмена. Затѣмъ, по его словамъ, онъ былъ силою уведенъ изъ дома этого джентльмена въ такое мѣсто, указать которое онъ не можетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ оно находится.

Въ Чертси приводятъ его совершенно противъ желанія какіе-то люди, которые почему-то выбрали именно его, подсаживаютъ его въ окно, чтобъ имъ можно было ограбить домъ, и какъ разъ въ ту минуту, когда онъ собирается перебудить живущихъ въ домѣ, сдѣлать именно то, что сняло бы съ него всякое подозрѣніе, тутъ вдругъ подвертывается шальная пуля глупаго дворецкаго и поражаетъ его будто нарочно, чтобъ помѣшать ему выгородить себя. Изволите видѣть, какое тутъ сцѣпленіе обстоятельствъ?

— Вижу, но всетаки не нахожу тутъ еще ничего преступнаго, въ чемъ можно бы обвинить бѣднаго ребенка, отвѣтила Роза, улыбаясь запальчивости мистера Лосберна.

— Да вы-то, конечно, не видите! Хорошо это, или худо, а только глаза прекраснаго пола (дай имъ Богъ всякаго благополучія!) такъ устроены, что видятъ всегда только одну сторону дѣла, и постоянно ту, которая прежде имъ представилась.

Сообщивъ слушательницамъ этотъ результатъ своихъ житейскихъ наблюденій, докторъ заложилъ руки въ карманы и опять зашагалъ по комнатѣ, еще быстрѣе прежняго.

— Чѣмъ больше я объ этомъ думаю, продолжалъ онъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что мы наживемъ массу хлопотъ и затрудненій, если повѣдаемъ этимъ людямъ истинную исторію мальчика. Я увѣренъ, что они ему не повѣрятъ, и если даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ дѣло ничѣмъ не кончится, его всетаки потребуютъ къ отвѣту, всѣ сомнительные пункты его исторіи будутъ преданы разслѣдованію и такимъ образомъ не дадутъ осуществиться вашему великодушному желанію выручить его.

— Но что-жъ теперь дѣлать? вскричала Роза. Ахъ, зачѣмъ понадобилось посылать за этими людьми!

— Дѣйствительно, зачѣмъ это за ними посылали!

— Я вовсе этого не хотѣла! воскликнула мистриссъ Мейли.

— Я знаю только одно: намъ надо смѣло пойти на встрѣчу обвиненіямъ и попытаться обойти ихъ,—усѣвшись, наконецъ, на мѣсто, проговорилъ мистеръ Лосбернъ съ тѣмъ хладнокровіемъ, какое придаетъ отчаяніе. У насъ цѣль хорошая, да послужитъ это намъ оправданіемъ! У мальчика теперь сильная лихорадка, онъ въ такомъ состояніи, что разговаривать съ нимъ невозможно, хоть это-то утѣшительно. Мы должны выбрать лучшее, и если на этотъ разъ худшее оказываетя лучшимъ—не наша вина.—Войдите!

— Ну, сэръ,—заговорилъ вошедшій въ комнату въ сопровожденіи своего товарища мистеръ Блэдерсъ, плотно затворивъ дверь,—тутъ, ясное дѣло, не было союзниковъ,

— Какіе такіе, чортъ побери, союзники? съ досадой накинулся на него докторъ.

— Мы называемъ воровствомъ съ союзниками такое, когда слуги за одно съ ворами,—обращаясь къ дамамъ, пояснилъ мистеръ Блэдерсъ, какъ бы снисходя къ ихъ невѣжеству и тѣмъ самымъ выказывая презрѣніе къ доктору за то, что тотъ не понимаетъ такихъ простыхъ вещей.

— Слугъ въ этой кражѣ никто и не думалъ подозрѣвать, замѣтила мистриссъ Мейли.

— Очень можетъ быть, что ихъ никто не подозрѣвалъ, сударыня, тѣмъ не менѣе они могли быть тутъ замѣшаны, возразилъ Блэдерсъ.

— По этой то причинѣ они скорѣе всего и могли принимать участіе, добавилъ Дефъ.

— Мы пришли къ заключенію, что тутъ видна рука столичнаго мошенника, потому что работа—первый сортъ, продолжалъ свое донесеніе Блэдерсъ.

— Да, сработано чисто, вполголоса замѣтилъ Дефъ.

— Ихъ было двое и съ ними былъ мальчикъ, это несомнѣнно, въ виду небольшихъ размѣровъ окошечка,—рапортовалъ Блэдерсъ.—Это все, что мы пока можемъ сказать. А теперь, пожалуйста, покажите намъ того парня, что лежитъ наверху.

— Но раньше не угодно ли вамъ будетъ чѣмъ-нибудь подкрѣпиться, засуетился докторъ. Лицо его вдругъ прояснилось, точно его осѣнила какая-то счастливая мысль.

— Разумѣется, разумѣется, быстро подхватила Роза. Если пожелаете, я сейчасъ же прикажу подать.

— Благодарствуйте, миссъ! сказалъ Блэдерсъ, отирая губы рукавомъ сюртука.—Отъ работы нашей, точно, въ горлѣ пересыхаетъ. Только не безпокойтесь изъ за насъ, миссъ, что есть подъ рукою, того и дайте.

— А всетаки, чему бы отдали вы предпочтеніе? спросилъ докторъ, идя вслѣдъ за молодой дѣвушкой къ буфету.

— Если для васъ все равно, такъ рюмочку водки. Изъ Лондона ѣхали-то по холоду, сударыня, а я замѣчалъ, что отъ водки мозги скорѣе согрѣваются.

Это интересное замѣчаніе было высказано хозяйкѣ дома, которая выслушала его чрезвычайно благосклонно; тѣмъ временемъ докторъ подъ шумокъ скрылся изъ комнаты.

— Да, продолжалъ мистеръ Блэдерсъ, держа поданную рюмку между указательнымъ и большимъ пальцами лѣвой руки, прямо противъ своей груди: передъ моими глазами прошло не мало подобныхъ дѣлъ, милостивыя государыни.

— Взять хотя бы грабежъ въ переулкѣ въ окрестности Эдмонтона, подхватилъ Дефъ.

— Та исторія очень смахивала на здѣшнюю, не правда ли? обратился къ нему Блэдерсъ. Тогда дѣло оборудовалъ Носыря, это его рукъ была работа.

— Вы до сихъ поръ подозрѣваете его, тогда какъ это сдѣлалъ Толстый Котъ, могу васъ увѣрить. Носыря тамъ столько же участвовалъ, сколько и я.

— Толкуйте, такъ я вамъ и повѣрилъ! возразилъ Блэдерсъ. А помните, какъ у Носыри украли деньги! Какая была исторія! занимательнѣе любого романа.

— Что же это была за исторія? спросила Роза, желая привести незванныхъ гостей въ хорошее расположеніе духа.

— Надо было не мало пошевелить мозгами, чтобъ ее распутать, вотъ какая это была кража, миссъ, отвѣтилъ Блэдерсъ. Этотъ Носыря Чикуидъ видите ли...

— Носыря значитъ носатый, миссъ вмѣшался Дефъ.

— Какъ будто дамы и безъ васъ не знаютъ! Постоянно вы суетесь со своими замѣчаніями! напустился на него Блэдерсъ.— Такъ вотъ этотъ Носыря Чикуидъ, миссъ, содержалъ харчевню неподалеку отъ Баттльбриджа, при ней была зала, куда частенько съѣзжались молодые лорды поглядѣть пѣтушиные бои, травлю барсуковъ и тому подобныя забавы, которыя устраивались у него для благороднаго общества, я самъ не разъ тамъ бывалъ; въ ту пору онъ еще не былъ ни въ чемъ замѣченъ. Вотъ разъ ночью украли у него триста двадцать семь гиней, спрятанныхъ въ парусинномъ мѣшкѣ, воръ—высокій человѣкъ съ чернымъ пластыремъ на глазу, забрался къ нему въ спальню подъ кровать и, укравъ деньги, выскочилъ изъ окна, — комната помѣщалась въ первомъ этажѣ. Малый онъ былъ проворный, но Чикуидъ тоже былъ не промахъ: отъ шума онъ проснулся, живо вскочилъ на ноги, выстрѣлилъ вслѣдъ вору изъ ружья, переполошилъ сосѣдей. Разумѣется, во всемъ околоткѣ поднялась тревога, и когда принялись изслѣдовать мѣстность, то увидѣли, что Чикуидъ попалъ въ разбойника, такъ какъ слѣды крови виднѣлись на землѣ вплоть до палисадника, находившагося на довольно далекомъ разстояніи, а за нимъ терялись. Однако, грабитель, несмотря на рану, успѣлъ скрыться вмѣстѣ съ уворованными деньгами; такъ что имя виноторговца Чикуида вскорѣ появилось въ газетахъ въ спискѣ банкротовъ. Въ пользу его была устроена подписка, выдали ему пособіе, всякій старался помочь бѣдняку. Бѣдняга послѣ покражи никакъ не могъ утѣшиться, нѣсколько дней ходилъ, какъ потерянный по улицамъ, рвалъ на себѣ волосы и былъ въ такомъ отчаяніи, что побаивались, какъ бы онъ не покусился на самоубійство. Вотъ разъ онъ прибѣгаетъ весь запыхавшись въ полицію, бесѣдуетъ наединѣ съ старшимъ изъ чиновниковъ, послѣ чего тотъ звонитъ и велитъ позвать Джема Спайерса (Джемъ считался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ среди нашей братіи). Джему отдается приказъ помочь мистеру Чикуиду въ поимкѣ вора, который его обокралъ. „Я вчера утромъ видѣлъ его, Спайерсъ,—говоритъ Чикуидъ,—онъ прошелъ мимо дома“.—„Отчего же вы его

не задержали? спрашиваетъ Спайерсъ".—„Да я такъ былъ пораженъ, что совсѣмъ растерялся, отвѣчаетъ бѣдняга—только мы его непремѣнно изловимъ, потому что вечеромъ, въ одиннадцатомъ часу онъ опять проходилъ мимо" Услыхавъ это, Спайерсъ сейчасъ же уложилъ въ карманъ гребень, перемѣну бѣлья, на случай если не вернется домой нѣсколько дней, и отправился въ путь-дорогу. Занялъ онъ позицію у одного изъ оконъ харчевни и, спрятавшись за красную занавѣску, сидитъ себѣ, посиживаетъ да покуриваетъ, со шляпой на головѣ, готовый ежеминутно сняться съ мѣста по первому знаку. Уже поздно вечеромъ Чикуидъ вдругъ какъ закричитъ: „Вотъ онъ! Держи! караулъ!" Джемъ Спайерсъ выскочилъ на улицу и видитъ, что Чикуидъ бѣжитъ, сломя голову, впереди его и оретъ во всю глотку. Спайерсъ за нимъ; Чикуидъ летитъ что есть мочи; народъ останавливается, кричатъ: „Держите, держите!" а самъ Чикуидъ просто надрывается отъ крику. Когда онъ заворачиваетъ за уголъ, Спайерсъ на минуту теряетъ его изъ виду и, обогнувъ въ свою очередь этотъ уголъ, видитъ, что столпилась кучка народа; онъ бросается туда. „Ну, гдѣ же воръ?"—„Будь онъ проклятъ, отвѣчаетъ Чикуидъ, я опять далъ ему улизнуть!" Странно, какъ это могло случиться, но вора нигдѣ не оказалось. Нечего дѣлать, вернулись ни съ чѣмъ въ харчевню. На слѣдующее утро Спайерсъ опять усѣлся на прежнее мѣсто у окна и высматривалъ изъ за занавѣски высокаго мужчину съ чернымъ пластыремъ на глазу, пока у него самого въ глазахъ не зарябило. Онъ закрылъ ихъ на минуту чтобы дать имъ отдыхъ, такъ какъ не въ силахъ уже былъ больше смотрѣть; какъ разъ въ эту минуту слышитъ, Чикуидъ кричитъ: „Вотъ онъ, держите!" Опять онъ мчится, а Чикуидъ опять далеко впереди его; бѣгутъ вдвое дальше, чѣмъ вчера, и всетаки опять упускаютъ вора изъ рукъ! Еще раза два повторилось то же, такъ что половина сосѣдей стала думать, что мистера Чикуида обокралъ самъ чортъ и надъ нимъ же теперь издѣвается, другіе же рѣшили, что онъ просто спятилъ съ ума отъ огорченія.

— А что говорилъ Джемъ Спайерсъ? освѣдомился докторъ Лосбернъ, который вернулся въ комнату на срединѣ этого разсказа.

— Джемъ Спайерсъ долго хранилъ молчаніе, слушалъ да моталъ себѣ на усъ, что говорили; какъ видите, онъ былъ знатокъ своего дѣла. Только разъ утромъ онъ приходитъ въ харчевню и, вынувъ свою табакерку, говоритъ: „Чикуидъ, я узналъ, кто совершилъ эту кражу". „Неужели!" воскликнулъ Чикуидъ. „Ахъ, дайте мнѣ только отомстить ему, дорогой Спайерсъ, и я умру спокойно! Гдѣ этотъ мошенникъ, скажите мнѣ, голубчикъ Спайерсъ? Полно играть комедію", говоритъ Спайерсъ, подчуя его изъ своей табакерки,—„этотъ воръ—вы сами". Такъ оно и было, Чикуидъ самъ себя обокралъ и не

мало денегъ заполучилъ этимъ фокусомъ. Никому и въ голову не пришло бы ввѣкъ догадаться, еслибъ сонъ самъ не перестарался!“ закончилъ мистеръ Блэдерсъ, поставивъ на столъ пустую рюмку и прищелкнувъ кандалами.

— Удивительно интересный случай! замѣтилъ докторъ. А теперь не угодно ли вамъ будетъ пожаловать наверхъ?

Оба сыщика послѣдовали за мистеромъ Лосберномъ въ комнату Оливера, впереди шелъ мистеръ Джильзъ съ зажженной свѣчей.

Оливеръ дремалъ, когда къ нему вошли. Ему, повидимому, было хуже, и онъ сильнѣе лихорадилъ. Съ помощью доктора, мальчикъ приподнялся и минуты двѣ пробылъ въ сидячемъ положеніи, совершенно безучастно смотря на незнакомыя лица видимо не понимая, что тутъ происходитъ; казалось, онъ и вовсе позабылъ, гдѣ онъ и какъ сюда попалъ.

— Вотъ этотъ мальчикъ,—заговорилъ мистеръ Лосбернъ вполголоса, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень горячо и выразительно,—онъ нечаянно получилъ рану, переступивъ, въ дѣтскомъ невѣдѣніи, за черту владѣній мистера... какъ его зовутъ, позабылъ, помѣстье это вонъ тамъ позади дома,—входъ туда воспрещенъ. Въ здѣшній домъ онъ явился сегодня утромъ за помощью, но на него немедленно набросился вотъ этотъ сообразительный мужчина, что намъ свѣтитъ, и такъ грубо съ нимъ обошелся, что подвергъ его жизнь серьезной опасности, это я, въ качествѣ врача, могу вамъ засвидѣтельствовать.

При этихъ словахъ мистеръ Блэдерсъ и Дефъ обратили свои взоры на Джильза, получившаго такую лестную аттестацію. Перепуганный дворецкій смотрѣлъ то на нихъ, то на Оливера, то на мистера Лосберна, съ комичнымъ выраженіемъ ужаса и смущенія.

— Надѣюсь, вы не станете отпираться? обратился къ нему докторъ, тихонько уложивъ Оливера опять въ постель.

— Я думалъ... сдѣлать... лучше, сэръ, я былъ увѣренъ, что это тотъ самый мальчикъ, а то бы не впутался... Я вовсе не безчеловѣчный какой-нибудь.

— За какого же мальчика вы его приняли? спросилъ старшій сыщикъ.

— За того, котораго привели съ собою грабители! отвѣчалъ Джильзъ. Съ ними... съ ними вѣдь былъ мальчикъ.

— Вы и теперь это думаете? спросилъ Блэдерсъ.

— Это вы насчетъ чего же спрашиваете? съ недоумѣніемъ глядя на сыщика, проговорилъ Джильзъ.

— Да насчетъ мальчика, безтолковая голова! нетерпѣливо воскликнулъ Блэдерсъ.

— Не знаю, право не знаю; поклясться не могу, что тотъ самый, съ отчаяніемъ возопилъ Джильзъ.

— Но всетаки, какъ по вашему мнѣнію, онъ ли это былъ? настаивалъ Блэдерсъ.

— Не знаю, что и думать, отвѣчалъ бѣдняга Джильзъ. Кажется, не тотъ. Я даже увѣренъ, что не тотъ. Это не могъ быть онъ.

— Да онъ пьянъ что ли? спросилъ у доктора Блэдерсъ.

— У васъ, любезный, голова не въ порядкѣ,—съ глубокимъ презрѣніемъ молвилъ мистеру Джильзу Дефъ.

Докторъ, во время этого краткаго разговора считавшій пульсъ больного, поднялся съ мѣста и предложилъ сыщикамъ, если у нихъ являлись какія-нибудь сомнѣнія на счетъ мальчика, перейти въ сосѣднюю комнату и устроить очную ставку съ Бритльзомъ.

Сыщики послѣдовали этому совѣту. Допрошенный вторично, Бритльзъ запуталъ себя и своего старшаго собрата въ такую сѣть новыхъ противорѣчій и несообразностей, что окончательно затемнилъ дѣло. Изъ его показаній явствовало только одно, что онъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе. Онъ утверждалъ, что сію же минуту узнаетъ мальчика, бывшаго съ разбойниками, если того ему предъявятъ, и сознался, что принялъ Оливера за этого мальчика только потому, что такъ сказалъ м-ръ Джильзъ. Но тутъ-же онъ сообщилъ, что самъ м-ръ Джильзъ пять минутъ тому назадъ, будучи на кухнѣ, выражалъ опасеніе , не слишкомъ ли онъ поторопился.

Между разными другими остроумными предположеніями и догадками возникъ вопросъ и о томъ, ранилъ ли кого-нибудь на самомъ дѣлѣ м-ръ Джильзъ. Когда осмотрѣли второй незаряженный пистолетъ изъ находившейся у него пары, оказалось, что онъ заряженъ однимъ лишь порохомъ да пыжомъ. Это открытіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, за исключеніемъ доктора, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ собственноручно вынулъ оттуда пулю. Самое сильное впечатлѣніе это произвело на мистера Джильза. Послѣ угнетавшаго его въ теченіе нѣсколькихъ часовъ томительнаго сознанія, что онъ смертельно ранилъ человѣка, онъ очень обрадовался новому открытію и настойчиво за него ухватился. Кончилось тѣмъ, что сыщики, переставъ и думать объ Оливерѣ, уѣхали ночевать въ городъ, предоставивъ охранять домъ чертсейскому полицейскому и обѣщавъ навѣдаться на слѣдующее утро.

На слѣдующее утро разнеслась молва, что въ Кингстонѣ арестованы при самыхъ подозрительныхъ условіяхъ двое мужчинъ и мальчикъ. Мистеры Блэдерсъ и Дефъ тотчасъ же покатили туда. На повѣрку, однако, оказалось, что всѣ подозрительныя обстоятельства заключались лишь въ томъ, что вышеупомянутыя личности найдены были спящими въ полѣ подъ стогомъ сѣна. Правда, это само по себѣ тоже большое преступленіе, но наказуемое всего лишь тюремнымъ заключеніемъ и съ точки зрѣнія милосердныхъ англійскихъ законовъ, извѣстныхъ своей снисходительносью къ подданнымъ Вели-

кобританіи, одинъ этотъ фактъ спанья подъ стогомъ, при отсутствіи другихъ уликъ, не считается достаточнымъ доказательствомъ того, что спящій повиненъ въ разбоѣ и посему долженъ быть преданъ смертной казни. Блэдерсъ и Дефъ такъ и уѣхали ни съ чѣмъ. Въ концѣ концовъ, послѣ новыхъ осмотровъ мѣстности, долгихъ разсужденій и разспросовъ, судебная власть согласилась удовлетвориться поручительствомъ мистера Лосберна и м-съ Мейли въ томъ, что Оливеръ, если понадобится, явится по вызову суда. Блэдерсъ съ Дефомъ, награжденные за хлопоты парой золотыхъ, вернулись во-свояси, оставшись при совершенно разныхъ мнѣніяхъ по поводу дѣла, послужившаго цѣлью ихъ поѣздки. Дефъ, по зрѣломъ обсужденіи, склонялся къ мысли, что покушеніе было дѣломъ рукъ Толстаго Кота, тогда какъ Блэдерсъ всю честь этого подвига приписывалъ достославному Носырѣ Чикуиду.

А Оливеръ между тѣмъ помаленьку поправлялся и набирался силъ, окруженный соединенными заботами Розы, м-съ Мейли и добраго доктора. Если горячія молитвы, возносящіяся къ небу отъ переполненнаго благодарностью сердца бываютъ услышаны (а какія-же молитвы болѣе этого заслуживаютъ!), то благословенія, призываемыя маленькимъ сиротой на своихъ благодѣтелей, должны были принести имъ душевный миръ и счастье.

ГЛАВА XXXII.

О томъ, какую счастливую жизнь началъ вести Оливеръ въ кругу своихъ добрыхъ друзей.

Болѣзнь Оливера была нелегкая и затянулась надолго. Не говоря уже о боли въ раненой рукѣ и неизбѣжной въ такихъ случаяхъ неподвижности, мальчикъ, благодаря долгому пребыванію въ холодѣ и сырости, простудился и схватилъ лихорадку, отъ которой не могъ отдѣлаться нѣсколько недѣль и которая сильно его истощила. Но, наконецъ, мало по малу онъ началъ поправляться и могъ уже иногда, въ отрывочныхъ словахъ, со слезами высказывать своимъ благодѣтельницамъ, какъ глубоко онъ чувствуетъ ихъ доброту и какъ горячо надѣется, что когда онъ совсѣмъ оправится и окрѣпнетъ, то съумѣетъ доказать имъ свою благодарность хоть чѣмъ-нибудь, хоть малостью, лишь-бы онѣ видѣли, какою любовью и преданностью переполнено его сердце, лишь-бы онѣ убѣдились, что доброта ихъ къ нему не пропала даромъ, и что бѣдный мальчикъ, котораго онѣ своимъ великодушіемъ спасли отъ горя и даже отъ смерти, душой жаждетъ отслужить, быть хоть чѣмъ нибудь полезнымъ имъ.

— Бѣдняжечка! сказала какъ-то разъ Роза въ отвѣтъ на слабую попытку Оливера излить ей свою признательность въ

горячихъ словахъ, просившихся ему на языкъ.—У тебя будетъ много случаевъ быть намъ полезнымъ,—стоитъ только тебѣ захотѣть. Мы ѣдемъ въ деревню, и тетя хочетъ взять тебя съ собой. Деревенская тишина, чистый воздухъ и весна съ ея удовольствіями поставятъ тебя на ноги въ нѣсколько дней. Подожди: мы будемъ безпрестанно пользоваться твоими услугами, какъ только тебѣ это будетъ нетрудно.

— Трудно? подхватилъ мальчикъ съ жаромъ.—Ахъ, дорогая миссъ, еслибъ я только могъ работать для васъ! Еслибъ я могъ хоть чѣмъ-нибудь доставить вамъ удовольствіе... поливать ваши цвѣты, смотрѣть за вашими птицами, съ утра до ночи быть у васъ на посылкахъ... Чего-бы я не далъ за это!

— Не безпокойся, это удовольствіе достанется тебѣ даромъ, сказала, улыбаясь, миссъ Мейли;—вѣдь я тебѣ только-что говорила, что мы будемъ поминутно требовать отъ тебя услугъ, и если ты хоть на половину исполнишь то, что теперь обѣщаешь, ты сдѣлаешь меня очень счастливой, увѣряю тебя.

— Счастливой? воскликнулъ Оливеръ.—Какъ вы добры, что такъ говорите!

— Счастливѣе, чѣмъ я могу тебѣ выразить, повторила молодая дѣвушка.—Уже одна мысль, что моя милая, добрая тетя спасла живое существо отъ такой горькой доли, какую пришлось тебѣ испытать, доставляетъ мнѣ невыразимую радость; но знать, что это существо искренно ей предано и признательно за ея состраданіе и доброту,—это такое для меня счастье, что ты и представить себѣ не можешь... Ты понимаешь меня? спросила она, вглядываясь въ задумчивое лицо Оливера.

— О да, миссъ! отвѣчалъ онъ горячо.—Но я думалъ сейчасъ, что я все таки неблагодарный.

— Къ кому же? спросила молодая дѣвушка.

— Къ тому доброму джентльмену и моей дорогой, старой нянѣ, которые заботились обо мнѣ прежде, отвѣчалъ Оливеръ.—Еслибъ они знали, какъ я теперь счастливъ, они были-бы рады, я увѣренъ.

— Навѣрно, подтвердила Роза.—А знаешь?—ты ихъ скоро увидишь: мистеръ Лосбернъ былъ такъ добръ, что уже обѣщалъ свозить тебя къ нимъ, какъ только ты будешь въ силахъ выдержать поѣздку.

— Неужели правда? закричалъ мальчикъ съ просіявшимъ лицомъ.—Я просто не знаю, что со мной будетъ отъ радости, когда я опять увижу ихъ милыя лица.

Вскорѣ Оливеръ настолько оправился, что могъ пуститься въ путь безъ всякаго риска для своего здоровья. И вотъ, въ одно прекрасное утро они съ мистеромъ Лосберномъ усѣлись въ двухмѣстную каретку мистриссъ Мейли и поѣхали. Когда они поровнялись съ Чертсейскимъ мостомъ, Оливеръ вдругъ страшно поблѣднѣлъ и вскрикнулъ.

— Что съ тобой, мальчикъ? закричалъ докторъ, заволно-

вавшись по своему обыкновенію.—Увидѣлъ ты что-нибудь?.. или услышалъ?.. или что-нибудь чувствуешь?—а?

— Домъ, домъ! кричалъ Оливеръ, указывая пальцемъ въ окно экипажа.—Тотъ домъ!

— Ну, да, такъ что-же?.. Эй, кучеръ, стой! Подъѣзжай къ этому дому! крикнулъ докторъ.—Ну вотъ тебѣ домъ, мальчуганъ;—въ чемъ-же дѣло?

— Воры... они привезли меня въ этотъ домъ! прошепталъ Оливеръ.

— Ахъ, чортъ!—Кучеръ, отвори мнѣ дверцу.

Но прежде чѣмъ кучеръ успѣлъ спуститься съ козелъ, докторъ какими-то судьбами уже выпрыгнулъ изъ кареты и, добѣжавъ до заброшеннаго дома, уже стучался въ дверь какъ сумасшедшій.

— Кто тамъ? откликнулся маленькій уродецъ, горбунъ, распахивая дверь такъ внезапно, что докторъ, только-что размахнувшійся для новаго удара, съ разлета чуть не клюнулъ носомъ въ полъ прихожей.—Что тутъ такое случилось?

— Что случилось? повторилъ докторъ и, ни на минуту не задумавшись, схватилъ за шиворотъ горбуна.—Хорошія дѣла! Грабежъ случился—вотъ что!

— А если вы не уберете рукъ, такъ еще и убійство случится, проговорилъ хладнокровно горбунъ.—Уберите руки, слышите?

— Слышу, отвѣчалъ докторъ, энергично встряхнувъ свою жертву.—А ты мнѣ прежде скажи, гдѣ тотъ... какъ бишь его зовутъ, негодяя?—да, Сайксъ. Гдѣ Сайксъ, говори, мошенникъ!

Горбунъ выпучилъ глаза, какъ бы въ избыткѣ негодующаго изумленія, затѣмъ, ловко вывернувшись изъ рукъ доктора, выпустилъ въ него цѣлый залпъ страшнѣйшихъ ругательствъ и убѣжалъ въ домъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ захлопнуть дверь, докторъ вошелъ слѣдомъ за нимъ и безъ дальнѣйшихъ церемоній отправился прямо въ гостиную. Здѣсь онъ съ безпокойствомъ оглянулся кругомъ: въ комнатѣ не было ни одной вещи, ни одного предмета, который соотвѣтствовалъ-бы описанію Оливера; даже расположеніе мебели было совсѣмъ не такое, какъ онъ говорилъ.

— Ну что-же, заговорилъ горбунъ, все время зорко за нимъ наблюдавшій,—объясните, наконецъ, ради чего вы ворвались въ мой домъ? Ограбить вы меня что-ли хотите, или убить?

— А вы когда-нибудь видѣли, чтобъ человѣкъ пріѣзжалъ убивать или грабить въ каретѣ парой? Чудакъ вы эдакій! сказалъ раздражительный докторъ.

— Такъ что-же вамъ нужно? спросилъ горбунъ.—Уберетесь вы по добру по здорову, прежде чѣмъ я васъ вытолкаю въ шею?

— Уберусь, когда найду это нужнымъ, отвѣчалъ мистеръ Лосбернъ, заглядывая въ смежную комнату; но и та, какъ и первая, не имѣла ничего общаго съ описаніемъ Оливера.—Погодите, рано или поздно я выведу васъ на свѣжую воду!

— Будто? злобно усмѣхнулся горбунъ.—Когда я вамъ понадоблюсь, вы знаете, гдѣ меня искать: я всегда здѣсь, къ вашимъ услугамъ. Не даромъ я двадцать пять лѣтъ прожилъ въ этомъ домѣ одинъ, какъ собака; вамъ меня не запугать. И вы мнѣ за это еще поплатитесь. Вы мнѣ поплатитесь!

И выговоривъ свою угрозу, отвратительный маленькій демонъ дико завизжалъ и заплясалъ на мѣстѣ, точно онъ сбѣсился отъ злости.

— Какъ все это глупо! пробормоталъ въ полголоса докторъ.— Должно быть, мальчикъ ошибся... Эй вы! возьмите это себѣ и запирайтесь опять на здоровье.

Съ этими словами онъ бросилъ горбуну серебряную монету и возвратился къ своему экипажу.

Горбунъ проводилъ его до самой кареты, не переставая всю дорогу неистово ругаться, но когда мистеръ Лосбернъ на минуту отвернулся, чтобы сказать что-то кучеру, онъ заглянулъ въ карету и подарилъ Оливера такимъ пронзительнымъ, свирѣпымъ и мстительнымъ взглядомъ, что цѣлые мѣсяцы спустя мальчикъ не могъ отъ него отдѣлаться ни на яву, ни во снѣ. Кучеръ сидѣлъ уже на козлахъ, а горбунъ все еще ругался, и потомъ, когда они опять выѣхали на дорогу, имъ еще долго было видно, какъ онъ топалъ ногами и рвалъ на себѣ волосы въ экстазѣ настоящаго или притворнаго бѣшенства.

— Я совершенный оселъ! сказалъ докторъ послѣ продолжительной паузы.—Ты зналъ это раньше, Оливеръ?

— Нѣтъ, сэръ.

— Ну, такъ запомни на будущее время.

— Оселъ, оселъ! повторилъ докторъ, промолчавъ еще нѣсколько минутъ.—Будь это тотъ самый домъ и наткнись я тамъ на тѣхъ самыхъ молодцовъ, что бы я сдѣлалъ—одинъ? И еслибъ даже у меня были помощники, я всетаки не вижу, что бы изъ этого вышло хорошаго, кромѣ того, что я выдалъ-бы себя съ головой, и вся эта исторія, которую мнѣ кое-какъ удалось тогда замазать, неизбѣжно всплыла-бы наружу. И по дѣломъ бы мнѣ было, дураку! И всегда-то я попадаю въ просакъ, когда дѣйствую по первому побужденію. Да, это былъ-бы мнѣ полезный урокъ.

Сказать по правдѣ, добрѣйшій докторъ всю свою жизнь дѣйствовалъ не иначе, какъ по первому побужденію, что въ результатѣ дѣлало только честь характеру руководившихъ имъ побужденій, ибо не только не навлекало на него никакихъ особенныхъ хлопотъ и несчастій, но даже снискало ему горячую любовь и уваженіе всѣхъ его знавшихъ. Все дѣло въ томъ, что добрякъ былъ въ эту минуту немножко не въ духѣ, оттого что ему не удалось добыть фактическое подтвержденіе разсказа Оливера, да еще въ первый же разъ, какъ ему, повидимому, представился для этого случай. Онъ, впрочемъ, скоро успокоился и убѣдившись, что на всѣ его вопросы Оливеръ отвѣчаетъ

съ прежнею прямотой и послѣдовательностью, все такъ-же искренно и правдиво, онъ порѣшилъ отнынѣ и впредь не позволять себѣ больше въ немъ сомнѣваться.

Такъ какъ Оливеръ зналъ названіе улицы, гдѣ жилъ мистеръ Броунло, то они поѣхали прямо туда. Когда карета свернула въ эту улицу, сердце мальчика забилось такъ сильно, что онъ съ трудомъ переводилъ духъ.

— Ну, мальчуганъ, въ которомъ-же домѣ? спросилъ мистеръ Лосбернъ.

— Вотъ въ этомъ, въ этомъ! отвѣчалъ Оливеръ торопливо, показывая изъ окна.—Бѣлый домъ. Ахъ, скорѣй, пожалуйста, скорѣй! У меня такое чувство, точно я умираю... Я весь дрожу...

— Ну, полно, полно! проговорилъ добрякъ докторъ, похлопывая его по плечу. — Ты ихъ сейчасъ увидишь, и они очень обрадуются, когда узнаютъ, что ты цѣлъ и невредимъ.

— Да, да, я тоже думаю! вскричалъ Оливеръ.-Они были такъ добры ко мнѣ... очень, очень добры.

Карета подкатила къ дому и остановилась. Нѣтъ, это не тотъ домъ. Къ слѣдующему! Проѣхали еще нѣсколько шаговъ и опять стали. Оливеръ глядѣлъ на окна, и слезы радостнаго ожиданія струились по его лицу.

Увы! бѣлый домъ былъ пустъ; на окнѣ виднѣлся билетикъ: „Отдается въ наймы".

— Постучись въ слѣдующій домъ! закричалъ кучеру мистеръ Лосбернъ, взявъ за руку Оливера.—Не знаете-ли, милая, куда переѣхалъ мистеръ Броунло? Онъ жилъ вотъ здѣсь, рядомъ съ вами.

Служанка не знала; она пойдетъ справиться. Черезъ минуту она вернулась и сказала, что шесть недѣль тому назадъ мистеръ Броунло распродалъ свои вещи и уѣхалъ въ Вестъ-Индію. Оливеръ всплеснулъ руками и въ изнеможеніи откинулся назадъ.

— А ключница его тоже уѣхала? спросилъ мистеръ Лосбернъ послѣ минутной паузы.

— Да, сэръ, отвѣчала служанка.—Самъ мистеръ Броунло и ключница, и еще другой джентльменъ, его другъ, уѣхали всѣ вмѣстѣ.

— Поворачивай домой, сказалъ кучеру докторъ,—да не останавливайся: мы не будемъ кормить лошадей, пока не выѣдемъ изъ этого проклятаго Лондона.

— А букинистъ-то, сэръ? сказалъ Оливеръ.—Я знаю дорогу къ нему. Повидайтесь съ нимъ, сэръ, пожалуйста, повидайтесь.

— Довольно съ тебя разочарованій на сегодняшній день, бѣдный мой мальчикъ, сказалъ докторъ.—Больше, чѣмъ довольно для насъ обоихъ. Я знаю: подъѣдемъ мы къ букинисту, и окажется, что онъ или умеръ, или поджегъ свой домъ и убѣжалъ. Нѣтъ, поѣдемъ прямо домой.

И дѣйствуя по первому побужденію доктора, они возвратились домой.

Это разочарованіе принесло Оливеру много горя, даже несмотря на все счастье, которымъ онъ теперь наслаждался. Много разъ во время болѣзни мечталъ онъ о томъ, что скажутъ ему мистеръ Броунло и мистриссъ Бедвинъ, и какимъ для него счастьемъ высказать имъ, сколько долгихъ дней и ночей провелъ онъ, вспоминая все, что они для него сдѣлали и оплакивая свою жестокую съ ними разлуку. Надежда когда-нибудь оправдаться передъ ними, объяснить имъ, какъ его увели отъ нихъ силой, тоже поддерживала его и придавала ему бодрость въ его послѣднихъ испытаніяхъ. И вдругъ они уѣхали, Богъ знаетъ, куда— и унесли съ собой увѣренность, что онъ обманщикъ и воръ, и можетъ быть, онъ такъ и умретъ, не успѣвъ очистить себя въ ихъ глазахъ... Одна мысль о такой возможности убивала его.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что разочарованіе бѣднаго мальчика ни въ чемъ не измѣнило отношенія къ нему его благодѣтельницъ. Спустя двѣ недѣли, когда теплая погода окончательно установилась, когда на каждомъ деревцѣ, на каждой вѣточкѣ зазеленѣли молодые листья и зацвѣли цвѣты, въ домѣ начали готовиться къ отъѣзду. Серебро, такъ сильно раззадорившее алчность Феджина, отправили на храненіе къ банкиру; при домѣ оставили Джильза и еще другого слугу и уѣхали въ деревню, довольно далеко отъ Чертси, гдѣ и поселились на нѣсколько мѣсяцевъ въ маленькомъ коттеджѣ. Оливера взяли съ собой.

Какъ передать восторгъ и радость, и миръ душевный, охватившіе душу больного ребенка, когда онъ началъ дышать благорастворенньмъ воздухомъ настоящей деревни, когда онъ увидѣлъ ея зеленые холмы и роскошные лѣса? Кто объяснитъ, какъ и почему мирныя картины природы такъ глубоко западаютъ въ душу заморенныхъ обитателей тѣсныхъ и шумныхъ городовъ и вносятъ свою неувядаемую свѣжесть въ ихъ измученныя сердца? Мы знаемъ, что труженики, прожившіе всю свою жизнь въ людныхъ кварталахъ, среди скученныхъ домовъ, и никогда не желавшіе перемѣны,—люди, у которыхъ привычка стала положительно второю натурой и которые въ концѣ концовъ почти полюбили каждый кирпичъ, каждый камень, составлявшій часть тѣсныхъ границъ ихъ ежедневныхъ прогулокъ,—что даже эти люди, почуявъ надъ собой десницу смерти, начинали томиться страстнымъ желаніемъ хоть на одинъ короткій мигъ увидѣть ликъ природы и, перенесенные далеко отъ мѣста своихъ старыхъ радостей и печалей, разомъ возрождались и вступали въ новую фазу бытія. День за днемъ передвигались они съ одного зеленаго, залитаго солнцемъ, лужка на другой, и видъ неба, холмовъ, равнины и сверкающей на солнцѣ воды будилъ въ ихъ душѣ такія воспоминанія, что горечь ихъ быстраго угасанія смягчалась для нихъ какъ-бы предвкушеніемъ неба, и они сходили въ могилу такъ-же тихо, какъ закатывалось постепенно изъ ихъ

ослабѣвшихъ, тускнѣющихъ глазъ солнце, которымъ они всего за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ любовались изъ окна своей одинокой каморки. Воспоминанія, которыя поднимаетъ въ нашей душѣ тихая сельская сцена, не отъ міра сего и не имѣютъ ничего общаго съ мірскими помыслами и разсчетами. Ихъ кроткое вліяніе учитъ насъ вить свѣжіе вѣнки на могилы тѣхъ, кого мы любили, очищаетъ наши мысли и заставляетъ склоняться передъ собой старую ненависть и вражду. Но подо всѣмъ этимъ въ душѣ человѣка—даже такого, который менѣе всего привыкъ углубляться въ себя,—тлѣетъ смутное сознаніе, что когда-то давно, въ далекомъ прошломъ, онъ уже извѣдалъ тѣ-же чувства, и это сознаніе рождаетъ торжественную мысль о далекомъ грядущемъ, передъ которымъ смиренно умолкнутъ гордость и суетность.

Деревня, куда переѣхали Мейли, была прелестное мѣстечко. Для Оливера, вся жизнь котораго прошла среди сутолоки и гама грязнаго города, началось теперь новое существованіе. Стѣнъ коттеджа почти не было видно за покрывавшими ихъ розами и жимолостью; стволы деревьевъ были увиты плющемъ, цвѣты наполняли воздухъ восхитительнымъ ароматомъ. Рядомъ было маленькое кладбище,—не городское, загроможденное высокими, неуклюжими памятниками, а скромное сельское кладбище, усѣянное скромными могильными насыпями, прикрытыми свѣжимъ дерномъ и мхомъ, подъ которыми отдыхали потрудившіеся на своемъ вѣку деревенскіе старики. Оливеръ часто заходилъ на это кладбище; вспоминая заброшенную могилу, въ которой лежала его мать, онъ садился гдѣ-нибудь въ уголкѣ и, никѣмъ не видимый, плакалъ; когда-же ему случалось поднять глаза вверхъ къ бездонному небу, онъ хоть и думалъ о матери по прежнему, но уже не какъ о мертвой, и опять таки плакалъ, но въ слезахъ его больше не было горечи.

Счастливое это было время для мальчика! Дни стояли тихіе и ясные, ночи не приносили съ собой ни страха, ни заботы; онъ не томился болѣе въ стѣнахъ мрачной тюрьмы, онъ больше не былъ обреченъ жить общей жизнью съ дурными людьми; все окружающее навѣвало однѣ только радостныя, веселыя мысли. Каждое утро онъ отправлялся къ старому джентльмену съ бѣлыми, какъ лунь, волосами, жившему подлѣ маленькой церкви; добрый старикъ училъ его читать и писать и говорилъ съ нимъ такъ ласково и клалъ на него столько труда, что мальчикъ изъ силъ выбивался, чтобы ему угодить. Потомъ онъ гулялъ съ мистриссъ Мейли и Розой, прислушиваясь къ тому, что онѣ говорили о книгахъ, или садился подлѣ нихъ въ какомъ-нибудь тѣнистомъ, укромномъ уголкѣ; молодая дѣвушка читала вслухъ, а онъ слушалъ, пока не начинало смеркаться, и могъ-бы слушать безъ конца. А тамъ ему надо было готовить уроки на завтра, и эта работа никогда не надоѣдала

ему. Онъ садился въ маленькой комнаткѣ, выходившей окнами въ садъ, и сидѣлъ за своими уроками, пока не надвигался вечеръ. Тогда дамы опять выходили гулять, и онъ съ ними. Съ какимъ наслажденіемъ прислушивался онъ ко всему, что онѣ говорили! Какъ онъ былъ счастливъ, когда его просили сорвать цвѣтокъ, за которымъ приходилось куда-нибудь карабкаться, или забывали въ домѣ какую-нибудь вещь, за которой онъ долженъ былъ сбѣгать! А когда становилось совсѣмъ темно, они возвращались домой. Молодая дѣвушка садилась за фортепіано и наигрывала какой-нибудь хорошенькій мотивъ или пѣла негромкимъ, нѣжнымъ голосомъ одну изъ старинныхъ пѣсенъ, которыя любила ея тетка. Въ эти часы въ комнатѣ не зажигали свѣчей, и Оливеръ, сидя у окна, въ полномъ упоеніи слушалъ тихую музыку.

Молодая дѣвушка садилась за фортепіано и наигрывала какой нибудь хорошенькій мотивъ.

А воскресенье!—до какой степени не походило оно на всѣ прежніе воскресные дни, которые онъ могъ припомнить! И какой это былъ радостный день!... да, впрочемъ, какъ и всѣ другіе дни въ эту счастливую пору его жизни. По утру обѣдня въ маленькой церкви; въ окнѣ шелестѣли, качаясь отъ вѣтра, зеленыя вѣтки; за окномъ пѣли птицы; сладкій запахъ цвѣ-

товъ пробирался сюда черезъ низенькій портикъ и наполнялъ собою все скромное зданіе. Обитатели деревушки—все бѣдный народъ—стояли кругомъ такіе чистенькіе, принаряженные, и такъ благоговѣйно молились, преклоняя колѣна, что, очевидно, собираться сюда было для нихъ удовольствіемъ, а не скучной обязанностью. Правда, пѣли они незатѣйливо, но за то съ искреннимъ чувствомъ, и это пѣніе—для Оливера, по крайней мѣрѣ—было музыкальнѣе всего, что онъ когда-либо слышалъ въ церквахъ. Послѣ обѣдни—обычная прогулка и нѣсколько визитовъ въ чистенькіе домики крестьянъ, а вечеромъ Оливеръ прочитывалъ вслухъ главу-другую изъ библіи. Онъ цѣлую недѣлю готовился къ этому чтенію; исполняя эту обязанность, такъ гордился собой и радовался, что не согласился бы, пожалуй, помѣняться ролями съ самимъ пасторомъ.

Съ шести часовъ утра мальчикъ былъ уже на ногахъ, рыскалъ по полямъ и безпощадно обиралъ живыя изгороди для букетовъ. Нагруженный цвѣтами, онъ возвращался домой и составлялъ букеты для украшенія стола къ завтраку, что требовало большого вниманія и не малой дозы соображенія. А тамъ надо было позаботиться о птицахъ миссъ Мейли. Мальчикъ, изучившій этотъ предметъ подъ руководствомъ опытнаго спеціалиста, деревенскаго клерка, приносилъ свѣжей зелени и убиралъ клѣтки съ самымъ изысканнымъ вкусомъ. Когда-же у птицъ все было прибрано и приготовлено на день, обыкновенно оказывалась надобность сбѣгать въ деревню по какому-нибудь порученію благотворительныхъ дамъ, а не то составлялась изрѣдка партія въ крикетъ на лужайкѣ; а если не крикетъ, такъ всегда находилось дѣло въ саду или около комнатныхъ растеній, съ которыми Оливеръ (изучившій и эту науку подъ руководствомъ того-же учителя, садовника по ремеслу) возился очень охотно. А тамъ появлялась миссъ Роза, и начинали расточаться безконечныя похвалы всему, что мальчикъ успѣлъ сдѣлать.

Такъ пролетѣло три мѣсяца. Даже въ жизни самаго счастливаго смертнаго эти три мѣсяца были-бы порой безоблачнаго счастья; для Оливера-же это было настоящее блаженство. Самое чистое, лишенное всякаго эгоизма великодушіе, съ одной стороны; горячая, глубокая, искренняя признательность, съ другой,—чему же удивляться, если къ концу этого короткаго срока Оливеръ Твистъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ домѣ почтенной старушки и если за горячую привязанность его юнаго, впечатлительнаго сердца платили такою-же привязанностью и гордились имъ?

ГЛАВА XXXIII.

Въ которой счастливая жизнь Оливера и его друзей внезапно омрачается.

Весна пролетѣла, и наступило лѣто. Если деревня была и раньше прекрасна, то теперь она сверкала полнымъ блескомъ и роскошью своего лѣтняго убранства. Высокія деревья, смотрѣвшія весной какъ-то уныло и голо, теперь дышали здоровьемъ, жизнью и силой и, простирая надъ жаждущей землей свои зеленыя руки, превращали дотолѣ оголенныя пространства въ уютные, потонувшіе въ прохладной тѣни, уголки, откуда было такъ хорошо смотрѣть на открывавшуюся кругомъ, залитую солнцемъ, широкую перспективу полей. Земля развернула свою ярко-зеленую мантію зелени и разливала вокругъ роскошные ароматы. Это былъ полный расцвѣтъ жизни въ природѣ: все радовалось, цвѣло и благоухало.

А въ маленькомъ коттеджѣ текла все та-же мирная жизнь, и та-же ясная радость царила въ душѣ его обитателей.

Оливеръ давно уже поправился и окрѣпъ, но, больной или здоровый, онъ нисколько не мѣнялся по отношенію къ окружающимъ, какъ это бываетъ въ такихъ случаяхъ съ большинствомъ людей. Онъ былъ все тѣмъ-же кроткимъ, привязчивымъ, любящимъ ребенкомъ, какимъ былъ въ то время, когда болѣзнь и страданія подтачивали его силы, и когда во всемъ, до послѣднихъ мелочей, онъ былъ въ зависимости отъ вниманія тѣхъ, кто за нимъ ухаживалъ.

Какъ-то разъ вечеромъ они гуляли дольше обыкновеннаго: въ тотъ день было особенно жарко, а къ вечеру взошелъ мѣсяцъ, и поднялся легкій вѣтерокъ, навѣвавшій пріятную прохладу. Роза была какъ-то особенно оживлена, и весело болтая, они шли все впередъ и незамѣтно зашли гораздо дальше, чѣмъ всегда. Мистриссъ Мейли устала, и они тихимъ шагомъ вернулись домой. Молодая дѣвушка сняла свою простенькую шляпку и по заведенному обычаю сѣла за фортепіано. Разсѣянно пробѣжавъ пальцами по клавишамъ, она заиграла какой-то тихій, торжественный мотивъ. Вдругъ имъ показалось, что она плачетъ.

— Роза, голубушка! окликнула ее старшая дама.

Роза не отвѣчала, но заиграла быстрѣе, какъ будто этотъ окликъ пробудилъ ее отъ какихъ-то тягостныхъ думъ.

— Роза, дорогая моя! воскликнула мистриссъ Мейли, поспѣшно вставая и наклоняясь надъ ней.—Что съ тобой? Ты плачешь? Дорогая моя дѣвочка, о чемъ ты горюешь?

— Ни о чемъ, тетя, право ни о чемъ, отвѣчала дѣвушка. Я сама не знаю, что со мной... не умѣю разсказать, но я чувствую...

— Ты не больна-ли, милая? перебила ее мистриссъ Мейли.

— Нѣтъ, нѣтъ, я здорова, отвѣчала Роза, начиная въ то же

время дрожать, точно въ смертельномъ ознобѣ.—Сейчасъ мнѣ будетъ лучше. Пожалуйста, заприте окно.

Оливеръ поспѣшилъ исполнить ея требованіе. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, молодая дѣвушка заиграла, было, что-то веселое, но пальцы ея безсильно упали на клавиши. Закрывъ лицо руками, она бросилась на софу и дала волю слезамъ, которыхъ больше не могла удержать.

— Дитя мое, проговорила старушка, обнимая ее,—я никогда еще не видѣла тебя такою.

— Я ни за что бы не стала васъ пугать, отвѣчала Роза,— но я не могу удержаться. Я очень старалась, право старалась, но не могу. Тетя, я кажется и въ самомъ дѣлѣ больна.

Она *была* больна,—въ этомъ не могло быть сомнѣній. Когда подали свѣчи, они оба увидѣли, что за короткій промежутокъ времени, который прошелъ съ минуты ихъ возвращенія домой, лицо ея поблѣднѣло, какъ мраморъ. Выраженіе было попрежнему прекрасно, но и оно измѣнилось: въ немъ было теперь что-то растерянное, дикое, чего никогда не было раньше. Въ слѣдующую минуту нѣжное личико вспыхнуло багровымъ румянцемъ, и кроткіе голубые глаза заволокло, точно туманомъ. Спустя секунду, румянецъ исчезъ, какъ тѣнь отъ мимолетнаго облачка, и дѣвушка была опять смертельно блѣдна.

Оливеръ, съ тревогой наблюдавшій за мистриссъ Мейли, замѣтилъ, что она была очень испугана этими признаками. Онъ и самъ испугался; но, видя, что старушка притворяется беззаботной, онъ тоже старался казаться спокойнымъ. Это притворство настолько имъ удалось, что, когда Розу убѣдили лечь въ постель и она встала, чтобъ идти въ свою комнату, она была замѣтно веселѣй, повидимому, даже чувствовала себя лучше и увѣряла ихъ, что завтра она навѣрно встанетъ здоровой.

— Надѣюсь, заговорилъ Оливеръ, когда мистриссъ Мейли, проводивъ племянницу, вернулась въ гостиную, надѣюсь, ничего нѣтъ опаснаго? Ей, кажется, въ самомъ дѣлѣ нездоровится, но...

Старушка сдѣлала ему знакъ замолчать и, опустившись въ кресло въ темномъ углу, просидѣла нѣсколько минутъ, не проронивъ ни слова. Наконецъ, она заговорила дрожащимъ голосомъ:

— Я тоже надѣюсь, Оливеръ. Всѣ эти годы я была такъ счастлива съ нею... быть можетъ, слишкомъ счастлива. Должно быть, теперь пришелъ мой чередъ испытать горе. Но я надѣюсь, что это не такъ.

— Какое горе? спросилъ Оливеръ.

— Тяжелый ударъ, отвѣчала старая лэди,—горесть утраты дорогой моей дѣвочки, которая такъ долго была моимъ утѣшеніемъ и отрадой.

— Сохрани Боже! воскликнулъ горячо Оливеръ.

— Аминь, дитя мое! прошептала, ломая руки, старушка.

— Не можетъ быть, чтобы случилась такая ужасная вещь! проговорилъ мальчикъ.—Два часа тому назадъ она была совсѣмъ здорова.

— Теперь она больна, возразила мистриссъ Мейли,—и она расхворается, я въ этомъ увѣрена. Моя милая, милая Роза! О, какъ я буду жить безъ нея!

И не въ силахъ долѣе сдерживаться, она отдалась своему горю. Это горе было такъ безутѣшно, что Оливеръ, стараясь подавить собственную тревогу, принялся ее умолять, чтобы, хоть ради дорогой больной, она постаралась успокоиться.

— Подумайте, мэмъ, говорилъ мальчикъ, и изъ глазъ его лились слезы, несмотря на всѣ его усилія ихъ удержать,— подумайте, какъ она молода и добра, какую радость и утѣшеніе она приноситъ всѣмъ намъ. Я увѣренъ... я твердо убѣжденъ, что она не умретъ. Ради васъ,—такой доброй и любящей,—и ради нея, и ради насъ всѣхъ, кому она даетъ столько счастья, Господь не допуститъ ее умереть такой молодой.

— Довольно, сказала мистриссъ Мейли, положивъ руку на голову Оливера.—Ты разсуждаешь, какъ дитя, бѣдный мой мальчикъ, но ты указалъ мнѣ мой долгъ. Я позабыла о немъ на минуту, Оливеръ, но я надѣюсь, мнѣ это простится: я старая женщина; въ своей жизни я видѣла столько страданій и смертей, что не могу не знать, какъ тяжело терять любимыхъ людей. Не могу я не знать и того, что не всегда смерть щадитъ тѣхъ, кто молодъ и добръ. Но это должно служить намъ утѣшеніемъ въ нашихъ скорбяхъ, ибо Господь справедливъ, и такія утраты только убѣждаютъ насъ, что существуетъ другой лучшій міръ и что переходъ къ нему недологъ и легокъ. Я люблю ее,—Богъ одинъ знаетъ, какъ я ее люблю,—но да будетъ воля Божья!

Проговоривъ эти слова, мистриссъ Мейли разомъ перестала плакать; однимъ могучимъ усиліемъ воли она подавила свою скорбь; станъ ея выпрямился, и она была теперь тверда и спокойна. Оливера это поразило. Еще больше былъ онъ пораженъ, когда убѣдился, что эта твердость не измѣнила ей и впослѣдствіи, что, несмотря на всю свою тревогу, на безсонныя ночи, которыя ей пришлось проводить, старушка никогда не терялась, неуклонно исполняла лежавшія на ней трудныя обязанности и по наружности была даже весела. Но онъ былъ еще молодъ и не зналъ, на что бываютъ способны сильныя натуры, когда ихъ постигнетъ испытаніе. Да и какъ ему было это знать, когда и сами обладатели подобныхъ натуръ часто не знаютъ себя?

Прошла тревожная ночь. Когда настало утро, предсказаніе мистриссъ Мейли вполнѣ оправдалось: Роза металась въ жестокой горячкѣ.

— Будемъ дѣйствовать, Оливеръ; не будемъ поддаваться

безплодному горю, сказала мистриссъ Мейли, приложивъ палецъ къ губамъ и глядя ему въ лицо пристальнымъ взглядомъ.—Вотъ письмо; какъ можно скорѣй отправь его къ мистеру Лосберну. Ты отнесешь его въ городъ; это не болѣе четырехъ миль отъ насъ, если идти тропинкой, прямикомъ по полямъ, а оттуда отошли съ нарочнымъ прямо въ Чертси. Въ гостинницѣ тебѣ все это устроятъ, а ты только присмотри, чтобъ письмо было отправлено. Я знаю, на тебя можно положиться.

Оливеръ не въ силахъ былъ говорить, но на лицѣ его было написано, что онъ готовъ сію минуту летѣть исполнять порученіе.

— Есть еще другое письмо, продолжала мистриссъ Мейли, помолчавъ и какъ будто что-то соображая,—но я сама не знаю, отправлять-ли его сейчасъ, или подождать и посмотрѣть, какъ будетъ чувствовать себя Роза. Мнѣ не хотѣлось-бы отсылать это письмо безъ особенной крайности.

— Оно пойдетъ тоже въ Чертси, мэмъ? спросилъ Оливеръ, сгорая нетерпѣніемъ поскорѣй исполнить порученіе и протягивая за письмомъ дрожащую руку.

— Нѣтъ, отвѣчала старушка, машинально подавая ему письмо.

Оливеръ взглянулъ на конвертъ и увидѣлъ, что оно адресовано Гарри Мейли, эсквайру, въ замокъ какого-то важнаго лорда ихъ округа, но фамиліи лорда не могъ разобрать.

— Такъ какъ-же, мэмъ? Отправить его? спросилъ мальчикъ съ нетерпѣніемъ, поднимая глаза.

— Нѣтъ, лучше не надо, отвѣчала мистриссъ Мейли и взяла у него письмо.—Я подожду до завтра.

Съ этими словами она дала Оливеру свой кошелекъ, и мальчикъ, не откладывая, пустился въ дорогу такъ быстро, какъ только могли нести его ноги.

Во весь духъ бѣжалъ онъ по полямъ и по пересѣкавшимъ ихъ мѣстами узенькимъ дорожкамъ между изгородями, то исчезая за высокими хлѣбами, то появляясь на открытомъ пространствѣ полей, гдѣ работали косцы и жнецы. Почти не останавливаясь и лишь изрѣдка замедляя шагъ на нѣсколько секундъ, чтобы перевести духъ, онъ бѣжалъ, пока весь въ поту и въ пыли не добѣжалъ до рыночной площади маленькаго городка.

Здѣсь онъ остановился и оглянулся, отыскивая глазами гостинницу. Передъ нимъ былъ бѣлый банкъ, красная кирпичная пивоварня и желтая ратуша. Наконецъ, на углу площади онъ увидѣлъ большой домъ съ зелеными рамами и дверьми и съ вывѣской: „Король Георгъ“. Мальчикъ со всѣхъ ногъ пустился къ этому дому.

У воротъ дремалъ кондукторъ дилижанса; мальчикъ обратился къ нему. Кондукторъ выслушалъ его и посовѣтовалъ обратиться къ конюху. Конюхъ тоже очень внимательно вы-

слушалъ все, что Оливеръ имѣлъ ему сказать, и отправилъ его къ хозяину, плотному джентльмену въ синемъ галстухѣ, бѣлой шляпѣ, коричневыхъ брюкахъ и высокихъ сапогахъ, который стоялъ у дверей конюшни, прислонившись къ насосу, и ковырялъ въ зубахъ серебряной зубочисткой.

Этотъ джентльменъ не спѣша направился къ прилавку писать счетъ за нарочнаго, что заняло довольно много времени. Когда же счетъ былъ написанъ и уплаченъ, надо было осѣдлать лошадь; человѣку надо было одѣться, и на это ушло еще добрыхъ десять минутъ. Все это время Оливеръ былъ въ такомъ лихорадочномъ состоянiи нетерпѣнiя и тревоги, что готовъ былъ самъ вскочить на лошадь и скакать во весь опоръ на ближайшую станцiю. Наконецъ, все было готово, и письмо вручено нарочному съ безчисленными наставленiями и просьбами доставить его какъ можно скорѣй. Нарочный пришпорилъ коня и поскакалъ по неровной мостовой рыночной площади. Еще нѣсколько минутъ, и онъ оставилъ за собой заставу и городъ и мчался по дорогѣ.

Успокоенный сознанiемъ, что время не было потеряно даромъ, и что за помощью уже послано, Оливеръ съ облегченнымъ сердцемъ направился къ воротамъ гостиницы. Не успѣлъ онъ выйти изъ воротъ, какъ наткнулся на высокаго человѣка въ плащѣ, который въ этотъ моментъ выходилъ изъ подъѣзда.

— Ахъ, чортъ, что это? закричалъ человѣкъ, уставившись на Оливера и попятившись къ дверямъ.

— Простите, сэръ, проговорилъ Оливеръ;—я очень спѣшу домой и не замѣтилъ, какъ вы вышли.

— Чортъ возьми, кто бы могъ это подумать? бормоталъ между тѣмъ незнакомецъ, тараща на мальчика свои большiе черные глаза. Чтобъ ему провалиться! Никуда отъ него не уйдешь! Онъ изъ могилы, кажется, вылѣзетъ, лишь-бы напакостить мнѣ!

— Мнѣ очень жаль, сэръ, пролепеталъ Оливеръ, смущенный дикимъ взглядомъ этого страннаго человѣка.—Надѣюсь, я васъ не ушибъ?

— Чортъ бы тебя подралъ! прорычалъ, скрежеща зубами въ неистовомъ бѣшенствѣ, незнакомецъ.—Эхъ, не хватило у меня тогда храбрости, а скажи я одно только слово, я бы отдѣлался отъ тебя въ одну ночь! Будь ты проклятъ! Издохнуть бы тебѣ черной смертью, чертенокъ! Что ты здѣсь дѣлаешь?

Безсвязно выговоривъ эти ругательства, онъ поднялъ кулакъ и шагнулъ къ Оливеру, какъ будто собираясь ударить его, но вдругъ тяжело упалъ на землю. Съ нимъ начались судороги, изо рта показалась пѣна; онъ бился въ припадкѣ падучей.

Съ минуту Оливеръ растерянно смотрѣлъ на корчи сумасшедшаго (онъ принялъ незнакомца за помѣшаннаго); затѣмъ кинулся въ домъ звать на помощь.

Подождавъ, пока больного перенесли въ гостиницу, онъ повернулъ къ дому и опять побѣжалъ во весь духъ, стараясь наверстать потерянное время и съ удивленіемъ, и страхомъ припоминая по дорогѣ необычайное поведеніе человѣка, съ которымъ онъ только-что разстался.

Впрочемъ, этотъ случай скоро изгладился изъ его памяти: когда онъ вернулся въ коттеджъ, его встрѣтили такимъ извѣстіемъ, которое совершенно вытѣснило изъ его души всѣ постороннія мысли и заставило его забыть о себѣ.

Положеніе Розы Мейли быстро ухудшалось; къ ночи она была уже въ бреду. Въ ея комнатѣ безотлучно присутствовалъ мѣстный врачъ, приглашенный на время. Осмотрѣвъ паціентку, онъ отвелъ въ сторону мистриссъ Мейли и объявилъ ей, что болѣзнь—самаго угрожающаго свойства. „Будетъ почти чудо, если она выздоровѣетъ“, сказалъ онъ въ заключеніе.

Сколько разъ въ эту ночь Оливеръ вскакивалъ съ постели, крадучись, неслышными шагами пробирался на лѣстницу и прислушивался къ каждому малѣйшему звуку изъ комнаты больной! Сколько разъ,—да, всякій разъ, какъ онъ слышалъ чьи-нибудь торопливые шаги въ этой комнатѣ,—всего его охватывала дрожь, на лбу выступали капли холоднаго пота, и онъ былъ увѣренъ, что случилось то, о чемъ было страшно даже подумать. Что были всѣ его прежнія молитвы въ сравненіи съ тѣми, которыя выливались у него теперь, когда, въ агоніи тоски и отчаянія, онъ молился за жизнь кроткаго существа, бывшаго такъ близко къ могилѣ!

О, томительныя, ужасныя, жестокія минуты неизвѣстности, когда дорогое, любимое нами существо борется со смертью, и мы должны оставаться безучастными зрителями этой борьбы! О, мучительныя мысли, осаждающія умъ человѣка и вызывающія передъ нимъ образы, отъ которыхъ сердце начинаетъ неудержимо биться, и дыханіе спирается въ груди! Томиться страстнымъ желаніемъ *что-нибудь дѣлать*, чтобъ облегчить страданія, уменьшить опасность, и знать, что это не въ твоей власти... Что можетъ быть ужаснѣе сознанія этой безпомощности, угнетающей душу? Какая пытка сравняется съ этой? Есть-ли такія размышленія, такая сила воли, которыя моглибы ее утолить въ эти минуты горячечнаго возбужденія и отчаянія?

Настало утро. Въ маленькомъ коттеджѣ стояла жуткая тишина. Всѣ говорили шепотомъ, у воротъ отъ времени до времени появлялись встревоженныя лица; женщины и дѣти уходили въ слезахъ. Весь Божій день и еще долго послѣ того, какъ стемнѣло, Оливеръ тихонько расхаживалъ по саду, поминутно поднимая глаза на комнату больной и содрогаясь при видѣ завѣшеннаго окна, за которымъ, казалось, уже витала смерть. Поздно, поздно ночью пріѣхалъ мистеръ Лосбернъ. „Надежды очень мало, какъ это ни ужасно“, сказалъ от-

ворачиваясь добрый старикъ. Такая молодая, всѣми любимая,— и должна умереть!"

Опять настало утро. Солнце сіяло такъ весело, какъ будто никогда не видѣло людской нужды и горя, и среди этого расцвѣта всей природы, среди роскошной зелени и цвѣтовъ, окруженное жизнью, живыми звуками и свѣтлыми картинами, быстро угасало юное, прекрасное существо. Оливеръ пробрался на старое кладбище и, присѣвъ на одну изъ зеленыхъ могилъ, плакалъ и молился о ней втихомолку.

Передъ нимъ была картина, исполненная такого мира и такой красоты, залитый солнцемъ ландшафтъ сіялъ такимъ яркимъ весельемъ, пѣсни птицъ звучали такой небесной музыкой, въ быстромъ полетѣ проносившагося надъ нимъ грача чуялось столько свободы, во всемъ было столько жизни и радости, что когда мальчикъ поднялъ свои наболѣвшіе глаза и оглянулся кругомъ, въ душѣ его невольно шевельнулась мысль, что въ такую пору нельзя умирать, что Роза не можетъ умереть, когда даже самыя смиренныя Божьи твари ликуютъ и радуются, что могила—товарищъ холодной, безотрадной зимы, а не яснаго, благоуханнаго лѣта. Онъ былъ почти готовъ вѣрить, что саванъ достается въ удѣлъ лишь дряхлой старости и никогда не облекалъ своими роковыми складками молодого, красиваго тѣла.

Звонъ церковнаго колокола рѣзко оборвалъ эти дѣтскія грезы. Еще ударъ... Еще и еще! Звонили по усопшемъ. Въ воротахъ показалась небольшая кучка провожающихъ гробъ, всѣ съ бѣлыми кокардами: значитъ, умершій былъ молодой человѣкъ. Подошли къ могилѣ съ непокрытыми головами и стали. Въ числѣ плачущихъ была мать—вѣрнѣе, та, которая была прежде матерью. А солнце ярко сіяло, и птицы пѣли все такъ-же весело.

Оливеръ побрелъ домой, перебирая въ умѣ безчисленныя доказательства доброты молодой дѣвушки, которыя онъ получилъ, и горячо моля Бога, чтобы опять настало время, когда ему можно будетъ ежеминутно доказывать ей свою признательность и любовь. Онъ по совѣсти не могъ себя упрекнуть въ небрежности или невниманіи къ ней; онъ не могъ припомнить ни одной минуты, когда бы онъ не былъ готовъ ей служить. А между тѣмъ ему вспоминались тысячи мелкихъ случаевъ, когда, какъ ему казалось теперь, онъ могъ бы быть болѣе старательнымъ, болѣе ревностнымъ въ своихъ услугахъ ей, и онъ жалѣлъ, зачѣмъ онъ не былъ такимъ. Мы должны относиться къ окружающимъ особенно бережно, ибо для маленькаго кружка оставшихся въ живыхъ каждая смерть несетъ съ собой горькія мысли, о томъ, какъ много было упущено и какъ мало сдѣлано, о томъ, какъ много было забыто такого, что мы могли бы исправить еще, еслибъ захотѣли подумать. Нѣтъ угрызеній, болѣе тяжкихъ, чѣмъ угрызенія без-

плодныя, и если мы хотимъ избавить себя отъ этой пытки мы должны помнить объ этомъ, пока еще не поздно.

Когда Оливеръ вернулся домой, онъ засталъ мистриссъ Мейли въ маленькой гостиной. У мальчика упало сердце, когда онъ увидѣлъ ее: за все время болѣзни племянницы старушка ни на минуту не отходила отъ ея постели, а теперь она сидѣла здѣсь одна, и мальчикъ не могъ подумать безъ ужаса, что могло вызвать эту перемѣну. Ему сказали, что больная уснула глубокимъ сномъ, отъ котораго она очнется или чтобы выздоровѣть и жить, или чтобы сказать имъ послѣднее прости и умереть.

Нѣсколько часовъ просидѣли они вдвоемъ, прислушиваясь и не смѣя заговорить. Обѣдъ подали и убрали: ни тотъ, ни другая до него не дотронулись. Неподвижными глазами, въ которыхъ можно было прочесть, какъ далеко были ихъ мысли, они слѣдили за солнцемъ, пока, спускаясь все ниже и ниже, оно не залило небо и землю тѣми блестящими, радужными красками, которыя возвѣщаютъ закатъ. Ихъ чуткія уши уловили звукъ приближающихся шаговъ. Оба невольно кинулись къ двери: вошелъ мистеръ Лосбернъ.

— Что Роза? вырвалось у старушки.—Говорите сразу. Я все вынесу,—все, кромѣ неизвѣстности. О, говорите-же, ради самого Бога!

— Успокойтесь, дорогая моя, проговорилъ докторъ, поддерживая ее.—Прошу васъ, успокойтесь.

— Пустите меня, Христа ради! Дорогое мое дитя! Она умерла! Она умираетъ!

— Нѣтъ! воскликнулъ докторъ пылко.—Господь милосердъ. Она не умретъ и будетъ жить еще долгіе годы на радость намъ всѣмъ.

Старушка упала на колѣни и хотѣла сложить руки на молитву, но энергія, такъ долго поддерживавшая ее, отлетѣла къ небу съ первыми-же звуками ея славословія, и она безсильно опустилась на руки друга, протянувшіяся, чтобы ее поддержать.

ГЛАВА XXXIV.

Содержитъ кое-какія вступительныя подробности объ одномъ молодомъ джентльменѣ, впервые выступающемъ на сцену въ нашемъ разсказѣ, и новое приключеніе, случившееся съ Оливеромъ.

Трудно было выдержать такое огромное счастье. Оливеръ былъ ошеломленъ, оглушенъ неожиданной вѣстью; онъ не могъ ни говорить, ни плакать, ни усидѣть на мѣстѣ. Онъ даже почти не отдавалъ себѣ отчета въ случившемся, пока, наконецъ,

послѣ долгой ходьбы на воздухѣ, въ тишинѣ лѣтняго вечера, слезы не пришли ему на помощь. Тутъ только его вполнѣ озарило сознаніе совершившейся радостной перемѣны, и онъ почувствовалъ, что съ души его спала невыносимая тяжесть.

Ночь быстро надвигалась, когда мальчикъ возвратился домой, нагруженный цвѣтами, которые онъ выбиралъ особенно тщательно, собираясь убрать ими комнату больной. Онъ быстро шагалъ по дорогѣ, какъ вдругъ услыхалъ за собой грохотъ мчавшагося во весь опоръ экипажа. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что это была почтовая карета; лошади скакали въ галопъ. Дорога была узкая, и онъ посторонился, прислонившись къ изгороди, чтобы пропустить экипажъ.

Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что̀ это была почтовая карета.

Въ тотъ моментъ, когда карета проносилась мимо, Оливеръ замѣтилъ у окна человѣка въ бѣломъ ночномъ колпакѣ, лицо котораго показалось ему знакомымъ, но онъ не могъ припомнить, чье это лицо, такъ какъ оно промелькнуло слишкомъ быстро. Спустя секунду, ночной колпакъ высунулся изъ окна, и громовый голосъ приказалъ кучеру остановиться, что тотъ и сдѣлалъ, какъ только ему удалось сдержать лошадей. Затѣмъ ночной колпакъ еще разъ высунулся въ окно, и тотъ-же голосъ окликнулъ мальчика по имени.

— Мастеръ Оливеръ, подите сюда! кричалъ голосъ.—Какія у васъ новости? Что миссъ Роза?

— Это вы, Джильзъ? спросилъ Оливеръ, подбѣгая къ каретѣ

Джильзъ, собираясь отвѣтить, опять было показалъ свой колпакъ, но тутъ его неожиданно отдернулъ назадъ молодой джентльменъ, сидѣвшій въ другомъ углу экипажа, и съ нетерпѣніемъ спросилъ:

— Ну что, какія вѣсти? Говорите—въ двухъ словахъ! Лучше или хуже?

— Лучше, гораздо лучше! поспѣшно отвѣчалъ Оливеръ.

— Слава Богу! воскликнулъ джентльменъ.—А ты навѣрно знаешь?

— Навѣрно, сэръ. Перемѣна къ лучшему началась всего нѣсколько часовъ тому назадъ, и мистеръ Лосбернъ говоритъ, что опасность миновала.

Джентльменъ, не говоря ни слова, распахнулъ дверцу, соскочилъ на землю и, взявъ за плечо Оливера, отвелъ его въ сторону.

— Такъ это правда? Ты увѣренъ, что не ошибаешься, мальчикъ, спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Не обманывай меня! Не буди во мнѣ напрасныхъ надеждъ!

— Я не сдѣлаю этого ни за что въ мірѣ, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ. Вы можете мнѣ вѣрить. Мистеръ Лосбернъ сказалъ, что она проживетъ еще много лѣтъ на радость намъ всѣмъ. Это были собственныя его слова, я самъ слышалъ.

И слезы подступили къ глазамъ мальчика, когда ему вспомнилась эта сцена, послѣ которой началось столько счастья. А джентльменъ отвернулся отъ него и молчалъ. Оливеру послышалось рыданіе, но онъ боялся помѣшать джентльмену (онъ хорошо понималъ, каковы должны были быть его чувства) и отошелъ подальше, дѣлая видъ, что занятъ своимъ букетомъ.

Все это время мистеръ Джильзъ, въ своемъ ночномъ колпакѣ, сидѣлъ на подножкѣ кареты, упершись локтями въ колѣни, и утиралъ глаза бумажнымъ платкомъ съ бѣлымъ горошкомъ по синему полю. Волненіе честнаго малаго было неподдѣльно: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствовали заплаканные красные глаза, которыми онъ посмотрѣлъ на молодого джентльмена, когда тотъ поднялъ голову и обратился къ нему.

— Джильзъ, сказалъ онъ,—садитесь въ карету и поѣзжайте впередъ, прямо къ матушкѣ, а я пройдусь пѣшкомъ; мнѣ хочется немного подумать, прежде чѣмъ я увижу ее. Вы скажете, что я сейчасъ буду.

— Прошу прощенья, мистеръ Гарри, отвѣчалъ Джильзъ, заканчивая полировку своей измятой физіономія и при помощи платка,—но я буду вамъ очень обязанъ, если вы разрѣшите, чтобъ кучеръ передалъ ваши слова вмѣсто меня. Не годится, сэръ, чтобы горничныя видѣли меня въ такомъ видѣ: я навсегда потеряю свой авторитетъ въ ихъ глазахъ, если это случится.

— Ну, хорошо, проговорилъ съ улыбкой Гарри Мейли,—

дѣлайте, какъ знаете. Пусть кучеръ съ вещами ѣдетъ впередъ, а вы пойдете съ нами. Только сначала замѣните свой колпакъ какой-нибудь болѣе подходящей покрышкой, а то насъ примутъ за сумасшедшихъ.

При этомъ напоминаніи о неприличіи его костюма мистеръ Джильзъ поспѣшно сдернулъ съ себя колпакъ, сунулъ его въ карманъ и надѣлъ шляпу весьма степеннаго и скромнаго фасона, которую онъ досталъ изъ кареты. Когда съ этимъ дѣломъ было покончено, кучеръ уѣхалъ впередъ, а Джильзъ, мистеръ Мейли и Оливеръ пошли пѣшкомъ, неспѣша.

По дорогѣ Оливеръ съ большимъ любопытствомъ поглядывалъ на пріѣзжаго. На видъ ему можно было дать лѣтъ двадцать пять; онъ былъ средняго роста, съ красивымъ, открытымъ лицомъ и властными, свободными манерами. Несмотря на огромную разницу ихъ лѣтъ, онъ былъ такъ поразительно похожъ на старую лэди, что Оливеръ навѣрное и самъ-бы догадался о степени ихъ родства, еслибъ даже не слышалъ, какъ молодой человѣкъ назвалъ ее матерью.

Мистриссъ Мейли нетерпѣливо ждала сына и, увидѣвъ его, вышла имъ на встрѣчу. Свиданіе не обошлось безъ сильнаго волненія съ обѣихъ сторонъ.

— Ахъ, мама, отчего ты не написала мнѣ раньше? прошепталъ молодой человѣкъ.

— Я написала, отвѣчала мистриссъ Мейли,—но потомъ подумала и рѣшила не отсылать письма, пока не узнаю мнѣнія мистера Лосберна.

— Но зачѣмъ-же, продолжалъ Гарри,—зачѣмъ было такъ рисковать? Что, еслибы случилось то, что едва не случилось? Еслибы Роза—я не могу даже выговорить этого слова—еслибы болѣзнь ея кончилась иначе, вѣдь ты бы никогда не простила себѣ. А я... я навсегда простился-бы съ своимъ счастьемъ.

— Да, Гарри, отвѣчала мистриссъ Мейли,—еслибы случилось то, о чемъ ты говоришь, твое счастье погибло-бы безвозвратно, и пріѣзжай ты днемъ раньше или позже, мнѣ кажется, это не имѣло бы никакого значенія.

— А еслибы и такъ, мама, чему-же тутъ удивляться? возразилъ молодой человѣкъ.—Да и что я говорю: *если*? Не если, а такъ оно и есть—ты сама это знаешь, не можешь не знать.

— Я знаю, что она заслуживаетъ самой горячей и чистой любви, на какую только способно сердце мужчины, сказала мистриссъ Мейли.—Я знаю, что такая преданная, любящая натура, какъ ея, имѣетъ право разсчитывать на глубокую и прочную привязанность. Еслибъ я этого не понимала и не знала, кромѣ того, что охлажденіе любимаго человѣка разобьетъ ея сердце, мои обязанности по отношенію къ ней—все то, выполненіе чего я считаю священнымъ своимъ долгомъ,—казалось-бы мнѣ легче и не стоило бы мнѣ такой тяжелой внутренней борьбы.

— Это жестоко, мама, сказалъ Гарри.—Неужто ты до сихъ поръ еще считаешь меня мальчикомъ, который самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, и не умѣетъ разобраться въ собственныхъ чувствахъ?

— Я думаю, дорогой мой, отвѣчала мистриссъ Мейли, положивъ руку ему на плечо,—что молодости свойственны великодушные порывы, но что молодыя чувства непрочны и есть въ числѣ ихъ такія, которыя именно тогда, когда они удовлетворены, тѣмъ вѣрнѣй умираютъ. А главное, я думаю, продолжала она, внимательно наблюдая за сыномъ,— что, женившись на женщинѣ съ запятнаннымъ именемъ (пусть даже въ самомъ фактѣ и нѣтъ ея вины, но онъ всегда можетъ отозваться на ней, на дѣтяхъ ея и на мужѣ; всегда найдутся холодные, черствые люди, которые могутъ обратить этотъ фактъ въ орудіе насмѣшки надъ нимъ, бросить упрекъ ему въ лицо, и сдѣлаютъ это тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ выше его положеніе въ свѣтѣ),—я думаю, говорю я, что, женившись на такой женщинѣ, восторженный, пылкій и честолюбивый человѣкъ въ одинъ прекрасный день можетъ раскаяться и пожалѣть о выборѣ, который онъ сдѣлалъ въ ранней юности. И женѣ его придется выносить муку сознанія, что онъ жалѣетъ и кается.

— Мама, проговорилъ съ нетерпѣніемъ Гарри,—тотъ, кто былъ-бы на это способенъ,—ничего больше, какъ грубое животное, эгоистъ, не заслуживающій имени человѣка и недостойный порядочной женщины.

— Это ты теперь такъ думаешь, Гарри, сказала мать.

— И всегда буду думать. Душевная мука, которую я вынесъ въ послѣдніе два дня, вырвала у меня это признаніе. Я въ первый разъ говорю съ тобой о своей страсти. Это не легкое увлеченіе и—какъ ты сама хорошо знаешь—началось не со вчерашняго дня. Все мое сердце отдано Розѣ—этой милой, кроткой дѣвушкѣ; я люблю ее такъ вѣрно, какъ только можетъ любить женщину мужчина. У меня нѣтъ ни мыслей, ни надеждъ, ни желаній, которыя не были-бы связаны съ ней, и, мѣшая мнѣ выиграть эту главную ставку всей моей жизни, ты произвольно берешь въ свои руки мой душевный покой, все мое счастье и раскидываешь ихъ по вѣтру. Мама, не думай обо мнѣ такъ дурно и не относись такъ легко къ чувству, которому ты придаешь, повидимому, очень мало значенія.

— Гарри, сказала мистриссъ Мейли,—именно потому, что я принимаю горячо къ сердцу чувства горячихъ, впечатлительныхъ натуръ, я и хотѣла-бы избавить Розу отъ лишнихъ страданій... Но теперь не время объ этомъ толковать; мы и то уже довольно наговорили,—слишкомъ довольно.

— Такъ пускай-же Роза рѣшаетъ сама. Ты вѣдь не станешь, надѣюсь, ставить препятствія на моемъ пути только затѣмъ, чтобъ отстоять свои предвзятыя мнѣнія?

— Нѣтъ, не стану, отвѣчала мистриссъ Мейли,—но я хотѣла-бы, чтобъ ты хорошенько подумалъ...

— Я думалъ, былъ нетерпѣливый отвѣтъ.—Я думалъ, мама, цѣлые годы, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ способенъ серьезно размышлять. Чувства мои не измѣнились и никогда не измѣнятся. И я не стану больше подвергать себя напрасной пыткѣ отсрочекъ: я не хочу больше молчать,—да и кому отъ этого польза? Нѣтъ! прежде чѣмъ я отсюда уѣду, Роза выслушаетъ меня.

— Пусть выслушаетъ, проговорила мистриссъ Мейли.

— Въ твоемъ тонѣ есть что-то такое, изъ чего я долженъ, кажется, заключить, что она выслушаетъ меня холодно, сказалъ молодой человѣкъ.

— О нѣтъ, не холодно, отвѣчала старушка, — далеко не холодно.

— А какъ-же? продолжалъ допрашивать онъ.—Можетъ быть, она полюбила другого?

— Нѣтъ, сказала мать,—я или яочень ошибаюсь, или вся ея любовь уже принадлежитъ тебѣ. Я не то хотѣла сказать, продолжала она, перебивая сына, который собирался заговорить,—а вотъ что: прежде чѣмъ ты поставишь всю свою судьбу на эту карту, прежде чѣмъ дашь увлечь себя радужнымъ надеждамъ, припомни, дитя мое, исторію Розы; вспомни, что она знаетъ о своемъ сомнительномъ рожденіи, и подумай какъ это должно подѣйствовать на ея рѣшеніе, если принять во вниманіе всю ея преданность намъ, ея благородную натуру и всегда отличавшую ее способность беззавѣтно жертвовать собой во всемъ—въ большомъ, какъ и въ маломъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Догадывайся самъ, отвѣчала мистриссъ Мейли.—Мнѣ надо идти къ ней. Да хранитъ тебя Господь!

— Вѣдь мы съ тобой еще увидимся сегодня? торопливо спросилъ молодой человѣкъ.

— Да, потомъ, когда мнѣ можно будетъ оставить Розу.

— Ты скажешь ей, что я здѣсь? спросилъ Гарри.

— Конечно.

— И скажешь, какъ я боялся за нее, сколько я перемучился и какъ мнѣ хочется ее видѣть? Вѣдь, ты не откажешься передать ей это, мама?

— Нѣтъ, отвѣчала старая лэди,—я все ей скажу.

И горячо пожавъ руку сыну, она поспѣшно вышла изъ комнаты.

Мистеръ Лосбернъ и Оливеръ стояли въ другомъ углу комнаты, пока происходилъ этотъ торопливый разговоръ. Докторъ протянулъ теперь руку Гарри Мейли, и они обмѣнялись сердечнымъ привѣтствіемъ. Затѣмъ, едва успѣвая отвѣчать на вопросы, которыми засыпалъ его молодой его другъ, старикъ отдалъ ему самый точный отчетъ о состояніи своей паціентки

Извѣстія были самаго утѣшительнаго и обнадеживающаго свойства и вполнѣ согласовались съ показаніемъ Оливера. Все это время мистеръ Джильзъ, притворявшійся, что онъ поглощенъ распаковкой багажа, жадно прислушивался къ тому, что говорилось.

— Ну что, Джильзъ, не подстрѣлили-ли вы за послѣднее время какой-нибудь особенной дичи? спросилъ его докторъ, когда они съ Гарри все переговорили.

— Нѣтъ, сэръ, ничего особеннаго, отвѣчалъ мистеръ Джильзъ, краснѣя до ушей.

— И воровъ не ловили? И не уличили никого? продолжалъ допрашивать докторъ.

— Никого, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Джильзъ съ невозмутимой серьезностью.

— Очень жаль, сказалъ докторъ;—вы замѣчательно ловко обдѣлываете такія дѣла... А что Бритльзъ? Какъ онъ поживаетъ?

— Живетъ себѣ по маленьку, сэръ, проговорилъ Джильзъ, возвращаясь къ своему обычному покровительственному тону.—Приказалъ низко кланяться вамъ.

— Спасибо, сказалъ докторъ.—А кстати, мистеръ Джильзъ, я увидалъ васъ и вспомнилъ, что наканунѣ того дня, когда меня вытребовали сюда, я исполнилъ одно небольшое порученьице вашей доброй госпожи, близко касающееся васъ. Отойдемте-ка на минутку вотъ сюда, въ уголъ,—я вамъ разскажу.

Мистеръ Джильзъ съ важностью и не безъ удовольствія отмаршировалъ въ указанное мѣсто и удостоился чести краткаго совѣщанія съ докторомъ. Бесѣда велась шепотомъ; по окончаніи ея почтенный слуга отвѣсилъ нѣсколько глубокихъ поклоновъ и удалился необычайно торжественнымъ шагомъ. Въ гостиной предметъ этой беѣды остался неизвѣстенъ, но кухня была оповѣщена о немъ безъ промедленія, ибо мистеръ Джильзъ направился прямо туда и, спросивъ себѣ кружку эля, объявилъ съ величественнымъ видомъ (который произвелъ огромный эффектъ), что, во вниманіе къ его рыцарскому поведенію въ ночь покушенія на грабежъ, госпожѣ его благоугодно было положить въ мѣстный ссудосберегательный банкъ кругленькую сумму въ двадцать пять фунтовъ стерлинговъ, предназначенную въ полное его, Джильза, пользованіе. При этомъ извѣстіи обѣ горничныя воздѣли къ небу очи и руки и высказали предположеніе, что мистеръ Джильзъ теперь „загордится", на что мистеръ Джильзъ, разгладивъ рукой свою манишку, отвѣтствовалъ: „нѣтъ, нѣтъ, это вы напрасно. И если вы замѣтите, что я хоть сколько-нибудь началъ задирать носъ передъ низшими, скажите мнѣ прямо: я буду вамъ очень обязанъ". Засимъ было высказано еше нѣсколько замѣчаній, не менѣе блистательно характеризующихъ скромность мистера Джильза; всѣ они были встрѣчены одинаковымъ одобреніемъ

и сочувствіемъ и, въ сущности, были такъ-же оригинальны и мѣтки, какъ и вообще бываютъ замѣчанія великихъ людей.

Наверху остатокъ вечера прошелъ очень пріятно. Докторъ былъ въ ударѣ, и Гарри Мейли—какъ ни былъ онъ вначалѣ утомленъ и озабоченъ,—не могъ устоять противъ добродушной веселости достойнаго джентльмена,—веселости, находившей себѣ исходъ въ безконечныхъ остротахъ, шуткахъ и анекдотахъ изъ медицинской практики разсказчика. Оливеру казалось, что никогда въ жизни онъ не слыхалъ ничего смѣшнѣе, и онъ хохоталъ до упаду, къ очевидному удовольствію доктора, больше всѣхъ хохотавшаго своему остроумію и заставлявшаго Гарри смѣяться почти такъ-же искренно—по сочувствію. Однимъ словомъ, маленькій кружокъ проводилъ время такъ весело, какъ только это было возможно при существующихъ обстоятельствахъ. Разошлись очень поздно и съ облегченными сердцами отправились на отдыхъ, въ которомъ, послѣ всѣхъ тревогъ и томительной неизвѣстности послѣднихъ дней, всѣ они сильно нуждались.

Поутру Оливеръ всталъ веселый и бодрый и принялся за свои обычныя утреннія занятія съ такимъ удовольствіемъ, какого не зналъ уже много дней. Клѣтки съ птицами были опять развѣшены по мѣстамъ; опять были нарваны самые душистые полевые цвѣты и собраны въ букеты, чтобы порадовать Розу своей красотой. Унынie и грусть, окутывавшія за послѣдніе дни въ глазахъ огорченнаго мальчика все—даже самое прекрасное—въ окружающей природѣ, разсѣялись, какъ по волшебству. Роса на зеленыхъ листочкахъ сверкала какъ-то особенно весело, вѣтерокъ шелестѣлъ музыкальнѣе, и даже небо казалось синѣе и ярче. Таково вліяніе нашего собственнаго душевнаго настроенія даже на внѣшній видъ окружающихъ предметовъ. Когда человѣкъ смотритъ на природу, на своихъ ближнихъ и восклицаетъ въ отчаяніи, что все кругомъ темно, и мрачно, и печально,—онъ правъ; но всѣ эти черныя краски суть лишь отраженія его собственныхъ отуманенныхъ глазъ и желчнаго сердца. Цвѣта, существующіе въ дѣйствительности, очень нѣжны, но нужно здоровое зрѣніе, чтобы ихъ разсмотрѣть.

Замѣчательно то, — и Оливеръ не замедлилъ это замѣтить,—что теперь его утреннія прогулки совершались уже не въ одиночествѣ. Гарри Мейли, съ первой-же своей встрѣчи съ Оливеромъ въ то утро, когда мальчикъ возвращался домой, нагруженный цвѣтами, воспылалъ къ цвѣтамъ такою нѣжной страстью, и обнаружилъ такое удивительное умѣнье составлять букеты, что заткнулъ за поясъ своего маленькаго товарища. Впрочемъ, если Оливеръ и отсталъ отъ Гарри въ этомъ отношеніи, за то онъ зналъ, гдѣ можно было найти самые лучшіе цвѣты, и утро за утромъ они бродили вдвоемъ по окрестностямъ и приносили домой полныя корзины прелестнѣй-

шихъ цвѣтовъ. Окошко въ комнатѣ молодой дѣвушки было теперь всегда отворено (она любила дышать роскошнымъ лѣтнимъ воздухомъ и подставлять свое лицо его живительнымъ струйкамъ), и на этомъ окнѣ, въ маленькой вазочкѣ, всегда стоялъ одинъ букетикъ, составленный особенно тщательно. Оливеръ невольно обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что увядшіе цвѣты никогда не выбрасывались, хотя аккуратно каждое утро замѣнялись свѣжими; не могъ онъ также не замѣтить, что всякій разъ, какъ докторъ выходилъ въ садъ, онъ, прежде чѣмъ отправиться на свою утреннюю прогулку, непремѣнно поднималъ глаза къ этому окну и выразительно качалъ головой. За всѣми этими наблюденіями дни пролетали для мальчика незамѣтно, а Роза тѣмъ временемъ быстро поправлялась.

Оливеръ не успѣвалъ скучать, хотя молодая дѣвушка еще не выходила изъ своей комнаты, и вечернія прогулки почти совсѣмъ прекратились; только изрѣдка они съ мистриссъ Мейли выходили немножко пройтись передъ домомъ. Съ удвоеннымъ рвеніемъ мальчикъ ходилъ на уроки къ сѣдовласому джентльмену и учился такъ усердно, что самъ удивлялся своимъ быстрымъ успѣхамъ. Въ эту-то пору усиленныхъ занятій съ нимъ неожиданно случилось одно происшествіе, сильно его поразившее и разстроившее.

Маленькая комнатка, въ которой онъ обыкновенно сидѣлъ, когда готовилъ уроки, помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, въ задней части дома. Это была совсѣмъ дачная комната, съ рѣшётчатымъ окномъ, увитымъ по всей рамѣ жасминомъ и жимолостью, наполнявшими воздухъ восхитительнымъ ароматомъ. Окно это выходило въ садъ: изъ сада черезъ калитку можно было пройти въ небольшую рощицу, а за рощей далеко разстилались луга и лѣса. Съ этой стороны дома не было никакого другого жилья, и изъ окна открывался очень широкій видъ.

Въ одинъ прелестный лѣтній вечеръ—на землю уже начали набѣгать первыя сумеречныя тѣни—Оливеръ сидѣлъ у окна, углубившись въ свои книги. Онъ уже довольно долго зубрилъ, и такъ какъ день былъ необыкновенно душный, а мальчикъ много работалъ и очень усталъ, то—не въ обиду будь сказано авторамъ упомянутыхъ книгъ, кто-бы они ни были,—онъ мало-по-малу задремалъ и, наконецъ, уснулъ.

Есть сонъ (такого рода сонъ подкрадывается къ намъ иногда), который держитъ въ своихъ цѣпяхъ только тѣло; душа-же не освобождается отъ сознанія окружающаго и не можетъ блуждать по прихоти фантазіи. Если состояніе неодолимаго оцѣпенѣнія, прострація силъ, утрата способности къ движенію а полная невозможность контролировать свои мысли могутъ быть названы сномъ, то это сонъ; а между тѣмъ мы сохраняемъ сознаніе того, что вокругъ насъ происходитъ, и если

въ это время намъ что-нибудь снится, то все, что говорится кругомъ, всѣ слова и звуки, существующіе въ дѣйствительности, съ поразительной быстротой приспособляются къ нашимъ грезамъ, дѣйствительность и фантазія такъ тѣсно переплетаются, что потомъ бываетъ почти невозможно ихъ раздѣлить, и это еще не самое поразительное изъ явленій, сопутствующихъ такому состоянію. Вполнѣ установленъ тотъ фактъ, что, хотя наши чувства осязанія и зрѣнія бездѣйствуютъ въ такія минуты,—все, что мы видимъ и думаемъ во снѣ, можетъ находиться и находится въ прямой зависимости отъ *одного только безмолвнаго присутствія* какого-нибудь внѣшняго предмета, котораго не было подлѣ насъ, когда мы закрыли глаза, и близости котораго мы не сознавали.

Оливеръ вполнѣ ясно сознавалъ, что онъ сидитъ въ своей комнаткѣ, что на столѣ передъ нимъ лежатъ его книги, что тихій вѣтерокъ шелеститъ за окномъ листьями ползучихъ растеній,—и всетаки онъ спалъ. Вдругъ все измѣнилось: воздухъ сдѣлался спертый и душный, и мальчикъ съ ужасомъ подумалъ, что онъ опять въ домѣ жида. Противъ него, въ своемъ всегдашнемъ углу, сидѣлъ отвратительный старикъ, показывалъ на него пальцемъ и о чемъ-то шептался съ другимъ человѣкомъ, сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ, и лица котораго Оливеръ не могъ разсмотрѣть. И вотъ, ему почудилось, что онъ слышитъ шепотъ жида.

— Тссъ, мой милѣйшій! Это навѣрное онъ. Уйдемъ.

— Разумѣется, онъ, какъ будто отвѣтилъ другой.—Развѣ я могъ ошибиться? Да еслибъ цѣлое сонмище дьяволовъ приняло его образъ и онъ-бы былъ между ними, внутренній голосъ подсказалъ-бы мнѣ, который изъ нихъ—онъ. Еслибъ его зарыли въ землю на пятьдесятъ футовъ глубины, и я нечаянно ступилъ-бы на его могилу, я и тогда-бы, кажется, узналъ, что онъ тамъ лежитъ,—узналъ бы безъ всякаго памятника и безъ надписи.

Въ голосѣ этого человѣка слышалась такая страшная ненависть, что Оливеръ отъ страха проснулся и вскочилъ.

Праведный Боже! Что это было, отъ чего вся кровь прихлынула ему къ сердцу? Отчего онъ вдругъ лишился голоса, и ноги его словно приросли къ полу? Прямо передъ нимъ, за окномъ, такъ близко, что онъ могъ почти коснуться его, прежде чѣмъ отскочилъ назадъ,—заглядывая въ комнату своими рысьими глазами, съ которыми встрѣтился теперь взглядъ ребенка,—стоялъ жидъ, а рядомъ съ нимъ, съ перекошеннымъ лицомъ, весь блѣдный отъ бѣшенства или отъ страха,—или отъ того и другого вмѣстѣ,—стоялъ тотъ самый человѣкъ, съ которымъ мальчикъ столкнулся во дворѣ гостинницы.

Это былъ одинъ мигъ, какъ молнія ослѣпившій его глаза,—затѣмъ оба исчезли. Но они узнали его, а онъ—ихъ, и оба лица такъ твердо запечатлѣлись въ его памяти, какъ будто

они были изваяны изъ камня и съ самаго дня его рожденія стояли у него на глазахъ. Съ минуту онъ былъ какъ въ столбнякѣ, потомъ бросился къ окну, выскочилъ въ садъ и сталъ громко звать на помощь.

ГЛАВА XXXV.

Содержитъ описаніе неудовлетворительной развязки приключенія Оливера и не лишеннаго значенія разговора между Гарри Мейли и Розой.

Когда обитатели дома, привлеченные криками Оливера, прибѣжали въ садъ, они застали его блѣднымъ и взволнованнымъ. Онъ показывалъ пальцемъ въ сторону луговъ, тянувшихся за домомъ, и могъ только выговорить.

— Жидъ! Жидъ!

Мистеръ Джильзъ рѣшительно не могъ взять въ толкъ, что означалъ этотъ возгласъ, но Гарри Мейли, бывшій подогадливѣй и слышавшій отъ матери исторію Оливера, сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Въ какую сторону онъ побѣжалъ? спросилъ молодой человѣкъ, хватаясь за тяжелую палку, стоявшую въ углу.

— Вонъ туда, отвѣчалъ Оливеръ, указывая по тому направленію, гдѣ скрылись жидъ и его спутникъ.—Я въ одинъ мигъ потерялъ ихъ изъ вида.

— Такъ, значитъ, въ канавѣ, сказалъ Гарри.—За мной, господа, да держитесь какъ можно ближе.

Съ этими словами онъ перескочилъ черезъ изгородь и побѣжалъ такъ шибко, что остальные съ трудомъ могли за нимъ поспѣвать.

Джильзъ бѣжалъ слѣдомъ за нимъ, стараясь не отставать. Оливеръ—слѣдомъ за Джильзомъ, а черезъ двѣ—три минуты къ нимъ присоединился и мистеръ Лосбернъ. Онъ выходилъ гулять и какъ разъ въ это время возвращался домой. Увидѣвъ бѣгущихъ, онъ, долго не думая, тоже перелѣзъ черезъ изгородь и, подобравъ фалды, съ легкостью и проворствомъ, которыхъ трудно было отъ него ожидать, пустился за ними въ догонку, крича на бѣгу во все горло, чтобы узнать, что такое случилось.

Такъ бѣжали они одинъ за другимъ, ни на секунду не останавливаясь. Наконецъ, добѣжавъ до того конца поля, куда указывалъ Оливеръ, вожакъ остановился и принялся старательно обыскивать канаву и прилегавшую къ ней изгородь. Благодаря этому, остальные имѣли время нагнать его, и Оливеръ могъ разсказать мистеру Лосберну о происшествіи, вызвавшемъ эту ожесточенную погоню.

Всѣ поиски были тщетны. Не видно было ни одного свѣ-

жаго слѣда человѣческихъ ногъ. Они стояли теперь на вершинѣ небольшого холма, съ котораго открывалась вся окрестность мили на три или на четыре кругомъ. Налѣво, въ ложбинѣ виднѣлась деревня, но, чтобы добѣжать до нея тою дорогой, на которую указывалъ Оливеръ, пришлось-бы сдѣлать крюкъ по открытому пространству, что невозможно было выполнить въ такой короткій срокъ. По другую сторону лугъ заканчивался густымъ лѣсомъ, но и до этого убѣжища нельзя было добраться по той-же причинѣ.

— Должно быть, Оливеръ, тебѣ просто приснилось, сказалъ мальчику Гарри Мейли.

— О нѣтъ, сэръ, не приснилось, отвѣчалъ тотъ, вздрогнувъ при одномъ воспоминаніи о выраженіи лица стараго разбойника:—я слишкомъ хорошо его видѣлъ. Я ихъ обоихъ видѣлъ такъ ясно, какъ вижу васъ теперь.

— А кто былъ другой? спросили въ одинъ голосъ Гарри и мистеръ Лосбериъ.

— Тотъ самый человѣкъ, о которомъ я вамъ уже разсказывалъ,—тотъ, что столкнулся со мной въ гостинницѣ, сказалъ Оливеръ.—Мы съ нимъ тогда во всѣ глаза смотрѣли другъ на друга, и я готовъ присягнуть, что это онъ.

— Они сюда пошли? Ты въ этомъ увѣренъ? спросилъ его Гарри.

— Такъ же, какъ и въ томъ, что оба они стояли у окна, отвѣчалъ мальчикъ и, указывая на живую изгородь, отдѣлявшую садъ отъ луга, продолжалъ:—Тотъ, высокій, перепрыгнулъ вотъ здѣсь, а жидъ отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ вправо и пролѣзъ вонъ тамъ, между кустовъ.

Оба джентльмена внимательно наблюдали за мальчикомъ, пока онъ говорилъ. Когда онъ замолчалъ, они переглянулись, видимо убѣдившись по его серьезному лицу, что онъ не лжетъ. А между тѣмъ, несмотря на то, что они обыскали всю окрестность, имъ нигдѣ не попалось свѣжихъ слѣдовъ, которые показывали-бы, что здѣсь недавно пробѣжали двое людей. Трава была высокая, но она повсюду стояла нетронутая и была вытоптана только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сами прошли. Бока канавы были изъ вязкой глины, но на всемъ ея протяженіи не видно было ни одного слѣда человѣческихъ ногъ и вообще ничего такого, изъ чего можно было-бы заключить, что въ этомъ мѣстѣ только-что прошли люди.

— Странно! проговорилъ Гарри.

— Странно? откликнулся докторъ.—Да тутъ самъ чортъ ничего не разберетъ!

Несмотря, однако, на очевидную безполезность всякихъ поисковъ, они продолжали искать, пока наступившая ночь не сдѣлала всѣ дальнѣйшія попытки физически невозможными; но даже и тогда они пошли домой неохотно. Джильзъ получилъ приказаніе обойти всѣ харчевни и трактиры сосѣдней

деревни и отправился въ путь, запасшись предварительно самымъ подробнымъ описаніемъ наружности и платья бѣглецовъ, какое только могъ сдѣлать Оливеръ. Наружность жида, во всякомъ случаѣ, настолько бросалась въ глаза, что ее нетрудно было запомнить, предполагая, что кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей могъ встрѣтить его въ харчевнѣ или на улицѣ. Какъ бы то ни было, Джильзъ возвратился и не принесъ никакого извѣстія, которое могло-бы хоть сколько нибудь разсѣять таинственность страннаго происшествія.

На слѣдующій день поиски возобновились; разспрашивали сосѣдей, но все безуспѣшно. Еще черезъ день Оливеръ и мистеръ Мейли отправились въ сосѣдній городокъ въ надеждѣ повстрѣчать жида съ его пріятелемъ или что-нибудь услышать о нихъ; но и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Прошло нѣсколько дней, и таинственное происшествіе начало забываться, какъ забывается большинство подобныхъ происшествій, когда любопытство, за недостаткомъ новой пищи, умираетъ само собой.

Между тѣмъ Роза быстро поправлялась. Она уже выходила изъ своей комнаты, могла понемножку гулять и, снова вступивъ въ свои права постояннаго члена семейнаго кружка, наполняла радостью всѣ сердца.

Но, несмотря на то, что эта счастливая перемѣна замѣтно сказывалась на каждомъ изъ нихъ, несмотря на то, что въ домѣ теперь опять раздавались веселые голоса и смѣхъ, минутами тамъ чувствовалось непривычное стѣсненіе, которымъ заражалась и сама Роза, какъ не могъ не замѣтить этого Оливеръ. Мистриссъ Мейли съ сыномъ часто запирались вдвоемъ и о чемъ-то подолгу бесѣдовали, а Роза не одинъ разъ появлялась съ заплаканнымъ лицомъ. Когда мистеръ Лосбернъ назначилъ день своего отъѣзда, всѣ эти признаки усилились и сдѣлалось очевиднымъ, что въ домѣ происходитъ нѣчто, нарушающее душевный покой молодой дѣвушки и еще чей-то.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, когда Роза сидѣла въ столовой одна, туда вошелъ Гарри Мейли и послѣ нѣкотораго колебанія попросилъ разрѣшенія сказать ей нѣсколько словъ.

— Только нѣсколько словъ, Роза; я не задержу васъ долго, сказалъ молодой человѣкъ, подвигая къ ней свой стулъ.—Вы навѣрно уже догадались, что я хочу вамъ сказать; завѣтныя надежды моего сердца для васъ не секретъ, хотя самъ я никогда еще не говорилъ вамъ о нихъ.

Съ первой-же минуты его появленія Роза стала очень блѣдна, но, можетъ быть, это было лишь слѣдствіемъ ея недавней болѣзни.

Вмѣсто отвѣта она только склонила голову и, нагнувшись къ стоявшимъ подлѣ нея цвѣтамъ, молча ждала, что онъ скажетъ.

— Я... я долженъ былъ-бы раньше уѣхать отсюда, сказалъ онъ.

— Да, это правда, отвѣчала Роза.—Простите, что я вамъ это говорю, но я жалѣю, что вы не уѣхали.

Только нѣсколько словъ, Роза: Я не задержу васъ долго.

— Меня привелъ сюда, продолжалъ молодой человѣкъ,— самый ужасный, самый мучительный изъ всѣхъ страховъ— страхъ потерять дорогое существо, на которомъ сосредоточиваются всѣ мои желанія и надежды. Вы умирали: ваша душа колебалась между землей и небомъ. Мы знаемъ, что, когда болѣзнь посѣтитъ юное, прекрасное и доброе существо, душа его естественно стремится къ своей отчизнѣ—жилищу вѣчнаго покоя; мы знаемъ, какъ это ни грустно, что лучшіе и прекраснѣйшіе изъ представителей человѣчества слишкомъ часто увядаютъ, едва достигнувъ расцвѣта.

Слезы стояли въ глазахъ кроткой дѣвушки, пока онъ говорилъ, и когда одна слезинка упала на цвѣтокъ, надъ которымъ она наклонилась, и ярко засверкала на немъ, дѣлая его еще болѣе прекраснымъ,—казалось, это ея чистое, юное сердце шлетъ цвѣтку свой привѣтъ, потому что сознаетъ свою кровную близость съ прелестнѣйшими изъ Божьихъ твореній.

— Дорогое мнѣ существо, продолжалъ страстно молодой человѣкъ,—прекрасное и невинное, какъ ангелъ Божій, было между жизнью и смертью. О, могъ-ли я надѣяться, когда

передъ нею уже открывался далекій міръ, которому она сродни,—могъ-ли я надѣяться, что она еще вернется въ нашу юдоль печали и слезъ!... О, Роза, Роза! знать, что вы готовы отлетѣть, какъ та легкая тѣнь, что отбрасывають на землю лучи небеснаго свѣта,—не имѣть надежды, что смерть пощадитъ васъ для тѣхъ, кто еще остается влачить на землѣ свою скучную жизнь,—понимать въ то-же время, что на землѣ вамъ не мѣсто,—чувствовать, что вы принадлежите тому лучезарному міру, куда уже отлетѣло преждевременно столько прекрасныхъ существъ, и вопреки всѣмъ этимъ утѣшительнымъ мыслямъ все таки молиться, чтобъ вы остались съ тѣми, кто такъ любитъ васъ,—о, это такая мука, что почти нѣтъ возможности ее выносить! Я день и ночь испытывалъ эту муку. А вмѣстѣ съ нею приходили и другія мученія: такой бурный вихрь себялюбивыхъ сожалѣній налеталъ на меня; меня охватывалъ такой ужасъ при одной мысли, что вы можете умереть, не узнавъ, какъ горячо я любилъ васъ, что чувство и разумъ мутились во мнѣ. Вы выздоровѣли. День за днемъ, почти часъ за часомъ къ вамъ возращалось здоровье и, примѣшиваясь капля по каплѣ къ едва переливавшемуся въ вашемъ тѣлѣ, почти изсякшему, источнику жизни, превращало его мало-помалу въ многоводный, могучій потокъ. Шагъ за шагомъ слѣдилъ я за вами, пока вы переходили отъ смерти къ жизни, и глубокая радость горячей любви застилала глаза мои слезами. Не говорите-же, что вы хотѣли-бы лишить меня пережитыхъ мною радостей и страданій: онѣ смягчили мое сердце ко всему человѣчеству.

— Я совсѣмъ не то разумѣла, сказала Роза, рыдая.—Если я хочу, чтобъ вы уѣхали, такъ только оттого, что тогда вы можете опять занять свой умъ высокими и благородными цѣлями, вполнѣ достойными васъ.

— Для меня нѣтъ выше цѣли, какъ бороться изъ за пріобрѣтенія такого сердца, какъ ваше. Да что значу я! Такая цѣль была-бы достойна лучшаго изъ людей, проговорилъ молодой человѣкъ, взявъ ея руку.—Роза, дорогая моя! я любилъ васъ цѣлые годы. Я мечталъ добиться славы и тогда съ гордостью придти къ вамъ и сказать, что слава нужна была мнѣ лишь затѣмъ, чтобъ вы могли раздѣлить ее со мной. Въ моихъ мечтахъ, въ этихъ грезахъ, посѣщавшихъ меня на яву, я представлялъ себѣ, какъ въ тотъ счастливый мигъ я вамъ напомню о безчисленныхъ, неуловимыхъ доказательствахъ моей любви къ вамъ еще въ то время, когда я былъ мальчикомъ, и прошу вашей руки, какъ должнаго, какъ-бы во исполненіе давнымъ-давно заключеннаго между нами безмолвнаго договора. Я не дождался славы; мечты моей юности не сбылись; но вотъ я здѣсь, передъ вами, съ безвѣстнымъ именемъ, не увѣнчанный лаврами: я приношу вамъ сердце, которое давно отдано вамъ, и говорю: вся моя жизнь зависитъ отъ того, какъ вы примете этотъ даръ.

— Вы всегда были добры и благородны, сказала Роза, стараясь подавить свое возрастающее волненіе,—и если вы вѣрите, что я чувствую всю вашу доброту и благодарна вамъ,—выслушайте мой отвѣтъ.

— Вы хотите сказать, что я могу надѣяться стать достойнымъ васъ? Вѣдь такъ, дорогая моя?

Я хочу сказать, отвѣчала Роза,—что вы должны постараться забыть меня,—не какъ вашего стараго товарища, который горячо васъ любитъ,—потому что это было-бы мнѣ очень больно,—а какъ предметъ вашей любви. Повидайте свѣтъ и людей, и вы встрѣтите много сердецъ, любовью которыхъ вы могли-бы гордиться. Если хотите, возьмите меня повѣренной вашей новой страсти: вы всегда найдете во мнѣ самаго вѣрнаго, любящаго и сочувствующаго друга.

Наступило молчаніе. Прикрывъ лицо свободной рукой, Роза дала волю слезамъ. Другую руку Гарри удержалъ въ своей.

— Какія-же причины, проговорилъ онъ, наконецъ, упавшимъ голосомъ,—какія причины привели васъ къ этому рѣшенію?

— Вы имѣете право ихъ знать, отвѣчала Роза.—Вы не можете сказать ничего такого, что измѣнило-бы мое рѣшеніе. Это долгъ, который я обязана выполнить. Я обязана это сдѣлать ради другихъ и ради себя.

— Ради себя?

— Да, Гарри. Ради себя я не должна подавать повода тѣмъ, кто васъ знаетъ, подозрѣвать, что я, бѣдная дѣвушка, сирота и безприданница съ запятнаннымъ именемъ, низко воспользовалась вашей юношеской страстью, надѣла вамъ на шею ярмо и разрушила всѣ ваши планы и надежды. Ради васъ и вашей семьи, я обязана противиться вамъ, когда, поддаваясь порыву великодушнаго сердца, вы хотите поставить такую страшную преграду на вашемъ пути къ успѣху.

— Если ваше чувство не идетъ въ разрѣзъ съ вашимъ понятіемъ о долгѣ... началъ Гарри;—если оно ничего не говоритъ вамъ...

— Да, говоритъ, перебила его Роза, вся вспыхнувъ.

— Такъ вы отвѣчаете на мою любовь? быстро спросилъ молодой человѣкъ.—Скажите хоть это, дорогая моя,—только это! Хоть этимъ смягчите горечь моего разочарованія.

— Еслибъ я могла отвѣчать на любовь любимаго человѣка, не принося ему этимъ зла, я бы...

— Вы бы приняли его предложеніе совсѣмъ иначе, докончилъ за нее Гарри.—Не скрывайте отъ меня хоть этого, Роза!

— Да, я бы не такъ отвѣтила ему тогда, сказала она.—Но довольно, прибавила она, высвобождая отъ него свою руку.—Зачѣмъ намъ тянуть это тягостное свиданіе?—очень тягостное; по крайней мѣрѣ, для меня, хотя оно и принесло мнѣ столько счастья, что его хватитъ на всю мою жизнь. Да, Гарри, для

меня будетъ счастьемъ знать, что было время, когда я занимала въ вашемъ сердцѣ первое мѣсто, и, вспоминая объ этомъ, я буду счастлива вашими успѣхами въ жизни, и каждая новая ваша удача будетъ одушевлять меня новой силой и твердостью. Прощайте, Гарри. Мы уже больше не встрѣтимся такъ, какъ встрѣчаемся сегодня. Мы никогда не станемъ въ тѣ отношенія, въ которыя могли-бы стать, еслибъ мой долгъ позволилъ мнѣ иначе отвѣтить на ваши слова; но мы навсегда останемся близки другъ другу, и да сопутствуютъ вамъ въ жизни всѣ блага земныя, всѣ радости, какія только можетъ вымолить любящее, вѣрное сердце у Того, кто самъ есть источникъ добра и радости.

— Еще одно слово, Роза, сказалъ Гарри.—Ваши причины... выскажите ихъ сами, своими словами: я хочу слышать ихъ изъ вашихъ устъ.

— Передъ вами блестящая будущность, начала дѣвушка твердо.—На поприщѣ общественной дѣятельности васъ ожидаютъ всѣ успѣхи, весь почетъ, какой только могутъ доставить человѣку выдающіяся способности и вліятельное родство. Но вліятельные родственники бываютъ горды, а я не хочу втираться въ кругъ людей, которые способны отнестись съ презрѣніемъ къ женщинѣ, давшей мнѣ жизнь; не хочу навлекать ихъ неудовольствіе и становиться помѣхой на пути сына той, которая замѣнила мнѣ мать. Однимъ словомъ, продолжала молодая дѣвушка, закрываясь, такъ какъ твердость начинала ей измѣнять, имя мое запятнано позоромъ, котораго свѣтъ никогда мнѣ не проститъ, хоть сама я и неповинна въ немъ. Такъ пусть-же пятно этого позора лежитъ на мнѣ одной.

— Роза, дорогая! еще одно слово!—одно, послѣднее! воскликнулъ Гарри, бросаясь къ ней и останавливая ее, потому что она хотѣла уходить.—Еслибы я... еслибы я не былъ любимцемъ фортуны, какъ зоветъ это свѣтъ,—еслибъ мнѣ выпала на долю скромная, безвѣстная жизнь,—еслибъ я былъ бѣденъ, слабъ и одинокъ,—вы и тогда-бы отвергли меня? Или одна только вѣроятность того, что я могу достигнуть въ будущемъ богатства и почета, породила ваши сомнѣнія?

— Не заставляйте меня отвѣчать, проговорила Роза.—Еслибъ вы были бѣдны и одиноки!... Для васъ не можетъ возникнуть такого вопроса, и съ вашей стороны жестоко, не великодушно настаивать на отвѣтѣ.

— Если вы отвѣтите мнѣ такъ, какъ я надѣюсь... почти осмѣливаюсь надѣяться, сказалъ Гарри,—вашъ отвѣтъ прольетъ лучъ счастья въ мою одинокую жизнь и хоть немного скраситъ мой безрадостный путь. Неужели-же вамъ трудно сказать нѣсколько коротенькихъ словъ, чтобы доставить эту радость человѣку, который любитъ васъ больше всего въ мірѣ? О Роза! во имя моей горячей, многолѣтней любви, во имя всего, что я выстрадалъ изъ за васъ, и тѣхъ мукъ, на

которыя вы обрекаете меня въ будущемъ,—отвѣтьте мнѣ на этотъ вопросъ!

— Такъ слушайте-же: еслибъ судьба судила вамъ иной жребій, еслибы даже, по своему положенію въ свѣтѣ, вы стояли немного—но не настолько—выше меня, еслибъ я могла быть для васъ поддержкой и утѣшеніемъ въ скромной обстановкѣ жизни труженика, а не помѣхой вашему честолюбію среди толпы избранныхъ, я была-бы избавлена отъ испытанія, которое мнѣ пришлось теперь пережить. Я и теперь могу считать себя счастливой, очень счастливой, но тогда, сознаюсь, я была-бы счастливѣе.

Воспоминанія о старыхъ надеждахъ, которыя она лелѣяла съ дѣтства, безпорядочнымъ роемъ нахлынули ей въ душу, послѣ этого признанія. Эти воспоминанія принесли съ собой слезы, какъ это бываетъ всегда, когда былыя надежды,—увядшія и разбитыя,—воскреснутъ передъ нами, и эти слезы облегчили ее.

— Это слабость... я не могла удержаться, но я не измѣню своему рѣшенію, сказала Роза, протягивая ему руку.—А теперь намъ надо разстаться.

— Обѣщайте мнѣ одну вещь, сказалъ Гарри.—Позвольте мнѣ черезъ нѣсколько времени,—ну, скажемъ черезъ годъ, хотя это можетъ случиться и раньше,—еще разъ, въ послѣдній разъ, вернуться къ сегодняшнему нашему разговору.

— Не съ тѣмъ, чтобы попытаться заставить меня измѣнить мое рѣшеніе? спросила Роза съ печальной улыбкой.— Это было-бы безполезно.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гарри,—съ тѣмъ, чтобы еще разъ выслушать его отъ васъ, если вы захотите его повторить,—выслушать въ послѣдній разъ. Я положу къ вашимъ ногамъ положеніе въ свѣтѣ и состояніе, которыми я буду располагать къ тому времени, и если ваше теперешнее рѣшеніе останется неизмѣннымъ, я ни однимъ словомъ не стану пытаться его поколебать.

— Пусть будетъ по вашему, сказала Роза.—Однимъ страданіемъ больше—не все-ли равно? Быть можетъ, къ тому времени я научусь лучше переносить страданія.

Она еще разъ протянула ему руку, но молодой человѣкъ порывисто ее обнялъ, прижалъ къ груди и, напечатлѣвъ горячій поцѣлуй на ея прекрасномъ лбу, выбѣжалъ изъ комнаты.

ГЛАВА XXXVI.

Очень коротенькая и можетъ показаться излишней, но прочесть ее всетаки слѣдуетъ, ибо она вытекаетъ изъ предыдущей главы и послужитъ ключемъ къ одной изъ послѣдующихъ, которая появится въ свое время.

— И такъ, вы рѣшили сопуствовать мнѣ сегодня? сказалъ докторъ мистеру Мейли, когда тотъ вошелъ въ столовую, гдѣ они съ Оливеромъ уже сидѣли за завтракомъ.—У васъ семь пятницъ на недѣлѣ,—удивительно непостоянный характеръ!

— Погодите, скоро вы скажете другое, отвѣчалъ Гарри, краснѣя безъ всякой видимой причины.

— Надѣюсь, что я буду имѣть для этого хорошія основанія, проговорилъ мистеръ Лосбернъ,—хотя, сознаюсь, я мало на это разсчитываю. Не дальше, какъ вчера утромъ, вы что-то очень быстро рѣшили, что остаетесь здѣсь и, какъ подобаетъ почтительному сыну, сопровождаете вашу матушку на морскія купанья. Къ полдню того-же дня вы объявляете, что намѣрены сдѣлать мнѣ честь—проводить меня до моего дома, такъ какъ это будетъ вамъ по дорогѣ въ Лондонъ, а вечеромъ вы таинственно отзываете меня въ сторону и просите выѣхать сегодня пораньше, прежде чѣмъ дамы проснутся, и послѣдствіемъ этого является то, что нашъ юный пріятель Оливеръ торчитъ за завтракомъ въ такое время, когда ему слѣдовало-бы рыскать по лугамъ въ поискахъ за всевозможными ботаническими экземплярами. Плохо твое дѣло, Оливеръ, не такъ-ли?

— Нѣтъ, сэръ, я бы очень жалѣлъ, еслибъ узналъ, что вы и мистеръ Мейли уѣхали, когда меня не было дома, отвѣчалъ Оливеръ.

— Молодецъ мальчикъ! сказалъ докторъ.—Непремѣнно пріѣзжай ко мнѣ въ гости, когда вы вернетесь изъ вашей экскурсіи... Но будемъ говорить серьезно, Гарри: какимъ извѣстіемъ отъ великихъ міра сего вызвано ваше внезапное желаніе уѣхать?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, отвѣчалъ Гарри,—великіе міра сего (наименованіе, подъ которымъ, какъ я догадываюсь, вы подразумѣваете моего важнаго дядю) не имѣли никакихъ сношеній со мной, да въ эту пору года едва-ли и можетъ случиться что-нибудь такое, что сдѣлало-бы мое присутствіе въ ихъ средѣ настоятельно необходимымъ.

— Въ такомъ случаѣ вы очень странный человѣкъ, сказалъ докторъ.—Впрочемъ, послѣ выборовъ, къ Рождеству, вы навѣрно попадете въ парламентъ, и всѣ эти колебанія и рѣзкіе переходы послужатъ недурной подготовкой для вашей политической дѣятельности. А это тоже чего нибудь да стоитъ. Хорошая подготовка всегда пригодится, изъ за чего бы ни состязались борцы,—изъ за мѣста въ парламентѣ или изъ за серебрянаго кубка, какъ на конскихъ скачкахъ.

Гарри Мейли посмотрѣлъ такъ, какъ будто онъ могъ-бы заключить этотъ краткій діалогъ двумя-тремя замѣчаніями, которыя ошеломили-бы добрѣйшаго доктора, но удовольствовался тѣмъ, что сказалъ: „Тамъ будетъ видно", и больше ужъ не возвращался къ этой темѣ. Вскорѣ послѣ того мистеру Лосберну подали экипажъ; Джильзъ пришелъ за вещами, и докторъ побѣжалъ смотрѣть, какъ ихъ будутъ укладывать.

— Оливеръ, проговорилъ Гарри Мейли въ полголоса,—мнѣ нужно сказать тебѣ два слова.

Повинуясь таинственнымъ знакамъ, которые дѣлалъ ему мистеръ Мейли, мальчикъ отошелъ съ нимъ въ оконную нишу, съ недоумѣніемъ спрашивая себя, что-бы могла означать такая странная смѣсь грусти и шумнаго оживленія, сквозящая въ каждомъ движеніи и въ тонѣ этого джентльмена.

— Скажи: ты хорошо теперь пишешь? спросилъ мальчика Гарри, положивъ руку ему на плечо.

— Кажется, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Я, можетъ быть, долго не пріѣду домой. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ ты писалъ мнѣ иногда—ну, хоть разъ въ двѣ недѣли, черезъ понедѣльникъ, напримѣръ. Мой адресъ: Лондонъ, главный почтамтъ. Согласенъ?

— Разумѣется, сэръ; я буду счастливъ писать вамъ! воскликнулъ Оливеръ въ восторгѣ отъ этого порученія.

— Мнѣ будетъ пріятно знать, какъ... какъ поживаютъ здѣсь мама и миссъ Мейли, продолжалъ молодой человѣкъ. — На листкѣ бумаги можно умѣстить очень многое. Ты будешь описывать мнѣ ваши прогулки, будешь разсказывать, о чемъ вы говорите, и какъ она—т. е. онѣ, хотѣлъ я сказать, —какъ онѣ себя чувствуютъ, здоровы-ли, веселы-ли... Ты понимаешьменя?

— О, да, отлично понимаю.

— И знаешь, лучше, чтобъ онѣ объ этомъ не знали, проговорилъ Гарри какъ-то торопливо и вскользь,—потому-что мама будетъ тогда стараться мнѣ чаще писать, а для нея это только лишняя забота и лишній трудъ. Пусть это будетъ нашъ секретъ—твой и мой; только смотри, обо всемъ пиши, ничего не скрывай. Я полагаюсь на тебя.

Оливеръ былъ на седьмомъ небѣ отъ сдѣланной ему чести и, гордый сознаніемъ своей важности, далъ слово свято хранить тайну и не забывать въ своихъ письмахъ ни одной интересной подробности. Затѣмъ мистеръ Мейли долго увѣрялъ мальчика въ своей благосклонности, обѣщалъ ему свое покровительство, и, наконецъ, они распрощались.

Докторъ сидѣлъ уже въ каретѣ. Джильзъ (остававшійся въ Чертси по распоряженію свыше) стоялъ подлѣ, держа наготовѣ дверцу.

Весь персоналъ женской прислуги высыпалъ въ садъ посмотрѣть, какъ будутъ уѣзжать. Гарри бросилъ бѣглый взглядъ на рѣшетчатое окно и вскочилъ въ экипажъ.

— Пошелъ! крикнулъ онъ,—да живѣй, полнымъ карьеромъ! Сегодня я хочу мчаться, какъ вѣтеръ, и меньшимъ не удовольствуюсь.

— Эй! закричалъ кучеру докторъ, высовываясь впопыхахъ въ переднее окошко кареты.—Я не хочу мчаться, какъ вѣтеръ: я удовольствуюсь гораздо меньшимъ, слышишь?

Стуча и дребезжа, пока за растояніемъ не стало слышно шума и только глазомъ можно было замѣтить, какъ быстро они подвигались впередъ, карета покатилась по извилистой дорогѣ, то скрываясь за облакомъ пыли, то исчезая за какимъ-нибудь строеніемъ или за поворотомъ дороги, то опять появляясь. Только тогда, какъ не стало видно и пыли, зрители разошлись по своимъ угламъ.

Но была одна зрительница, еще долго не сводившая глазъ съ того мѣста, гдѣ въ послѣдній разъ показалась карета: путешественники отъѣхали уже нѣсколько миль, а она все смотрѣла на дорогу. За бѣлой занавѣской, скрывавшей ее отъ взгляда Гарри въ ту минуту, когда онъ поднялъ глаза къ окну, сидѣла Роза.

„Онъ, кажется, веселъ и счастливъ“, прошептала она. „А я-то боялась, что онъ будетъ горевать первое время. Я ошиблась. Я рада, очень рада“.

Слезы—признакъ и радости, и горя. Но тѣ слезы, что катились по лицу Розы теперь, когда она задумчиво сидѣла у окна, глядя на дорогу, говорили, кажется, не о радости, а скорѣе о горѣ.

ГЛАВА XXXVII.

Въ которой читатель усмотритъ контрастъ довольно обыкновенный въ супружеской жизни.

Мистеръ Бомбль сидѣлъ мрачно задумавшись въ гостиной Дома Призрѣнія, устремивъ глаза на каминный очагъ, гдѣ по случаю лѣтняго времени не горѣло яркаго, веселаго огонька, а лишь нѣсколько блѣдныхъ солнечныхъ лучей играли на холодномъ блестящемъ металлѣ. По временамъ мистеръ Бомбль обращалъ взоры вверхъ, къ висѣвшей на потолкѣ бумажной мухоловкѣ, и при видѣ неосторожныхъ насѣкомыхъ, слетающихся на приманку къ предательской сѣткѣ, изъ груди его вырывался глубокій вздохъ, а лицо еще болѣе омрачалось.

Быть можетъ, легкомысленныя мухи вызывали въ его душѣ какое-нибудь тяжелое воспоминаніе изъ его собственной жизни.

Не одна только угрюмость мистера Бомбля могла навести посторонняго наблюдателя на грустныя размышленія. Не было недостатка и въ другихъ признакахъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ его особѣ, по которымъ можно было догадаться,

что въ его жизни произошла какая-то важная перемѣна. Не было на немъ ни расшитаго галуномъ сюртука, ни треугольной шляпы; правда, онъ попрежнему былъ облеченъ въ короткія, до колѣнъ панталоны и темные бумажные чулки, но то были уже не тѣ панталоны! Бывшій на немъ сюртукъ былъ съ такими же широкими фалдами, какъ и прежній,—но какая огромная разница! Его величественная треуголка была замѣнена скромной, круглой шляпой. Да, мистеръ Бомбль уже больше не состоялъ приходскимъ сторожемъ!

Нѣкоторыя высокія должности, независимо отъ предоставляемыхъ ими существенныхъ выгодъ, пріобрѣтаютъ особую цѣну и значеніе отъ присвоенныхъ имъ нарядовъ. У фельдмаршала есть свой мундиръ, у епископа — шелковая ряса, у адвоката—шелковая тога, у приходскаго сторожа — треугольная шляпа. Отнимите у епископа его рясу, а у приходскаго сторожа его треуголку съ позументами и чѣмъ они станутъ? Людьми, обыкновенными людьми. Достоинство, а иногда даже и святость, порой бываютъ тѣсно связаны съ сюртукомъ и жилетомъ, гораздо тѣснѣе, чѣмъ иные думаютъ.

Мистеръ Бомбль женился на мистриссъ Корней и сталъ смотрителемъ Дома Призрѣнія. Другой приходскій сторожъ былъ призванъ ко власти, къ нему перешла треугольная шляпа, обшитый золотымъ галуномъ сюртукъ и булава.

— Завтра ровно два мѣсяца, какъ это совершилось, со вздохомъ произнесъ мистеръ Бомбль. Эти два мѣсяца показались мнѣ вѣчностью!

Можетъ быть, онъ желалъ этимъ сказать, что въ столь короткій промежутокъ времени, какъ шесть недѣль, вмѣстилось столько блаженства, что его хватило бы на цѣлую жизнь, но тогда зачѣмъ было ему вздыхать? Въ этомъ вздохѣ очевидно было какое-то особенное значеніе.

— Я продался, продолжалъ размышлять вслухъ мистеръ Бомбль, я продался за шесть чайныхъ ложекъ, сахарные щипчики, серебряный молочникъ, подержаную мебель и двадцать фунтовъ стерлинговъ звонкой монетой. За выгодную цѣну пошелъ, есть чѣмъ похвастать! Продешевилъ себя, страшно продешевилъ!

— Продешевилъ, взвизгнулъ надъ самымъ его ухомъ пронзительный голосъ. За тебя какую цѣну ни дай, все будетъ дорого, и я, Богъ — свидѣтель, очень дорого за тебя заплатила!

Мистеръ Бомбль обернулся и встрѣтился лицомъ къ лицу съ своей благовѣрной. Она не вполнѣ разобрала подслушанныя случайно слова супруга, жаловавшагося на свою судьбу, но на всякій случай выпалила вышеприведенную фразу.

— Мистриссъ Бомбль! Жена-а! съ должной строгостью возгласилъ мистеръ Бомбль.

— Что тебѣ надо? Крикнула мистриссъ Бомбль.

— Взгляни на меня, смотри мнѣ прямо въ лицо! произнесъ

мистеръ Бомбль, устремляя на нее свой взоръ. („Если она выдержитъ такой взглядъ, значитъ, ее ничѣмъ не проймешь“,— говорилъ онъ про себя.— „Противъ этого взгляда никто изъ призрѣваемыхъ никогда не могъ устоять. Если на нее онъ не окажетъ должнаго воздѣйствія, значитъ, моей власти пришелъ конецъ“).

Какая тому была причина—осталось невыясненнымъ, быть можетъ, для усмиренія призрѣваемыхъ бѣдняковъ, содержимыхъ впроголодь и вслѣдствіе того склонныхъ малодушествовать, не требовалось особой силы взгляда, а можетъ быть, бывшая мистриссъ Корней отличалась полной неуязвимостью даже предъ орлинымъ окомъ, но только не подлежитъ сомнѣнію, что грозный взоръ супруга не укротилъ ее. Напротивъ, она отнеслась къ нему съ такимъ полнѣйшимъ пренебреженіемъ, что даже громко расхохоталась, и смѣхъ этотъ вовсе не былъ напускнымъ.

При этомъ неожиданномъ хохотѣ лицо мистера Бомбля сначала приняло недоумѣвающее, а затѣмъ изумленное выраженіе. Впрочемъ, вскорѣ онъ впалъ въ прежнее равнодушіе, и неизвѣстно, когда бы изъ него вышелъ, еслибы его не заставилъ очнуться голосъ его супруги.

— Долго ли ты намѣренъ сидѣть здѣсь и храпѣть? обратилась къ нему мистриссъ Бомбль.

— Я намѣреваюсь сидѣть здѣсь столько времени, сколько мнѣ заблагоразсудится, сударыня, возразилъ мистеръ Бомбль, — я вовсе не думалъ храпѣть, но стану храпѣть, зѣвать, чихать, смѣяться, плакать, если мнѣ вздумается, потому что таково мое право.

— Твое право! съ несказаннымъ презрѣніемъ передразнила его жена.

— Да, мое право сударыня, повторилъ мистеръ Бомбль: право мужчины—повелѣвать.

— А скажите, ради Бога, что остается на долю женщины?

— Повиноваться! громовымъ голосомъ произнесъ мистеръ Бомбль. — Вашъ несчастный покойный мужъ долженъ былъ растолковать вамъ это, и тогда онъ, пожалуй, до сихъ поръ жилъ бы. Какъ жаль, что онъ протянулъ ноги, бѣдняга!

Мистриссъ Бомбль увидѣла, что теперь наступила рѣшительная минута, и что послѣдній ударъ долженъ рѣшить, на чью сторону склонится побѣда.

Какъ только она услышала, что упомянули ея покойнаго мужа, она страшно взвизгнула, упала въ кресло и залилась слезами, крича, что мистеръ Бомбль—безсердечная скотина.

Слезы, однако, не могли найти доступъ къ сердцу мистера Бомбля: оно было соткано изъ непромокаемаго матеріала.

Подобно инымъ касторовымъ шляпамъ, которыя отъ дождя становятся только лучше, нервы мистера Бомбля отъ слезъ только укрѣплялись и закалялись.

Слезы, какъ признакъ слабости, были, по его мнѣнію, безмолвнымъ признаніемъ его собственной силы и пріятно щекотали его самолюбіе. Онъ съ большимъ самодовольствомъ посмотрѣлъ на свою супругу и убѣдительно попросилъ ее плакать поусерднѣе, такъ какъ, по словамъ медиковъ, это очень полезно для женскаго здоровья.

— Слезы очищаютъ легкія, омываютъ лицо, укрѣпляютъ глаза и улучшаютъ характеръ, а потому плачь громче, посовѣтовалъ мистеръ Бомбль.

Отпустивъ эту шутку, онъ снялъ съ гвоздя свою шляпу, надѣлъ ее слегка на бекрень, какъ носятъ люди, сознающіе, что они достодолжнымъ образомъ доказали свое превосходство, заложилъ руки въ карманы и съ самымъ веселымъ и даже слегка игривымъ видомъ направился къ двери.

Однако, считая себя побѣдителемъ, онъ жестоко ошибался: мистриссъ Корней прибѣгла къ слезамъ только потому, что онѣ представляли меньше хлопотъ, чѣмъ рукопашная схватка, къ которой, впрочемъ, она была вполнѣ готова, въ чемъ мистеръ Бомбль не замедлилъ убѣдиться.

Первымъ доказательствомъ тому былъ нѣкій глухой звукъ, вслѣдъ за которымъ его шляпа вдругъ слетѣла съ головы и очутилась на другомъ концѣ комнаты.

Обнаживъ этимъ предварительнымъ маневромъ его голову, опытная дама крѣпко вцѣпилась одной рукой ему въ шею, а другой принялась съ необыкновенной силой и ловкостью осыпать его цѣлымъ градомъ ударовъ по затылку. Затѣмъ для разнообразія она расцарапала ему лицо, оттаскала за волосы, и, наконецъ, найдя, что онъ получилъ соразмѣрное съ проступкомъ наказаніе, толкнула его на стулъ, оказавшійся къ счастью по близости, и съ самымъ вызывающимъ видомъ спросила, посмѣетъ ли онъ теперь заикнуться о своихъ правахъ.

— Встань и убирайся съ моихъ глазъ долой, чтобы не случилось съ тобой чего-нибудь похуже, повелительно крикнула она. Мистеръ Бомбль печально поднялся съ мѣста, съ недоумѣніемъ вопрошая себя, что такое можетъ быть еще хуже, подобралъ шляпу и обратилъ свои взоры къ двери.

— Уйдешь ли ты, наконецъ? вскричала мистриссъ Бомбль.

— Ухожу, ухожу, мой другъ, поспѣшилъ онъ отвѣтить, опрометью бросаясь къ двери.—Я право не имѣлъ намѣренія... Ухожу, душенька! Ты такъ разсердилась, что я право...

Въ этотъ самый моментъ мистриссъ Бомбль рванулась впередъ, чтобы поправить сбитый во время перепалки коверъ. Мистеръ Бомбль такъ и вылетѣлъ изъ комнаты, позабывъ закончить начатую фразу и оставивъ поле сраженія за бывшей мистриссъ Корней.

Итакъ мистеръ Бомбль былъ застигнутъ врасплохъ и потерпѣлъ полное пораженіе. Онъ любилъ задирать другихъ, находилъ наслажденіе въ мелочной жестокости и въ то же

время былъ (едва ли это нужно прибавлять) большой трусъ. Впрочемъ, говорится это не въ осужденіе ему, такъ какъ многія лица, занимающія высокія офиціальныя должности и окруженныя общимъ уваженіемъ и восторгомъ, страдаютъ тою же слабостью. Замѣчаніе это сдѣлано нами скорѣе въ похвалу ему, чтобы читатель зналъ, что у мистера Бомбля были всѣ качества, нужныя въ его положеніи.

Чаша униженія, однако, еще не была имъ выпита до дна. Онъ прошелся по заведенію, смотрителемъ котораго теперь состоялъ, и впервые напалъ на мысль, что законы о бѣдныхъ воистину слишкомъ жестоки и что, по справедливости, слѣдовало бы не только не подвергать наказанію тѣхъ мужей, которые бросаютъ своихъ женъ, оставляя ихъ на попеченіе прихода, но напротивъ, вознаграждать этихъ достойныхъ лицъ за вынесенныя ими страданія. Дошелъ онъ до прачешной, гдѣ призрѣваемыя въ домѣ женщины обыкновенно стирали казенное бѣлье. Оттуда слышался говоръ.

— Гм! Надо хоть въ этихъ бабахъ поддержать уваженіе къ моимъ правамъ, подумалъ мистеръ Бомбль, принимая свой обычный величественный видъ.—Эй, вы, мерзавки, чего разорались?

Съ этими словами онъ распахнулъ дверь и съ грознымъ видомъ вошелъ въ прачешную, но тотчасъ же присмирѣлъ и съежился, такъ какъ предъ глазами его неожиданно предстала его супруга.

— Я не зналъ, что ты здѣсь, душенька, пробормоталъ онъ.

— Не зналъ, что я здѣсь, повторила мистриссъ Бомбль. — А тебя-то зачѣмъ сюда нелегкая принесла?

— Мнѣ показалось, дружочекъ, что здѣсь слишкомъ много болтаютъ, вмѣсто того чтобы какъ слѣдуетъ работать, оправдывался мистеръ Бомбль, бросивъ растерянный взглядъ на двухъ старухъ у лоханки, дивившихся, отчего это смотритель вдругъ сталъ такой тихенькій.

— Вамъ показалось, что здѣсь слишкомъ много болтаютъ, а какое вамъ до этого дѣло, позвольте спросить?

— Да я, видишь ли, милочка... робко началъ мистеръ Бомбль.

— Какое вамъ до этого дѣло? кричала на него жена.

— Дѣйствительно, милая моя, здѣсь ты начальница, но я не зналъ, что ты здѣсь...

— Вотъ что я скажу тебѣ, мистеръ Бомбль, перебила его супруга, все что здѣсь дѣлается, тебя не касается. Ты любишь совать свой носъ куда не слѣдъ, и добился того, что всѣ въ Домѣ надъ тобой смѣются, лишь только ты отвернешься. Постоянно ты строишь изъ себя дурака. Поди прочь! Вонъ!

Мистеръ Бомбль былъ уязвленъ въ самое сердце, увидѣвъ, въ какой восторгъ пришли старухи, и какъ онѣ захихикали. Съ минуту онъ простоялъ въ нерѣшимости. Мистриссъ Бомбль, не выносившая никакихъ промедленій, потеряла терпѣніе и схвативъ ведро съ мыльными помоями, пригрозила окатить

его великолѣпную особу, если онъ не уберется тотчасъ же по добру, по здорову.

Что оставалось дѣлать мистеру Бомблю? Онъ бросилъ унылый взглядъ вокругъ и побрелъ вонъ. Едва онъ вышелъ за дверь, какъ посмѣивавшіяся втихомолку старухи разразились оглушительнымъ, неудержимымъ хохотомъ. Этого только не доставало! Онъ былъ окончательно униженъ, онъ утратилъ всякое значеніе въ глазахъ призрѣваемыхъ, онъ упалъ съ высоты своего прежняго величія до положенія злополучнаго мужа, находящагося подъ башмакомъ у жены.

— И все это въ какихъ-нибудь два мѣсяца! вздохнулъ мистеръ Бомбль подъ гнетомъ горестныхъ думъ.—Да, два мѣсяца! Не далѣе, какъ два мѣсяца тому назадъ, я не только былъ самъ себѣ господинъ, но подъ моей властью были всѣ, кто имѣетъ отношеніе къ Дому Призрѣнія. А теперь!..

Чтобы отвести душу, мистеръ Бомбль далъ затрещину мальчишкѣ, отворившему передъ нимъ калитку (занятый своими мыслями, онъ незамѣтно дошелъ до воротъ Дома), и машинально вышелъ на улицу.

Онъ ходилъ изъ одной улицы въ другую, пока не заглушилъ нѣсколько своего горя ходьбой; усталость заставила его почувствовать жажду. Онъ не удостоивалъ вниманіемъ многочисленныхъ трактировъ, попадавшихся на пути, наконецъ, рѣшился остановиться у маленькаго кабачка, выходившаго въ переулокъ. Заглянувъ въ окна, онъ удостовѣрился, что тамъ не было публики; въ общей залѣ сидѣлъ одинъ единственный посѣтитель.

Тутъ кстати пошелъ сильный дождь, что окончательно побудило мистера Бомбля войти. Распорядившись у стойки, что ему подать, онъ направился въ то помѣщеніе, которое осматривалъ съ улицы. Сидѣвшій тамъ былъ высокій, смуглый человѣкъ, закутанный въ широкій плащъ. Судя по его утомленному виду и запыленному платью, можно было заключить, что онъ прибылъ издалека.

При появленіи мистера Бомбля незнакомецъ бросилъ на него вопросительный взглядъ, но едва удостоилъ отвѣтить легкимъ кивкомъ головы на его поклонъ.

Достоинство мистера Бомбля было слегка задѣто тѣмъ, что незнакомецъ обнаружилъ такъ мало общительности. Напустивъ на себя побольше важности и взявъ въ руки газету, онъ принялся распивать свой джинъ.

Однако, какъ это часто бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, мистеръ Бомбль чувствовалъ по временамъ непреодолимое желаніе украдкой бросить взглядъ на незнакомца; каждый разъ, когда, поддаваясь этому влеченію, онъ подымалъ глаза, тотчасъ же со смущеніемъ опускалъ ихъ, потому что выходило какъ-то такъ, что въ эту же самую минуту тотъ въ свою очередь взглядывалъ на него. Смущеніе мистера Бомбля

усиливалось отъ страннаго выраженія блестящихъ, насквозь пронизывающихъ глазъ незнакомца; въ этомъ хмуромъ взглядѣ было столько недовѣрчивости и подозрительности, что онъ не въ силахъ былъ его выдержать.

Послѣ того, какъ глаза ихъ встрѣтились такимъ образомъ нѣсколько разъ, незнакомецъ прервалъ молчаніе, спросивъ глухимъ, непріятнымъ голосомъ:

Вы меня искали, когда заглядывали сюда съ улицы?

— Вы меня искали, когда заглядывали сюда съ улицы?

— Нѣтъ не васъ, если вы только не мистеръ... Здѣсь Бомбль остановился, потому что сгоралъ отъ любопытства узнать, кто этотъ незнакомецъ и надѣялся, что тотъ изъ нетерпѣнія подскажетъ свое имя.

— Вижу, что не меня, а то бы вы знали, какъ меня зовутъ, подхватилъ незнакомецъ, и насмѣшливая улыбка заиграла на его губахъ. Вы моего имени не знаете и совѣтую вамъ не стараться его узнать.

— Я не имѣлъ въ виду сдѣлать вамъ какую-нибудь непріятность, молодой человѣкъ, съ достоинствомъ замѣтилъ мистеръ Бомбль.

— Да вы и не сдѣлали мнѣ никакой непріятности, возразилъ незнакомецъ.

За этимъ коротенькимъ діалогомъ послѣдовало новое молчаніе. Началъ опять незнакомецъ:

— Мнѣ кажется, я васъ прежде видалъ, вы въ то время но-

сили другое платье. Я тогда только прошелъ мимо васъ на улицѣ, но я узналъ васъ. Вы вѣдь были приходскимъ сторожемъ, неправда ли?

— Да, я былъ приходскимъ сторожемъ, не безъ нѣкотораго удивленія проговорилъ мистеръ Бомбль.

— Вотъ въ этой-то формѣ я васъ и видѣлъ, продолжалъ незнакомецъ, кивнувъ головой.—А теперь вы что такое?

— Теперь я смотритель Дома Призрѣнія, медленно и внушительно объявилъ мистеръ Бомбль, давая понять незнакомцу, что фамильярный тонъ съ нимъ неумѣстенъ.—Смотритель Дома Призрѣнія, молодой человѣкъ.

— Вы, конечно, попрежнему не упускаете своихъ интересовъ? спросилъ незнакомецъ, пристально глядя на мистера Бомбля, удивленно вытаращившаго на него глаза.—Не стѣсняйтесь, отвѣчайте откровенно, вы видите, я васъ хорошо знаю, почтенный.

— Мнѣ кажется, женатый человѣкъ нисколько не меньше холостого долженъ радоваться всякому случаю честно раздобыть копейку, отвѣчалъ мистеръ Бомбль, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и, прикрывъ глаза рукой, еще разъ окинулъ украдкой незнакомца внимательнымъ взглядомъ.—Приходское жалованье, продолжалъ онъ, не такъ велико, чтобы служащіе могли отказываться отъ маленькихъ суммъ, какія иногда перепадаютъ имъ въ видѣ благодарности, когда деньги предлагаются въ благородной и учтивой формѣ.

Незнакомецъ улыбнулся, снова кивнулъ головой, какъ бы говоря, что онъ не ошибся въ своемъ собесѣдникѣ, затѣмъ позвонилъ.

— Еще стаканъ, распорядился онъ, подавая слугѣ пустой стаканъ мистера Бомбля.—Покрѣпче и погорячѣе, вѣдь вы навѣрно такъ любите?

— Только чтобы не черезъ чуръ крѣпко, произнесъ мистеръ Бомбль, деликатно кашлянувъ.

— Сообразите, что это значитъ, отрывисто замѣтилъ слугѣ незнакомецъ. Тотъ усмѣхнулся и черезъ минуту вернулся съ стаканомъ горячаго пунша, отъ котораго шелъ паръ. При первомъ же глоткѣ слезы выступили на глаза мистера Бомбля.

— А теперь слушайте, заговорилъ незнакомецъ, притворивъ и дверь, и окно.—Я явился сюда затѣмъ, чтобъ разыскать васъ и по одной изъ тѣхъ случайностей, какія чортъ любитъ иной разъ подносить друзьямъ своимъ, вы вошли какъ разъ въ ту минуту, когда я думалъ о васъ. Мнѣ надо получить отъ васъ кое-какія свѣдѣнія; сами по себѣ они незначительны, но вы сообщите ихъ не даромъ: возьмите вотъ это для начала.

Съ этими словами онъ осторожно подалъ черезъ столъ своему собесѣднику пару золотыхъ, какъ видно не желая, чтобы звонъ монетъ былъ слышенъ въ сосѣдней комнатѣ. Мистеръ Бомбль тщательно осмотрѣлъ червонцы и, удостовѣрившись,

что они не фальшивые, съ замѣтнымъ удовольствіемъ спряталъ ихъ въ карманъ, послѣ чего незнакомецъ продолжалъ:

— Постарайтесь мысленно перенестись къ одному событію, которое было—позвольте... ну, да, двѣнадцать лѣтъ назадъ.

— Срокъ не малый, замѣтилъ мистеръ Бомбль. Ну, нечего дѣлать, постараюсь.

— Мѣсто дѣйствія—Домъ Призрѣнія.

— Хорошо.

— Время—ночь.

— Хорошо.

— Сцена представляетъ жалкую конуру—не знаю, на чердакѣ или въ подвалѣ, это все равно,—гдѣ презрѣнныя твари, стоящія часто сами на краю гроба, производятъ на свѣтъ чахлыхъ крикуновъ и, бросивъ ихъ на попеченіе прихода, скрываютъ свой позоръ въ могилѣ.

— Вы, должно быть, говорите о родильномъ покоѣ? переспросилъ мистеръ Бомбль, который едва успѣвалъ слѣдить за быстро льющимися словами незнакомца.

— Да, о немъ. Тамъ родился мальчикъ...

— Очень много ихъ тамъ родилось, замѣтилъ мистеръ Бомбль, безнадежно покачавъ головой.

— Пусть бы передохли всѣ эти чертенята! воскликнулъ незнакомецъ.—Я говорю о томъ блѣднолицомъ тихонѣ, который былъ отданъ въ ученье къ гробовщику (жаль, что онъ не изготовилъ себѣ гроба и не схоронилъ себя въ немъ!), а послѣ убѣжалъ въ Лондонъ.

— А, вы спрашиваете про Оливера, про маленькаго Твиста! разумѣется, я его помню. Такого упорнаго, закоренѣлаго негодяя...

— Не о немъ рѣчь, о немъ я знаю достаточно, прервалъ незнакомецъ разглагольствованія смотрителя о порокахъ Оливера,—я спрашиваю васъ о той старой хрычевкѣ, которая ходила за его матерью. Гдѣ она находится?

— Гдѣ она находится? повторилъ мистеръ Бомбль, котораго пуншъ настроилъ на шутливый тонъ.—Это довольно трудно сказать. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она находится, нѣтъ повивальныхъ бабокъ, и она, должно полагать, теперь осталась безъ практики.

— Что вы хотите этимъ сказать? строго спросилъ его незнакомецъ.

— То, что она умерла прошлой зимой, отвѣтилъ мистеръ Бомбль.

При этомъ отвѣтѣ незнакомецъ пристально посмотрѣлъ на него и долго не спускалъ глазъ. Мало-по-малу взглядъ его принялъ какое-то разсѣянное выраженіе, какъ у человѣка, о чемъ-то глубоко задумавшагося. Нѣсколько времени онъ какъ будто находился въ нерѣшительности, не зная, слѣдуетъ ли ему огорчаться такимъ извѣстіемъ или счесть его за утѣши-

тельную для себя новость. Наконецъ, онъ облегченно вздохнулъ, отвелъ глаза въ сторону и проговоривъ, что смерть старухи не имѣетъ для него никакого значенія, всталъ, чтобы уйти.

Но мистеръ Бомбль былъ настолько хитеръ, что сразу сообразилъ, какой выгодный случай представляется для продажи тайны, которой владѣетъ его прекрасная половина. Онъ отлично помнилъ ту ночь, когда умирала старуха Салли; въ его памяти сохранились всѣ мельчайшія подробности того вечера, такъ какъ именно тогда онъ сдѣлалъ предложеніе мистриссъ Корней. До сихъ поръ эта дама не открыла ему, что ей было повѣдано старухой, однако, онъ достаточно слышалъ, чтобъ догадаться, что тайна старухи касалась чего-то случившагося въ то время, когда Салли исполняла въ Домѣ Призрѣнія обязанности повивальной бабки при молодой матери Оливера Твиста. Быстро припомнивъ всѣ эти обстоятельства, онъ съ таинственнымъ видомъ объявилъ незнакомцу, что одна женщина была наединѣ со старухою передъ ея кончиной, и эта женщина могла-бы, какъ онъ думаетъ, пролить нѣкоторый свѣтъ на интересующій ихъ предметъ.

— Какъ же мнѣ ее найти? воскликнулъ незнакомецъ, не успѣвъ овладѣть собой и сразу выдавъ, что всѣ его прежнія опасенія воскресли съ новой силой при этомъ извѣстіи.

— Вы можете ее найти только черезъ меня, отвѣтилъ мистеръ Бомбль.

— Когда я могу ее увидѣть? перебилъ его незнакомецъ.

— Завтра.

— Въ девять часовъ вечера приведите ее ко мнѣ, проговорилъ незнакомецъ, набросавъ на клочкѣ бумаги неровнымъ почеркомъ названіе отдаленнаго захолустья на берегу рѣки: „приведите ее по этому адресу ко мнѣ въ девять часовъ вечера. О томъ, чтобъ вы держали все въ тайнѣ, я думаю, нѣтъ нужды говорить, этого требуетъ вашъ собственный интересъ".

Съ этими словами онъ поднялся съ мѣста и, расплатившись въ буфетѣ за все, что было ими выпито, лаконично замѣтилъ мистеру Бомблю, что ихъ дороги лежатъ въ разныя стороны. И онъ тотчасъ же удалился, безъ всякаго прощальнаго привѣтствія, только еще разъ напомнивъ о часѣ завтрашняго свиданія.

Бросивъ взглядъ на адресъ, м-ръ Бомбль увидѣлъ, что тамъ не было обозначено никакой фамиліи. Онъ бросился за незнакомцемъ, который еще не успѣлъ далеко отойти, чтобъ спросить у него объ имени.

— Что вамъ надо? Вы за мной слѣдите? вскричалъ тотъ, когда м-ръ Бомбль дотронулся до его плеча.

— Я желалъ только справиться у васъ, кого же мнѣ тамъ спросить? оправдывался м-ръ Бомбль, показывая на адресъ.

— Монкса,—отвѣтилъ назнакомецъ, быстро удаляясь.

ГЛАВА XXXVIII.

Что происходило между мистеромъ Бомбль, мистриссъ Бомбль и Монксомъ при ихъ ночномъ свиданіи.

Стоялъ душный, темный лѣтній вечеръ. Небо весь день хмурилось, теперь его совсѣмъ заволокли грозныя, черныя тучи, и уже падали крупныя капли дождя—предвѣстницы надвигавшейся бури, когда м-ръ и м-съ Бомбль, оставивъ позади себя главныя улицы города, направились къ разбросаннымъ на низменномъ болотистомъ берегу рѣки полуразрушеннымъ домишкамъ предмѣстья, отстоявшаго миляхъ въ двухъ отъ города.

Супруги были облечены въ ветхія, отслужившія свой вѣкъ верхнія платья, надѣтыя ими, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ двоякою цѣлью: служить защитой отъ дождя и въ то же время укрывать отъ любопытныхъ взоровъ. Мужъ былъ вооруженъ фонаремъ, который, впрочемъ, еще не былъ зажженъ; приходилось идти по грязи, и онъ шествовалъ впереди, вѣроятно, затѣмъ, чтобы дать возможность своей прекрасной половинѣ ступать тамъ, гдѣ его большія ноги оставляли слѣды. Они шли въ глубокомъ молчаніи. По временамъ м-ръ Бомбль пріостанавливался и оглядывался назадъ, чтобы удостовѣриться, что его прекрасная половина слѣдуетъ за нимъ. Убѣдившись, что она не отстаетъ, онъ опять припускалъ шагу и еще быстрѣе устремлялся впередъ.

Нельзя было сказать про мѣсто, къ которому они направлялись, что оно пользовалось сомнительной репутаціей,—напротивъ, за нимъ давно уже прочно установилась дурная слава. Оно было извѣстно, какъ гнѣздо самыхъ отчаянныхъ мошенниковъ, которые для отвода глазъ занимались какой-нибудь работой, а жили грабежемъ и разными темными дѣлишками.

Все предмѣстье состояло изъ убогихъ лачужекъ, частью сложенныхъ на скорую руку изъ кирпичей, частью выстроенныхъ изъ стараго сгнившаго корабельнаго лѣса; онѣ лѣпились въ безпорядкѣ у самой рѣки. Два-три дырявыхъ челнока, засѣвшихъ въ тинѣ и привязанныхъ къ краю невысокой пристани, валявшіеся кое-гдѣ весла и канаты сначала наводили на мысль, что обитатели этихъ домишекъ промышляли себѣ пропитаніе на рѣкѣ, но одного взгляда на эти ветхіе и негодные предметы достаточно было для каждаго, чтобъ догадаться, что они лежатъ тутъ только для виду, а не для какого иного употребленія.

Посрединѣ поселка на самомъ краю берега стояло большое зданіе, верхній этажъ котораго нависъ надъ рѣкой. Когда-то здѣсь помѣщалась фабрика, которая, вѣроятно, доставляла за-

работокъ жителямъ этого поселка, но давно уже это зданіе превратилось въ развалину. Крысы, черви, постоянная сырость, подточили и расшатали поддерживавшіе его столбы; часть зданія уже обрушилась въ рѣку, а остальная накренилась и нависла надъ темной бездной, казалось, выжидая случая послѣдовать примѣру своей предшественницы и раздѣлить ея участь.

Передъ этимъ-то развалившимся строеніемъ и остановилась достойная чета, какъ разъ въ ту минуту, когда въ отдаленіи раздался первый раскатъ грома и полилъ проливной дождь.

— Должно быть, здѣсь,—проговорилъ м-ръ Бомбль, справившись съ лоскуткомъ бумаги, бывшимъ у него въ рукахъ.

— Эй, кто тутъ? крикнулъ голосъ сверху.

М-ръ Бомбль поднялъ голову и различилъ человѣка, высунувшагося по поясъ изъ окна второго этажа.

— Подождите минутку, сейчасъ къ вамъ спущусь,—продолжалъ говорившій, и вслѣдъ за этими словами голова исчезла, и окно захлопнулось.

— Это онъ? освѣдомилась у м-ра Бомбля его супруга.

М-ръ Бомбль утвердительно кивнулъ головой.

— Такъ помни же, что я наказывала: старайся говорить поменьше, а то ты насъ сейчасъ же выдашь.

М-ръ Бомбль, съ большимъ безпокойствомъ оглядывавшій развалины, повидимому, намѣревался подать совѣтъ теперь же вернуться обратно, но ему помѣшало появленіе Монкса. Тотъ отворилъ находившуюся поблизости отъ нихъ маленькую дверь и знакомъ пригласилъ ихъ войти.

— Входите же! Чего вы держите меня здѣсь, нетерпѣливо крикнулъ онъ и топнулъ ногой.

Дама перестала колебаться и смѣло вошла въ домъ, не ожидая дальнѣйшихъ приглашеній. Супругъ постыдился, а можетъ быть, и побоялся отстать. Онъ двинулся вслѣдъ за нею, но замѣтно было, что онъ чувствуетъ себя далеко не въ своей тарелкѣ и утратилъ ту замѣчательную, полную достоинства осанку, которая составляла его главную отличительную особенность.

— На кой прахъ вы такъ долго торчали на дождѣ? обратился къ м-ру Бомблю Монксъ, заложивъ за ними дверь засовомъ.

— Мы... мы думали немного прохладиться... пролепеталъ м-ръ Бомбль, со страхомъ оглядываясь вокругъ.

— Прохладиться! Да развѣ можетъ этотъ дождь и даже цѣлый потопъ погасить адское пламя, какое человѣкъ носитъ въ груди! возразилъ Монксъ. Не думайте, чтобъ такъ легко вы могли его затушить!

Высказавъ столь пріятное замѣчаніе, Монксъ внезапно обернулся къ м-съ Бомбль и устремилъ на нее такой испытующій взглядъ, что даже эта неустрашимая особа почувствовала желаніе опустить глаза долу.

— Это та самая женщина? спросилъ Монксъ.

— Кхе! Да, та самая, отвѣчалъ м-ръ Бомбль, памятуя приказаніе своей супруги.

— Вы, кажется, думаете, что женщины не умѣютъ хранить тайнъ? вмѣшалась въ разговоръ м-съ Бомбль, храбро выдержавъ испытующій взглядъ Монкса.

— Я знаю, что *одну* тайну у нихъ всегда хватаетъ умѣнья скрыть, замѣтилъ Монксъ.

— Какую же? полюбопытствовала м-съ Бомбль.

— Потерю ихъ добраго имени, отвѣтилъ Монксъ. Поэтому-то, если женщина замѣшана въ тайну, которая можетъ грозить ей висѣлицей или каторгой, я нисколько не боюсь, что она кому-нибудь проболтается. Вы понимаете, мистриссъ, что я хочу сказать?

— Нѣтъ, произнесла м-съ Бомбль, слегка покраснѣвъ.

— О, разумѣется, не вамъ это понять! воскликнулъ Монксъ, сопровождая эти слова гримасой, представлявшей что-то среднее между улыбкой и угрожающимъ взглядомъ. Сдѣлавъ своимъ собесѣдникамъ вторично знакъ слѣдовать за нимъ, онъ быстро перешелъ черезъ обширную, но очень низкую комнату и уже занесъ было ногу на первую ступеньку лѣстницы или, лучше сказать, простого трапа, который велъ во второй этажъ, какъ вдругъ въ отверстіе наверху сверкнула ослѣпительная молнія, за которой послѣдовалъ громовой ударъ, потрясшій сверху донизу ветхое зданіе.

— Слышите? крикнулъ Монксъ, попятившись назадъ. Слышите, какъ онъ гремитъ и грохочетъ, точно его повто ряетъ эхо тысячи пещеръ, куда запрятались отъ него черти. Я ненавижу этотъ звукъ!

Нѣсколько времени онъ простоялъ молча, закрывъ лицо руками, и когда вдругъ ихъ опустилъ, то м-ръ Бомбль съ невыразимымъ ужасомъ увидѣлъ, что въ лицѣ его ни кровинки, и оно страшно исказилось.

— Такіе припадки съ мной бываютъ по временамъ, сказалъ Монксъ, замѣтивъ, какъ Бомбль встревожился,—иногда ихъ вызываетъ гроза. Не обращайте вниманія, теперь уже все прошло.

Съ этими словами онъ сталъ взбираться вверхъ по лѣстницѣ; его гости послѣдовали за нимъ.

Монксъ поспѣшилъ затворить ставни у окна комнаты, куда они вошли, и опустилъ пониже фонарь, который висѣлъ на веревкѣ, перекинутой черезъ блокъ и укрѣпленной въ одной изъ толстыхъ балокъ потолка. Фонарь тускло освѣтилъ стоявшіе подъ нимъ старый столъ и три стула.

— Чѣмъ скорѣе мы приступимъ къ дѣлу, тѣмъ лучше, началъ Монксъ, когда всѣ трое усѣлись. Вѣдь эта женщина знаетъ, въ чемъ дѣло?

Этотъ вопросъ былъ обращенъ къ м-ру Бомблю, но супруга предупредила его, отвѣтивъ, что ей все извѣстно.

— Правду-ли онъ сказалъ, что вы находились при старой вѣдьмѣ въ ночь ея смерти и что она вамъ кое-что сказала...

— О матери того мальчика. котораго вы вчера называли? прервала его м-съ Бомбль. Да, это правда.

— Мой первый вопросъ будетъ, какого рода была эта тайна? продолжалъ Монксъ.

— Это будетъ уже второй вопросъ, рѣшительнымъ тономъ проговорила м-съ Бомбль. Первый вопросъ будетъ: во сколько оцѣните эту тайну?

— Кой чортъ вамъ это скажетъ, не зная, въ чемъ заключается эта тайна, вспылилъ Монксъ.

— Я полагаю, вы лучше другихъ можете это сказать, отвѣтила м-съ Бомбль, которая за словомъ въ карманъ не лѣзла, что могъ подтвердить и ея супругъ.

— Гмъ! многозначительно пробормоталъ Монксъ, окидывая ее испытующимъ взглядомъ. Развѣ тутъ дѣло идетъ о какомъ нибудь цѣнномъ предметѣ? а?

— Можетъ быть, послѣдовалъ хладнокровный отвѣтъ.

— Какой-нибудь предметъ былъ съ нея снятъ? продолжалъ Монксъ. Что нибудь такое, что она при себѣ носила? Что нибудь изъ...

— Лучше вы сразу назначьте, сколько дадите, прервала его м-съ Бомбль. Я уже достаточно отъ васъ слышала и вижу, что вы именно то лицо, съ которымъ мнѣ надо столковаться.

М-ръ Бомбль, не посвященный еще своей супругой въ тайну, и знавшій только то, что ему было извѣстно съ самого начала, внималъ этому разговору, вытянувъ шею и выпучивъ глаза. Съ нескрываемымъ удивленіемъ онъ глядѣлъ то на жену, то на Монкса, и когда послѣдній сердито освѣдомился, въ какую сумму она цѣнитъ свою тайну, изумленію его казалось не было границъ.

— А сколько бы вы за нее дали? попрежнему невозмутимо спросила м-съ Бомбль.

— Можетъ, ничего не далъ бы, а можетъ быть, фунтовъ 20, отвѣтилъ Монксъ. Скажите, что вы знаете, и тогда видно будетъ...

— Добавьте еще 5 фунтовъ къ той суммѣ, что вы назначили. И когда вы мнѣ дадите 25 фунтовъ золотомъ, я скажу все, что мнѣ извѣстно, никакъ не раньше.

— 25 фунтовъ! воскликнулъ пораженный Монксъ.

— Я, кажется, выразилась ясно, проговорила м-съ Бомбль. Это вовсе небольшія деньги.

— Такая огромная сумма, за какую-то дрянную тайну, которая, можетъ быть, ни къ чему мнѣ не послужитъ!—нетерпѣливо воскликнулъ Монксъ. Вѣдь все равно, она двѣнадцать лѣтъ или даже больше лежала подъ спудомъ.

— Такія тайны не портятся отъ времени; напротивъ, какъ хорошее вино, онѣ, чѣмъ дольше лежатъ, тѣмъ цѣннѣе ста-

новятся, отвѣчала м-съ Бомбль тѣмъ же рѣшительнымъ и равнодушнымъ тономъ, какой она приняла съ начала разговора. Бываютъ тайны, которыя могутъ лежать подъ спудомъ двѣнадцать тысячъ лѣтъ или двѣнадцать милліоновъ лѣтъ, а тамъ нечаянно и выйдутъ наружу, ко всеобщему удивленію.

— А если мои деньги пропадутъ даромъ? нерѣшительно произнесъ Монксъ.

— Вамъ тогда ничего не стоитъ отнять ихъ у меня, возразила м-съ Бомбль. Я беззащитная женщина, и мы одни здѣсь.

— Ты не одна здѣсь, мой другъ, и не беззащитна, замѣтилъ м-ръ Бомбль, дрожащимъ отъ страха голосомъ.—Здѣсь я съ тобой, мой другъ, и кромѣ того, м-ръ Монксъ джентльменъ,—прибавилъ онъ, при чемъ его зубы выбивали мелкую дробь,—онъ не позволитъ себѣ насилія надъ лицами, состоящими на приходской службѣ. Онъ видитъ, что я человѣкъ не первой молодости, и силы у меня, пожалуй, уже не тѣ, но онъ вѣроятно слышалъ, мой другъ, что я человѣкъ очень рѣшительный и становлюсь страшно силенъ, когда меня выведутъ изъ себя. Надо только, чтобъ меня вывели изъ себя! Съ этимъ восклицаніемъ м-ръ Бомбль схватилъ свой фонарь съ самымъ рѣшительнымъ и отчаяннымъ видомъ. Но его притворство вышло очень неудачнымъ, и перепуганное выраженіе его лица ясно показало, что нужно, чтобъ его сильно вывели изъ себя, прежде чѣмъ онъ отважится на какіе-нибудь воинственные подвиги, не считая, конечно, боевыхъ дѣйствій, направленныхъ противъ призрѣваемыхъ или другихъ лицъ, вышколенныхъ подобнымъ же манеромъ.

— Ты дуракъ! осадила его м-съ Бомбль. Лучше ужъ держи языкъ за зубами.

— Еще лучше было бы, еслибъ онъ его себѣ отрѣзалъ, прежде чѣмъ явиться сюда, такъ какъ онъ не умѣетъ говорить тихо, сердито замѣтилъ Монксъ. Значитъ, это вашъ мужъ?

— Мой мужъ! презрительно воскликнула м-съ Бомбль, уклоняясь отъ прямого отвѣта.

— Я сразу, какъ только вы вошли, подумалъ, что онъ вашъ мужъ, продолжалъ Монксъ, подмѣтивъ сердитый взглядъ, которымъ его собесѣдница наградила своего супруга. Пожалуй, оно и лучше! Я скорѣе рѣшусь вступить въ сдѣлку съ двумя лицами, зная, что ихъ связываетъ одна воля. Однако, намъ времени терять нечего. Глядите сюда!

Онъ вытащилъ изъ бокового кармана кошелекъ, положилъ на столъ 25 совереновъ, и придвинулъ ихъ къ м-съ Бомбль.

— Берите, сказалъ онъ,—и разскажите все, что знаете, когда смолкнетъ этотъ проклятый громовой раскатъ, который будто хочетъ сейчасъ обрушиться на крышу дома.

Громъ ударилъ очень близко, почти надъ самыми ихъ головами. Когда послѣдніе его раскаты стихли, Монксъ поднялъ голову и наклонился къ м-съ Бомбль, собираясь слушать, что

она скажетъ. Лица всѣхъ троихъ теперь почти касались другъ друга, такъ какъ мужчины наклонились надъ маленькимъ столикомъ, чтобъ не проронить ни слова, а разсказчица тоже придвинулась къ нимъ, чтобъ ее явственнѣе слышали. При блѣдномъ свѣтѣ фонаря, падавшемъ прямо на нихъ, лица казались еще болѣе блѣдными и испуганными: окружающій ихъ глубокій мракъ придавалъ имъ видъ какихъ-то призраковъ.

— Когда умирала эта женщина, которую мы звали старой Салли, я одна находилась при ней, начала почтенная дама.

— Кромѣ васъ, больше никого не было? переспросилъ Монксъ такимъ же глухимъ шепотомъ. Не было-ли на одной изъ сосѣднихъ кроватей другой какой-нибудь больной или выжившей изъ ума хрычовки, которая могла услышать ее и, какъ на грѣхъ, понять?

— Ни души не было, кромѣ меня, былъ отвѣтъ. Я была съ нею наединѣ, когда насталъ ея смертный часъ.

— Хорошо, продолжайте, проговорилъ Монксъ, пристально смотря на нее.

— Она разсказывала о молодой женщинѣ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ произвела на свѣтъ ребенка, не только въ той же самой комнатѣ, но и на той же постели, гдѣ она теперь умирала.

— А, проклятіе! Какъ странно складываются вещи! воскликнулъ Монксъ. Его губы дрогнули, взглядъ устремился куда-то вдаль.

— Ребенокъ былъ тотъ самый, о которомъ вы говорили вчера съ нимъ, продолжала м-съ Бомбль, пренебрежительно кивнувъ на мужа. Сидѣлка обокрала его мать.

— При жизни ея? спросилъ Монксъ.

— Нѣтъ, послѣ смерти, отвѣчала м-съ Бомбль и при этомъ какъ будто вздрогнула. Она обокрала еще неостывшій трупъ; украла то, что умирающая передъ тѣмъ, какъ испустить духъ, просила ее сохранить для своего дитяти.

— Она это продала? нетерпѣливо перебилъ ее Монксъ. Въ тонѣ его слышалось отчаяніе.—Говорите, продала? Кому, когда, гдѣ? За сколько времени до своей смерти?

— Съ трудомъ разсказавъ мнѣ о совершенной ею кражѣ, старуха упала навзничь и умерла.

— И ни слова больше не сказала? произнесъ Монксъ сдавленнымъ голосомъ, въ которомъ, тѣмъ не менѣе, слышалось страшное бѣшенство.—Ложь! Я не позволю съ собой шутить! Она непремѣнно еще что-нибудь сказала! Я задушу васъ обоихъ, но узнаю, что она сказала!

— Она не произнесла ни слова болѣе, повторила м-съ Бомбль, повидимому, ни мало не смущаясь неистовыми порывами этого страшнаго человѣка (о м-рѣ Бомбль никакъ нельзя было сказать того же).—Она только судорожно вцѣпилась въ мое платье. Когда я увидѣла, что она мертва, и стала высвобож-

даться изъ ея сжатыхъ пальцевъ, оказалось, что у нея въ рукѣ былъ зажатъ грязный клочекъ бумаги!

— Въ которой было... подсказывалъ Монксъ, еще больше подаваясь впередъ.

— Въ ней ничего не было, то была просто залоговая квитанція.

— А что по ней было заложено? освѣдомился Монксъ.

— Объ этомъ я скажу вамъ въ скоромъ времени, отвѣтила м-съ Бомбль.—Надо полагать, старуха держала вещь нѣкоторое время у себя, въ надеждѣ съ выгодой сбыть ее, а послѣ заложила; потомъ она изъ года въ годъ, всѣми правдами и неправдами, собирала деньги на уплату процентовъ, чтобы вещь не пропала, и при случаѣ можно было ее выкупить. Случая, однако, не представилось, и, какъ я уже говорила, она умерла, зажавъ въ рукѣ этотъ истрепанный, запачканный лоскутокъ бумаги. Срокъ заклада истекалъ черезъ два дня. Думая, что эта вещь можетъ со временемъ пригодиться, я ее выкупила.

— Гдѣ же теперь эта вещь? поспѣшно спросилъ Монксъ.

— Вотъ, отвѣтила м-съ Бомбль. И точно радуясь, что можетъ, наконецъ, отдѣлаться отъ этого предмета, поспѣшно выкинула на столъ маленькій сафьяновый футляръ, въ которомъ едва могли бы помѣститься дамскіе карманные часы. Монксъ кинулся къ футляру и дрожащими руками раскрылъ его. Въ немъ лежалъ небольшой золотой медальонъ съ двумя локонами волосъ и гладкое золотое обручальное кольцо.

— Внутри кольца вырѣзано „Агнеса,“ затѣмъ оставлено мѣсто для фамиліи, а дальше выставленъ годъ и число. По справкамъ оказалось, что мальчикъ родился годъ спустя послѣ этого числа добавила м-съ Бомбль.

— И тутъ все? спросилъ Монксъ послѣ долгаго и внимательнаго осмотра содержимаго сафьяноваго футляра.

— Все, отвѣтила м-съ Бомбль.

Ея супругъ вздохнулъ съ облегченіемъ, видимо обрадовавшись, что разсказъ законченъ, и не было рѣчи о возвращеніи двадцати пяти фунтовъ обратно. Онъ до такой степени воспрянулъ духомъ, что даже осмѣлился теперь утереть потъ, который во все время разговора капалъ съ его носа.

— Я ничего больше не знаю объ этой исторіи,—послѣ краткаго молчанія начала м-съ Бомбль, обращаясь къ Монксу.— Я могу только строить догадки и не хочу больше ничего знать, это безопаснѣе. Но не позволите ли мнѣ предложить два вопроса?

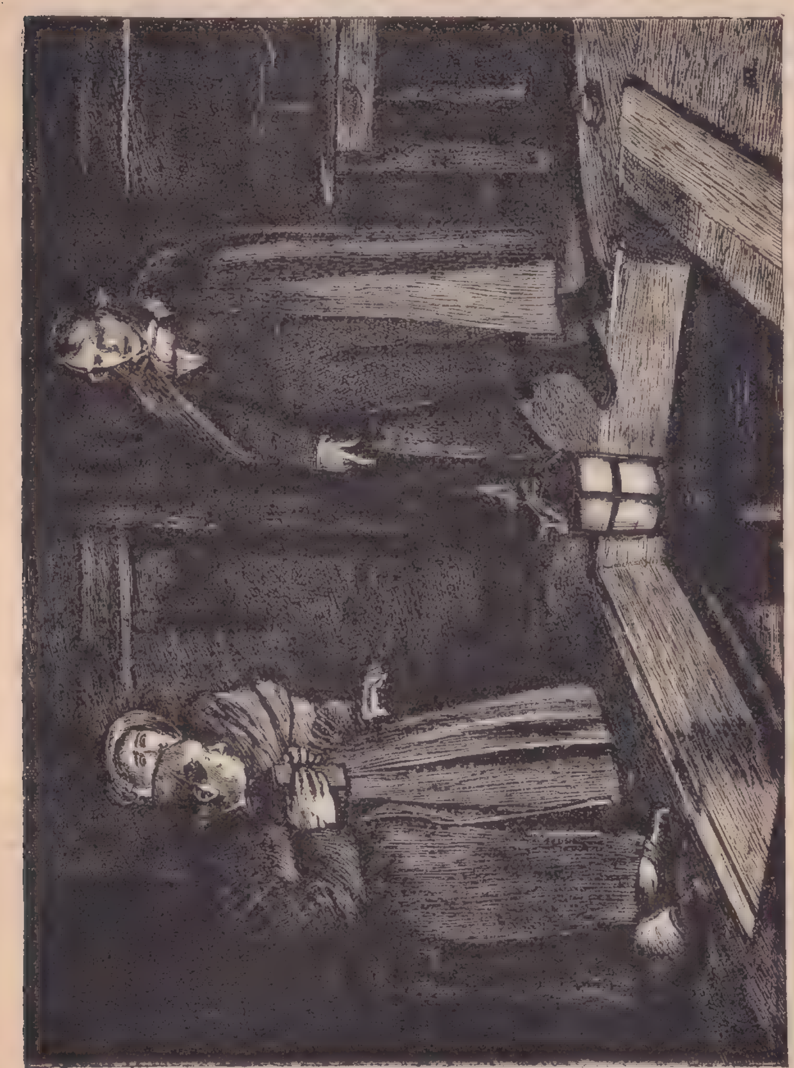
— Спрашивать вы можете,—сказалъ Монксъ, нѣсколько удивленный,—но отвѣчу ли я—это вопросъ другой.

— То есть, ужъ третій, попробовалъ замѣтить въ шутку м-ръ Бомбль.

— Во первыхъ: это ли вы думали узнать отъ меня? обратилась къ Монксу м-съ Бомбль.

— Да, это самое! вопросъ второй?

— Какъ вы предполагаете распорядиться тѣмъ, что узнали? Можетъ ли это послужить противъ меня?

Монксъ открылъ широкій люкъ у самыхъ ногъ м-ра Бомбля.

— Ни въ какомъ случаѣ ни противъ васъ, ни противъ меня. Взгляните! Только если вамъ жизнь дорога, не двигайтесь съ мѣста.

Съ этими словами Монксъ вдругъ отодвинулъ столъ въ сторону и, потянувъ за желѣзное кольцо, вдѣланное въ одну изъ досокъ пола, открылъ широкій люкъ у самыхъ ногъ м-ра Бомбля, что заставило послѣдняго съ удивительной быстротой отскочить назадъ.

— Взгляните туда, повторилъ Монксъ, спуская фонарь въ открывшуюся внизу пропасть.—Бояться вамъ нечего: вы сидѣли какъ разъ надъ этимъ мѣстомъ,—я давно бы могъ преспокойно отправить васъ туда,—еслибъ это входило въ мои намѣренія.

Успокоенная такими словами, м-съ Бомбль подошла къ краю люка, и самъ м-ръ Бомбль, подстрекаемый любопытствомъ, возымѣлъ смѣлость послѣдовать ея примѣру. Подъ ихъ ногами бурлила рѣка, вздувшаяся отъ проливного дождя, всѣ другіе звуки терялись въ шумѣ водоворота, который крутился и билъ о позеленѣвшія, покрытыя тиной бревна. Здѣсь была когда-то водяная мельница. Потокъ, пѣнясь и клубясь вокругъ полусгнившихъ свай и остатковъ мельничныхъ колесъ, съ страшной силой несся впередъ, преодолѣвая преграды, тщетно пытавшіяся задержать его бѣшеное стремленіе.

— Если сбросить сюда человѣка... какъ вы полагаете, гдѣ онъ будетъ завтра? проговорилъ Монксъ, двигая фонарь взадъ и впередъ въ этомъ темномъ колодцѣ.

— Миль за двѣнадцать отсюда и растерзанный въ мелкіе кусочки, отвѣтилъ м-ръ Бомбль, вздрогнувъ при одной мысли о такомъ ужасѣ.

Монксъ досталъ маленькій сафьяновый футляръ изъ бокового кармана сюртука, куда онъ его раньше сунулъ, привязалъ къ валявшейся на полу свинцовой гирькѣ, сорванной, вѣроятно, съ какого-нибудь блока, и бросилъ его въ воду. Раздался едва слышный всплескъ воды, и все исчезло.

Всѣ трое переглянулись и, повидимому, вздохнули свободнѣе.

— Туда и дорога! проговорилъ Монксъ, закрывая люкъ, который захлопнулся со страшнымъ шумомъ. Если море возвращаетъ своихъ мертвецовъ, какъ пишутъ въ книгахъ, то золото и серебро, по крайней мѣрѣ, оно оставляетъ у себя; значитъ, и эта дрянь останется тамъ. Больше намъ, кажется, нечего сказать другъ другу, и мы можемъ закончить нашу пріятную бесѣду.

— Конечно, съ величайшей поспѣшностью отозвался м-ръ Бомбль.

— Вы, полагаю, сумѣете держать языкъ за зубами? обратился къ нему Монксъ съ угрозой во взглядѣ.—За жену вашу я не боюсь.

— Можете положиться на меня, молодой человѣкъ, отвѣчалъ м-ръ Бомбль, устремляясь къ лѣстницѣ и отвѣшивая необычайно вѣжливые поклоны. Этого требуютъ нашъ общій интересъ и мой собственный, м-ръ Монксъ.

— Очень радъ слышать это отъ васъ, замѣтилъ Монксъ. Засвѣтите свой фонарь и проваливайте отсюда поскорѣе.

Хорошо еще, что разговоръ на этомъ покончился, иначе м-ръ Бомбль, продолжая раскланиваться, непремѣнно полетѣлъ бы кувыркомъ внизъ, потому что находился на разстояніи всего какихъ-нибудь двухъ вершковъ отъ лѣстницы. Онъ зажегъ свой фонарь отъ фонаря Монкса, который тотъ отвязалъ отъ веревки и держалъ въ рукахъ, потомъ молча спустился внизъ, не сдѣлавъ даже попытки продолжать разговоръ. За нимъ послѣдовала его дражайшая супруга. Монксъ вышелъ за ними, предварительно постоявъ на лѣстницѣ и удостовѣрившись, что не слышно болѣе никакихъ другихъ звуковъ, кромѣ шума дождя и плеска волнъ. По комнатѣ нижняго этажа они прошли медленно и съ большими предосторожностями, такъ какъ Монксъ при каждой тѣни замиралъ на мѣстѣ, а м-ръ Бомбль, неся фонарь на разстояніи одного фута отъ земли, подвигался впередъ поступью весьма осторожной и замѣчательно легкой для человѣка его тѣлосложенія.

Онъ бросалъ безпокойные взоры по сторонамъ, боясь натолкнуться еще на какую-нибудь потайную дверь. Монксъ тихонько отперъ и распахнулъ входную дверь, простившись легкимъ поклономъ со своими собесѣдниками. Супруги пустились по грязи и лужамъ въ обратный путь.

Лишь только они скрылись изъ виду, Монксъ, чувствовавшій, повидимому, непобѣдимое отвращеніе къ одиночеству, позвалъ своего слугу, запрятавшагося въ одной изъ комнатъ нижняго этажа. Приказавъ ему идти впередъ съ фонаремъ, онъ вернулся въ то помѣщеніе, откуда только что удалились его гости.

ГЛАВА XXXIX.

Читатель возобновляетъ знакомство съ нѣкоторыми, уже извѣстными ему, почтенными особами и узнаетъ о томъ, какъ совѣщался съ евреемъ Монксъ.

На слѣдующій день послѣ того, какъ три достойныхъ особы покончили дѣльце, о которомъ было выше упомянуто, м-ръ Вильямъ Сайксъ пробудился послѣ легкаго послѣобѣденнаго сна и хриплымъ голосомъ освѣдомился, который часъ.

Комната, гдѣ находился теперь м-ръ Сайксъ, была уже не та, въ которой онъ обиталъ до экспедиціи въ Чертсей, хотя она была въ той же части города и даже очень недалеко отъ

его прежняго жилища. Судя по виду, она далеко уступала его старой квартирѣ. Это была тѣсная жалкая мансарда почти безъ всякой мебели, съ однимъ маленькимъ окошкомъ, продѣланнымъ въ скатѣ крыши и выходившимъ на узкій, грязный переулокъ. По всему видно было, что дѣла почтеннаго джентльмена съ нѣкоторыхъ поръ шли подъ гору: чрезвычайная скудость меблировки, полное отсутствіе всякихъ жизненныхъ удобствъ, исчезновеніе разной мелкой движимости, какъ напримѣръ, платья и бѣлья, свидѣтельствовали о крайней нищетѣ. Наконецъ, самъ исхудалый и изнуренный м-ръ Сайксъ представлялъ наглядное подтвержденіе этихъ признаковъ. Разбойникъ лежалъ на кровати, закутавшись вмѣсто халата въ свой бѣлый балахонъ. Мертвенная блѣдность—послѣдствіе болѣзни, покрывала его лицо, засаленный ночной колпакъ и жесткая черная борода, къ которой давно уже не прикасалась бритва, нимало не способствовали къ украшенію его наружности.

Собака, сидѣвшая у кровати, то устремляла внимательный взглядъ на своего хозяина, то навостряла уши и, при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ или въ нижнемъ этажѣ, тихо рычала. У окна сидѣла женщина, занятая починкой стараго жилета, составлявшаго одну изъ принадлежностей обычнаго костюма м-ра Сайкса. Эта женщина была такъ худа и блѣдна отъ продолжительнаго голоданія и безсонныхъ ночей, что въ ней едва можно было узнать знакомую намъ Нанси, да и то лишь по голосу, когда она отвѣтила на вопросъ Сайкса.

— Только что пробило семь. Какъ ты себя чувствуешь сегодня, Биль?

— Руки и ноги какъ плетки, отвѣтилъ Сайксъ и тутъ же отпустилъ по ихъ адресу страшное ругательство. Но все же сегодня я хочу подняться съ этой проклятой постели, подай-ка мнѣ руку.

Болѣзнь ничуть не улучшила характера м-ра Сайкса: въ то время, какъ дѣвушка помогала ему встать и вела его къ стулу, онъ осыпалъ ее бранью за ея неловкость.

— Ты, кажется, собираешься распустить нюни? воскликнулъ онъ. Сейчасъ же перестань хныкать! Если ничего лучше не выдумаешь, то убирайся къ чорту. Слышишь!

— Слышу! отвѣчала дѣвушка, отворачиваясь и дѣлая видъ, будто смѣется. Что за дичь ты забралъ себѣ сегодня въ голову.

— А, раздумала? буркнулъ Сайксъ, увидя слезу, дрожавшую на ея рѣсницахъ. Ну, счастье для тебя, что ты взялась за умъ.

— Неужели ты хочешь сказать, Биль, что и сегодня у тебя поднялась бы рука меня прибить! сказала дѣвушка, положивъ руку ему на плечо.

— А хоть бы и такъ! воскликнулъ Сайксъ.

— Столько ночей я провела безъ сна надъ тобой,—проговорила дѣвушка, и что-то мягкое прозвучало въ тонѣ, придавшее даже этому грубому голосу женственную нѣжность,—столько ночей я ходила за тобой, какъ за ребенкомъ, и вотъ нынче первый разъ я увидѣла тебя на ногахъ... Ты не поступилъ бы со мной такъ, какъ сейчасъ, если бы хоть сколько нибудь подумалъ? Скажи, вѣдь ты сдѣлалъ это не нарочно?

— Ну, ладно, ладно, задѣлъ нечаянно! отвѣтилъ Сайксъ. Чортъ побери, она опять разрюмилась!

— Ничего, пустяки, не смотри на меня, это скоро пройдетъ, сказала она, бросаясь на стулъ.

— Что пройдетъ? Какая еще дурь взбрела тебѣ въ башку? сердито крикнулъ Сайксъ. Вставай, принимайся за дѣло и не приставай ко мнѣ со своими бабьими глупостями.

Въ другое время эти слова и тонъ, какимъ они были сказаны, произвели бы надлежащее дѣйствіе, но теперь молодая дѣвушка была слишкомъ слаба и измучена: голова ея запрокинулась на спинку стула, и она лишилась чувствъ, прежде чѣмъ Сайксъ подыскалъ тѣ ругательства, какими онъ въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе подкрѣплять свои угрозы. Сайксъ растерялся, не зная, что дѣлать при такомъ неожиданномъ и необыкновенномъ казусѣ, такъ какъ обычные истерическіе припадки Нанси отличались бурнымъ характеромъ, и послѣ криковъ и конвульсій она безъ посторонней помощи приходила въ себя.

Попробовалъ было онъ пустить въ ходъ еще нѣсколько ругательствъ, но видя, что эта система леченья остается безъ результата, сталъ звать на помощь.

— Что тутъ случилось, милый другъ? спросилъ Феджинъ, показываясь въ дверяхъ.

— Помоги ей, нетерпѣливо отвѣчалъ Сайксъ,—нечего тутъ бобы разводить, да пялить глаза на меня.

Съ изумленнымъ возгласомъ Феджинъ подскочилъ къ дѣвушкѣ, а Ловкій Пройдоха, который вошелъ вслѣдъ за своимъ достойнымъ наставникомъ, положилъ на полъ бывшій у него большой узелъ, вырвалъ бутылку изъ рукъ шедшаго позади его Чарли Бэтса, въ мгновеніе ока откупорилъ ее зубами и далъ отхлебнуть Нанси большой глотокъ содержавшагося тамъ крѣпкаго напитка, предварительно отвѣдавъ его самъ, чтобъ удостовѣриться въ его цѣлебныхъ качествахъ.

— Чарли, подуй-ка на нее свѣжимъ воздухомъ изъ мѣховъ! командовалъ Даукинсъ. Ты, Феджинъ, растирай ея руки, а ты Биль развяжи ей поясъ.

Всѣ эти соединенныя манипуляціи, примѣненныя съ большой энергіей, особенно со стороны м-ра Бэтса, взглянувшаго, повидимому, на порученную ему операцію, какъ на оригинальную забаву, не замедлили произвести желанное дѣйствіе. Дѣвушка понемногу пришла въ чувство, невѣрными шагами

перешла къ стоявшему у постели стулу и зарылась лицомъ въ подушки, предоставивъ мистеру Сайксу бесѣдовать съ посѣтителями, нагрянувшими такъ неожиданно.

— Отъ какой это напасти занесло васъ сюда? проворчалъ онъ Феджину.

— Вотъ и неправда, миленькій! Я принесъ тебѣ много хорошаго, что навѣрно доставитъ тебѣ удовольствіе. Развяжи узелъ, дружокъ Даукинсъ, и отдай Билю тѣ штучки, на которыя мы нынче потратили всѣ наши денежки.

Ловкій Пройдоха тотчасъ же исполнилъ это приказаніе и сталъ доставать изъ завязаннаго въ старую скатерть узла одинъ за другимъ заключавшіеся тамъ предметы. Чарли Бэтсъ принималъ ихъ отъ него и выкладывалъ на столъ, краснорѣчиво выхваляя ихъ рѣдкія достоинства.

— Чудный пирогъ съ кроликами, Биль, восклицалъ онъ, показывая на громадный паштетъ. Такая деликатная и нѣжная дичь, что даже кости таютъ во рту, такъ съ ними и проглатывай. Полфунта китайской травки въ семь съ половиной шиллинговъ, такой доброты, что когда вы его заварите кипяткомъ, крышка чайника, того и гляди, слетитъ. Полтора фунта сахару, самаго лучшаго сахару, какой только сбирался съ негритянскихъ плантацій. Два большихъ хлѣба, фунтъ свѣжѣйшаго масла, кругъ самаго лучшаго глостерскаго сыра и въ довершеніе всего такая прелесть, какой ты еще никогда не пробовалъ!

Съ послѣдними словами онъ вытащилъ изъ нѣдръ своихъ глубочайшихъ, неизмѣримыхъ кармановъ тщательно закупоренную, весьма объемистую бутылку вина. Въ ту же минуту м-ръ Даукинсъ налилъ Сайксу полную рюмку водки изъ бывшей у него бутылки; больной опорожнилъ ее единымъ духомъ.

— А, ты поправляешься, Биль, ты поправляешься! замѣтилъ еврей, весело потирая себѣ руки.

— Поправляюсь! Да я двадцать разъ успѣлъ бы отправиться на тотъ свѣтъ, прежде чѣмъ ты собрался помочь мнѣ! воскликнулъ Сайксъ. Чего ты добивался, негодный лицемѣръ, оставляя человѣка болѣе трехъ недѣль въ такомъ безпомощномъ положеніи?

— Вы только послушайте, миленькіе, что онъ говоритъ! И еще тогда, когда мы принесли ему столько превосходныхъ вещей,—обратился къ своимъ спутникамъ еврей, пожимая плечами.

— То, что вы сегодня принесли, хорошо, нѣтъ спору, замѣтилъ Сайксъ, замѣтно смягчаясь при взглядѣ на столъ. Но можешь ли ты сказать что-нибудь въ свое оправданіе насчетъ того, что оставилъ меня лежать больного, безъ денегъ и ни разу за все это время не пришелъ меня провѣдать, словно я собака! Прогони-ка Волчка отъ стола, Чарли!

— Никогда не видывалъ такой сметливой собаки! вскри-

чалъ Чарли, исполнивъ его порученіе. Понимаетъ толкъ въ провизіи, не хуже любой старухи, которая всю жизнь шляется на рынокъ. Еслибъ эту собаку показывать на сценѣ, она пріобрѣла бы громкую извѣстность и оживила театральныя представленія.

— Замолчи, проклятая! прикрикнулъ Сайксъ на забившуюся подъ кровать злобно рычавшую собаку.—Что-жъ ты скажешь въ свою защиту, старый чортъ?

— Я болѣе недѣли пробылъ въ отлучкѣ по одному дѣлу, отвѣтилъ еврей.

— А остальныя двѣ недѣли? продолжалъ допрашивать Сайксъ. Почему другія двѣ недѣли ты оставлялъ меня валяться здѣсь, точно дохлую крысу въ норѣ?

— Нельзя было, Биль; при постороннихъ свидѣтеляхъ не могу объяснить тебѣ все подробно, но клянусь честью, нельзя было!

— Чѣмъ клянешься? съ величайшимъ отвращеніемъ спросилъ Сайксъ. Эй, отрѣжьте мнѣ кусокъ пирога, чтобы поскорѣе заѣсть это слово, а то у меня отъ него скверная отрыжка!

— Не сердись, не выходи изъ себя, миленькій,—умасливалъ его Феджинъ,—я никогда не забывалъ тебя, Биль, право никогда!

— О, я знаю, что ты не забывалъ, съ горькой усмѣшкой отвѣчалъ Сайксъ. Все время, какъ я здѣсь трясся и горѣлъ въ лихорадкѣ, ты строилъ козни и обдумывалъ свои планы: „Биль мнѣ обдѣлаетъ то и это, и очень дешево, когда выздоровѣетъ, съ голодухи станетъ пожалуй и даромъ на насъ работать! Я околѣлъ бы здѣсь, какъ собака, не будь этой дѣвки.

— Вотъ видишь, Биль, ты говоришь: Не будь этой дѣвки! схватился еврей за его послѣднія слова.—А кто же, какъ не старый Феджинъ раздобылъ ее тебѣ? а?

— Онъ вѣрно говоритъ! замѣтила подошедшая къ нимъ Нанси. Оставь его: довольно, довольно!

Вмѣшательство Нанси дало другое направленіе разговору. Молодые люди, которымъ старый плутъ выразительно подмигнулъ, принялись подчивать ее водкой; она выпила, однако, очень немного. Между тѣмъ Феджинъ, напустивъ на себя необыкновенную веселость, постепенно успѣлъ привести Сайксавъ лучшее расположеніе духа, притворяясь, что принимаетъего проклятья за безобидныя пріятельскія шутки, и встрѣчая самымъ искреннимъ смѣхомъ грубыя остроты, которыя началъ отпускать Сайксъ послѣ новыхъ прикладываній къ бутылкѣ съ водкой.

— Однако, соловья баснями не кормятъ, я сегодня хочу сорвать съ тебя денегъ, сказалъ Сайксъ.

— Со мной нѣтъ ни монетки, отвѣтилъ еврей.

— Но у тебя дома цѣлыя груды, ты можешь добыть мнѣ оттуда.

— Цѣлыя груды! воскликнулъ еврей, воздымая руки къ небу. Да у меня нѣтъ и...

— Не знаю, сколько ихъ у тебя, всего, вѣроятно, ты и самъ не знаешь, потому что сосчитать ихъ понадобилось бы очень много времени. Какъ бы то ни было, небольшой кушъ подавай мнѣ сегодня же, это рѣшено.

— Ну, хорошо, я сейчасъ пошлю Пройдоху, отвѣтилъ еврей, вздыхая.

— Какъ бы не такъ! возразилъ Сайксъ. Пройдоха ужъ больно ловокъ. Пожалуй, онъ забудетъ придти, или заблудится, или за нимъ погонится полисменъ, словомъ, отыщетъ какія нибудь извинительныя причины, которыя помѣшаютъ ему явиться, если ты его пошлешь. Чтобъ дѣло было повѣрнѣе, Нанси пойдетъ за ними въ твое логовище, а я прилягу малость соснуть, пока она ходитъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ жидъ согласился вмѣсто пяти фунтовъ, которые требовалъ Сайксъ, дать ему 3 фунта 4 шиллинга 6 пенсовъ, клянясь на чемъ свѣтъ стоитъ, что ему самому послѣ этого останется только 18 пенсовъ на всѣ хозяйственные расходы.

Сайксъ съ самымъ мрачнымъ видомъ согласился удовольствоваться этой суммой, если ужъ больше никакъ нельзя изъ него выжать. Пока Нанси одѣвалась, Даукинсъ и м-ръ Бэтсъ убрали съѣстное въ шкафъ, затѣмъ еврей, распростившись со своимъ добрымъ другомъ, въ сопровожденіи Нанси и мальчиковъ, отправился домой, а м-ръ Сайксъ растянулся на кровати съ намѣреніемъ всхрапнуть часокъ до возвращенія молодой дѣвушки.

Въ квартирѣ еврея они нашли Тоби Крекита и м-ра Читлинга, доигрывавшихъ пятнадцатую партію въ криббеджъ. Надо-ли прибавлять, что послѣдній проигралъ и эту партію, какъ и всѣ предыдущія, а съ нею вмѣстѣ и свой послѣдній шестипенсовикъ, къ немалому удовольствію его молодыхъ друзей. М-ръ Крекитъ, какъ видно, сильно сконфузился, что его застали за игрой съ человѣкомъ, который стоялъ неизмѣримо ниже его по общественному положенію и по уму. Онъ притворно зѣвнулъ и, освѣдомившись о здоровьѣ Сайкса, взялся за шляпу.

— Никто безъ меня не былъ, Тоби? спросилъ его Феджинъ.

— Ни души, отвѣтилъ Тоби Крекитъ, поднимая кверху воротникъ своего пальто. Скука была смертная. Съ тебя, Феджинъ, мнѣ слѣдуетъ что-нибудь въ награду за то, что я такъ долго караулилъ твой домъ. Чортъ побери, я одурѣлъ, не хуже присяжнаго на судѣ, и заснулъ бы непробуднымъ сномъ, еслибъ по добротѣ души не согласился сдѣлать удовольствіе этому юнцу. Чертовская скука была, ей Богу!

Продолжая такъ ворчать, м-ръ Крекитъ сгребъ со стола свой выигрышъ и съ самымъ пренебрежительнымъ видомъ су-

нулъ его въ жилетный карманъ, давая понять, что какія-то ничтожныя серебряныя деньги не заслуживаютъ вниманія такого человѣка, какъ онъ.

Послѣ этого онъ съ такимъ изяществомъ и благородствомъ вышелъ изъ комнаты, что м-ръ Читлингъ, не отрывавшій восторженныхъ взоровъ отъ его панталонъ и сапогъ, пока они не скрылись за дверью, объявилъ во всеуслышаніе, что за знакомство съ такимъ человѣкомъ не жаль заплатить и подороже, чѣмъ пятнадцать шестипенсовиковъ, и онъ нисколько не сокрушается о своемъ проигрышѣ.

— Ну, и дуракъ же ты, Томъ! воскликнулъ м-ръ Бэтсъ, расхохотавшись при этомъ заявленіи.

— И совсѣмъ не правда! возразилъ м-ръ Читлингъ. Не такъ ли, Феджинъ, вѣдь я не дуракъ?

— Напротивъ, ты чрезвычайно уменъ, миленькій, отвѣчалъ Феджинъ, хлопая его по плечу и подмигивая остальной молодежи.

— Вѣдь м-ръ Крекитъ въ полномъ смыслѣ слова хватъ, не такъ ли, Феджинъ?

— Ну, еще бы, миленькій.

— И знакомство съ нимъ большая честь, не такъ ли, Феджинъ?

— Само собою разумѣется, миленькій. Они смѣются надъ тобой изъ зависти, потому что съ ними онъ не хочетъ водить компаніи.

— А, такъ вотъ что! съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ Томъ. Пусть онъ очистилъ мнѣ карманы, но вѣдь я могу, когда захочу, отправиться на добычу и запастись деньгами, не такъ ли, Феджинъ?

— Разумѣется, милый Томъ, и чѣмъ скорѣе ты отправишься, тѣмъ лучше. Наверстай теперь же свой проигрышъ, не теряй даромъ времени. Вамъ тоже пора на работу, Пройдоха и Чарли, скоро уже десять часовъ, а вы еще ничего сегодня не сдѣлали.

Юные джентльмены повиновались этому распоряженію и, распрощавшись съ Нанси, вышли изъ комнаты, прихвативъ свои шляпы. По дорогѣ Пройдоха и его веселый другъ не переставали острить насчетъ мистера Читлинга, въ поведеніи котораго, говоря по совѣсти, не было ничего страннаго или удивительнаго. На свѣтѣ есть не мало неглупыхъ молодыхъ людей, которые платятъ несравненно дороже, чѣмъ м-ръ Читлингъ, за удовольствіе бывать въ хорошемъ обществѣ; и среди благовоспитанныхъ джентльменовъ, составляющихъ это „хорошее общество“ найдется не мало такихъ, слава которыхъ основана на томъ же, на чемъ и щеголя Тоби Крекита.

— Теперь я выдамъ тебѣ деньги, Нанси, сказалъ еврей, какъ только молодые люди удалились.—Этотъ ключъ, миленькая, отъ шкафа, куда я прячу всякій хламъ, который приносятъ мнѣ мальчики. Денегъ я не запираю, потому что у

меня нечего запирать, миленькая, хе-хе-хе! совсѣмъ-таки нечего. Плохи мои дѣла, Нанси, а благодарности ни откуда; но я люблю видѣть вокругъ себя молодежь и все сношу, все терплю. Тс! Кто-то идетъ! Слышишь? забормоталъ онъ, быстро пряча ключъ у себя на груди. Дѣвушка, скрестивъ на груди руки, сидѣла совершенно безучастно у стола, повидимому, нисколько не интересуясь узнать, кто явился. Но какъ только до ея слуха долетѣлъ звукъ мужскаго голоса, она съ быстротою молніи скинула шляпу и шаль, и швырнула ихъ подъ столъ. Когда еврей къ ней обернулся, она пожаловалась на жару. Ея утомленный тонъ совсѣмъ не вязался съ ея быстрыми и энергичными дѣйствіями, однако, это осталось незамѣчено Феджиномъ, который стоялъ спиною къ ней.

Онъ прошепталъ, точно сердясь на неожиданную помѣху:

— Ахъ, это тотъ, кого я поджидалъ раньше! Онъ спускается съ лѣстницы. Пока онъ будетъ здѣсь, ни слова о деньгахъ, Нанси; онъ не долго пробудетъ, миленькая, какихъ-нибудь минутъ десять, не больше.

Приложивъ костлявый палецъ къ губамъ, еврей взялъ свѣчу и отправился встрѣчать гостя. У самыхъ дверей онъ столкнулся съ посѣтителемъ, который такъ быстро вошелъ въ комнату, что замѣтилъ Нанси только тогда, когда очутился возлѣ нея. Это былъ Монксъ.

— Одна изъ моихъ воспитанницъ,—объяснилъ еврей, замѣтивъ, что Монксъ при видѣ чужого лица отпрянулъ назадъ.— Сиди, Нанси.

Дѣвушка придвинулась ближе къ столу и, кинувъ на Монкса бѣглый равнодушный взглядъ, отвернулась въ сторону. Когда же онъ отошелъ къ Феджину, она украдкой бросила на него другой взглядъ—испытующій, пронизывающій, многозначительный.

Еслибъ какой-нибудь посторонній наблюдатель подмѣтилъ эту перемѣну, онъ наврядъ бы повѣрилъ, что такъ различно можетъ смотрѣть одно и то же лицо.

— Что новенькаго? освѣдомился Феджинъ.

— Очень много.

— И хорошія новости? нерѣшительно, какъ бы боясь разсердить гостя докучными распросами, спросилъ Феджинъ.

— Да, недурныя, мнѣ это время была удача, отвѣчалъ Монксъ, улыбаясь. Мнѣ надо съ вами переговорить съ глазу на глазъ.

Дѣвушка еще ближе придвинулась къ столу вмѣсто того, чтобъ встать и уйти, хотя она отлично понимала, что Монксъ подразумѣвалъ ее. Вѣроятно, изъ опасенія, что она заговоритъ о деньгахъ, если ее пригласить уйти, еврей указалъ Монксу наверхъ и увелъ его изъ комнаты.

„Только не въ ту проклятую берлогу, гдѣ мы тогда были",— донесся до Нанси голосъ гостя, когда они подымались по лѣстницѣ. Феджинъ разсмѣялся, сказалъ что-то, чего она не разо-

брала, и они, повидимому, вошли въ комнату верхняго этажа, такъ какъ тамъ заскрипѣли половицы.

Какъ только они вышли, Нанси сбросила башмаки, накинула юбку себѣ на голову, вся въ нее закуталась и, пробравшись на порогъ комнаты, стала прислушиваться, затаивъ дыханіе. Когда шаги наверху затихли, она прокралась вонъ изъ комнаты, удивительно легкой и осторожной поступью поднялась по лѣстницѣ и исчезла въ темнотѣ.

Болѣе четверти часа комната оставалась пуста; наконецъ, Нанси вернулась той же неслышной поступью, едва касаясь пола, а вслѣдъ затѣмъ на лѣстницѣ послышались шаги мужчинъ. Монксъ прошелъ прямо на улицу, а еврей опять отправился наверхъ за деньгами. Когда онъ вернулся, Нанси уже надѣла шляпку и шаль, готовясь уйти. Поставивъ свѣчу на столъ, еврей съ изумленіемъ отступилъ назадъ:

— Что съ тобой, Нанси? Какъ ты блѣдна!

— Блѣдна? переспросила дѣвушка, заслоняя глаза рукой, какъ будто для того, чтобъ удобнѣе было взглянуть на него.

— Въ лицѣ у тебя ни кровинки! Что съ тобой?

— Ровно ничего, отвѣтила дѣвушка самымъ безпечнымъ тономъ. Можетъ быть, потому что просидѣла здѣсь въ духотѣ Богъ знаетъ сколько времени. Ну, отпусти же меня, наконецъ, мнѣ время дорого.

Охая надъ каждой монеткой, Феджинъ отсчиталъ ей обѣщанную сумму и уже не возвращался къ прежнему разговору.

Очутившись на улицѣ, Нанси опустилась на ступеньку подъѣзда и нѣсколько минутъ просидѣла совершенно разбитая, въ какомъ то оцѣпенѣніи, точно не въ состояніи была подняться. Потомъ сразу вскочила и пошла въ сторону, противоположную той, гдѣ ее ждалъ Сайксъ. Она постепенно ускоряла шаги и, наконецъ, стала бѣжать, пока не устала. Она остановилась отдохнуть и вдругъ какъ будто вспомнивъ что-то и почувствовавъ себя не въ силахъ исполнить задуманное, опустила голову, въ отчаяніи ломая руки, и залилась слезами. Быть можетъ, слезы ее облегчили, или она пришла къ сознанію безнадежности своего положенія, только она повернула назадъ и еще быстрѣе прежняго побѣжала въ обратномъ направленіи, чтобъ наверстать потерянное время и, отчасти, чтобъ заглушить быстрымъ бѣгомъ свое душевное безпокойство. Скоро она вернулась въ жилище разбойника.

Ея наружность, быть можетъ, и обличала волненіе въ то мгновеніе, когда она явилась передъ очи м-ра Сайкса, но онъ этого не замѣтилъ. Справившись, принесла ли она деньги и получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ издалъ довольное рычаніе и, склонивъ свою буйную голову на подушку, снова погрузился въ сладкій сонъ.

На счастье Нанси, полученныя деньги доставили Сайксу на слѣдующій день такъ много хлопотъ по части ѣды и питья,

и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ благотворно повліяли на его расположеніе, что онъ не имѣлъ ни досуга, ни желанія обратить вниманіе на поведеніе своей подруги. У нея былъ разсѣянный, сосредоточенный видъ человѣка, готовящагося къ какому-то смѣлому, рискованному шагу, на который онъ рѣшился послѣ нелегкой внутренной борьбы. Это не укрылось бы, конечно, отъ зоркихъ глазъ Феджина, будь онъ тутъ, и онъ вѣроятно не преминулъ бы поднять тревогу, но Сайксъ не могъ похвастаться тонкимъ чутьемъ, его не могли обезпокоить такія мелочи, и всякая тревога разрѣшалась у него лишь кулачной расправой; къ тому же онъ въ этотъ день былъ въ необычайно пріятномъ настроеніи, какъ уже было сказано выше. По всѣмъ этимъ причинамъ онъ не примѣтилъ перемѣны въ Нанси, и будь она еще замѣтнѣе, и тогда наврядъ бы вызвала его подозрѣнія, такъ мало онъ ею интересовался. Къ концу дня волненіе Нанси возросло. При наступленіи сумерекъ она, сидя возлѣ Сайкса, едва могла дождаться, когда же, наконецъ, онъ перестанетъ пить и уснетъ; ея лицо было такъ блѣдно, и глаза такъ горѣли, что даже Сайксъ обратилъ на это вниманіе.

Будучи еще слабъ послѣ горячки, Сайксъ лежалъ въ постели, потягивая горячій пуншъ. Протянувъ третій или четвертый разъ свой стаканъ Нанси, чтобъ она его снова наполнила, онъ замѣтилъ ея необыкновенную блѣдность.

— Ахъ, прахъ меня побери! вскричалъ онъ, подымаясь на локтѣ и заглядывая ей въ лицо.—У тебя такой видъ, точно ты изъ гроба встала. Что съ тобой?

— Ничего. Отчего это ты такъ на меня уставился?

— Опять какая нибудь дурь? схвативъ ея руку и тряся изо всѣхъ силъ, допытывался Сайксъ.—Что это значитъ? Говори, о чемъ думаешь?

— О многомъ, Биль! сказала дѣвушка, вздрагивая и проводя рукой по глазамъ. Но прочь всѣ эти мысли.

Ея притворная веселость, еще больше встревожила Сайкса, чѣмъ ея прежній неподвижный, дикій взоръ.

— Я тебѣ вотъ что скажу,—заговорилъ Сайксъ: если ты не схватила горячки и это у тебя не бредъ, значитъ, въ воздухѣ запахло чѣмъ-то новымъ и опаснымъ. Ужъ не вздумала ли ты... Нѣтъ, чортъ возьми, ты на это не способна!

— На что? спросила Нанси.

— Нѣтъ, нѣтъ, пристально всматриваясь ей въ лицо, бормоталъ про себя Сайксъ: нигдѣ не найти другой такой надежной дѣвки, не то я бы перерѣзалъ ей глотку еще три мѣсяца тому назадъ. Она просто схватила отъ меня горячку!

Успокоившись на этомъ, Сайксъ осушилъ до дна стаканъ и, крѣпко выругавшись нѣсколько разъ, потребовалъ свое лекарство. Нанси проворно вскочила и, повернувшись къ нему спиной, налила лекарство, затѣмъ поднесла рюмку къ его губамъ и напоила его какъ ребенка.

— Теперь сядь возлѣ меня и постарайся стать такой, какъ прежде, не то я такъ исковеркаю твою рожу, что ты послѣ и сама ее не узнаешь.

Нанси повиновалась. Зажавъ ея руку въ свою, Сайксъ опустился на подушку, по прежнему не спуская съ нея глазъ. Вѣки его то закрывались, то раскрывались, онъ нѣсколько разъ мѣнялъ положенiе и, продремавъ нѣсколько минутъ, съ ужасомъ вскакивалъ и растерянно оглядывался кругомъ. Наконецъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда онъ опять силился приподняться, его вдругъ охватилъ крѣпкiй безпробудный сонъ. Сомкнутые пальцы его разжались, рука безжизненно повисла вдоль туловища, онъ впалъ въ глубокое оцѣпенѣнiе.

— Наконецъ-таки опiумъ оказалъ свое дѣйствiе, прошептала дѣвушка, быстро вставая. Но теперь, пожалуй, я уже слишкомъ запоздала...

Она осторожно наклонилась къ спящему...

Она набросила на себя шляпу и шаль, то и дѣло боязливо озираясь, какъ будто не полагаясь на дѣйствiе соннаго питья и ожидая съ минуты на минуту, что тяжелая рука Сайкса опустится на ея плечо. Потомъ, она осторожно наклонилась къ спящему, поцѣловала его въ губы, тихонько растворила дверь, такъ же тихо затворила ее и быстро бросилась на улицу

Ночной сторожъ выкрикивалъ половину десятаго въ темномъ переулкѣ, по которому она проходила.

— Давно уже пробило половину? спросила у него дѣвушка.

— Черезъ четверть часа пробьетъ десять, отвѣтилъ сторожъ, поднося свой фонарь къ ея лицу.

— А мнѣ идти туда не меньше часу! пробормотала Нанси и, проскользнувъ мимо сторожа, быстро побѣжала дальше.

Въ узкихъ улицахъ и переулкахъ, по которымъ она направлялась къ Вестъ-Энду, многія лавки уже затворялись. Пробило десять, ея волненіе увеличилось. Она мчалась впередъ по узкимъ тротуарамъ, расталкивая прохожихъ, бросаясь чуть не подъ самыя ноги лошадямъ, перебираясь на другую сторону улицы въ такихъ многолюдныхъ мѣстахъ, гдѣ цѣлыя вереницы народу принуждены были ждать, когда можно будетъ пройти.

— Полоумная! говорили прохожіе ей вслѣдъ.

Когда она выбралась въ болѣе аристократическую часть города, гдѣ улицы были сравнительно пусты, ея стремительный бѣгъ возбуждалъ еще болѣе любопытства въ праздношатающихся, которыхъ она обгоняла. Находились такіе, что даже прибавляли шагу за нею, словно желая узнать, куда она спѣшитъ; другіе останавливались и смотрѣли ей вслѣдъ, удивляясь какъ она не устаетъ такъ бѣжать.—По понемножку всѣ отстали, и когда она достигла своей цѣли, то была совершенно одна.

Этой цѣлью былъ аристократическій домъ въ одной изъ тихихъ, красивыхъ улицъ по близости Гайдъ-Парка. При яркомъ свѣтѣ фонаря, горѣвшаго у подъѣзда, она удостовѣрилась, что пришла именно туда, куда нужно. Въ этотъ моментъ часы пробили одиннадцать.

У дома она замедлила шаги, какъ бы находясь въ нерѣшимости, идти ли дальше; но бой часовъ положилъ конецъ ея внутренней борьбѣ, и она храбро вошла въ двери. У входа швейцара не было. Она робко оглянулась и направилась къ лѣстницѣ.

— Погодите! Эй, кого вамъ надо? окликнула ее нарядно одѣтая женщина, выглянувшая изъ двери.

— Мнѣ надо видѣть лэди, которая находится въ этомъ домѣ, отвѣчала Нанси.

— Лэди! Какую лэди? переспросила служанка, окидывая ее подозрительнымъ взглядомъ.

— Миссъ Мейли, сказала Нанси.

Служанка, успѣвшая разглядѣть ея наружность, измѣрила ее взглядомъ добродѣтельнаго негодованія и кликнула лакея. Нанси повторила ему свою просьбу.

— Какъ о васъ доложить? спросилъ слуга.

— Мое имя называть безполезно.

— По какому дѣлу?

— Я передамъ его сама, мнѣ необходимо лично видѣть лэди, повторила Нанси.

— Ну, довольно. Полно молоть вздоръ и проваливай, откуда пришла, проговорилъ лакей, подталкивая ее къ выходу.

— Я не уйду отсюда, хоть насильно тащите меня, запальчиво отвѣтила Нанси.—А если на то пойдетъ, двухъ такихъ, какъ вы, будетъ мало, чтобы со мной справиться. Неужели здѣсь не найдется ни одной доброй души, которая бы согласилась оказать такую ничтожную услугу несчастной дѣвушкѣ? воскликнула она, оглядываясь кругомъ.

Этотъ отчаянный вопль тронулъ добродушнаго повара, который вмѣстѣ съ другими слугами созерцалъ эту сцену. Онъ рѣшился вмѣшаться.

— Доложи про нее, Джо. Развѣ тебѣ трудно? сказалъ онъ.

— Да что проку! Неужто ты думаешь, что молодая лэди захочетъ допустить до разговора съ собою такую, какъ эта?

Этотъ намекъ на двусмысленное положеніе Нанси возбудилъ добродѣтельное негодованіе четырехъ горничныхъ, которыя съ жаромъ заявили въ одинъ голосъ, что эта тварь позоритъ свой полъ, и настаивали на томъ, чтобъ ее безъ всякаго сожалѣнія бросить въ водосточную канаву.

— Поступайте со мной какъ хотите, проговорила Нанси, обращаясь къ мужчинамъ, только исполните то, что я прошу: именемъ Всемогущаго Бога умоляю васъ доложить обо мнѣ лэди!

Мягкосердый поваръ опять за нее вступился.

Кончилось тѣмъ, что слуга, явившійся первымъ, рѣшился исполнить ея просьбу.

— Какъ же о васъ доложить? Спросилъ онъ, уже занеся одну ногу на ступеньку лѣстницы.

— Скажите, что одна женщина усердно проситъ миссъ Мейли выслушать ее съ глазу на глазъ, и что съ первыхъ же словъ, которыя она скажетъ, миссъ Мейли узнаетъ, слушать ли ей до конца или же прогнать ее, какъ обманщицу.

— Однако, вы что-то много наговорили, замѣтилъ слуга.

— Передайте все именно такъ и принесите ея отвѣтъ, твердо проговорила Нанси.

Слуга отправился наверхъ, а Нанси блѣдная, дрожащая, тяжело дышавшая осталась внизу, слушая сыпавшіяся на нее градомъ оскорбительныя насмѣшки цѣломудренныхъ горничныхъ. Эти оскорбленія усились, когда вернувшійся лакей пригласилъ ее идти наверхъ.

— Гдѣ же послѣ этого справедливость на свѣтѣ! воскликнула старшая горничная.

— Мѣдь то выходитъ лучше закаленнаго въ огнѣ золота добавила вторая.

Третья выразила свое удивленіе по поводу того, „изъ какого тѣста созданы благородныя лэди“? Четвертая резюмировала общій приговоръ словами „чистый срамъ, да и только“! Всѣ цѣломудренныя дѣвы хоромъ повторили это восклицаніе.

Нанси не обращала на нихъ уже никакого вниманія, у нея на сердцѣ была другая, болѣе важная забота. Вся дрожа отъ волненія, она послѣдовала за лакеемъ въ маленькую гостиную, освѣщенную висячей лампой.

Здѣсь лакей оставилъ ее и удалился.

ГЛАВА XL.

Послѣдовавшее за этимъ странное свиданіе.

Вся жизнь Нанси протекла на улицахъ, среди самыхъ гнусныхъ лондонскихъ трущобъ, но въ ней всетаки сохранилось что-то присущее неиспорченной женской природѣ. Когда она услышала за дверью легкіе шаги, въ ней мелькнула мысль о томъ разительномъ контрастѣ, который въ слѣдующее мгновеніе предстанетъ во очію въ стѣнахъ этой комнаты. Подавленная сознаніемъ всей глубины своего позора, она отступила назадъ, какъ бы чувствуя себя не въ состояніи вынести присутствіе той, свиданія съ которой она такъ долго добивалась. Но эти лучшія чувства поборола гордость—порокъ одинаково свойственный и низко падшимъ, и тѣмъ, кто стоитъ на недосягаемой высотѣ. Жалкая подруга мошенниковъ и грабителей, презрѣнная обитательница отвратительныхъ вертеповъ, сообщница преступниковъ, обреченныхъ въ тюрьму и каторгу, сама живущая подъ сѣнью висѣлицы, даже она, эта отверженная, была горда; и гордость мѣшала ей выказать стыдливость, которую она считала слабостью, хотя это была послѣдняя черта, оставшаяся въ ней отъ человѣческаго облика, въ которомъ ужасная жизнь съ самаго ранняго дѣтства изгладила многія, многія черты.

Слегка приподнявъ глаза, и замѣтивъ, что передъ нею стояла стройная, прекрасная дѣвушка, она тотчасъ же снова опустила ихъ, тряхнула головой съ напускной беззаботностью и проговорила:

— Трудненько было добиться свиданія съ вами, лэди. Еслибъ я вздумала обидѣться и уйти, какъ сдѣлали бы многія на моемъ мѣстѣ, вы послѣ очень пожалѣли бы объ этомъ.

— Мнѣ очень жаль, если съ вами обошлись невѣжливо, сказала Роза. Забудьте объ этомъ и скажите лучше, что вамъ отъ меня надо. Я—та, которую вы желали видѣть.

Эти кроткія слова, нѣжный голосъ, ласковое обращеніе, полное отсутствіе высокомѣрія и неудовольствія явились неожиданностью для Нанси. Изумленная такимъ пріемомъ, она залилась слезами.

— О, лэди, лэди! еслибъ было на свѣтѣ побольше похожихъ на васъ, стало бы меньше такихъ, какъ я! воскликнула она, всплеснувъ руками.

— Пожалуйста, сядьте, съ участіемъ сказала Роза. Если вы находитесь въ нуждѣ или въ горѣ, я буду очень рада помочь вамъ, чѣмъ могу; садитесь же.

— Позвольте мнѣ говорить съ вами стоя, возразила Нанси, продолжая плакать. Не говорите со мною такъ ласково, вы не знаете меня. Однако, теперь уже очень поздно... Что, эта дверь крѣпко заперта?

— Да, но зачѣмъ это вамъ? проговорила Роза, отступая на нѣсколько шаговъ, чтобъ быть ближе къ двери, на случай, если понадобится помощь.

— Мнѣ это надо знать затѣмъ, что я собираюсь отдать въ ваши руки свою жизнь и жизнь еще многихъ другихъ. Я та самая, которая увела Оливера къ старику Феджину въ тотъ вечеръ, когда мальчикъ вышелъ изъ дома въ Пентонвилѣ.

— Вы!... воскликнула Роза Мейли.

— Да, я, лэди. Я—презрѣнное созданіе, про которое вы уже слышали; я живу между ворами и съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, не знала лучшей жизни; не слыхала ничего лучше тѣхъ рѣчей, какія слышала отъ нихъ. Клянусь Богомъ! Не скрывайте своего отвращенія ко мнѣ, лэди. Я гораздо моложе, чѣмъ вы думаете по моему виду, но я уже давно привыкла къ общему презрѣнію: беднѣйшія женщины отступаютъ назадъ, встрѣтясь со мной на улицѣ.

— Ужасно! произнесла Роза, невольно отодвигаясь дальше отъ собесѣдницы.

— На колѣняхъ благодарите Бога, милая лэди, что вы имѣли друзей, которые заботились о васъ въ дѣтствѣ; что вы не знали никогда холода и голода, буйства и пьянства и... и... еще другого, самаго худшаго. Такъ я жила отъ самой колыбели. О, да, отъ самой колыбели, потому что улица и помойная канава замѣнили ее мнѣ, и онѣ же будутъ моимъ смертнымъ одромъ.

— О, какъ мнѣ жаль васъ! проговорила Роза прерывающимся голосомъ. Отъ вашихъ словъ надрывается сердце.

— Да благословитъ васъ Богъ за вашу доброту! Коли-бъ вы знали все мое житье, вы бы дѣйствительно пожалѣли меня. Но я убѣжала потихоньку; меня убьютъ, если узнаютъ, что я была здѣсь затѣмъ, чтобы передать вамъ одинъ подслушанный мною разговоръ. Знаете ли вы человѣка по имени Монкса?

— Нѣтъ.

— Онъ васъ знаетъ; знаетъ, что вы живете здѣсь, такъ какъ я слышала, что онъ называлъ адресъ этого дома; по этому то я васъ и розыскала.

— Я даже никогда не слышала этого имени! замѣтила Роза.

— Значитъ, онъ среди насъ называется не настоящимъ своимъ именемъ, а вымышленнымъ, я такъ и раньше думала. Нѣсколько времени тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ Оли-

веръ очутился въ вашемъ домѣ въ ночь грабежа, я, уже подозрѣвая этого человѣка, подслушала разговоръ, который они вели въ темной комнатѣ съ Феджиномъ. Изъ всего, что я услышала, я узнала, что Монксъ,—то есть, тотъ человѣкъ, о которомъ я вамъ уже... говорила...

— Да, да, продолжайте, поспѣшила замѣтить Роза.

— Что этотъ Монксъ увидѣлъ случайно Оливера съ двумя изъ нашихъ мальчиковъ въ тотъ день, когда мы его впервые потеряли, и сразу же узналъ, что это тотъ самый ребенокъ, котораго онъ разыскивалъ. Зачѣмъ онъ ему понадобился—я не могла узнать. Онъ тогда условился съ Феджиномъ, что если тотъ вернетъ Оливера, то получитъ цѣлый купъ денегъ въ награду, и получитъ еще больше, если успѣетъ обратить Оливера въ мошенника. Монксу это нужно было по какимъ-то его личнымъ разсчетамъ.

— Но какимъ же? спросила Роза.

— Я надѣялась это узнать изъ дальнѣйшаго разговора, но онъ внезапно увидѣлъ мою тѣнь на стѣнѣ. Немногіе на моемъ мѣстѣ, увѣряю васъ, сумѣли бы тогда удрать отъ нихъ благополучно. А меня они тогда такъ и не прослѣдили... Съ тѣхъ поръ я этого Монкса не видѣла до вчерашняго вечера.

— Что же вчера произошло?

— Сейчасъ разскажу, дорогая лэди. Вчера онъ опять явился, и опять они ушли наверхъ; я закуталась такъ, чтобы тѣнь опять меня не выдала и подкралась къ дверямъ подслушивать. Первыя слова Монкса, которыя я разобрала, были: „Такимъ образомъ, единственныя доказательства подлинности происхожденія мальчика лежатъ на днѣ рѣки, а старая карга, получившая ихъ отъ его матери, гніетъ въ могилѣ“. Онъ засмѣялся и заговорилъ о томъ, что все уладилось какъ нельзя лучше. Потомъ Монксъ повелъ рѣчь объ Оливерѣ и внѣ себя отъ гнѣва воскликнулъ, что теперь деньги этого чертенка у него изъ рукъ не вырвутся, но онъ все-таки предпочиталъ бы заполучить ихъ иначе. „Какъ было бы славно,—говорилъ онъ: „когда бъ на зло самоувѣреннымъ надеждамъ, высказаннымъ въ отцовскомъ завѣщаніи, удалось провести мальчишку по всѣмъ лондонскимъ тюрьмамъ и затѣмъ увидѣть повѣшеннымъ закакое нибудь крупное преступленіе, что легко можетъ устроитьФеджинъ послѣ того, какъ выжметъ изъ него сначала большіе для себя доходы“.

— Что же все это значитъ! воскликнула Роза.

— Я передаю вамъ сущую правду, леди. Дальше онъ говорилъ съ проклятіями, къ которымъ мои уши давно привыкли, но которыхъ вы никогда не слыхивали, что еслибъ онъ могъ насытить свою ненависть, лишивъ мальчика жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ не подвергая себя опасности, то не задумался бы такъ сдѣлать,—но такъ нельзя сдѣлать, поэтому онъ будетъ слѣдить за каждымъ его шагомъ и, если мальчишка вздумаетъ

воспользоваться правами своего рожденія и своей исторіей, онъ сумѣетъ повредить ему. Однимъ словомъ, Феджинъ,—сказалъ онъ въ заключеніе,—ты хотя и жидъ, но никогда и никому еще не разставлялъ такихъ сѣтей. какія я изобрѣту для своего младшаго брата, Оливера.

— Такъ онъ ему братъ? воскликнула Роза.

— Такъ онъ самъ сказалъ, отвѣтила Нанси, съ безпокойствомъ оглядываясь, какъ дѣлала не разъ въ теченіе разговора, потому что ее неотвязно преслѣдовалъ призракъ Сайкса.— Но слушайте еще дальше. Заговоривъ о васъ и о другой дамѣ, Монксъ прибавилъ, что само небо, или вѣрнѣе самъ чортъ на зло ему распорядился, чтобъ Оливеръ попалъ именно къ вамъ въ руки, и захохотавши сказалъ, что утѣшаетъ его тутъ только одно, именно то, что вы Богъ вѣсть какъ дорого бы заплатили. не пожалѣли бы и тысячи фунтовъ, еслибъ вы узнали, кто эта ваша двуногая болонка.

— И вы утверждаете, что онъ сказалъ это серьезно? Быть не можетъ! проговорила Роза, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Онъ говорилъ это съ такимъ гнѣвомъ и злостью, что не могъ шутить, отвѣтила Нанси, покачавъ головой. Когда въ немъ заговоритъ ненависть, онъ шутить не станетъ. Я знаю многихъ такихъ, которые совершали дѣла и похуже, чѣмъ онъ, но въ десять разъ охотнѣе стала бы слушать ихъ, чѣмъ этого Монкса. Однако, уже очень поздно, я должна поскорѣе вернуться домой, чтобъ не подать повода къ подозрѣніямъ. Я ухожу.

— Но что жъ мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ воспользоваться вашимъ сообщеніемъ? воскликнула Роза. Зачѣмъ вы хотите возвратиться къ людямъ, которыхъ вы рисуете въ такихъ ужасныхъ краскахъ? Если вы повторите все, что мнѣ разсказали, господину, котораго я могу сейчасъ же вызвать изъ сосѣдней комнаты, васъ можно будетъ черезъ какіе нибудь полчаса доставить въ вполнѣ безопасное мѣсто, гдѣ вы останетесь въ полной сохранности.

— Я хочу туда вернуться. Я должна вернуться, потому что... Но какъ мнѣ объяснять такія вещи такой невинной дѣвушкѣ, какъ вы? Я вернусь туда, потому что между людьми, о которыхъ я вамъ говорила, есть одинъ—онъ изъ нихъ самый пропащій—но его я не могу бросить даже ради того, чтобъ навсегда избавиться отъ жизни, которую веду.

— Вы и прежде принимали участіе въ судьбѣ этого милаго мальчика; вы пришли сюда съ такимъ огромнымъ рискомъ, чтобъ передать мнѣ, что вы услышали; весь вашъ тонъ убѣждаетъ меня въ правдивости вашихъ словъ; вы такъ сокрушаетесь, въ васъ не угасло чувство стыда,—все это заставляетъ меня вѣрить, что вы еще можете исправиться. Послушайте, горячо продолжала молодая дѣвушка, заливаясь слезами и протягивая къ ней руки—не оставайтесь глухи къ моимъ моль-

бамъ, къ призыву женскаго сердца... все говоритъ мнѣ, что вы въ первый разъ слышите голосъ состраданья и участія. Согласитесь! дайте мнѣ спасти васъ для лучшей жизни.

— О, лэди! воскликнула дѣвушка, падая на колѣни, дорогая лэди, ангелъ доброты! вы первая обратились ко мнѣ съ такими словами. Еслибъ я услышала ихъ много лѣтъ тому назадъ, они могли бы отвратить меня отъ жизни грѣха и порока, но теперь слишкомъ поздно, слишкомъ поздно...

— Раскаяться и загладить прошлое никогда не поздно, замѣтила Роза.

— Поздно, поздно! вскричала Нанси голосомъ, полнымъ душевной муки. Я не могу оставить его, не хочу быть причиной его смерти.

— Какъ же вы можете стать причиной его смерти? спросила Роза.

— Ничто не спасетъ его, если я разскажу другимъ то, что повѣдала вамъ. Если я предамъ ихъ, то ихъ всѣхъ заберутъ, и ему не избѣгнуть смерти: онъ самый отчаянный изъ всѣхъ и самый жестокій.

— Возможно ли, чтобъ для такого человѣка вы могли отказаться отъ надежды на спасеніе въ будущемъ и вѣрнаго избавленія въ настоящемъ. Это безуміе!

— Не знаю, быть можетъ. Знаю только, что это въ дѣйствительности такъ, и не со мной одной, а съ сотнями другихъ такихъ же несчастныхъ бываетъ тоже. Я должна туда вернуться. Можетъ быть, этимъ Богъ меня наказываетъ за всѣ мои прегрѣшенія, не знаю; но, несмотря на все, что я отъ него выстрадала, несмотря на его дурное обращеніе и оскорбленія, меня влечетъ къ нему. Я вернулась бы къ нему даже тогда, когда бы знала, что мнѣ суждено умереть отъ его руки.

— Что мнѣ дѣлать! воскликнула Роза. Мнѣ не слѣдуетъ отпускать васъ.

— Нѣтъ, вы отпустите меня, лэди, возразила дѣвушка, подымаясь съ пола. Вы не захотите удерживать меня, не станете пользоваться тѣмъ, что я довѣрилась вамъ и не взяла съ васъ никакихъ обѣщаній, какъ могла бы сдѣлать.

— Но если такъ, какой же будетъ результатъ отъ того, что вы мнѣ сообщили? Эту тайну необходимо разъяснить, въ противномъ случаѣ сообщенное вами извѣстіе не послужитъ къ пользѣ Оливера, о которомъ вы такъ заботитесь.

— Въ числѣ вашихъ друзей, вѣроятно, найдется какой нибудь добрый джентльменъ, кому вы можете сообщить весь нашъ разговоръ, подъ условіемъ соблюденія тайны, и спросить его совѣта, какъ поступить.

— Гдѣ же мнѣ найти васъ, если понадобится? спросила Роза. Я не добиваюсь узнать, гдѣ живутъ эти ужасные люди, но назначьте мнѣ мѣсто, куда бы вы явились по истеченіи извѣстнаго промежутка времени.

— Даете ли вы обѣщаніе свято сохранить мою тайну и придти въ условленное мѣсто одной или въ сопровожденіи того лица, которому вы довѣритесь? Обѣщаете ли, что никто за мной не станетъ слѣдить?

— Обѣщаю свято исполнить это условіе, отвѣтила Роза.

— Ну если такъ, я каждое воскресенье съ одиннадцати до двѣнадцати часовъ ночи буду прогуливаться на Лондонскомъ мосту, пока буду жива, съ твердостью проговорила Нанси.

— Погодите минутку, остановила ее Роза, увидѣвъ, что Нанси сдѣлала движеніе къ двери. Подумайте еще разъ о себѣ, о томъ, что вамъ представляется возможность перемѣнить свое положеніе. Вы имѣете право на мое участіе не только потому, что, по своей доброй волѣ, явились сдѣлать мнѣ свое признаніе, но и какъ женщина, находящаяся въ безвыходномъ положеніи. Неужели же вы вернетесь въ эту разбойничью шайку и къ этому ужасному человѣку, когда одно лишь слово можетъ васъ спасти? Какая непонятная власть влечетъ васъ туда? Что васъ привязываетъ къ жизни, исполненной порока и горя? О, неужели въ вашемъ сердцѣ не найдется струны, которая отозвалась бы на мои слова! Неужели въ немъ не осталось ничего, что могло бы возвысить голосъ противъ этого ужаснаго ослѣпленія?

Нанси отвѣчала рѣшительно:

— Когда такія юныя, прекрасныя, добродѣтельныя лэди, какъ вы, полюбятъ, любовь можетъ завести васъ далеко,—да, даже такихъ, какъ вы, у которыхъ есть родной домъ, друзья, другіе поклонники, все, что можетъ дать вамъ удовлетвореніе въ жизни. Когда же полюбятъ такія, какъ я, у которыхъ нѣтъ другого крова, кромѣ гробовой доски, нѣтъ иного друга въ часъ болѣзни или смерти, кромѣ больничной сидѣлки, когда такія женщины отдадутъ свое истерзанное сердце мужчинѣ, и этотъ человѣкъ займетъ тамъ мѣсто и замѣнитъ для насъ всѣ другія привязанности, развѣ можно насъ излѣчить! Пожалѣйте насъ, лэди; пожалѣйте, что у насъ изъ всѣхъ чувствъ женщины осталось одно только, да и тому рокъ судилъ обратиться въ новый источникъ страданій и мукъ вмѣсто того, чтобы быть нашимъ утѣшеніемъ, нашей гордостью.

— Не согласитесь ли вы принять отъ меня денежную помощь, которая дала бы вамъ возможность прожить безупречно, хотя бы до слѣдующаго нашего свиданія, предложила Роза послѣ нѣкотораго молчанія.

Нанси замахала руками.

— Я не возьму ни единаго пенни.

— Вы упорно отказываетесь отъ всѣхъ моихъ попытокъ помочь вамъ, замѣтила Роза, ласково подходя къ ней. Увѣряю васъ, я искренно желаю чѣмъ-нибудь служить вамъ.

— Лучшее, что вы могли бы сдѣлать для меня, лэди, это теперь же лишить меня жизни, отвѣтила несчастная дѣвушка,

ломая руки. Сегодня я, больше чѣмъ когда-либо, почувствовала весь ужасъ своего положенія, и для меня было бы отраднѣй умереть не въ томъ аду, гдѣ прошла вся моя жизнь. Да благословитъ васъ Богъ, голубушка, и да пошлетъ онъ вамъ столько же счастья, сколько мнѣ выпало позора! Нанси громко зарыдала и вышла изъ комнаты, а Роза Мейли, глубоко потрясенная этимъ страннымъ свиданіемъ, болѣе похожимъ на сонъ, чѣмъ на дѣйствительность, опустилась на стулъ, стараясь нѣсколько собраться съ мыслями.

ГЛАВА XLI.

Содержитъ новыя открытія и доказываетъ, что сюрпризы такъ же, какъ и несчастія, рѣдко являются въ одиночку.

Положеніе, въ которомъ очутилась Роза, было въ самомъ дѣлѣ не изъ легкихъ. Она сгорала отъ нетерпѣнія раскрыть тайну, связанную съ исторіей Оливера, и въ то же время не смѣла нарушить слова, даннаго этой несчастной, съ которой она только что говорила, довѣрившейся ей, какъ молодой и искренней дѣвушкѣ. Рѣчи Нанси и все поведеніе ея до глубины сердца тронули Розу, и къ ея любви къ маленькому Оливеру примѣшалось столь же горячее и искреннее стремленіе во что бы то ни стало спасти эту отверженную и пробудить въ ея сердцѣ раскаяніе и надежду.

М-съ Мейли и Роза собирались пробыть въ Лондонѣ не болѣе трехъ дней, а потомъ на нѣсколько недѣль уѣхать довольно далеко на морскія купанья.

Когда ушла Нанси, была полночь,—первый день ихъ житья въ Лондонѣ окончился. Что могла предпринять Роза въ какіе нибудь сорокъ восемь часовъ? Ей никакъ нельзя было отложить отъѣздъ, не возбуждая подозрѣній.

Съ дамами былъ и м-ръ Лосбернъ, который долженъ былъ пробыть и остальные два дня, но Розѣ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ запальчивый характеръ этого почтеннаго джентльмена. Она заранѣе предвидѣла, съ какимъ негодованіемъ онъ на первыхъ порахъ отнесется къ похитительницѣ Оливера, и понимала, что его нельзя посвящать въ тайну, пока другое лицо, опытнѣе Розы, не поддержитъ ея ходатайства въ пользу Нанси. Поэтому слѣдовало соблюдать чрезвычайную осторожность и относительно мистриссъ Мейли, до поры до времени ничего ей не сообщать, такъ какъ она прежде всего пожелала бы спросить мнѣнія по этому предмету у почтеннаго доктора. По тѣмъ же самымъ причинамъ не могло быть и рѣчи о совѣщаніи съ какимъ-нибудь законовѣдомъ, если бъ даже Роза знала, какъ это устроить. У нея явилась было мысль обратиться за совѣтомъ къ Гарри, но при воспо-

минанiи объ ихъ послѣднемъ свиданiи ей показалось ниже своего достоинства напоминать ему о себѣ, когда онъ, быть можетъ (при этомъ предположенiи слезы выступили у ней на глазахъ), уже сталъ ее забывать и нашелъ счастье вдали отъ нея.

Взволнованная такими невеселыми думами, склоняясь то въ пользу одного, то въ пользу другого рѣшенiя, и снова отвергая всѣ поочередно, Роза провела безсонную тревожную ночь. На слѣдующее утро, послѣ новыхъ долгихъ размышленiй,—она съ отчаянiемъ остановилась на мысли спросить совѣта у Гарри. „Если ему будетъ нелегко сюда явиться, то какъ же мучительно это будетъ для меня!“—думала она. „Быть можетъ, онъ и не явится; онъ можетъ отвѣтить мнѣ письмомъ, или же прiѣхать и избѣгать встрѣчи со мной,—вѣдь поступилъ же онъ такъ въ послѣднiй разъ при своемъ отъѣздѣ. Я не думала тогда, что онъ такъ поступитъ, но такъ сложилось лучше для обоихъ насъ“. Тутъ перо выпало изъ ея руки, и Роза отвернулась, чтобъ даже бумага, которая отправится къ Гарри, не видѣла ея слезъ.

Много разъ она принималась за письмо и вновь откладывала перо въ сторону, на всѣ лады обдумывала первую строчку письма, но не написала еще ни одного слова, когда Оливеръ, ходившiй на прогулку въ сопровожденiи м-ра Джильза въ качествѣ тѣлохранителя, влетѣлъ въ комнату въ такомъ волненiи, точно произошла какая-нибудь новая бѣда.

— Что съ тобою? спросила Роза, бросаясь къ нему на встрѣчу.

— Не знаю съ чего начать, просто духъ захватываетъ! Господи! наконецъ-то я его увидѣлъ, и вы теперь можете убѣдиться, что я говорилъ вамъ одну правду.

— Я никогда въ этомъ не сомнѣвалась, голубчикъ, ласково сказала Роза. Но что же съ тобой случилось? О комъ ты говоришь?

— Я увидѣлъ джентльмена... того джентльмена, который былъ такъ добръ ко мнѣ, отвѣчалъ Оливеръ прерывающимся отъ волненiя голосомъ—м-ра Броунло, о которомъ я вамъ часто говорилъ.

— Гдѣ жъ ты его видѣлъ?

— Онъ вышелъ изъ экипажа и вошелъ въ одинъ домъ, отвѣчалъ Оливеръ со слезами радости.—Я не заговорилъ съ нимъ,—не могъ, потому что онъ меня не замѣтилъ, а я такъ дрожалъ, что не въ силахъ былъ догнать его. Но Джильзъ справился, въ этомъ ли домѣ живетъ онъ, и ему сказали, что тамъ. Вынувъ изъ кармана лоскутокъ бумаги, Оливеръ продолжалъ:—тутъ все записано, вотъ его адресъ, я тотчасъ къ нему пойду. О Боже мой, я самъ не свой отъ радости, я его опять увижу, услышу его голосъ!

Онъ продолжалъ сыпать безсвязныя восторженныя воскли-

ціанія, но Роза не слушала его. Она прочла адресъ: „Страндъ. Гревэнъ стритъ", и сейчасъ же у нея явилась мысль воспользоваться этимъ случаемъ.

— Скорѣе распорядись, чтобы намъ наняли карету, и приготовься меня сопровождать, сказала она Оливеру. — Я сама повезу тебя туда, только предупрежу тетушку, что мы отлучимся на часокъ, и сейчасъ же буду готова.

Оливеру не нужно было напоминать, чтобы онъ спѣшилъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ они катили уже къ мистеру Броунло.

Роза оставила Оливера въ каретѣ подъ предлогомъ, что приготовитъ старика къ неожиданной встрѣчѣ, и вручила лакею свою карточку съ просьбой передать мистеру Броунло, что желаетъ его видѣть по крайне нужному дѣлу. Лакей скоро вернулся съ приглашеніемъ пожаловать наверхъ; Роза послѣдовала за нимъ. Въ комнатѣ верхняго этажа она увидѣла пожилого джентльмена пріятной наружности, въ зеленомъ сюртукѣ, а возлѣ него другого старика въ нанковыхъ панталонахъ и штиблетахъ, наружность котораго нельзя было назвать пріятной. Онъ сидѣлъ, опираясь руками на набалдашникъ толстой трости и положивъ подбородокъ на руки.

— Ахъ, пожалуйста, извините меня, сударыня, заговорилъ джентльменъ въ зеленомъ сюртукѣ, поспѣшно вставая ей на встрѣчу и раскланиваясь чрезвычайно вѣжливо. Я предполагалъ, что явилась какая-нибудь назойливая просительница... Ради Бога, простите меня. Прошу покорно садиться.

— Я имѣю удовольствіе говорить съ мистеромъ Броунло? спросила Роза, переводя взглядъ отъ джентльмена въ штиблетахъ на того, который съ ней заговорилъ.

— Точно такъ, сударыня, а это мой другъ, м-ръ Гримвигъ. Пожалуйста, Гримвигъ, оставьте насъ однихъ на нѣсколько минутъ!

— Я попрошу этого джентльмена пока не безпокоиться. Ему, насколько я знаю, извѣстно дѣло, которое привело меня сюда, и мнѣ кажется, онъ могъ бы присутствовать при нашемъ свиданіи.

М-ръ Броунло наклонилъ голову въ знакъ согласія. Мистеръ Гримвигъ, который во время представленія молодой дѣвушкѣ, приподнялся съ мѣста и отвѣсилъ довольно нелюбезный поклонъ, теперь снова поклонился и усѣлся.

— Я, по всей вѣроятности, васъ очень удивлю, начала съ нѣкоторымъ смущеніемъ, Роза,—но вы когда-то выказали много доброты и теплаго участія къ одному моему маленькому близкому другу, и потому вамъ навѣрное будетъ пріятно услышать о немъ.

— Позвольте узнать, о комъ вы говорите? спросилъ мистеръ Броунло.

— Объ Оливерѣ Твистѣ, отвѣтила Роза.

Едва это имя слетѣло съ ея устъ, какъ м-ръ Гримвигъ, притворявшійся погруженнымъ въ чтеніе лежавшей на столѣ огромной книги, съ шумомъ ее захлопнулъ и откинулся на спинку стула. Его лицо отразило безконечное изумленіе, широко раскрытые глаза уставились на Розу. Затѣмъ, спохватившись, что выдалъ свои чувства, онъ встряхнулся, точно его повела судорога и, принявъ прежнее положеніе, устремилъ взоръ свой въ пространство и издалъ долгій протяжный свистъ, который, вмѣсто того, чтобы распространиться въ воздухѣ, казалось, замеръ гдѣ-то въ глубинѣ его желудка.

М-ръ Броунло былъ изумленъ не менѣе его, хотя его изумленіе выразилось не въ столь оригинальной формѣ. Онъ придвинулся ближе къ миссъ Мейли и сказалъ:

— Сдѣлайте милость, дорогая миссъ, не распространяйтесь о моей добротѣ и участіи, кромѣ васъ, они никому иному неизвѣстны, и если можете сообщить мнѣ нѣчто такое, что измѣнитъ дурное мнѣніе, какое я послѣ одного о происшествія долженъ былъ составить объ этомъ бѣдномъ ребенкѣ, ради Бога, поскорѣй разскажите.

— Скверный мальчишка! Я съѣмъ свою голову, если это не такъ, пробурчалъ Гримвигъ голосомъ, который выходилъ у него, какъ у чревовѣщателя, какъ будто изъ желудка, потому что ни одинъ мускулъ его лица не двигался.

— Это мальчикъ благородной души и съ любящимъ сердцемъ, возразила Роза, покраснѣвъ до корня волосъ.—Провидѣніе, которому угодно было ниспослать этому крошкѣ испытанія не по его возрасту, надѣлило его такими высокими чувствами, какія сдѣлали бы честь людямъ вшестеро его старшимъ.

— Мнѣ только шестьдесятъ одинъ годъ, а такъ какъ этому Оливеру, по меньшей мѣрѣ, двѣнадцать, то я непринимаю на срой счетъ этого замѣчанія, проговорилъ м-ръ Гримвигъ съ тѣмъ же неподвижнымъ лицомъ

— Не обращайте вниманія на моего друга, миссъ Мейли, онъ не думаетъ того, что говоритъ, сказалъ м-ръ Броунло.

— Нѣтъ, думаетъ, возразилъ м-ръ Гримвигъ.

— Нѣтъ, не думаетъ,—повторилъ м-ръ Броунло, уже начиная сердиться.

— Онъ готовъ съѣсть свою голову, если такъ не думаетъ, прибавилъ м-ръ Гримвигъ.

— Онъ заслуживаетъ, чтобы ему ее отрубили, если онъ это думаетъ, возразилъ м-ръ Броунло.

— Хотѣлось бы взглянуть на того, кто на это рѣшится, отвѣчалъ Гримвигъ, стуча палкою по полу.

Увидѣвъ, что зашли черезчуръ далеко, оба джентльмена понюхали табаку и затѣмъ, по своей всегдашней привычкѣ, пожали другъ другу руки.

— Вернемся, однако, къ предмету, который такъ васъ вол-

нуетъ миссъ Мейли, заговорилъ м-ръ Броунло. Разскажите, что вамъ извѣстно объ этомъ бѣдномъ дитяти; но позвольте мнѣ предупредить васъ, что я испробовалъ всѣ средства, какія были въ моей власти, чтобъ разыскать его, но все-же послѣ моего отъѣзда изъ Англіи мое прежнее убѣжденіе, что онъ обманулъ меня, будучи подговоренъ прежними товарищами меня обокрасть, сильно поколебалось.

Роза успѣла за это время собраться съ мыслями и съ чувствомъ стала разсказывать все, что произошло съ Оливеромъ съ той минуты, какъ онъ вышелъ изъ дома м-ра Броунло. До поры до времени Роза умолчала о томъ, что сообщила ей Нанси (она рѣшила повѣдать это одному мистеру Броунло), но упомянула, что Оливеръ все это время сокрушался лишь о томъ, что не могъ нигдѣ разыскать своего прежняго благодѣтеля и друга.

— Благодареніе Господу! воскликнулъ старикъ.—Вы доставили мнѣ великую радость. Но вы не сказали еще, миссъ Мейли, гдѣ теперь Оливеръ. Простите, что я позволю себѣ упрекнуть васъ, но отчего же вы не привезли его съ собою?

— Онъ дожидается въ экипажѣ у воротъ вашего дома, отвѣчала Роза.

— Дожидается у воротъ!.. вскричалъ старикъ, вскочивъ съ мѣста и, не сказавъ больше ни слова, въ одинъ мигъ былъ уже внизу, возлѣ Оливера.

Какъ только мистеръ Броунло скрылся за дверью, мистеръ Гримвигъ поднялъ голову и продѣлалъ вмѣстѣ со своимъ стуломъ три круговыхъ оборота по комнатѣ, опираясь на заднюю ножку стула, какъ на ось, и помогая себѣ палкой и столомъ. Послѣ такого маневра мистеръ Гримвигъ поднялся со стула, нѣсколько разъ измѣрилъ комнату изъ конца въ конецъ крупными шагами, потомъ вдругъ остановился передъ Розой и безъ всякихъ дальнихъ предисловій чмокнулъ ее въ щеку.

— Тс! произнесъ онъ, когда молодая дѣвушка, встревоженная столь необыкновенными пріемами, вскочила съ мѣста,— не бойтесь, я такъ старъ, что могъ бы быть вамъ дѣдушкой. Вы милая дѣвушка, вы мнѣ нравитесь. Вотъ и они наконецъ!

Дѣйствительно, едва онъ успѣлъ однимъ прыжкомъ вернуться на прежнее мѣсто, какъ вошелъ м-ръ Броунло съ Оливеромъ. М-ръ Гримвигъ на сей разъ встрѣтилъ мальчика очень милостиво. Одна эта радостная минута достаточно вознаградила Розу за всѣ ея заботы объ Оливерѣ.

— Однако есть еще одно лицо, о которомъ не слѣдуетъ забывать, замѣтилъ м-ръ Броунло, позвонивъ въ колокольчикъ.—Пожалуйста, пошлите сюда м-съ Бедвинъ.

Старая ключница поспѣшно явилась на зовъ и, сдѣлавъ реверансъ, почтительно остановилась у дверей, ожидая приказаній.

— Видно, Бедвинъ, ваше зрѣніе съ каждымъ днемъ все больше слабѣетъ, шутливо замѣтилъ м-ръ Броунло.

— Конечно, сэръ, въ мои лѣта глаза не могутъ уже стать зорче, отвѣтила старуха.

— Я и безъ васъ это знаю, отвѣтилъ м-ръ Броунло.—Надѣньте-ка очки и взгляните, не отгадаете ли, зачѣмъ я васъ позвалъ.

Старуха стала шарить въ карманѣ, но терпѣніе Оливера не выдержало этого новаго испытанія, и безъ дальнихъ словъ онъ бросился ей на шею.

— Милосердый Боже! Это мой милый мальчикъ! вскричала старуха, крѣпко обнимая его.

— Дорогая няня, лепеталъ Оливеръ.

— Онъ вернулся, я знала, что онъ вернется, говорила старуха, прижимая его къ своему сердцу. Какой онъ сталъ здоровенькій и опять хорошо одѣтъ! Гдѣ ты это время былъ? То же милое личико, но не такое блѣдное, тѣ же нѣжные глаза, но не такіе грустные! Я никогда не забывала ихъ и его кроткой улыбки, его лицо постоянно представлялось мнѣ на ряду съ личиками моихъ дорогихъ малютокъ, умершихъ въ ту пору, когда я сама была молодой и веселой.

И, говоря такъ, добрая старушка то смѣялась, то плакала, то отодвигала Оливера подальше отъ себя, чтобъ посмотрѣть, насколько онъ выросъ, то вновь прижимала его къ своей груди, обнимала и гладила его по волосамъ.

Оставивъ ее и Оливера бесѣдовать на свободѣ, м-ръ Броунло вышелъ съ Розой въ другую комнату и тамъ услыхалъ отъ нея подробный разсказъ объ ея свиданіи съ Нанси. Этотъ разсказъ его немало удивилъ и встревожилъ. Роза тутъ же объяснила ему, почему она не хотѣла сразу довѣрить эту тайну своему старому другу, мистеру Лосберну. М-ръ Броунло нашелъ, что она поступила очень благоразумно, и охотно согласился самъ переговорить съ достойнымъ докторомъ. Для этого Роза просила его пріѣхать къ нимъ вечеромъ часовъ въ восемь и взялась осторожно подготовить мистрисъ Мейли къ тому, что она услышитъ. Послѣ того, какъ они такимъ образомъ условились, Роза и Оливеръ вернулись домой.

Роза нисколько не преувеличила, представляя себѣ заранѣе негодованіе добрѣйшаго доктора. Какъ только была разсказана ему повѣсть Нанси, онъ разразился буйными угрозами и проклятіями, собирался сдѣлать эту дѣвушку первой жертвой искусства господъ Блэдерса и Деффа и уже надѣлъ шляпу, чтобъ отправиться добывать этихъ проницательныхъ ищеекъ; конечно, въ такомъ пылу негодованія онъ непремѣнно привелъ бы въ исполненіе это намѣреніе, ни на минуту не задумавшись о послѣдствіяхъ, еслибъ его не удержалъ чуть не силой мистеръ Броунло, который тоже разгорячился, будучи самъ вспыльчиваго темперамента. Впрочемъ онъ больше подѣйствовалъ на доктора и ловко подобранными аргументами, убѣдившими того въ концѣ концовъ отказаться отъ своего необдуманнаго намѣренія.

— Но въ такомъ случаѣ что же, чортъ возьми, намъ дѣлать? воскликнулъ раздраженный докторъ, когда оба они вернулись къ дамамъ. Не отправить ли намъ благодарственный адресъ всѣмъ этимъ негодяямъ обоего пола и поднести имъ по сотнѣ фунтовъ каждому въ знакъ нашей признательности и уваженія за ихъ доброту къ Оливеру?

— Благодарственный адресъ мы составлять не станемъ, но намъ нужно дѣйствовать мягко и благоразумно, смѣясь возразилъ м-ръ Броунло.

— Мягко! вспылилъ докторъ: да я бы ихъ всѣхъ послалъ...

— Ну не въ этомъ дѣло, перебилъ его м-ръ Броунло.—Вы только подумайте, если мы пошлемъ ихъ, куда вы хотите, достигнемъ ли мы той цѣли, которую должны ни на минуту не упускать изъ вида.

— Какой цѣли? спросилъ докторъ.

— Открыть, кто родные Оливера и возвратить ему наслѣдство, котораго, если этотъ разсказъ вѣренъ, былъ онъ обманнымъ образомъ лишенъ.

— Ахъ, я чуть не позабылъ объ этомъ! проговорилъ мистеръ Лосбернъ, обмахивая носовымъ платкомъ свое разгоряченное лицо.

— Видите ли, если даже мы не будемъ брать въ разсчетъ бѣдную дѣвушку и предположимъ, что намъ удастся, не подвергая ее опасности, передать въ руки правосудія всѣхъ этихъ мошенниковъ, чего мы этимъ достигнемъ?

— А того достигнемъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ, по всей вѣроятности, вздернутъ на висѣлицу, остальныхъ сошлютъ на каторгу, отвѣтилъ м-ръ Лосбернъ.

— Отлично, продолжалъ улыбаясь м-ръ Броунло,—но безъ сомнѣнія, съ теченіемъ времени они и сами, безъ нашей помощи, туда угодятъ, а если мы съ своей стороны начнемъ предупреждать событія, то такой нашъ поступокъ будетъ настоящимъ донкихотствомъ и послужитъ лишь во вредъ нашимъ интересамъ, или, что то же самое, интересамъ Оливера.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ. Ясно, что намъ будетъ чрезвычайно трудно раскрыть эту тайну, если мы не будемъ имѣть въ своей власти этого Монкса. Мы можемъ достигнуть этого лишь при помощи хитрости, завладѣвъ имъ тогда, когда онъ не будетъ окруженъ этими людьми. Иначе, если даже онъ будетъ схваченъ, у насъ не будетъ уликъ противъ него: онъ даже не замѣшанъ ни въ какія дѣянія этой воровской шайки, насколько намъ извѣстно по имѣющимся даннымъ. Если даже онъ и не добьется полнаго оправданія, то по всей вѣроятности, отдѣлается лишь тюремнымъ заключеніемъ за свои плутни. Разумѣется, послѣ того отъ него уже нельзя будетъ выпытать ни слова, и для насъ отъ него будетъ столько же толку, какъ въ томъ случаѣ, еслибъ онъ былъ глухонѣмой, слѣпой, или идіотъ.

— Я опять таки спрошу васъ,— съ жаромъ началъ докторъ,—благоразумно ли считать насъ связанными обѣщаніемъ, даннымъ этой дѣвушкѣ? Конечно, оно было дано изъ самыхъ великодушныхъ побужденій, но въ дѣйствительности...

— Пожалуйста, не безпокойтесь отвѣчать на это, дорогая лэди, обратился къ Розѣ м-ръ Броунло, замѣтивъ, что она хочетъ что-то возразить. Ваше обѣщаніе будетъ свято сдержано. Я думаю, что оно ни мало не стѣснитъ нашихъ дѣйствій. Но прежде, чѣмъ мы окончательно составимъ нашъ планъ, необходимо увидать еще разъ эту дѣвушку и спросить, согласится ли она указать намъ этого Монкса, разумѣется, подъ условіемъ, что мы сами съ нимъ раздѣлаемся безъ посредства полиціи. Если же она не пожелаетъ, или не въ состояніи будетъ сдѣлать этого, то пусть она укажетъ мѣста, которыя этотъ человѣкъ посѣщаетъ и опишетъ его наружность, чтобъ мы могли узнать его. Ее намъ нельзя увидѣть раньше вечера воскресенья, а сегодня только вторникъ. Я предлагаю до того времени ничего не предпринимать и хранить все это въ тайнѣ, даже отъ Оливера.

М-ръ Лосбернъ съ весьма недовольной миной отнесся къ предложенію—находиться въ бездѣйствіи цѣлыхъ пять дней, но былъ поставленъ въ необходимость сознаться, что лучшаго образа дѣйствій онъ не можетъ выдумать; а такъ какъ Роза и м-съ Мейли были всецѣло на сторонѣ мистера Броунло, то его предложеніе и было принято единогласно.

— Мнѣ было бы очень желательно, продолжалъ мистеръ Броунло, привлечь къ содѣйствію и моего друга Гримвига. Онъ большой чудакъ, но человѣкъ очень проницательный и могъ бы оказать намъ существенную подмогу; надо сказать, что онъ подготовлялся къ юридическому поприщу, но впослѣдствіи оставилъ его, разсердившись на то, что въ теченіе двадцати лѣтъ ему подвернулся только одинъ кліентъ и одна тяжба; впрочемъ, быть можетъ, это плохо его рекомендуетъ, объ этомъ ужъ судите сами.

— Согласенъ на ваше предложеніе, но да будетъ дозволено и мнѣ пригласить моего друга, замѣтилъ докторъ.

— Мы должны отобрать мнѣнія по этому поводу у всѣхъ присутствующихъ, замѣтилъ м-ръ Броунло.—Кто такой этотъ вашъ другъ?

— Онъ сынъ этой дамы и другъ дѣтства этой дѣвицы, сказалъ докторъ, указывая на м-съ Мейли и бросая выразительный взглядъ на ея племянницу.

Роза вся зардѣлась, но ничего не возразила противъ этого предложенія (быть можетъ, ее остановило то соображеніе, что она останется въ подавляющемъ меньшинствѣ). Такимъ образомъ, Гарри Мейли и м-ръ Гримвигъ были приняты въ число заговорщиковъ.

— Мы, разумѣется, отложимъ нашъ отъѣздъ изъ Лондона

и пробудемъ, пока не угаснетъ последняя искра надежды на успѣхъ затѣяннаго нами дѣла, сказала м-съ Мейли. Я не пожалѣю ни трудовъ, ни издержекъ для достиженія цѣли, которую мы всѣ такъ близко принимаемъ къ сердцу, и готова пробыть здѣсь цѣлый годъ, или даже больше, пока не будетъ потеряна всякая надежда.

— Хорошо! одобрилъ ея рѣшеніе м-ръ Броунло. Однако, мнѣ кажется, на вашихъ лицахъ я читаю давно уже вопросъ, почему такъ случилось, что я оказался въ отсутствіи, когда понадобилось подтвердить разсказъ Оливера, и такъ внезапно уѣхалъ изъ Англіи? Заключимъ уговоръ, что никакихъ вопросовъ на этотъ счетъ мнѣ не будутъ предлагать до тѣхъ поръ, пока я самъ не сочту возможнымъ объяснить причины моего отсутствія. Повѣрьте, у меня есть серьезныя основанія обращаться къ вамъ съ такой просьбой! Поступивъ иначе, я могъ бы пробудить надежды, которымъ, пожалуй, не суждено будетъ осуществиться, и этимъ только прибавить вамъ хлопотъ и разочарованій, которыхъ и безъ того у васъ слишкомъ много. А теперь пойдемте ужинать, такъ какъ намъ доложили, что ужинъ поданъ, кстати и Оливеръ, ожидающій насъ въ сосѣдней комнатѣ, начинаетъ, пожалуй, думать, что намъ наскучило его общество и мы здѣсь сговариваемся, какъ бы сжить его со свѣта.

ГЛАВА XLII

Одинъ старый знакомецъ Оливера обнаруживаетъ несомнѣнные признаки геніальности и вступаетъ на поприще общественной дѣятельности въ столицѣ.

Въ тотъ вечеръ, когда Нанси, усыпивъ Сайкса, самоотверженно спѣшила къ Розѣ Мейли, къ Лондону приближались по большой сѣверной дорогѣ два путника, заслуживающіе съ нашей стороны нѣкотораго вниманія.

То были мужчина и женщина, впрочемъ, пожалуй, вѣрнѣе было бы ихъ назвать просто существами мужскаго и женскаго пола. Одинъ изъ путниковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ долговязыхъ, нескладныхъ, неуклюжихъ, костлявыхъ дѣтинъ, лѣта которыхъ трудно опредѣлить: въ дѣтскомъ возрастѣ они имѣютъ видъ недоростковъ-мужчинъ, а, ставъ взрослыми, кажутся мальчиками, вытянувшимися непомѣрно для своего возраста. Его спутница была очень молодая, но дюжая и здоровая женщина, иначе она, конечно, не могла бы нести привязаннаго у нея за спиною огромнаго тяжелаго узла.

Мужчина шелъ налегкѣ. Вся поклажа его заключалась въ маленькомъ узелкѣ, завязанномъ въ носовой платокъ и, повидимому, была очень легкой; узелокъ болтался на палкѣ, пе-

рекинутой черезъ плечо. Это обстоятельство, при необыкновенно длинныхъ ногахъ, давало ему возможность опередить на нѣсколько шаговъ спутницу; время отъ времени онъ нетерпѣливо оглядывался, какъ видно сердясь на ея медленность и желая заставить ее прибавить шагу.

Они брели по пыльной дорогѣ, не обращая никакого вниманія на встрѣчные предметы, и молча сторонились, когда имъ приходилось уступать дорогу почтовымъ каретамъ, ѣдущимъ имъ навстрѣчу изъ Лондона.

Такъ они шли, пока не миновали Гайгетскую заставу. Парень, шедшій далеко впереди, остановился и нетерпѣливо крикнулъ своей спутницѣ:

— Развѣ не можешь идти скорѣе? Какая ты лѣнивая, Шарлотта!

— Еслибъ ты зналъ, какой тяжелый этотъ узелъ! отвѣчала женщина, медленно приближаясь къ нему и совсѣмъ изнемогая отъ усталости.

— Тяжелъ! Что ты городишь! На что-жъ ты послѣ этого годна! возразилъ ея кавалеръ, перекладывая свой узелокъ на другое плечо.—Опять остановилась! Да ты, право, кого угодно выведешь изъ терпѣнья!

— А далеко еще идти? спросила женщина, присѣвъ на насыпь и отирая потъ, градомъ катившійся по ея лицу.

— Недалеко, мы почти уже на мѣстѣ. Посмотри, вонъ виднѣются лондонскіе огни, проговорилъ длинноногій путникъ, указывая впередъ.

Посмотри, вонъ виднѣются лондонскіе огни.

— До нихъ еще не меньше двухъ миль, уныло замѣтила женщина.

— Ну, что тутъ толковать, двѣ мили или двадцать! отвѣтилъ Ной Клейполь, ибо это былъ онъ.—Подымайся и отправляйся дальше, не-то я тебя такъ отколочу, что небу жарко станетъ. Красный носъ Ноя отъ гнѣва еще больше покраснѣлъ, и такъ какъ при этихъ словахъ достойный юноша перешелъ черезъ дорогу, повидимому, приготовляясь привести свою угрозу въ исполненіе, то Шарлотта безмолвно поднялась съ мѣста и поплелась дальше.

— Ной, гдѣ ты думаешь искать ночлега? спросила она, пройдя еще нѣсколько шаговъ.

— Почемъ я знаю! небрежно отвѣчалъ Ной, который отъ долгой ходьбы былъ въ особенно дурномъ расположеніи духа.

— Надо бы гдѣ нибудь поближе, молвила Шарлотта.

— Нѣтъ подальше, возразилъ м-ръ Клейполь. Подальше, такъ и заруби себѣ на носу.

— Но почему же?...

— Когда я говорю тебѣ, что рѣшилъ такъ сдѣлать, то ты этимъ и довольствуйся, а не разспрашивай, почему да зачѣмъ, важно отвѣчалъ Ной.

— Хорошо, не буду, не сердись только, проговорила его спутница.

— Хороши мы будемъ, если остановимся въ первой попавшейся харчевнѣ при самомъ въѣздѣ въ городъ, чтобъ Соуерберри, какъ только пустится въ погоню за нами, прямехонько на насъ наткнулся и повезъ насъ обратно въ арестантской фурѣ и въ кандалахъ!—насмѣшливо продолжалъ Ной.—Нѣтъ, извините! Я буду идти, пока не разыщу самыхъ глухихъ переулковъ, гдѣ мой слѣдъ затеряется, и остановлюсь только въ томъ заѣзжемъ домѣ, который мнѣ покажется расположеннымъ въ самомъ укромномъ мѣстѣ. Благодари Бога, что у меня есть голова на плечахъ! Еслибъ мы не пошли сперва по другой дорогѣ, съ тѣмъ чтобы послѣ вернуться проселкомъ, ты была бы уже недѣлю назадъ посажена подъ замокъ, какъ и слѣдовало бы тебѣ за твою дурость.

— Конечно, я не такъ умна, какъ ты, только зачѣмъ же ты меня одну винишь и говоришь, что меня посадили бы подъ замокъ? Еслибъ меня посадили, и тебѣ не сдобровать бы, возразила Шарлотта.

— Да вѣдь деньги изъ выручки взяла ты, ты это хорошо знаешь! замѣтилъ м-ръ Клейполь.

— Я взяла ихъ для тебя, мой милый, сказала Шарлотта.

— А развѣ они у меня?

— Нѣтъ, ты отдалъ ихъ мнѣ на храненіе и поручилъ мнѣ ихъ нести, голубчикъ мой, добренькій,—съ этими словами она потрепала его по подбородку и взяла подъ локоть.

Дѣло происходило такъ, какъ говорила Шарлотта, но чтобы

быть справедливымъ къ мистеру Клейполю, слѣдуетъ замѣтить, что не въ его привычкахъ было необдуманно и слѣпо довѣряться кому бы то ни было, и если онъ оказалъ такое довѣріе Шарлоттѣ, то сдѣлалъ это конечно въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы, въ случаѣ преслѣдованія и поимки, деньги оказались при ней. Такимъ образомъ онъ могъ бы доказать свою неприкосновенность къ кражѣ и благополучно выпутаться изъ непріятной исторіи. Разумѣется, онъ не сталъ объяснять Шарлоттѣ своихъ побужденій, и они продолжали путь подъ руку, какъ любящая чета.

М-ръ Клейполь привелъ въ исполненіе свой глубоко обдуманный планъ. Они ни разу не остановились вплоть до Ислингтона, гдѣ, по обилію экипажей и прохожихъ, онъ заключилъ, что начинается, наконецъ, самый Лондонъ.

Окинувъ взглядомъ улицы, онъ замѣтилъ, гдѣ были многолюдныя и, слѣдовательно, для него неподходящія улицы, и повернулъ въ сторону грязныхъ, темныхъ, извилистыхъ переулковъ, лежащихъ между Смитфильдомъ и Грейзинилэномъ. Эта мѣстность, несмотря на то, что находится въ центрѣ города, представляетъ одну изъ самыхъ дурныхъ и неблагоустроенныхъ частей Лондона; ни одно изъ новѣйшихъ улучшеній ея не коснулось.

Таща за собой измученную Шарлотту, Ной шелъ все дальше и дальше по этимъ извилистымъ переулкамъ, останавливаясь по временамъ, чтобъ оглядѣть снаружи какой-нибудь встрѣчный кабачокъ, но затѣмъ снова начиналъ шагать, смекнувъ по какому-нибудь признаку, что это заведеніе для него не подходитъ. Наконецъ онъ остановился передъ однимъ кабачкомъ, грязнѣе и хуже котораго имъ еще не попадалось; внимательно обозрѣвъ его съ противоположной стороны улицы, куда нарочно за этимъ перешелъ, м-ръ Клейполь выразилъ намѣреніе избрать для ночлега это трактирное заведеніе.

— Давай-ка его сюда, сказалъ онъ Шарлоттѣ, отвязывая съ ея спины узелъ и взваливая его себѣ на плечи.—Смотри, держи теперь языкъ за зубами; отвѣчай только тогда, когда я тебя буду спрашивать. Какъ называется эта харчевня: Три... три... чего три?

— „Три Калѣки“, прочитала Шарлотта.

— Три Калѣки! повторилъ Ной. Знатное названіе! Ну, такъ не отставай же отъ меня. Идемъ!

Онъ толкнулъ плечомъ скрипучую дверь и вмѣстѣ со своей спутницей вошелъ въ харчевню. Тамъ не было никого кромѣ молодого еврея, который, облокотившись на стойку, читалъ истрепанную газету. Онъ уставился на Ноя, Ной уставился на него.

Еслибы Ной былъ все еще облеченъ въ форменное пріютское платье, было бы отчасти понятно, отчего еврей вытаращилъ на него глаза, но такъ какъ онъ замѣнилъ свою фор-

бенную куртку короткой блузой. то въ его внѣшнемъ видѣ, казалось, не было ничего такого, что могло бы въ этомъ камакѣ обращать на него вниманіе.

— Здѣсь кажется „Три Калѣки“? спросилъ еврея Ной.

— Да, у насъ такая вывѣска, отвѣчалъ тотъ.

— Одна особа, которую мы встрѣтили по пути въ Лондонъ, рекомендовала намъ эту харчевню, заговорилъ Ной, подталкивая локтемъ Шарлотту, быть можетъ, затѣмъ, чтобъ обратить ея вниманіе на такой остроумный способъ расположить къ себѣ трактирщика, а можетъ быть, просто предупреждая ее не выражать своего удивленія.—Мы хотѣли бы переночевать у васъ сегодня.

— Не знаю, можно ли, пойду узнаю.—отвѣтилъ Барней. Еврей за стойкой былъ онъ.

— Пока вы будете справляться, подайте намъ кусокъ холоднаго мяса и пива. Гдѣ тутъ у васъ можно расположиться?

Барней провелъ путниковъ въ маленькую заднюю комнатку, подалъ, что они требовали; затѣмъ принесъ извѣстіе, что они могутъ остаться ночевать, и ушелъ, предоставивъ милой парочкѣ подкрѣпляться пищей и питьемъ.

Отведенная путникамъ комната находилась какъ разъ за буфетной стойкой и была расположена нѣсколько ниже лицевой комнаты харчевни; всякій, знавшій расположеніе дома, могъ видѣть, что дѣлалось въ этой комнатѣ, откинувъ занавѣску, скрывавшую окошечко, продѣланное въ стѣнѣ первой комнаты, на высотѣ человѣческаго роста. Въ это окошко можно было наблюдать совершенно незамѣтно, такъ какъ стекло приходилось въ темномъ углу, за подпиравшимъ потолокъ широкимъ столбомъ. Наблюдатель могъ не только видѣть, но и слышать, что дѣлалось въ комнатѣ, приложивъ ухо къ перегородкѣ. Хозяинъ харчевни уже минутъ пять былъ на этомъ наблюдательномъ посту, а Барней только что вернулся изъ задней комнаты, куда ходилъ передавать разрѣшеніе остаться ночевать, когда въ харчевню вошелъ Феджинъ, явившійся сюда навести справки о нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ.

— Тс! Въ комнатѣ рядомъ чужіе, зашикалъ на него Барней.

— Чужіе? шепотомъ переспросилъ старикъ.

— Да; не знаю, что ихъ къ намъ принесло, они откуда то издалека и, какъ мнѣ кажется, нашего поля ягоды.

Феджинъ выслушалъ слова эти съ большимъ интересомъ и, взобравшись на табуретъ, приложилъ въ свою очередь глаза къ окошечку. Съ этого потайного пункта онъ увидѣлъ, какъ м-ръ Клейполь потягивалъ пиво прямо изъ бутылки и закусывалъ говядиной, прямо съ блюда, удѣляя по временамъ крохотныя порціи того и другого Шарлоттѣ, терпѣливо сидѣвшей рядомъ съ нимъ.

— Ага! Этотъ парень мнѣ по вкусу.— шепнулъ Феджинъ Барнею. Отъ него намъ будетъ польза: ишь, какъ сумѣлъ вы-

школить дѣвчонку. Потише, миленькій, дай мнѣ послушать о чемъ они бесѣдуютъ, дай мнѣ послушать.

Старикъ снова приложилъ глазъ къ стеклу, а ухомъ припалъ къ перегородкѣ и сталъ внимательно слушать. На его лицѣ появилось хитрое, жадное выраженіе, придавшее ему какой то демоническій видъ.

— Теперь я думаю зажить по барски, говорилъ потягиваясь м-ръ Клейполь, продолжая начатый до прихода Феджина разговоръ;—полно возиться съ гробами. Теперь, Шарлотта, начинается для меня привольное житье, и ты, если захочешь, станешь госпожей.

— Какъ не хотѣть, дружочекъ, отвѣчала Шарлотта, да вѣдь не каждый день можно очищать выручки магазиновъ, а потомъ задавать тягу.

— Къ чорту выручки! Кромѣ нихъ, найдется, что очищать.

— А что? спросила его собесѣдница.

— Карманы, дамскіе ридикюли, квартиры, почтовыя кареты, банки, перечислялъ м-ръ Клейполь, все болѣе приходя въ азартъ отъ выпитаго пива.

— Но ты не можешь же за все это приняться, милый! возразила Шарлотта.

— Я войду въ компанію съ такими, кто умѣетъ это дѣлать, отвѣчалъ Ной.—Насъ они приспособятъ къ какому-нибудь дѣлу, ты одна стоишь пятидесяти бабъ; я не видывалъ такой хитрой и ловкой бестіи, какъ ты, въ тѣхъ случаяхъ, когда я тебѣ прикажу.

— Ахъ, какъ мнѣ пріятно это отъ тебя слышать! воскликнула Шарлотта, напечатлѣвъ поцѣлуй на его безобразномъ лицѣ.

— Ну полно, не досаждай мнѣ своими нѣжностями, а то я разсержусь, величественно замѣтилъ Ной, освобождаясь изъ ея объятій. Я хотѣлъ бы стать атаманомъ какой-нибудь шайки, держалъ бы другихъ въ рукахъ, слѣдилъ бы за ними такъ, чтобъ они не подозрѣвали. Это было бы мнѣ самое подходящее дѣло, еслибы давало хорошіе доходы. Только бы сойтись намъ съ людьми такого сорта; не жаль было бы за это знакомство отдать и тотъ двадцатифунтовый билетъ, который у тебя на сохраненіи, тѣмъ болѣе, что мы сами не знаемъ, какъ сбыть его съ рукъ.

Вслѣдъ за такимъ замѣчаніемъ м-ръ Клейполь глубокомысленнымъ взглядомъ окинулъ стоявшую на столѣ бутылку, взболтавъ ее хорошенько и снисходительно кивнувъ Шарлоттѣ, онъ отпилъ глотокъ пива, который, повидимому, подѣйствовалъ на него самымъ пріятнымъ образомъ. Онъ думалъ сдѣлать еще одинъ глотокъ, но ему помѣшали: вдругъ растворилась дверь, и въ комнату вошелъ незнакомецъ.

Это былъ м-ръ Феджинъ. Онъ вошелъ съ самымъ любезнымъ видомъ, низко поклонился и, присѣвъ къ другому столику

рядомъ съ нимъ, приказалъ осклабившемуся Барнею подать вина.

— Вечеръ чудесный, но черезчуръ холодный для настоящаго времени года, заговорилъ съ Ноемъ Феджинъ, потирая руки. Вы издалека, сэръ?

— А откуда вы это видите? спросилъ Ной.

— У насъ въ Лондонѣ нѣтъ столько пыли, отвѣтилъ Феджинъ, указывая на башмаки Ноя и его спутницы, и на ихъ узелъ.

— Ого, какой вы проницательный! Ха-ха-ха! Слышала, Шарлотта?

— Въ Лондонѣ, миленькій, поневолѣ будешь проницательнымъ, отвѣтилъ еврей, понижая голосъ до шепота,—увѣряю васъ, здѣсь это необходимо.

При этихъ словахъ Феджинъ щелкнулъ себя по носу указательнымъ пальцемъ; Ной въ свою очередь попытался продѣлать то же, хотя довольно неудачно, такъ какъ его носикъ оказался для этого слишкомъ малъ. Однако, Феджинъ, какъ видно, истолковалъ этотъ жестъ такимъ образомъ, что собесѣдникъ одного съ нимъ мнѣнія и очень радушно сталъ угощать и его изъ бутылки, которую подалъ появившійся въ это время Барней.

— Славное винцо! проговорилъ м-ръ Клейполь, причмокнувъ губами.

— Только дорого, замѣтилъ Феджинъ. Для того, чтобы пить его постоянно, надо очищать выручки, карманы, дамскіе ридикюли, квартиры, почтовыя кареты, банки...

Услыхавъ повтореніе своихъ собственныхъ словъ, Ной откинулся назадъ и перевелъ взглядъ отъ Феджина къ Шарлоттѣ; его лицо стало блѣднымъ, какъ мѣлъ, и исказилось ужасомъ.

— Успокойся, миленькій, проговорилъ Феджинъ, ближе придвигаясь къ нему. Хе-хе-хе! Счастье еще, что это я, а не другой кто услыхалъ нечаянно твои слова. Большое счастье, что только я ихъ слышалъ.

— Не я кралъ, это все она—пробормоталъ Ной. Онъ уже не сидѣлъ, развалясь съ важнымъ видомъ и вытянувъ ноги, напротивъ, какъ можно дальше запряталъ ихъ подъ стулъ.— Деньги и теперь у нея. Вѣдь у тебя онѣ, Шарлотта, сама знаешь!

— Рѣшительно все равно, у кого они, миленькій и кто ихъ взялъ,—возразилъ Феджинъ, но, несмотря на это, бросилъ ястребиный взглядъ на дѣвушку и оба узла:—я самъ изъ такихъ же, и потому-то ты мнѣ такъ по душѣ пришелся.

— Изъ какихъ? переспросилъ Ной, начиная мало-по-малу приходить въ себя.

— Да такимъ же промысломъ самъ занимаюсь, пояснилъ Феджинъ, въ этомъ домѣ всѣ этимъ занимаются; вы попали какъ разъ, куда слѣдовало, и здѣсь въ такой безопасности какъ

нигдѣ. Во всемъ Лондонѣ нѣтъ мѣста надежнѣе „Трехъ Калѣкъ“, для тѣхъ, разумѣется, кто мнѣ придется по нраву. А ты и эта молодая женщина мнѣ понравились, и потому, какъ я уже сказалъ, вы можете не бояться.

Это увѣреніе, можетъ быть, и подѣйствовало успокоительнымъ образомъ на духъ Ноя Клейполя, но не на плоть его, потому что онъ весь корчился, извивался, принималъ самыя причудливыя положенія, недовѣрчиво и испуганно поглядывая на своего новаго друга.

— Я скажу тебѣ даже больше, обратился къ нему Феджинъ, успокоивъ Шарлотту ласковымъ кивкомъ головы и нѣсколькими, сказанными шепотомъ словами.—У меня есть другъ, который, какъ мнѣ сдается, можетъ помочь тебѣ осуществить твое завѣтное желаніе и поставить тебя на такую дорогу, гдѣ ты можешь заняться сперва самымъ подходящимъ для тебя дѣломъ, а потомъ выучиться и другимъ.

— Вы говорите какъ будто въ серьезъ, пролепеталъ Ной.

— А что за нужда мнѣ шутить? пожимая плечами замѣтилъ Феджинъ. Мнѣ надо потолковать съ тобой съ глазу на глазъ, выйдемъ на минутку.

— Зачѣмъ намъ безпокоиться, пусть она снесетъ наши вещи наверхъ. Шарлотта, возьми узлы и убирайся! скомандовалъ Ной, вытягивая опять свои ноги во всю длину ихъ.

Приказъ этотъ, отданный важнымъ тономъ, былъ исполненъ безъ малѣйшаго ропота: Шарлотта немедленно собрала узлы и ушла. Ной растворилъ ей дверь и проводилъ ее глазами.

— Она у меня довольно вымуштрована, не правда ли? спросилъ Ной еврея, вернувшись на мѣсто, такимъ тономъ, будто говорилъ объ укрощеніи дикаго звѣря.

— Великолѣпно! отозвался Феджинъ, гладя его по плечу. Ты, миленькій,—просто геній!

— Еслибъ я имъ не былъ, меня бы здѣсь не было, отвѣчалъ Ной. Но не теряйте времени попусту, а то она скоро вернется.

— Такъ что же ты скажешь? Согласенъ поступить къ моему пріятелю, если ты ему полюбишься?

— Смотря по тому, что онъ за птица, отвѣчалъ Ной, подмигивая своимъ крошечнымъ глазомъ.

— Онъ глава остальнымъ, въ его распоряженіи куча народа: все, что есть лучшаго по нашей части, работаетъ у него.

— И все это заправскіе, столичные молодцы? спросилъ Ной.

— Между ними нѣтъ ни одного не городского, я думаю, онъ и тебя бы не принялъ, даже при моей рекомендаціи, еслибъ въ настоящее время не было у него временнаго недостатка въ помощникахъ.

— А ему, пожалуй, придется вручить вотъ это? освѣдомился Ной, хлопнувъ себя по карману.

— Да, ужъ безъ этого никакъ невозможно, рѣшительно заявилъ еврей.

— Но двадцать фунтовъ... вѣдь это огромная сумма!

— Да, но не тогда, когда это двадцатифунтовый билетъ, который не знаешь, какъ сбыть съ рукъ, возразилъ Феджинъ. Номеръ билета и число навѣрное записаны, и въ банкѣ предупреждены уже, чтобъ остановить по немъ уплату. Многаго ли стоитъ такой билетъ, а? Его придется сплавлять за границу, и купятъ его за самую ничтожную цѣну.

— Когда мнѣ можно будетъ повидаться съ вашимъ пріятелемъ? нерѣшительно спросилъ Ной.

— Завтра утромъ.

— Гдѣ?

— Здѣсь.

— Гм! А жалованье какое?

— Житье на всемъ готовомъ, вполнѣ господское—столъ и квартира, и табакъ, и вино, все даромъ, а кромѣ того половину всего, что добудешь, и половину изъ всего, что добудетъ молодка.

Весьма сомнительно, согласился ли бы Ной Клейполь, даже на такія блестящія условія, еслибъ онъ имѣлъ полную свободу выбора, такъ какъ онъ былъ непомѣрно жаденъ; но онъ кстати вспомнилъ, что находится во власти своего новаго знакомца и тотъ въ случаѣ его отказа можетъ немедленно предать его въ руки властей (въ этомъ не было ничего невѣроятнаго, такъ какъ съ нимъ только что произошли еще болѣе невѣроятныя вещи), но понемногу онъ сдался, заявивъ Феджину, что кажется, они, сойдутся съ его пріятелемъ.

— Но видите ли, такъ какъ она годится на всякую работу и можетъ много сработать, то мнѣ хотѣлось бы на свою долю чего-нибудь самаго легкаго, добавилъ онъ.

— Въ родѣ какой нибудь изящной рукодѣльной работы? шутя подсказалъ еврей.

— Ну да, что-нибудь полегче. Какая работа, по вашему мнѣнію, мнѣ больше подойдетъ? Изъ такихъ, видите ли, чтобъ не требовала слишкомъ большихъ усилій и была не очень опасна. Такая работа мнѣ будетъ по душѣ!

— Я слышалъ, ты говорилъ насчетъ шпіонства и выслѣживанія? Мой пріятель очень нуждается въ человѣкѣ, который бы хорошо повелъ это дѣло.

— Да, я говорилъ объ этомъ и иногда не откажусь и отъ такого дѣла,—промычалъ Ной,—только, какъ вамъ извѣстно, оно денегъ не приноситъ.

— Это вѣрно,—подумавъ, или сдѣлавъ видъ что думаетъ, замѣтилъ еврей.—Оно себя не окупаетъ.

— Такъ что же вы присовѣтуете? съ безпокойствомъ глядя на него проговорилъ Ной.—Что нибудь... Что нибудь такое, что можно дѣлать украдкой, ничѣмъ не рискуя, и чтобъ барышъ былъ вѣрный?

— Что ты думаешь насчетъ пожилыхъ дамъ? Можно не

мало заработать: только вырвать у нихъ изъ рукъ ридикюли и покупки, а затѣмъ опрометью за уголъ, и былъ таковъ.

— Да вѣдь онѣ подымутъ крикъ, а пожалуй иная и глаза выцарапаетъ, возразилъ Ной, покачавъ головой. Нѣтъ, это, кажется, мнѣ не подходитъ. Не знаете ли чего-нибудь еще?

— Нашелъ! воскликнулъ еврей, положивъ руку ему на колѣно. Займись ребятами!

— Какъ это?

— Матери часто посылаютъ маленькихъ дѣтей за покупками съ шиллингомъ или шестипенсовикомъ, ребята всегда держатъ монету эту на готовѣ въ рукахъ; ты отнимаешь ее у него, сталкиваешь его въ канаву и продолжаешь тихо идти впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало, точно ребенокъ просто упалъ нечаянно и ушибся, ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! залился Ной, вскинувъ кверху ноги отъ восторга. Вотъ это какъ разъ по мнѣ!

— Конечно! подхватилъ Феджинъ. И не мало такой дичи попадется тебѣ въ окрестностяхъ Кэмдентауна и Баттльбриджа, куда ихъ постоянно посылаютъ съ порученіями; тамъ въ любое время дня изловишь такихъ ребятъ, сколько понадобиться. Ха-ха-ха!

Феджинъ толкнулъ мистера Клейполя въ бокъ, и оба разразились оглушительнымъ смѣхомъ.

— Ну, значитъ все улажено, сказалъ Ной, переставъ, наконецъ, хохотать, когда Шарлотта явилась съ верху. Такъ въ которомъ часу условимся завтра встрѣтиться?

— Десять часовъ удобно будетъ? спросилъ Феджинъ и послѣ утвердительнаго кивка со стороны мистера Клейполя добавилъ: А какъ назвать мнѣ васъ своему пріятелю?

— Больтеръ, отвѣтилъ Ной, заранѣе приготовившійся къ такому вопросу,—мистеръ Морицъ Больтеръ, а это мистриссъ Больтеръ.

— Свидѣтельствую свое почтеніе мистриссъ Больтеръ, надѣюсь вскорѣ ближе познакомиться, сказалъ Феджинъ, съ преувеличенной вѣжливостью отвѣшивая поклонъ.

— Слышишь, къ тебѣ обращаются, Шарлотта! крикнулъ м-ръ Клейполь.

— Слышу, милый Ной! отвѣчала она, протягивая Феджину руку.

— Она называетъ меня Ноемъ вмѣсто ласкательнаго имени, понимаете? пояснилъ Феджину м-ръ Морицъ Больтеръ, бывшій Клейполь.

— О, понимаю, отлично понимаю, отвѣчалъ Феджинъ, въ первый разъ говоря правду. Добрый вечеръ! Добрый вечеръ!

И онъ удалился со всяческими прощальными привѣтствіями и пожеланіями. Ной Клейполь, давъ своей подругѣ совѣтъ насторожить уши, началъ просвѣщать ее насчетъ заключеннаго имъ договора, при чемъ принялъ высокомѣрный видъ, подо-

бающій представителю сильнаго пола и вмѣстѣ съ тѣмъ лицу, возведенному въ спеціальную должность дѣтскаго грабителя съ неограниченными полномочіями въ Лондонѣ и его окрестностяхъ.

ГЛАВА XLIII.

Какъ Ловкій Пройдоха попалъ въ затруднительное положеніе.

— Такъ вашъ другъ это и есть вы сами? Знаете, я еще вчера вечеромъ это подумалъ,—говорилъ м-ръ Клейполь, онъ же Больтеръ, когда на слѣдующее утро перебрался на жительство къ Феджину, по взаимному уговору.

— Всякій изъ насъ самъ себѣ другъ, миленькій—лучшаго друга нигдѣ не найдешь, замѣтилъ съ хитрой усмѣшкой старый еврей.

— Знаете, это не всегда такъ,—возразилъ Морицъ Больтеръ, напустивъ на себя видъ человѣка опытнаго.—Есть такіе люди, что сами себѣ враги.

— Не вѣрь этому, миленькій! Когда человѣкъ является собственнымъ врагомъ, это бываетъ оттого только, что онъ ужъ слишкомъ о себѣ заботился, а вовсе не потому, что онъ думалъ о другихъ, помимо себя. Пхе! Такихъ вещей на свѣтѣ не бываетъ.

— По крайней мѣрѣ, не должно-бы бывать, поддакнулъ м-ръ Больтеръ.

— И это имѣетъ разумное основаніе. Нѣкоторые думаютъ, что магическое число—три—другіе за такое число считаютъ семь. Не вѣрь, миленькій, ни тѣмъ, ни другимъ,—такое число—одинъ.

— Ха-ха-ха! Да здравствуетъ число одинъ! воскликнулъ м-ръ Больтеръ.

Феджинъ, почувствовавъ необходимость нѣсколько измѣнить свое замѣчаніе, продолжалъ:

— Въ нашемъ маленькомъ сообществѣ мы признаемъ одинъ за общее число, то есть ты не можешь заботиться о себѣ одномъ, но долженъ и меня считать въ этомъ числѣ, и всѣхъ остальныхъ.

— Ахъ, чортъ побери! вырвалось у Больтера.

— Мы, видишь-ли, такъ тѣсно сплочены,—продолжалъ Феджинъ, дѣлая видъ, что не замѣтилъ этого восклицанія,—наши интересы такъ одинаковы, что иначе и быть не можетъ. Напримѣръ: твоя цѣль заботиться о числѣ одинъ, подъ которымъ ты подразумѣваешь себя...

— Разумѣется,—подхватилъ Больтеръ,—вы изволите говорить совершенно справедливо.

— Но смотря на себя, какъ на нумеръ первый, ты смотришь въ то же время и на меня, какъ на нумеръ первый.

— То есть какъ на второй, вы хотите сказать,—перебилъ его Больтеръ, отъ природы одаренный способностью любить себя больше всего на свѣтѣ.

— Нѣтъ, этого я вовсе не хотѣлъ сказать, возразилъ Феджинъ: я для тебя представляю такую-же важность, какъ и ты самъ.

— Вы очень хорошій человѣкъ и очень мнѣ полюбились, но все же, скажу вамъ правду, мы не настолько близки, чтобъ такъ смотрѣть другъ на друга,—прервалъ его м-ръ Больтеръ.

— Да ты пораскинь умомъ да обсуди толкомъ,—проговорилъ Феджинъ, пожимая плечами и протягивая къ нему руки. Ты обдѣлалъ славное дѣльце и полюбился мнѣ за это, между тѣмъ это дѣльце такого сорта, что можетъ повязать тебѣ на шею галстукъ, который затягивается очень легко, а развязывается чрезвычайно трудно, или, говоря понятнымъ языкомъ, просто на просто веревочную петлю! Не такъ-ли?

М-ръ Больтеръ поднесъ руку къ галстуку, какъ будто тотъ былъ слишкомъ туго затянутъ, и пробормоталъ какой-то уклончивый, но по существу согласный отвѣтъ.

— Висѣлица, миленькій,—продолжалъ Феджинъ,—висѣлица, это такой пакостный столбъ, который указываетъ быстрый и крутой поворотъ въ жизни; онъ останавливалъ не мало удальцовъ, подвизавшихся на большой дорогѣ. Держаться какъ можно подальше отъ этого столба и не сбиваться съ вѣрной дороги—вотъ для тебя первая и главная цѣль.

— Ну еще-бы, стоитъ-ли объ этомъ разговаривать! поддакнулъ м-ръ Больтеръ.

— Я говорю объ этомъ только затѣмъ, чтобы выяснить тебѣ, какъ я понимаю дѣло, проговорилъ Феджинъ, подымая брови кверху. Ты находишься въ зависимости отъ меня, чтобъ имѣть возможность работать. Что-же касается успѣшнаго хода моей маленькой коммерціи, я нахожусь въ зависимости отъ тебя. Первое—является первымъ дѣломъ для тебя, второе—является первымъ дѣломъ для меня; чѣмъ больше тебѣ дорогъ свой нумеръ первый, тѣмъ больше ты долженъ заботиться обо мнѣ, такимъ образомъ мы опять возвращаемся къ тому, что я сказалъ вначалѣ, а именно, что всѣхъ насъ связываетъ вмѣстѣ наше предпочтеніе къ числу одинъ, и такъ должно быть непремѣнно, иначе всѣ мы вмѣстѣ полетимъ къ чорту.

— Это вѣрно, задумчиво проговорилъ м-ръ Больтеръ. О, да вы старикъ прехитрый!

М-ръ Феджинъ увидѣлъ, къ своему вящшему удовольствію, что эта похвала его талантамъ была не простымъ комплиментомъ, но что завербованный имъ новый рекрутъ воровской арміи дѣйствительно проникся благоговѣніемъ къ его геніальному лукавству, а это онъ считалъ самымъ важнымъ въ началѣ

знакомства. Чтобы еще болѣе усилить такое желательное и полезное впечатлѣніе, онъ принялся подробно разсказывать о томъ, какъ колоссальны и широки его операціи, при этомъ онъ къ правдѣ примѣшивалъ и небылицы, насколько то нужно было для его цѣли. Онъ сумѣлъ ихъ соединить съ такимъ искусствомъ, что уваженіе къ нему мистера Больтера замѣтно возросло и въ то же время къ нему примѣшалась нѣкоторая доза спасительнаго страха, который его собесѣдникъ чрезвычайно желалъ въ немъ вызвать.

— Это-то взаимное довѣріе наше другъ къ другу и утѣшаетъ меня въ моей тяжкой утратѣ, закончилъ Феджинъ. Вчера утромъ я потерялъ своего лучшаго сотрудника.

— Умеръ? неужели? вскричалъ м-ръ Больтеръ.

— Нѣтъ, не умеръ, дѣло еще не такъ плохо.

— Такъ значитъ онъ...

— Находится въ настоящее время въ отсутствіи, перебилъ его Феджинъ, н-да въ отсутствіи.

— Что нибудь важное?

— Нѣтъ, не особенно. Онъ обвиняется въ совершеніи карманной кражи, а при немъ была найдена серебряная табакерка,— его собственная, мой милый, его собственная, такъ какъ онъ нюхаетъ табакъ и очень любитъ нюхать. Но его задержали до сегодняшняго дня, потому что забрали себѣ въ голову разыскать владѣльца табакерки. Ахъ, онъ стоитъ пятидесяти табакерокъ, и я съ удовольствіемъ-бы ихъ отдалъ, лишь бы его вернуть. Ахъ, еслибъ ты его зналъ, еслибъ ты зналъ Пройдоху!

— Но я навѣрное еще съ нимъ познакомлюсь. Какъ вы думаете?

— Навѣрное сказать не могу, со вздохомъ отвѣчалъ Феджинъ. Если противъ него не отыщется новыхъ уликъ, онъ пробудетъ въ отсутствіи недолго, и недѣль черезъ шесть мы его увидимъ, но если улики объявятся, онъ попадетъ въ долговременные. Имъ извѣстно, какой онъ ловкій малый, и закатаютъ его, должно быть, пожизненнымъ. Да, навѣрное не помирятся меньше, чѣмъ на пожизненномъ.

— Что это значитъ: долговременный, пожизненный? Къ чему вы употребляете въ разговорѣ со мной такія слова? Говорите такъ, чтобъ я васъ понялъ, приступилъ къ Феджину м-ръ Болтеръ.

Феджинъ хотѣлъ было перевести эти загадочныя выраженія на обыкновенный языкъ и объяснить мистеру Больтеру, что они обозначаютъ пожизненное заключеніе, но ему помѣшалъ внезапный приходъ Чарльза Бэтса. Онъ вошелъ, засунувъ руки въ карманы, съ лицомъ огорченнымъ, но сохранявшимъ все таки комическое выраженіе.

— Все лопнуло, Феджинъ! обратился Чарли къ еврею послѣ того, какъ тотъ познакомилъ его съ новымъ товарищемъ.

— Что ты хочешь сказать?

— Разыскали владѣльца табакерки, нѣсколько свидѣтелей удостовѣрили его личность, и Пройдоха прокатится даромъ въ далекія страны. Приготовь мнѣ, Феджинъ, траурную пару и шляпу съ креповой повязкой, чтобъ посѣтить его передъ отправленіемъ въ путь. Подумай: Джекъ Даукинсъ, хитрый Джекъ, Пройдоха, Ловкій Пройдоха, и отправится за океанъ изъ-за какой-то глупой грошевой табакерки! Я ни за что-бы не повѣрилъ, что онъ пропадетъ меньше, чѣмъ за золотые часы съ цѣпочкой и печатями. И зачѣмъ только онъ не обокралъ начисто какого нибудь богатаго старика! онъ тогда бы хоть отправился-то съ почетомъ, какъ знаменитость, а не какъ обыкновенный воришка безъ чести и славы!

Такъ выражалъ свое сочувствіе несчастію друга Чарльзъ Бэтсъ, опустившись на первый попавшійся стулъ и изобразивъ на лицѣ своемъ глубокую печаль и уныніе.

— Что ты толкуешь вздоръ, будто онъ не стяжалъ ни чести, ни славы! бросивъ сердитый взглядъ на своего воспитанника, воскликнулъ Феджинъ. Развѣ онъ не былъ среди васъ первымъ? развѣ изъ васъ кто нибудь могъ потягаться съ нимъ или сколько нибудь приблизиться къ нему?

— Никто, разумѣется, никто, согласился Бэтсъ прерывающимся отъ волненія голосомъ.

— Такъ о чемъ-же разговаривать? гнѣвно крикнулъ Феджинъ. Чего ты расхныкался?

— А потому, что обо всемъ этомъ не сказано въ протоколѣ,—возразилъ Чарли, до того разгорячившись подъ вліяніемъ горя, что отважился противорѣчить своему почтенному покровителю. И такъ какъ объ этомъ небудетъ сказано въ приговорѣ суда, для всѣхъ останется неизвѣстнымъ, каковъ былъ Пройдоха. Какъ его обозначатъ въ Ньюгетскомъ календарѣ? Можетъ быть, онъ вовсе туда не попадетъ! Охъ, свѣтики мои, какой ужасный ударъ!

— Ха-ха-ха! засмѣялся Феджинъ, указывая мистеру Больтеру на Чарли рукою. Онъ такъ трясся отъ хохота, точно у него начинался припадокъ судорогъ. Ха-ха-ха! посмотри-ка, миленькій, какъ они гордятся своимъ ремесломъ! Развѣ это не восхитительно?

М-ръ Больтеръ въ знакъ согласія кивнулъ головой. Феджинъ нѣсколько времени съ видимымъ удовольствіемъ взиралъ на своего огорченнаго воспитанника, потомъ подошелъ къ нему и потрепалъ по плечу.

— Не кручинься, Чарли,—успокоительно промолвилъ онъ,— все станетъ извѣстнымъ, въ этомъ будь увѣренъ. Всѣ узнаютъ, какой онъ ловкій малый, онъ самъ имъ себя покажетъ, не осрамитъ своихъ однокашниковъ и учителей. Прими въ разсчетъ и то, какъ онъ еще молодъ! Это вѣдь рѣдкое отличіе, Чарли, въ такіе годы быть зачисленнымъ въ долгосрочные?

— Да, это, конечно, почетно, замѣтилъ Чарли, немного утѣшившись.

— У него будетъ въ тюрьмѣ рѣшительно все, что ему понадобится,—продолжалъ еврей;—онъ будетъ тамъ содержаться по барски. Да, Чарли, совсѣмъ по барски: у него будетъ каждый день пиво, и карманныя деньги, пусть швыряетъ ими, какъ хочетъ, если не сможетъ ихъ расходовать.

— Такъ у него не будетъ ни въ чемъ недостатка? воскликнулъ Чарли.

— Непремѣнно! И мы добудемъ ему въ защитники какого нибудь знаменитаго адвоката, который считается самымъ краснорѣчивымъ, а онъ, если захочетъ, самъ произнесетъ рѣчь, и мы прочтемъ о немъ въ газетахъ: „Ловкій Пройдоха... смѣхъ и одобрительныя восклицанія... вся судебная зала была поражена“. Эге, что скажешь, Чарли?

— Ха-ха-ха! Вотъ забавно было бы, не правда-ли, Феджинъ? Какъ сбилъ-бы ихъ съ толку Пройдоха, если бы такъ случилось!

— Говорю тебѣ, что такъ и будетъ! вскричалъ Феджинъ.

— Такъ и будетъ, такъ и будетъ! повторялъ Чарли, радостно потирая руки.

— Я какъ теперь его вижу,—воскликнулъ старикъ, устремляя взоръ на своего питомца.

— И я тоже! Ха-ха-ха! Точно всю эту картину вижу собственными глазами, честное слово! Вотъ такъ умора, Феджинъ, просто умора: всѣ эти господа судьи стараются напустить на себя самый торжественный видъ, а тутъ Джекъ Даукинсъ обращается къ нимъ за панибрата и держитъ себя такъ свободно, будто онъ родной ихъ сынъ, который произноситъ въ домашнемъ кругу маленькую рѣчь послѣ обѣда. Ха-ха-ха!.

Феджинъ сумѣлъ такъ ловко воспользоваться склонностью своего питомца ко всему оригинальному, что Чарли, вначалѣ смотрѣвшій на арестованнаго Даукинса какъ на жертву, теперь видѣлъ въ немъ актера, готовящагося сыграть главную роль въ интересной, изъ ряда вонъ выходящей комической сценѣ. Онъ испытывалъ даже нѣкоторое нетерпѣніе въ ожиданіи того момента, когда его старому другу достанется такой счастливый случай выказать себя въ полномъ блескѣ.

— Намъ надо развѣдать, въ какомъ положеніи нынче его дѣла, молвилъ Феджинъ. Какъ-бы это устроить? Ну ка, подумаемъ!

— Не отправиться-ли туда мнѣ? предложилъ Чарли.

— Ни за что на свѣтѣ! Рехнулся ты что ли, миленькій? Это просто безуміе идти тебѣ въ то самое мѣсто, гдѣ... Нѣтъ, нѣтъ, Чарли, довольно съ меня, что и одного потерялъ.

— Надѣюсь, ты не собираешься-же пойти самъ? спросилъ Чарли, насмѣшливо прищурившись.

— Мнѣ это не совсѣмъ удобно, отвѣтилъ Феджинъ, качая головой.

— Почему бы въ такомъ случаѣ не послать тебѣ этого молодчика? Его здѣсь никто не знаетъ,—проговорилъ Чарли, положивъ руку на плечо Ною.

— Если онъ не побоится... началъ Феджинъ.

— Да ему-то чего-же бояться? перебилъ Чарли.

— Рѣшительно нечего, миленькій, рѣшительно нечего, обратился Феджинъ къ мистеру Больтеру.

— Ну, про это надо меня спросить, возразилъ Ной, пятясь къ дверямъ и озабоченно качая головой.—Нѣтъ, ни за что, это не по моей части.

— А онъ по какой части, Феджинъ? спросилъ Чарли, съ величайшимъ отвращеніемъ окинувъ взглядомъ одутловатую физіономію Ноя.—Удирать во всѣ лопатки, когда случится бѣда, и наѣдаться до отвалу, когда все благополучно? Это, что ли, его спеціальность?

— Не ваше дѣло, отрѣзалъ Ной.—И вы, молодой человѣкъ, не позволяйте себѣ со старшимъ такихъ вольностей, а то можете попасть въ просакъ.

М-ръ Бэтсъ, послѣ этой безподобной тирады, залился такимъ оглушительнымъ хохотомъ, что прошло не мало времени, прежде чѣмъ Феджинъ могъ возобновить разговоръ. Старый еврей какъ по пальцамъ доказалъ мистеру Больтеру, что, отправляясь въ полицейское судилище, тотъ не подвергается рѣшительно никакой опасности, что еще не успѣли дать знать въ столицу о томъ маленькомъ дѣльцѣ, въ которомъ онъ былъ замѣшанъ, и, слѣдовательно, примѣты его не сообщены, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще и не подозрѣваютъ о томъ, что онъ явился сюда искать убѣжища, и, если онъ умѣло переодѣнется, полиція явится для него самымъ безопаснымъ мѣстомъ въ Лондонѣ, такъ какъ никому и въ умъ не взбредетъ предположить, чтобъ онъ могъ добровольно туда отправиться.

Отчасти убѣжденный этими резонами, но главнымъ образомъ повинуясь страху, какой внушалъ ему Феджинъ, мистеръ Больтеръ, наконецъ, согласился, хотя и очень неохотно, принять на себя это порученіе. По распоряженію еврея онъ немедленно переодѣлся въ костюмъ деревенскаго возницы: кафтанъ, плисовые шаровары и кожаные штиблеты,—всѣ эти вещи оказались у Феджина на лицо. Дали ему еще длинный кнутъ и войлочную шляпу, за ленту которой были заткнуты пропускные билеты отъ разныхъ заставъ. Снаряженный такимъ образомъ, онъ смѣло могъ затесаться въ полицейскій судъ, подъ видомъ деревенскаго парня, пріѣхавшаго на скотопригонный рынокъ и изъ любопытства шатающагося по Лондону.

Своей неловкой, неуклюжей, долговязой фигурой Ной какъ нельзя болѣе подходилъ къ этой роли, и Феджинъ не сомнѣвался, что онъ исполнитъ ее великолѣпно.

По окончаніи всѣхъ приготовленій ему описали всѣ пр - мѣты и отличительныя черты Даукинса, и м-ръ Бэтсъ по тем-

нымъ и кривымъ закоулкамъ повелъ его обходнымъ путемъ къ Боу-стриту. По дорогѣ Чарли съ величайшей точностью описалъ ему расположеніе зданія, гдѣ помѣщается судъ, и далъ самое подробное наставленіе, какъ онъ долженъ идти: сперва пройти весь корридоръ до конца, потомъ выйти на дворъ, свернуть въ первую дверь направо, взойти на лѣстницу и снять шапку передъ тѣмъ, какъ войти въ залу. Чарли обѣщалъ дождаться возвращенія на томъ мѣстѣ, гдѣ они разстались и просилъ только его не мѣшкать.

Ной Клейполь или Морицъ Больтеръ, если это больше нравится читателю, послушно исполнилъ всѣ полученныя наставленія; такъ какъ м-ръ Бэтсъ зналъ это мѣсто, какъ свои пять пальцевъ, то указанія его отличались необыкновенной точностью, что дало возможность провинціалу добраться до судебной залы безпрепятственно и даже безъ взякихъ распросовъ. Онъ замѣшался въ толпу, которая наполняла судебную залу; въ этой толпѣ больше всего было женщинъ. Судебная зала была грязная вонючая комната, гдѣ у лѣвой стѣны возвышалась обнесенная перилами эстрада со скамьей для подсудимыхъ, посрединѣ—скамья для свидѣтелей, а направо судейскій столъ. Послѣдній былъ отдѣленъ высокой загородкой, скрывавшей его отъ постороннихъ взоровъ и предоставлявшей толпѣ мысленно рисовать себѣ (если только возможно это сдѣлать) величественную картину отправленія правосудія.

Скамья подсудимыхъ была занята двумя женщинами, которыя перемигивались со своими обожателями, находившимися въ числѣ зрителей; между тѣмъ писецъ читалъ протоколъ двумъ полицейскимъ и какому-то плохо одѣтому человѣку, нагнувшемуся къ нему черезъ столъ. Прислонившійся къ рѣшоткѣ тюремщикъ, отъ нечего дѣлать, похлопывалъ себя по носу большимъ ключомъ. Изрѣдка онъ призывалъ публику къ порядку, когда кто-либо возвышалъ голосъ, да приказывалъ, сурово нахмурившись, какой-нибудь бабѣ „убрать пискуна“, когда торжественность судебнаго засѣданія нарушалась дѣтскимъ крикомъ, полузаглушеннымъ материнской шалью.

Въ залѣ стоялъ тяжелый спертый воздухъ; цвѣта стѣнъ отъ грязи нельзя было разсмотрѣть, потолокъ совсѣмъ почернѣлъ отъ копоти, на каминѣ красовался чей-то старый потемнѣвшій бюстъ; надъ скамьей подсудимыхъ висѣли запыленные стѣнные часы,—единственный, кажется, предметъ, который имѣлъ надлежащій видъ изъ всѣхъ, находящихся въ комнатѣ. Все остальное носило ужасную печать разврата и нищеты, или слѣды тѣсной близости съ ними, и это неизгладимое клеймо, лежащее на предметахъ одушевленныхъ, казалось, еще болѣе отвратительнымъ, чѣмъ толстая кора грязи, украшавшая убогую обстановку судилища.

Ной оглядывался во всѣ стороны, ища Пройдоху, но не находилъ никого, подходящаго къ описанію. Зато здѣсь было

много женщинъ, годившихся въ матери или сестры этому знаменитому герою, и не мало мужчинъ, въ которыхъ можно было заподозрить сильное сходство съ его отцомъ. Ной находился въ сильномъ недоумѣніи и смущеніи, пока присужденныя къ тюремному заключенію не удалились изъ залы съ наглымъ видомъ. Но вотъ на скамьѣ подсудимыхъ появилась личность, въ которой Ной, къ своему удовольствію, съ перваго взгляда узналъ того, ради кого онъ сюда пришелъ.

Это былъ дѣйствительно м-ръ Даукинсъ. Съ загнутыми по обыкновенію рукавами сюртука, съ засунутой въ карманъ лѣвой рукой, держа въ правой шляпу, онъ шествовалъ въ перевалку впереди тюремщика. Занявъ мѣсто за рѣшеткой, онъ громкимъ звучнымъ голосомъ освѣдомился, чему обязанъ тѣмъ, что занимаетъ такое унизительное положеніе.

— Молчать! прикрикнулъ на него тюремщикъ.

— Развѣ я не англичанинъ? Гдѣ же послѣ того мои права? возразилъ Даукинсъ.

— Погоди! Вотъ тебѣ сейчасъ покажутъ, какія у тебя права, пригрозилъ ему тюремщикъ.

— Увидимъ, что скажетъ по этому поводу господамъ-судьямъ статсъ-секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ, продолжалъ Пройдоха.—Ладно, приступайте къ дѣлу. Я очень буду благодаренъ господамъ судьямъ, если они займутся немедленно моимъ дѣломъ, вмѣсто того, чтобы читать газеты и даромъ задерживать меня здѣсь: у меня назначено дѣловое свиданіе съ однимъ господиномъ въ Сити, и такъ какъ онъ знаетъ, что я всегда исполняю данное обѣщаніе и чрезвычайно пунктуаленъ въ дѣлахъ, то онъ уйдетъ, если я не явлюсь во время, тогда, можетъ статься, придется заплатить за убытки тѣмъ, кто задержалъ меня.

Тутъ Пройдоха, принявъ озабоченный видъ, спросилъ у тюремщика (на томъ основаніи, что это ему понадобится потомъ при подачѣ жалобы) фамиліи „тѣхъ двухъ старыхъ филиновъ, что засѣдаютъ за судейскимъ столомъ". Эта выходка очень понравилась зрителямъ, и они принялись такъ громко хохотать, какъ хохоталъ бы м-ръ Бэтсъ, если бы онъ здѣсь присутствовалъ.

— Молчать! крикнулъ опять тюремщикъ.

— Въ чемъ обвиняется подсудимый? поинтересовался одинъ изъ судей.

— Карманная кража, ваша честь.

— Этотъ мальчикъ раньше бывалъ уже здѣсь?

— Вѣроятно бывалъ, и не разъ, онъ кажется во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ перебывалъ, насколько я знаю, отвѣчалъ тюремщикъ.

— А, такъ вы меня знаете? воскликнулъ Пройдоха, дѣлая видъ, будто отмѣчаетъ это показаніе на бумажкѣ.—Очень хорошо. Это называется опороченіемъ чести и добраго имени.

Опять раздался хохотъ, опять послѣдовало приказаніе молчать.

— Гдѣ-же свидѣтели? спросилъ дѣлопроизводитель.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ они? подхватилъ Даукинсъ. Очень интересно на нихъ поглядѣть.

Его желаніе было исполнено. Далъ показанія полицейскій, видѣвшій, какъ подсудимый среди уличной давки запустилъ руку въ карманъ какого-то господина, вытащилъ оттуда платокъ, но увидѣвъ, что платокъ очень ветхій, осторожно положилъ его обратно, только раньше вытеръ имъ потъ съ лица. Полицейскій тутъ же арестовалъ Даукинса и при обыскѣ нашелъ у него серебряную табакерку, на крышкѣ которой была

Въ чемъ обвиняется подсудимый? спросилъ одинъ изъ судей.

выгравирована фамилія владѣльца. При посредствѣ адресныхъ книгъ этотъ господинъ былъ отысканъ и вызванъ въ качествѣ свидѣтеля. Онъ показалъ подъ присягой, что замѣтилъ пропажу табакерки наканунѣ послѣ того какъ выбрался изъ толпы въ той же улицѣ, о которой говорилъ полицейскій. Джентльменъ тогда-же обратилъ вниманіе на одного юношу, который особенно усердно прокладывалъ себѣ дорогу въ этой толкотнѣ, и въ подсудимомъ онъ признаетъ теперь этого самаго молодого человѣка.

— Можетъ быть, вы хотите предложить свидѣтелю какой-нибудь вопросъ? спросилъ Даукинса судья.

— Я не желаю унижаться до разговоровъ съ нимъ, возразилъ Пройдоха.

— Можетъ быть, вы въ свою очередь намѣрены что-нибудь объяснить суду?

— Слышите, его честь спрашиваютъ, не хотите-ли вы что нибудь сказать? спросилъ тюремщикъ, подталкивая локтемъ Даукинса, который упорно молчалъ.

— Простите, не слышалъ, вы что-то мнѣ говорили, любезный? проговорилъ Даукинсъ, напустивъ на себя разсѣянный видъ.

— Первый разъ вижу такого прожженнаго мальчишку, усмѣхаясь замѣтилъ полицейскій. Будешь-ли ты, выжига, наконецъ, отвѣчать?

— Нѣтъ, здѣсь я не буду отвѣчать, развѣ это судъ? Это одна насмѣшка надъ правосудіемъ! заговорилъ Пройдоха. Кромѣ того, теперь мой адвокатъ завтракаетъ съ вице-президентомъ Палаты общинъ. Но я буду говорить въ другомъ мѣстѣ. О, у меня много есть что сказать, и мой адвокатъ тоже наговоритъ имъ съ три короба, а также многочисленные друзья, которыхъ я имѣю среди самаго избраннаго общества. Небу жарко станетъ! судьи пожалѣютъ, зачѣмъ на свѣтъ родились, пожалѣютъ, что ихъ лакей не удавилъ ихъ на вѣшалкѣ, когда они утромъ одѣвались, чтобы идти меня судить. Я ихъ заставлю...

— Довольно. Постановлено предать его суду слѣдующей инстанціи. Уведите его! прервалъ дѣлопроизводитель этотъ потокъ рѣчей.

— Пошелъ! скомандовалъ тюремщикъ.

— О, я пойду, отвѣтилъ Пройдоха, разглаживая рукою ворсъ на своей шляпѣ.—Нечего съ такимъ испугомъ таращить на меня глаза,—обратился онъ къ судьямъ,—я вамъ не дамъ пощады,—и не надѣйтесь! Вы поплатитесь за сегодняшнее, любезные! Теперь я ни за что не пойду на уступки. Теперь я не желаю свободы; еслибъ даже вы на колѣняхъ меня просили вернуться на свободу, я не соглашусь. Ведите меня въ тюрьму, слышите!

Такъ говорилъ Пройдоха въ то время, какъ тюремщикъ, безцеремонно взявъ его за шиворотъ, повелъ къ выходу; онъ продолжалъ грозить довести это дѣло до парламента, пока не очутился на тюремномъ дворѣ, и тогда самодовольно расхохотался прямо въ лицо своему спутнику.

Когда за Даукинсомъ затворилась дверь тюремной камеры, Ной немедленно отправился туда, гдѣ разстался съ Чарли Бэтсомъ. Здѣсь онъ нѣсколько минутъ прождалъ этого молодого человѣка, такъ какъ тотъ со свойственнымъ ему благоразуміемъ скрывался въ какомъ-то укромномъ мѣстѣ, пока

не убѣдился, что за его новымъ знакомцемъ не слѣдитъ ничей назойливый взглядъ. Они поспѣшили обрадовать мистера Феджина пріятной вѣстью, что Пройдоха дѣлаетъ честь своему воспитателю и обѣщаетъ создать себѣ славное имя.

ГЛАВА XLIV.

Приходитъ время сдержать слово, данное Розѣ Мейли. Это Нанси не удается.

Какъ ни умѣла Нанси хитрить и притворяться, она не могла вполнѣ скрыть того волненія, какое вызывала въ ней мысль о совершенномъ ею шагѣ. Ей приходило на умъ, что и коварный еврей, и грубый Сайксъ посвящали ее въ такіе планы, которые скрывали отъ всѣхъ другихъ, считая ее вполнѣ заслуживающей довѣрія и внѣ всякихъ подозрѣній. Какъ ни отвратительны были эти планы и ихъ творцы, какія горькія чувства ни вызывалъ въ ней Феджинъ, затянувшій ее постепенно въ такую пучину преступленій и бѣдъ, откуда не было выхода, все-таки были моменты, когда ее терзали угрызенія совѣсти зато, что ея доносъ толкнетъ Феджина за ту желѣзную рѣшетку, которой онъ такъ долго избѣгалъ, и что онъ погибнетъ, хотя и вполнѣ заслуженно, но отъ руки ея, Нанси.

Такія колебанія были непродолжительны, потому что если Нанси и не могла совершенно отрѣшиться отъ прежнихъ товарищей и сообщниковъ, зато она была изъ тѣхъ, которыя, разъ рѣшившись на что-нибудь, уже не отклонятся въ сторону.

Единственное, что еще могло бы заставить ее отступить, это боязнь за Сайкса, но она поставила въ условіе, что ея тайна будетъ свято соблюдена; она не обмолвилась ни единымъ словомъ, по которому можно бы было выслѣдить его; она ради него отказалась даже принять предложенное ей избавленіе отъ всего порока и горя, среди которыхъ влачилась ея жизнь... Что же больше могла она сдѣлать? Нѣтъ, рѣшеніе ея было непоколебимо.

Всякій разъ внутренняя ея борьба кончалась такимъ заключеніемъ, но душу ея снова и сноваа обуревали сомнѣнія, и этотъ душевный разладъ не могъ не отразиться на ея наружности. За эти нѣсколько дней она замѣтно поблѣднѣла и похудѣла. Часто она совершенно забывала о томъ, что происходило вокругъ, равнодушно внимала разговорамъ, въ которыхъ прежде приняла бы живѣйшее участіе. То вдругъ начинала притворно смѣяться и принималась суетиться безъ всякой надобности и причины. Иногда, сейчасъ же вслѣдъ за такимъ временнымъ возбужденіемъ, внезапно смолкала и сидѣла, опустивъ голову на руки, застывъ въ мрачной задумчивости, и

чтобъ вернуться къ дѣйствительности, ей нужно было сдѣлать надъ собой огромное усиліе. Все это указывало на то, что ея душа неспокойна, что ея мысли гдѣ-то далеко и заняты чѣмъ-то другимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ разговоромъ, который вели окружающіе.

Дѣло было въ воскресенье вечеромъ. На сосѣдней колокольнѣ забили часы. Сайксъ и Феджинъ прервали свою бесѣду и стали прислушиваться. Нанси, сидѣвшая согнувшись на низенькой табуреткѣ, подняла голову и тоже стала считать удары. Одиннадцать.

— Остался ровно часъ до полуночи, замѣтилъ Сайксъ, заглянулъ на улицу, опустилъ штору и вернулся на прежнее мѣсто. Ни зги не видать. Ночка какъ разъ для работы.

— Какая жалость, Биль, что у насъ пока нѣтъ ничего наготовѣ.

— Въ кои-то вѣки сказалъ правду! угрюмо процѣдилъ Сайксъ. Эхъ, жаль, я какъ нарочно въ ударѣ.

Феджинъ вздохнулъ и грустно покачалъ головой.

— Ничего, мы наверстаемъ потерянное время, когда представится что нибудь подходящее, сказалъ Сайксъ.

— Дѣло говоришь, миленькій! Мнѣ пріятно это слышать! воскликнулъ Феджинъ, отваживаясь потрепать его по плечу.

— Ну и радуйся себѣ на здоровье! буркнулъ Сайксъ.

— Ха-ха-ха! залился Феджинъ, какъ будто одно это позволеніе уже доставило ему утѣшеніе. Ты сегодня сталъ опять на себя похожъ, Биль! Опять къ тебѣ вернулось хорошее расположеніе духа!

— Оно у меня пропадаетъ, когда я чувствую у себя на плечѣ твою отвратительную костлявую лапу, а потому убери ее прочь.

— Это разстраиваетъ тебѣ нервы, вѣрно тебѣ представляется, будто тебя сцапали, подхватилъ Феджинъ, рѣшивъ не принимать отъ Сайкса ничего въ обидную сторону.

— Мнѣ тогда представляется, что меня сцапалъ чортъ, возразилъ Сайксъ. Ни у одного человѣка въ мірѣ не бывало такой мерзопакостной рожи, какъ у тебя, кромѣ, быть можетъ, твоего папеньки, который, по всей вѣроятности, въ эту минуту подпаливаетъ въ пеклѣ свою рыжую бороду. Впрочемъ, я нисколько не удивился бы, узнавъ, что ты, происходишь прямо отъ чорта, безъ всякаго иного родителя.

Феджинъ оставилъ безъ отвѣта этотъ комплиментъ, схвативъ Сайкса за рукавъ, онъ указалъ ему на Нанси, которая во время ихъ разговора надѣла шляпку и готова уже была уйти изъ комнаты.

— Это что? Куда ты идешь, Нанси, въ такую пору? окрикнулъ ее Сайксъ.

— Недалеко.

— Что это за отвѣтъ? крикнулъ Сайксъ, куда ты идешь?

— Говорю тебѣ недалеко.

— А я спрашиваю: куда? Развѣ ты не слыхала?

— Я и сама не знаю, куда пойду.

— А я такъ знаю! Ты никуда не пойдешь. Садись на мѣсто, сказалъ Сайксъ больше изъ чувства противорѣчія, такъ какъ у него не было никакихъ основаній перечить желанію Нанси.

— Мнѣ что-то не по себѣ, я и раньше тебѣ говорила, что нездоровится. Мнѣ хочется подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Высунь голову въ окошко и дыши!

— Это не поможетъ, лучше я погуляю на улицѣ.

— На улицу ты не пойдешь, рѣшительно проговорилъ Сайксъ, всталъ, заперъ дверь, положилъ ключъ въ карманъ и, сорвавъ шляпку съ головы Нанси, закинулъ ее на самый верхъ высокаго стараго шкапа.—Сиди-ка спокойно тамъ, гдѣ сидѣла.

— Ты не можешь меня удержать дома, и безъ шляпки можно пойти, проговорила дѣвушка, поблѣднѣвъ какъ смерть.—Что это значитъ, Биль? ты самъ не знаешь, что дѣлаешь.

— Да она, видно, рехнулась, — обратился къ Феджину Сайксъ.—Посмѣла бы она такъ со мной разговаривать, если бы была въ здравомъ умѣ.

— Ты доведешь меня до чего-нибудь ужаснаго! задыхаясь пробормотала Нанси, прижимая руки къ груди, какъ бы силясь удержать закипавшее въ ней бѣшенство. Пусти меня, сейчасъ же пусти, сію минуту!

— Не пущу!

— Скажи ему, Феджинъ, чтобъ онъ пустилъ меня, это будетъ для него же лучше. Слышите? закричала Нанси, топая ногами.

— Ты спрашиваешь, слышу ли я? воскликнулъ Сайксъ, поворачиваясь вмѣстѣ со стуломъ къ ней на встрѣчу.—Какъ же, слышу; но если ты сію же минуту не замолчишь, собака такъ вцѣпится тебѣ въ глотку, что у тебя замретъ всякій крикъ. Да что это нынче на тебя нашло, тварь? Чего ты взбѣленилась?

— Пусти меня! запальчиво повторила дѣвушка. Потомъ, присѣвъ на полу у самой двери, заговорила умоляющимъ голосомъ: отпусти меня, Биль, ты не знаешь, что дѣлаешь, ей Богу! Отпусти меня только на часъ... Отпусти, пожалуйста!

— Пусть меня изрѣжутъ на части, если эта дѣвка взаправду не помѣшалась! Вставай! И Сайксъ грубо схватилъ ее за руку.

— Не встану, буду тутъ сидѣть, пока ты меня не пустишь! не встану, не встану! голосила Нанси.

Сайксъ нѣсколько времени молча смотрѣлъ на нее, затѣмъ улучивъ удобный моментъ, быстро завладѣлъ ея руками и, несмотря на то, что она отчаянно отбивалась, потащилъ ее въ сосѣднюю маленькую комнату, сѣлъ на скамью, а ее насильно посадилъ на стулъ, не переставая крѣпко держать. Она то вырывалась отъ него, то принималась снова умолять, чтобы онъ ее пустилъ. Такъ продолжалось, пока не пробило двѣнадцать часовъ; утомившись и выбившись изъ силъ, Нанси

наконецъ затихла и покорилась своей участи. Посовѣтовавъ ей выкинуть изъ головы всякую мысль о прогулкѣ и подкрѣпивъ это предостереженіе достаточнымъ числомъ ругательствъ, Сайксъ оставилъ ее одну, чтобъ она могла успокоиться въ одиночествѣ, и вернулся къ Феджину.

— Тьфу, что за отвратительная дѣвка! чортъ знаетъ, какія у нея странности! произнесъ разбойникъ, отирая съ лица потъ.

— Ужъ подлинно, Биль, ужъ подлинно, странности! поддакнулъ еврей,, какъ будто о чемъ то задумавшись.

— Отчего это она забрала себѣ въ голову идти непремѣнно сейчасъ на прогулку, какъ ты полагаешь, Феджинъ? Ты знаешь ее лучше, чѣмъ я. Что бы это могло означать?

— Просто упрямство, женское упрямство, миленькій, такъ я думаю.

— Кажется, что такъ, проворчалъ Сайксъ. Думалъ, было, что укротилъ ее, а она все такая же бѣшеная.

— Даже еще хуже стала, медленно проговорилъ Феджинъ. Я никогда еще не видѣлъ, чтобъ она такъ выходила изъ себя по этакимъ пустякамъ.

— Да и я тоже! подхватилъ Сайксъ. Сдается мнѣ, что въ нее отъ меня вселилась горячка и никакъ не можетъ выйти наружу.

— Очень на то похоже.

— Если съ ней повторится то же, я просто пущу ей кровь, не безпокоя доктора, промолвилъ Сайксъ.

Еврей кивнулъ головой въ знакъ своего полнаго одобренія этого способа лѣченія.

— Она не отлучалась отъ меня ни днемъ, ни ночью, пока я тутъ лежалъ пластомъ, а ты, черная душа, и на порогъ къ намъ не являлся. Мы очень нуждались все это время; отъ безпокойства, утомленія и долгаго сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ она, вѣроятно, и разстроилась. Ты какъ думаешь, а?

— Должно быть такъ, миленькій! Тс! прошепталъ еврей. Въ комнату при этихъ словахъ вошла Нанси и заняла свое прежнее мѣсто на табуретѣ. Ея глаза покраснѣли и распухли, она качалась, какъ пьяная, трясла головой, и спустя нѣсколько времени, громко расхохоталась.

— Эге, уже что-то новое начинается! воскликнулъ Сайксъ, съ изумленіемъ на нее взглядывая.

Феджинъ знакомъ показалъ, чтобъ онъ не обращалъ вниманія, и черезъ нѣсколько минутъ Нанси стала такою, какъ всегда. Феджинъ шепнулъ Сайксу, что теперь припадокъ навѣрное болѣе не повторится,—взялся за шляпу и распрощался. У двери онъ остановился и, оглянувшись на Сайкса попросилъ посвѣтить ему на темной лѣстницѣ.

— Посвѣти ему, Нанси, скомандовалъ Сайксъ, занятый набиваніемъ трубки. Жаль будетъ, если онъ сломаетъ себѣ раньше времени шею и лишитъ удовольствія любопытныхъ зѣвакъ. Проводи его.

Нанси со свѣчей послѣдовала за старымъ евреемъ. Когда они вышли въ переднюю, онъ придвинулся къ ней и, приложивъ палецъ къ губамъ, прошепталъ:

— Что съ тобой, милочка Нанси?

— Про что ты спрашиваешь? шепотомъ же отвѣтила дѣвушка.

— Что за причина всего этого? Если онъ,—тутъ Феджинъ указалъ своимъ костлявымъ пальцемъ по направленію къ верхней комнатѣ,—если онъ слишкомъ грубъ съ тобою (а онъ безчувственная скотина, Нанси), тебѣ бы...

— Ну? спросила Нанси, такъ какъ онъ на этомъ остановился и пытливо заглянулъ ей въ глаза, приложивъ губы къ самому ея уху.

— Теперь не стоитъ объ этомъ говорить; какъ-нибудь послѣ! Я твой другъ, Нанси, надежный другъ. У меня есть въ рукахъ средства, скрытныя и вѣрныя. Если тебѣ понадобится когда-нибудь отомстить тому, кто обращается съ тобой, какъ съ собакой,—да, какъ съ собакой и даже хуже, потому что той онъ иногда даетъ поблажку,—ты приди тогда ко мнѣ, слышишь? Онъ для тебя другъ на часъ, а мы съ тобой давно знаемъ другъ друга.

— Да, я тебя хорошо знаю, сказала Нанси, не обнаруживая ни малѣйшаго признака волненія. Покойной ночи!

Она отпрянула назадъ, когда Феджинъ хотѣлъ было вложить въ ея руку свою, но, запирая за нимъ дверь, она спокойно пожелала ему доброй ночи, и на его прощальный взглядъ отвѣтила выразительнымъ кивкомъ головы.

Всю дорогу голова Феджина дѣятельно работала. У него возникла одна мысль,—не теперь, а давно уже, она созрѣвала медленно и постепенно. То, что сейчасъ случилось, еще болѣе подтверждало его предположеніе. А предполагалъ онъ, что Нанси надоѣлъ Сайксъ своей грубостью, и у нея явилась какая нибудь новая привязанность. Происшедшая въ ней перемѣна, ея частыя отлучки изъ дому, ея теперешнее равнодушіе къ интересамъ ихъ шайки, которые она прежде принимала близко къ сердцу и, наконецъ, ея стремленіе уйти сегодня вечеромъ изъ дома непремѣнно въ извѣстный часъ, все подтверждало его догадку, по крайней мѣрѣ, для него тутъ не оставалось уже сомнѣній. Новый другъ сердца Нанси, конечно, былъ не изъ числа лицъ, состоявшихъ въ его шайкѣ (такъ разсуждалъ еврей), но вмѣстѣ съ такой способной помощницей явился бы для него цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, поэтому слѣдовало поскорѣе завладѣть имъ.

Была у Феджина въ виду и другая, болѣе темная цѣль. Сайксъ зналъ слишкомъ много, его грубые намеки страшно раздражали Феджина, но онъ до поры до времени это скрывалъ. Разумѣется, Нанси должна была знать, что когда она сброситъ ъс себя иго разбойника, ей постоянно будетъ угро-

жать его месть, она должна была ожидать, что онъ сорветъ свою злобу на томъ, кого она полюбила, и его изувѣчитъ или убьетъ. „Если представить ей всѣ резоны, она, навѣрно, не задумается отравить его,—думалъ Феджинъ. Женщины и не на такія штуки рѣшаются, чтобъ спасти предметъ своей привязанности. И такъ, опасный негодяй, котораго я ненавижу, перестанетъ существовать, вмѣсто него у меня будетъ другой, а дѣвушка эта очутится вполнѣ въ моихъ рукахъ, такъ какъ совершенное ею преступленіе будетъ мнѣ извѣстно.

Такія соображенія мелькали у Феджина, когда онъ сидѣлъ одинъ въ комнатѣ разбойника, поэтому-то онъ воспользовался сейчасъ же удобнымъ случаемъ бросить дѣвушкѣ на прощанье нѣсколько недосказанныхъ словъ, намекавшихъ на то, что онъ имѣлъ въ виду. Она не удивилась, не притворилась непонимающей его намековъ. Она ихъ отлично поняла, это доказалъ взглядъ, которымъ они обмѣнялись, прощаясь.

Но Нанси, быть можетъ, съ ужасомъ отвергнетъ совѣтъ лишить жизни Сайкса, а это была главная цѣль, которой Феджинъ хотѣлъ достигнуть. „Какъ бы мнѣ забрать снова вліяніе надъ ней?" размышлялъ Феджинъ, идя домой. „Какъ бы мнѣ снова пріобрѣсти надъ нею власть?"

Придумать для этого средство Феджину не стоило большого труда: такіе умы изобрѣтательны. Если онъ, не выпытывая у нея признанія, прослѣдитъ за нею, узнаетъ, кому она отдала свое сердце, и пригрозитъ, въ случаѣ если она не согласится стать его пособницей, открыть все Сайксу (котораго она боялась, какъ огня), развѣ онъ тогда не добьется отъ нея послушанія?

— Разумѣется, добьюсь отъ нея полнаго послушанія, увѣренно проговорилъ Феджинъ. — Она тогда не посмѣетъ отказаться. Не посмѣетъ, хотя бы это ей стоило жизни! И такъ, все у меня налажено. Средства найдены, надо приниматься за работу. О, ты будешь еще въ моихъ рукахъ!

Онъ бросилъ злобный взглядъ въ ту сторону, гдѣ было жилище разбойника, и погрозилъ кулакомъ. Затѣмъ онъ продолжалъ свой путь, комкая костлявыми пальцами складки своего изношеннаго плаща, и изо всѣхъ силъ сжимая ихъ, точно то былъ ненавистный врагъ, котораго онъ хотѣлъ раздавить своими руками.

ГЛАВА XLV.

Ною Клейполю дается отъ Феджина тайное порученіе.

На слѣдующее утро старый еврей всталъ очень рано и съ нетерпѣніемъ ждалъ своего новаго сообщника. Спустя долгій промежутокъ времени, показавшійся Феджину безконечнымъ,

тотъ, наконецъ, появился и съ жадностью набросился на завтракъ.

— Больтеръ! обратился къ нему еврей, придвинувъ свой стулъ къ столу и помѣстившись напротивъ мистера Морица.

— Вотъ онъ—я! Въ чемъ дѣло? отозвался Ной. Только вы не давайте мнѣ никакихъ порученій, пока я занятъ ѣдой. У васъ водится такая дурная привычка, никогда не дадите толкомъ поѣсть.

— А можешь ты разговаривать во время ѣды? спросилъ Феджинъ, проклиная мысленно жадность сего милаго юноши.

— Разговаривать-то я могу, я тогда лучше кушаю, отвѣтилъ Ной, отрѣзывая огромный ломоть хлѣба.—Гдѣ Шарлотта?

— Я отослалъ ее пройтись вмѣстѣ съ одной дѣвушкой, такъ какъ хотѣлъ переговорить съ тобой съ глазу на глазъ.

— Жаль, что вы не приказали ей передъ уходомъ приготовить мнѣ гренокъ къ чаю. Ну, да ужъ ладно! Говорите; вы мнѣ не будете мѣшать.

И, въ самомъ дѣлѣ, ничто, повидимому, не могло ему помѣшать, онъ, какъ видно, твердо рѣшилъ потрудиться надъ завтракомъ покуда хватитъ силъ.

— Вчера ты хорошо поработалъ, миленькій, началъ Феджинъ. Великолѣпно! Шесть шиллинговъ и девять съ половиною пенсовъ въ первый же день. Обирая дѣтишекъ, ты составишь себѣ цѣлое состояніе.

— Вы позабыли еще прибавить три большихъ кружки и кувшинъ для молока.

— Да, да, миленькій. И на кружкахъ ты обнаружилъ задатки таланта, а ужъ съ молочникомъ совсѣмъ мастерская штука!

— Для начала, кажется, недурно, съ самодовольствомъ замѣтилъ м-ръ Больтеръ. Кружки я снялъ съ прутьевъ изгороди, а кувшинъ для молока былъ выставленъ у входа въ таверну. Я побоялся, какъ бы онъ не заржавѣлъ отъ дождя или не схватилъ простуды. Ха-ха-ха!

Феджинъ представился, будто тоже хохочетъ. Вдоволь посмѣявшись, м-ръ Больтеръ доѣлъ свой ломоть и принялся за вторую порцію хлѣба съ масломъ.

— Я хочу дать тебѣ, Больтеръ, одно порученіе, но для него понадобится дѣйствовать съ большой обдуманностью и осмотрительностью, заговорилъ Феджинъ, перегибаясь къ нему черезъ столъ.

— Я уже просилъ, чтобъ вы избавили меня отъ опасныхъ порученій и больше не посылали въ полицію. Этакія порученія не по мнѣ, я уже говорилъ вамъ это разъ, и теперь опять повторяю.

— Да тутъ нѣтъ ни малѣйшей опасности, ни малѣйшей, возразилъ еврей,—нужно только прослѣдить одну женщину.

— Старую?

— Молодую.

— Это я могу прекрасно исполнить, говорю заранѣе. Въ школѣ я былъ настоящимъ шпіономъ. Что я долженъ сдѣлать, выслѣдивъ ее, не...

— Ничего ровно, только разскажешь мнѣ, куда она ходитъ, съ кѣмъ видится, и если представится какая либо возможность, то узнай, и о чемъ разговариваетъ. Запомнишь улицу, если это будетъ на улицѣ, или домъ, если это будетъ въ домѣ, и сообщишь мнѣ все, что тебѣ удастся узнать.

— А сколько вы мнѣ за все это дадите? спросилъ Ной, ставя на столъ чашку, изъ которой пилъ, и устремляя жадный взглядъ на своего собесѣдника.

— Если ты обдѣлаешь это мастерски, дамъ я тебѣ, миленькій, фунтъ стерлинговъ. Цѣлый фунтъ, повторилъ Феджинъ, чтобъ какъ можно болѣе расположить его въ пользу своего дѣла. Столько я никогда еще не давалъ за работу, отъ которой не ожидаю денежной прибыли.

— Кто эта женщина? освѣдомился Ной.

— Одна изъ нашихъ.

— Вотъ какъ! воскликнулъ Ной, поднявъ носъ кверху. Вы ее въ чемъ-нибудь подозрѣваете?

— Она нашла себѣ новыхъ друзей, миленькій, и я долженъ узнать, кто они, отвѣтилъ Феджинъ.

— Понимаю! протянулъ Ной. Вы хотите узнать, кто они, чтобъ познакомиться съ ними, если это люди достойные? Такъ, вѣрно? Ха-ха-ха! Я къ вашимъ услугамъ.

— Я такъ и думалъ, что ты согласишься! воскликнулъ Феджинъ въ восторгѣ отъ успѣха своего предложенія.

— Ну, еще бы! Но гдѣ же мнѣ ее искать, гдѣ караулить? Куда мнѣ направиться?

— Все это, миленькій, я тебѣ объясню, и тебѣ ее укажу, отвѣчалъ ему Феджинъ. Ты будь только на готовѣ, а все остальное я беру на себя.

Весь этотъ вечеръ шпіонъ, переодѣтый опять деревенскимъ извозчикомъ, просидѣлъ въ квартирѣ Феджина, готовый по первому знаку отправиться на развѣдки. Тоже повторилось и на слѣдующій день, затѣмъ еще и еще.

Прошло шесть вечеровъ, шесть долгихъ, томительныхъ вечеровъ, и въ концѣ каждаго Феджинъ являлся домой съ разочарованнымъ видомъ и отрывисто сообщалъ, что пора еще не пришла. На седьмой день—это было воскресенье—еврей пришелъ раньше, чѣмъ въ прошлые дни, и съ нескрываемой радостью объявилъ:

— Сегодня вечеромъ она уходитъ куда-то, несомнѣнно, въ то именно мѣсто, потому что весь день она просидѣла дома въ одиночествѣ, а тотъ, кого она боится, вернется домой лишь къ разсвѣту. Иди за мной! Скорѣе!

Ной, не разспрашивая ни о чемъ, быстро всталъ съ мѣста-еврей былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что оно со:

общилось и ему. Оба тихонько прокрались на улицу и, поспѣшно миновавъ нѣсколько переулковъ, добрались до харчевни, въ которой Ной узналъ заведеніе „Трехъ Калѣкъ“, гдѣ онъ провелъ первую ночь по прибытіи въ Лондонъ.

Былъ уже двѣнадцатый часъ, и дверь харчевни была заперта. Еврей тихо свистнулъ, и она неслышно растворилась. Когда они проскользнули во внутрь, дверь снова закрылась.

Стараясь говорить шепотомъ и по возможности замѣнять слова знаками, Феджинъ и впустившій ихъ молодой еврей указали Ною на окошечко въ стѣнѣ и объяснили, что онъ долженъ вскарабкаться туда и посмотрѣть на женщину, сидящую въ сосѣдней комнатѣ.

— Это она и есть? спросилъ онъ едва слышно.

Феджинъ кивнулъ головой.

— Я не могу разглядѣть ея лица,—прошепталъ Ной,—она сидитъ опустивъ голову, а свѣча стоитъ позади.

— Погоди, шепнулъ Феджинъ и подалъ какой-то сигналъ Барнею. Тотъ вышелъ и минуту спустя былъ уже въ сосѣдней комнатѣ. Подъ предлогомъ, будто надо снять нагаръ со свѣчи, онъ переставилъ ее, куда слѣдовало, и, заговоривъ съ дѣвушкой, заставилъ ее поднять голову.

— Теперь я ее вижу, сообщилъ шпіонъ.

— Хорошо разглядѣлъ?

— Узнаю ее изъ тысячи.

Онъ поспѣшилъ соскочить на полъ, такъ какъ дверь быстро распахнулась и дѣвушка вышла изъ комнаты. Феджинъ едва успѣлъ втолкнуть его за низенькую перегородку, тамъ они укрылись за занавѣской и затаивъ дыханіе подождали, пока дѣвушка прошла мимо ихъ къ той самой двери, черезъ которую они вошли въ харчевню.

— Тс! Сюда! произнесъ еврей, стоявшій на порогѣ двери Ной обмѣнялся взглядомъ съ Феджиномъ и бросился вонъ.

— Ступайте налѣво и держитесь противоположной стороны улицы, шепнулъ ему еврейчикъ.

Ной послѣдовалъ его совѣту и при свѣтѣ фонарей увидѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ себя удаляющуюся женскую фигуру. Онъ приблизился къ ней, насколько позволяла осторожность и, идя по другой сторонѣ улицы, пристально слѣдилъ за всѣми ея движеніями. Она нѣсколько разъ безпокойно оглядывалась назадъ, а одинъ разъ даже остановилась и пропустила впередъ шедшихъ за нею двухъ мужчинъ. По мѣрѣ того, какъ она удалялась отъ харчевни, у нея, какъ видно, прибавлялось храбрости, и походка ея становилась тверже и смѣлѣе. Шпіонъ шелъ за нею на нѣкоторомъ разстояніи, ни на минуту не спуская съ нея глазъ.

ГЛАВА XLVI.

Слово сдержано.

На церковныхъ часахъ пробило три четверти двѣнадцатаго, когда на Лондонскомъ мосту показались двѣ фигуры. Первая—женская, быстрыми шагами скользила впередъ, внимательно оглядываясь по сторонамъ, какъ бы отыскивая кого-то, кого ожидала здѣсь встрѣтить. На нѣкоторомъ разстояніи отъ женщины пробирался мужчина, скрываясь въ тѣни и наблюдая за всѣми ея движеніями: останавливался, когда останавливалась она, и снова крался за ней, когда она трогалась съ мѣста, но ни разу не подошелъ къ ней слишкомъ близко. Такъ прошли они черезъ весь мостъ отъ Миддльсекса къ Сюррею. Женщина, должно быть, увидѣла, что ея поиски безуспѣшны и внезапно повернула назадъ. Движеніе это вышло совершенно неожиданнымъ для того, кто слѣдилъ за нею, однако, онъ не растерялся, спрятался за одинъ изъ выступовъ, которые устроены по краямъ Лондонскаго моста, и перегнувшись черезъ перила, чтобы не быть замѣченнымъ, далъ ей отойти по противоположной сторонѣ моста на такое же разстояніе, какъ и прежде, а тогда преспокойно вышелъ изъ своей засады и послѣдовалъ за нею. Дойдя до середины моста, женщина остановилась, остановился и преслѣдователь. Ночь была очень темная; цѣлый день лилъ дождь и въ такой поздній часъ въ этой мѣстности было немного прохожихъ; тѣ, которые попадались на встрѣчу, страшно торопились поскорѣе добраться до дому, и если и видѣли женщину и ея преслѣдователя, то не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Въ наружности обоихъ не было ничего бросающагося въ глаза, что могло бы привлечь къ себѣ взгляды бездомныхъ лондонскихъ бродягъ, которые шатались здѣсь разыскивая себѣ какое нибудь логовище, подъ арками моста или въ углубленіи выступовъ, гдѣ бы могли преклонить голову. Обѣ фигуры молча стояли на мосту; съ ними никто не заговаривалъ, и они ни съ кѣмъ не вступали въ разговоръ.

Надъ рѣкою нависъ густой туманъ, отъ котораго казались тусклыми красные огни на судахъ, ошвартованныхъ у пристаней, а мрачныя зданія на отмеляхъ принимали самыя смутныя очертанія. Изъ сплошной массы городскихъ крышъ и церковныхъ шпицевъ едва выдѣлялись закопченыя дымомъ старыя стѣны товарныхъ складовъ, пріютившихся по обоимъ берегамъ Темзы и точно хмурившіяся на черную воду рѣки, гдѣ не отражалось даже ихъ массивныхъ контуровъ. Старая башня церкви Спасителя и шпицъ св. Магнуса, древніе стражи стараго моста, видны были во мракѣ, но густой лѣсъ корабельныхъ мачтъ ниже моста и стрѣльчатыя колокольни церквей, возвышавшіяся на берегу, исчезали въ туманѣ.

Дѣвушка, которую ея тайный преслѣдователь ни на ми-

нуту не терялъ изъ вида, успѣла нѣсколько разъ пройти взадъ и впередъ по мосту, когда тяжелый колоколъ собора св. Павла возвѣстилъ о наступленіи новаго дня. Полночь слетѣла на многолюдный городъ. На дворцы и на ночлежные пріюты, на тюрьмы и на дома сумасшедшихъ, на комнату родильницы и на смертное ложе, на здоровыхъ и на больныхъ, на неподвижное лицо трупа и на мирно спящаго младенца—всюду спустилась полночь.

Дойдя до середины моста, женщина остановилась, остановился и преслѣдователь.

Какъ только пробили часы, изъ кареты, остановившейся неподалеку отъ моста, вышла молодая дама въ сопровожденіи сѣдовласаго господина. Экипажъ они отослали и пошли пѣшкомъ прямо къ мосту. Дѣвушка едва ихъ завидѣла, бросилась къ нимъ на встрѣчу. Дама и ея спутникъ оглядывались кругомъ, видимо высматривая кого-то, но шли такъ неувѣренно, какъ будто имѣли мало надежды, что ихъ ожиданія осуществятся. Когда къ нимъ подошла женщина, они остановились съ удивленными восклицаніями, но тотчасъ замолчали, такъ какъ въ это самое время мимо прошелъ какой-то человѣкъ въ одеждѣ крестьянина, такъ близко отъ нихъ, что едва ихъ не задѣлъ.

Только не здѣсь, здѣсь я боюсь разговаривать, быстро прошептала Нанси. Уйдемъ подальше отъ прохожихъ, спу-

стимся вонъ по той лѣстницѣ. При этихъ словахъ она указала рукой въ ту сторону, куда хотѣла ихъ вести, но въ этотъ моментъ крестьянинъ обернулся и проворчалъ, что они не имѣютъ права занимать весь тротуаръ.

Лѣстница, на которую указывала дѣвушка, была съ той стороны моста, гдѣ стоитъ церковь Спасителя, и служила спускомъ къ рѣкѣ. Человѣкъ въ одеждѣ крестьянина, на котораго никто не обратилъ вниманія, поспѣшилъ къ этой лѣстницѣ, быстро осмотрѣлся вокругъ и спустился внизъ по ступенькамъ.

Лѣстница эта, представляющая часть моста, состоитъ изъ трехъ колѣнъ, раздѣленныхъ площадками. Подъ второй площадкой каменная стѣнка заканчивается красивымъ скульптурнымъ украшеніемъ, обращеннымъ къ Темзѣ. Тутъ нижнія ступеньки расширяются, такъ что человѣкъ, который спрячется за уголъ стѣны, не будетъ видимъ тѣмъ, кто станетъ хотя бы одной ступенькой выше. Добравшись до этого пункта, крестьянинъ быстрымъ взглядомъ окинулъ лѣстницу, было уже время отлива, и мѣста было достаточно; нельзя было, казалось, найти лучшаго уголка, чтобы спрятаться. Онъ проскользнулъ туда и укрылся за лѣпнымъ карнизомъ. Навѣрно они дальше не пойдутъ, и даже въ томъ случаѣ, если ему не удастся подслушать ихъ разговоръ, онъ все таки получитъ возможность незамѣченнымъ наблюдать за ними.

Однако, въ такомъ одиночномъ заключеніи время тянулось очень медленно; шпіонъ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе узнать цѣль свиданія, столь непохожаго на то, какого онъ ожидалъ; нѣсколько разъ онъ порывался выйти изъ засады, думая, не выбрали ли они, чего добраго, иное мѣсто для своего таинственнаго разговора или не остановились ли черезчуръ высоко. Онъ совсѣмъ уже рѣшилъ, было, опять подняться на мостъ, когда почти подъ самымъ его ухомъ послышались шаги и голоса. Шпіонъ насторожилъ уши, затаилъ дыханіе и крѣпко прижался къ стѣнѣ.

— Мы уже отошли достаточно далеко, говорилъ голосъ, очевидно принадлежавшій старику. Я не могу пустить эту молодую лэди еще дальше. Не всякій на моемъ мѣстѣ довѣрился бы вамъ настолько, чтобы зайти сюда, но, какъ видите, я исполнилъ вашъ капризъ.

— Мой капризъ! воскликнула дѣвушка, за которой шпіонъ слѣдилъ. Исполнили мой капризъ.... вы, право, очень любезны, сэръ.... Ну, впрочемъ, все равно, что за важность!.

— Объясните, по крайней мѣрѣ, по какой причинѣ вамъ понадобилось заводить насъ въ это подозрительное мѣсто, заговорилъ джентльменъ болѣе мягкимъ тономъ. Отчего вы не захотѣли переговорить со мною наверху, гдѣ и свѣтлѣе, и люди ходятъ, а увлекли въ эту страшную трущобу?

— Я уже сказала вамъ раньше, что боюсь тамъ разговаривать съ вами, отвѣчала дѣвушка, вздрагивая.

Не знаю, почему, но сегодня на меня напалъ такой страхъ, что я едва держусь на ногахъ.

— Чего-же вы боитесь? спросилъ джентльменъ, которому, казалось, стало жаль ее.

— И сама не знаю, отвѣчала она. А хотѣла-бы знать, можетъ быть, отлегло-бы отъ сердца. Цѣлый день меня преслѣдуютъ мысли о смерти, чудятся мнѣ окровавленные саваны, и я вся какъ въ огнѣ горю отъ страха. Чтобъ отвлечь себя отъ этихъ мыслей, я, было, вечеромъ взялась за книгу, но и на страницахъ ея мнѣ мерещилось то-же самое.

— Пылкая фантазія! попытался успокоить ее старый джентльменъ.

— Нѣтъ, не фантазія! глухо проговорила дѣвушка. Я готова поклясться, что видѣла на каждой страницѣ книги слово „гробъ“, напечатанное крупными черными буквами, и по улицѣ мимо меня пронесли гробъ.

— Въ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего необычайнаго, возразилъ джентльменъ,—гробы часто проносятъ и мимо меня.

— То настоящіе! возразила она. А я видѣла не такой...

Въ голосѣ ея прозвучало что-то до такой степени странное, что у сидѣвшаго въ засадѣ слушателя при этихъ словахъ морозъ пробѣжалъ по кожѣ, и кровь застыла въ жилахъ. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, услышавъ нѣжный голосокъ молодой лэди, уговаривавшей Нанси успокоиться и не поддаваться такимъ мрачнымъ мыслямъ.

— Говорите съ ней ласковѣе, замѣтила она своему спутнику. Бѣдняжка такъ нуждается въ добромъ словѣ.

— Увидѣвъ меня въ такомъ состояніи, какъ я теперь, надменные святоши вздернули-бы выше головы и стали-бы проповѣдывать объ адскомъ пламени и возмездіи, вскричала Нанси. О, дорогая лэди! зачѣмъ люди, величающіе себя божьими пастырями, не такъ кротки и добры, какъ вы, съ такими несчастными, какъ я! У васъ есть и молодость, и красота, и многое другое, чего у нихъ нѣтъ, и вы имѣли-бы больше права гордиться, а между тѣмъ вы во столько кратъ скромнѣе ихъ!..

— Да, произнесъ джентльменъ. Турокъ, становясь на молитву по окончаніи своихъ омовеній, обращается лицомъ къ востоку, а эти почтенныя особы, изобразивъ на лицѣ своемъ презрѣніе ко всему свѣту, столь-же неизмѣнно обращаются къ самой темной сторонѣ небосклона. Если выбирать между мусульманиномъ и фарисеемъ, я всегда предпочту перваго.

Эти слова были, вѣроятно, адресованы молодой лэди, а, быть можетъ, просто сказаны съ цѣлью дать Нанси время успокоиться. Вслѣдъ затѣмъ джентльменъ обратился уже прямо къ ней съ вопросомъ:

— Васъ здѣсь не было прошлое воскресенье?

— Я не могла придти, меня удержали насильно.

— Кто-же васъ не пустилъ?

— Тотъ, о комъ я уже говорила, лэди.

— Не возникло-ли подозрѣнія, что вы въ сношеніяхъ съ посторонними по поводу того дѣла, которое привело насъ сюда? спросилъ джентльменъ.

— О, нѣтъ, отвѣтила дѣвушка, качая головой. Но мнѣ нелегко уйти отъ него, когда онъ не знаетъ, куда я иду. Я и въ первый разъ не могла-бы придти къ лэди, еслибъ раньше не дала ему опіума.

— Онъ проснулся раньше вашего возвращенія? спросилъ джентльменъ.

— Нѣтъ. Ни онъ, ни прочіе не имѣютъ противъ меня никакихъ подозрѣній.

— Хорошо; теперь выслушайте меня, проговорилъ джентльменъ и сдѣлалъ нѣкоторую паузу.

— Я слушаю, отозвалась Нанси.

— Эта молодая лэди,—началъ старикъ, повѣдала мнѣ и нѣкоторымъ другимъ своимъ друзьямъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться, все то, что вы разсказали ей двѣ недѣли тому назадъ. Признаюсь вамъ, сначала у меня были нѣкоторыя сомнѣнія на вашъ счетъ, но теперь я твердо убѣжденъ, что на васъ можно положиться.

— Да, на меня можно положиться, твердо проговорила дѣвушка.

— Повторяю, я въ этомъ теперь убѣжденъ. Чтобъ доказать вамъ, на сколько я вамъ довѣряю, я не скрою отъ васъ, что мы намѣрены припугнуть этого Монкса, чтобы вырвать у него тайну, которая ему извѣстна. Но если... если мы его не поймаемъ, или не выпытаемъ отъ него того, что нужно, вы должны выдать намъ еврея.

— Феджина? переспросила дѣвушка, отступая назадъ.

— Да. Вы должны намъ выдать этого человѣка, повторилъ джентльменъ.

— Этого я ни за что не сдѣлаю, возразила Нанси. Пусть онъ сущій дьяволъ, пусть онъ для меня даже хуже дьявола былъ, но я никогда его не выдамъ.

— Вы не согласны этого сдѣлать? спросилъ джентльменъ, повидимому, ожидавшій такого отвѣта.

— Никогда, проговорила дѣвушка.

— Но почему-же? скажите?

— Во первыхъ, по той причинѣ, которая извѣстна молодой лэди, рѣшительно отвѣчала дѣвушка. Лэди, я знаю, меня поддержитъ, потому что дала мнѣ слово. А во вторыхъ, я не выдамъ его потому, что сама веду такую-же дурную жизнь, какъ и онъ, и много насъ участвовало сообща въ разныхъ дѣлахъ, и я никого изъ нихъ не выдамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, вѣдь, тоже могли меня выдать, но не сдѣлали этого, несмотря на то, что они дурные люди.

— Въ такомъ случаѣ, быстро заговорилъ джентльменъ, точно

онъ переходилъ къ самому важному вопросу, какой былъ у него въ виду,—въ такомъ случаѣ помогите мнѣ захватить Монкса и предоставьте его въ мое полное распоряженіе.

— А если онъ повредитъ другимъ?

— Обѣщаю вамъ, что если намъ удастся вырвать у него нужное намъ признаніе, мы на томъ и остановимся. Въ исторіи Оливера вѣроятно, существуютъ такіе пункты, которые непріятно будетъ разглашать. Намъ только надо добиться отъ него истины, и когда тайна раскроется, мы на этомъ и остановимся.

— А если вы ее не узнаете?

— Въ такомъ случаѣ мы обѣщаемъ не предавать Феджина въ руки правосудія иначе, какъ съ вашего согласія, продолжалъ джентльменъ. Если это окажется нужнымъ, я представлю вамъ такіе убѣдительные доводы, что вы навѣрно согласитесь.

— И лэди поручится мнѣ, что ваше обѣщаніе будетъ исполнено? спросила Нанси.

— Даю вамъ честное слово, что это будетъ свято исполнено, сказала Роза.

— А Монксъ не узнаетъ, откуда вы все узнали? спросила Нанси послѣ краткаго молчанія.

— Нѣтъ, не узнаетъ, сказалъ джентльменъ. Мы такъ обставимъ дѣло, что онъ никогда не догадается.

— Я всю жизнь лгала и всю жизнь провела съ лжецами, но вашему слову вѣрю, проговорила она послѣ краткаго молчанія.

Послѣ того какъ они еще разъ увѣрили ее, что можно на нихъ вполнѣ положиться, Нанси, наконецъ, рѣшилась. Она подробно описала мѣстоположеніе той харчевни, откуда ее прослѣдили въ этотъ вечеръ, но такимъ тихимъ голосомъ, что подслушивавшему трудно было по временамъ разобрать, о чемъ она говоритъ. Иногда она дѣлала паузу, должно быть въ это время джентльменъ на скоро записывалъ ея слова.

Описавъ имъ харчевню и мѣсто, откуда лучше всего наблюдать за нимъ, не возбуждая подозрѣній, указавъ часы и дни, когда Монксъ посѣщаетъ этотъ притонъ, она немного подумала, какъ-бы припоминая наружность Монкса, и продолжала:

— Онъ высокъ и крѣпкаго сложенія, но худощавъ; ходитъ крадучись, то и дѣло оглядываясь черезъ плечо, то въ одну сторону, то въ другую. Запомните, что глаза у него такъ глубоко посажены, какъ рѣдко у кого, по этому одному его легко узнать. Волосы и глаза у него темные, лицо смуглое, увядшее и старообразное, хотя ему не больше двадцати шести—двадцати восьми лѣтъ. Губы у него часто передергиваются и внезапно бѣлѣютъ, на нихъ видны слѣды зубовъ, такъ какъ у него бываютъ странные припадки, во время которыхъ онъ часто и руки себѣ искусываетъ до крови... Отчего это вы вздрогнули? спросила она стараго джентльмена, вдругъ останавливаясь.

Джентльменъ поспѣшилъ отвѣтить, что это ей показалось, и просилъ продолжать.

— Большую часть того, что я вамъ разсказала, я слышала отъ другихъ, отъ видѣвшихъ его въ харчевнѣ, о которой я вамъ говорила; сама я видѣла его всего два раза, и оба раза онъ былъ закутанъ въ широкій плащъ. Кажется, я разсказала вамъ все, что о немъ, знаю... Впрочемъ, погодите, вотъ еще одна примѣта: на шеѣ у него, такъ высоко, что когда онъ повернетъ голову вы замѣтите надъ галстухомъ...

— Широкій красный рубецъ, точно отъ обжога, подсказалъ старый тжентльменъ.

— Какъ! Вы значитъ его знаете? воскликнула дѣвушка.

У молодой лэди вырвался крикъ изумленія. Наступило молчаніе, столь глубокое, что шпіонъ могъ разслышать въ эти мгновенія даже дыханіе своихъ сосѣдей.

— Да, кажется, я его знаю, насколько могу судить по вашему описанію, заговорилъ джентльменъ. Но увидимъ, мало ли на свѣтѣ людей, поразительно похожихъ другъ на друга. Можетъ быть, это и не онъ. Проговоривъ это съ притворнымъ равнодушіемъ, старикъ отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ своихъ собесѣдниковъ и приблизился къ тому мѣсту, гдѣ спрятался шпіонъ; тотъ услышалъ, какъ онъ прошепталъ про себя:

— Это онъ, навѣрно!

— Теперь вы намъ, дѣйствительно, оказали важную услугу, продолжалъ старый джентльменъ, вернувшись на прежнее мѣсто, какъ можно было судить по звуку голоса.—Мнѣ хотѣлось бы хоть чѣмъ-нибудь васъ отблагодарить. Скажите, что могу я для васъ сдѣлать?

— Ничего, былъ отвѣтъ Нанси.

— Не отказывайтесь такъ рѣшительно, проговорилъ старый джентльменъ, и въ его голосѣ зазвучала такая доброта, противъ которой не устояло бы самое ожесточенное сердце.— Подумайте и скажите мнѣ.

— Ничего, сэръ. Вы ничѣмъ не можете помочь мнѣ, отвѣчала дѣвушка плача.—Для меня не существуетъ болѣе надежды.

— Вы сами себя ее лишаете, возразилъ старикъ. Ваше прошлое было ужасно, ваши юныя силы были дурно направлены, вы безумно расточили тѣ безцѣнныя сокровища, которыя Создатель даруетъ только разъ въ жизни; но въ будущемъ для васъ еще есть надежда. Конечно, не въ нашей власти возвратить вамъ душевное спокойствіе, оно явится по мѣрѣ того, какъ вы сами станете его искать, но мы можемъ доставить вамъ безопасное убѣжище въ Англіи или заграницей, если вы боитесь здѣсь оставаться; мы предлагаемъ его вамъ съ самымъ искреннимъ желаніемъ принести вамъ пользу. Прежде наступленія утренней зари, прежде чѣмъ эта рѣка озарится первымъ лучемъ разсвѣта, вы будете уже далеко отъ своихъ прежнихъ сообщниковъ, исчезнете отъ нихъ такъ безслѣдно, будто совсѣмъ исчезли съ лица земли. Ну, идемъ же! Не хочется мнѣ, чтобы вы возвращались туда, чтобы вы хоть однимъ

словомъ обмѣнялись со своими прежними товарищами, чтобы вы хоть одинъ разъ взглянули на свое прежнее жилище или дохнули тѣмъ воздухомъ, который для васъ чума, ядъ. Бросьте ихъ, пока еще не поздно. Теперь же такой удобный случай!

— Она согласится, вскричала молодая лэди. — Она колеблется... Я увѣрена, что она согласится.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, дорогая моя, прошепталъ джентльменъ.

— Нѣтъ, сэръ, я не соглашусь, сказала Нанси послѣ нѣкоторой внутренней борьбы. — Я крѣпкой цѣпью прикована къ своей прежней жизни; я теперь возненавидѣла ее, она внушаетъ мнѣ отвращеніе, но оставить ее я не могу. Я зашла слишкомъ далеко, и возвратъ для меня невозможенъ... А между тѣмъ... если бъ вы заговорили такъ со мною нѣсколько времени тому назадъ, еще очень недавно, я бы отвѣтила вамъ только смѣхомъ. Ахъ, что это! вдругъ прервала она себя, бросая торопливый взглядъ вокругъ, на меня снова нападаетъ тотъ же страхъ. Надо скорѣй итти домой.

— Домой? повторила молодая лэди, дѣлая многозначительное удареніе на этомъ словѣ.

— Да, домой, дорогая лэди, проговорила Нанси,—въ тотъ домъ, который я сама себѣ устроила всей своей жизнью. Намъ надо разстаться; меня могутъ прослѣдить или случайно увидѣть. Идите! Идите же! Если я дѣйствительно оказала вамъ услугу, взамѣнъ ея прошу васъ объ одномъ — оставьте меня одну и дайте мнѣ итти своей дорогой.

— Напрасно дальше настаивать, со вздохомъ произнесъ джентльменъ. Можетъ быть, мы подвергаемъ ее опасности оставаясь здѣсь и задерживая ее больше, чѣмъ она разсчитывала.

— Да, да, я запоздала, подтвердила дѣвушка.

— Но что же ждетъ ее впереди, бѣдняжку! воскликнула молодая лэди.

— Что? отозвалась Нанси. А вотъ взгляните туда, милая барышня. Видите передъ собой эту темную воду? Вамъ, вѣроятно, часто случается читать о такихъ, какъ я, что онѣ бросаются туда, и нѣтъ ни единой живой души, которая пожалѣла бы о нихъ или оплакала ихъ. Быть можетъ, годы, а быть можетъ, лишь мѣсяцы пройдутъ до той поры, когда настанетъ и моя очередь, такъ или иначе, этого конца мнѣ не миновать.

— О, ради Бога, не говорите такъ! рыдая воскликнула Роза.

— До васъ не дойдетъ слухъ объ этомъ, и сохрани Богъ, чтобъ вы слышали такіе ужасы, отвѣчала дѣвушка. — Прощайте! Прощайте!

Джентльменъ отвернулся.

— Примите отъ меня хоть этотъ кошелекъ, чтобъ у васъ было что-нибудь на черный день, сказала молодая лэди.

— Нѣтъ, не возьму, я сдѣлала это не ради денегъ, отвѣтила Нанси.—Оставьте мнѣ хотя одну отраду—такъ думать. Дайте

мнѣ что-нибудь изъ вещей, которыя вы носите, мнѣ хотѣлось бы имѣть что-нибудь отъ васъ на память. Только не кольцо, нѣтъ, нѣтъ! Перчатку или носовой платокъ, что-нибудь такое, что бы я могла сохранить на память о васъ. Ну, вотъ, спасибо. Да благословитъ васъ Богъ. Прощайте, прощайте!

Охватившее дѣвушку волненіе, а также страхъ, чтобъ ее не открыли и на нее не обрушилось жестокое мщеніе единомышленниковъ, побудили стараго джентльмена поскорѣе исполнить ея просьбу и оставить ее одну. Послышался звукъ удаляющихся шаговъ, и голоса смолкли.

Немного погодя, на мосту показались фигуры молодой дѣвушки и ея спутника. На верху лѣстницы они пріостановились.

— Погодите, проговорила молодая лэди прислушиваясь,— она, кажется, насъ зоветъ! Мнѣ какъ будто послышался ея голосъ.

— Нѣтъ, моя дорогая, она стоитъ все на томъ же мѣстѣ, произнесъ м-ръ Броунло, печально оглядываясь назадъ,—и не двинется, пока мы не уйдемъ. Но Роза все еще медлила. Старикъ взялъ ее подъ руку и насильно увлекъ впередъ.

Когда они скрылись изъ виду, Нанси свалилась, какъ снопъ, на каменную ступень лѣстницы и дала волю слезамъ. Черезъ нѣсколько времени она поднялась и слабыми, невѣрными шагами стала подниматься на верхъ. Пораженный происшедшимъ, шпіонъ остался на мѣстѣ и только спустя нѣсколько минутъ, осторожно осмотрѣвшись кругомъ и удостовѣрившись, что всѣ дѣйствительно ушли, тихонько выползъ изъ своей засады и укрываясь въ тѣни стѣны, какъ онъ дѣлалъ, спускаясь сюда, взобрался наверхъ. Тамъ онъ опять внимательно осмотрѣлся по сторонамъ, не наблюдаетъ ли кто за нимъ, и тогда уже со всѣхъ ногъ пустился къ жилищу еврея.

ГЛАВА XLVII.

Роковыя послѣдствія.

До разсвѣта оставалось часа два. Въ осеннюю пору это самое глухое время ночи: улицы пустынны и безмолвны, всѣ звуки какъ будто замерли, развратъ и разгулъ разошлись по домамъ на покой. Въ этотъ-то тихій безмолвный часъ ночи Феджинъ сидѣлъ на сторожѣ въ своемъ логовищѣ. Лицо его было блѣдно и перекошено, глаза налились кровью, онъ походилъ не на живого человѣка, а скорѣе на страшнаго выходца изъ гроба, преслѣдуемаго злымъ духомъ.

Феджинъ сидѣлъ на корточкахъ передъ потухшимъ очагомъ, закутавшись въ старое дырявое одѣяло, устремивъ глаза на догоравшую на столѣ свѣчу. Правую руку онъ поднесъ ко рту и въ разсѣянности кусалъ длинные, черные ногти своими без-

зубыми деснами, на которыхъ мѣстами торчали острые клыки похожіе на зубы крысы или собаки.

Ной Клейполь храпѣлъ, растянувшись на брошенномъ на полу тюфякѣ. Порою глаза старика обращались къ нему, потомъ они опять устремлялись на свѣчу; нагорѣвшій фитиль и оплывшая свѣча, съ которой капало на столъ сало, указывали на то, что мысли старика были заняты другимъ.

И на самомъ дѣлѣ было такъ.

Досада на неудачу хитро обдуманнаго плана, ненависть къ дѣвушкѣ, осмѣлившейся такъ провести его, полное недовѣріе къ искренности ея отказа выдать его, непріятное разочарованіе, что потерянъ случай отомстить Сайксу, страхъ, что его преступленія будутъ раскрыты и ему грозятъ разореніе и смерть, все это разжигало въ немъ бѣшенство, злобу. Въ головѣ Феджина вихремъ кружились черныя мысли, онъ обдумывалъ самые злодѣйскіе планы. Старый еврей сидѣлъ цѣлые часы въ одной и той же позѣ, не замѣчая, какъ проходитъ время, до тѣхъ поръ, пока его чуткое ухо не уловило шума шаговъ на улицѣ.

— Наконецъ-то! Наконецъ! пробормоталъ онъ, проводя рукою по пересохшимъ, потрескавшимся отъ внутренняго жара губамъ.

Раздался тихій звонокъ. Феджинъ неслышными шагами прокрался наверхъ и вернулся въ сопровожденіи закутаннаго человѣка, несшаго подъ мышкой узелъ. Это былъ Сайксъ.

— Бери! проговорилъ онъ, положивъ узелъ на столъ. Спрячь и постарайся какъ можно лучше этимъ воспользоваться. Мнѣ пришлось изъ за него не мало повозиться, разсчитывалъ вернуться гораздо раньше.

Феджинъ взялъ узелъ, отнесъ его въ шкафъ и сѣлъ на прежнее мѣсто. Онъ не проронилъ ни слова, но все время не сводилъ глазъ съ разбойника, а когда они оказались лицомъ къ лицу, онъ уставился на него въ упоръ. Губы его подергивались, лицо такъ исказилось отъ внутренняго волненія, что Сайксъ быстро отодвинулся назадъ и съ неподдѣльнымъ испугомъ посмотрѣлъ на него.

— Что съ тобой, что ты бѣльма на меня выпучилъ? вскричалъ онъ.

Феджинъ поднялъ правую руку и погрозилъ указательнымъ пальцемъ. Душившая его злоба была такъ сильна, что голосъ не слушался его.

— Чортъ возьми, онъ помѣшался; мнѣ надо быть на сторожѣ, пробормоталъ Сайксъ, съ нескрываемой тревогой ощупывая что-то у себя на груди.

— Нѣтъ, нѣтъ... не тебѣ, Биль, не тебѣ, возразилъ Феджинъ, къ которому вернулась способность рѣчи. За тобой я вины не знаю...

— Ой ли? протянулъ Сайксъ, сурово на него глядя, и какъ бы нечаянно переложилъ пистолетъ изъ одного кармана въ

другой, поближе.—Это счастье для одного изъ насъ, хотя еще неизвѣстно, для котораго...

— Когда я все разскажу тебѣ, Биль, ты станешь еще хуже, чѣмъ я, проговорилъ Феджинъ, подвигаясь къ нему вмѣстѣ со стуломъ. ...

— Неужто? недовѣрчиво переспросилъ Сайксъ. Ну же, живѣй! Не задерживай меня, а то Нанси, пожалуй, подумаетъ, что я пропалъ.

— Пропалъ? подхватилъ Феджинъ. Да она и безъ того давно это про себя рѣшила.

Сайксъ въ полномъ недоумѣніи посмотрѣлъ ему въ лицо и, не найдя тамъ разгадки, схватилъ за шиворотъ Феджина своей огромной лапой и изо всей силы встряхнулъ его.

— Говори сейчасъ, не то я изъ тебя духъ вышибу. Разинь свою пасть и говори прямо, что знаешь; говори же, старый песъ! кричалъ онъ.

— Представь себѣ, что этотъ молодецъ, который тутъ лежитъ... началъ Феджинъ.

Сайксъ обернулся къ спящему Ною, котораго раньше не замѣтилъ, потомъ опять обратился къ Феджину и проворчалъ: Ну, дальше!

— Представь, что этотъ молодецъ шпіонитъ за нами, доноситъ на насъ... Сначала разыскалъ нужныхъ людей, потомъ, сойдясь съ ними въ условленномъ мѣстѣ на улицѣ, описалъ наши примѣты, перечислилъ всѣ признаки, по которымъ насъ можно узнать, указалъ домъ, гдѣ всего удобнѣе насъ захватить. Допустимъ, что онъ все это сдѣлалъ, да, кромѣ того, выдалъ одну исторію, въ которой всѣ мы болѣе или менѣе замѣшаны; и повѣдалъ все это имъ по своей доброй волѣ, не будучи ни пойманъ, ни уличенъ, ни засаженъ на хлѣбъ и на воду, безъ поповскихъ увѣщаній, однимъ словомъ, по своей вольной волѣ, для собственнаго удовольствія. Представь себѣ, что онъ украдкой уходилъ отъ насъ по ночамъ, чтобы разыскать тѣхъ, кто радъ будетъ насъ погубить и донести на насъ. Ты понялъ? если онъ такъ поступалъ, что тогда? прокричалъ еврей съ горящими бѣшенствомъ глазами.

— Что тогда? съ ужаснымъ проклятіемъ повторилъ Сайксъ. Да если бъ онъ оставался еще въ живыхъ до моего прихода, я размозжилъ бы ему черепъ каблукомъ сапога такъ, чтобъ онъ разлетѣлся на столько же кусковъ, сколько волосъ у него на головѣ!

— Ну, а если бъ это сдѣлалъ я? взвизгнулъ Феджинъ. Я, который такъ много знаю и столькихъ могу отправить на висѣлицу...

— Не знаю, что-бы я съ тобой сдѣлалъ, сквозь зубы вымолвилъ Сайксъ, блѣднѣя при одной мысли о возможности такого предположенія. Не знаю... Я набѣдокурилъ бы въ тюрьмѣ, настряпалъ бы такого, за что на меня надѣли бы кандалы, и

когда мнѣ дали бы очную ставку съ тобой на судѣ, я бы бросился на тебя и на виду у всѣхъ раздробилъ бы кандалами тебѣ башку. У меня хватило бы силы-мочи, кричалъ онъ, потрясая своей мускулистой рукой. Я раскроилъ бы тебѣ черепъ такъ же вѣрно, какъ еслибы по немъ проѣхалъ нагруженный возъ.

— Ты бы такъ поступилъ?

— Еще бы! Попробуй только...

— А еслибъ это сдѣлалъ Чарли, или Пройдоха, или Бэтъ, или...

— Кто бы ни сдѣлалъ, я точно такъ же съ нимъ расправлюсь, нетерпѣливо рявкнулъ Сайксъ.

Феджинъ пристально поглядѣлъ на разбойника и показавъ знакомъ, чтобъ онъ молчалъ, нагнулся къ лежавшей на полу постели и принялся будить спящаго.

Сайксъ тоже наклонился къ тому и, облокотившись руками на колѣни, съ недоумѣніемъ ждалъ, чѣмъ кончатся всѣ эти допросы и приготовленія.

— Эй, Больтеръ, Больтеръ! Усталъ, бѣдняга, говорилъ Феджинъ, глядя на Сайкса съ дьявольской усмѣшкой, въ предвкушеніи того, что должно сейчасъ произойти. Онъ заговорилъ съ разстановкой, подчеркивая каждое слово:—Усталъ оттого, что долго слѣдилъ за нею. Слышишь, Биль, за нею слѣдилъ...

— Что ты этимъ хочешь сказать? спросилъ Сайксъ, откидываясь на спинку стула.

Вмѣсто отвѣта Феджинъ наклонился къ спящему, приподнялъ его и посадилъ. Послѣ того, какъ онъ нѣсколько разъ повторилъ: „Больтеръ, Больтеръ! Ной протеръ глаза, громко зѣвнулъ и съ соннымъ выраженіемъ оглянулся вокругъ.

— Разскажи намъ еще разъ, чтобъ и онъ слышалъ, обратился къ нему еврей, указывая на Сайкса.

— Про что разсказать? съ неудовольствіемъ промычалъ сонный Ной.

— Про Нанси, сказалъ еврей, ухвативъ Сайкса за руку, точно боясь, какъ бы тотъ не ушелъ, не выслушавъ разсказа. Ты слѣдилъ за нею?

— Да.

— До Лондонскаго моста?

— Да.

— Гдѣ она встрѣтила двоихъ?

— Да.

— Господина и даму, къ которымъ она еще раньше ходила по собственному желанію. Они просили ее выдать соумышленниковъ, и перваго Монкса,—что она и сдѣлала. Они затѣмъ просили ее описать его примѣты,—она и это сдѣлала; назвать домъ, гдѣ мы собираемся,—она назвала; сказать, откуда лучше слѣдить за нами,—она сказала; указать время, когда туда приходятъ,—она указала. Она все это сдѣлала. Она безъ всякихъ настояній и угрозъ съ ихъ стороны все имъ подробно разсказала.

Такъ, вѣдь? правда, вѣдь, все это? кричалъ Феджинъ внѣ себя отъ бѣшенства.

— Все какъ есть правда, отвѣчалъ Ной, почесывая затылокъ. Все точно такъ было.

— А что разсказала она про прошлое воскресенье?

— Про прошлое воскресенье? переспросилъ Ной, какъ бы вспоминая. Да, вѣдь, я ужъ вамъ говорилъ!

— Еще разъ повтори! кричалъ съ пѣной на губахъ еврей, крѣпче сжимая руку Сайкса одной своей рукой, а другою потрясая въ воздухѣ.

Ной, успѣвшій за это время окончательно очнуться отъ сна, видимо уже догадался, кто такой Сайксъ, и отвѣчалъ:—Ее спрашивали, почему она не пришла прошлое воскресенье, какъ обѣщала; она отвѣчала что не могла придти.

— А по какой причинѣ? По какой причинѣ не могла она явиться? Скажи-ка вотъ ему!

— Потому не могла, что ее силой удержалъ дома Биль,—человѣкъ, про котораго имъ она раньше говорила,—отвѣтилъ Ной.

— А что жъ она о немъ разсказала? о томъ человѣкѣ, про котораго имъ раньше говорила? Скажи-ка ему, скажи.

— Она сказала, что уходить изъ дома безъ его вѣдома ей очень трудно и что въ первый разъ, когда она пошла на свиданіе къ той лэди она.... ха-ха-ха! такъ смѣшно мнѣ стало, какъ я про это услышалъ! ха-ха-ха! она дала въ тотъ разъ этому человѣку выпить опію...

— Разрази ее громомъ! воскликнулъ Сайксъ, яростно вырывая свою руку изъ рукъ еврея.—Пусти меня!

Оттолкнувъ отъ себя старика, онъ ринулся вонъ изъ комнаты и какъ вихрь помчался вверхъ по лѣстницѣ.

— Биль! Биль! звалъ еврей, бросаясь за нимъ. Одно слово, одно лишь слово...

Онъ никогда не успѣлъ бы сказать этого слова, еслибъ входная дверь не оказалась на запорѣ. Пока Сайксъ съ ужасными ругательствами колотилъ въ нее, силясь ее высадить, къ нему подоспѣлъ еврей.

— Выпусти меня! крикнулъ ему Сайксъ. Не разговаривай со мной, если тебѣ жизнь дорога. Говорятъ тебѣ, выпусти!..

— Слушай, одно только слово, умолялъ еврей, поднося руку къ замку.

— Ну!

— Не будь слишкомъ жестокъ, Биль!

Заря уже занималась и было довольно свѣтло, такъ что они могли разглядѣть лица другъ друга. Феджинъ и Сайксъ обмѣнялись быстрымъ взглядомъ, въ глазахъ обоихъ сверкнулъ зловѣщій огонекъ, въ значеніи котораго нельзя было ошибиться.

— Я хочу сказать, чтобъ ты изъ предосторожности не былъ слишкомъ жестокъ, продолжалъ Феджинъ, отложивъ въ эту

минуту всякое притворство какъ вещь безполезную. Побольше хитрости, Биль, не рискуй!

Сайксъ не далъ отвѣта, и распахнувъ настежь отпертую Феджиномъ дверь, выскочилъ на пустынную улицу.

Онъ несся что есть духу. Ни разу не остановился отдохнуть или собраться съ мыслями, ни разу не оглянулся по сторонамъ, ни разу не поднялъ глазъ къ небу, ни разу не опустилъ ихъ къ землѣ, все глядѣлъ прямо передъ собою съ дикимъ рѣшительнымъ видомъ; зубы его были такъ крѣпко стиснуты, что подъ кожей обозначились скулы. Онъ не издалъ ни звука, ни на минуту не замедлилъ бѣга, пока не очутился у дверей своего жилища.

Осторожно отворивъ ее принесеннымъ съ собою ключемъ, Сайксъ тихими шагами поднялся по лѣстницѣ. Войдя въ комнату, онъ дважды повернулъ ключъ въ замкѣ, придвинулъ къ двери тяжелый столъ и рванулъ въ сторону занавѣси кровати.

Нанси полуодѣтая лежала на постели. Приходъ Сайкса разбудилъ ее. Она приподнялась и устремила на него испуганный, растерянный взглядъ.

— Вставай, произнесъ онъ.

— А, это ты, Биль! проговорила дѣвушка съ радостнымъ выраженіемъ.

— Да, я, вставай, сказалъ онъ въ отвѣтъ.

На столѣ горѣла свѣча. Сайксъ вытащилъ ее изъ подсвѣчника и швырнулъ въ каминъ. Замѣтивъ, что уже свѣтаетъ, Нанси хотѣла, было, поднять на окнѣ штору.

— Оставь! Для того, что я хочу сдѣлать, достаточно свѣтло, проговорилъ Сайксъ, преградивъ ей дорогу къ окну.

— Почему ты на меня такъ странно смотришь, Биль? спросила дѣвушка тихимъ испуганнымъ голосомъ. Разбойникъ нѣсколько времени глядѣлъ на нее въ упоръ, тяжело дыша и съ раздувающимися ноздрями, потомъ, ухвативъ ее за шею и за голову, вытащилъ на середину комнаты, еще разъ оглянулся на дверь, и закрылъ ей ротъ свое тяжелой ручищей.

— Биль, Биль! взывала дѣвушка, отбиваясь отъ него со всею силой, какую можетъ придать смертельный страхъ. Я не стану звать на помощь, не буду плакать, ни разу не крикну... послушай... скажи мнѣ... только скажи мнѣ, что я тебѣ сдѣлала...

— Ты сама знаешь, дьяволъ! задыхаясь отвѣтилъ разбойникъ. Тебя сегодня ночью прослѣдили, подслушали каждое твое слово.

— Такъ пощади же меня, какъ я пощадила тебя, молила дѣвушка, цѣпляясь за его руки. Биль, голубчикъ, развѣ у тебя хватитъ духа убить меня? Подумай, отъ чего я отказалась сегодня ради тебя, подумай только объ этомъ... Ты долженъ подумать объ этомъ и не допустить себя до этого преступленія. Я вцѣплюсь въ тебя, я такъ на тебѣ повисну, что ты отъ меня не отдѣлаешься. Биль, Биль! ради Бога, ради себя,

ради меня, обдумай все, прежде чѣмъ пролить мою кровь. Я была тебѣ вѣрна до конца, клянусь моею грѣшною душою...

Разбойникъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы отъ нея освободиться, но несчастная жертва крѣпко обвилась вокругъ его рукъ, и какъ онъ ни бился, не могъ вырваться изъ ея объятій.

— Биль! воскликнула она, склонивъ голову ему на грудь. Сегодня ночью джентльменъ и эта добрая барышня предлагали мнѣ пріютъ за-границей, гдѣ я въ тишинѣ и спокойствіи могла бы провести остатокъ моей жизни. Позволь мнѣ пойти къ нимъ еще разъ и на колѣняхъ вымолить то же для тебя; мы оба оставимъ это ужасное мѣсто и далеко отсюда поведемъ лучшую жизнь, забывъ о прошломъ и только въ молитвѣ будемъ поминать о немъ. Они мнѣ говорили, что раскаяться никогда не поздно, и я теперь чувствую, что это такъ... Но для этого нужно время... о, недолгое время...

Разбойникъ освободилъ, наконецъ, одну свою руку и схватилъ пистолетъ. Но какъ ни ослѣпляла его ярость, у него въ эту минуту явилось соображеніе, что при звукѣ выстрѣла его немедленно застанутъ на мѣстѣ преступленія. Онъ изо всей силы ударилъ два раза пистолетомъ по обращенному къ нему лицу дѣвушки, почти прикасавшемуся къ его лицу. Обливаясь кровью, хлынувшей изъ глубокой раны во лбу, она зашаталась и упала, но въ то же мгновеніе приподнялась коекакъ на колѣни, достала спрятанный у нея на груди бѣлый платокъ, подарокъ Розы Мейли и, крѣпко зажавъ его въ рукахъ, простерла ихъ къ небу, на сколько позволили ей слабыя силы, и обратилась съ мольбой къ Творцу.

Страшенъ былъ видъ ея. Убійца шатаясь отступилъ назадъ, закрылся рукою, схватилъ не глядя тяжелую палку и прикончилъ свою жертву.

ГЛАВА XLVIII.

Бѣгство Сайкса.

Изъ всѣхъ совершенныхъ въ эту ночь въ Лондонѣ подъ покровомъ ночного мрака темныхъ дѣяній это было самое гнусное. Изъ всѣхъ ужасовъ, рѣявшихъ въ утреннемъ воздухѣ вмѣстѣ съ зловонными испареніями, это былъ актъ самый звѣрскій, самый чудовищный. Ясное солнце взошло на безоблачномъ небѣ въ лучезарномъ сіяніи надъ многолюднымъ Лондономъ; солнце, приносящее съ собою людямъ не только свѣтъ, но и новую жизнь, новую свѣжесть, новыя надежды, одинаково проливало свои лучи и на дорогія цвѣтныя стекла палатъ, и на заклеенныя бумагой окна, и въ куполъ собора, и въ гнилую нору. Освѣтило оно и ту комнату, гдѣ лежала убитая...

Да, солнце освѣтило эту комнату, несмотря на старанія убійцы преградить доступъ его лучамъ. Если зрѣлище было ужасно при тускломъ мерцаніи разсвѣта, то какъ же ужасно стало оно при яркомъ блескѣ дня!

Убійца все еще оставался на томъ же мѣстѣ. Онъ боялся пошевелиться. Разъ послышался стонъ, и ему почудилось, что рука убитой сдѣлала движеніе. Внѣ себя отъ страха и бѣшенства, онъ еще и еще наносилъ удары своей жертвѣ, потомъ онъ прикрылъ, было, ее одѣяломъ. Но ему стало мерещиться, что она смотритъ на него; это было еще хуже, чѣмъ видѣть передъ собою эти широко раскрытые стеклянные глаза, устремленные вверхъ, какъ бы въ созерцаніи дрожащаго на потолкѣ солнечнаго отраженія лужи запекшейся крови. И онъ опять сдернулъ одѣяло, и опять передъ нимъ было это тѣло— ни что иное, какъ простой кусокъ мяса съ кровью, но какъ онъ былъ ужасенъ и сколько было этой крови!

Сайксъ добылъ огня, растопилъ каминъ и сунулъ въ него окровавленную палку. Прилипшіе къ концу ея волосы вспыхнули и быстро сгорѣли; подхваченный тягою воздуха легкій пепелъ завертѣлся и унесся въ трубу; даже и это испугало Сайкса, его, который ничего не боялся. Онъ держалъ палку въ огнѣ, пока она не распалась на части, обуглившіеся куски сгребъ въ кучу, чтобъ они лучше перегорѣли, а самъ умылся и принялся замывать свое платье. Нѣкоторыя пятна не очищались, онъ вырѣзалъ куски матеріи и сжегъ ихъ. А сколько этихъ пятенъ было по всей комнатѣ! Даже лапы собаки были въ крови.

До сихъ поръ Сайксъ ни разу, ни на одну секунду не повернулся спиною къ трупу; когда все было кончено, онъ сталъ, опять-таки задомъ, пятиться къ двери, таща за собою собаку, чтобъ она вновь не выпачкалась и не послужила ему уликой на улицѣ. Затѣмъ онъ осторожно затворилъ за собою дверь, заперъ ее на ключъ, положилъ его въ карманъ и вышелъ изъ дома.

Перейдя на другую сторону улицы, онъ взглянулъ на окно, чтобы удостовѣриться, не видать ли чего нибудь снаружи. Окно было по прежнему закрыто занавѣской; Нанси не успѣла, какъ хотѣла, ее п однять, чтобъ впустить въ комнату дневной свѣтъ... Увы! ей больше не суждено было его увидѣть! Она лежала какъ разъ подъ этимъ окошкомъ, онъ зналъ это... Ахъ, какъ щедро бросало туда солнце свои лучи!

Онъ взглянулъ только мелькомъ въ ту сторону. Оставивъ ту комнату, онъ сразу почувствовалъ облегченіе. Свистнувъ собаку, онъ быстро зашагалъ дальше.

Миновавъ Ислингтонъ, онъ направился въ ту часть Гайгета, гдѣ памятникъ Виттингтону, потомъ нерѣшительно повернулъ къ Гайгетъ-Гилю, какъ бы не зная, куда держать свой путь. Онъ взялъ направо, потомъ пошелъ по тропинкѣ, изви-

вавшейся по окраинѣ Кэнскаго парка, перешелъ черезъ ровъ, и оставивъ въ сторонѣ дорогу, соединяющую Гэмстедъ и Гайгетъ, пошелъ прямо черезъ кусты. Выбравшись на поля Нортъ Энда, онъ улегся въ тѣни изгороди и заснулъ.

Когда все было кончено, онъ сталъ пятиться къ двери, таща за собою собаку.

Проснулся онъ очень скоро и опять пошелъ, на этотъ разъ въ обратную сторону, по большой дорогѣ къ Лондону. Но затѣмъ онъ вновь повернулъ обратно и перешелъ въ другомъ направленіи мѣстность, по которой проходилъ уже раньше. Онъ то бродилъ по полямъ, то ложился отдохнуть на краю канавы, потомъ снова поднимался и шелъ въ другое мѣсто, а тамъ опять ложился и опять вставалъ, и шелъ куда глаза глядятъ.

Гдѣ бы ему найти здѣсь по близости такое мѣсто гдѣ поменьше людей, чтобы утолить голодъ и жажду? Гендонъ, вотъ самое подходящее мѣстечко, и близко, и въ сторонѣ отъ большой дороги. Туда онъ и направился; по дорогѣ онъ то бѣжалъ, то, по какому-то странному противорѣчію, замедлялъ шаги и плелся нога за ногу, а то и совсѣмъ останавливался и начиналъ разсѣянно обивать палкой вѣтки изгороди.

Когда онъ пришелъ въ Гендонъ, ему почудилось, что всѣ, кто попадался ему на встрѣчу, даже дѣти, игравшія у дверей домовъ, какъ-то подозрительно на него поглядываютъ, и онъ

повернулъ назадъ, не осмѣлясь купить себѣ ни пищи, ни питья, хотя уже долгое время у него ничего во рту не было.

И опять онъ сталъ безцѣльно бродить въ кустахъ, не рѣшаясь никуда направиться.

Такимъ маneромъ онъ исходилъ не мало верстъ и опять воротился на прежнее мѣсто. Давно минуло утро, давно минулъ полдень, начинало уже смеркаться, а онъ все бродилъ то туда, то сюда, кружась около одного мѣста. Наконецъ, онъ рѣшительно двинулся впередъ и направился къ Гэмфильду.

Былъ уже десятый часъ, когда совсѣмъ выбившійся изъ силъ Сайксъ, въ сопровожденіи прихрамывавшей отъ усталости собаки, увидѣлъ съ пригорка церковную колокольню тихой деревушки. Прокравшись по узенькой улочкѣ, онъ разыскалъ харчевню по свѣтившемуся въ ней огоньку; у топившагося камина сидѣло за кружками нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Они подвинулись, чтобы очистить мѣсто для новаго посѣтителя, но тотъ забрался въ самый дальній уголъ комнаты и принялся за ѣду въ компаніи своей собаки, которой время отъ времени бросалъ куски.

Разговоръ собравшихся въ кабакѣ крестьянъ вертѣлся на мѣстныхъ дѣлахъ. Когда эта тема изсякла, завели споръ о томъ, сколько было лѣтъ старику, схороненному въ прошлое воскресенье. Присутствовавшая здѣсь молодежь утверждала, что покойный былъ очень старъ, старики же стояли на томъ, что онъ умеръ еще совсѣмъ молодымъ. „Онъ былъ не старше меня“, замѣтилъ одинъ, бѣлый какъ лунь дѣдъ: „смѣло еще годковъ десять—пятнадцать могъ протянуть, еслибъ берегся, а то покойникъ былъ очень неостороженъ“.

Въ этой мирной бесѣдѣ не было ровно ничего такого, что могло бы возбудить опасенія, заставить насторожиться. Расплатившись за ужинъ, разбойникъ молча сидѣлъ въ углу; никто не обращалъ на него вниманія, и онъ началъ было уже дремать. Его заставило очнуться появленіе новаго пришельца.

Это былъ деревенскій разносчикъ, веселый малый, и немножко шарлатанъ, расхаживавшій съ коробомъ за плечами по деревнямъ и продававшій точильные бруски, ремни, бритвы, мыло, ваксу, лекарства для собакъ и лошадей, дешевые духи, притиранья и тому подобные товары. Не успѣлъ онъ войти, какъ посыпались незатѣйливыя шутки и остроты, вызывавшія дружный смѣхъ; окончивъ ужинать, разносчикъ развязалъ свой коробъ, желая соединить пріятное съ полезнымъ.

— А это что такое, Гарри, какое нибудь лакомство? спросилъ его ухмыляясь одинъ изъ крестьянъ, указывая на лежавшія въ углу короба какія-то плитки.

Доставъ одну изъ плитокъ, разносчикъ отвѣчалъ:

— Это лучшій и вѣрнѣйшій составъ для вывода всевозможныхъ пятенъ, ржавчины, грязи, плѣсени, съ шелка, атласа, полотна, батиста, сукна, крепа, пледовъ, ковровъ, мериноса,

кисеи, бумазеи, шерстяныхъ матерій. Пятна отъ вина, фруктовъ, пива, воды, масляной краски, смолы и всякія другія исчезаютъ въ одно мгновеніе ока, если только потереть ихъ этимъ вѣрнѣйшимъ, незамѣнимымъ составомъ. Если знатная дама запятнаетъ свою честь, ей стоитъ только проглотить одну изъ такихъ плитокъ, и тотчасъ все будетъ заглажено, потому что это ядъ. Если джентльмену понадобится доказать, что его совѣсть чиста, стоитъ ему пустить въ ходъ одну такую плитку, и она смоетъ съ него всѣ пятна такъ же вѣрно, какъ пистолетная пуля, только проглотить ее еще больше заслуги, такъ какъ она много хуже на вкусъ. И брусокъ такого драгоцѣннаго состава стоитъ всего одинъ пенсъ, только одинъ пенсъ!

Среди слушателей тотчасъ же нашлось двое покупателей, нѣкоторые же, видимо, находились еще въ нерѣшимости, покупать или нѣтъ. Замѣтивъ это, продавецъ сталъ еще краснорѣчивѣе.

— Этотъ составъ такъ быстро раскупаютъ, что не успѣваютъ заготовлять. День и ночь четырнадцать водяныхъ мельницъ, шесть паровыхъ машинъ и гальваническая батарея фабрикуютъ его, и всетаки не успѣваютъ наготовить въ достаточномъ количествѣ, хотя рабочіе такъ стараются, что нерѣдко умираютъ отъ непосильныхъ трудовъ; вдовамъ ихъ тотчасъ же дается пенсія по двадцати фунтовъ въ годъ на каждаго ребенка, съ особой преміей въ пятьдесятъ фунтовъ за каждую пару близнецовъ. Кусокъ этого драгоцѣннаго состава стоитъ одинъ пенсъ, хотите давайте два полупенса, а то и четыре фартинга, и ихъ примемъ съ удовольствіемъ. Всего одинъ пенсъ за кусокъ! Выводитъ пятна отъ винъ, отъ фруктовъ, отъ пива, отъ воды, отъ масляной краски, отъ смолы, жирныя пятна, кровяныя пятна... Вотъ, напримѣръ, я замѣчаю пятно на шляпѣ одного изъ присутствующихъ здѣсь джентльменовъ, я мигомъ его выведу, прежде чѣмъ онъ закажетъ для меня кружку пива.

— Отдай сюда шляпу, вскрикнулъ Сайксъ, вскакивая съ мѣста.

— Я вычищу ее вамъ, сэръ, въ одну минуту, раньше чѣмъ вы успѣете перейти черезъ комнату, чтобъ отобрать ее отъ меня, обратился къ Сайксу разносчикъ, подмигивая остальнымъ присутствующимъ.—Прошу васъ, господа, обратить вниманіе на это темное пятно на шляпѣ этого джентльмена, величиною оно почти съ шиллингъ, но въ толщину болѣе полукроны. Отъ чего бы оно ни появилось—отъ вина, отъ фруктовъ, отъ пива, отъ масляной краски, отъ смолы, отъ грязи или отъ крови...

Разносчикъ не успѣлъ договорить, такъ какъ Сайксъ съ ужасными ругательствами опрокинулъ раздѣлявшій ихъ столъ и, вырвавъ у него изъ рукъ свою шляпу, выбѣжалъ на улицу.

Подъ вліяніемъ того же противорѣчія въ мысляхъ и дѣйствіяхъ и той же нерѣшительности, которыя, помимо его воли,

управляли всѣми его поступками весь этотъ день. убійца вдругъ повернулъ назадъ къ Лондону, придя къ заключенію, что за нимъ нѣтъ погони и что, вѣроятно, его сочли просто за охмѣлѣвшаго забулдыгу угрюмаго нрава.

Отойдя подальше отъ стоявшаго на улицѣ дилижанса, чтобъ на него не падалъ свѣтъ фонарей, Сайксъ уже намѣревался, было, продолжать путь. но увидѣвъ, что это лондонская почтовая карета, остановившаяся у мѣстнаго почтоваго отдѣленія, перешелъ черезъ улицу и сталъ прислушиваться, хотя и предчувствовалъ впередъ, что сейчасъ произойдетъ.

Стоявшій у двери кондукторъ дожидался почтовой сумки; къ нему подошелъ человѣкъ въ одеждѣ лѣсника; кондукторъ подалъ ему вынутую изъ дилижанса большую корзину.

— Вотъ это для вашихъ,—сказалъ кондукторъ.—Эй, поворачивайтесь-ка поживѣе! Чортъ побери эту сумку, вы бы ее должны заранѣе приготовить. Такъ не водится!

— Что новенькаго въ Лондонѣ, Бэнъ?—спросилъ лѣсникъ. прислонясь къ оконной ставнѣ, чтобъ съ большимъ комфортомъ любоваться на лошадей.

— Кажется, ничего особеннаго,—отвѣчалъ кондукторъ, натягивая перчатки.—Хлѣбъ немного вздорожалъ... Слышалъ еще что-то объ убійствѣ въ Спитальфильдѣ, въ минувшую ночь. да не очень то вѣрю: вѣрно, болтаютъ зря.

— Нѣтъ. это совершенная правда,—отозвался какой-то джентльменъ, выглянувшій изъ открытаго окна почтовой конторы.—И какое ужасное убійство!

— Позвольте узнать, сэръ, кто же убитъ: мужчина или женщина?—спросилъ кондукторъ, приподнимая шляпу.

— Женщина,—отвѣчалъ джентльменъ,—и полагаютъ, что...

— Эй, Бэнъ, скорѣе!—нетерпѣливо крикнулъ кучеръ.

— Чортъ бы побралъ эту проклятую сумку? Что вы тамъ съ нею заснули?—выругался кондукторъ.

— Иду, иду,—крикнулъ сторожъ, выбѣгая изъ конторы.

— Иду!—проворчалъ кондукторъ:—точь въ точь та богатая невѣста, что должна ко мнѣ явиться, да все что-то не приходитъ... Ну, давай же. Въ дорогу!

Почтовый рожокъ весело затрубилъ, и карета покатила.

Сайксъ остался стоять на улицѣ, на видъ вполнѣ равнодушный къ тому. что онъ только что слышалъ; его смущало только одно: куда направить свои шаги. Наконецъ, онъ рѣшилъ повернуть назадъ и пошелъ по дорогѣ, которая ведетъ въ С. Альбанъ.

Онъ шелъ въ мрачной задумчивости, но, когда городъ остался позади и дорога стала пустыннѣе и темнѣе, имъ овладѣлъ страхъ и ужасъ. Каждый предметъ впереди его движущійся или неподвижный, дѣйствительный или воображаемый, принималъ какую-нибудь чудовищную форму. Но эти страхи были ничто въ сравненіи съ неотвязно преслѣдовав-

шимъ его ощущеніемъ, будто тотъ утренній ужасный образъ идетъ за нимъ по пятамъ. Онъ различалъ даже тѣнь его во мракѣ, мельчайшія подробности его очертаній, его мѣрную, торжественную поступь. Онъ слышалъ, какъ шелестѣла его одежда по листьямъ, и съ каждымъ дуновеніемъ вѣтра до него доносился послѣдній предсмертный, тихій стонъ... Когда онъ останавливался, останавливался и призракъ, когда онъ начиналъ бѣжать, призракъ пускался вслѣдъ за нимъ, но не бѣгомъ, это было бы еще не такъ страшно, нѣтъ, онъ несся, точно безжизненный трупъ, влекомый тихимъ печальнымъ вѣтромъ, который дулъ какъ-то равномѣрно, не усиливаясь и не ослабѣвая. Сайксъ иногда оборачивался назадъ съ твердымъ намѣреніемъ прогнать этотъ призракъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось умереть отъ одного взгляда на него; но тутъ же вся кровь застывала у него въ жилахъ, и волосы на головѣ у него вставали дыбомъ, потому что призракъ, какъ ему казалось, повернулся вмѣстѣ съ нимъ и опять былъ у него за плечами. Призракъ былъ передъ нимъ сегодня утромъ, теперь же онъ былъ вѣчно позади его.

Разбойникъ прислонился спиною къ высокой насыпи и тотчасъ же почувствовалъ, что ужасный призракъ витаетъ надъ его головою, онъ отчетливо различалъ его контуры въ холодномъ вечернемъ небѣ. Сайксъ повалился навзничь на дорогу, тотчасъ же привидѣніе встало возлѣ него въ головахъ, неподвижное, безмолвное, строгое и невозмутимое, какъ живой могильный памятникъ, съ надписью, начертанной кровью.

Пусть не говорятъ, что убійцамъ случается ускользать отъ правосудія! Повѣрьте, что око Провидѣнія недремлющее: одна такая мучительная минута смертельнаго ужаса стоитъ тысячи смертныхъ казней!

Въ полѣ, по которому шелъ Сайксъ, оказался сарай, онъ могъ служить пріютомъ на ночь. У входа его росли три высокихъ тополя, отъ которыхъ внутри было еще темнѣе; вѣтеръ жалобно завывалъ въ вѣтвяхъ этихъ деревьевъ. Сайксъ не въ силахъ былъ больше идти. Онъ улегся въ этомъ сараѣ и прижался какъ можно ближе къ стѣнѣ. Тутъ его ждала новая пытка.

Теперь передъ нимъ появилось другое видѣніе, такое же неотвязное, но еще ужаснѣе того, отъ котораго онъ избавился. Широко раскрытые, безжизненные, стеклянные глаза, которые утромъ наводили на него такой трепетъ, что онъ считалъ за лучшее видѣть ихъ воочію передъ собою, чѣмъ представлять ихъ въ своемъ воображеніи, теперь опять появились передъ нимъ во мракѣ. Они сами свѣтились, но ничего кругомъ не освѣщали; ихъ была только пара, но они были вездѣ и всюду. Если онъ зажмуривался, чтобъ не видѣть ихъ, ему представлялась хорошо знакомая комната со всѣмъ въ ней находившимся, ему рисовались такія мельчайшія подробности, ко-

торыя онъ навѣрняка позабылъ бы. еслибы сталъ вызывать ихъ въ памяти. Все въ комнатѣ было на своемъ мѣстѣ... и трупъ тоже былъ тутъ же... и глаза его были такими же, какими онъ видѣлъ ихъ, убѣгая изъ комнаты...

Онъ вскочилъ и выбѣжалъ въ поле. Привидѣніе вновь появилось за его спиною.

Онъ возвратился въ сарай и повалился на прежнее мѣсто. Но едва онъ легъ, какъ эти ужасные глаза очутились опять передъ нимъ. Онъ всетаки остался лежать въ сараѣ, терзаемый такимъ ужасомъ, какого никто и представить себѣ не въ силахъ. Его била лихорадка, холодный потъ выступилъ по всему его тѣлу.

Вдругъ до него донесся съ ночнымъ вѣтромъ отдаленный шумъ, къ которому примѣшивались крики ужаса, вопли. Въ этомъ пустынномъ мѣстѣ онъ радъ былъ каждому звуку человѣческаго голоса, хотя бы онъ возвѣщалъ о какомъ нибудь несчастіи. Въ виду опасности, которая могла ему угрожать, вернулись къ нему всѣ его силы и энергія, онъ вскочилъ на ноги и бросился вонъ изъ сарая.

Все небо казалось объято пламенемъ. Огненные языки вздымались кверху, разсыпая цѣлый дождь искръ, освѣщая пространство на нѣсколько миль въ окружности и посылая клубы дыма въ ту сторону, гдѣ находился Сайксъ.

Вопли становились громче и громче, по мѣрѣ того, какъ толпа росла, и онъ уже могъ различить крикъ: „пожаръ“! звонъ набатнаго колокола, грохотъ отъ паденія тяжелыхъ бревенъ, трескъ пламени, когда оно охватывало какой нибудь новый предметъ и вздымалось вверхъ, какъ бы подкрѣпившись новою пищей. На его глазахъ шумъ и смятеніе усиливались. Тамъ копошились люди,—мужчины и женщины,—тамъ былъ свѣтъ, было движеніе. Сайксъ почувствовалъ новый приливъ жизненныхъ силъ и бросился сломя голову прямо впередъ, не разбирая дороги, продираясь сквозь чащу терновника, перелѣзая черезъ изгороди, перепрыгивая черезъ рвы, а впереди его такимъ же безумнымъ аллюромъ неслась его собака съ громкимъ, оглушительнымъ лаемъ.

Вотъ онъ на мѣстѣ несчастія. Полуодѣтые люди мечутся взадъ и впередъ, нѣкоторые пытаются вывести изъ конюшенъ испуганныхъ лошадей, другіе выводятъ со скотнаго двора и амбаровъ рогатый скотъ, третьи вытаскиваютъ пожитки изъ пылающаго зданія подъ градомъ искръ и срывающихся сверху раскаленныхъ до красна балокъ. Изъ всѣхъ отверстій, бывшихъ еще за часъ передъ тѣмъ дверями и окнами, вырывались цѣлые потоки бурнаго пламени; стѣны шатались и обрушивались въ это огненное море; расплавленный свинецъ и раскаленное до бѣла желѣзо лились на землю. Женщины и дѣти вопили и ревѣли, мужчины старались ободрить другъ друга громкими криками, этому ужасному хору аккомпаниро-

вали стукъ пожарныхъ насосовъ и шипѣнье лившейся на пылающее дерево воды.

Сайксъ тоже принялся кричать и кричалъ до хрипоты. Спасаясь отъ преслѣдовавшихъ его воспоминаній, позабывъ на время о самомъ себѣ, онъ бросился въ самый центръ толпы. Всю эту ночь онъ работалъ неутомимо, бросаясь съ мѣста на мѣсто, то качая помпу, то расчищая путь сквозь дымъ и пламя, но постоянно вызбирая такія мѣста, гдѣ было больше народа и шума. Онъ взбирался на лѣстницы, карабкался на крыши строеній, пробѣгалъ по поламъ, дрожавшимъ и трещавшимъ подъ его тяжестью, подъ градомъ падающихъ кирпичей и камней; не было такого мѣста на пожарищѣ, гдѣ бы онъ не появился, но жизнь его, казалось, была заколдована: онъ не получилъ ни ушиба, ни малѣйшей царапины, и даже не ощущалъ усталости, когда наступившее утро освѣтило груду дымящихся, почернѣвшихъ развалинъ.

Когда его безумное возбужденіе улеглось, къ нему съ новой силой вернулось страшное сознаніе совершеннаго преступленія. Онъ подозрительно оглянулся кругомъ; окружающіе, разбившись на кружки, разговаривали между собою, ему пришло въ голову, что они говорятъ именно о немъ. Собака по одному его жесту послушно послѣдовала за нимъ, и они крадучись удалились. Возлѣ помпы, мимо которой Сайксу пришлось проходить, сидѣло нѣсколько человѣкъ; они подозвали его и пригласили подкрѣпить свои силы чѣмъ Богъ послалъ. Сайксъ съѣлъ кусокъ хлѣба съ мясомъ, и когда взялся за кружку съ пивомъ, то услыхалъ, что прибывшіе изъ Лондона пожарные разсказываютъ о совершенномъ тамъ убійствѣ. „По слухамъ, онъ убѣжалъ въ Бирмингамъ“, говорилъ одинъ: „но его все таки изловятъ; сыщики уже напали на его слѣдъ, и завтра уже по всей окрестности будетъ дано знать о немъ“. Сайксъ поспѣшилъ уйти и шелъ не останавливаясь, пока не свалился съ ногъ отъ усталости. Онъ растянулся въ сторонѣ отъ дороги, подъ изгородью, и продолжительный, хотя тревожный, сонъ овладѣлъ имъ.

Затѣмъ онъ снова сталъ безцѣльно блуждать то туда, то сюда, не рѣшаясь никуда зайти и съ ужасомъ думая о новой ужасной ночи, которую ему предстоитъ провести въ одиночествѣ.

Вдругъ въ немъ созрѣло отчаянное рѣшеніе: идти обратно въ Лондонъ.

„Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно будетъ хоть словомъ съ кѣмъ перекинуться,—думалъ онъ,—и спрятаться тамъ есть гдѣ. Никому и въ умъ не придетъ разыскивать меня тамъ, когда напали на слѣдъ мой за городомъ. Я могу тамъ просидѣть взаперти недѣльки двѣ и, раздобывшись деньгами у Феджина, перебраться во Францію. Куда ни шло, рискну!“

Онъ немедля поспѣшилъ привести въ исполненіе свое намѣреніе и избравъ наименѣе людную дорогу пустился въ об-

ратный путь, порѣшивъ на день укрыться гдѣ нибудь по близости Лондона, а съ наступленіемъ сумерекъ направиться окольнымъ путемъ прямо въ ту часть города, которую онъ намѣтилъ, какъ наиболѣе удобную для своихъ цѣлей.

Но какъ быть съ собакой? Навѣрное уже было извѣстно описаніе его примѣтъ и, конечно, не забыли упомянуть, что при немъ должна находиться собака, такъ какъ она исчезла, и его могутъ узнать по собакѣ на лондонскихъ улицахъ. Сайксъ задумалъ утопить ее и началъ высматривать, не встрѣтится ли на пути пруда; на всякій случай онъ поднялъ тяжелый камень и завязалъ его въ платокъ.

Пока онъ это дѣлалъ, собака пристально смотрѣла на него. предупредилъ ли ее инстинктъ объ угрожающей опасности. или разбойникъ на нее посмотрѣлъ при этомъ суровѣе обыкновеннаго, только она стала теперь держаться отъ него подальше. Когда ея хозяинъ, подойдя къ пруду, оглянулся и сталъ ее звать, она встала какъ вкопаная.

— Говорятъ тебѣ, ступай сюда! кричалъ Сайксъ.

Собака, въ силу привычки, пошла, было, на зовъ, но когда Сайксъ нагнулся, чтобъ навязать ей на шею платокъ съ камнемъ, она тихонько зарычала и отскочила въ сторону.

— Сюда! звалъ Сайксъ.

Собака виляла хвостомъ, но не двигалась съ мѣста. Сайксъ свернулъ изъ платка петлю и снова кликнулъ ее. Собака подошла немного ближе, но потомъ опять попятилась, постояла съ минуту на мѣстѣ, повернулась и пустилась удирать со всѣхъ ногъ. Сайксъ нѣсколько разъ принимался свистать ей, наконецъ, сѣлъ въ надеждѣ, что она скоро явится, но собака не вернулась, и онъ снова пустился въ путь.

ГЛАВА XLIX.

Монксъ и м-ръ Броунло, наконецъ, встрѣчаются. Ихъ бесѣда и нарушившее ее извѣстіе.

День склонялся уже къ вечеру, когда м-ръ Броунло вышелъ изъ кареты у дверей своего дома и тихонько постучался. Когда дверь отворилась, изъ кареты вышелъ плечистый молодецъ и сталъ у подножки; другой такой же дюжій дѣтина слѣзъ съ козелъ и помѣстился по другую сторону дверецъ. По знаку мистера Броунло, они высадили изъ кареты третьяго человѣка и, подхвативъ его подъ руки, потащили въ домъ. Этотъ третій былъ Монксъ.

Не обмѣнявшись ни словомъ, всѣ четверо поднялись по лѣстницѣ. Открывавшій шествіе м-ръ Броунло направился въ одну изъ дальнихъ комнатъ. У порога ея Монксъ, который все время шелъ, видимо, противъ воли, остановился. Сопро-

вождавшіе его люди вопросительно посмотрѣли на мистера Броунло.

— Онъ знаетъ, что его ожидаетъ въ случаѣ упорства, промолвилъ м-ръ Броунло.—Если онъ вздумаетъ колебаться или сопротивляться, отведите его на улицу, кликните полицейскаго и передайте отъ моего имени, чтобъ арестовали его, какъ мошенника.

— Какъ вы смѣете такъ про меня выражаться? возразилъ Монксъ.

— А какъ вы смѣете ставить меня въ необходимость принимать такія мѣры, молодой человѣкъ? съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ м-ръ Броунло, глядя на него въ упоръ. Неужели у васъ хватитъ безразсудства уйти отсюда? Отпустите ему руки! теперь вы свободны, сэръ; если желаете, можете уйти. Но мы послѣдуемъ за вами, и я клянусь, что въ тотъ моментъ, какъ вы переступите порогъ моего дома, я прикажу васъ арестовать по обвиненію въ воровствѣ и мошенничествѣ. Мое рѣшеніе непоколебимо. Если вы хотите упорствовать, пусть ваша кровь падетъ на вашу голову.

— А по какому праву меня схватили на улицѣ эти собаки и притащили сюда? спросилъ Монксъ, взглянувъ на стоявшихъ по бокамъ его сторожей.

— Я ихъ на то уполномочилъ, отвѣчалъ м-ръ Броунло. Если вы жалуетесь на лишеніе свободы, то вы имѣли возможность вернуть ее, когда мы ѣхали сюда; однако, вы предпочли молча покориться. Повторяю: вы можете прибѣгнуть къ защитѣ закона, тогда и я, съ своей стороны, сдѣлаю то же, но когда вы на это отважитесь, отступленіе уже станетъ невозможно, и безполезны будутъ просьбы ко мнѣ пощадить васъ. Изъ моихъ рукъ власть тогда уже перейдетъ въ другія. Не говорите послѣ, что я толкнулъ васъ въ пропасть, куда вы сами бросились очертя голову.

Монксъ былъ, повидимому, въ большомъ замѣшательствѣ и тревогѣ, и не зналъ, что сказать въ отвѣтъ.

— Рѣшайтесь скорѣй, твердо и хладнокровно проговорилъ м-ръ Броунло. Если вы предпочитаете, чтобъ я высказалъ публично, въ чемъ я васъ обвиняю, и довелъ васъ до наказанія, строгость котораго съ ужасомъ предвижу, и отвратить которое будетъ не въ моей власти, то, повторяю, вы можете идти. Если же вы сочтете за лучшее воспользоваться моей снисходительностью и великодушіемъ тѣхъ, кому вы причинили много зла, садитесь безъ всякихъ возраженій на этотъ стулъ. Онъ ожидаетъ васъ уже два дня.

Монксъ что-то бормоталъ сквозь зубы и все еще колебался.

— Поторопитесь, повторилъ м-ръ Броунло. Мнѣ стоитъ сказать одно слово, и выбирать станетъ уже поздно.

Монксъ по прежнему былъ въ нерѣшимости.

— Я не намѣренъ тянуть долго эти предисловія и не имѣю

на то права, такъ какъ являюсь представителемъ интересовъ другихъ лицъ.

— Нѣтъ ли какого-нибудь иного выхода? дрожащимъ голосомъ спросилъ Монксъ.

— Никакого другого.

Монксъ пытливо посмотрѣлъ на стараго джентльмена и прочитавъ на его суровомъ лицѣ непреклонную рѣшимость, наконецъ, вошелъ въ комнату и пожавъ плечами сѣлъ на указанное мѣсто.

— Сторожите снаружи дверь, обратился къ своимъ сообщникамъ м-ръ Броунло. Войдете, когда я позвоню.

Тѣ повиновались, и м-ръ Броунло остался наединѣ съ Монксомъ.

— Нечего сказать, милое обращеніе вы позволяете со мною въ качествѣ стараго друга моего отца, заговорилъ Монксъ.

— Я, молодой человѣкъ, обхожусь съ вами такъ мягко именно потому, что былъ закадычнымъ другомъ вашего отца, и всѣ надежды и желанія моихъ юныхъ счастливыхъ дней были связаны съ нимъ и съ его прекрасною сестрою, которую Богу угодно было такъ рано призвать къ себѣ, оставивъ меня на этомъ свѣтѣ одинокимъ... Именно потому, что въ старые годы онъ вмѣстѣ со мною преклонялъ колѣна у смертнаго одра своей единственной сестры, въ то самое утро, когда я собирался назвать ее своей женою, еслибы небо судило иначе... именно потому, что съ той поры мое осиротѣвшее сердце почувствовало привязанность къ нему, и эта привязанность сохранилась, несмотря на всѣ его заблужденія и жизненныя невзгоды до самой его смерти... именно потому, что эти старыя воспоминанія и прежнія чувства еще живы во мнѣ и даже вашъ видъ напоминаетъ мнѣ о немъ, потому я такъ и снисходителенъ къ вамъ даже теперь. Да, Эдуардъ Лифордъ, даже теперь... когда я краснѣю за васъ, недостойнаго носить это имя!

— А при чемъ тутъ имя? что оно для меня? спросилъ молодой человѣкъ съ молчаливымъ удивленіемъ, окинувъ равнодушнымъ взглядомъ взволнованнаго старика.

— Для васъ это имя, видно, ничего не значитъ, ровно ничего но это имя носила она, и даже теперь, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, оно возбуждаетъ во мнѣ, дряхломъ старикѣ, такое же трепетное волненіе, съ какимъ я слышалъ нѣкогда, какъ его произносили люди чужіе. Я очень доволенъ, что вы перемѣнили его.

— Пусть все это такъ, но скажите же, что вамъ отъ меня угодно? спросилъ Монксъ (будемъ по прежнему звать его этимъ вымышленнымъ именемъ). Этому вопросу предшествовало долгое молчаніе, во время котораго м-ръ Броунло сидѣлъ закрывъ лицо руками, а онъ, мрачный, но сохраняющій тотъ же вызывающій видъ, безпокойно вертѣлся въ креслѣ.

— У васъ есть братъ, заговорилъ, сдѣлавъ надъ собой уси-

ліе, м-ръ Броунло, одно имя его, когда я сегодня шепнулъ его вамъ на ухо, подойдя къ вамъ украдкой на улицѣ, такъ встревожило и изумило васъ, что заставило послѣдовать за мною сюда.

— У меня нѣтъ братьевъ, я былъ, какъ вамъ извѣстно, единственный сынъ моего отца, возразилъ Монксъ. Къ чему вы говорите мнѣ о какомъ-то братѣ, когда сами знаете, что такого нѣтъ.

— Выслушайте, что я знаю, и что, быть можетъ, вамъ неизвѣстно, началъ м-ръ Броунло. Разсказъ мой, если не сразу, то постепенно васъ заинтересуетъ... Да, мнѣ извѣстно, что отъ несчастнаго брака, къ которому вашего отца, тогда еще юношу, принудили семейные разсчеты, фамильная гордость и узкое честолюбіе, вы были единственнымъ, въ высшей степени неудачнымъ, отпрыскомъ...

— Можете осыпать меня всякими нелестными прозвищами, съ насмѣшливымъ видомъ перебилъ его Монксъ, но разъ вы сами признали, что я былъ однимъ сыномъ, съ меня довольно.

— Я знаю также, какимъ несчастіемъ, какой медленной пыткой, какимъ безконечнымъ терзаніемъ былъ этотъ злополучный союзъ. Я знаю, какъ несносно, какъ тягостно было для несчастной четы влачить по жизненному пути брачныя узы, которыя все для нихъ отравляли. Холодная учтивость перешла въ открытыя ссоры, равнодушіе уступило мѣсто отвращенію, отвращеніе — ненависти, за ненавистью послѣдовали взаимныя проклятія, пока, наконецъ супруги не разорвали сковывавшую ихъ цѣпь и не разъѣхались, влача каждый за собою одинъ конецъ ненавистныхъ путъ, отъ которыхъ ничто, кромѣ смерти одного изъ нихъ, не могло окончательно освободить другого. Тщетно они пытались скрыть эти оковы среди новой жизненной обстановки отъ людскихъ взоровъ подъ веселой маской. Матери вашей скоро, впрочемъ, удалось забыть прошлое, отца же вашего оно терзало и угнетало долгіе годы.

— Ну да, они разстались и зажили врозь; что-жъ изъ того?

— Много времени прошло послѣ того, какъ они разстались и ваша мать, предавшись свѣтскимъ удовольствіямъ заграницей, совершенно забыла своего молодого мужа (онъ былъ на цѣлыхъ десять лѣтъ моложе ея), будущность котораго она загубила. Онъ остался въ Англіи и вскорѣ нашелъ себѣ новыхъ друзей. Надѣюсь, что хоть это обстоятельство вамъ извѣстно?

— Вовсе нѣтъ, отвѣтилъ Монксъ, отводя глаза въ сторону и постукивая ногой по полу съ видомъ человѣка, который рѣшилъ отъ всего отпираться.

— Вашъ видъ и всѣ ваши поступки доказываютъ не только то, что вы никогда этого не забывали, сэръ, но что одна мысль объ этомъ фактѣ раздражаетъ васъ. Я говорю о томъ, что случилось пятнадцать лѣтъ назадъ, когда вамъ было всего

одиннадцать лѣтъ. а отцу вашему тридцать одинъ, потому что женили его почти мальчикомъ... Продолжать ли мнѣ разсказывать о событіяхъ, набрасывающихъ тѣнь на память вашего отца, или вы захотите избавить меня отъ этой непріятности, и сами откроете всю истину?

— Мнѣ нечего разоблачать вамъ. возразилъ Монксъ. Если желаете, можете продолжать.

— Новыхъ друзей вашъ отецъ нашелъ въ семействѣ одного офицера, отставного моряка. Жена его умерла за полгода до этого, оставивъ его съ двумя дѣтьми; ихъ было у него больше, но на счастье, въ живыхъ осталось только двое: девятнадцатилѣтняя дочь красавица и другая, совсѣмъ еще маленькая, лѣтъ двухъ или трехъ.

— Что мнѣ до всего этого? спросилъ Монксъ.

М-ръ Броунло продолжалъ, будто не слыша этого вопроса.

— Жили они въ сосѣдствѣ того мѣста, гдѣ поселился вашъ отецъ послѣ своихъ скитаній по Англіи. За первымъ знакомствомъ скоро послѣдовала короткость, а тамъ и тѣсная дружба. Вашъ отецъ былъ человѣкъ на рѣдкость одаренный отъ природы... достаточно сказать, что у него была наружность и душа его сестры... Чѣмъ болѣе узнавалъ его старый морякъ, тѣмъ болѣе его любилъ. Хорошо, еслибъ на этомъ и кончилось! Но скоро и дочь почувствовала къ нему то же.

Старикъ умолкъ и взглянулъ на своего собесѣдника; тотъ кусалъ себѣ губы и сидѣлъ съ опущенными глазами. М-ръ Броунло продолжалъ:

— Къ концу года онъ былъ самымъ неразрывнымъ образомъ связанъ съ этой дѣвушкой, онъ былъ предметомъ первой, безкорыстной и страстной любви этого невиннаго созданія.

— Вашъ разсказъ, однако, дологъ, замѣтилъ Монксъ, безпокойно завертѣвшись на стулѣ.

— Это правдивая повѣсть горя, страданій, испытаній, а такія повѣсти, молодой человѣкъ, обыкновенно бываютъ длинны; вотъ разсказы о безоблачномъ счастьѣ и безмятежныхъ радостяхъ—тѣ скоро кончаются, проговорилъ м-ръ Броунло. — Въ концѣ концовъ, случилось такъ, что умеръ одинъ изъ тѣхъ богатыхъ родственниковъ, ради честолюбія и разсчетовъ которыхъ отецъ вашъ вынужденъ былъ пожертвовать собой, какъ случается зачастую и со многими другими. Въ вознагражденіе за горе и бѣды, виновникомъ которыхъ и онъ отчасти былъ, этотъ родственникъ оставилъ отцу вашему лекарство, которое люди считаютъ дѣйствительнымъ отъ всѣхъ печалей—деньги. Наслѣднику надо было немедленно ѣхать въ Римъ, куда его родственникъ былъ посланъ врачами для поправленія здоровья и гдѣ онъ скончался, оставивъ свои дѣла очень запутанными. Онъ поѣхалъ, но въ Римѣ смертельно заболѣлъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Парижа, гдѣ проживала ваша мать, она вмѣстѣ съ вами отправилась къ нему. На другой

день послѣ вашего пріѣзда вашъ отецъ умеръ, не оставивъ никакого завѣщанія, такъ что все состояніе перешло вашей матушкѣ и вамъ.

При послѣднихъ словахъ Монксъ затаилъ дыханіе, и на лицѣ его выразилось напряженное вниманіе, но онъ все избѣгалъ глядѣть на старика. Когда м-ръ Броунло на минуту остановился, Монксъ измѣнилъ свою позу на болѣе удобную, какъ будто у него сразу отлегло отъ сердца, и быстро отеръ платкомъ испарину съ лица и рукъ.

— Но передъ тѣмъ, какъ отправиться за границу, вашъ отецъ былъ проѣздомъ въ Лондонѣ и посѣтилъ меня,—медленно проговорилъ м-ръ Броунло, глядя на него въ упоръ.

— Въ первый разъ объ этомъ слышу! воскликнулъ Монксъ съ недовѣрчивымъ видомъ, но въ голосѣ его послышалось непріятное изумленіе.

— Да, онъ былъ у меня и оставилъ въ числѣ другихъ вещей нарисованный имъ портретъ той бѣдной дѣвушки: онъ не желалъ его покидать въ чужихъ рукахъ, а брать съ собой въ далекій путь не могъ, такъ какъ очень спѣшилъ. Отъ постоянныхъ тревогъ и угрызеній совѣсти онъ такъ измучился, что просто на себя не былъ похожъ; онъ неясными намеками повѣдалъ мнѣ, что погубилъ и обезчестилъ невинное созданіе, сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи обратить поскорѣе, хотя бы и съ убыткомъ, все свое состояніе въ наличныя деньги и, оставивъ вамъ и вашей матушкѣ часть этихъ денегъ, уѣхать навсегда изъ Англіи. И уѣхалъ бы онъ не одинъ, какъ можно было догадываться изъ его рѣчей. Но болѣе точныхъ и ясныхъ свѣдѣній онъ не открылъ даже мнѣ, своему старому испытанному другу, чья привязанность пустила корни въ могильной землѣ, скрывшей дорогой намъ обоимъ прахъ. Даже мнѣ, онъ ничего болѣе не сказалъ. Обѣщалъ писать и въ письмахъ разсказать обо всемъ; обѣщалъ вторично ко мнѣ заѣхать, въ послѣдній разъ передъ нашей разлукой навсегда. Увы! уже этому свиданію суждено было стать послѣднимъ. Больше я его не видѣлъ и обѣщаннаго письма отъ него не получилъ.

Немного помолчавъ, м-ръ Броунло продолжалъ:

— Когда все было кончено, я отправился въ то мѣсто, гдѣ разыгралась его... преступная любовь,—употреблю общепринятое выраженіе, такъ какъ теперь людское осужденіе не значитъ для него ровно ничего. Я отправился туда съ заранѣе принятымъ рѣшеніемъ: если мои худшія опасенія оправдаются, несчастная дѣвушка найдетъ въ моемъ домѣ пріютъ и сердце, полное участія къ ней. Оказалось, однако, что за недѣлю до моего пріѣзда это семейство уѣхало изъ той мѣстности. Передъ тѣмъ они покончили всѣ свои дѣла, расплатились со всѣми мелкими долгами и уѣхали ночью; куда и зачѣмъ — никто не вѣдалъ.

Монксъ вздохнулъ свободнѣе и съ торжествующей улыбкой оглянулся вокругъ.

— Когда же вашъ братъ,—продолжалъ м-ръ Броунло ближе придвигаясь къ нему,—слабый, заброшенный, маленькій оборвышъ былъ поставленъ на моемъ пути, не простою игрою случая, но болѣе могущественною властью, и избавленъ мною отъ порочной, позорной жизни...

— Что? вскричалъ Монксъ.

— Да, судьба свела его со мною, проговорилъ м-ръ Броунло. Не говорилъ ли я вамъ, что мой разсказъ въ концѣ концовъ васъ заинтересуетъ? Со мною, повторяю вамъ! Вижу, что вашъ хитрый единомышленникъ не назвалъ вамъ моего имени, хотя, конечно, не могъ предполагать, что оно вамъ извѣстно. Когда спасенный мною ребенокъ сталъ поправляться отъ болѣзни у меня въ домѣ, мнѣ бросилось въ глаза его поразительное сходство съ портретомъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Впрочемъ, въ первый же разъ, какъ я увидѣлъ его, меня поразило что-то знакомое, точно передо мною въ живомъ образѣ промелькнулъ проблескъ минувшаго. Мнѣ не надобно разсказывать вамъ, какъ у меня украли этого мальчика, прежде чѣмъ я узналъ его исторію.

— Почему же не разсказать? поспѣшилъ спросить Монксъ.

— Потому что вамъ самимъ это лучше извѣстно.

— Мнѣ?

— Не отпирайтесь, это будетъ напрасно. Сейчасъ увидите, что мнѣ извѣстно еще многое другое.

— У васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ противъ меня,—пробормоталъ Монксъ. Ручаюсь, что доказать вы ничего не можете.

— Увидимъ, отвѣтилъ старикъ, насквозь пронизывая его взглядомъ.—Я потерялъ тогда ребенка изъ виду и, несмотря на всѣ усилія, не могъ его найти. Я зналъ, что матери вашей уже нѣтъ въ живыхъ, и что вы одинъ можете разъяснить мнѣ тайну, если только ее возможно разъяснить. Дошли до меня слухи, что вы проживаете въ своихъ владѣньяхъ въ Вестъ-Индіи, куда удалились послѣ смерти матери изъ боязни разныхъ непріятныхъ послѣдствій той порочной жизни, какую вы раньше здѣсь вели. Я отправился въ Вестъ-Индію. Оказалось, что вы за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ уѣхали, какъ думали, въ Лондонъ,—но никто не зналъ навѣрное, гдѣ вы пребываете. Я вернулся въ Англію. Отъ лицъ, завѣдующихъ вашими дѣлами, я не могъ добиться ничего точнаго относительно вашего мѣстожительства. Отъ нихъ я узналъ только, что вы, какъ и прежде, разъѣзжаете съ мѣста на мѣсто, то исчезаете самымъ страннымъ образомъ, то пропадаете по цѣлымъ мѣсяцамъ, то показываетесь нѣсколько дней подъ рядъ. Они говорили, что вы, судя по всему, пребываете въ тѣхъ же темныхъ притонахъ, въ томъ же дурномъ обществѣ, въ ко-

торомъ вращались и въ ту пору когда были безпутнымъ, распущенымъ юношей. Я наскучилъ вашимъ повѣреннымъ своими посѣщеніями и разспросами; я исходилъ вдоль и поперекъ весь городъ въ надеждѣ встрѣтить васъ, но всѣ мои усилія оставались напрасны: до той минуты, какъ мы встрѣтились съ вами два часа тому назадъ, я никакъ не могъ васъ увидѣть.

— Ну, теперь вы меня видите? нахально спросилъ Монксъ, вставая во весь свой ростъ. Только какой же изъ этого толкъ? Мошенничество и грабежъ — громкія слова! По вашему, они оправдываются воображаемымъ сходствомъ какого-то маленькаго дьяволенка съ мазней, которой занимался въ часы досуга мой давно умершій родитель. Братъ! Когда вамъ неизвѣстно даже, былъ ли ребенокъ у этой сентиментальной парочки. Вамъ даже и это не было извѣстно.

— Да, мнѣ это не было извѣстно,—перебилъ его м-ръ Броунло, въ свою очередь, подымаясь на ноги,—но за послѣднія двѣ недѣли я все это развѣдалъ. У васъ дѣйствительно есть братъ, и вы это знаете, вы знаете его и въ лицо. Было и завѣщаніе, которое мать ваша уничтожила и на одрѣ смерти открыла вамъ эту тайну, передавая вамъ состояніе, добытое цѣной этого преступленія. Завѣщаніе было составлено въ пользу ребенка, который долженъ былъ родиться отъ этой несчастной любви; и ребенокъ этотъ родился. Вы случайно съ нимъ встрѣтились, и его сходство съ вашимъ отцомъ возбудило въ васъ первыя подозрѣнія. Вы отправились на мѣсто его рожденія. Тамъ нашлись сохранявшіяся долгіе годы въ тайнѣ отъ всѣхъ доказательства его происхожденія и родства съ вами. Эти доказательства были вами уничтожены, и теперь, какъ вы выразились въ разговорѣ съ вашимъ сообщникомъ евреемъ, *„единственное доказательство подлинности происхожденія мальчишки лежитъ на днѣ рѣки, и старая вѣдьма, получившая ихъ отъ его матери, гніетъ въ могилѣ“*. Недостойный сынъ, трусъ, лжецъ! Вы, отправляющійся по ночамъ въ воровскіе притоны, совѣтоваться съ разбойниками и убійцами, вы, чьи хитрости и интриги вызвали убійство женщины, бывшей въ милліонъ разъ лучше васъ, вы, который съ самой колыбели были горемъ и отчаяніемъ для родного отца, въ комъ съ дѣтства назрѣвали всѣ дурныя страсти, пороки, распутство, пока не нашли себѣ исходъ въ отвратительной болѣзни, положившей на ваше лицо отпечатокъ вашей души, неужели вы, Эдуардъ Лифордъ, все еще намѣрены упорствовать въ своемъ нахальномъ запирательствѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, пролепеталъ Монксъ, совершенно подавленный этимъ градомъ обвиненій.

— Каждое слово, каждое малѣйшее слово изъ бесѣдъ вашихъ съ этимъ презрѣннымъ негодяемъ мнѣ извѣстно. Тѣни на стѣнахъ подслушали ваши перешептыванія и донесли ихъ мнѣ. Видъ несчастнаго, безжалостно гонимаго малютки обра-

тилъ на путь раскаянія самый порокъ, вдохнувъ въ него мужество отстаивать добродѣтель. Совершено убійство, виновникъ котораго—вы, если не фактически, то нравственно.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Я ничего не зналъ объ этомъ убійствѣ! Я шелъ узнать, справедливы ли слухи, когда попался вамъ. Я не знаю, чѣмъ вызвано убійство; думаю, что простая ссора была причиной...

— Причина была та, что часть вашихъ тайнъ открылась, прервалъ его м-ръ Броунло. Намѣрены ли вы открыть остальное?

— Да, да.

— И вы скрѣпите свое показаніе подписью и повторите при свидѣтеляхъ?

— Хорошо, обѣщаю все сдѣлать.

— Вы останетесь здѣсь, пока будетъ составленъ документъ такого рода, а потомъ поѣдете со мною въ то мѣсто, какое я сочту самымъ подходящимъ для устнаго подтвержденія вашихъ показаній.

— Если вы этого непремѣнно требуете, я готовъ и это сдѣлать.

— Этого мало. Вы обязаны вознаградить бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго ребенка, такъ какъ онъ не виноватъ въ томъ, что былъ плодомъ несчастной преступной любви. Сути завѣщанія вы, конечно, не забыли; исполните все, что въ немъ относилось къ вашему брату, и тогда ступайте на всѣ четыре стороны. Въ этомъ мірѣ намъ больше незачѣмъ встрѣчаться.

Монксъ съ угрюмымъ и злымъ лицомъ прошелся по комнатѣ, размышляя о томъ, какъ бы отклонить поставленное ему требованіе, въ его душѣ боролись страхъ и ненависть. Вдругъ дверь растворилась, и въ комнату вбѣжалъ чрезвычайно взволнованный пожилой джентльменъ. Это былъ мистеръ Лосбернъ.

— Онъ будетъ таки арестованъ! Сегодня вечеромъ онъ будетъ пойманъ! кричалъ м-ръ Лосбернъ.

— Убійца? спросилъ м-ръ Броунло.

— Да, да. Его собаку увидѣли на сторожѣ около одного его прежняго логовища, и не подлежитъ сомнѣнію, что хозяинъ ея тамъ былъ или придетъ туда при наступленіи темноты. Сыщики разставлены во всѣхъ направленіяхъ по близости этого мѣста. Я разговаривалъ съ людьми, которымъ поручено его изловить, они увѣрены, что ему нѣтъ ни малѣйшей возможности ускользнуть. Отъ правительства объявлена сегодня награда въ сто фунтовъ стерлинговъ за его поимку.

— Я отъ себя прибавлю еще пятьдесятъ и объявлю объ этомъ самъ тамъ же на мѣстѣ, если только поспѣю туда во время. Гдѣ мистеръ Мейли?

— Какъ только Гарри убѣдился, что находящійся здѣсь вашъ пріятель благополучно сѣлъ съ вами въ карету, чтобъ отправиться сюда, онъ тотчасъ же поспѣшилъ туда и узналъ

все, что я вамъ только что передалъ. Потомъ онъ велѣлъ осѣдлать себѣ верховую лошадь и отправился въ ту часть предмѣстья, гдѣ приказано быть первой партіи сыщиковъ.

— А что слышно о Феджинѣ?

— По послѣднимъ, дошедшимъ до меня слухамъ, онъ еще не былъ схваченъ, но теперь, вѣроятно, уже въ ихъ рукахъ. Приказаніе его арестовать уже отдано.

— Ну, что, рѣшились? шепотомъ спросилъ Монкса м-ръ Броунло.

— Да, отвѣтилъ Монксъ. Вы... вы... ручаетесь за мою безопасность?

— Останьтесь здѣсь до моего возвращенія, для васъ это единственная возможность спастись.

Оба старика вышли и заперли комнату на ключъ.

— Вы успѣли чего-нибудь отъ него добиться?

— Всего, на что разсчитывалъ и даже болѣе того. Добавивъ показанія этой несчастной дѣвушки къ тому, что мнѣ было раньше извѣстно и къ свѣдѣніямъ, добытымъ на мѣстѣ нашимъ добрымъ другомъ, я поставилъ его въ безвыходное положеніе и обнаружилъ ясно, какъ день, его низость. Напишите туда и назначьте свиданіе на послѣзавтра въ восьмомъ часу вечера. Мы будемъ тамъ раньше, но понадобится отдохнуть, особенно молодой дѣвушкѣ; ей придется вооружиться твердостью. Но я горю нетерпѣніемъ отомстить за убійство этой бѣдняжки. Гдѣ расположилась полиція?

— Поѣзжайте въ полицейскую контору, вы пріѣдете еще во время, отвѣтилъ м-ръ Лосбернъ; я же побуду здѣсь.

Съ этими словами старики, оба чрезвычайно взволнованные, поспѣшно разошлись въ разныя стороны.

ГЛАВА L.

Погоня и бѣгство.

Близъ того мѣста Темзы, куда выходитъ Роттергайтская церковь, и гдѣ строенія на берегахъ особенно грязны, а корабли на рѣкѣ особенно черны отъ угольной пыли и дыма, поднимающагося изъ трубъ низенькихъ, скученныхъ домовъ, находится одинъ изъ самыхъ подозрительныхъ и грязныхъ уголковъ Лондона, неизвѣстный даже по имени большинству его обитателей.

Къ этому мѣсту ведетъ цѣлая сѣть запутанныхъ, тѣсныхъ и зловонныхъ улицъ, населенныхъ самымъ грубымъ и бѣднымъ береговымъ людомъ, занимающимся торговлей всѣмъ, на что есть здѣсь спросъ. Самые дешевые и невзыскательные съѣстные припасы кучами навалены въ лавкахъ, самыя грубыя и неизящныя принадлежности костюма болтаются въ

дверяхъ лавки старьевщика, развѣваются на перилахъ или развѣшаны въ окнахъ. Вы съ трудомъ пробираетесь тамъ въ толпѣ болтающихся безъ дѣла чернорабочихъ, носильщиковъ, нагрузчиковъ, уличныхъ женщинъ, оборванныхъ ребятишекъ, словомъ, вы между подонками берегового населенія; вы встрѣчаете здѣсь на каждомъ шагу отвратительныя картины, вонь, идущую отовсюду изъ узкихъ переулковъ, вы рискуете оглохнуть отъ грохота тяжелыхъ повозокъ съ грудами товаровъ, выѣзжающихъ изъ кладовыхъ и складовъ, которыхъ здѣсь великое множество. Когда, наконецъ, вы доберетесь до болѣе отдаленныхъ и менѣе посѣщаемыхъ улицъ, вы увидите осѣвшіе и покрившіеся фасады зданій, нависшія и ежеминутно готовыя рухнуть стѣны, которыя какъ будто трясутся, когда проходишь мимо нихъ; трубы, частью уже повалившіяся, частью только накренившіяся; окна, загражденныя ржавыми желѣзными прутьями, изглоданными временемъ и грязью, однимъ словомъ, вы здѣсь встрѣтите всѣ признаки безнадежности и запустѣнія.

Въ этой-то части Лондона за доками въ предмѣстьи Соутворкъ, находится островъ Іакова, окруженный грязнымъ рвомъ шести-семи футовъ глубины, пятнадцати или двадцати футовъ ширины во время полноводія. Нѣкогда этотъ ровъ назывался Мельничнымъ Прудомъ, а теперь извѣстенъ подъ именемъ Бѣшеной Канавы. Этотъ каналъ ничто иное, какъ маленькій рукавъ Темзы и въ высокую воду всегда можетъ быть наполненъ при помощи шлюзовъ у мельницы Лида, отъ которой онъ и получилъ свое прежнее названіе.

Если во время высокаго уровня воды въ Темзѣ вы посмотрите съ одного изъ перекинутыхъ черезъ этотъ ровъ деревянныхъ мостиковъ внизъ, то можете наблюдать, какъ обитатели домовъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ канала, опускаютъ изъ заднихъ дверей и оконъ своихъ жилищъ въ канаву бадьи, ведра и другіе сосуды всякаго рода, которыми можно почерпнуть воды. Если отъ этихъ операцій наблюдатель обратитъ свое вниманіе на самые дома, то онъ придетъ въ крайнее изумленіе, отъ того, что онъ тамъ увидитъ. Ветхія деревянныя галлерейки, общія для нѣсколькихъ домовъ, съ отверстіями, изъ которыхъ можно видѣть тину во рву; разбитыя и кое-какъ починенныя окна съ выдвинутыми наружу шестами для сушки бѣлья, котораго, однако, никогда тамъ не видно; клѣтушки, такія крошечныя, грязныя и душныя, что воздухъ въ нихъ долженъ казаться слишкомъ зловоннымъ даже для той нечисти и нищеты, которая скрывается въ ихъ стѣнахъ; деревянныя пристройки, нависшія надъ тинистой водой и грозящія ежеминутно туда обрушиться (что съ нѣкоторыми уже и случилось); почернѣвшія отъ грязи стѣны и разрушающіеся фундаменты...

Словомъ, всѣ отталкивающіе спутники нищеты, всѣ отвра-

тительныя степени грязи, гнили, разрушенія—вотъ что служитъ украшеніемъ береговъ Бѣшеной Канавы.

На островѣ Іакова кладовыя пусты: крышъ на нихъ нѣтъ, стѣны осыпаются, окна—зіяющія дыры, двери попадали на улицу, изъ почернѣвшихъ трубъ уже давно не выходитъ дыма. Лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, когда еще торговые кризисы и канцелярскія тяжбы не разорили эту мѣстность, она процвѣтала, но теперь это настоящая пустыня. У этихъ домовъ нѣтъ хозяевъ, въ эти полуразрушенныя развалины открытъ доступъ всѣмъ, у кого хватитъ храбрости здѣсь поселиться и здѣсь влачить свою жизнь. Надо имѣть особую нужду въ тайномъ убѣжищѣ, надо находиться въ самомъ безвыходномъ положеніи, въ полной нищетѣ, чтобы искать себѣ пріюта на островѣ Іакова.

Въ комнатѣ верхняго этажа одного изъ этихъ домовъ, стоявшаго особнякомъ отъ прочихъ, сидѣло трое мужчинъ. Домъ этотъ, довольно большихъ размѣровъ, сильно пострадалъ отъ времени во многихъ отношеніяхъ, но въ немъ сохранились еще крѣпкія двери и окна. Заднимъ фасадомъ онъ выходилъ на канаву, какъ и всѣ остальные.

Сидѣвшіе въ комнатѣ кидали порой другъ на друга выразительные взгляды, полные тревоги и ожиданія, но хранили глубокое, мрачное молчаніе. То были: Тоби Крэкитъ, м-ръ Читлингъ и третій ихъ товарищъ съ разбойничьей физіономіей, лѣтъ пятидесяти, носъ котораго былъ почти цѣликомъ утраченъ въ какой то дракѣ въ давнопрошедшія времена, а лицо украшено страшнымъ шрамомъ, полученнымъ, по всей вѣроятности, при такихъ же обстоятельствахъ. Этотъ человѣкъ былъ бѣглый каторжникъ, звали его Кэгсъ.

— Жаль, что ты не избралъ себѣ другого логовища, заговорилъ Тоби, обращаясь къ мистеру Читлингу.—Когда два старика попали на казенную квартиру, зачѣмъ ты потащился сюда, пріятель?

— И впрямь, зачѣмъ тебя нелегкая сюда принесла? подтвердилъ Кэгсъ.

— Я думалъ, что вы встрѣтите меня радушнѣй, съ печальнымъ видомъ возразилъ м-ръ Читлингъ.

— Видишь ли, парень,—сказалъ Тоби,—когда человѣкъ ведетъ такую уединенную жизнь, какъ я, и по милости этого имѣетъ укромный пріютъ, куда не вздумаетъ проникнуть ничей нескромный взоръ, то ему довольно опасно имѣть честь принимать у себя молодого джентльмена, находящагося въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ ты, хотя бы онъ былъ личностью весьма почтенной и пріятнымъ партнеромъ въ карты.

— Особливо, когда у молодого человѣка, живущаго въ уединеніи, гоститъ другъ, возвратившійся раньше, чѣмъ можно было ожидать, изъ дальнихъ странъ и по скромности своей не же-

лающій удостоиться знакомства съ судьями по случаю своего возвращенія, прибавилъ м-ръ Кэгсъ.

Послѣдовало минутное молчаніе. Тоби Крэкитъ, оставивъ, въ виду ихъ полной безполезности, всякія дальнѣйшія попытки продолжать разговоръ въ своемъ обычномъ шутливомъ тонѣ, обратился къ Читлингу съ прямымъ вопросомъ.

— Когда же арестовали Феджина?

— Какъ разъ въ обѣденную пору въ два часа пополудни. Чарли и мнѣ посчастливилось улизнуть черезъ трубу прачешной, а Больтеръ залѣзъ въ пустую бочку, головой внизъ, но такъ какъ его длинныя ноги торчали наружу, то его и накрыли.

— А Бэтъ?

— Бѣдняжка! промолвилъ Читлингъ, и его лицо еще больше омрачилось. Она пошла взглянуть на трупъ убитой и сказать ей послѣднее прости и отъ ужаснаго вида сошла съ ума, стала неистово кричать, колотиться головой о стѣну. На нее надѣли смирительную рубашку и отправили въ больницу; она теперь тамъ и находится.

— А что съ Чарли Бэтсомъ?

— Онъ бродитъ здѣсь по близости, хотѣлъ явиться не раньше сумерекъ, отвѣчалъ Читлингъ.—Теперь онъ уже скоро придетъ. Больше некуда идти, потому что въ „Трехъ Калѣкахъ" всѣхъ перехватали, и весь домъ биткомъ набитъ полицейскими, я видѣлъ собственными глазами.

— Плохо, произнезъ Тоби, кусая губы. Не мало народу теперь пропадетъ.

— Теперь какъ разъ судебныя сессіи, замѣтилъ Кэгсъ, и если слѣдствіе поведутъ быстро, да Больтеръ оговоритъ Феджина, въ чемъ онъ, конечно, постарается, судя по началу, то Феджина могутъ обвинить въ соучастіи съ убійцей и въ эту же пятницу вынести ему приговоръ, а черезъ недѣльку онъ, чортъ возьми, будетъ уже болтаться въ веревочной петлѣ!

— Послушали бы вы, какой ревъ подняла толпа при видѣ еврея, продолжалъ Читлингъ,—полицейскіе защищали его, какъ черти, а не то бы его разорвали на части. Одинъ разъ его, было, уже повалили на землю, но полицейскіе стѣной окружили его и стали расчищать себѣ дорогу. Надо было видѣть, какъ онъ весь въ грязи и въ крови озирался по сторонамъ и жался къ полицейскимъ, точно то были его первые друзья. Я точно теперь вижу, какъ они, стиснутые напоромъ толпы, волокутъ его за собою, какъ народъ обступаетъ ихъ, лѣзетъ другъ на друга, рычитъ на него какъ звѣрь и въ дикой ярости рвется къ нему. У меня и теперь передъ глазами онъ такъ и стоитъ съ окровавленными волосами и бородой, въ ушахъ у меня звучатъ крики женщинъ, которыя продираются въ середину толпы и вопятъ, что заживо вырвутъ у него изъ груди сердце.

При ужасномъ воспоминаніи объ этой сценѣ Читлингъ зажалъ руками уши, зажмурился и началъ, какъ безумный, бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ.

Наступило молчаніе. Оба слушателя сидѣли, понуривъ голову. Вдругъ на лѣстницѣ раздался какой-то шорохъ, и въ комнату вбѣжала собака Сайкса.

Они подбѣжали къ окну, потомъ выскочили на лѣстницу, наконецъ, бросились на улицу.

Собака, какъ они убѣдились, пробралась въ домъ черезъ открытое окно. Она не пожелала теперь послѣдовать за ними и осталась въ комнатѣ. Хозяина ея не было.

— Что бы это значило? вскричалъ Тоби, когда всѣ трое вернулись въ комнату. Не могъ же онъ направиться сюда... Надѣюсь... надѣюсь, что онъ сюда не явится.

— Еслибъ онъ вздумалъ сюда явиться, то пришелъ бы съ собакой, проговорилъ Кэгсъ, наклоняясь къ тяжело дышавшей собакѣ, растянувшейся на полу. — Эге! она совсѣмъ притомилась, дайте ей воды.

— Выпила все до капельки, объявилъ Тоби, пристально слѣдившій за собакой. Она вся въ грязи, хромаетъ, глаза ея сами собой закрываются... Она, должно быть, совершила далекій путь.

— Откуда бы она могла прибѣжать? размышлялъ Тоби. Должно быть, побывала въ другихъ нашихъ пристанищахъ, но, видя, что вездѣ все занято чужими, явилась сюда, гдѣ не разъ ей случалось прежде бывать. Но гдѣ она раньше побывала? и почему онъ не съ нею?

— Не могъ же онъ... (всѣ они избѣгали называть убійцу по имени), не могъ же онъ покончить съ собой, какъ вы полагаете? спросилъ Читлингъ.

Тоби отрицательно покачалъ головой.

— Еслибъ онъ это сдѣлалъ, собака потащила бы насъ къ тому мѣсту, гдѣ это произошло, замѣтилъ Кэгсъ. Я думаю, что онъ убрался вонъ изъ Англіи, а собаку бросилъ здѣсь. Онъ, вѣрно, удралъ отъ нея потихоньку, иначе она не была бы такъ спокойна.

Такое предположеніе показалось самымъ правдоподобнымъ и на немъ всѣ остановились. Собака забралась подъ стулъ и свернувшись клубочкомъ уснула. На нее больше не обращали вниманія.

Между тѣмъ уже стемнѣло. Закрыли ставни, зажгли на столѣ свѣчу. Страшныя событія послѣднихъ дней произвели на всѣхъ троихъ присутствующихъ подавляющее впечатлѣніе, которое еще усиливалось вслѣдствіе опасности и неизвѣстности положенія. Они тѣснѣе сдвинули свои стулья; малѣйшій шорохъ заставлялъ ихъ вздрагивать. Разговаривали мало и то шепотомъ, и всѣ находились въ такомъ сосредоточенномъ настроеніи, въ такомъ страхѣ, точно въ сосѣдней комнатѣ лежали останки убитой.

Такъ сидѣли они нѣсколько минутъ; вдругъ во входную дверь кто-то сильно застучалъ.

— Это Бэтсъ, проговорилъ Кэгсъ, сердито насупившись, чтобы скрыть свой испугъ.

Стукъ повторился. Нѣтъ, это былъ не Бэтсъ, тотъ никогда такъ не стучалъ.

Крэкитъ подошелъ къ окну и, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, отпрянулъ назадъ. Ему не было надобности сообщать остальнымъ, кто былъ на улицѣ, объ этомъ слишкомъ ясно говорило его блѣдное лицо; да и собака сразу вскочила и съ визгомъ побѣжала къ дверямъ.

— Надо его впустить, проговорилъ Крэкитъ, берясь за свѣчу.

— Развѣ это необходимо? хриплымъ голосомъ спросилъ его товарищъ.

— Придется его впустить.

— Не оставляй насъ въ потемкахъ, проговорилъ Кэгсъ, доставая съ камина другую свѣчу. Рука его такъ тряслась, что стукъ дважды повторился, прежде чѣмъ онъ успѣлъ зажечь огонь.

Крэкитъ пошелъ отпирать дверь и вернулся въ сопровожденіи человѣка, у котораго нижняя часть лица была обернута платкомъ, а верхняя другимъ, повязаннымъ подъ шляпой. Онъ медленно раскуталъ голову; блѣдное лицо, впалые глаза, ввалившіяся щеки, небритая борода, обрюзгшія черты, частое и прерывистое дыханіе—это былъ призракъ прежняго Сайкса.

Онъ взялся за спинку стула, стоявшаго посреди комнаты, но въ ту минуту, какъ хотѣлъ было на него опуститься, вдругъ задрожалъ, обернулся назадъ, поспѣшно придвинулъ стулъ какъ можно ближе къ стѣнѣ и лишь тогда сѣлъ.

Никто изъ присутствующихъ не произнесъ ни слова. Онъ молча смотрѣлъ на нихъ, то на одного, то на другого, поочередно; если кто-нибудь украдкой поднималъ на него глаза, то встрѣтившись съ его взглядомъ, тотчасъ же спѣшилъ отвернуться. Всѣ вздрогнули, когда раздался его глухой голосъ; такого голоса никто изъ нихъ еще никогда не слыхалъ.

— Какъ попала сюда собака? спросилъ Сайксъ.

— Явилась сюда часа три тому назадъ.

— Въ сегодняшнихъ газетахъ сказано, что Феджинъ арестованъ. Правда это, или газеты врутъ?

— Нѣтъ, правда.

Снова наступило молчаніе.

— Чортъ васъ побери! выругался, наконецъ, Сайксъ, проводя рукою по лбу. Развѣ вамъ нечего мнѣ сказать?

Среди его товарищей произошло смущенное движеніе, но никто не отвѣтилъ ни слова.

— Ты что ли хозяинъ дома? обратился къ Крэкиту Сайксъ. Что же ты намѣренъ дѣлать: выдать меня или позволить мнѣ здѣсь схорониться, пока не прекратится погоня?

— Можешь остаться здѣсь, коли считаешь, что здѣсь безопасно, отвѣчалъ тотъ послѣ нѣкотораго колебанія.

Сайксъ медленно перевелъ глаза на стѣну, бывшую позади его, и слегка отвернувшись проговорилъ:

— Что... тѣло... похоронили?

Его собесѣдники отрицательно покачали головами.

— Зачѣмъ же не закопаютъ! проговорилъ онъ, опять оглядываясь на стѣну позади себя.—Зачѣмъ оставлять на землѣ такіе страшные предметы?.. Кто-то стучится!

Крэкитъ вышелъ изъ комнаты, сдѣлавъ успокоительный знакъ рукою, показывающій, что нечего бояться, и вскорѣ вернулся съ Чарли Бэтсомъ. Сайксъ сидѣлъ напротивъ двери, такъ что онъ былъ первымъ, кого увидѣлъ Бэтсъ.

— Тоби, зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ внизу, что онъ здѣсь? произнесъ мальчикъ, пятясь назадъ при видѣ Сайкса.

Отчужденіе, такъ явно выказанное ему тремя товарищами, было такъ ужасно, что Сайксъ готовъ былъ заискивать даже передъ этимъ мальчикомъ. Онъ привѣтливо кивнулъ ему и протянулъ руку.

— Уведи меня въ другую комнату, сказалъ Чарли, отступая назадъ.

— Чарли! развѣ ты меня не узналъ? произнесъ Сайксъ, поднимаясь къ нему на встрѣчу.

— Не подходи ко мнѣ! воскликнулъ мальчикъ, пятясь еще дальше и съ ужасомъ глядя въ лицо убійцѣ.—Ты чудовище!

Сайксъ остановился на полдорогѣ, и они взглянули въ лицо другъ другу. Сайксъ медленно опустилъ глаза.

— Будьте вы свидѣтелями! закричалъ Чарли, потрясая въ воздухѣ кулаками и приходя въ страшный азартъ.—Будьте вы всѣ свидѣтелями, что я его не боюсь; если за нимъ сюда явятся, я выдамъ его. Да, выдамъ, объявляю вамъ заранѣе! Онъ можетъ меня убить, если посмѣетъ, но я выдамъ его. Я выдамъ его, если даже меня за это сожгутъ живьёмъ. Караулъ! Убійца! Хватайте его!

Онъ кричалъ, неистово потрясая руками и, наконецъ, бросился, какъ былъ, безоружнымъ, на этого сильнаго человѣка. Нападеніе было такъ неожиданно и стремительно, что Сайксъ повалился на полъ.

Трое свидѣтелей этой сцены точно приросли къ полу отъ изумленія и не трогались съ мѣста. Мальчикъ и Сайксъ катались по полу. Чарли, казалось, не чувствовалъ сыпавшихся на него ударовъ и все крѣпче сжималъ руками грудь противника, продолжая громко звать на помощь.

Борьба, однако, была слишкомъ неравная и не могла долго длиться. Сайксъ уже подмялъ Чарли подъ себя и сдавилъ колѣномъ ему горло, когда Крэкитъ съ перепуганнымъ лицомъ оттащилъ его прочь и указалъ на окно. На улицѣ мелькали огни, слышались громкіе оживленные голоса, топотъ безчислен-

ныхъ ногъ по деревянному мосту, бывшему недалеко отъ дома.

Въ толпѣ, должно быть, былъ одинъ верховой, такъ какъ по неровной мостовой раздался стукъ копытъ.

Огни стали ярче, шаги слышнѣе и ближе. Раздался громкій стукъ въ дверь и такой яростный ревъ толпы, отъ котораго струсилъ бы всякій, какъ бы онъ ни былъ храбръ.

— Караулъ! Онъ здѣсь! Ломайте дверь! кричалъ мальчикъ, что есть мочи.

— Именемъ короля отворите! раздалось за дверью, и толпа опять завопила еще громче прежняго.

— Ломайте дверь! кричалъ Чарли. Они сами ни за что не отопрутъ. Ступайте прямо въ комнату, гдѣ виденъ огонь. Ломайте дверь!

При этихъ словахъ въ дверь и въ оконныя ставни нижняго этажа посыпались частые и тяжелые удары.

Изъ толпы раздалось громовое „ура!" по которому можно было судить о числѣ людей, собравшихся передъ домомъ.

— Укажите какой-нибудь чуланъ, куда бы я могъ запрятать этого горластаго чертенка! дико рычалъ Сайксъ, бѣгая изъ угла въ уголъ и волоча за собою мальчика, какъ будто то былъ пустой мѣшокъ.—Вотъ дверь! Скорѣе отоприте! Онъ толкнулъ Чарли въ сосѣднюю комнату и заперъ дверь на ключъ.—А входная дверь крѣпко заперта?

— Заперта на замокъ и заложена цѣпью, отвѣтилъ Крэкитъ, который такъ же, какъ и остальные двое, совершенно растерялся и все еще не пришелъ въ себя.

— А дверь то крѣпка?

— Обита листовымъ желѣзомъ.

— А окна?

— И окна тоже.

— Будь вы прокляты! закричалъ наглый злодѣй, распахивая окно и грозя кулакомъ толпѣ. Не спѣшите торжествовать, я еще васъ надую, погодите!

Человѣческое ухо, навѣрное, не слыхало такого ужаснаго вопля, какой испустила въ отвѣтъ на этотъ вызовъ разсвирѣпѣвшая толпа. Къ тѣмъ, кто стоялъ ближе, обращались съ требованіемъ поджечь разбойничій вертепъ; другіе кричали полицейскимъ, чтобъ они стрѣляли въ злодѣя. Но никто не могъ сравниться въ гнѣвѣ съ человѣкомъ, сидѣвшимъ на лошади. Онъ соскочилъ съ сѣдла и раздвигая передъ собою толпу, какъ будто то были бушующія волны, подбѣжалъ къ окну и гаркнулъ голосомъ, покрывшимъ всѣ остальные:

— Двадцать гиней тому, кто доставитъ лѣстницу!

Окружающіе подхватили этотъ крикъ, стоголосное эхо повторило его; одни требовали лѣстницу, другіе кричали, что надо добыть молоты изъ кузницъ, третьи бросались съ факелами по окрестнымъ улицамъ на розыски, возвращались съ пустыми руками обратно и снова принимались орать во все

горло. Иные просто захлебывались отъ ругательствъ и безсильныхъ проклятій, иные, какъ безумные, протискивались впередъ и только мѣшали тѣмъ, кто взламывалъ входныя двери. Иные смѣльчаки пытались по желобу и выступамъ стѣны влѣзть наверхъ къ окну. Толпа волновалась внизу во мракѣ, точно колосья на нивѣ, колеблемые сердитымъ вѣтромъ, и по временамъ издавала оглушительный ревъ.

— Вода сбыла, проговорилъ убійца, отходя невѣрными шагами отъ окна, чтобы не видѣть этого зрѣлища. Отливъ начинался, когда я шелъ сюда. Дайте мнѣ веревку, длинную веревку! Всѣ столпились передъ домомъ, я могу спуститься въ ровъ и исчезнуть такимъ путемъ. Скорѣе веревку, не то я убью васъ всѣхъ троихъ, а потомъ покончу съ собой.

Испуганные товарищи указали ему, гдѣ лежали веревки; выбравъ самую длинную и крѣпкую, убійца бросился на чердакъ. Всѣ окна на задней сторонѣ дома были съ давнихъ поръ заложены кирпичами, кромѣ одного окошечка въ той комнатѣ, гдѣ былъ запертъ мальчикъ, но оно было такъ мало, что даже онъ не могъ въ него вылѣзть. Зато Чарли не переставалъ кричать черезъ окошечко тѣмъ, кто стоялъ на улицѣ, чтобъ они сторожили домъ и съ той стороны.

Поэтому, когда убійца вылѣзъ на крышу изъ двери чердака, громкіе крики возвѣстили его появленіе тѣмъ, которые стояли по другую сторону дома, и толпа, тѣсня и толкая другъ друга, двинулась сюда. Убійца припёръ за собою дверь доской, принесен-

Онъ осторожно прокрался по черепицамъ до края крыши и взглянулъ внизъ

ной имъ нарочно съ этою цѣлью, и такъ крѣпко, что большихъ трудовъ стоило бы отпереть ее изнутри. Загородивъ такимъ образомъ входъ, онъ осторожно прокрался по черепицамъ до края крыши и взглянулъ внизъ.

Вода дѣйствительно сбыла, и тинистое дно канавы обнажилось. Толпа безмолвствовала, наблюдая за всѣми его движеніями. Нѣсколько времени никто не понималъ, что онъ намѣренъ сдѣлать, но когда догадались и сообразили, что онъ ошибется въ своихъ расчетахъ, раздался торжествующій крикъ, такой оглушительный, что всѣ прежніе, въ сравненіи съ нимъ, могли бы показаться шепотомъ. И онъ прозвучалъ снова и снова. Стоявшіе слишкомъ далеко, хотя и не понимали, что означалъ этотъ крикъ, все же подхватывали его, и онъ повторялся, какъ эхо. Можно было подумать, что весь городъ собрался сюда проклинать злодѣя.

Народъ толпами валилъ сюда отъ лицевого фасада дома, точно хлынулъ бурный потокъ, прорвавшій плотину. При яркомъ свѣтѣ зажженныхъ факеловъ видны были лица, дышавшія злобой и ненавистью. Дома по другую сторону канала были полны народомъ, оконныя рамы были растворены настежь или просто высажены, и въ каждомъ окнѣ виднѣлось по нѣсколько головъ, даже крыши были унизаны людьми. Всѣ перекинутые черезъ канаву мостики (ихъ по близости было три) гнулись подъ тяжестью толпившихся на нихъ зрителей, а народъ все прибывалъ и прибывалъ; каждый надѣялся найти себѣ маленькій уголокъ, откуда бы могъ хоть однимъ глазомъ взглянуть на злодѣя и послать ему свое проклятіе.

— Теперь ему не уйти! Ура! крикнулъ чей то голосъ съ ближайшаго мостика.

Со всѣхъ головъ полетѣли въ воздухъ шапки, и снова раздался неистовый ревъ толпы.

— Обѣщаю пятьдесятъ фунтовъ тому, кто возьметъ его живьемъ! крикнулъ пожилой джентльменъ, стоявшій на этомъ мостикѣ. Я не тронусь съ этого мѣста и буду ждать того, кто явится за обѣщанной наградой.

Раздался новый оглушительный крикъ. Въ этотъ моментъ въ толпѣ распространилось извѣстіе, что дверь, наконецъ, взломана и что тотъ молодой человѣкъ, что первый потребовалъ лѣстницу, первымъ взошелъ въ домъ. По мѣрѣ того, какъ этотъ слухъ передавался изъ устъ въ уста, людской потокъ сразу отхлынулъ въ другую сторону. Смотрѣвшіе изъ оконъ видя, что стоявшіе на мосткахъ бросились къ дому, оставляли занятыя позиціи, бѣжали по улицѣ и присоединялись къ толпѣ, возвращавшейся въ безпорядкѣ на прежнее мѣсто. Давя и тѣсня сосѣдей, каждый протискивался впередъ, поближе къ двери, чтобъ увидѣть, какъ полицейскіе поведутъ преступника. Нѣкоторые чуть не задохлись въ давкѣ, другіе были сбиты съ ногъ и ихъ топтали, слышались ужасные вопли и крики.

Узкіе переулки были запружены народомъ. Одни норовили пробраться обратно къ лицевой сторонѣ дома, другіе безуспѣшно пытались выбиться изъ толпы; общее вниманіе на время было отвлечено отъ убійцы, хотя всѣ попрежнему горѣли желаньемъ, чтобъ его поскорѣе поймали. Убійца видѣлъ ярость толпы, понялъ невозможность спасенья и совсѣмъ упалъ духомъ. Отъ него не укрылась внезапная перемѣна направленія толпы, и онъ быстро вскочилъ на ноги, рѣшившись на послѣднее средство для спасенія жизни: спуститься въ канаву и подъ опасностью захлебнуться въ тинѣ, попробовать уйти этимъ путемъ, воспользовавшись общимъ смятеніемъ и ночной темнотой. Услыша въ домѣ шумъ, ясно говорившій, что туда ворвались уже посторонніе, онъ почувствовалъ приливъ новыхъ силъ и энергіи. Упершись ногой въ трубу, онъ крѣпко обвязалъ ее однимъ концомъ веревки, а на другомъ быстро завязалъ узелъ, помогая себѣ зубами, и устроилъ подвижную петлю. По этой веревкѣ онъ могъ спуститься внизъ—она достала бы почти до земли, оставалось бы развѣ всего нѣсколько футовъ, но тамъ онъ могъ перерѣзать петлю ножомъ и спрыгнуть на дно канала. Онъ открылъ ножъ заранѣе и держалъ въ рукѣ на готовѣ.

И онъ уже занесъ было петлю надъ головой, чтобы просунуть въ нее голову и продѣть себѣ подъ мышки. Старый джентльменъ, о которомъ мы уже говорили, устоявшій, несмотря на натискъ толпы, на своемъ прежнемъ мѣстѣ, уцѣпившись за перила моста, въ этотъ моментъ крикнулъ, что злодѣй готовится спуститься съ крыши.

Сайксъ въ эту минуту оглянулся назадъ и вдругъ всплеснулъ руками, испустивъ крикъ ужаса.

— Опять глаза! взвизгнулъ онъ какимъ-то нечеловѣческимъ голосомъ и, словно пораженный молніей, зашатался, потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ внизъ. Петля, которую онъ не успѣлъ продѣть подъ мышки, какъ собирался, осталась у него на шеѣ. Отъ тяжести его тѣла веревка вытянулась, какъ тетива лука, и съ быстротой пущенной стрѣлы онъ полетѣлъ внизъ съ пятисаженной высоты. Тѣло его сильно вздрогнуло, страшная судорога пробѣжала по всѣмъ членамъ, и онъ повисъ въ воздухѣ съ раскрытымъ ножемъ, зажатымъ въ окоченѣвшей рукѣ. Старая труба, къ которой была привязана веревка, отъ сотрясенія дрогнула до основанія, но устояла. Бездыханное тѣло убійцы повисло въ воздухѣ, раскачиваясь на веревкѣ, и билось о стѣну чулана, гдѣ былъ запертъ Чарли и заслоняло ему окно. Отстранивъ трупъ рукою, мальчикъ сталъ умолять добрыхъ людей освободить его изъ заключенія. На крышѣ вдругъ появилась собака, которая до сихъ поръ гдѣ-то скрывалась, и съ жалобнымъ воемъ начала бѣгать взадъ и впередъ, потомъ, собравшись съ силами, съ разбѣгу прыгнула на плечи мертвеца но оборвалась и, перевернувшись нѣсколь-

ко разъ въ воздухѣ, упала въ канаву, ударилась о камень и размозжила себѣ голову.

ГЛАВА LI.

Объясняетъ многія тайны и повѣствуетъ объ одномъ сватовствѣ, при которомъ не заходила и рѣчи ни о приданомъ, ни о контрактѣ.

Спустя два дня послѣ разсказанныхъ въ предыдущей главѣ событій, въ три часа пополудни Оливеръ быстро катился въ дорожной каретѣ къ своему родному городу. Съ нимъ была Роза, мистриссъ Мейли, мистриссъ Бедвинъ и добрый докторъ, а слѣдомъ за ними на почтовыхъ ѣхалъ м-ръ Броунло въ сопровожденіи другого лица, имени котораго мальчику не называли.

Дорогой разговоръ не клеился: Оливеръ отъ тревоги и неизвѣстности не въ силахъ былъ ни на чемъ сосредоточить мыслей и почти не могъ говорить. Его молчаливое настроеніе передалось и его спутницамъ, которыя находились подъ вліяніемъ такихъ же чувствъ; обѣимъ дамамъ такъ же, какъ и Оливеру, мистеръ Броунло сообщилъ о тѣхъ признаніяхъ, какихъ онъ добился отъ Монкса, и онѣ знали, что цѣль ихъ настоящей поѣздки—довершить такъ удачно начатое дѣло. Однако, во всей исторіи оставалось для нихъ еще столько темнаго, невыясненнаго, что онѣ находились въ недоумѣніи и тревогѣ.

Добрѣйшій м-ръ Броунло при содѣйствіи мистера Лосберна постарался не допустить до нихъ слуховъ о послѣднихъ страшныхъ происшествіяхъ. „Правда, онѣ объ этомъ всетаки когда-нибудь узнаютъ,—говорилъ м-ръ Броунло,—но, можетъ быть, наступитъ болѣе подходящее время, а менѣе удобнаго момента, чѣмъ теперь, во всякомъ случаѣ быть не можетъ“.

И такъ они совершали свой путь молча, думая каждый про себя о томъ, что служило цѣлью ихъ странствія, но стараясь скрыть отъ другихъ свои мысли.

Оливеръ молчалъ, подавленный тревожными чувствами, пока они ѣхали по незнакомымъ ему мѣстамъ; за то сколько мыслей и воспоминаній пробудилось въ умѣ его, когда карета выѣхала на дорогу, по которой онъ нѣкогда шелъ пѣшкомъ бѣднымъ бездомнымъ бродяжкой безъ друзей, которые могли бы помочь ему, безъ крова, гдѣ бы могъ преклонить голову.

— Посмотрите, посмотрите, закричалъ онъ, показывая въ окно кареты и крѣпко сжимая руку Розы,—черезъ эту самую изгородь я тогда перелѣзъ и крался вотъ за тѣми плетнями, боясь, чтобъ меня не поймали и не вернули обратно. А вотъ тамъ по полю вьется тропинка, она ведетъ къ старому дому,

гдѣ я жилъ, когда былъ совсѣмъ еще маленькимъ. О, Дикъ, дорогой товарищъ дѣтства, еслибъ я могъ тебя теперь увидѣть!

— Ты его скоро увидишь, успокаивала его Роза, нѣжно сжимая его руку въ своихъ. Онъ узнаетъ, какъ ты счастливъ, какъ хорошо живешь, и ты скажешь ему, что среди всего этого благополучія для тебя самой большой радостью было вернуться къ нему и устроить и ему такую же счастливую жизнь.

— О, да! воскликнулъ Оливеръ. И мы возьмемъ Дика отсюда, одѣнемъ, будемъ учить, отвеземъ въ деревню на свѣжій воздухъ, гдѣ бы онъ могъ выздоровѣть и окрѣпнуть. Мы вѣдь такъ сдѣлаемъ, неправда ли?

Роза молча кивнула головою: она не въ силахъ была говорить при видѣ радостныхъ слезъ на глазахъ Оливера.

— Вы будете къ нему такъ же ласковы и добры, какъ ко мнѣ и ко всѣмъ, продолжалъ Оливеръ. Я знаю, что вы расплачетесь, когда онъ начнетъ вамъ про себя разсказывать. Но это ничего, все это будетъ уже прошлое, и вы потомъ вѣдь опять развеселитесь при мысли о томъ, какъ его жизнь измѣнится. И при моихъ разсказахъ то же вы плакали!—Растроганный мальчикъ продолжалъ: Когда я бѣжалъ оттуда, Дикъ мнѣ сказалъ: „Да благословитъ тебя Богъ!“ А теперь я ему скажу: „Богъ да благослословитъ тебя!“ и докажу ему, какъ я полюбилъ его послѣ этихъ словъ.

Когда карета въѣхала, наконецъ, въ городъ и покатилась по узкимъ улицамъ, не малыхъ трудовъ стоило удержать Оливера въ границахъ благоразумія. Вотъ лавка гробовщика Соуерберри такая же, какъ была, только стала какъ будто бы меньше и не такъ величественна на видъ, какъ сохранилась въ памяти Оливера. Вотъ другіе хорошо знакомые магазины и дома; съ каждымъ изъ нихъ у него связано какое-нибудь воспоминаніе. Вотъ повозка трубочиста Гемфильда, та самая, которую можно было всегда встрѣтить у дверей кабака; вотъ Домъ Призрѣнія — ужасная темница его дѣтскихъ лѣтъ съ тѣми же маленькими окошечками, угрюмо смотрящими на улицу, съ тѣмъ же худымъ какъ спичка привратникомъ у воротъ.

Оливеръ невольно откинулся при видѣ его въ глубь сидѣнья и самъ сейчасъ же расхохотался надъ своимъ глупымъ испугомъ, потомъ залился слезами, потомъ опять засмѣялся. Онъ встрѣчалъ десятки знакомыхъ лицъ у дверей и оконъ домовъ; казалось, ничто здѣсь не перемѣнилось, точно онъ вчера только оставилъ этотъ городъ, и все, пережитое имъ въ послѣдніе годы, было лишь чуднымъ сномъ.

Къ счастью, то былъ не сонъ, а настоящая, несомнѣнная дѣйствительность. Карета подкатила къ подъѣзду лучшей гостинницы города, на которую Оливеръ привыкъ смотрѣть съ почтеніемъ—онъ принималъ ее раньше за роскошный дворецъ; теперь она показалась ему не столь внушительной и не такихъ огромныхъ размѣровъ. Здѣсь пріѣзжихъ встрѣтилъ м-ръ Грим-

вигъ. Высадивъ ихъ изъ кареты, онъ расцѣловалъ обѣихъ дамъ—молодую и старую, точно онъ былъ ихъ общій дѣдушка. Онъ весь сіялъ любезными улыбками и ни разу, ни единаго разу, не собрался съѣсть свою голову, даже и тогда, когда заспорилъ со старымъ почтовымъ возницей о томъ, какой дорогой ближе ѣхать въ Лондонъ, и доказывалъ, что онъ знаетъ лучше, хотя по этой дорогѣ онъ ѣхалъ всего-то одинъ разъ, да и то все время проспалъ, какъ убитый.

Для путешественниковъ былъ заказанъ обѣдъ, въ комнатахъ все было приготовлено къ ихъ пріему, словно о нихъ позаботился какой нибудь добрый волшебникъ.

Несмотря на все это, чуть только первая суматоха послѣ пріѣзда улеглась, воцарилась прежняя молчаливость и натянутость. М-ръ Броунло обѣдалъ не съ дамами, а отдѣльно; два другихъ джентльмена то и дѣло куда-то исчезали съ озабоченными лицами, а если и сидѣли въ комнатѣ, то таинственно перешептывались другъ съ другомъ въ сторонкѣ. Разъ они вызвали съ собой и мистриссъ Мейли. Она пробыла въ отсутствіи почти часъ и вернулась съ распухшими отъ слезъ глазами. Все это очень безпокоило и волновало Розу и Оливера, которыхъ не посвятили въ эти тайны. Они находились въ полномъ недоумѣніи и молчали, а если изрѣдка и перекидывались нѣсколькими словами, то шепотомъ, точно боялись услышать звуки собственнаго голоса.

Наконецъ, въ девять часовъ, когда они уже потеряли всякую надежду узнать что-нибудь въ этотъ вечеръ, въ комнату вошли м-ръ Лосбернъ и м-ръ Гримвигъ, въ сопровожденіи мистера Броунло и человѣка, при видѣ котораго Оливеръ едва не вскрикнулъ отъ изумленія; ему сказали, что это его братъ, онъ же узналъ въ немъ того самаго господина, котораго встрѣтилъ сперва на рыночной площади, а потомъ видѣлъ вмѣстѣ съ Феджиномъ у окна своей комнатки.

Монксъ даже и тутъ не могъ скрыть своей ненависти къ мальчику, онъ бросилъ на него злобный взглядъ и усѣлся подальше, у самой двери. М-ръ Броунло, принесшій какіе-то документы, подошелъ къ столу, у котораго сидѣли Роза и Оливеръ.

— Хотя это очень тяжело и непріятно,—началъ м-ръ Броунло,—но ваши показанія, подписанныя въ Лондонѣ въ присутствіи многихъ свидѣтелей, должны быть въ сжатомъ видѣ повторены здѣсь. Я охотно избавилъ бы васъ отъ этого униженія, но вамъ извѣстно, почему мы ихъ должны услышать изъ вашихъ устъ, прежде чѣмъ разстанемся съ вами навсегда.

— Спрашивайте только, пожалуйста, скорѣе, — отвѣтилъ отворачиваясь въ сторону Монксъ, къ которому м-ръ Броунло обращался. Достаточно я для васъ сдѣлалъ, не задерживайте меня.

— Этотъ ребенокъ,—продолжалъ м-ръ Броунло, притянувъ къ себѣ Оливера и положивъ руку ему на голову,—вашъ сводный братъ. Онъ сынъ вашего отца, моего дорогаго друга, Эд-

вина Лифорда и бѣдняжки Агнесы Флемингъ, которая умерла, произведя его на свѣтъ.

— Да, произнесъ Монксъ, окидывая презрительнымъ взглядомъ дрожащаго мальчика, у котораго сердце такъ сильно билось, что можно было слышать его удары. Да, онъ незаконный сынъ, прижитый моимъ отцомъ отъ наложницы.

— Вы употребляете непочтительныя выраженія о лицахъ, которыя давно уже ушли отъ людского суда, строго замѣтилъ м-ръ Броунло,—такія слова не могутъ позорить никого изъ находящихся въ живыхъ, кромѣ того, кто рѣшился ихъ произнести. Но перейдемъ къ дѣлу. Ребенокъ этотъ родился въ здѣшнемъ городѣ.

— Да, онъ родился въ здѣшнемъ Домѣ Призрѣнія нищихъ, угрюмо проговорилъ Монксъ и, нетерпѣливо указывая на бумаги, бывшія въ рукахъ мистера Броунло, прибавилъ: вся его исторія содержится въ этихъ документахъ.

— Но мнѣ нужно, чтобъ она была повторена въ присутствіи этихъ лицъ, возразилъ м-ръ Броунло, обводя взглядомъ присутствующихъ.

— Ну, такъ извольте слушать, началъ Монксъ. Когда отецъ заболѣлъ въ Римѣ, къ нему пріѣхала туда его жена, т. е. моя мать; они давно уже разошлись, и она проживала въ Парижѣ. Она отправилась со мною къ отцу, разумѣется, съ цѣлью охранить его состояніе, такъ какъ, на сколько мнѣ извѣсто, никакой привязанности она къ нему не имѣла, да и онъ къ ней. Отецъ насъ не узналъ, такъ какъ былъ безъ чувствъ и на слѣдующій день умеръ, не придя въ сознаніе. Въ числѣ бумагъ, хранившихся въ его письменномъ столѣ, были двѣ, помѣченныя тѣмъ днемъ, въ который онъ заболѣлъ, и адресованныя вамъ,— Монксъ обернулся къ мистеру Броунло. Къ нимъ была приложена коротенькая записка, съ просьбой, въ случаѣ его смерти, отослать ихъ по назначенію. Тамъ находилось письмо къ этой дѣвушкѣ Агнесѣ и завѣщаніе.

— Что же было въ письмѣ? спросилъ м-ръ Броунло.

— Листъ бумаги, исписанный вдоль и поперекъ, содержалъ его покаянную исповѣдь и мольбу къ Богу не оставить его возлюбленную безъ помощи. Онъ увѣрилъ ее, что какая-то тайна, которая впослѣдствіи откроется, не позволяетъ ему жениться на ней до извѣстнаго времени, и она ему вполнѣ вѣрила, пока не зашла въ своемъ довѣріи слишкомъ далеко и не потеряла того, чего никто не могъ ей вернуть. Въ ту пору оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ до ея разрѣшенія отъ бремени. Онъ въ этомъ письмѣ сообщалъ ей обо всемъ, что разсчитывалъ сдѣлать, чтобъ скрыть ея позоръ, и просилъ ее, въ случаѣ его смерти, не проклинать его память и не думать, что послѣдствія ея проступка падутъ на нее или на ея младенца, такъ какъ виноватъ во всемъ онъ одинъ. Онъ напоминалъ ей день, когда подарилъ ей маленькій медальонъ и кольцо,

на которомъ было вырѣзано ея имя и оставлено мѣсто для фамиліи, которую онъ надѣялся впослѣдствіи ей дать. Онъ просилъ ее сохранить это кольцо и носить его, какъ прежде, на груди... Затѣмъ слѣдовало безсвязное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ, точно мысли его начинали уже путаться; да, должно быть, такъ и было на самомъ дѣлѣ.

— А завѣщаніе? спросилъ м-ръ Броунло, замѣтивъ, что слезы текли градомъ изъ глазъ Оливера.

Монксъ молчалъ.

— Завѣщаніе было написано въ томъ же духѣ, какъ и письмо, началъ за него м-ръ Броунло. Вашъ отецъ говорилъ въ немъ о страданіяхъ, какія доставила ему жена, о ея строптивомъ нравѣ, порокахъ, лукавствѣ и преждевременномъ развитіи низкихъ страстей въ васъ, его единственномъ сынѣ, котораго научили ненавидѣть отца. Вамъ и вашей матери онъ оставлялъ по 800 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, все же свое состояніе онъ раздѣлилъ на двѣ равныя части, изъ которыхъ одну завѣщалъ Агнесѣ Флемингъ, другую ребенку, который у нея родится, если этотъ ребенокъ останется въ живыхъ. Въ томъ случаѣ, еслибъ родилась дѣвочка, она должна была получить деньги безъ всякихъ условій, если же мальчикъ, то наслѣдство переходитъ къ нему лишь при томъ условіи, когда онъ до своего совершеннолѣтія не запятнаетъ себя никакимъ безчестнымъ поступкомъ или трусостью, низостью, подлостью. Завѣщатель объяснялъ, что хотѣлъ такимъ образомъ выразить свое довѣріе къ матери, дитя которой (онъ былъ въ томъ непоколебимо убѣжденъ) должно было унаслѣдовать ея благородное сердце и возвышенную натуру. Если же ему суждено было обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, то деньги должны были достаться вамъ, потому что онъ признавалъ за вами преимущество лишь въ томъ случаѣ, когда бы оба его сына оказались одинаково порочны и соглашался предоставить своему первенцу право на свое состояніе, но не на свое сердце, такъ какъ вы съ дѣтства оттолкнули его своей холодностью и враждебнымъ отношеніемъ.

— Моя мать—заговорилъ въ свою очередь Монксъ громкимъ голосомъ,—поступила такъ, какъ поступила бы всякая другая на ея мѣстѣ: она сожгла завѣщаніе. Письмо не было отправлено по назначенію, но мать сохранила его вмѣстѣ съ другими доказательствами на случай, если со стороны семьи Флемингъ будутъ впослѣдствіи сдѣланы попытки скрыть свой позоръ. Отъ нея самой отецъ дѣвушки узналъ всю правду со всѣми усиливающими вину добавленіями, какія только могли внушить моей матери безпредѣльная ненависть,—я уважаю ее теперь за эту ненависть. Подъ вліяніемъ стыда и позора, обрушившагося на его голову, старикъ скрылся съ дѣтьми въ глухомъ углу Валлиса, перемѣнилъ имя, чтобъ даже друзья не могли узнать его мѣстопребываніе. Немного времени спустя,

его нашли мертвымъ въ постели. За нѣсколько недѣль до его смерти, его дочь скрылась изъ дома. Онъ, разыскивая ее, исходилъ пѣшкомъ всѣ окрестные города и села и вернулся домой увѣренный, что она покончила съ собой, чтобы скрыть свой стыдъ и его позоръ... Старикъ скончался отъ разрыва сердца, не вынесши этого послѣдняго удара.

Послѣдовало непродолжительное молчаніе. Затѣмъ разсказъ продолжалъ опять м-ръ Броунло.

— Спустя нѣсколько лѣтъ мать этого человѣка, Эдуарда Лифорда пріѣхала ко мнѣ. Онъ, будучи восемнадцатилѣтнимъ юношей, бѣжалъ отъ нея, укравъ ея деньги и брильянты, промоталъ ихъ, сдѣлался игрокомъ, совершилъ нѣсколько подлоговъ и, наконецъ, перебрался въ Лондонъ и жилъ тамъ уже два года въ компаніи самыхъ презрѣнныхъ людей. Мать-же его сильно хворала,—у нея была какая-то изнурительная и неизлѣчимая болѣзнь,—и передъ смертью желала непремѣнно вернуть его къ себѣ. Стали наводить о немъ справки, и послѣ долгихъ поисковъ намъ, наконецъ, удалось найти его, и онъ вмѣстѣ съ нею уѣхалъ во Францію.

— Тамъ мать умерла послѣ долгихъ, тяжкихъ страданій, заговорилъ Монксъ. На смертномъ одрѣ она повѣдала мнѣ всѣ эти тайны и завѣщала непримиримую ненависть ко всѣмъ, кого онѣ касались; въ этомъ не было и надобности, потому что я давно уже раздѣлялъ эту ненависть. Мать не вѣрила, что дѣвушка убила себя вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ; она была почему-то убѣждена, что родился мальчикъ и что онъ живъ. Я далъ ей клятву, что доканаю его, если онъ когда-нибудь встрѣтится на моей дорогѣ. Я поклялся ей неотступно преслѣдовать его, излить на него всю мою ненависть, и на зло ни на чемъ не основанному хвастовству этого оскорбительнаго завѣщанія, довести этого мальчишку до висѣлицы, если только мнѣ представится какая-нибудь возможность это сдѣлать. Мать оказалась права, и мальчикъ этотъ, наконецъ, мнѣ попался. Начало удалось мнѣ хорошо, и еслибъ не болтовня этой негодницы, я бы съ нимъ справился.

Монксъ скрестилъ на груди руки и въ безсильной злобѣ на свою неудачу сталъ осыпать проклятіями самого себя. М-ръ Броунло обернулся къ испуганнымъ слушательницамъ, сидѣвшимъ за его спиною, и объяснилъ имъ, что Феджинъ—старинный пріятель и повѣренный этого молодого человѣка, получилъ отъ него крупный кушъ въ награду за то, что опуталъ Оливера своими сѣтями, и въ случаѣ, еслибъ мальчикъ отъ него спасся, долженъ былъ возвратить часть полученной суммы. Ихъ препирательства по этому поводу и побудили ихъ явиться въ ту деревеньку, гдѣ жилъ одно лѣто Оливеръ, чтобъ удостовѣриться, что это былъ точно онъ.

— Гдѣ же медальонъ и кольцо? обратился къ Монксу м-ръ Броунло.

— Я купилъ ихъ отъ той супружеской четы, про которую вамъ уже говорилъ, отвѣчалъ Монксъ не поднимая глазъ. — Украли они ихъ у старухи сидѣлки, а та похитила ихъ у покойницы. Вамъ извѣстно, что сталось съ этими вещами.

М-ръ Броунло кивнулъ мистеру Гримвигу. Тотъ моментально исчезъ изъ комнаты, и вскорѣ вернулся, толкая передъ собою мистриссъ Бомбль и втаскивая за руку ея упиравшагося супруга.

— Кажется, мои глаза не обманываютъ меня, съ притворнымъ восторгомъ воскликнулъ м-ръ Бомбль. Неужели-же я вижу маленькаго Оливера? О, Оливеръ, еслибъ ты зналъ, какъ я сокрушался по тебѣ...

— Замолчи, дурень! прошипѣла мистриссъ Бомбль.

— Развѣ это натурально, мистриссъ Бомбль? Развѣ возможно мнѣ не расчувствоваться, мнѣ, воспитавшему его на счетъ прихода, когда я вижу своего питомца среди дамъ и джентльменовъ самаго избраннаго круга? Я всегда такъ любилъ этого мальчика, какъ... какъ... какъ родного дѣдушку, пріискалъ, наконецъ, м-ръ Бомбль подходящее сравненіе. Помнишь ли, дружокъ Оливеръ, почтеннаго джентльмена въ бѣломъ жилетѣ? Ахъ, на прошлой недѣлѣ онъ переселился на небо въ дубовомъ гробу съ серебряными ручками...

— Пожалуйста, сдержите потокъ своихъ рѣчей, осадилъ начальника Дома Призрѣнія м-ръ Гримвигъ.

— Постараюсь, сэръ, какъ это мнѣ ни трудно, отвѣчалъ м-ръ Бомбль.

— Какъ поживаете, сэръ? Надѣюсь, пользуетесь добрымъ здоровьемъ, обратился онъ къ мистеру Броунло, который, подойдя къ супружеской четѣ, спросилъ, указывая на Монкса:

— Вы знаете этого господина?

— Нѣтъ, безъ запинки отвѣтила мистриссъ Бомбль.

— Быть можетъ, вы его знаете? обратился м-ръ Броунло къ ея мужу.

— Никогда въ жизни его не видѣлъ, отвѣчалъ м-ръ Бомбль.

— И ничего ему не продавали?

— Нѣтъ, отвѣчала м-съ Бомбль.

— Не было ли у васъ когда-нибудь золотого медальона и кольца?

— Разумѣется не было, отвѣчала надзирательница. Неужели насъ призвали сюда только за тѣмъ, чтобъ отвѣчать на такіе глупые вопросы!

Опять м-ръ Броунло мигнулъ мистеру Гримвигу, и опять этотъ джентльменъ проворно заковылялъ изъ комнаты. На этотъ разъ онъ привелъ двухъ разбитыхъ параличемъ старухъ, которыя тряслись всѣми членами и едва передвигали ноги.

— Вы заперли дверь въ ночь смерти старой Салли,—заговорила первая изъ нихъ, подымая вверхъ морщинистую руку,—новыне могли заложить щелей и помѣшать намъ подслушивать

— Да, да, да, прошамкала другая, оглядываясь вокругъ и жуя своими беззубыми челюстями. О, да!

— Мы слышали, какъ Салли пыталась объяснить вамъ, что она сдѣлала, и видѣли, какъ вы изъ ея рукъ вытащили какую-то бумажку. Слѣдили мы за вами и на слѣдующій день до самой лавки закладчика.

— Тамъ находились медальонъ и золотое кольцо, прибавила вторая старуха. Мы это узнали и видѣли, какъ онъ ихъ отдавалъ вамъ. Мы при этомъ были! О, мы глазъ не спускали съ васъ!

— И намъ извѣстно еще больше! подхватила первая. Салли, задолго еще до своей смерти, не разъ намъ разсказывала, что молодая мать, чувствуя, что ей приходитъ конецъ, сказала, что ей придется умереть вблизи могилы, въ которой лежитъ отецъ ея ребенка.

— Не хотите ли увидѣть самого закладчика? спросилъ мистриссъ Бомбль м-ръ Гримвигъ, дѣлая шагъ къ двери.

— Нѣтъ. Ужъ если онъ такой трусъ, что во всемъ признался, (она указала на Монкса), и вы переспросили всѣхъ этихъ хрычовокъ, пока не попали на тѣхъ, кого вамъ было нужно, то мнѣ не остается ничего иного, какъ сознаться. Да, я дѣйствительно продала ему эти вещи, и онѣ теперь тамъ, откуда вы ихъ не достанете. А еще что вамъ угодно знать?

— Ничего, отвѣчалъ м-ръ Броунло, мнѣ остается только позаботиться, чтобы ни вы, ни вашъ мужъ никогда больше не занимали такихъ отвѣтственныхъ должностей, гдѣ требуются лица, которымъ можно довѣрять. Уходите.

— Надѣюсь, что это маленькое непріятное недоразумѣніе не лишитъ меня занимаемаго мною мѣста? съ жалобнымъ видомъ произнесъ м-ръ Бомбль, когда м-ръ Гримвигъ увелъ обѣихъ старухъ.

— Нѣтъ, вы его непремѣнно лишитесь, вы должны къ этому приготовиться и еще благословлять судьбу, что такъ легко отдѣлались.

— Это все моя жена, это все она натворила, увѣрялъ м-ръ Бомбль, предварительно удостовѣрившись, что подруга его жизни ушла изъ комнаты.

— Это не извиненіе, замѣтилъ м-ръ Броунло. Вы присутствовали при уничтоженіи этихъ вещей, и въ глазахъ закона вы больше виноваты, чѣмъ она, такъ какъ законъ предполагаетъ, что жена ваша дѣйствуетъ по вашимъ указаніямъ.

— Если такъ полагаетъ законъ, то онъ оселъ, круглый дуракъ! энергически воскликнулъ м-ръ Бомбль, безжалостно комкая въ рукахъ свою шляпу. Если такъ смотритъ законъ, то онъ холостякъ, и самое худшее, что я могу ему пожелать — чтобъ онъ провѣрилъ такое предположеніе на личномъ опытѣ, да, на опытѣ!

Возгласивъ это съ особеннымъ удареніемъ, м-ръ Бомбль

нахлобучилъ на голову шляпу, засунулъ руки въ карманы и послѣдовалъ за своей супругой.

— Дайте мнѣ вашу руку, дитя мое, обратился къ Розѣ м-ръ Броунло. Отчего вы дрожите? Не бойтесь выслушать то немногое, что осталось досказать.

— Если то, о чемъ вы желаете сказать, касается меня,—хотя я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ это можетъ быть,—я просила бы васъ отложить до другого раза; теперь у меня не хватитъ ни силъ, ни присутствія духа выслушать это, — пролепетала Роза.

— О, нѣтъ, я увѣренъ, что у васъ больше стойкости, чѣмъ вы думаете, отвѣчалъ м-ръ Броунло, беря ее подъ руку. Знаете ли вы, сэръ, эту дѣвицу?

Знаете ли вы, сэръ, эту дѣвицу?

— Знаю, отвѣчалъ Монксъ.

— Я раньше никогда васъ не встрѣчала, слабымъ голосомъ произнесла Роза.

— Но я васъ нерѣдко видалъ, замѣтилъ Монксъ.

— У отца несчастной Агнесы были двѣ дочери, заговорилъ м-ръ Броунло, обращаясь къ нему. Скажите, что сталось со второю, которая въ ту пору была еще ребенкомъ?

— Когда отецъ ея скончался подъ чужимъ именемъ въ мѣ-

стѣ, гдѣ его никто не зналъ, не оставивъ послѣ себя ни письма, ни записной книжки, ни клочка бумаги, по которымъ можно бы было разыскать его родственниковъ и друзей, дѣвочка эта попала къ бѣднымъ крестьянамъ, пріютившимъ ее вмѣсто дочери.

— Продолжайте, произнесъ м-ръ Броунло, подзывая знакомъ мистриссъ Мейли.

— Вы не могли разыскать, куда скрылась эта семья, но ненависть часто успѣваетъ тамъ, гдѣ дружба терпитъ неудачу. Моя мать, послѣ года тщательныхъ поисковъ, нашла, наконецъ, эту мѣстность и разыскала дѣвочку.

— Она взяла ее къ себѣ?

— Нѣтъ. Люди, у которыхъ жила эта дѣвочка, были бѣдны, и пріемышъ, взятый ими изъ чувства человѣколюбія, становился уже имъ въ тягость, по крайней мѣрѣ, мужу. Поэтому моя мать оставила дѣвочку у нихъ, давъ имъ небольшую сумму, которой должно было хватить ненадолго, и обѣщала прислать послѣ еще, но и не подумала сдержать свое слово. Ихъ недовольство, въ придачу къ нищетѣ, должны были сдѣлать положеніе ребенка въ семьѣ незавиднымъ. Не полагаясь на это, матушка разсказала имъ про безчестіе старшей сестры этой дѣвочки, изобразивъ по своему всю ея исторію, и посовѣтовала этимъ людямъ зорко слѣдить за своей питомицей, такъ какъ порочныя наклонности у нея въ крови; она разсказала имъ, что эта дѣвочка—плодъ преступной любви,и навѣрное, рано или поздно, сама собьется съ пути. Всѣ обстоятельства какъ будто подтверждали ея слова, и крестьяне имъ повѣрили; дѣвочкѣ въ пріемной семьѣ пришлось такъ плохо, что даже мать моя не могла пожелать худшаго. Но случайно одна богатая лэди, жившая тогда въ Честерѣ, увидѣла дѣвочку, сжалилась надъ нею и взяла ее къ себѣ. Точно все сговорилось противъ насъ На зло всѣмъ нашимъ стараніямъ, дѣвочка осталась у этой дамы и стала жить счастливо. Я потерялъ ее изъ виду года три тому назадъ и не видѣлъ до послѣдняго времени.

— Вы видите ее теперь?

— Да, она опирается на вашу руку.

— Но все таки она моя племянница! вскричала мистриссъ Мейли, принимая въ свои объятія дѣвушку, которая зашаталась и едва не упала. По прежнему она мое ненаглядное дитя. Ни за что въ мірѣ я не соглашусь разстаться теперь съ моей милой дѣвочкой, моей безцѣнной крошкой.

— Мой единственный другъ! воскликнула Роза, обнимая ее. Добрѣйшая, лучшая изъ женщинъ! Мое сердце готово разорваться, я не въ силахъ этого перенести!

— Ты перенесла больше и осталась тѣмъ же кроткимъ любящимъ созданіемъ, которое всегда доставляло счастіе всѣмъ окружающимъ, проговорила м-съ Мейли, нѣжно прижимая дѣвушку къ своему сердцу. Перестань, успокойся, радость моя!

вспомни, кто еще дожидается обнять тебя. Бѣдный ребенокъ! Взгляни, взгляни на него, милочка.

— Нѣтъ, я не буду звать тебя тетушкой! воскликнулъ Оливеръ, бросаясь Розѣ на шею. Ты навсегда останешься моей дорогой сестрой. Сердце мое чувствовало нашу близость, оттого-то съ самаго начала такъ крѣпко полюбило тебя, милая, безцѣнная Роза!

Пусть останутся для насъ священными слезы, падавшія изъ глазъ ихъ, и отрывочныя слова, какими обмѣнялись сироты при долгомъ тѣсномъ объятіи... Въ эти краткія мгновенія отецъ, сестра, мать были найдены и потеряны. Радость и скорбь ихъ слились вмѣстѣ, но въ слезахъ ихъ не было горечи: печаль была смягчена такими сладостными и нѣжными воспоминаніями, что утратила свою остроту и пріобрѣла какой-то торжественный оттѣнокъ.

Долго, долго оставались Роза и Оливеръ наединѣ... Наконецъ, легкій стукъ въ дверь далъ имъ знать, что кто-то пришелъ. Оливеръ отперъ дверь и незамѣтно удалился, уступивъ свое мѣсто Гарри Мейли.

— Я знаю все, началъ онъ, садясь возлѣ молодой дѣвушки. Дорогая Роза, мнѣ все извѣстно!

— Не случайно я оказался здѣсь, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. И не сегодня только я узналъ: мнѣ стало все извѣстно еще вчера... только вчера. Вы догадываетесь, что я явился напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи.

— Погодите, остановила его Роза. Все ли вы знаете?

— Все. Въ послѣдній разъ, какъ мы съ вами видѣлись, вы разрѣшили мнѣ возобновить еще разъ нашъ тогдашній разговоръ.

— Да.

— Мы условились, что я не буду настаивать, чтобы вы измѣнили свое рѣшеніе, и покорно выслушаю отъ васъ отказъ, если вы пожелаете его повторить,—продолжалъ молодой человѣкъ; я обѣщалъ, что предложу вамъ раздѣлить со мною то общественное положеніе и состояніе, какими буду въ то время располагать, и если вы и тогда останетесь при своемъ прежнемъ рѣшеніи, не стану ни словомъ, ни дѣломъ пытаться его измѣнить.

— Причины, повліявшія тогда на мое рѣшеніе, продолжаютъ существовать и теперь, твердо отвѣчала Роза. Я сегодня сознала яснѣе, чѣмъ когда либо, лежащій на мнѣ священный долгъ вѣчной благодарности къ той, чья доброта спасла меня отъ нищеты и горя. Борьба для меня не легка, но я горжусь ею; мнѣ будетъ мучительно больно, но мое сердце выдержитъ эту муку.

— То, что открылось сегодня... заговорилъ Гарри.

— То, что открылось сегодня, нисколько не мѣняетъ положенія вещей и оставляетъ наши отношенія прежними, кротко возразила Роза.

— Вы изгнали меня изъ своего сердца, Роза!

— О, Гарри! воскликнулъ она, заливаясь слезами, еслибъ я въ силахъ была это сдѣлать, мнѣ не было бы такъ тяжело.

— Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, навязывать себѣ эту пытку? проговорилъ Гарри, беря ея руку. Подумайте, моя ненаглядная! вспомните то, что вы сегодня слышали.

— О, что я сегодня слышала! воскликнула Роза. Я слышала, что сознаніе своего безчестія такъ подѣйствовало на моего отца, что онъ бѣжалъ отъ всѣхъ! Довольно, Гарри, намъ больше не о чемъ говорить, и Роза встала, чтобы уйти.

— Нѣтъ, еще не все сказано, возразилъ молодой человѣкъ, удерживая ее. Мои надежды, желанія, моя будущность, мысли, словомъ все въ моей жизни теперь измѣнилось, за исключеніемъ моей любви къ вамъ. Теперь я предлагаю вамъ уже не блестящее положеніе въ суетномъ обществѣ, не жизнь среди свѣтской пустоты и злословія, гдѣ честнымъ людямъ приходиться краснѣть отъ всего, кромѣ того, что дѣйствительно безчестно и стыдно. Нѣтъ, дорогая, я предлагаю вамъ только мой скромный кровъ и мое сердце,—это все, чѣмъ я теперь располагаю.

— Что вы этимъ хотите сказать? прошептала едва слышно Роза.

— Разставаясь въ послѣдній разъ съ вами, я рѣшилъ уничтожить всѣ воображаемыя преграды между нами. Я сказалъ себѣ, что если общество, въ которомъ я живу, не можетъ стать вашимъ, то я сдѣлаю ваше своимъ, что чваннымъ аристократамъ я не дамъ случая отворачиваться отъ васъ, такъ какъ самъ отвернусь отъ нихъ. Я такъ и сдѣлалъ. Всѣ тѣ, кто отшатнулся за это отъ меня, отшатнулись бы и отъ васъ; они лишь доказали мнѣ, что вы были правы. Высокопоставленные покровители, знатные и вліятельные родственники, которые прежде любезно мнѣ улыбались, стали теперь со мною холодны. Зато въ одномъ живописнѣйшемъ уголкѣ Англіи есть село, окруженное веселыми полями и привѣтливо кивающими деревьями, и тамъ возлѣ бѣдной церкви,—моей собственной, Роза, я въ ней пасторомъ,—стоитъ скромный домикъ, и если только вы согласитесь назвать его своимъ, я стану имъ гордиться въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ всѣми тѣми преимуществами, отъ которыхъ я отрекся. Вотъ каково, Роза, мое нынѣшнее званіе и то общественное положеніе, какое я теперь вамъ предлагаю!.

. . . .

— Однако, прескучно дожидаться влюбленныхъ къ ужину! воскликнулъ задремавшій было въ креслѣ м-ръ Гримвигъ, сбрасывая съ лица носовой платокъ, которымъ прикрывался отъ мухъ.

И правду сказать, ужинъ дѣйствительно заставилъ себя ждать непозволительно долго. Ни мистриссъ Мейли, ни Гарри,

ни Роза (они вошли всѣ вмѣстѣ) не могли ничего привести въ свое оправданіе.

— А я ужъ сегодня серьезно собирался съѣсть свою голову, такъ какъ начиналъ уже думать, что больше ничего не дадутъ, продолжалъ м-ръ Гримвигъ. Позвольте мнѣ, однако, поздравить невѣсту.

М-ръ Гримвигъ тутъ жъ расцѣловалъ покраснѣвшую дѣвушку, и такъ какъ примѣръ заразителенъ, то ему послѣдовали докторъ и м-ръ Броунло. Разсказывали, будто и Гарри Мейли первый поцѣловалъ Розу въ сосѣдней темной комнатѣ, но развѣ можно вѣрить злымъ толкамъ: вѣдь онъ былъ человѣкъ молодой и къ тому же духовнаго званія!

— Оливеръ, голубчикъ, гдѣ ты былъ? спросила мистриссъ Мейли. Отчего ты такъ грустенъ и лицо твое мокро отъ слезъ? Что случилось?

Нашъ міръ полонъ разочарованій, какъ часто приходится видѣть гибель надеждъ, самыхъ благородныхъ и высокихъ надеждъ, которыя мы особенно лелѣяли!

Бѣдный Дикъ умеръ.

ГЛАВА LII.

Послѣдняя ночь Феджина.

Въ залѣ суда негдѣ было яблоку упасть. Начиная отъ рѣшетки, отдѣляющей скамью подсудимыхъ, вплоть до самаго отдаленнаго уголка верхней галлереи, не было свободнаго вершка, откуда бы не смотрѣли съ жаднымъ любопытствомъ чьи нибудь глаза, и всѣ взоры были устремлены на одного человѣка—на Феджина.

Спереди и сзади отъ него, сверху и снизу, справа и слѣва, какъ бы окружало его звѣздное небо, свѣтящееся и сверкающее тысячью очей.

Озаряемый блескомъ этихъ живыхъ огней, преступникъ стоялъ, опершись одной рукой на деревянныя перила, а другую приложивъ къ уху и наклонивъ впередъ голову, чтобы лучше разслышать каждое слово предсѣдателя, обратившагося съ напутственной рѣчью къ присяжнымъ, которымъ онъ вручалъ судьбу подсудимаго. По временамъ Феджинъ пристально вглядывался въ лица присяжныхъ, наблюдая, какое дѣйствіе производила на нихъ какая нибудь мелочь, говорившая въ его пользу. Когда же обвиненіе съ ужасающей ясностью обрушивалось на него, онъ съ нѣмой мольбой во взорѣ обращался къ адвокату, чтобы тотъ придумалъ все таки какой нибудь доводъ въ его защиту.

Только въ этомъ и проявлялась внутренняя тревога Феджина; онъ сохранялъ полную неподвижность во все время

судебнаго разбирательства, и даже въ тотъ моментъ, когда предсѣдатель умолкъ, онъ остался въ той же сосредоточенной позѣ и съ тѣмъ же напряженнымъ вниманіемъ глядѣлъ передъ собою, какъ будто все еще продолжалъ слушать рѣчь предсѣдателя.

Заставило его очнуться легкое движеніе въ судебной залѣ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ увидѣлъ, что присяжные засѣдатели сошлись въ кружокъ для совѣщанія по поводу вердикта. Его взглядъ перебѣжалъ на публику. Онъ видѣлъ, какъ сидѣвшіе въ галлереѣ подымались и черезъ головы сосѣдей пытались разглядѣть его лицо; иные направляли на него лорнеты, другіе шептались, бросая на него взгляды полные отвращенія. Были и такіе, которые не обращали на него никакого вниманія и только съ нетерпѣніемъ слѣдили за присяжными, удивляясь, какъ они еще могутъ медлить съ приговоромъ. Но ни на одномъ лицѣ, даже у женщинъ, которыхъ было въ залѣ не мало, не могъ прочесть Феджинъ ни малѣйшаго сочувствія къ себѣ, ничего, кромѣ желанія поскорѣе услышать обвинительный приговоръ.

Едва онъ успѣлъ окинуть блуждающимъ взглядомъ залу и все это замѣтить, какъ вдругъ опять настала мертвая тишина. Онъ оглянулся и увидѣлъ, что присяжные обратились къ предсѣдателю суда. Тс!... что это? Они просили только разрѣшенія удалиться для совѣщанія. Онъ жадно всматривался въ лица ихъ, когда они выходили изъ залы, стараясь угадать ихъ мысли, ихъ рѣшеніе, но онъ не успѣлъ ничего прочесть на нихъ.

Тюремщикъ дотронулся до его плеча. Онъ тотчасъ же послѣдовалъ за нимъ на другой конецъ загородки для подсудимыхъ и машинально опустился на скамью, которую указалъ ему тюремщикъ, самъ онъ ее не нашелъ бы.

Глаза его опять устремились на галлерею. Тамъ, въ публикѣ, была своя жизнь: одни закусывали, другіе обмахивались носовыми платками, потому что отъ тѣсноты въ залѣ была нестерпимая жара. Одинъ молодой человѣкъ срисовывалъ его лицо въ свою записную книжку. Феджинъ задалъ себѣ вопросъ, выйдетъ ли онъ похожъ на этомъ портретѣ, и когда художникъ сломалъ карандашъ и принялся его чинить перочиннымъ ножичкомъ, онъ слѣдилъ за его движеніями съ такимъ же интересомъ, какъ всякій посторонній зритель.

Когда его взглядъ перешелъ на судью, онъ точно такъ же заинтересовался страннымъ покроемъ его костюма и сталъ размышлять, сколько можетъ стоить такое платье и какъ его надѣваютъ. Занимавшій одно изъ судейскихъ мѣстъ какой-то толстый старикъ, за полчаса передъ тѣмъ вышедшій изъ залы, теперь вернулся. Феджинъ рѣшилъ, что онъ, должно быть, уходилъ обѣдать, и принялся обсуждать про себя, гдѣ этотъ старикъ обѣдалъ, и что ему подавали.

И такія беззаботныя мысли долго занимали его, пока на

глаза не попался какой-то новый предметъ, отвлекшій его вниманіе. И вмѣстѣ съ тѣмъ все это время его ни на минуту не оставляла угнетающая мысль о зіяющей у его ногъ могилѣ. Мысль эта, однако, представлялась въ такой неопредѣленной, неясной формѣ, что онъ не могъ на ней сосредоточиться. Въ тѣ моменты, когда его начинала бить лихорадка при мысли о близкой смерти, онъ пересчитывалъ про себя желѣзные прутья торчавшей впереди рѣшетки, и замѣтивъ, что у одного была сломана верхушка, начиналъ размышлять, починятъ ли её или оставятъ въ такомъ видѣ. Или ему представлялись всѣ ужасы висѣлицы и эшафота, и въ то же время его вниманіе привлекалъ человѣкъ, прыскавшій полъ водой для освѣженія воздуха, а потомъ онъ снова возвращался къ прежнимъ мыслямъ.

Наконецъ, раздался возгласъ, пригласившій публику замолчать. Всѣ, затаивъ дыханіе, устремили глаза на раскрывшуюся дверь. Присяжные, возвращаясь на свои мѣста, прошли очень близко отъ Феджина. Однако, прочесть на ихъ лицахъ онъ не могъ ничего: они были точно каменныя. Опять наступила мертвая тишина—ни шороха, ни вздоха... „Виновенъ“!

Оглушительное „ура“! потрясло зданіе. Крикъ этотъ повторялся, усиливаясь съ каждымъ разомъ, точно раскаты разыгравшагося грома: на улицѣ народъ ликовалъ при вѣсти, что преступникъ будетъ казненъ въ понедѣльникъ.

Когда шумъ затихъ, Феджина спросили, не пожелаетъ ли онъ чего нибудь возразить относительно приговора. Онъ принялъ прежнюю позу внимательнаго слушателя и смотрѣлъ во всѣ глаза на судью, предложившаго ему этотъ вопросъ, но вопросъ пришлось повторить дважды, чтобы онъ его понялъ. Онъ промолвилъ только, что онъ старый человѣкъ... старый человѣкъ... старый человѣкъ... и снова умолкъ.

Судья уже надѣлъ себѣ на голову черную шапочку, а осужденный все стоялъ въ той же позѣ и съ тѣмъ же видомъ. Подъ впечатлѣніемъ сграшной торжественности минуты одна женщина на галлереѣ невольно вскрикнула; Феджинъ быстро оглянулся на нее, какъ бы сердясь на эту помѣху, и сталъ еще внимательнѣе прислушиваться и еще больше наклонился впередъ.

Послѣднее слово, обращенное къ осужденному предсѣдателемъ, было торжественно и внушительно, приговоръ ужасенъ. Но онъ все продолжалъ стоять, какъ каменное изваяніе, не двигаясь, не шевелясь. Его осунувшееся лицо было наклонено впередъ, нижняя челюсть отвисла, и широко раскрытые глаза были устремлены въ пространство. Тюремщикъ положилъ руку ему на плечо и знакомъ пригласилъ послѣдовать за собою. Феджинъ съ минуту смотрѣлъ на него безсмысленнымъ взглядомъ, потомъ пошелъ за нимъ.

Его повели черезъ вымощенный каменными плитами корридоръ нижняго этажа, гдѣ другіе арестанты ожидали своей очереди, а нѣкоторые разговаривали со своими родственни-

ками, столпившимися передъ рѣшеткой, выходившей во дворъ. Среди нихъ не нашлось ни одного, который бы заговорилъ съ нимъ. При его появленіи арестанты отступили назадъ, чтобъ тѣснившіеся за рѣшеткой посѣтители могли лучше разсмотрѣть его. Его провожали ругательствами, проклятіями, свистками. Онъ погрозилъ имъ кулакомъ и хотѣлъ послать плевокъ, но провожатые поспѣшили увести его черезъ освѣщенный тусклыми лампами мрачный корридоръ во внутрь тюрьмы. Тамъ его обыскали. Удостовѣрившись, что при немъ нѣтъ никакого оружія, и онъ не можетъ покуситься на свою жизнь, его отвели въ одну изъ камеръ, назначавшихся для осужденныхъ на смерть, и оставили тамъ въ одиночествѣ.

Феджинъ опустился на каменную скамью противъ двери, служившую арестантамъ для сидѣнья и спанья и, закрывъ воспаленные глаза, попытался собраться съ мыслями. Понемногу онъ началъ припоминать кое-что изъ того, что говорилъ судья, хотя во время его рѣчи ему казалось, что онъ ничего не слышалъ. Мало-по-мало слова сами собой стали размѣщаться въ нужномъ порядкѣ и вспоминались другія, такъ что, спустя нѣсколько времени, онъ вспомнилъ весь приговоръ почти отъ слова до слова: „висѣть повѣшаннымъ за шею, пока не послѣдуетъ смерть“, такъ закончилъ предсѣдатель... „висѣть повѣшеннымъ за шею, пока не послѣдуетъ смерть“

.Феджинъ опустился на каменную скамью противъ двери.

Стемнѣло. Ему начали припоминаться всѣ, кого онъ зналъ изъ тѣхъ,что кончили жизнь свою на эшафотѣ, иные даже по его милости... Ихъ образы такъ быстро чередовались передъ нимъ, что онъ не успѣвалъ считать ихъ. Казнь нѣкоторыхъ происходила на его глазахъ, и онъ не мало издѣвался надъ тѣми изъ нихъ, которые умирали съ молитвой на устахъ. Съ какимъ страшнымъ грохотомъ падала доска висѣлицы, и какъ быстро здоровые, сильные люди превращались въ болтающуюся кучу тряпья!

Нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, жили въ этомъ самомъ казематѣ, сидѣли на этомъ самомъ мѣстѣ. Тутъ было очень темно, — отчего это не несутъ огня! Тюрьма была построена давнымъ-давно, вѣроятно, многіе десятки людей провели въ этихъ стѣнахъ свои послѣдніе часы. Его камера казалась склепомъ, полнымъ мертвецами... ему чудились: мѣшокъ, петля, связанныя руки... лица онъ узнавалъ даже подъ этимъ страшнымъ покрываломъ... Огня, огня!

Онъ избилъ себѣ руки, стучась въ толстыя двери и стѣны камеры; наконецъ, къ нему вошли два человѣка: одинъ принесъ съ собой свѣчу и вставилъ ее во вдѣланный въ стѣну желѣзный подсвѣчникъ, другой явился съ тюфякомъ для спанья, такъ какъ отнынѣ арестанта не должны были уже оставлять одного.

Настала ночь, темная, ужасная, безмолвная ночь... Люди, которыхъ томитъ безсонница, бываютъ рады слышать бой башенныхъ часовъ, потому что онъ говоритъ имъ о жизни и приближеніи дня; осужденнаго этотъ бой, напротивъ, приводилъ въ отчаяніе: въ каждомъ ударѣ для него глухо звучало одно зловѣщее слово: смерть!

Что для него веселый шумъ и суета наступающаго утра, проникшій даже въ его мрачную келью! Это былъ тотъ же погребальный звонъ, только въ другой формѣ,—насмѣшливое напоминаніе о томъ, что должно скоро случиться!

День прошелъ. Да, полно, день ли? Его и не было! Онъ окончился сейчасъ же, какъ наступилъ. И опять настала ночь, столь долгая и вмѣстѣ съ тѣмъ столь короткая; долгая по ея ужасающему безмолвію, короткая по быстротѣ, съ какою летѣли часы. Феджинъ то бѣсновался и богохульствовалъ, то вылъ и рвалъ на себѣ волосы. Нѣкоторые его единовѣрцы явились къ нему съ предложеніемъ помолиться вмѣстѣ съ нимъ, онъ съ ругательствомъ оттолкнулъ этихъ добрыхъ людей, а когда они изъ человѣколюбія еще разъ попытались возобновить свое предложеніе, онъ прогналъ ихъ.

Наступила ночь субботы, осталось ему жить всего одни сутки. Не успѣлъ онъ объ этомъ подумать, какъ занялся день,— настало воскресенье.

Только къ вечеру этого послѣдняго ужаснаго дня съ убійственной ясностью представилось его измученной душѣ сознаніе полной безнадежности и безвыходности его положенія.

И прежде у него не было никакой ясной, опредѣленной надежды на помилованіе, но до этого въ его мозгу никакъ не укладывалась мысль, что онъ долженъ такъ скоро умереть и что это неизбѣжно.

Онъ почти не разговаривалъ съ двумя приставленными къ нему сторожами, и они, съ своей стороны, мало обращали на него вниманія. Онъ все время не смыкалъ глазъ и находился какъ бы въ полуснѣ. Теперь же онъ ежеминутно вскакивалъ и прерывисто дыша, съ пылающимъ лицомъ принимался бѣгать по камерѣ въ припадкѣ такого страха и ярости, что даже привычные сторожа въ ужасѣ отъ него сторонились. Терзаемый своей преступной совѣстью, Феджинъ былъ такъ страшенъ, что никто изъ тюремщиковъ не рѣшался оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ, и они караулили вдвоемъ.

Наконецъ, онъ повалился на свое каменное ложе и сталъ думать о прошломъ.

Въ день ареста онъ былъ раненъ камнями, которые швыряла въ него толпа, и голова его была перевязана. Рыжіе клочья волосъ нависли на его мертвенно блѣдное лицо, вырванная мѣстами борода была всклокочена, глаза горѣли, какъ угли, давно немытое лицо потрескалось отъ внутренняго жара.

Восемь... девять... десять... Должно быть, это обманъ, вѣроятно, это придумали нарочно, въ насмѣшку, чтобъ попугать его; неужели часы дѣйствительно летятъ такъ быстро? Гдѣ будетъ онъ, когда стрѣлка обойдетъ весь циферблатъ? Одиннадцать! Новый часъ, какъ казалось ему, пробилъ прежде, чѣмъ успѣлъ замереть бой предыдущаго. Въ восемь часовъ утра онъ будетъ идти единственнымъ плакальщикомъ въ своей собственной похоронной процессіи, а въ одиннадцать...

Никогда еще страшныя стѣны Ньюгета, скрывавшія столько горя и невыразимыхъ мукъ,—не только отъ глазъ людскихъ, но слишкомъ часто и слишкомъ долго отъ людской мысли,—никогда еще онѣ не были свидѣтелями столь ужаснаго зрѣлища. Немногіе случайные прохожіе, которые замедляли свой шагъ передъ стѣнами тюрьмы и задавали себѣ вопросъ, что дѣлаетъ человѣкъ, котораго завтра повѣсятъ, еслибы его увидѣли, плохо спали бы въ эту ночь.

Съ ранняго вечера и до самой полуночи маленькія группы въ два-три человѣка являлись къ воротамъ тюрьмы и съ безпокойствомъ справлялись, не отмѣнена ли казнь. Получивъ отрицательный отвѣтъ, они спѣшили сообщить пріятное извѣстіе толпившемуся на улицѣ народу, указывали на дверь, черезъ которую выведутъ преступника изъ тюрьмы, и на мѣсто, гдѣ будетъ воздвигнутъ эшафотъ. Расходились неохотно, то и дѣло оглядываясь назадъ, рисуя мысленно сцену, которая должна завтра здѣсь произойти. Мало-по-малу улица опустѣла, и въ теченіе часа, въ самую глухую пору ночи, оставалась безлюдной.

Площадь передъ тюрьмой была очищена, и всѣ проходы заграждены крѣпкими, выкрашенными въ черную краску, рогатками, предназначенными сдерживать напоръ ожидавшейся толпы, когда у воротъ Ньюгета появился м-ръ Броунло съ Оливеромъ. Онъ представилъ подписанный шерифомъ пропускъ, разрѣшавшій свиданіе съ осужденнымъ.

Ихъ немедленно впустили.

— Развѣ и мальчикъ пойдетъ съ вами, сэръ? спросилъ мистера Броунло сторожъ, которому приказано было проводить ихъ.—Такое зрѣлище не годится для дѣтей, сэръ.

— Это правда, мой другъ, отвѣчалъ м-ръ Броунло, — но дѣло, по которому я явился къ этому человѣку, касается именно этого мальчика, а такъ какъ онъ зналъ его въ разгаръ его преступной дѣятельности, въ пору удачъ, то ему не мѣшаетъ взглянуть на него теперь, если даже это и причинитъ ему испугъ и огорченіе.

Этотъ разговоръ велся въ сторонѣ, такъ что Оливеръ его не слышалъ.

Сторожъ приподнялъ свою шляпу и, взглянувъ съ любопытствомъ на Оливера, растворилъ передъ ними рѣшетчатую дверь, находившуюся напротивъ той, въ которую они вошли.

Мрачными, извилистыми переходами провелъ онъ ихъ въ ту часть тюрьмы, гдѣ помѣщались камеры арестантовъ. Остановившись въ темномъ корридорѣ, гдѣ двое рабочихъ въ глубокомъ молчаніи доканчивали какія-то приготовленія, онъ сказалъ:

— Здѣсь долженъ пройти осужденный. Если вы пройдете вотъ сюда, вы можете видѣть дверь, черезъ которую онъ выйдетъ.

Онъ ввелъ ихъ въ выложенную каменными плитами кухню съ мѣдными котлами, въ которыхъ готовилось кушанье заключеннымъ, и указалъ дверь. Въ ней было рѣшетчатое отверстіе, откуда слышались звуки людскихъ голосовъ, стукъ молотка и грохотъ бросаемыхъ досокъ. То сооружался эшафотъ.

Отсюда, миновавъ нѣсколько крѣпкихъ воротъ, которыя отпирали имъ изнутри другіе тюремщики, посѣтители прошли во дворъ, поднялись по узкой лѣсенкѣ и вступили въ корридоръ, на лѣвой сторонѣ котораго виднѣлся рядъ крѣпкихъ дверей. Сдѣлавъ имъ знакъ остановиться, сторожъ постучалъ связкой ключей въ одну дверь... Двое другихъ сторожей, съ которыми онъ шепотомъ переговорилъ, вышли въ корридоръ, потягиваясь, видимо, чрезвычайно обрадованные, что на время избавились отъ тяжелой обязанности, и пригласили посѣтителей войти въ казематъ.

Осужденный сидѣлъ на постели, качаясь изъ стороны въ сторону, похожій скорѣе на пойманнаго звѣря, чѣмъ на человѣка. Онъ, очевидно, былъ занятъ мыслями о прошломъ и не обратилъ вниманія на вошедшихъ или же спуталъ ихъ съ

другими образами своихъ видѣній и продолжалъ бормотать.

— Чарли молодецъ, ловко обработалъ! Оливеръ тоже не промахъ, ха-ха-ха! Онъ теперь настоящій джентльменъ, настоящій... уложите спать этого мальчишку!..

Тюремщикъ взялъ Оливера за руку и, шепнувъ, чтобъ онъ не боялся, молча смотрѣлъ на Феджина.

„Уведите его спать! Слышите, что я говорю? Онъ былъ причиной, да, главной причиной всего. Стоило брать деньги, чтобъ воспитать его для этого... Больтеру перерѣжь глотку, Биль! не трогай дѣвушку... Рѣзани Больтеру глотку какъ можно глубже... чтобъ совсѣмъ голову прочь!

— Феджинъ! окликнулъ его тюремщикъ.

— Я! отозвался еврей, мгновенно принимая то выраженіе внимательнаго слушателя, съ какимъ былъ на судѣ. Я старый человѣкъ, милордъ, очень старый человѣкъ...

— Посмотри-ка Феджинъ, продолжалъ тюремщикъ, прикасаясь рукой къ его груди и усаживая его на скамью, — посмотри, вотъ господа пришли повидать тебя; кажется, желаютъ о чемъ-то спросить. Феджинъ, Феджинъ! да что ты, скотина безчувственная или человѣкъ?

— Не долго мнѣ осталось имъ быть, отвѣтилъ еврей, приподнимая голову, — на лицѣ его не осталось слѣда никакихъ иныхъ человѣческихъ чувствъ, кромѣ страха и бѣшеной злобы.—Бей ихъ на смерть! Убей всѣхъ!—Кто имъ далъ право казнить меня?

Въ это мгновеніе ему попались на глаза Оливеръ и м-ръ Броунло. Онъ отпрянулъ въ дальній уголъ скамьи и спросилъ, зачѣмъ они здѣсь.

— Сиди, проговорилъ тюремщикъ, удерживая его на мѣстѣ. Спрашивайте у него скорѣе, сэръ, что вы хотите знать, потому что онъ съ каждой минутой становится все хуже.

— У васъ есть бумаги, довѣренныя вамъ для сохраненія однимъ человѣкомъ, по имени Монксомъ, — заговорилъ м-ръ Броунло, приближаясь къ Феджину.

— Это все ложь, у меня ихъ нѣтъ, у меня никакихъ бумагъ нѣтъ.

— Ради Бога, не лгите теперь на самомъ краю гроба, торжественно произнесъ м-ръ Броунло. Скажите мнѣ, гдѣ эти бумаги находятся. Вамъ извѣстно, что Сайксъ погибъ, а Монксъ во всемъ признался, и для васъ не остается никакой надежды. Гдѣ бумаги?

— Оливеръ, поди сюда. Я тебѣ шепну на ухо гдѣ онѣ,— проговорилъ Феджинъ, маня къ себѣ мальчика.

— Я не боюсь его, тихо сказалъ Оливеръ, выпуская руку мистера Броунло.

— Бумаги спрятаны въ дырѣ надъ каминомъ въ комнатѣ верхняго этажа, что выходитъ на улицу; тамъ онѣ лежатъ въ холщевомъ мѣшечкѣ, прошепталъ Феджинъ, притянувъ маль-

чика къ себѣ. Мнѣ надо поговорить съ тобою, миленькій, мнѣ необходимо поговорить съ тобой.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Оливеръ. Позвольте мнѣ прочитать за васъ молитву... одну лишь молитву. О, пожалуйста, позвольте! Опуститесь на колѣни и повторяйте молитву за мной, а потомъ мы будемъ разговаривать, сколько хотите.

— Ступай туда, ступай туда! забормоталъ еврей, толкая его по направленію къ двери и, точно въ бреду, озираясь по сторонамъ. Скажи, что я заснулъ, *тебѣ* они повѣрятъ; ты можешь спасти меня, если возьмешь меня съ собою. Ну, скорѣй, скорѣй!

— Боже! прости этому несчастному! заливаясь слезами воскликнулъ Оливеръ.

— Сюда, сюда, твердилъ Феджинъ, такъ мы скоро отсюда выберемся. Сначала выйдемъ въ эту дверь,—если я буду дрожать и трястись, когда мы будемъ проходить мимо висѣлицы, ты не обращай вниманія, только прибавь шагу. Ну же, скорѣй, скорѣй!

— Вамъ нужно еще что-нибудь отъ него узнать? спросилъ мистера Броунло тюремщикъ.

— Больше намъ не о чемъ его спрашивать, отвѣчалъ тотъ. Еслибъ я имѣлъ хоть малѣйшую надежду заставить его опомниться, подумать о своемъ положеніи...

— Ничего вы теперь не сдѣлаете, сэръ, отвѣтилъ тюремщикъ, покачавъ головой. Лучше его оставить.

Дверь каземата отворилась, вернулись сторожа арестанта.

— Торопись, торопись! кричалъ Феджинъ. Ступай потихоньку, но не медли же. Скорѣе, скорѣе!

Сторожа схватили его, освободили Оливера изъ его рукъ и потащили его въ сторону. Старикъ отбивался отъ нихъ со всей силой, какую ему придало отчаяніе, и испускалъ крики, слышные даже сквозь толстыя стѣны тюрьмы и отдававшіяся въ ушахъ посѣтителей, даже когда они вышли на дворъ.

Они принуждены были пробыть въ тюрьмѣ еще около часу послѣ этой ужасной сцены, потому что съ Оливеромъ сдѣлалось дурно, и онъ до такой степени ослабѣлъ, что не могъ держаться на ногахъ.

Уже разсвѣтало, когда они вышли. Огромная толпа народа уже собралась на площади, во всѣхъ окнахъ виднѣлись люди, курившіе или игравшіе въ карты, чтобы какъ-нибудь убить время. Въ толпѣ толкались, перебранивались, шутили. Всюду было одушевленіе, все говорило о жизни... кромѣ одного темнаго предмета, вокругъ котораго все было сосредоточено— чернаго эшафота, перекладинъ, веревки и прочихъ отвратительныхъ принадлежностей смертной казни.

LIII

И послѣдняя.

Почти уже закончена исторія всѣхъ лицъ, о которыхъ шла рѣчь въ этой повѣсти. То немногое, что остается прибавить, можетъ быть передано въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ.

Спустя три мѣсяца, Роза Флемингъ и Гарри Мейли были обвѣнчаны въ той скромной деревенской церкви, которая должна была стать мѣстомъ будущей дѣятельности молодого пастора, и съ того же дня молодая чета поселилась въ своемъ новомъ уютномъ гнѣздышкѣ.

Мистриссъ Мейли поселилась съ сыномъ и невѣсткой и мирно провела остатокъ дней своихъ, наслаждаясь величайшимъ счастьемъ, какое можетъ быть удѣломъ достойныхъ людей въ старости: созерцаніемъ счастья тѣхъ, кто былъ въ теченіе всей ея жизни предметомъ горячей привязанности, нѣжнѣйшихъ заботъ.

Послѣ того, какъ были приве ены въ ясность запутанныя денежныя дѣла Монкса, оказалось, что если раздѣлить поровну остатки присвоеннаго имъ состоянія между нимъ и Оливеромъ, то каждому изъ нихъ достанется болѣе трехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ (Состояніе ихъ отца было гораздо больше, но въ рукахъ Монкса и его матери пришло въ самый плачевный видъ). По отцовскому завѣщанію Оливеръ долженъ былъ стать единственнымъ наслѣдникомъ всего, но м-ръ Броунло, не желая лишать первенца своего друга возможности исправиться и загладить прошлые грѣхи, предложилъ этотъ равный дѣлежъ, на который его маленькій питомецъ согласился съ удовольствіемъ.

Взявъ свою долю, Монксъ (онъ сохранилъ за собой это вымышленное имя) уѣхалъ въ далекій уголокъ Новаго Свѣта; тамъ онъ очень быстро спустилъ всѣ свои деньги и повелъ прежній образъ жизни.

Вскорѣ онъ попалъ въ тюрьму за какое-то новое мошенничество, просидѣлъ долго въ заключеніи и умеръ отъ приступа своей прежней болѣзни. Остальные главари воровской шайки Феджина тоже окончили дни свои вдали отъ родины.

М-ръ Броунло усыновилъ Оливера и поселился съ нимъ и своей вѣрной ключницей невдалекѣ отъ пасторскаго дома, гдѣ жили его лучшіе друзья. Такимъ образомъ исполнилось послѣднее, чего могло желать любящее и преданное сердце Оливера, и маленькій кружокъ, еще тѣснѣе сплотившись, зажилъ, наслаждаясь всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое только возможно въ нашемъ мірѣ превратностей.

Достойнѣйшій докторъ, вскорѣ послѣ свадьбы молодыхъ людей, вернулся къ себѣ въ Чертси. Но ему не доставало теперь общества его старыхъ друзей, и несмотря на свой веселый характеръ, онъ страшно захандрилъ и непремѣнно пре-

вратился бы въ желчнаго брюзгу, еслибъ былъ на это способенъ. Первые два-три мѣсяца онъ лишь поговаривалъ о томъ, что воздухъ Чертси какъ будто сталъ ему вреденъ, а затѣмъ, убѣдившись, что эта мѣстность утратила для него всякую прелесть, передалъ практику своему помощнику, а самъ поселился въ маленькомъ домикѣ, по сосѣдству съ деревней, гдѣ его молодой другъ былъ пасторомъ, и тотчасъ же сталъ опять такимъ, какъ былъ прежде. Онъ принялся садить цвѣты, возводить постройки, ловить рыбу, обработывать огородъ, со свойственнымъ ему страстнымъ увлеченіемъ, какое вносилъ во все, чѣмъ занимался, и вскорѣ пріобрѣлъ въ околоткѣ репутацію непогрѣшимаго авторитета во всемъ.

Еще до своего переѣзда на новое мѣстожительство, докторъ Лосбернъ свелъ тѣсную дружбу съ эксцентричнымъ мистеромъ Гримвигомъ; тотъ сдѣлался теперь его частымъ гостемъ. Пріѣзжая къ своему новому другу, м-ръ Гримвигъ съ необыкновеннымъ усердіемъ ухаживаетъ за цвѣтами и огородомъ, плотничаетъ, удитъ рыбу, внося во все свои особые пріемы и вѣчно утверждаетъ, съ приправой своей любимой поговорки, что одинъ лишь онъ дѣлаетъ какъ надо, а всѣ остальные ровно ничего не смыслятъ.

По воскресеньямъ м-ръ Гримвигъ никогда не пропуститъ случая въ присутствіи молодаго пастора раскритиковать въ пухъ и прахъ его проповѣдь, послѣ чего подъ строжайшимъ секретомъ признается мистеру Лосберну, что на самомъ дѣлѣ проповѣдь была великолѣпна, но, по его мнѣнію, не слѣдуетъ этого говорить при Гарри.

М-ръ Броунло ужасно любитъ подразнить своего друга его неудачнымъ пророчествомъ по поводу Оливера и напомнить о томъ вечерѣ, когда они сидѣли вдвоемъ передъ часами, поджидая возвращенія мальчика. Но мистеръ Гримвигъ упорно возражаетъ, что въ сущности онъ и тогда былъ правъ, доказывая это тѣмъ, что Оливеръ дѣйствительно тогда не вернулся. Эта шутка всегда приводитъ его въ отличное расположеніе духа, и онъ долго хохочетъ отъ души.

Ной Клейполь получилъ полное помилованіе за то, что выдалъ Феджина. Убѣдившись воочію, что избранное имъ ремесло далеко не такъ безопасно, какъ онъ того желалъ, этотъ способный юноша находился нѣкоторое время въ затрудненіи, какого рода занятія ему избрать, чтобъ они не были слишкомъ обременительны, но вполнѣ обезпечивали бы средства къ жизни. По долгомъ размышленіи онъ рѣшилъ заняться доносами и зажилъ припѣваючи. Имъ принятъ такой планъ дѣйствій: по воскресеньямъ, въ то время, какъ въ церквахъ идетъ служба, онъ выходитъ на прогулку въ сопровожденіи Шарлотты, одѣтой очень прилично и скромно. Передъ дверями какого нибудь сострадательнаго трактирщика его дамѣ вдругъ дѣлается дурно, и чтобъ привести ее въ чув-

ство, Ной выпрашиваетъ трехпенсовый стаканчикъ водки, а на слѣдующій день приноситъ доносъ на незаконную продажу питей и получаетъ въ свою пользу половину штрафа съ уличеннаго торговца.

Иногда, для разнообразія, м-ръ Клейполь падаетъ въ обморокъ самъ, но конецъ бываетъ одинъ и тотъ же.

М-ръ и м-съ Бомбль, отрѣшенные отъ своихъ должностей, узнали нужду, и мало-по-малу дошли до такой нищеты, что принуждены были поступить сами въ тотъ Домъ Призрѣнія, гдѣ когда-то полновластно распоряжались. М-ръ Бомбль съ горечью повторяетъ, что при такомъ униженіи у него не хватаетъ даже духа благодарить судьбу за то, что его разлучили съ женою.

Что касается до Джильза и Бритльза, то они сохранили прежнія свои положенія, несмотря на то, что первый совсѣмъ оплѣшивѣлъ, а „мальчикъ“ сталъ совсѣмъ сѣдымъ. Обоимъ имъ служитъ мѣстомъ ночлега пасторскій домъ, но ихъ заботы распредѣлены поровну между обитателями его, мистеромъ Броунло, Оливеромъ и мистеромъ Лосберномъ, такъ что въ деревнѣ не могутъ взять въ толкъ, у кого же собственно они состоятъ въ услуженіи.

На Чарльза Бэтса преступленіе Сайкса произвело такое страшное впечатлѣніе, что онъ началъ размышлять, не лучше ли въ концѣ-концовъ жизнь честная. Придя къ заключенію, что на самомъ дѣлѣ оно такъ, Чарли поставилъ крестъ на своемъ прошломъ и рѣшился загладить его на какомъ-нибудь честномъ поприщѣ. Счастливый нравъ и сознаніе, что онъ стремится къ доброй цѣли, помогли ему привести въ исполненіе свое намѣреніе, хотя сперва не обошлось безъ борьбы и страданій; онъ началъ съ должностей конюха и батрака на фермѣ и, послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, слыветъ теперь самымъ веселымъ молодымъ скотоводомъ во всемъ Нортамтонширѣ.

Приближаясь къ концу своей работы, рука, начертавшая эти страницы, дрожитъ и слабѣетъ; является желаніе еще немного продлить нить этого повѣствованія.

Хотѣлось бы мнѣ побыть еще немного съ тѣми, съ кѣмъ я такъ долго былъ неразлученъ, и раздѣлить ихъ счастіе, попытавшись описать его.

Хотѣлось бы мнѣ показать вамъ Розу Мейли во всемъ расцвѣтѣ женской красоты и граціи, озаряющую свой скромный жизненный путь кроткимъ, нѣжнымъ свѣтомъ, согрѣвающимъ сердца всѣхъ, кто ей сопутствуетъ.

Хотѣлось бы мнѣ нарисовать жизнь и радости тѣснаго кружка, друзей, собиравшагося у веселаго огонька камина въ зимніе вечера, и ихъ лѣтнія забавы. Хотѣлось бы мнѣ слѣдовать за Розой по полямъ въ душный полдень, слышать тихіе переливы ея нѣжнаго голоса во время прогулокъ въ лунные ве-

чера; хотѣлось бы мнѣ быть свидѣтелемъ всѣхъ ея добрыхъ дѣлъ и милосердныхъ заботъ о ближнемъ, ея веселыхъ домашнихъ хлопотъ, среди которыхъ она не знала утомленія. Хотѣлось бы мнѣ разсказать, какъ она и сынъ ея умершей сестры были счастливы взаимной любовью, какъ они проводили цѣлые часы въ бесѣдахъ о дорогихъ ихъ сердцу покойникахъ. Хотѣлось бы мнѣ увидѣть улыбающіяся личики рѣзвившихся вокругъ нея малютокъ и услышать ихъ веселый лепетъ и звонкій смѣхъ, вызвать слезу сочувствія къ чужому горю на ихъ чистые голубые глазки.

И много еще такихъ взглядовъ, улыбокъ, словъ, мыслей хотѣлось бы мнѣ передать...

Говорить ли мнѣ о томъ, какъ м-ръ Броунло изо дня въ день обогащалъ умъ своего пріемнаго сына новыми познаніями и какъ все болѣе и болѣе привязывался къ нему; по мѣрѣ того, какъ развертывались прекрасные природные задатки мальчика и пышно возростало все доброе, что было посѣяно воспитателемъ въ его душу, м-ръ Броунло постепенно открывалъ въ своемъ питомцѣ все новыя черты сходства съ другомъ своей молодости, пробуждавшія въ немъ печальныя и въ то же время сладостныя и умилительныя воспоминанія о невозвратномъ прошломъ.

Говорить ли мнѣ о томъ, что испытавъ столько невзгодъ эти двое сиротъ помнили заповѣдь милосердія къ ближнему и взаимной любви, возсылали горячія мольбы къ Тому, кто былъ ихъ защитой и не далъ имъ погибнуть. Обо всемъ этомъ мнѣ не надо упоминать; я уже говорилъ, что мои герои были вполнѣ счастливы, а истинное счастье немыслимо безъ крѣпкой взаимной привязанности, безъ любви къ людямъ и безъ признательности къ Тому, Кѣмъ былъ данъ законъ милосердія и благость Котораго распространяется на все живущее.

Близь алтаря старенькой деревенской церкви стоитъ бѣлый мраморный памятникъ, на которомъ вырѣзано пока только одно слово: „Агнеса". Въ могилѣ этой нѣтъ гроба, и, Богъ дастъ, пройдетъ много, много лѣтъ, прежде чѣмъ на памятникѣ появится еще чье-нибудь имя!

Но если души усопшихъ возвращаются иногда на землю, и навѣщаютъ мѣста, гдѣ ихъ продолжаютъ благоговѣйно чтить тѣ, кого они знали при жизни, то, вѣроятно, тѣнь Агнесы нерѣдко витаетъ среди торжественнаго безмолвія этого уголка. Я увѣренъ въ этомъ, несмотря на то, что мѣсто это—церковь, а она была слабымъ заблудшимъ созданіемъ.

Объясненіе словъ.

Аборигенъ—коренной житель страны.

Авторитетъ—почетъ и уваженіе, которымъ пользуется то или иное лицо, мнѣніе или учрежденіе.

Агонія—предсмертныя страданія.

Аккомпанировать—сопровождать пѣніе игрой на музыкальномъ инструментѣ.

Аллюръ—ходъ лошади.

Анекдотъ—небольшой разсказъ о любопытномъ, замѣчательномъ или несбыточномъ происшествіи.

Аплодисменты—хлопаніе въ ладоши для выраженія удовольствія.

Аргументъ—доводъ, доказательство.

Ароматъ—пріятный запахъ.

Атмосфера—воздухъ, окружающій землю; вообще окружающія условія.

Безапелляціонный—рѣшительный, не допускающій обжалованія.

Бинокль—родъ ручной зрительной трубки.

Біографія—описаніе чьей либо жизни.

Біографъ—составитель біографіи.

Вердиктъ—рѣшеніе, приговоръ.

Вистъ—игра въ карты.

Воланъ—названіе одной игры.

Гальваническая батарея—приборъ для добыванія электричества.

Гидравлика—ученіе о движеніи жидкостей, приноровленное къ практическимъ цѣлямъ.

Гинея—золотая монета, около $9^3/_4$ р.

Деликатно—вѣжливо, утонченно.

Джентльменъ—общее названіе порядочнаго человѣка въ Англіи.

Джинъ—можжеловая водка.

Діалогъ—разговоръ, бесѣда двухъ лицъ.

Діэта—соблюденіе предписаннаго врачемъ образа жизни, сообразно роду болѣзни.

Доза—пріемъ лекарства, назначенный на одинъ разъ.

Донкихотство—увлеченіе совершенно безплодной, смѣшной борьбой.

Дуэль—поединокъ.

Дуэтъ—пѣніе или музыка, исполняемое двумя лицами.

Жабо—накрахмаленные воротнички.

Жаргонъ—мѣстное нарѣчіе; условный языкъ мошенниковъ.

Иллюстрировать—снабжать текстъ пояснительными рисунками.

Инстанція—послѣдовательныя ступени власти, по которымъ въ извѣстномъ порядкѣ должны проходить дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ.

Инстинктъ—низшая степень ума, проявляющаяся въ животныхъ какъ бы сама собой передачей отъ предыдущихъ поколѣній.

Ироническій—насмѣшливый.

Истерика—нервная болѣзнь.

Кабріолетъ—двухколесный экипажъ.

Капризъ—причуда, прихоть.

Капюшонъ—придатокъ одежды, приспособленный для покрыванія головы.

Каррикатура—выставленіе въ смѣшномъ видѣ.

Кастаньеты—деревянныя погремушки.

Касторъ—шерстяная ткань.

Катастрофа—неожиданное несчастное событіе.

Клеркъ—писецъ, секретарь.

Кліентъ—лицо, довѣрившее веденіе своего дѣла адвокату, нотаріусу и т. п.

Колоссальный—огромный, исполинскій.

Комплекція—тѣлосложеніе.

Комплиментъ—любезность.

Комфортъ—удобство.

Конвульсіи—судороги.

Консиліумъ—совѣщаніе врачей о болѣзни.

Контрастъ—противоположность.

Контуръ—наружный очеркъ.

Конфисковать—отнять имущество по распоряженію власти.

Коттэджъ—небольшой загородный домъ.

Крикетъ—англійская игра шарами.

Крона—золотая монета.

Ландшафтъ—видъ природы.

Лордъ—титулъ высшаго англійскаго дворянства.

Лорнетъ—складныя очки съ ручкой.

Лэди—титулъ знатной дамы.

Манипуляція—различные ручные пріемы для достиженія опредѣленной цѣли.

Мансарда—комната на чердакѣ.

Манускриптъ—рукопись.

Массивный—тяжеловѣсный.

Мастеръ—принятое въ Англіи обращеніе къ молодому человѣку, соотвѣтствующее нашему сударь.

Мелодія—благозвучіе.

Мериносъ—тонкорунная овца.

Миля—мѣра длины.

Мимика—передача чувствъ или мыслей посредствомъ тѣлодвиженій.

Миніатюрный—маленькій.

Мистеръ—принятое въ Англіи обращеніе, соотвѣтствуетъ нашему сударь.

Мистриссъ—сударыня.

Мотивъ—побужденіе, доводъ.

Моціонъ—упражненія или движенія для поддержанія здоровья.

Операція—предпріятіе, дѣйствіе.

Опіумъ—сокъ изъ незрѣлыхъ головокъ мака.

Ораторскій талантъ—искусство хорошо говорить.

Орбита (глазная)—полость, въ которой лежитъ глазное яблоко.

Оригинальный—своеобразный, самостоятельный.

Официальный—правительственный, исходящій отъ правительства.

Ошвартовать—укрѣпить судно съ носу и кормы канатами къ пристани.

Пантомима—передача мысли тѣлодвиженіями.

Папильотки—бумажки для завивки волосъ.

Парапетъ—перила.

Парламентъ—собраніе избираемыхъ народомъ представителей, обсуждающее и издающее законы.

Партикулярный—частный.

Партнеръ—участникъ въ игрѣ.

Патетическій—со страстнымъ воодушевленіемъ.

Патріотъ—любящій свое отечество.

Пауза—перерывъ, пріостановка.

Паціентъ—больной, пользуемый врачемъ.

Паштетъ—названіе одного изъ кушаній.

Пенсъ—мѣдная монета, около 4 к.

Пергаментъ—кожа, или особенное растительное вещество, приготовленное для писанія.

Персона—особа, лицо.

Перспектива—видъ, будущность.

Поза—положеніе тѣла.

Полисменъ—городовой.

Портикъ—открытая съ одной стороны галлерея съ крышей, поддерживаемой колоннами или арками.

Прелюдія—небольшая музыкальная пьеса, служащая какъ бы введеніемъ къ другой.

Престижъ—обаяніе, очарованіе.

Прострація—крайнее изнеможеніе.

Протеже—находящійся подъ покровительствомъ.

Профессія—родъ занятій.

Профиль—боковой видъ лица, зданія и т. д.

Процедура—производство дѣла въ судебномъ мѣстѣ.

Процессъ—тяжба, способъ дѣйствія.

Реверансъ—поклонъ съ присѣданіемъ.

Репутація—установившееся мнѣніе о комъ или о чемъ-либо.

Ридикюль—ручная сумка.

Робберъ—нѣсколько сыгранныхъ карточныхъ партій, составляющихъ какъ бы особый отдѣлъ.

Гофрировка—отдѣлка какихъ либо частей костюма полосками, собранными въ складки.

Сервировка—уборка стола.

Симптомъ—признакъ.

Скульптура—ваяніе.

Соверенъ—золотая монета цѣнностью около 10 руб.

Солидный—основательный, прочный.

Софа—широкій диванъ.

Сэръ—англійскій титулъ, соотвѣтствуетъ нашему господинъ, милостивый государь.

Тактика—способъ, пріемъ дѣйствій.

Таперъ—наемный музыкантъ.

Телескопъ—зрительная труба для разсматриванія отдаленныхъ предметовъ.

Теорія—законы и положенія науки; объясненіе какого-либо явленія.

Тирада—длинная рѣчь.

Тога—верхная одежда.

Фамиліарность—вольное, простое обхожденіе.

Фантазія—мечта, воображеніе.

Фартингъ — мелкая англійская монета.

Фоліантъ—книга большого формата.

Фунтъ стерлинговъ—золотая монета, на наши деньги около 10 руб.

Хроникеры—сотрудники газетъ, составляющіе обзоры событій за извѣстный періодъ времени.

Шерифъ — въ Англіи высшее должностное лицо въ графствѣ (соотвѣтствуетъ нашей губерніи).

Шиллингъ—монета, на наши деньги около 50 коп.

Эгоизмъ—себялюбіе.

Экзекуція — исполненіе приговора, наказаніе.

Экземпляръ—образецъ, образчикъ.

Экспедиція — отправленіе людей съ какою либо цѣлью.

Экстазъ — восторженное состояніе, сильное возбужденія.

Экстраординарный — необыкновенный, выходящій изъ ряда.

Эль—крѣпкое англійское пиво.

Энергія—сила воли, дѣйствія.

Энтузіазмъ—воодушевленіе.

Эсквайръ—низшій дворянскій титулъ въ Англіи; помѣщикъ.

Эссенція—сущность.

Эстрада—возвышеніе.

Эшафотъ — помостъ для казни преступниковъ.

Юнга — мальчикъ, служащій на кораблѣ.

Юридическій—касающійся законовъ, права.

Оглавленіе.